

П.Е. СКАЧКОВ

Отверки истории
русского
китаеведения

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

П.Е. СКАЧКОВ

*Очерки истории
русского
китаеведения*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор

В. С. МЯСНИКОВ

В очерках последовательно изложена история изучения Китая в России на протяжении более чем 250 лет. В книге представлены биографии многих русских китаеведов, освещается история изучения китайского языка, истории и культуры Китая в учебных заведениях. В приложении дается описание рукописного наследия русских китаеведов.

С $\frac{10601-001}{013(02)-77}$ 155-76

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ОТ РЕДАКТОРА

Что бы мы ни захотели сделать в любой области китаеведения — написать ли статью по древней китайской филологии, подготовить ли диссертационное исследование по финансам КНР, составить ли карту Цинской империи, — мы либо обращаемся к трудам тех, кто уже занимался исследованием этих вопросов либо по крайней мере стремимся выяснить, кто пытался поднимать их в своих работах. И здесь поистине неоценимую помощь нам оказывает «Библиография Китая» Петра Емельяновича Скачкова, являющаяся на протяжении нескольких десятков лет в известном смысле своеобразной стартовой установкой для «запуска» новых работ. Создание этой известной во всем мире работы являлось, однако, лишь частью той научной программы, которую в определенной последовательности стремился осуществить Петр Емельянович. Эта программа могла бы быть сформулирована следующим образом: дать возможность советскому китаеведению шире использовать все достижения отечественной и зарубежной синологии, скрупулезно систематизировать их в обобщающем труде.

Эта программа была заложена П. Е. Скачковым еще в годы учебы в Ленинградском институте живых восточных языков, на китайское отделение которого после демобилизации из армии в 1922 г. он поступил. Именно здесь 30-летний слушатель, уже имевший за своими плечами опыт учебы на вечернем факультете Практической восточной академии и прошедший закалку на фронтах мировой и гражданской войн, участник разгрома Колчака, ставший затем помощником начальника оперативного отдела штаба Петроградского военного округа и наконец вновь вернувшийся на студенческую скамью, встречается с таким выдающимся представителем отечественного востоковедения, как академик В. В. Бартольд.

В этот период В. В. Бартольд как раз обновил и готовил ко второму изданию свой знаменитый курс лекций по истории изучения Востока в Европе и России. Петр Емельянович с увлечением посещал эти лекции и блестяще сдал экзамены по всему курсу самому В. В. Бартольду. И в этой встрече представителей двух разных поколений советского востоковедения мы со всей ясностью видим, какую роль в становлении советской китаеведческой школы сыграло классическое русское востоковедение, через учебный процесс передавшее своим преемникам лучшие традиции отечественной науки о странах Востока*.

* В этой связи нельзя не согласиться с В. Н. Никифоровым, совершенно справедливо, на наш взгляд, подчеркнувшим, что «В. В. Бартольд правильно рассматривается в востоковедении как родоначальник историографической

Практическая работа в Китае в 1925—1927 гг., а затем преподавательская деятельность в высших военных учебных заведениях не сгладили у Петра Емельяновича интерес к истории изучения Китая в России. И закономерным было то, что, придя работать в Институт востоковедения АН СССР, Петр Емельянович наряду с научной работой с 1929 г. берет на себя функции директора библиотеки института, насчитывающей более полумиллиона книг на разных языках. В институте П. Е. Скачков тесно сотрудничает со своими учителями В. В. Бартольд и В. М. Алексеевым, а также и с другими учеными с мировым именем — И. Ю. Крачковским и Б. Я. Владимирцовым.

И вот — первый научный подвиг: через три с небольшим года, в 1932 г., вышла в свет «Библиография Китая», систематизировавшая и критически оценившая все опубликованное на русском языке в области китаеведения за два века. Эта работа потребовала громадного напряжения, самоотверженного труда, обширных и точных знаний. В процессе работы над «Библиографией Китая» П. Е. Скачковым опубликовано несколько библиографий на актуальные политические темы («Ленин о зарубежном Востоке», «Коминтерн и колониальный Восток» и др.). Издание «Библиографии Китая» послужило импульсом для развертывания работы во многих областях китаеведения. Не случайно именно в 1932 г., когда она стала настольной книгой каждого востоковеда, пристально следивший за ее созданием академик В. М. Алексеев в Институте востоковедения АН СССР «основал, в порядке эксперимента, высшие библиографические курсы китанстов»*.

Помимо огромного практического значения для профессионалов-китанстов «Библиография Китая» явилась своеобразным показателем развития одной из областей русской науки. В 1948 г. она была переиздана фотоофсетным способом Американским советом ученых обществ наряду с такими трудами, как «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, «Курс русской истории» В. О. Ключевского и Большая советская энциклопедия (изд. 1).

Спустя 28 лет после публикации своей книги Петр Емельянович нашел в себе силы подготовить второе издание «Библиографии» (1960), продлив ее хронологически еще на четверть века, переработав композиционно и почти вдвое увеличив количество содержащегося в ней материала. Причем этот кропотливый труд не сковывал его творческого порыва и не останавливал его на пути к новым целям, к которым он шел параллельно с этой работой.

В Институте китаеведения АН СССР, где во второй половине 50-х годов работал П. Е. Скачков, обсуждаются его проекты издания «Зарубежной библиографии Китая», «Библиографического словаря русских китаеведов» и «Описания рукописного наследия русских китаеведов». Эти работы, дополнив и расширив круг сведений, охватываемых «Библиографией Китая», должны были, по представлениям автора, создать в совокупности с «Библиографией» единый комплекс, позволяющий вести дальнейшие исследования многочис-

науки; его курс истории изучения Востока, переизданный в советское время, стал базой дальнейших исследований. Историки китаеведения, историки исторической науки о Китае — все пошли от Бартольда» (В. Н. Никитин и Ф. Ф. Фролов, Советские историки о проблемах Китая, М., 1970, стр. 45).

* «Некоторые даты жизни и деятельности В. М. Алексеева, отмеченные им самим», — сб. «Литература и культура Китая», М., 1972, стр. 156.

зали М. Б. Давыдова, Н. Ф. Демидова, Л. И. Чугуевский и Т. К. Шафрановская. Ряд библиографических сносок был уточнен А. И. Тарасовой. Деловые и благожелательные советы при редактировании рукописи были даны В. Н. Никифоровым, В. Ф. Сорокиным и А. Г. Яковлевым. Н. И. Фомина взяла на себя труд составить предметный, а А. И. Тарасова — именной указатели к книге. В 1974 г. А. М. Гришина обнаружила в архиве М. Ф. Достоевского документы, освещающие начальный этап работы П. Е. Скачкова над историей отечественного китаеведения. Эти документы включены в книгу в виде специальной публикации (Приложение 1).

В. С. Мясников

ОТ АВТОРА

Говоря об отношении к культурному наследию прошлого, В. И. Ленин подчеркивал, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹. Развивая эту мысль в статье «О пролетарской культуре», В. И. Ленин писал: «Марксизм завоевал себе всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»². Эти ленинские указания ставят перед нами задачу тщательного изучения культуры, науки, общественной мысли дореволюционной России во всем их многообразии.

Советская школа китаеведов-марксистов положила в основу научного изучения истории, экономики и культуры Китая марксистско-ленинскую теорию общественного развития. При этом советские китаеведы использовали и используют богатство дореволюционного русского китаеведения, накопившего за два с лишним века огромный фактический материал, относящийся к самым различным сторонам жизни старого Китая.

Одна из отличительных черт дореволюционного китаеведения состоит в том, что его становление и развитие по времени почти полностью совпадают с периодом господства в Китае чужеземной маньчжурской династии Цин. Это, во-первых, определило параллельное развитие в России не только собственно китаеведения, но и маньчжуроведения, ставшего в силу упомянутых обстоятельств в той части, которая относится к маньчжурскому владычеству в Китае, одной из отраслей китаеведения в целом. Во-вторых, некоторые представители русского дореволюционного китаеведения сочувственно относились к выступлениям китайского народа против маньчжурского господства (особенно в период тайпинского восстания), что сближало их с передовыми слоями русской общественности и в известной мере придало значительной части работ по Китаю либерально-прогрессивный характер, отличающий их от официального китаеведения, отражавшего идеологию буржуазно-помещичьей верхушки.

Для того чтобы усвоить и использовать все, что было ценного в русском китаеведении, надо прежде всего изучить жизнь и труды наших предшественников, их методы изучения Китая и те социальные условия, в которых они применяли свои знания на практике.

В настоящих очерках впервые сделана попытка в хронологической последовательности показать процесс накопления в России знаний о Китае, рассказать о достижениях данной отрасли отечественной науки, русских синологов, об организации преподавания китаеведческих дисциплин.

Помимо выдающихся русских синологов, широко известных в мировой науке, в отечественном китаеведении есть немало славных тружеников, зачастую почти забытых, а то и совершенно неизвестных, но тем не менее внесших свой достойный вклад в русское китаеведение.

Недостаточно известно и о всех центрах подготовки китаеведов и маньчжуроведов, существовавших в России в XVIII—XIX вв.; в архивах оставались скрытыми многие источники, свидетельствующие о преподавании китаеведения в университетах, результаты педагогических трудов профессоров и преподавателей. Еще менее известны труды русских китаеведов, оставшиеся в рукописях.

В дореволюционной России истории русского востоковедения, в том числе и китаеведения, наибольшее внимание уделял академик В. В. Бартольд. В первых двух томах сборника «Материалы для истории факультета восточных языков», составленного под его руководством и охватывающего период с 1851 по 1901 г., наряду с данными о постановке преподавания всех восточных языков приведены документы и об организации изучения китайского и маньчжурского языков³.

Третий том — «Биографический словарь профессоров и преподавателей Восточного факультета» (СПб., 1905) — составлен, вероятно, также при участии и под редакцией В. В. Бартольда. Четвертый том, написанный В. В. Бартольдом, — «Обзор деятельности факультета за 1855—1905 гг.» (СПб., 1909) — состоит главным образом из материалов первых двух томов и содержит (гл. I—IV) обзор истории востоковедения в России до 1895 г., включающий вопросы изучения китайского и маньчжурского языков.

Работа В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России»⁴, в которой китаеведению уделено немало страниц, до сих пор остается непревзойденной как у нас, так и за границей (она была переиздана в 1925 г.). Однако и эта книга не свободна от некоторых погрешностей. Например, в ней отсутствуют даже имена первых русских ученых китаеведов И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева, проводится неправомерное, на наш взгляд, сравнение «учености» членов Российской духовной миссии в Пекине с «ученостью» китайских мандари-

нов», заимствованное, очевидно, у О. И. Сенковского, известного несерьезностью критических замечаний.

В 1870 г., еще до появления названных трудов В. В. Бартольда, известным востоковедом В. В. Григорьевым была опубликована к 50-летию Петербургского университета «Историческая записка», в которой помещены биографические сведения и о преподавателях китайского и маньчжурского языков. Основное внимание здесь уделено В. П. Васильеву⁵.

В «Сведениях об официальном преподавании восточных языков в России»⁶ Н. И. Веселовского изучению китайского и маньчжурского языков посвящено лишь несколько страниц и, кроме того, некоторые материалы о китаеведении встречаются в разделах о школах и университетах.

Следует указать также на краткий обзор изучения китайского и маньчжурского языков в XVIII в. в труде С. К. Булича⁷ в части, касающейся изучения восточных языков и основанной главным образом на «Материалах для истории Академии наук» М. И. Сухомлинова⁸.

Заключая беглый обзор статей об изучении Китая в России, опубликованных до Октябрьской революции, следует отметить, что большинство их посвящено преимущественно постановке учебного процесса в отдельных учебных заведениях и другим частным темам.

В Советском Союзе специальных, обобщающих работ, касающихся истории изучения дореволюционного китаеведения, нет. Тем более ценным оказались при подготовке настоящей работы общие методологические принципы, положенные в основу такого издания, как «Очерки исторической науки в СССР»⁹, а также периодизация и конкретный материал, содержащийся в историческом очерке А. Л. Гальперина, посвященном востоковедам-дальневосточникам¹⁰.

Ряд вопросов об этапах изучения Китая в России был затронут автором настоящих «Очерков» в опубликованных им статьях¹¹.

Изучение Китая в «Очерках» рассматривается в неразрывной связи с историей русско-китайских отношений, всегда находившихся в прямой зависимости от политико-экономического положения царской России и цинского Китая. Исторические этапы отношений России с Китаем оказали решающее влияние на формирование русского китаеведения, которое, как и всякая другая наука, зародилось и развивалось из практической потребности, а потому и зависело от отношений царского правительства с Цинской империей.

Нужно, однако, заметить, что русские китаеведы зачастую ставили задачи более широкие, чем этого требовала практика. Труды И. К. Россохина, Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, П. И. Кафарова, Д. С. Честного, К. А. Скачкова и др. это полностью доказывают.

Китаеведение, постоянно подвергаясь воздействию тех политических, экономических и культурных факторов, которые определяли развитие межгосударственных связей России с Цинской империей, вместе с тем было неразрывно связано и с общим процессом развития гуманитарных отраслей знания и общественной мысли в дореволюционной России. Это и определило, с одной стороны, подготовку работ, призванных удовлетворить постоянный интерес к Китаю как к огромной соседней стране со своеобразной цивилизацией, к его народу, культуре, побуждало к созданию трудов, способствующих определению места и роли Китая в ряду других цивилизаций, народов, государств. С другой стороны, китаеведение должно было ответить на вопросы, выдвигавшиеся развитием русско-китайских отношений, помочь правительственным кругам осмыслить внутривнутриполитические процессы, происходящие в Китае, понять побудительные мотивы и цели его внешней политики, преодолеть языковой барьер в дипломатических и торговых связях путем подготовки переводчиков маньчжурского и китайского языков.

Изучение истории русского китаеведения в целом позволило вместе с тем, опираясь на периодизацию развития русской науки и известные этапы истории русско-китайских отношений, выделить в развитии всего комплекса китаеведческих дисциплин основные периоды.

Первый период (1608—1727) охватывает стадию географического сближения и установления первых контактов Русского государства сначала с минским Китаем, а затем с маньчжурской империей Цин, накопления сведений о далеком Китае в центральных и местных учреждениях Русского государства, договорного оформления сложившихся отношений двух государств, первых попыток создать труды о географическом и политическом положении Китая.

Второй период (1727—1805) ознаменовался развитием экономических и политических связей России с Цинской империей, изучением Китая и сопредельных стран членами Российской духовной миссии в Пекине, началом академических исследований истории, культуры, языков маньчжуров, китайцев и других народов, входивших в Цинскую империю.

Третий период (1805—1860) связан с началом нового этапа в развитии русского китаеведения в условиях разложения феодально-крепостнического строя и становления новых, капиталистических отношений в царской России. Он характеризуется появлением прогрессивных, демократических тенденций в отечественном китаеведении, началом преподавания китаеведческих дисциплин в университетах, достижением русским китаеведением уровня мировой синологии.

Четвертый период (1860—1895) относится к тому времени, когда царская Россия в ответ на действия крупных капиталистических держав Запада начала проводить более актив-

ную политику на Дальнем Востоке. Серьезные политические сдвиги произошли как в России (отмена крепостничества, бурный рост капитализма, развитие социалистических идей и соединение их с рабочим движением), так и в Китае (восстание тайпинов и антиманьчжурское движение народов, насильственно присоединенных к Цинской империи, подготовка либерально-буржуазных реформ). В отечественном китаеведении происходит качественный сдвиг: появляются первые работы, критически осмысливающие настоящее и прошлое Китая, намечаются тенденции к дифференциации китаеведческих дисциплин.

И наконец, пятый период (1895—1917) охватывает изучение Китая в годы подъема национально-освободительного движения китайского народа и в канун Великой Октябрьской социалистической революции в России. Этот период насыщен острыми противоречиями и борьбой империалистических держав в Китае, характерен известным ослаблением позиций России на Дальнем Востоке в результате русско-японской войны, его знаменуют такие революционные бури, как восстание ихэтуаней и Синьхайская революция в Китае, приведшие к крушению Цинской империи, и русская революция 1905 г., оказавшая огромное влияние на революционное движение как в России, так и в Китае.

«Очерки» не могут претендовать на исчерпывающую полноту. При современной дифференциации труда советских китаеведов и значительной научной разработке разных дисциплин отдельными учеными-китаеводами эту задачу может выполнить лишь коллектив специалистов.

Вполне понятно, что кроме вопросов, затронутых в «Очерках» и так или иначе решенных, осталось много проблем, требующих специального рассмотрения. Необходимо, например, критический обзор литературы о Китае, авторы которой часто не являлись специалистами-китаеводами, а были связаны с ведением торговых или дипломатических дел с Китаем. Это были путешественники, переводчики книг и статей западноевропейских авторов-китаеведов, авторы публицистических статей, написанных по заказу правительственных органов. Причем указанной литературы издавалось в России значительно больше, чем трудов специалистов-китаеведов.

Чтобы представить полную картину изучения Китая в России, необходимо кроме исторического обзора исследований и публикаций литературы о Китае дать историю музейных собраний, имеющих большое значение для широкого ознакомления с бытом и культурой китайского народа, историю изучения в России китайской живописи, географии, математики, астрономии, ботаники, прикладных наук, историю различных обществ, связанных с изучением Китая, специально изучить русскую печать, содержащую отклик на китайскую действительность, попытаться осветить многие другие вопросы. Конечно, это под

силу только большому коллективу авторов. Организация такой работы, на наш взгляд, не терпит отлагательства.

«Очерки» ставят более скромные задачи: положить начало планомерному изучению истории русского китаеведения, рассказать о жизни и трудах синологов, об их значении в истории русского китаеведения.

В основу «Очерков» положен большой архивный материал (см. Приложения). Изучение его помогло выявить неизвестные до сего времени факты, раскрыть подробности, объясняющие особенности того или иного периода развития китаеведения, получить новые биографические данные о китаеведах и дополнить перечень их опубликованных трудов большим числом работ, оставшихся в рукописях.

Биографии русских китаеведов, занимающие в «Очерках» сравнительно большое место, написаны главным образом на основе архивных материалов, на данных биографических словарей и лишь биография В. П. Васильева основана на специальной работе, посвященной ему, но и для нее привлечен новый архивный материал.

В «Очерках», насколько это позволили опубликованные и архивные материалы, показано отношение современников к трудам того или иного ученого, степень проявленного к нему интереса и оценка его трудов в тех или иных изданиях.

Наличие «Библиографии Китая» позволяет обойтись без специальной библиографии по истории изучения Китая в России. Работ на иностранных языках по этой теме немного, все они указаны в примечаниях.

Невозможно было рассмотреть весь без исключения архивный материал, относящийся к истории изучения Китая и разысканный во время подготовительной работы. В связи с тем что весь собранный материал несомненно будет полезным для последующей работы над историей русского китаеведения, к «Очеркам» дано Приложение 4 — «Рукописное наследие русских китаеведов», в котором в хронологической последовательности изложены сведения о всех найденных рукописях и даны аннотации к ним.

Часть рукописей (дневники и записки, переводы указов и документов, переписка ученых и пр.) может быть использована как надежный материал, при известной осторожности и проверке заслуживают внимания и переводы исторических и географических трудов.

В Приложение 3 («Использованные официальные архивные материалы») вошли сведения об архивных делах, относящихся к истории русского китаеведения. Многие из них не раз еще сослужат службу при исследовании отдельных тем, связанных с изучением Китая.

Список членов Российской духовной миссии в Пекине, при-

веденный в Приложении 2, избавит многих исследователей от кропотливой работы по их выявлению.

Для сокращения объема книги ссылки непосредственно на архивный материал и рукописи даются лишь в редких случаях. Отсылка к архивному материалу, описываемому в Приложении 3, дается соответствующим номером в квадратных скобках, например [56]. Ссылки на рукописи даны также в квадратных скобках, с указанием фамилии китаевода и номера рукописи в Приложении 4, например: [Россохин, № 5].

Заканчивают работу именной и предметной указатели. Обсуждение рукописи «Очерков» в Дальневосточном кабинете Ленинградского отделения и Отделе Китая Института востоковедения АН СССР и рецензии З. И. Горбачевой, В. П. Леонтьева, Д. И. Тихонова, А. Г. Шпринцина помогли автору при улучшении структуры работы. Всем рецензентам, благожелательно отнесшимся к изданию работы, автор выражает глубокую благодарность.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
И ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ
С ИМПЕРИЕЙ ЦИН И ЗАРОЖДЕНИЕ
РУССКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КИТАЕ В РОССИИ.
НАКОПЛЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ

Дать последовательную и детальную историческую картину ранних взаимоотношений двух соседних великих стран невозможно, так как начало знакомства русских людей с Китаем, как и первые страницы истории русско-китайских связей, отстоят от нас довольно далеко. Несмотря на то что и в царской России, и в советское время ранней стадии русско-китайских отношений уделялось большое внимание¹, систематическая публикация документов пока еще только готовится. Архивный материал на русском языке опубликован выборочно, документы на китайском и маньчжурском языках известны лишь в небольшой части.

С полной достоверностью можно говорить о знакомстве китайского народа с русским и с названием нашей страны еще в XIV в.² Первый официальный русский посол в Китае, Федор Исакович Байков, в 1654 г. расспрашивал об этом цинских чиновников, с которыми ему приходилось беседовать в Пекине: «А сказывают, что зашли наши деды и отцы в Китайское царство с Темир-Аксаком, а памятухов де про то нет, только де замышляем по письмам»³. О том, что наши «деды и отцы зашли» в Китай, действительно повествуют страницы истории юаньской (монгольской) династии.

Нашествие монголов на Русь в XIII в. сопровождалось массовым истреблением населения, разрушением городов и захватом многочисленных пленных. Некоторые из них, главным образом молодые здоровые мужчины, были отправлены в Китай, являвшийся частью Юаньской империи монголов. В Пекине русских пленников зачислили в ханскую гвардию, в которой были сформированы полки: кипчакский (из кипча — половцев), асу (из асов — аланов) и русский (олосы). Русь и русские в китайских письменных памятниках периода монгольской династии известны под именем олосы, алосы, улосы, иногда улусу — от монгольского названия Руси — Урус. Название Руси — Олосы

как государства, вероятно, возникло в Китае с появлением русских людей.

«Охранный русский полк, прославившийся верноподданностью» («Сюаньчжун олосы вэй циньцзюнь»), как называлось соединение ханской гвардии, составленное из русских, был поселен к северу от Пекина. Пленным дали землю, сельскохозяйственные орудия; их обязали также охотиться, а добычу доставлять ханскому двору⁴. Мы не располагаем сведениями о первоначальной численности полка. Известно лишь, что в 1331 г. было вновь приписано 600 человек. О доставке русских в Пекин в истории династии Юань под 1332 г. упоминается трижды (170, 2500 и 30 человек со 103 подростками). Под 1334 г. есть упоминание о назначении знаменитого монгольского полководца Бояня командиром монгольского, кипчакского и русского полков.

Трудно предположить, чтобы из плена можно было бежать на родину через необозримые монгольские земли, поэтому на Руси не сохранилось сведений о службе русских людей в ханской гвардии. После падения в 1368 г. династии Юань в Китае русский полк, очевидно, ушел с монголами на запад, и сведений о русских в китайских источниках периода династии Мин, сменившей монголов, не встречается⁵. В русских летописях XIV в. имеется только упоминание о Китае как государстве, покоренном монголами: «А се имена тем землям и царством, еже бе попленил Темир-Аксак: Чагодай, Хосураний, Голустаний, Китай, Синяя Орда...»⁶

Связи Московского государства со странами Востока начали постепенно налаживаться только после изгнания монголов с территории Руси. В 1472 г. сведения о существовании страны «Хатай» и о возможности проникнуть туда из Индии сухим путем в шесть месяцев и морем — в четыре привез Афанасий Никитин. Данные о самом Китае ограничиваются в его книге «Хождение за три моря» одной фразой: «А делают там фарфор и все дешево». Никитин различает разные области Китая: «Хатай» — это Северный Китай, «Чин», «Мачин» — Южный Китай⁷.

Новым этапом в предыстории русско-китайских связей явился XVI в., когда интерес к Китаю сильно возрос и на Западе, и в Русском государстве. Географические познания о Китае, сопредельных с ним государствах и о сухопутной дороге из Европы в Китай были весьма скудны. Все, что было известно от Марко Поло, имело давность более четырех веков, и его путь никто не повторил. Морское путешествие из Европы в Китай было не только длительным (около двух лет), но и чрезвычайно опасным и трудным. Даже баснословные барыши, достававшиеся смельчакам-купцам, не поощряли частых поездок, а большинство посылавшихся в Китай миссионеров не достигали цели, они становились «жертвами болезней или кораблекрушений»⁸.

Естественно, что в Европе стали искать более короткий

и менее опасный морской или сухопутный путь в Китай через «Московию»⁹. Существовало неправильное мнение, что р. Обь вытекает из «Китайского озера» и что можно по Оби попасть в Китай и Ост-Индию или через Карское море, Ледовитый океан достичь Китая, ибо предполагалось, что океан простирается не далее устья Енисея¹⁰.

Попытки иностранцев найти сухопутную дорогу в Китай через «Московию» не имели успеха, к тому же русские бояре отклоняли просьбы «отыскать Обью рекою ходу в Индию и Китай»¹¹.

Постепенно налаживающиеся торговые связи Русского государства со странами Востока чрезвычайно осложнялись постоянными столкновениями одних восточных княжеств с другими, междоусобными войнами, а также перемещениями кочевых народностей. Поэтому русским купцам приходилось прибегать к помощи посредников — восточных купцов, через которых и стали налаживаться первые связи с Китаем. Роль посредников в торговых отношениях России с Китаем оставалась существенной и после того, как к России отошла Сибирь, и таким образом русские владения приблизились к Китаю¹².

Главная заслуга в продвижении на Восток — Сибирь и далее к Тихому океану — принадлежала служилым людям, и в первую очередь казакам-землепроходцам¹³. Сибирское служилое казачество пополнялось за счет направляемых на службу в Сибирь по нарядам, а также ссыльными политическими и пленными¹⁴.

Казакам и другим землепроходцам в начале XVII в. стало известно о существовании Китайского государства, о его богатстве и о пути к нему через территорию правителя Западной Монголии Алтын-хана¹⁵. Эти сведения о Китае и о других «царствах», с которыми можно было завязать торговые сношения, все чаще доходили до Москвы, и в 1608 г. последовал указ царя Василия Шуйского о посылке к Алтын-хану и в Китайское государство посольства. Однако из-за войны между Алтын-ханом и черными калмыками посольству не удалось доехать до места назначения. Лишь через восемь лет, в 1616 г., было отправлено новое посольство с задачей побывать у Алтын-хана и проследовать далее в Китай. Поставленный во главе посольства атаман Василий Тюменец благополучно достиг кочевья Алтын-хана, установил с ним дружеские отношения, узнал много нового, но дальше не пошел и вернулся в Москву¹⁶.

МИССИЯ И. ПЕТЛИНА

В 1618 г. в Тобольске началось формирование нового посольства в Китай, во главе которого был поставлен томский казак Иван Петлин. Назначение главой миссии служилого казака не должно показаться странным, так как, по справедливому заме-

чанию Г. Ф. Миллера, из «соседственных калмыков и мунгалов не всегда бывали знатных чинов люди, то и с Российской стороны избирались... не свыше как из служилых людей... но это не препятствовало видеть у многих из них разумные и благополучные в делах успехи»¹⁷. Очевидно, в это время представление о Китае было такое же, как и о соседних «царствах». Помощником Петлина был назначен Андрей Мадов, также томский казак.

9 мая 1618 г. Петлин и Мадов с товарищами и с послами Алтын-хана, возвращавшимися из Москвы, отправились в далекий путь. В ставке Алтын-хана у оз. Упса-Нор Петлин был принят дружелюбно¹⁸. Далее его и его спутников сопровождали два ламы (буддийских монаха), уже ездивших в Китай, что значительно облегчило и ускорило путь до Китая. От оз. Упса-Нор путешественники шли от улуса к улусу монгольских князьков до «Широкомугальской земли». Пройдя последний улус Югорчин и преодолев горный хребет Дациньшань, Петлин достиг Хух-Хото (Гуйхуачэн, Гуйсуй), в котором жила княгиня Манчикатут¹⁹. После нескольких дней пребывания в Хух-Хото путешественники направились к Великой стене, идя вдоль нее, дошли до Чжанцзякоу (по Петлину — «Широкалга»), прошли «сквозь ту стену» в центральные ворота для всех приезжающих в Китай с севера. Дальнейший путь в столицу Китая — Пекин проходил через Нанькоу, старинный и единственно удобный путь²⁰.

Петлин прожил в Пекине взаперти на посольском дворе всего четыре дня. К императорскому двору он допущен не был: «А мы у царя Тайбуна (от Даймин.— П. С.) не были и царя не видели, а потому что идти ко царю не с чем»: не было подарков. Как объяснил Петлину китаец — «дьяк», «без подарков перед нашим царем не являются». Получив грамоту, Петлин около месяца провел в Чжанцзякоу, готовясь к возвращению, и 11 октября отправился в обратный путь, который пришелся на зимние месяцы и был весьма тяжелым²¹.

Только весной 1619 г. путешественники прибыли в Томск. В сентябре того же года в Москве Петлин представил подробную «Роспись Китайскому государству и Лобинскому и иным государствам, жилым, и кочевым, и улусам, и великой Оби, и рекам и дорогам». Кроме «Росписи» Петлин привез «чертеж Китайского государства» и грамоту от императора династии Мин²² Ваньли (1573—1620). Чертеж до наших дней не сохранился. Грамота оставалась в Посольском приказе непереведенной до поездки в Китай Н. Спафария в 1675 г. По дороге, в Тобольске, Спафарий нашел переводчика, который передал только общий смысл документа. В нем подтверждается приезд ко двору императора двух человек и высказано предложение китайского императора русским людям в дальнейшем приезжать «с торгом» и привезти «лист» от своего государя²³.

Практических результатов, т. е. установления каких-либо постоянных связей, поездки И. Петлина не дала. Но он был первым, рассказавшим о совершенно неизвестном пути в Пекин через Алтайско-Саянскую горную систему, пустыню Гоби, вдоль Великой китайской стены через Чжанцзякоу.

Путешествие Петлина и его «Роспись» вскоре стали известными в Европе. «Роспись» привлекла большое внимание географов, дипломатов и издателей; уже через пять лет после возвращения Петлина из Китая «Роспись» была опубликована сначала на английском языке, а затем почти на всех европейских языках²⁴. Это показывает, насколько в Европе был глубок интерес к вновь открытому пути в Китай.

В Московском государстве «Роспись» считалась секретной, но все же распространялась в списках. К настоящему времени известно пятнадцать списков «Росписи» в различных хронографах²⁵.

На русском языке первая полная публикация «Росписи» была предпринята Г. И. Спасским через двести лет после путешествия Петлина²⁶ по списку хронографа из собрания И. К. Фролова²⁷. В 1908 г. Г. В. Катанев повторил публикацию Г. И. Спасского, но с некоторыми сокращениями²⁸. По подлиннику публикация «Росписи» была осуществлена Ф. И. Покровским в 1913 г.²⁹

В советское время сравнительно подробный разбор путешествия Петлина и его «Росписи» предпринял Д. М. Лебедев³⁰. обстоятельней об этом путешествии рассказано в популярной брошюре А. Г. Банникова³¹. В 1959 г. «Роспись» и некоторые другие документы о поездке Петлина были опубликованы по их оригиналам, хранящимся в Центральном государственном архиве древних актов³².

«Роспись» Петлина принадлежит к числу замечательных документов первых русских путешественников и потому должна быть изучена с большей тщательностью, чем это сделано до сих пор. В первую очередь должны быть подвергнуты сличению с «Росписью» все списки с нее, находящиеся в хронографах³³.

В январе 1620 г. в Москву прибыли послы Алтын-хана, в грамоте которого содержался плохо скрытый отказ «стать под великой рукой русского царя»³⁴. Это обстоятельство и безрезультатность поездки Петлина вызвали распоряжение сибирским воеводам: «А вперед бы есть с Алтыном-царем и с Китайским и Мунгальским государством без нашего указу ни о чем ссылки не держали». Вместе с тем русским правительством было приказано продолжать сбор сведений об Алтын-хане и Китае³⁵.

Примером того, что интерес к Китаю не ослабевал и в последующие годы, может служить попытка поездки в Китай томского боярского сына Луки Васильева и казака Семейко Щепеткина в 1635 г. и дошедшие до нас сведения о поездке в Китай в 1641—1642 гг. тарского конного казака Емельяна Вершини-

на³⁶. Вершинин проехал через Восточный Туркестан до пограничного китайского города Синина вместе с караваном торговца князька. По возвращении в Тобольск он привез грамоту, породившую у многих исследователей сомнения и в датировке, и в определении лица, получившего ее. Впервые эту грамоту с документом о поездке Вершинина связали в своей публикации Н. Ф. Демидова и В. С. Мясников. Они доказывают, что эту грамоту получил Вершинин, устанавливая предположительно, что грамота составлена во второй половине 1641 г. или в начале 1642 г. и дана от имени последнего императора династии Мин, Сыцзуна³⁷. Хотя после этой публикации еще не найдены новые документы о поездке Вершинина, доводы Демидовой и Мясникова представляются достаточно убедительными.

ПОСОЛЬСТВО Ф. И. БАЙКОВА

Непрерывно поступающие известия из Сибири, а также от приезжавших в Москву и Тобольск с китайскими товарами бухарцев о большом и богатом Китайском государстве побуждали наладить с этой страной прочные торговые и дипломатические связи. В 1654 г. из Тобольска ко двору новых правителей Китая — маньчжуров — отправилось с подарками и с большой свитой первое русское официальное посольство. Во главе посольства был поставлен Федор Исакович Байков.

Байков «принадлежал к высокому разряду служилых людей, был близок к царскому двору»³⁸. По данным Н. Ф. Демидовой, он родился около 1612 г. и умер в 1663 (1664?) г. Был воеводой в Мангазее. За год до поездки в Китай Байков был направлен в Тобольск для закупки китайских вещей для царского двора.

Полученный от русского правительства наказ о поведении посла при цинском дворе Байков должен был выучить наизусть и держать в полном секрете³⁹. Задачи миссии — сбор сведений о всех дорогах в Китай, о торговле внутри страны и возможности торговли России с Китаем. В царской грамоте, предназначенной для вручения китайскому императору, выражено желание быть в «приятной дружбе без урыву», потому что «ваше Китайское царство подошло наши царского величества отчины к украинным городам Сибирского царствия»⁴⁰, т. е. в связи с установлением контактов подданных двух государств на р. Амуре.

Так как путь через владения Алтын-хана, по которому когда-то следовал в Китай Петлин, из-за междоусобных войн в этом районе был невозможен, Байкову пришлось избрать более дальний маршрут, пролежавший через владения Аблай-тайши (монгольского князька, кочевавшего в районе оз. Зайсан), с которым у русских были налажены хорошие отношения. 25 июля 1654 г.

посольство направилось по этому новому пути, но еще в марте того же года Байков послал в Китай гонцов — тобольского бухарца Сеиткула Аблина и тобольского татарского голову Петра Ярышкина для извещения о его прибытии⁴¹.

12 января 1655 г. посольство достигло Хух-Хото (по Байкову — Кукухотона), откуда направилось той же дорогой, что и Петлин, миновав «Капку» (Чжанцзякоу, Хапка-застава) и Нанькоу. 3 марта Байков прибыл в Пекин, где был поселен на посольском дворе. «С двора ходить русских людей не спускали: заперты были, что в тюрьме...» — сообщал он в «Статейном списке»⁴². Отказ Байкова выполнить при представлении императору униженный этикет, как того требовали маньчжуры, послужил формальным поводом к прекращению переговоров. Посольству было предложено выехать из Китая.

Одной из причин неудачи миссии было незнание членами посольства маньчжурского или китайского языка. Переговоры велись с большими трудностями: «с китайского (? — П. С.)» на монгольский переводил бухарец Ирки мулла, который приехал с Байковым от Аблая-тайши, а затем уже с монгольского на русский переводил тобольский конный казак Петр Малинин. Оказал плохую услугу Байкову и посланный им Ярышкин, который в Пекине назвался послом и выполнил все требуемые от него унижительные церемонии. Байкова не раз упрекали затем в Китае: «От вашего де великого государя приезжал прежде тебя посол Петр Ярышкин, а сказывался тот посол Петр Ярышкин у своего великаго государя первой человек, да и тот де повеление все творил нашева царя...»⁴³

Но основная причина холодного приема, оказанного российскому послу, заключалась в той сложной политической обстановке, в которой Китай находился в это время. После захвата маньчжурами Китая прошло всего 12 лет. Во многих провинциях еще продолжались бои маньчжурских войск с отрядами китайцев-патриотов, которые действовали не только на юге, но даже в ближайших к Пекину провинциях Шаньси и Шэньси. Маньчжурское правительство настороженно следило за действиями русских казачьих отрядов на Амуре. Цинов беспокоили темпы продвижения русских в Восточной Сибири — Амур отстоял лишь на несколько сот километров от вотчинных земель династии Цин в Южной Маньчжурии.

Несмотря на редкие выезды с посольского двора, Байкову удалось за шесть месяцев собрать много интересных и новых сведений о Пекине, о быте китайцев и маньчжуров, о ценах на различные товары⁴⁴.

Обратный путь на родину был очень трудным; только 31 июля 1657 г. посольство вернулось в Тобольск, а в августе следующего года — в Москву.

Из обширной программы наказа Байкову почти ничего не удалось выполнить. Не были удачны и торговые операции⁴⁵.

Но путешествие Байкова имело большое научное значение. В его «Статейном списке» зафиксированы сведения о совершенно неизвестном до этого в России и на Западе пути в Китай, пути, которым, вероятно, широко пользовались бухарские купцы, бывшие до того посредниками в русско-китайской торговле. Кроме того, Байков рассказал о многих ранее малоизвестных сторонах жизни китайского народа⁴⁶.

Путешествие Ф. И. Байкова вызвало на Западе еще больший интерес, чем поездка И. Петлина. «Статейный список» был опубликован парижским географом М. Тевено в его собрании путешествий, вышедшем в Париже между 1666 и 1672 гг. Затем «Статейный список» Петлина был переведен и опубликован на латинском, немецком, английском, голландском и французском языках⁴⁷.

В России «Статейный список» Байкова издавался неоднократно. Первой была публикация Г. Ф. Миллера, заимствованная из французского издания⁴⁸, и публикация Н. И. Новикова, воспроизведенная по найденной им рукописи, «писанной старинным почерком» (см. прим. 44). Публикацию Новикова полностью повторили Г. И. Спасский и И. П. Сахаров: первый — в 1820 г., второй — в 1849 г.⁴⁹ В советское время «Статейный список» не издавался. Выдержки из него можно найти у Б. Г. Курца, Д. М. Лебедева, А. Г. Банникова (см. прим. 43), М. О. Косвена⁵⁰.

Тексты, опубликованные Миллером, Новиковым, английским историком Дж. Ф. Бэддли (в 1919 г. вышел его труд об отношениях России с Китаем в XVII в., основанный главным образом на русских архивных документах⁵¹), отличаются друг от друга. Н. Ф. Демидова путем сличения русских и иностранных изданий «Статейного списка» установила расхождения вариантов и сделала вывод, что кроме использованной Бэддли рукописи в делах Посольского приказа хранятся еще один список XVII в., копия XVIII в. и большое число выписок, относящихся к описанию пути Байкова от Тобольска до Пекина.

Поездки в Китай Сеиткула Аблина (1654, 1658, 1668 гг.) и Ивана Перфильева (1658 г.) дали сравнительно немного новых сведений о Китае⁵². По всей вероятности, частично их использовал тобольский воевода Петр Иванович Годунов с «товарыщи» при составлении в 1668—1669 гг. «Ведомости о Китайской земле и о глубокой Индии».

«Ведомость» — свод сведений о Китае, накопившихся в Русском государстве к концу 60-х годов XVII в. Она свидетельствует о наблюдательности русских торговых и служилых людей, бывавших в Китае. Написанная кратко, «приказным» языком, «Ведомость» сообщает много любопытных данных о Китае и его народе⁵³.

К 1668 г. относятся сведения о попытках организовать в России изучение монгольского и тибетского языков. В ЦГАДА

хранится сообщение П. И. Годунова, в котором сказано, что грамота Даши-хунтайджи, написанная на монгольском языке, была переведена на «тангуцкий», как называли тогда тибетский язык, Молжи Тарханом — послом Учюрты-тайши. «А с тангуцково письма на русское переводили тобольские казачьи дети, которых по нашему, холопей ваших, приказу в Тобольску учит тот же калмыцкий Учюрта посол Молжи Тархан. А мугальского письма перевести те ученики не умели, потому что еще монгольской грамоте не доучились»⁵⁴.

Таким образом, П. И. Годунов, известный нам как инициатор составления «Ведомости о Китайской земле и о глубокой Индии» и «чертежа» Сибири, был организатором школы переводчиков монгольского и «тангуцкого» языков. То, что для обучения казачьих детей был выбран монгольский язык, — неудивительно. Установленные еще в начале XVII в. связи с Алтын-ханом и другими монгольскими феодалами заставляли думать о подготовке переводчиков.

Преподавание «тангуцкого» языка, очевидно, вызывалось не практической необходимостью, а попыткой понять религиозные воззрения монголов; среди них ламаизм, каноны которого были составлены на тибетском языке, стал уже господствующей религией. Можно предположить, что преподавание состояло только в изучении букв и навыков писать тибетскими буквами монгольский текст⁵⁵.

По мере продвижения русских на восток Сибирь все более становилась для Русского государства «хозяйственной территорией»⁵⁶. Русские служилые люди и сибирские промышленники начинают проявлять интерес к соседним государствам и к новым путям в Китай, более близким, чем через земли Алтын-хана или Аблай-тайши. Главное внимание уделяется розыску путей в Китай из Забайкалья. Так, к 1641 г. относится «Наказная память якутского воеводы П. П. Головина березовскому пятидесятнику М. Васильеву и десятнику А. Аникееву о постройке острога в верховьях Лены и проведывании путей в Монголию и Китай»⁵⁷. Такого рода официальные документы, сохранившиеся до наших дней, вероятно, были не единственными свидетельствами попыток найти новые пути в Китай и Монголию из Даурской земли.

Основание Иркутска в 1654 г. открыло новый, более короткий, чем через р. Лену, путь на Амур — байкальский. Это вызвало массовый прилив населения в Даурию.

В 1655 г. русское подданство принял эвенкийский князь Гантимур и в 1667 г. со своим многочисленным родом переселился с р. Наун (Нонни) в пределы русских земель⁵⁸. Маньчжурское правительство не раз требовало от сибирских воевод «возвратить» его на территорию Маньчжурии; отказ в выполнении этого требования вызывал враждебное отношение маньчжуров к местным русским властям.

В 1670 г. в Нерчинск была доставлена грамота цинского императора, в которой указывалось на «незаконность» укрывательства Гантимура и предлагалось прислать для переговоров послов. В ответ нерчинский воевода Данило Аршинский отправил в Пекин Игнатия Милованова с группой казаков для вручения Цинам своей грамоты. Эта поездка открыла русским новый путь в Пекин — через Маньчжурию⁵⁹.

В Пекине Милованов и сопровождавшие его казаки были поселены на посольском дворе, а через пять недель принял император Канси. Милованову и его товарищам разрешили ходить по городу, а затем они были награждены и отпущены в Россию в сопровождении маньчжурского чиновника с новой грамотой императора, настановавшего на прежних требованиях.

В Москве было решено Гантимура не выдавать, на грамоту ответа не было дано. Вместе с тем, учитывая, что назрела крайняя необходимость установить с Цинской империей нормальные дипломатические и торговые отношения, русское правительство в 1675 г. организовало тщательно подготовленное посольство, во главе которого был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Милеску-Спафарий. В свите Н. Г. Спафария были два «новокрещеных» грека — К. И. Гречанин и Ф. П. Ливанов, два подьячих Посольского приказа «для письма» — Никифор Венюков и Иван Фаворов, «для отыскания тамошних лекарств и всякого коренья» — гречанин Иван Юрьев и «для знатья камня» — гречанин Спиридон Евстафьев. В Тобольске его посольству были приданы: 6 детей боярских, 6 человек для обслуживания кречетов, которых везли в подарок, и 41 провожатый казак. Спафарий писал, что служилых людей у него было «человек полтораста», считая присоединившихся к посольству в Енисейске, Нерчинске и других пунктах.

Сложным был вопрос с переводчиками посольства. Для устных переговоров и переводов с калмыцкого и татарского языков в Тобольске был придан толмач Спиридон Безрядов. Из Селенгинска и Нерчинска Н. Г. Спафарий взял с собой «какие лучшие были толмачи», но все они были, как он писал, «люди безграмотные и неискусные, да и в твоих, великого государя, делах не бывали ж», поэтому «насилу можем выразуметь с китайским боярином, что говорили между собой», «меж собой больше догадом разумеем друг друга, нежели толмачеством их»⁶⁰. Хотя цинский чиновник, сопровождавший Спафария, обещал отыскать в Пекине толмача «разумного и ученого», который мог бы перевести грамоты обеих сторон, у русского посла оставалось опасение, что от «неискусства толмачей» может произойти «какая смута или лишние слова».

В числе толмачей, взятых из Селенгинска, был крещеный китаец, перешедший на русскую службу в 40-х годах, толмач

маньчжурского и китайского языков, ездивший в качестве такового с караваном Гавриила Романова и якобы служивший и в Tobольске, и в Москве. Однако его пришлось отослать обратно из-за протеста маньчжурских чиновников, не желавших видеть китайца в составе русского посольства, да и не совсем достойного поведения самого толмача⁶¹.

Находясь в Tobольске по пути в Китай, Спафарий ежедневно встречался с Юрием Крижаничем, который отбывал там ссылку⁶². Крижанич дал Спафарию две тетради — «Письмецо о Китайском торгу», а также позволил ему переписать свою книгу, в «которую издавна о Китайских делах из всяких повестей собирал, а наипаче от себя по философии придумал...». Кроме того, Крижанич перевел для Спафария «все, еже годно к его делу», из книги, взятой Спафарием из Москвы⁶³. Б. Г. Курц предполагает, что это была книга, изданная О. Даппером и посвященная голландским посольствам в Китай в 1661—1667 гг.⁶⁴ Вернее будет полагать, что это было сочинение Мартино Мартини «О татарской войне» («De bello tatarico»).

В Енисейске Спафарий встретился с Иваном Поршенниковым, возвращавшимся из Китая с торговым караваном, и подробно расспросил его о поездке, и особенно о дороге, по которой следовал караван. В своем «Путешествии через Сибирь» Спафарий описал эту дорогу в Пекин, проходящую через Ургу (Улан-Батор) и Чжанцзякоу, а также пребывание И. Поршенникова в Китае⁶⁵.

О Спафарии и посольстве, им возглавленном, имеется значительная литература. Поэтому остановимся лишь на основных вехах путешествия и кратко изложим результаты миссии⁶⁶.

Николай Гаврилович Милеску-Спафарий (1636—1708) родился в Молдавии, в боярской семье. Получил образование в греческой патриаршей школе в Константинополе и в Падуанском университете в Италии. Изучал философию, историю, литературу, естественные и математические науки, владел турецким, арабским, латинским, итальянским, древне- и новогреческим языками. Спафарию приходилось выполнять дипломатические поручения в Стокгольме и Париже. В 1671 г. он был приглашен на службу в Россию, где назначен переводчиком Посольского приказа эллинского, латинского, греческого и волошского языков. В первые годы жизни Спафария в Москве он написал несколько трудов⁶⁷.

При отъезде из Москвы в Китай Спафарий получил наказ, состоявший из 14 пунктов, регламентировавших его поведение при цинском дворе, а также определивших задачи посольства. Сюда входили вопросы титулования русских царей и цинских императоров, установления постоянных дипломатических и торговых отношений, приглашения китайских послов в Россию, сбор сведений о водном пути и сухопутных дорогах в Китай, наиболее удобных и близких («какою дорогою ближе и бес-

страшно»), и многие другие. Наказ предписывал разузнать об о-ве Тайвань, а также о Японии, Индии и других странах⁶⁸.

В начале декабря 1675 г. посольство прибыло в Нерчинский острог, а далее следовало той дорогой, по которой до него ехал И. Милованов: через современные провинции Северо-Восточного Китая на заставу Сифынкоу в Великой стене и далее в Пекин. В отписке из Наунских сел Спафарий подробно описывает дорогу до Пекина, встречи с маньчжурскими чиновниками и переговоры с ними⁶⁹. В Пекине посольство поселили в подворье «неподалеку от городской стены, и в том подворье ставили разные послы». Подворье Спафарий описывает как «место самое кручинное, будто тюрьма». Караул, поставленный у подворья, никого не выпускал.

Маньчжурские чиновники требовали от Спафария при представлении императору выполнения этикета, с точки зрения Спафария униженного для посла суверенного государства. В случае отказа выполнить эту церемонию грозились поступить с ним так же, как с Байковым⁷⁰. Все же Спафарий добился аудиенции у императора Канси, не выполнив церемониала, как того хотели цинские вельможи. Он вел себя с большим достоинством и был непреклонен. Не получив ответной грамоты и распродав привезенные товары по сравнительно низкой цене, 1 сентября 1676 г. посольство двинулось в обратный путь по той же дороге, по которой следовало в Пекин.

Неудачу посольства можно объяснить не только отказом русского посла удовлетворить неоднократные требования цинского правительства о выдаче князя Гантимура, но и отсутствием у маньчжуров заинтересованности в установлении нормальных отношений с Русским государством и в известной мере сложностью ситуации внутри страны. На юге Китая против маньчжуров продолжали действовать отряды антицинских войск. Хозяйственные мероприятия русских на Амуре также повлияли на дипломатический климат в Пекине и определили холодный прием Спафария.

Возвратившись в Москву, Н. Г. Спафарий кроме «Дневников», которые он вел по пути из Тобольска до Нерчинска и от Нерчинска до Пекина, а также «Статейного списка» представил в Посольский приказ «Описание первая части вселенная, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство, с прочими его городами и провинциями», оконченное им в ноябре 1677 г. В архивах Советского Союза сохранилось более 40 списков «Описания», относящихся к XVII и XVIII вв., что свидетельствует о значительном интересе к Китаю в Русском государстве в те далекие времена. Однако издано «Описание» было лишь в 1910 г. по списку, находившемуся у Ф. Т. Васильева⁷¹.

Первое упоминание о посольстве Спафария в русской литературе содержится в статье Г. Ф. Миллера (1757 г.)⁷². В 1823 г. Г. И. Спасский опубликовал (см. прим. 183 к гл. III) выполнен-

ный П. И. Каменским перевод с маньчжурского «Журнала, веденного в Пекине на прибытие из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария...» [Каменский, № 4]. Но лишь с конца XIX в. посольству Спафария уделяется должное внимание в отечественной историографии. Статьи В. Фурсенко, П. А. Сырку, И. И. Михайловского, Ю. В. Арсеньева, А. И. Яцимирского содержат биографические данные о Спафарии; Ю. В. Арсеньев публикует его дневник и «Статейный список», путешествию посвящены статьи Д. Зубарева, Г. Н. Потанина, А. О. Ивановского, повторившего публикацию Г. И. Спасского⁷³.

Интерес к путешествию Спафария не уменьшился и в советское время. В 1927 г. появилась историческая повесть К. В. Базилевича⁷⁴, где на основе архивных материалов рассказывалось о посольстве Спафария. Б. Г. Курц в своей сравнительно небольшой по объему книге посвятил путешествию несколько страниц, снабдив их примечаниями и большой библиографией⁷⁵. Известный советский историограф А. И. Андреев в 1940 г. дал краткий, но до предела насыщенный очерк о Спафарии и его посольстве⁷⁶. В труде Д. М. Лебедева, вышедшем в 1949 г., путешествию и его результатам также уделено большое внимание, причем особенно подробно разобрано «Описание»⁷⁷.

В 1960 г. был издан однотомник Н. Г. Спафария «Сибирь и Китай» (со вступительной статьей Е. М. Руссева)⁷⁸. Однако его составители В. Соловьев и А. Кидель воспользовались упомянутой выше публикацией Ю. В. Арсеньева дневника Спафария о путешествии от Нерчинска до Пекина, но не включили его и не прокомментировали многие географические названия⁷⁹.

В 1958 г. в журнале «Советское китаеведение» (№ 2) была помещена рецензия Е. И. Спиваковского на публикацию в Румынии в 1956 г. Корнелием Бэрбулеску дневников Спафария, а также на упоминавшийся однотомник «Сибирь и Китай», первоначально изданный в 1956 г. на молдавском языке. Судя по рецензии, румынское издание основано на текстах, опубликованных Ю. В. Арсеньевым и Дж. Бэддли.

За границей о путешествии Спафария стало широко известно гораздо раньше, чем в России. В 1692 г. в Париже вышла книга Филиппа Авриля «Путешествие через Европу и Азию для отыскания новой дороги в Китай»⁸⁰, бóльшая часть которой заимствована из «Описания» Спафария. Авриль, будучи в Москве в 1687—1688 гг., неоднократно встречался и беседовал со Спафарием и, вероятно, от него и получил экземпляр «Описания».

Через шесть лет, в 1698 г., де ла Невиль опубликовал в Париже книгу о России, одна глава которой посвящена посольству Спафария⁸¹. Невиль виделся со Спафарием и пытался разузнать подробности путешествия, но последний из боязни проговориться о чем-нибудь секретном был «очень осторожным в этом от-

ношении и очень молчаливым». Спафарий уверял Невиля, что он совершил свое путешествие в пять месяцев и так легко, как в Европу.

В январе 1686 г. из Селенгинска в Пекин в качестве гонцов с грамотами царей Ивана и Петра Алексеевичей были посланы Никифор Венюков и Иван Фаворов⁸².

Никифор Данилович Венюков, принимавший участие в посольстве Спафария, после второй поездки в Китай представил «Статейный список» и «Описание новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое той земле положение», в котором обстоятельно рассказывается и о Китае. «Описание» оставалось анонимным вплоть до 1939 г., когда А. И. Андреев установил, что автором его является Венюков. А. И. Андреев рассказал о публикации за границей «Описания» в 1692 г. Н. Витсенем, о других его изданиях за рубежом, о сохранившихся четырех списках в архивах Советского Союза⁸³.

Итак, попытки царского правительства установить торговые и дипломатические отношения с Китаем в XVII в. практически не имели успехов. Миссии Ивана Петлина, Федора Байкова, Николая Спафария и других принесли мировой науке сведения о ранее неизвестных в Европе сухопутных дорогах в Китай через Монголию и Маньчжурию, однако не выполнили поставленных перед ними непосредственных задач.

Отчеты русских людей о поездках в Китай (рописи, статейные списки, дневники путешествий, «чертежи») быстро становились известны в Европе благодаря их переводам на другие языки, что обогатило мировую географическую науку.

Состояние русско-китайских дипломатических и торговых отношений стимулировало организацию изучения в Русском государстве маньчжурского и китайского языков. Потребности в переводчиках кое-как удовлетворялись слабо подготовленными толмачами. Вместе с тем первые контакты Русского государства с минским Китаем, а затем и с империей Цин способствовали формированию в Москве и в Сибири достаточно точного представления о Китае, разных сторонах культуры и быта китайского народа, географическом положении страны и ее политическом устройстве, истории завоевания Китая маньчжурами. Эти сведения заложили фундамент научного китаеведения, вызванного к жизни практическими потребностями ведения политических и экономических дел России с ее великим дальневосточным соседом.

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ В РОССИИ

НЕРЧИНСКИЙ ДОГОВОР И КАРАВАННАЯ ТОРГОВЛЯ С КИТАЕМ

В 1689 г. между Россией и Цинской империей был заключен Нерчинский договор, по которому Россия была вынуждена уступить часть своих владений в Приамурье. Условия договора более чем на столетие затормозили развитие связей России с Японией, Кореей и другими дальневосточными государствами. Это был первый договор Цинской империи с иностранным государством¹. Фактически договорные отношения были установлены не с собственно Китаем, а с поглотившей его маньчжурской империей Цин.

Хотя договор и давал русским купцам право «приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно», тем не менее русские купцы постоянно наталкивались на противодействие маньчжурских властей и торговля налаживалась плохо, велась с длительными перерывами. Так как цинское правительство категорически запрещало своим купцам выезжать за границу, то более активной стороной в торговле была русская.

Торговля России с Китаем шла главным образом посредством посылки казенных караванов, отправлявшихся в Пекин приблизительно раз в три года. Первый караван был отправлен в 1698 г., и такая система торговли сохранялась до 1762 г.². Нередко в Пекин со своими товарами, хотя это и запрещалось, проникали и частные купцы³.

В каждом из первых четырех караванов было до 400 человек купцов, целовальников, провожатых и «работных» людей. Начиная с каравана, шедшего под водительством П. Р. Худякова (1709—1713 гг.), маньчжурские власти ограничили число людей в караванах до 200 человек. Со времени заключения Нерчинского договора до второй половины XVIII в. в Китай было отправлено 12 караванов, — следовательно, за это время из Сибири, Москвы и из других мест России побывало в столице Китая около 3 тыс. человек. К этому числу следует добавить участников частных торговых караванов. Русские люди как в пути, так и в Пекине, где они находились зачастую до года, знакомились с жизнью, бытом и культурой китайского народа, а о своих впечатлениях, несомненно, рассказывали на родине⁴.

Со временем появлялись новые пути, по которым следовали торговые караваны. Первые три каравана (в 1698—1699 гг. под началом купца Лянгусова, в 1700—1701 гг. — Бокова, в 1702—1705 гг. — Саватеева) шли дорогой из Нерчинска на Наун (Цицикар) и далее на юг до Пекина, конечной цели пути, дорогой, известной еще по описанию Спафария. Это был длинный и трудный путь; караван Бокова затратил на него пять месяцев. Саватеев по приезде в Пекин стал добиваться разрешения вернуться другой дорогой — на Орхон-Тола, через владения монгольского Тушету-хана на Селенгинск⁵. Получив разрешение, Саватеев повел караван по новому пути, который занял всего 70 дней; значительно сократились время и расходы по транспортировке.

Последующие торговые караваны, а также официальные лица (послы, курьеры, духовные миссии) шли в Пекин и обратно главным образом этим путем, и на некоторых картах того времени Калган, через который проезжали русские караваны, назывался «Porta Moscovita»⁶. Так был открыт более близкий путь в Пекин, что благотворно повлияло на дальнейшее укрепление торговых связей.

Постоянное противодействие маньчжурских властей, препятствовавших расширению русской торговли и пытавшихся перенести ее центр из Пекина в один из пограничных городов, заставляло русское правительство время от времени посылать в Пекин своих представителей, которым поручалось выяснение вопросов, связанных с препятствиями, чинимыми нормализации русской торговли, и улаживание недоразумений о перебежчиках с той и другой стороны.

В 1692 г. Петр I послал для торговых переговоров, а также для получения разрешения на постройку в Пекине церкви для албазинцев⁷ Эверта Избранта Идеса⁸. Идес был голландцем, родом из Гольштинии — Россия стала для него второй родиной. Вместе с Идесом ехал образованный датчанин Адам Бранд, подьячий Семен Порецкий, из Посольского приказа переводчик монгольского языка Спиридон Безрядов⁹, «из аптеки лекарь Христофор Карстенс для сьскания корень, и трав, и семян, и всяких лекарству потребных в тамошних странах вещей» и свыше сорока солдат. Караван выехал из Иркутска 30 марта 1693 г., в Пекин прибыл 14 ноября, а 19 февраля следующего года уже покинул столицу Китая.

Идес получил аудиенцию у Канси (переводчиками были миссионеры Ф. Жербийон и Т. Перейра¹⁰), но официальные переговоры маньчжурские чиновники вести отказались и грамоту Петра I не приняли, придравшись к тому, что в грамоте титул маньчжурского императора стоял после титула русского царя.

Несмотря на договорные обязательства о поощрении торговли, цинское правительство старалось любыми мерами ее ограничить или даже прекратить. Такое противодействие расшире-

нию политических и торговых связей «являлось основой политики строгой изоляции, которую осуществляло маньчжурское правительство Цинов»¹¹.

Единственное, что удалось Идесу, — это получить согласие на пропуск в Пекин очередного казенного торгового каравана, который маньчжурские власти не пропустили из-за споров о выдаче перебежчиков.

Идес возвратился в Москву в 1695 г., краткие сведения о его поездке были опубликованы в Берлине в 1696 г., очевидно со слов Адама Бранда, который в 1698 г. тоже издал записки о путешествии. В этом же году записки Бранда были опубликованы на английском языке, в 1699 г. — на голландском¹².

Материалы о своем путешествии Идес с разрешения Петра I издал в 1704 г. в Амстердаме под названием «Dreijährige Reise naag China». В 1706 г. книга была переведена на английский язык, в 1707 г. — на немецкий и в 1718 г. издана во Франции.

В России о путешествии Идеса стало широко известно только в 1789 г., когда Н. И. Новиков опубликовал в «Древней российской вивлиофике» «Путешествие и журнал по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избран Идеса посланником в 1692 марта 14». Перевод был сделан неудовлетворительно, но за отсутствием другого все русские историки, географы и этнографы пользовались им вплоть до последнего времени.

ЛОРЕНЦ ЛАНГ И ЕГО ПОЕЗДКИ В КИТАЙ

В 1715 г. на русской службе находился швед Лоренц Ланг, который пользовался большим доверием Петра I. Проявив дипломатические способности во время первой миссии в Китай в 1715—1716 гг., Ланг ездил в Китай еще пять раз.

Советский исследователь Т. К. Шафрановская сравнительно подробно осветила все поездки Ланга, дала библиографию его записок и дневников и опубликовала часть не изданного до сих пор дневника¹³. Поэтому остановимся только на результатах миссий Ланга, способствовавших изучению Китая, добавив некоторый материал, не использованный в статьях Т. К. Шафрановской.

Формально задачей первой поездки Ланга было сопровождать ко двору императора Канси врача Т. Гарвина и заодно по поручению Петра I привезти изразцы для голландской печи. На деле же главная цель состояла в выяснении возможностей переговоров о расширении связей России с Китаем.

Эта поездка не прошла бесследно для изучения Китая, так как Ланг вел дневник, заключающий ценный материал по истории русско-китайских отношений и по истории Сибири. Дневник

содержит ряд интересных сведений о Китае географического и этнографического характера. Помимо дневника Ланг составил «Описание государства Китайского» («Beschreibung des Königreichs China»¹⁴). Ни дневник, ни «Описание» на русском языке изданы не были.

«Описание» включает разнообразные сведения о Китае, как составленные по собственным наблюдениям Ланга, так и заимствованные им из различных письменных источников и бесед с жившим в Пекине миссионером К. Штумпфом.

Результаты первой поездки Ланга в Китай были опубликованы сравнительно быстро, что свидетельствует о том громадном интересе, какой вызвала эта поездка на Западе. Эти публикации значительно пополнили мировую географическую науку начала XVIII в. многими интересными сведениями о Китае, полученными от очевидца.

Попытки русских купцов в Урге вести контрабандную торговлю дали маньчжурским властям повод к прекращению торговли, что болезненно сказалось на таможенных доходах и, следовательно, на бюджете царского правительства. Это привело к обострению отношений между Россией и Цинской империей.

В связи с этим в 1719 г. в Пекин было направлено посольство, во главе которого в звании посланника и министра был поставлен капитан гвардии Лев Измайлов¹⁵. Его сопровождали: Лоренц Ланг (секретарь), Иван Глазунов (второй секретарь), англичанин Джон Белл (доктор-натуралист) и Иоганн Унферцагт [41]. Для совершения церковных служб в пути (таково было обыкновение) и в Пекине с Измайловым ехал священник Антоний Платковский.

В Пекине Измайлов был встречен с большими почестями, имел двенадцать аудиенций у императора, поднес ему ценные подарки, но, кроме разрешения оставить Ланга в качестве торгового агента (на содержании маньчжурского правительства) и возобновления торговли, ничего не добился.

Джон Белл в публикацию материалов о предпринятых им путешествиях включил и «Подробное описание путешествия и пребывания в Пекине посольства графа Измайлова»¹⁶. В 1776 г. сочинения Белла были переведены на русский язык и изданы Михаилом Поповым¹⁷. Г. И. Унферцагт также опубликовал отчет о путешествии¹⁸.

В одном из архивных дел хранится карта пути Измайлова от Селенгинска до Пекина, составленная двумя «геометрами» (геодезистами) — Ф. Валуевым и Игнатьевым, входившими в состав посольства.

На наличие этой карты впервые указал Б. Г. Курц в 1925 г.¹⁹ Карта показывает точный маршрут, по которому следовали торговые караваны, и дает новый картографический материал, относящийся к 1719—1720 гг.

После отъезда Измайлова Ланг остался в Пекине ожидать караван Ф. С. Истопникова, находившийся на границе с 1719 г. в полной готовности²⁰.

В свой второй приезд в Китай Ланг вел дневник о переговорах с маньчжурскими чиновниками, о разного рода торговых делах, о тех препятствиях, которые чинились распродаже пушнины и других товаров и покупке местных товаров²¹. «Ежедневная записка пребывания г. Ланга, агента или поверенного в делах...» в переводе с французского помещена в русском издании «Белевых путешествий»²². В 1822 г. «Записка» была опубликована в «Северном архиве»²³.

Но задолго до опубликования «Записки» на русском языке она стала известна в Европе: в 1726 г. была издана в Лейдене, а затем, в 1727 г., — в Амстердаме²⁴. «Записка» дает много новых сведений о русской торговле в Пекине, о тех препятствиях, которые чинили маньчжурские чиновники, чтобы заставить русских прекратить торговлю в Пекине и перенести ее на границу с Россией.

Дневник Ланга был опубликован на немецком языке в книге К. Вебера «Das veränderte Russland», вышедшей в 1721 г. во Франкфурте (изд. 2 — 1738 г.) и переведенной в 1725 г. в Париже. Вебер получил рукопись от самого Ланга, но опубликовал ее неполностью. Полная рукопись находилась в Государственном архиве Германии в Берлине.

В 1725—1727 гг. Лоренц Ланг был отправлен в Китай в свите посланника С. Л. Владиславича-Рагузинского. Сведений о каких-либо записях Ланга, которые он вел в эту поездку, пока не обнаружено.

После своего возвращения Ланг был сразу же поставлен во главе нового казенного торгового каравана и уже в сентябре 1727 г. пересек границу²⁵. Во время поездки Ланг вел журнал — и по пути следования, и в Пекине. Журнал опубликован только на немецком языке, в переводе на русский имеется в двух рукописях [47]. Эта поездка была знаменательна для русского китаеведения: Ланг привез из Пекина 82 тетради (бень) в 8 папках (тао) китайских и маньчжурских книг, полученных от католических миссионеров, положив этим основание китайской и маньчжурской библиотеке Академии наук, библиотеке, которая в дальнейшем выросла в мировую сокровищницу — китайскую часть Азиатского музея (ныне Институт востоковедения).

Архивные дела [48; 52] лишь частично содержат названия тех книг, которые купил Ланг. По справке Коллегии иностранных дел он привез словари: «...первый на латинском и китайском языках, второй в 12 переплетах (тао, принятые при издании старых книг. — П. С.) на китайском же языке, третий в 14 переплетах на китайском же языке». Это не исчерпывает количества переплетов, указанных Бакмейстером²⁶. В одном из этих дел можно найти названия лексиконов, заказанных Академией наук:

«Китайский лексикон Та су гой да Ган пиен называемые, да езуитского сочинения один лексикон и трои вокабулы».

Неудачи казенных торговых караванов вызвали новое постановление царского правительства о торговле с Китаем. Указом Сената от 3 января 1731 г. было вновь подтверждено запрещение всем русским купцам в частном порядке торговать в Пекине и в других районах Китая. Право торговли предоставлялось только казенным караванам.

В 1730 г. Ланг, только что возвратившийся в Россию, был вновь направлен на границу, где возглавил караван, сопровождавшийся комиссаром Иваном Молоковым. Маньчжурское правительство было заинтересовано в дружественных отношениях с Петербургом. В России находилось цинское посольство, задача которого состояла в том, чтобы склонить царское правительство разрешить волжским калмыкам помочь Цинам в войне с джунгарами. Поэтому караван был принят хорошо²⁷ [51].

Последняя поездка Ланга в Китай была связана с поручением наладить нормальные торговые отношения, постоянно нарушаемые маньчжурскими чиновниками. Ланг был вновь назначен начальником каравана, комиссаром — Ерофей Фирсов²⁸. Караван предполагали отправить в 1735 г., но задержка инструкций и грамот от Коллегии иностранных дел позволила ему выступить только 9 июля 1736 г. Из Цурухайту караван направился по старой Наунской дороге [60; 61].

Торговля в Пекине проходила в тяжелых условиях. Маньчжурские власти, узнав, что русское правительство не позволило Аюка-хану выступить против джунгар, были вынуждены заключить с последними мир и всячески проявляли свое недовольство, чиня препятствия торговле каравана. В обратный путь Ланг выехал 10 мая 1737 г. Часть товаров, привезенных караваном, была продана с аукциона в Петербурге, часть сдана в дворцовое управление — в придворную и камер-цальмейстерскую контору. На аукционе шелковые ткани, серебряная и фарфоровая посуда, чай, медные и другие вещи продавались дешевле обычного.

Из этой поездки Ланг привез для Академии наук три ящика китайских и маньчжурских книг²⁹. Перед отъездом Ланга из Петербурга в 1735 г. Академия наук решила завязать более тесные связи с католическими миссионерами в Пекине. Очевидно, Ланг уже вел с ними об этом переговоры. Известно, что он находился в дружеских отношениях с миссионером Паренином и что последний получал от него за какие-то «услуги» деньги для себя и для некоего маньчжура Маса³⁰.

Академия наук дала Лангу ряд книг, ею изданных, и предоставила право продавать их в Сибири и Китае. Часть книг была предназначена для обмена. В числе книг были переводы, Г. З. Байера «История Японии», «Комментарии Санктпетербургской императорской Академии наук» (т. I—III) и др.³¹.

К последней поездке Ланга в Китай в 1735 г. относится попытка русского правительства изучить в Пекине и перенести в Россию «китайские художества». Вместе с караваном Ланга выехал в Пекин под фамилией Маслова сибирский серебряных дел мастер Осип Мясников, присланный по указу от 11 августа 1735 г. от сибирского губернатора Плещеева.

Особых результатов эта поездка Мясникова не дала. Маньчжурские чиновники не выпускали его из посольского двора: «В Пекине весьма часто случается, что без единого сомнения, без никакого другого фундамента весьма многие люди погибают».

Все же какими-то путями Мясников кое-что выведал: «...как красной меди прибывают тягость или дают золото, как они из бараньих и прочих рогов делают фонари, как из крепких камней всякие фигуры и сосуды вырезают. Из чего делается белая медь, как всякие ломаные порцеленовые сосуды железными скобами сковывать» [59; 64]. Ланг предложил еще раз отправить Мясникова с караваном, но было ли это осуществлено, неизвестно.

КИТАЙСКИЕ ПОСОЛЬСТВА В РОССИЮ

Во время пребывания в Пекине торгового каравана, возглавляемого П. Р. Худяковым, из района нижнего течения Волги, где кочевали калмыки, в Пекин приезжали посланцы от Аюка-хана с просьбой возвратить калмыцкого хана Арабджура, отправившегося с большой свитой из района Волги на поклонение к далай-ламе в Тибет и задержанного маньчжурским правительством в Китае.

Не выполнив просьбы Аюка-хана, китайский император отправил к нему послов во главе с Тулишенем³². Посольство выехало с караваном Худякова 15 июня 1712 г. и, получив разрешение русского правительства на переговоры с Аюка-ханом, следуя через Иркутск, Тобольск, Вятку, Казань, Симбирск, 1 июля 1714 г. прибыло в Саратов и направилось далее в расположение кочевий Аюка-хана близ Царицына³³.

Посольство ставило целью склонить Аюка-хана к совместному нападению на джунгаров, но он заявил, что без воли своего государя (Петра I) воевать не будет.

В наказе Тулишеню было предписано, в случае пожелания «Чагань Хана» (российского императора) их видеть, всей миссией немедленно ехать в Москву. Но приглашения не последовало, и после двухнедельного пребывания у Аюка-хана посольство возвратилось тем же путем на родину³⁴. Вместе с ним была отправлена в Пекин первая Российская духовная миссия.

В 1729 г. из Китая, под предлогом поздравления со вступлением на престол Петра II, в Россию выехало маньчжурское

посольство. Одна группа послов должна была направиться непосредственно в Москву для поздравления, вторая же назначалась специально как посольство к Аюка-хану с задачей уговорить его выступить одновременно с цинскими войсками и ударить в тыл джунгарам.

Один из ближайших помощников С. Л. Владиславича-Рагузинского при заключении Кяхтинского договора 1727 г., Иван Глазунов, которому было поручено сопровождать посольство от самой границы, узнав об истинной цели второй группы послов, пожелавших направиться сразу на Волгу, в район кочевий Аюка-хана, сообщил об этом в Петербург. Последовало распоряжение доставить всех послов в Москву. По дороге, во всех больших городах, посольству был оказан пышный прием: прибытие сопровождалось салютом из пушек, воинскими почестями, роскошным угощением и т. д. В Москве прибытие посольства совпало с празднованием вступления на престол Анны Иоанновны. Желая блеснуть пышностью двора, Анна Иоанновна усложнила церемониал шествия послов на аудиенцию. «Санкт-Петербургские ведомости» подробно сообщали о передвижении посольства по Сибири, о церемониале въезда в Москву и приеме его Анной Иоанновной³⁵.

8 марта «хинейское» посольство направилось из Москвы в Тобольск. Вторая группа с разрешения русских властей поехала к Церен-Дондуку, наследнику Аюка-хана. Получив от Церен-Дондука отказ выступить против джунгар, обе группы послов, соединившись в Тобольске, отбыли в Китай.

Маньчжурское правительство, узнав от посланного в Китай курьера Соловьева о вступлении на престол Анны Иоанновны, решило использовать это как предлог для отправки посольства специально для поздравления новой императрицы, а заодно опять к калмыкам. Весьма вероятно, что неудачная поездка к Церен-Дондуку была уже известна в Пекине, так как для обеспечения успеха второго посольства всем русским должностным лицам, участвовавшим в приеме и сопровождении первого посольства в России, были посланы богатые подарки, общей стоимостью более 100 тыс. руб. [50].

Второе посольство состояло, так же как и первое, из двух групп: первая — для поздравления императрицы, вторая — для поездки к калмыцкому хану, якобы для того, чтобы «предостеречь» калмыков от приближения к их кочевьям «зенгорцев (джунгар. — П. С.), везде китайскими преследуемых силами».

Коллегия иностранных дел дала разрешение на въезд только первой группы, мотивируя отказ тем, что калмыки являются российскими подданными и все вопросы, касающиеся их пограничного положения, решаются в Петербурге.

26 апреля 1732 г. первая группа послов в составе двух членов Верховного совета — Десина и Бантая — и секретаря Фолу

прибыла в Петербург³⁶. С пышными церемониями, при участии войск и оркестров, в царских каретах посольство было доставлено на аудиенцию к Анне Иоанновне [304—306].

Во время пребывания в Петербурге посольство кроме официальных визитов и переговоров знакомилось с достопримечательностями русской столицы. 8 июля члены посольства осматривали Кунсткамеру и библиотеку Академии наук, им были показаны словолитня и типография, где они были удивлены быстрому набору и отпечаткам с него, производившимся в их присутствии. Академия наук выпустила плакат о прибывших посланниках с их автографами на китайском и маньчжурском языках, с переводом на русский и латинский языки. Каждому послу были поднесены подарки, в том числе по экземпляру «Museum Sinicum» Байера. Пекарский указывает, что Байер «поддерживал беседу с членами посольства», но на каком языке — китайском, маньчжурском или латинском? — неизвестно.

Эти посольства были первыми миссиями Цинской империи в европейскую страну. Члены посольств проделали огромный путь до Москвы и Петербурга через сибирские города. Они доставили цинскому двору обширную информацию о России, долгое время причислявшейся китайской наукой к далеким, неведомым странам. В то же время и в России контакты с китайскими посланниками стимулировали интерес к Китаю, что в известной мере ускорило процесс становления русского китаеведения как научной дисциплины. В общем процессе формирования науки в послепетровской России китаеведение должно было занять определенное место.

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

В 1711 г. в Пекин приехал караван под начальством «купины» Г. А. Осколкова. В это время в Пекине, кроме престарелого священника Дмитрия Нестерова, обслуживавшего албазинцев и привезенного еще из Албазина в качестве пленного, никого из духовных лиц не оставалось. Осколков обратился в Лифаньюань за разрешением прислать священников. Император Канси дал на это согласие с тем условием, чтобы из России был прислан также врач, «искусный в излечении наружных болезней».

Несколько священнослужителей, возглавлявшихся архимандритом Илларионом Лежайским, направленные в Пекин вместе с возвращавшимся посольством Тулишениа, были приняты с большим почетом: архимандриту был пожалован чин мандарина 5-й степени, иеромонаху Лаврентию и иеродиякону Филимону — 7-й степени, остальные семь человек приехавших были причислены к сословию солдат. Всем были отведены казенные

квартиры вблизи церкви и выданы значительные денежные пособия. Кроме того, всех прибывших цинское правительство взяло на содержание: им было положено ежемесячное жалование и через каждые три года выдавались денежные суммы на покупку платья³⁷.

Этим актом маньчжурское правительство как бы зачисляло прибывших священнослужителей на свою службу на тех же основаниях, что и китайских подданных. Подобная практика выдачи членам миссии жалования, хотя и в значительно меньших размерах, продолжалась вплоть до 1858 г., когда в Тяньцзиньском трактате (ст. 10) было специально оговорено: «Все издержки на содержание миссии с настоящего времени будут относиться за счет российского правительства, а китайское правительство вовсе освобождается от расходов, доселе им производившихся в ее пользу»³⁸.

Религиозная пропаганда русских священников до 1860 г. распространялась только на немногочисленных албазинцев. Чтобы не вызвать неудовольствия цинского правительства и не лишиться единственного источника информации о Китае, царское правительство запретило вести активную миссионерскую работу среди китайцев.

Еще в 1698 г. А. А. Виниус³⁹ в письме Петру I сообщил о том, что в Пекине построена русская церковь и что многие китайцы крестились. Русский царь ответил (он находился тогда за границей, в дер. Штакроу близ Вены): «И то дело zelo изрядно; толко для бога поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привесть в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют. К чему там надобеть попы не так ученые, как разумные и покладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не призошло в злейшее падение, как учинилось в Епании»⁴⁰.

В первой Российской духовной миссии было восемь причетников — младших служителей церкви. Никому из них, так же как и духовным лицам, задача изучения маньчжурского и китайского языков в обязанность не вменялась. Некоторые из причетников, как, например, Осип (Иосиф) Дьяконов, Никандр Ключов и Петр Якутов, прожили в Пекине более 20 лет и там умерли. Естественно предполагать, что за эти годы они изучили маньчжурский и китайский языки. Так, Н. Н. Бантыш-Каменский сообщает, что Осип Дьяконов, «выучась по манджурски, употребляем был в Трибунале для перевода грамот, из Российского Сената получаемых и в Сенат Трибуналом посылаемых»⁴¹. Вероятно, он и начал преподавание русского языка в «Нэйгэ олосы вэньгуань» («Школа русского языка при Дворцовой канцелярии»), открытой в 1725 г.

Положение духовной миссии было не регламентировано, и естественно, что русское правительство было озабочено, каким образом регулярно посылать в Пекин духовных лиц. В это вре-

мя назрела необходимость выработки и заключения трактата России с Цинской империей, который определил бы порядок дипломатических и торговых отношений, а также установил бы границу двух держав в районе Халха-Монголии. С этой целью в 1725 г. в Китай было отправлено посольство во главе с графом Владиславичем-Рагузинским [43]. В его свиту был включен Лоренц Ланг.

После длительных переговоров — сначала в Пекине, а затем на реке Буре — 20 августа 1727 г. был заключен предварительный Буринский договор, касавшийся только вопросов разграничения, а 21 октября — Кяхтинский трактат, ратифицированный Владиславичем-Рагузинским 14 июня 1728 г.⁴²

В трактате подчеркивалось, что он призван служить «инструментом мира» между двумя империями, над которыми «не довлеют воспоминания прежних дней». Русским торговым караванам разрешалось приезжать в Пекин каждые три года, число купцов и их сопровождающих не должно было превышать 200 человек. Кроме того, разрешалось торговать на границе в двух пунктах: Цурухайту и Кяхте.

Для русских, приезжающих с караванами, в столице Цинской империи отводился дом, «который ныне для российских в Пекине обретается», была разрешена постройка русской церкви и оговаривалось, что в дополнение к находящемуся в Пекине «ламе» (священнику) будут присланы еще два других.

Для истории русского китаеведения наиболее интересным является заключительная часть пятого пункта Кяхтинского трактата: «Кроме того, четыре мальчика учеников, и два побольшего возраста, которые по русски и по латыне знают и которых посол российский Ильирийский граф Сава Владиславич (Владиславич-Рагузинский.— П. С.) хочет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дается им из царского иждивения. А когда выучатся, по своей воле да возмутся назад»⁴³.

На основании предварительной договоренности об этом пункте трактата 11 сентября 1727 г. с попутным торговым караваном были отправлены в Китай первые ученики миссии: Лука Воейков, Иван Шестопапов (Яблонцев), Иван Пухарт и Федор (Федот) Третьяков. Во главе каравана был поставлен Лоренц Ланг.

Изучение «страны пребывания» велось и членами посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского.

Так, канцелярист Степан Писарев составил описание Китая и изложил кратко историю взаимоотношений России с цинским Китаем, вернее, историю русских посольств в Китай начиная с 1654 г. Наиболее подробно он останавливался на посольстве, участником которого был «безотлучно при походной канцелярии». Это первая в России известная нам попытка осветить взаимоотношения двух стран. Описание заслуживает так-

же внимания правдивым изложением виденного, хотя, несомненно, основные сведения заимствованы из западноевропейских сочинений и рукописей Милеску-Спафария⁴⁴.

По возвращении в Петербург Владиславич-Рагузинский представил правительству «Секретную информацию о силе и состоянии Китайского государства»⁴⁵, которая значительно расширяла сведения о Китае. Автор «Секретной информации» воспользовался рукописью Спафария «Описание Китайского государства», о которой отзывался весьма положительно. Владиславич-Рагузинский сообщает также о Нерчинском договоре, о посольствах Тулишеня и Измайлова, миссиях Ланга, Кяхтинском трактате, подробно описывает путь, по которому он следовал в Китай (приложена карта пути от Москвы до Пекина). Интересен взгляд Владиславича-Рагузинского на отношения двух соседних государств. «Секретная информация» стала широко известна только в 1842 г., когда была опубликована в «Русском вестнике», но без карты. К статье приложена биография Владиславича-Рагузинского.

Закончив после заключения договора дела, связанные с пограничной охраной, налаживанием торговли в Кяхте и постройкой слободы в Цурухайту, С. Л. Владиславич-Рагузинский, прибыв в Иркутск, занялся организацией и отправлением в Пекин второй духовной миссии.

В состав миссии, которую возглавлял Антоний Платковский, кроме священнослужителей Ивана Филимонова, Лаврентия Уварова и Иосафа (Иосифа) Ивановского были включены ученики школы монгольского языка при Иркутском Вознесенском монастыре [44—46; 49, 54—56; 62; 63] Илларион Россохин, Герасим Шульгин и Михаил Пономарев. Миссия прибыла в Пекин в 1729 г., и с ее прибытием в Пекине уже стало семь учеников⁴⁶.

Глава миссии Антоний Платковский был по тому времени образованным человеком, окончил Славяно-греко-латинскую академию в Москве, перед отъездом в Пекин был настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря и одновременно заведовал открытой при монастыре школой монгольского языка. Из этой школы он и отобрал в миссию трех ее наиболее способных учеников — Россохина, Шульгина и Пономарева.

Платковский был чрезвычайно своенравным и корыстолюбивым человеком. В миссии он создал нетерпимую обстановку: избивал учеников палкой, присваивал их жалованье, неоднократно писал на них жалобы в Сенат [54; 63]. Особенно он придирался к ученикам, приехавшим до него, и несколько благосклоннее относился к своим бывшим питомцам.

Хотя своими жалобами в Коллегию иностранных дел Платковский и добился указа о полном подчинении ему учеников миссии, но, несмотря ни на что, ученики ему не подчинялись. Все это закончилось для Платковского плачевно: он был уве-

зен из Пекина в цепях Лангом, по приезде в Россию лишен сана и заключен в тюрьму⁴⁷.

О первых четырех учениках — Луке Воейкове, Иване Шестопалове, Федоре Третьякове, Иване Пухарте — сведений сохранилось мало.

Лука Воейков был сыном тобольского воеводы и вместе с Шестопаловым учился (с 1714 по 1725 г.) в Славяно-греко-латинской академии⁴⁸. В 1726 г., как знающий латинский язык, был определен для перевода грамот с латинского языка к межевому комиссару С. А. Колычеву, входившему в состав посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского. В следующем, 1727 г. Воейков был передан «под команду Ланга» для обучения китайскому и маньчжурскому языкам⁴⁹. В последние годы своей жизни⁵⁰ Воейков состоял при «ханском толмаче» Якове Савине «для письма русского и латинского», т. е. помогал ему в переводах.

Иван Пухарт, происходивший «из иноземцев», родился в Москве и до отправления в Китай служил в Академии наук копиистом.

О Пухарте, так же как и о Воейкове, Платковский отзывался отрицательно: пьянствует и «для того языка мало разговоров и грамоте знает: из русского языка по-китайски и манзурски перевести не сумеет; из китайского и манзурского не переведет письма по-русски» [54, л. 113].

Успехи Третьякова Платковский оценивал выше, чем успехи Воейкова и Пухарта, но считал, что Ланг преждевременно взял его в Россию в 1732 г. Россохина и Пономарева в том же донесении Синоду Платковский хвалил: они «хорошо учатся грамоте, китайский и манзурский язык знают оба». Если им дадут возможность доучиться, писал он, то они «могут быть добрыми переводчиками в Иностранной коллегии». Шульгина Платковский просил отправить в Россию и вместо него прислать другого⁵¹.

В 1732 г. Ланг привез в Пекин двух учеников — Алексея Владыкина и Ивана Быкова и при отъезде на родину взял Пухарта и Третьякова. В Петербурге Пухарт был принят в Академию наук копиистом, а Третьяков вскоре умер⁵².

Спустя некоторое время после приезда в Пекин Платковский послал в Синод китайский словарь⁵³, в котором, как он писал, было около 30 тыс. иероглифов, и просил, чтобы Синод обратился с просьбой к императору приказать толмачу Якову Савину перевести словарь на русский язык. Синод отослал словарь обратно и приказал перевести его своими силами: через два года словарь должен был быть готов. По «возвращении» Платковского словарь был привезен в Москву. Где он находится сейчас и что представляет собой, до сих пор неизвестно. Поэтому можно говорить только о попытке составления китайско-маньчжуро-русского словаря в 1734—1735 гг.

Из всех учеников первой и второй миссии успехами в изучении языков выделялся И. К. Россохин, первый русский китаевед, положивший начало изучению Китая, маньчжурского и китайского языков в России.

Илларион Калинович Россохин родился в 1717 г.⁵⁴ в селе Хилок, вблизи Селенгинска. В 1725 г. в числе других учеников был принят в школу монгольского языка при Иркутском Вознесенском монастыре. В 1728 г., после трех лет обучения, Платковский взял его в услужение «завсегда при нем состоять», ездить по дрова и по сено. Россохин служил ему «принуждениями и побоями». Как уже упоминалось выше, в 1729 г. Россохин и два его товарища по школе — Шульгин и Пономарев — были отправлены в Китай в составе второй Российской духовной миссии. Им было положено жалованье по 130 руб. в год каждому.

В одном из китайских источников указано, что ученики второй миссии были направлены для обучения маньчжурскому и китайскому языкам в Гоцзыцзянь (педагогическое училище типа лицея). Проживать ученики должны были на посольском дворе, одежду и продукты получать от «Мунгальского приказа» — Лифаньюаня⁵⁵. Однако это не согласуется с данными русских архивных документов, в частности с информацией, содержащейся в донесениях Платковского. Он ни разу не упоминает, что ученики ходили в какую-либо школу вне миссии. В одном из своих донесений он жаловался: «Учитель никан (китаец. — П. С.) и манзур часто не ездят в школу на посольский двор в Китаях, разве в месяц единожды побывают, и ученики русские гуляют» [54, л. 27].

Все же, чувствуя ответственность за обучение учеников миссии, Платковский просил Коллегию иностранных дел написать «в Мунгальский приказ, чтоб учителя ездили по все дни на русский посольский двор в школу учить русских учеников или бы жили на посольском дворе и не отговаривались приказными невольными домашними недосугами, или Мунгальский приказ дал бы учителей таковых, чтоб они, учителя, не имели дел приказных и недосуги и знали б одно дело — в школе учить русских учеников» [63, л. 28].

Эта проблема возникла в миссии постоянно на всем протяжении ее существования.

Как бы то ни было, Россохин много работал [55, л. 115] и добился больших успехов в изучении языков. В 1735 г. по просьбе Лифаньюаня, обратившегося к Лоренцу Лангу, приехавшему тогда в Китай, Россохин был зачислен переводчиком в Лифаньюань и преподавателем в школу русского языка при Дворцовой канцелярии, где он обучал маньчжуров и китайцев, за что ему был установлен оклад в 40 ланов.

В Отделе рукописей Библиотеки АН СССР сохранилась тетрадь занятий Россохина в бытность его в Пекине. На тетради надпись: «Школныя простыя маньчжурского и китайского языков разговоры» и год — «1730», т. е. эта тетрадь была начата через год после его приезда в Пекин. В тетради 182 страницы. Каждая страница разделена на три части с текстами на русском, китайском и маньчжурском языках, две последних части написаны китайцем. Это разговоры на разные бытовые темы, разделенные на 52 статьи [Россохин, № 23]. Из предисловия мы узнаём, что это — сочинения приятеля Россохина «Шеу Пин сяньшина на маньчжурском языке для обучения при нем находящихся учеников, которые после его же трудами переведены на китайский язык».

Эта тетрадь — первое сохранившееся учебное пособие учеников Пекинской миссии. Как будет видно далее, такой порядок ведения отчетных тетрадей по изучению языков оставался неизменным вплоть до Н. Я. Бичурина. Следует учитывать, что тетрадь сообщает далеко не о всех предметах, которыми занимался Россохин в Пекине.

Для школы русского языка Россохин вместе с преподавателем этой школы маньчжуром Фулахэ, знавшим русский язык, перевел на маньчжурский язык «Граматику русского языка» Смотрицкого («Олосы фаньи цзяю цюаньшу», «Оросламэ убаламбуха ойонго бабэ тучибухэ иони битхэ») ⁵⁶, которую им предоставил Воейков. Из предисловия к переводу, где изложена краткая история создания русской школы в Пекине, узнаём, что в 1725 г. император Юнчжэн издал указ об инспекции школы, очевидно уже существовавшей.

После инспекции в школе были оставлены 24 наиболее способных ученика. В помощь преподавателям маньчжурам и китайцам были прикомандированы два священника: предположительно Иосиф Дьяконов и иеродиакон Филимон.

Вместе с Фулахэ Россохин перевел на китайский и маньчжурский языки 10 тетрадей (?). Перевод продолжил Алексей Владыкин в 1745 г. и закончил в 1746 г.

Из рукописей Россохина, относящихся ко времени его пребывания в Пекине, следует упомянуть: «Ведомость из Пекина царства Китайского, что тамо было следующее в [1]730-м году», где говорится о двух затмениях Солнца, землетрясении 19 сентября, во время которого в Пекине погибло более 70 тыс. человек, и наводнении от разлива Желтой реки (Хуанхэ) [Россохин, № 16]; «Описание Пекинского государства о всех губерниях, сколько пришлось на [1]735 год збору серебра ланами по всей губернии, и сколько крупы мешков...» [Россохин, № 14] относится к 1736 г., что видно из пометки «переведен из никанской печатной книги», и одна рукопись без названия также с пометкой: «В 1736 году переведено с печатной книги никанской верно месяца мая 15 дня в Китайском царстве на посольском

русском дворе» со сведениями о сборе податей с земель, пашен и людей, с закладных и др. [Россохин, № 15].

В 1739 г. Россохин начал громадный труд по переводу с маньчжурского «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего», который он продолжил в Петербурге вместе с Алексеем Леонтьевым.

Большой заслугой Россохина является приобретение им карты Китая на китайском языке и транскрибирование на ней географических названий на русском языке. Карта была отослана в Россию с Лангом в 1737 г. По представлению Ланга Россохин был награжден чином прапорщика с увеличением жалованья до 150 руб. в год.

Из рукописей Россохина видно, что он проявлял интерес ко всему китайскому; например, обучился в Пекине у какого-то китайца, как делают фейерверки, и написал об этом небольшую, но содержательную работу [Россохин, № 20-3].

Рукописи Россохина позволяют нам понять, как много и плодотворно работал он в Пекине. К концу пребывания в Китае Россохин уже хорошо владел маньчжурским и китайским языками, накопил знания о культуре и быте Китая и приобрел, в частности, коллекцию книг на этих языках.

В 1741 г. И. К. Россохин вернулся на родину и был направлен Коллегией иностранных дел в распоряжение Академии наук. 23 марта он был зачислен в академию «для переводов и для обучения китайского и маньчжурского языков» с жалованьем 180 руб. в год, «счислив в то число» квартиру, дрова и свечи [3; 26].

Уже в своем первом рапорте Россохин просит прислать ему учеников, «да для вспоможения определить копииста Пухарта да обретающегося в Москве при иностранной конторе китайца Федора Петрова», с которым он, очевидно, познакомился в Москве. Как окончилось дело с назначением в помощь к Россохину Чжоу Гэ (Федора Петрова), будет изложено ниже.

Что касается Пухарта, то Россохин хорошо знал его по Китаю. После возвращения из Пекина Пухарт некоторое время находился на границе в качестве переводчика, а затем был направлен в Петербург. В 1735 г. он был принят в Академию наук копиистом «для письма немецких дел». Немецкое происхождение и связи его с державшими в своих руках нити управления в академии немцами позволяли Пухарту, относившемуся ко всем обязанностям с «ленивством», оставаться в академии. В 1737 г. он был переведен в Книжную палату «для содержания шетов на русском языке». В 1741 г. названный «студентом» Пухарт переведен в мастерские Академии наук «смотреть, чтобы приход и расход был веден правильно». Через два года, «за совершенным его ленивством и незнанием в делах», отстранен и от этой должности⁵⁷.

Хотя Пухарт и числился студентом в школе Россохина, но последний после приведенного выше рапорта ни разу больше о нем не упоминает. Можно предположить, что и сам Россохин убедился в полной невозможности использовать Пухарта «для вспоможения» в обучении языков.

10 августа 1741 г. в школу к Россохину прибыли из гарнизонной школы четыре ученика — дети солдат: Яков Волков, Леонтий Савельев, Степан Чекмарев и Семен Корелин⁵⁸.

Россохину пришлось позаботиться о квартирах для учеников и помещении для школы. Он просил поселить учеников рядом с ним, чтобы «не только их обучать грамоте, но и всегда с ними, для лучшего их понятия теми языками разговаривать и показывать все китайское обхождение, чтоб они и китайскую политику со временем узнать могли»⁵⁹. Он понимал, что без знания жизни, быта и других сторон китайской действительности трудно изучить языки.

Как проходили занятия в школе, можно судить только по нескольким рукописям и двум рапортам учеников. Россохин следовал традиционным методам первоначального обучения, сохранившимся в Китае вплоть до начала XIX в. В китайских школах заучивались наизусть «Цяньцзывэнь», «Саньцзыцин», «Сышу». Так же преподавал и Россохин. Из Китая он привез «Школьные простые манджурского и китайского языков разговоры», служившие ему в Пекине учебником. Свои переводы «Саньцзыцин» и «Цяньцзывэнь» [Россохин, № 22 и 24] он также использовал при преподавании.

В Архиве АН СССР находятся три небольшие рукописи на русском, китайском и маньчжурском языках: «О том, как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Куньфудзыя», «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» и «Китайского графа Сюэ-вынь цин-гуна собственные рассуждения о себе самом» [Россохин, № 25—27], где тексты на китайском языке писали ученики Савельев и Волков, на маньчжурском — Корелин и Чекмарев, русский перевод — автограф Россохина. Все три рукописи помечены 1745 г., т. е. были подготовлены через четыре года после открытия школы.

Переводами занимались все ученики, но сохранились переводы только Волкова, самого способного из всех. Волков первым из русских китаеведов перевел «Сышу» — рукопись называется: «Книга Сышу или Шан лун пюу китайского кунфудзыского закону филозофическая разная рассуждения» [Волков, № 1]. На последней странице надпись: «Переведена на российский язык Яковом Волковым». По-видимому, перевод сделан под непосредственным руководством Россохина.

Другая рукопись, приписываемая Я. Волкову, — перевод «Паньши-дзун-лунь», возможно, является копией с рукописи Россохина [Россохин, № 12-4] того же названия.

Для изучения фонетики китайского языка Россохин составил пособие «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их подлинного произношения», которое мы находим переписанным у Волкова в его переводе «Сышу». Это пособие должно привлечь внимание советских лингвистов как образец первой русской транскрипции китайских иероглифов и маньчжурских слов⁶⁰.

В статье К. Вебера, А. Иванова, В. Котвича и А. Руднева о русской транскрипции китайских иероглифов было отмечено, что транскрипция Россохина и Леонтьева — это «переложение русскими буквами маньчжурской транскрипции», чему служат примером написания «фунь» вместо «фынь», «еу», «юу» вместо «оу», «оу» вместо «ао»⁶¹. Понятно, что эта первая русская транскрипция была приблизительной передачей чтения китайских иероглифов буквами русского алфавита и что ученики имели дело больше с маньчжурским языком, чем с китайским.

Некоторые подробности об успехах в изучении китайского и маньчжурского языков можно найти и в таком документе, как «прошение» Я. Волкова и Л. Савельева, поданное 6 августа 1746 г. Авторы «прошения» писали: «Обучаемся мы, нижайшие, с 1741 году китайскому языку, которого мы уже поныне не мало познали и несколько читая их книги разуместь можем. А ныне еще желаем мы обучаться в гимназии латинскому и французскому языку, понеже в оных языках многие китайские переведенные книги имеются, которые к продолжению нашей науки бесполезны будут»⁶². Волков просил, кроме того, зачислить его для обучения арифметике. Отсюда можно сделать вывод о возросшем уровне знаний учеников, понимавших, что для дальнейших успехов в изучении Китая надо познакомиться с трудами западноевропейских ученых.

Волков и Савельев были приняты в гимназию. В 1749 г. Иоганн Фишер подал в канцелярию Академии наук рапорт, в котором указывал, что Волков и Савельев ходят «во французский нижний класс» и учатся арифметике. Фишер, основываясь на рапорте учителя гимназии Герварта, сообщает, однако, что «они оба к учению неспособны за старостью, ибо Волкову ныне 21 год от роду, а Савельеву 22 года, — который последний особливо не способен», и предлагает их от гимназии «отрешить» и определить к другому делу⁶³. Доверять этому заключению Герварта нельзя — в академии шла скрытая борьба между немецкими и русскими учеными, и русских учеников в гимназии постоянно третируют.

В феврале 1748 г. С. Чекарев подал Россохину заявление, в котором он просит «уволить» его из учеников, так как «во обучении оного (маньчжурского. — П. С.) языка дальнейшей охоты не имеет». Приводит он и другую причину: «...содержать себя с домашними своими не в состоянии» на 2 руб. ежемесячного жалованья.

Россохин не стал препятствовать переходу Чекмарева из учеников в копиисты и дал свое заключение, что Чекмарев «в обучении манджурского языка непонятен, и потому дальней надежды в нем быть не может»⁶⁴.

Не менее любопытен и второй рапорт Волкова, Савельева, Корелина, поданный в последние месяцы их занятий (в апреле 1750 г.), в котором они просят прибавки к получаемым ими «двум с половиной рублям» в месяц. Здесь же содержатся более полные, чем в первом рапорте, сведения о результатах изучения ими языков. Ученики сообщают, что выучили они «не малое число китайских и манджурских книг, принадлежащих до их наук, а именно: сперва разные вокабулы и разговоры, а потом книгу „Сышу“, состоящую из четырех частей, и книгу „Санцзыгин“, также толковали и разные их исторические книги, которые ныне не токмо сами читать и разуметь могут, но и переводить с них на российский язык учатся»⁶⁵.

Знания, полученные у Россохина, ученики должны были закрепить и расширить в Пекине, куда их предполагали отправить.

Школа Россохина просуществовала десять лет (1741—1751). Дальнейшая судьба Савельева и Корелина неизвестна. В 1755 г. в Китай была отправлена очередная, пятая духовная миссия, но в состав миссии ни один из учеников Россохина включен не был⁶⁶. И в дальнейшем в истории отечественного китаеведения их имена не встречаются. Вполне вероятно, что, не найдя себе применения по специальности, они перешли на работу, не связанную со знанием восточных языков. Например, Волков в 1767 г. был канцеляристом Академической комиссии⁶⁷.

Россохин занимался не только преподаванием китайского и маньчжурского языков, основным его занятием были переводы с этих языков, которыми он хорошо владел⁶⁸.

Вначале Россохин сам выбирал книги для перевода и по названиям переведенных им книг можно судить о его интересах. Первоначально это были главным образом книги исторического характера. Видимо, он понимал, что для глубокого изучения Китая необходимо прежде всего знать его историю. Любопытно отметить, что русских китаеведов последующих периодов, как, например, П. И. Каменского и Н. Я. Бичурина, интересовала на первом этапе их знакомства с языками та же самая тематика, что и Россохина.

С 1750 г. Россохин был подчинен в выборе тем переводов академику Г. Ф. Миллеру [17]. Но независимо от поручений Миллера он вел большую работу, занимаясь переводами крупных исторических сочинений, как, например, «Цзычи тунцзянь ганму» и «Истории завоевания джунгар».

Россохину пришлось работать в тяжелых условиях засилья немецких ученых в Академии наук. Всякие протесты против их незаконных действий беспощадно подавлялись. Особенно замет-

но это было во времена И. Д. Шумахера, которого поддерживал царский двор.

Первый свой труд, созданный в стенах Академии наук, Россохин представил 16 апреля 1743 г. при «доношении», в котором пишет: «Перевел я, низжайший, в знак моей службы манджурского языка придворной китайской печати книгу на российский диалект, которая касается до секретных китайского государства разных обстоятельств» [Россохин, № 10]⁶⁹.

А. Нартов, советник академии, которому был подчинен Россохин, велел эту книгу переплести «во французский переплет, как надлежит хорошею работою», и Россохину неотлучно наблюдать за работой переплетчика. Такого внимания Россохин, представляя следующие свои рукописи в канцелярию академии, уже не встречал.

В том же году из Кабинета двора пришло распоряжение поручить Россохину на карте Китая, которая была скопирована студентами академии, надписать русской транскрипцией «звание изображенных мест» и чтобы он «над картою трудился как возможно наискорее». От всех других дел И. К. Россохин был освобожден, кроме занятий с учениками, «которых всегда должно над оными ему, Россохину, надсматривать и их обучать»⁷⁰.

О том, насколько интенсивно трудился Россохин над переводами, можно судить по списку выполненных им работ, составленному в ответ на требование канцелярии академии в 1745 г. представить отчет о проделанной работе. Россохин, сообщая вкратце свою биографию, начиная с 1727 г., приводит список сделанных им переводов с 1741 г.⁷¹:

1. «Описание как сочинять китайские разные огнев фонтаны и ракетки».
2. «Нравоучительные пословицы славных китайских учителей».
3. «Трисловное нравоучение».
4. «Табель, сколько в китайском государстве собирается в год казны серебром и хлебом и сколько имеется всех городов».
5. «Поздравительная речь, когда манджурский хан Кан-Хи овладел Великою Татариею».
6. «Нынешнего манджурского хана манифест, объявленный при вступлении его на престол в 1735 г.».
7. «Манджурская азбука».
8. «Школьные разговоры».
9. «Исторический экстракт о всех ханах, которые владели китайским государством, о их фамилии и сколько лет который хан государствовал и какие при котором были достопамятные случаи».
10. «О манджурских ханах, секретном расположении манджурского войска, о состоянии китайского столичного города Пекина и табели о манджурском войске».

11. «Краткая история о Японии, переведенная из китайского географического описания, называемого Итун-джы».

12. «Философические вопросы и ответы».

13. «О чрезвычайном почтении родителей».

14. «На разные лета календари».

15. «Рассуждение о себе самом китайского графа Сюэ-вынь цин-гуна».

16. «Для обучения учеников перевел разные вокабулы, разговоры и часть лексикона».

В марте 1746 г. Россохин представил в канцелярию переводы, сделанные им во время занятий с учениками⁷² [Россохин, № 25—27].

В 1747 г. в Кунсткамере произошел большой пожар, уничтоживший ценную коллекцию предметов китайской культуры и быта, а также книг на маньчжурском и китайском языках. Для восстановления погибшей коллекции в 1753 г. в Китай был послан с караваном Франц Елачич⁷³, уже бывший там в 1744 г. как врач одного из торговых караванов. Елачич получил подробную инструкцию, которая гласила, что он должен во время дороги лечить больных каравана, вести журнал по пути, а в Пекине касаться в записях особенно «до натуральных вещей»: как лечат в Китае, имеются ли медики, лекари, какие есть лечебные травы (кроме ревеня), где растет корень «ен зин» (женьшень), можно ли достать его семена, как его отличить от фальшивого. Кроме того, Елачичу предписывалось узнать, как делают «каменный час», есть ли стеклянные заводы и привести китайского «деланного» янтаря и сырой фарфоровой глины.

К инструкции был придан каталог «с преждеделанными там вещами рисунков» на 144 листах⁷⁴, чтобы купить именно те, которые погибли во время пожара в Кунсткамере. К каждому рисунку приложено письменное пояснение, например: «китаец, сидящий на чудовище из порцелину вышиною 8 дюймов». Если вещей, изображенных на рисунках, не найдется, предлагалось купить похожие.

Список книг, которые нужно было приобрести, составил И. К. Россохин, снабдив его большими аннотациями к каждой книге⁷⁵. К одной из маньчжурских книг он не только дает аннотацию, но и сообщает, где и как ее можно достать: «Сию о прохождении элетского или калмыцкого народа историю, ни через кого иного достать не можно, как через шубинов (библиотекарь-архивариус.— П. С.) в Коллегии Лифаньюань при Конторе Хыу-сы обретающихся». Эту единственную рукописную книгу можно достать «тайным и ласковым образом через подарок». Книга эта «очень нужна и надобна, что в ней о том калмыцком народе упоминается», который переселился в Россию. Можно было бы привести еще примеры, свидетельствующие о том, что аннотации Россохина показывают его большое

знание литературы на китайском и маньчжурском языках по многим областям китайской культуры.

По списку Россохина Елачич привез большую часть книг, рекомендованных им.

В январе 1747 г. Россохин представил в Академию наук перевод сокращенного издания древней истории Китая, которая «к исторической книге „Тяньгань“ вместо введению приобщена», а так как история кончается на династии Юань, то он прибавил также сведения о династиях Юань, Мин и Цин. К рукописи [Россохин, № 12] приложены небольшие статьи: о китайских мерах и весах, о древних столицах Китая, перечисление провинций Китая и административное деление Монголии⁷⁶. Представляя эту рукопись, Россохин просил об ее издании, «чтоб плод трудов напрасно оставлен не был»⁷⁷. Несмотря на то что рукопись имела не только чисто научное значение, но представляла и прикладной интерес, а издание ее послужило бы лучшему ознакомлению с Китаем, руководство академии постановило: «До дальнего рассмотрения перевода его книги отказать». Этим отказом было выражено как бы сомнение в правильности переводов Россохина. Однако, когда в Академию наук поступали книги на китайском языке, их для «крепкого экстракта» давали ему, как это было, например, с книгами, присланными в апреле 1749 г.: «Краткой географией» (в 4 томах), «Астрономическим сочинением» и Евангелием.

В 1748 г. Г. Ф. Миллер предложил перевести частично с французского языка сочинение Дж. Б. Дюгальда⁷⁸, а затем «отдать переводчику Россохину для сочинения на оное примечаний и дальнейших изъяснений». Писать на Дюгальда примечания и «изъяснения» ему поручали, а переводы отправляли на хранение в библиотеку «до дальнего рассмотрения»! Из переводов Дюгальда с 54 примечаниями Россохина было опубликовано только «Известие о шелковых заводах...»⁷⁹.

В 1750 г. Россохиным был завершен начатый в 1745 г. громадный труд — перевод с маньчжурского языка — «История о завоевании китайским ханом Кан-хией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах» [14; Россохин, № 1]. Этот перевод Россохин попытался снабдить чем-то вроде географического указателя. Он писал в связи с этим: «...чтоб время напрасно не тратилось, то я в оной истории упоминающие города, реки, горы, местечки для скорейшего приисквания в китайском атласе по алфавиту собираю, каждого города или местечка по китайской ландкарте градусы долготы и широты означиваю». Кроме того, в «особливую книжку» он собрал из китайских книг «тителы китайских ханов», «названия чинов и их должности»⁸⁰.

В рапорте при представлении перевода Россохин, давая общую характеристику всего сочинения, подчеркнул его документальную основу, которая «особого примечания достойна, что

состоит (не как обыкновенные истории пишутся) из подлинных доношений и рапортов хану, его резолюций и указов, министерских советов и мнений и ведена по числу и по порядку дел». Россохин просит «удостоить» труд к изданию и предлагает для «лучшей ясности» добавить ландкарту, составленную на основе китайского атласа, чтобы «подлинные имена в китайских владениях без дальнего погрешения усмотреть можно»⁸¹. Даже по объему дополнительной работы к переводу можно судить, насколько вдумчиво и серьезно отнесся к ней Россохин, предлагая к изданию труд, который, будучи опубликованным, стал бы большим достижением русской науки.

В рапорте Россохин высказал свои соображения по поводу французской транскрипции географических названий в атласе, над которым он работал, считая, что китаец не мог бы сопоставить географические названия во французской транскрипции с истинными и что на французском языке нельзя правильно транскрибировать китайские слова из-за «недовольства французской азбуки, понеже она в рассуждении российскими литерами zelo скудна»⁸².

Извлечение из этого труда — рукопись «Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славно-российского народа» — Россохин просил послать для сведения в Коллегию иностранных дел, которая имеет «корреспонденцию с китайцами»⁸³ [Россохин, № 2].

Сразу же после окончания перевода «Истории о завоевании...» Россохин начинает перевод «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» («Тунцзянь ганму»): «Китайскую генеральную обо всех китайским государством владевших разных фамилий ханах и князьях историю...»⁸⁴ [Россохин, № 3 и 4]. Перевод был закончен в 1756 г., но примечания к нему Россохин обещал дать, когда будет «к изданию в печать удостоена». Все же большинство примечаний им было сделано⁸⁵. Однако и этот труд, как и другие, был положен в архив Библиотеки Академии наук.

А. И. Андреев в статье «Труды Г. Ф. Миллера по Сибири»⁸⁶ пишет, что Миллер пользовался «Сокращением китайской истории», составленным (как указывает сам Миллер) «из наилучших китайских и манджурских летописцев» академическим переводчиком «искусным и трудолюбивым Россохиным».

Перевод «Тунцзянь ганму», хотя и доведенный только до 1225 г., но своевременно опубликованный, мог бы принести много пользы отечественному китаеведению. Напомним, что перевод этого исторического труда, сделанный с китайского языка Майя, был издан в Париже в 1777—1785 гг.

В 1757 г. в Академию наук были переданы из Сената 16 томов «Обстоятельного описания происхождения и состояния манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего», привезенного из Китая Еремием Владыкиным⁸⁷ [88]. По указу

Сената от 17 сентября 1756 г. это многотомное сочинение предписывалось перевести «без превождения времени» для издания [20]. В помощь Россохину в 1757 г. Коллегия иностранных дел направила своего переводчика А. Леонтьева [28]. Смерть Россохина в 1761 г. прервала эту работу двух первых русских китаеведов, и Леонтьеву пришлось продолжать перевод одному.

Из 16 томов «Описания» Россохин перевел пять (т. 1—3, 6, 7), остальные одиннадцать — Леонтьев. 17-й том (оставшийся без нумерации) составляют примечания, сделанные Россохиным и Леонтьевым. В этом томе из 323 страниц Россохину принадлежит 256. Примечания Россохина отличаются большой детальностью, они не утратили научного значения по сей день. Достаточно сказать, что до сих пор при необходимости комментировать некоторые факты и события, встречающиеся в документах первой половины XVIII в., приходится обращаться к примечаниям Россохина.

Г. Ф. Миллер⁸⁸, отзывавшийся с похвалой о способностях, трудолюбии и знаниях Россохина, которому, кстати, он был обязан многими почерпнутыми из переводов Россохина сведениями о Китае, не способствовал публикации его трудов. Одобренный Академией наук к напечатанию еще в 1755 г.⁸⁹ перевод Россохина о путешествии Тулишена — «Описание путешествия, коим ездил китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге», был издан Г. Ф. Миллером в редактировавшемся им журнале «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах»⁹⁰ только в 1764 г., уже после смерти Россохина. Г. Ф. Миллер, сравнивая в примечаниях к переводу Россохина перевод этого же произведения Антуаном Гобилем⁹¹, говорит, что русский китаевед, «имея к тому потребную способность», перевел «Описание путешествия...» с маньчжурского языка и сделал примечания, отсутствующие у Гобилья, и что «благодарный читатель легко усмотрит превосходство одного перед французским сокращением» и не только в полноте. Россохин перевел предисловие Тулишена к его «Запискам путешествия послов, в последние край света посланных» и включил записку о приеме и пребывании Тулишена в Тобольске.

В своих примечаниях к «Описанию путешествия...» Россохин обнаружил широкие познания о положении в цинском Китае начала XVIII в. Его слова, что он переводил, дабы «наблюдена сила каждого слова», подчеркивают стремление к точности перевода.

В статье «О древностях сибирских» Г. Ф. Миллер, сравнивая транскрипцию имен собственных, которые приводят Гобиль и Дюгальд в своих сочинениях, хвалит «Историю Китая», переведенную Россохиным. Упомянув о «рукописной китайской истории, составленной на основании лучших маньчжурских летописей»,

сей недавно умершим китайским переводчиком Ларионом Россохиным», он подчеркивал: «Мы владеем — и это не последний успех нашего века — важнейшим памятником китайской истории, списанным с китайского подлинника и переведенным на русский язык опытейшим переводчиком»⁹².

Посмертно признавая заслуги Россохина, Миллер, будучи непосредственным его начальником⁹³, не сделал, однако, ни одного шага, чтобы опубликовать хотя бы два-три крупных перевода при его жизни.

Немецкие ученые в Академии наук, противодействуя публикации трудов Россохина, которого они считали только переводчиком, широко использовали его рукописи в своих трудах. Академик Паллас опубликовал его перевод с китайского из «Дацин и тунджи» — «Описание о горах Алтайских»⁹⁴. А. Ф. Бюшинг в «Журнале новой истории и географии» в 1779 г. указывает на перевод с китайского в Петербурге в 1756 г. Россохиным «Атласа Китая»⁹⁵.

Условия работы Россохина в Академии наук были тяжелыми: 230 руб. жалованья, которое он получал, не хватало, и Россохин был вынужден продавать свои книги, закладывать вещи. За свои переводы он не получил никакого поощрения и лишь за год до смерти был произведен в чин подпоручика.

Помимо материальных лишений Россохин терпел постоянное моральное унижение: как уже говорилось, все его переводы складывались в архив. Впервые его имя стало известно лишь в середине XIX в., после издания «Материалов для истории Академии наук» М. И. Сухомятинова, а также трудов С. К. Булича и Н. И. Веселовского. В советское время биография самого Россохина и анализ его рукописей даны в статье В. П. Тарановича⁹⁶.

ПЕРВЫЙ АКАДЕМИК-КИТАЕВЕД ГОТЛИБ ЗИГФРИД БАЙЕР

За несколько лет до того, как в столице Китая Пекине зарождалось отечественное китаеведение, была сделана попытка заимствовать его с Запада. Наряду с другими преобразованиями Петр I, пытаясь ускорить развитие русской науки, приглашал ученых из западноевропейских стран. Однако далеко не все из них способствовали развитию русской науки. Пример тому — деятельность Г. З. Байера.

Готлиб Зигфрид Байер (1694—1738)⁹⁷ — профессор греческих и римских древностей и восточных языков — среди современных ему ученых приобрел довольно широкую известность особыми филологическими способностями. Еще до приезда в Россию он опубликовал ряд трудов, где пытался установить основные начала грамматики китайского языка.

Прибавленіе

Оное воотпердвѣхъ о Китайскъ
примѣчаній поавреніе ~~взвѣсно~~
~~всѣхъ ~~всѣхъ ~~всѣхъ~~~~~~ ~~по~~
~~всѣхъ ~~всѣхъ ~~всѣхъ~~~~~~ ~~по~~
~~всѣхъ ~~всѣхъ ~~всѣхъ~~~~~~ ~~по~~
ионизъ примѣчаніяма ~~взвѣсно~~
поуено пошти все пак на сло-
вахъ пак п на самомаъ Письмаъ
отъ взвѣствъ, пак находятса
въ тѣхъ шитъ; ~~и~~ а сія истинна
тѣмаъ поштер ^{пак} сраетса болше,
што (пакма п слава Китайскіе,
въ ономъ поавреніи находящаяса
въ промѣнлѣннн шпоно пакъ ота-
санкв, пакъ помянутые взвѣствъ
вогда арцаютса, пак дароттѣ-
снѣе звѣнкъ переводятъ.

И. Россохина

В 1725 г. он получил приглашение Академии наук занять должность профессора древностей, восточных языков или истории. Приехав в Петербург, Байер выбрал восточные языки и начал изучать монгольский, маньчжурский, тибетский и санскритский. В середине 1728 г. он подготовил к изданию грамматику китайского языка, над которой работал еще до приезда в Россию. Помощь ему оказал Лоренц Ланг, привезший из Китая составленный иезуитами китайско-латинский словарь.

В 1730 г. Байер издал «*Museum Sinicum*» [Байер, № 1]. Труд этот состоит из различных компилятивных статей. Например, в первый том вошла грамматика китайского народного языка в провинции Цзинь чжоу(?) (*Chin Cheu*), письмо датского миссионера с некоторыми сведениями о Китае и предложение Андрея Мюллера по поводу ключа к китайским иероглифам. Том второй содержит «Китайский словарь» («*Lexicon Sinicum*») на 44 таблицах (88 стр.), объяснения значений китайских иероглифов на латинском языке (стр. 89—196), письмо Байера к Эрику Бенцелю, статью «Жизнь Конфуция» и т. д. Однако общий уровень труда был невысок, поэтому экземпляры «*Museum Sinicum*», посланные Байером на Запад и миссионерам в Китай, получили неблагоприятные отзывы⁹⁸.

Одновременно Байер заведовал гимназией при Академии наук⁹⁹, хотя не только не знал русского языка, но даже пренебрегал им. При своих больших лингвистических способностях Байер не собирался изучить русский язык, даже когда перешел к изучению русской истории. Он игнорировал источники на русском языке, считая наиболее достоверными древние шведские и норвежские саги.

Несмотря на требование Устава Академии наук, обязывавшего всех академиков подготовить себе преемников, Байер не приблизил к себе никого из русских и практически не создал своей школы¹⁰⁰. К Байеру вполне применимы слова Г. В. Плеханова, который писал, что приглашенные Петром I «ученые не все бескорыстно любили науку, да и не все были и настоящими учеными. Они смотрели на русских людей сверху вниз и старались подчинить их себе, сделать образование своей монополией»¹⁰¹.

Единственным положительным фактом для русского Китаеведения из всей деятельности Байера является, пожалуй, публикация на русском языке в 1731 г. в «Исторических, генеалогических и географических примечаниях к Ведомостям»¹⁰² некоторых данных о Китае из «Хинейского музея» («*Museum Sinicum*»), заимствованных им из сочинений Куплета¹⁰³. Инициатива опубликования этих сведений исходила от Байера. Публикация не только явилась актом внимания русских властей к прибывшему в это время в Россию китайскому посольству, но и в известной мере удовлетворяла интерес читающей публики к «Поднебесной стране».

23
 1740 Агостъ 22
 Директору Коллегии
 иностранныхъ делъ
 въ Домострой
 отъ учителя Чжоу Гэ
 о томъ что онъ
 желаетъ въ школу
 Чжоу Гэ
 Чжоу Гэ
 1740

Заглавный лист «Ведомостей» о занятиях в школе Чжоу Гэ

В 30-х годах XVIII столетия в распоряжении Коллегии иностранных дел не было ни одного переводчика маньчжурского и китайского языков; особенно остро это ощущалось во время приезда китайских посольств. Коллегия решила обучить китайскому и маньчжурскому языкам хотя бы двух-трех человек, используя в качестве учителя китайца (маньчжура?) Чжоу Гэ, попавшего в Россию при несколько необычных обстоятельствах¹⁰⁴. В сентябре 1737 г. он был крещен и назван Федором, получил фамилию Петров и права гражданства [29; 30].

В конце своей жизни в Петербурге Чжоу Гэ занимался маньчжурским и китайским языками с неким Ильей Ивановичем Борисовым. Это видно из просьбы Борисова в Сенат об увеличении кормовых денег. Борисов, в частности, писал: «...обучаясь я, нижайший, в этой науке в феврале месяце сего 1738 года при мастере означенных языков Федоре Джога, с которым науке уже несколько обучился...». Фамилия Борисова до того в истории русского китаеведения не встречалась. О том, что Чжоу Гэ действительно кого-то обучал в Петербурге, указано в его донесении в августе 1739 г. [29, л. 70].

В 1738 г. Коллегия иностранных дел обратилась в Синод с «доношением», в котором сообщалось, что при коллегии находится «иноземец новокрещен Федор Джога, знающий манзурский язык, и по рассуждению Коллегии иностранных дел бесполезно будет для корреспонденции с китайским двором изучить того манзурского языка и российской нации людей» [31]. Коллегия просит Синод выбрать «из московских латинских школ» двух молодых людей, знающих латинский язык, и отослать их через московскую контору коллегии в Петербург.

В свою очередь Синод приказал выделить из Славяно-греко-латинской академии двух человек, «кроме таких, кои в надежду священств учатся». Славяно-греко-латинская академия в то время была единственным высшим учебным заведением. Из ее степен вышли Феофан Прокопович, М. В. Ломоносов. Хотя академия принадлежала духовному ведомству, из нее брали для службы и в гражданские учреждения. Выпускники академии охотнее уходили в «светские» ведомства, и потому Синод всегда препятствовал этому. Очевидно поэтому Коллегия иностранных дел 21 февраля 1739 г. вторично потребовала у Синода выполнения высочайшего указа о выделении студентов для обучения восточным языкам, тем более что Чжоу Гэ был к тому времени уже направлен в московскую контору коллегии.

В латинской четвертой школе при Славяно-греко-латинской академии¹⁰⁵ нашлись два «охотно желающих» ученика: Алексей Леонтьев, «бывший рекрутской канцелярии подьячего Леонтия Сидорова сын», и Андрей Канаев, «московской рыбной слободы бывшего купецкого человека Михаила Иванова сына Канаева сын» [32, л. 7].

В Москве Чжоу Гэ был поселен на «канцелярском дворе» московской конторы Коллегии иностранных дел, в избе, построенной специально для приезжающих калмыков.

Помещение было крайне неудобное и для жилья, и для занятий, которые должны были происходить здесь же. Чжоу Гэ неоднократно жаловался, что в такой избе, «имея жену и челядинцев, жить неспособно, а способно житью калмыцкому», хлеб печь и держать припасы негде, заниматься с учениками неудобно. В конце концов и для него и для учеников была построена «рубленая светлица».

Ученики терпели «большую нужду и глад»: Канаев получал 10 р. 95 к. в год, а Леонтьев, приравненный при поступлении в Славяно-греко-латинскую академию к «недорослям», — 4 р. 67 к. и хлеба «за четверик по цене деньгами в месяц» [32, л. 7 об.]. Родственников у него не было, и материальное положение его было особенно тяжелым.

19 июня 1739 г. в первой школе маньчжурского и китайского языков начались занятия. О том, как они проходили, можно судить по сохранившемуся до наших дней журналу занятий, озаглавленному: «Государственной Коллегии иностранных дел в конторе ведомость, в которые числа месяца ученики Алексей Леонтьев и Андрей Канаев обучались манжурскому языку и письмом, в которые не обучались и для чего». Подписано: «Федор Джога февраля 4 дня 1740 г.» [33].

«Ведомость» сшита в тетрадку в лист на пяти листах. Каждая страница разграфлена на три части: число, «чему обучались», дни недели. На каждой странице сверху указан месяц. Всего «Ведомость» охватывает семь месяцев: август 1739 г. — февраль 1740 г., страница с пометой «март» уже не заполнена [33].

Ученики школы были обязаны два раза в неделю посещать уроки латинского языка в Славяно-греко-латинской академии, «ибо они с латинским языком удобнее и манжурскому языку учиться могут» [29, л. 15].

Система изучения восточного языка была проста: в августе до восьмого «обучались азбуке и письму», остальную часть месяца «вокабулам обучались, как что назвать». Весь сентябрь заполнен одними и теми же записями: «обучались вокабулам». Запись в начале октября гласит, что «учили, твердили и наизусть говорили вокабулы», и далее до конца месяца «обучались вокабулам», в первой половине ноября вновь «учили, твердили и наизусть говорили вокабулы», с 15 ноября уже «переводили вокабулы с манжурского языка на русский язык». В декабре ученики были заняты повторением пройденного и опять «обучались вокабулам». В январе 1740 г. Леонтьев и Канаев начали учиться писать по-маньчжурски, читали маньчжурский текст, повторяли пройденное, занимались переводами с маньчжурского языка на русский. В феврале ученики повторя-

ли пройденное, «твердили наизусть вокабулы учоныи», с 21-го «твердили большую книгу наизусть», а также переводили с маньчжурского языка на русский 20 листов какой-то книги. Занятия продолжались до конца 1740 г.

Чжоу Гэ был всего-навсего «воинский чин». Не имея никакого педагогического опыта, он шел обычным для старой китайской школы путем: ученики должны были первоначально заучивать наизусть все книги. Но у него не было даже тех учебных пособий, которые обычно заучивались наизусть в первых классах китайской школы — «Саньцзыцзин», «Байцзясин», «Цяньцзывэнь». Чжоу Гэ неоднократно обращался в московскую контору Коллегии иностранных дел с просьбами приобрести необходимые учебные пособия и даже указывал, где их можно найти. В частности, в августе 1739 г. он писал: «Надлежит по обучению оных учеников книги, а именно: „Тхусу тхаумуи сынг жа за вань“ (ба цзюань), а и паче „Цин вуджан“, который „Цин вуджан“ есть у меня, но только маленький и по учению не годен»¹⁰⁶ [32, л. 2].

13 сентября того же года Чжоу Гэ опять обращается с просьбой о приобретении книг для занятий. Он указывает, что в Академии наук есть много китайских книг, о чем он слышал в Петербурге «от иноземца Лаврентия Пухарта». Чжоу Гэ пишет, что книги можно найти у агента Ланга и у сына Ланга — Ивана Филатова, «который жительство имеет в Казани и в тридцати верстах в некотором пригородке», название которого он забыл. Если же и здесь книг достать не удастся, Чжоу Гэ советовал написать сибирскому губернатору, чтобы тот велел купить книги на границе [29, л. 27]. Чжоу Гэ подчеркивает, что книги нужны будут в будущем году, потому что ту книгу, которая у него есть, ученики наполовину уже выучили.

В феврале 1740 г. Чжоу Гэ вновь поднимает вопрос о книгах. При этом, чтобы обезопасить себя от нареканий, он просит при возможности достать книги, «чтоб мне во учении остановки какой не было, а ежели учинится остановка, чтоб на мне чего не взыскалось и в вину б не пришлось и не учинено какого штрафа» [32, л. 10].

Пользовался ли Чжоу Гэ, кроме тех книг, о которых он говорил в донесении, другими — осталось неизвестным.

В августе 1739 г. Чжоу Гэ доложил о первых успехах своих учеников и сообщил о крайней нужде, в которую они впали, так как «пропитание оными деньгами терпеть не можно». Он сообщил, что ученики учатся прилежно, «Андрей (Канаев. — П. С.) как я по-манзурски, Алексей (Леонтьев. — П. С.) лучше в письме манзурском и меня, а которой ученик был у меня в Петербурге при манзурском вышеописанные ученики лучше по учению и писму онаго, такожде писать и читать по-манзурски азбуку наизусть обучены и ныне обучаются языком манзурскому и китайскому, а одному манзурскому языку обучать их

И мпѣрское величество оубо я нечестивъ
нищадъ вашего ирещенія и служебъ
дѣлѣ: яже полого темнаго дому мѣху не
слыха: я ушлого импѣраторского величества
пекле я нечестивъ нищадъ рождѣнъ: тѣло:
меня сѣнастегалъ сокрушилъ я нечестивъ:
иностранецъ Лодовикъ мѣтѣ сатваръ:
надомнозъ итацъ я нечестивъ: три года
ушлого импѣраторского величества оубо
нищадого мне рещенія не тѣбъ и мене
затрица мѣтѣ паказалася: я хоша
тѣлесъ мѣтѣ итацъ хрѣста я нинѣ
готтавъ умереть: и служебъ: я нечестивъ
А оубо

1776

Прошение Чжоу Гэ

не можно понеже переводить с китайского языка никак не можно и впредь мню, что оные ученики учиться будут, а буде оная контора верить не будет, чтоб соблаговолила осмотреть письмо их...» [29, л. 15].

Представляется, что успехи учеников за столь короткий срок, очевидно, несколько преувеличены, тем более что писал «доношение» один из них — Леонтьев, а основной целью было сообщить о тяжелом положении учеников и просить прибавку жалованья. Все же можно заключить, что за два первых месяца занятий и со стороны учеников, и со стороны учителя было проявлено много усердия.

По всей вероятности, Чжоу Гэ знал китайский язык хуже, чем маньчжурский, но для пояснения маньчжурских слов и

текста прибегал и к китайскому языку, так как словарь, которым он пользовался, был маньчжуро-китайский — «Цин вэнь-цзянь». Это позволяет предположить, что Леонтьев и Канаев изучали основы не только маньчжурского, но и китайского языка.

В конце 1740 г. Чжоу Гэ писал в донесении в московскую контору Коллегии иностранных дел, что ученики «как ево, так и их прилежанием маньчжурского языка, колико он, Джога, знает, как переводчик с маньчжурского на русский язык, так и с русского языка на маньчжурский, говорить, читать и писать обучились совсем исправно, токмо говорить о далних разговорах, также и в переводах далних не будут, понеже и он, Джога, против настоящих маньчжуров языка и переводу не знает, для того, что он был воинский...»¹⁰⁷. В заключении он просил наградить его «для пропитания деревнями», а учеников отослать в Китай. В результате учитель получил в награду 50 руб., а Леонтьев и Канаев в 1743 г. были отправлены в Пекинскую духовную миссию.

После того как занятия в школе закончились, Коллегия иностранных дел предполагала определить Чжоу Гэ в качестве помощника Россохина. На это прямо было указано в проекте коллегии: «К немалой впредь пользе всей Российской империи онаго китайца Федора Петрова из Москвы в Академию наук для того взять, чтоб он, Петров, под смотрением и руководством прапорщика Россохина, поручаемых ему учеников китайскому и маньчжурскому языку столь большим успехом обучать, также обоими языками беспрестанно с ними говорить, силу и произношение голосом речей им показывать, трудные слова и литеры толковать, а притом великательность сих двух языков им показывать» [37, л. 16]. Намерения были хорошие и, несомненно, принесли бы ощутимую пользу, но в Академии наук не нашлось средств.

Канцелярия академии сообщила в Коллегию иностранных дел, «что не токмо в нем (Чжоу Гэ.— П. С.) Академии наук нужды не имеетя, но и прапорщика Россохина за неподтверждением своего штата жалования содержать не в состоянии [37, л. 16 об]. Действительно ли в академии не было возможностей выплачивать 200 руб. в год Чжоу Гэ, или же Шумахер, руководивший тогда самовластно Академией наук, препятствовал изучению китайского и маньчжурского языков в академии — остается неизвестным.

За свою службу в Коллегии иностранных дел Чжоу Гэ был награжден чином прапорщика с доплатою сверх его жалованья 3 руб. в месяц и направлен в Архангельский гарнизон. Из Архангельска он неоднократно подавал прошения о прибавке жалованья. В 1750 г. он ездил в Петербург, в Государственную военную коллегию, «для прошения о перемене чина», но безрезультатно. 3 января 1751 г. Чжоу Гэ подал рапорт, в кото-

ром, жалуясь на свою болезнь (слабость, плохое зрение и др.), заявил, что он «более гарнизонной службы нести не может». 9 марта 1751 г. Чжоу Гэ скончался [29, л. 152, 164; 38].

ТРЕТЬЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

В 1735 г. в Пекин была отправлена третья духовная миссия во главе с Илларионом Трусовым¹⁰⁸ [56; 63; 73]. С этой миссией ученики не посылались, и в 1736 г. в Пекине было только четыре ученика: Россохин, Пономарев, Алексей Владыкин и Быков¹⁰⁹, в отношении которых Трусов получил, как и его предшественник Платковский, инструкцию, определявшую полное подчинение учеников главе миссии [56, л. 6—7].

Спустя пять лет в указе от 21 января 1740 г. Трусову было предписано отправить в Россию Россохина и Пономарева, а также велено «стараться сыскать в Пекине такого человека, который знает японский язык и мог бы обучить оному, для обучения японского языка учеников два или сколько возможно, которые к тому способны», причем наблюдать, чтобы ученики учились прилежно, и обучение «производить без всякого разглашения секретно, дабы китайцы в том какого препятствия не učinили» [56, л. 23].

В этот период царское правительство крайне нуждалось в переводчиках с японского языка. Единственные ученики первого преподавателя японского языка в России — японца Гонзы, получившего при крещении имя Демьяна Поморцева, — Шенанькин и Фенов в 1740 г. были отправлены в Охотск для участия в экспедиции в Японию¹¹⁰.

Японцы попадали в Россию случайно. Чаще всего это были рыбаки, потерпевшие кораблекрушение. Они не могли обеспечить сколько-нибудь квалифицированное преподавание языка. И Коллегия иностранных дел пыталась найти другой путь, отыскав знатоков японского языка в Китае.

Эта попытка не удалась. М. Л. Шокуров, сопровождавший членов третьей духовной миссии и получивший такое же, как и Трусов, распоряжение о розыске в Пекине учителя японского языка, доносил в Коллегию иностранных дел, что в Пекине японцев нет, а знающих японский язык также не нашлось. Поэтому он советовал ходатайствовать в Лифаньюане о разрешении направить учеников в китайские города, лежащие на побережье близко к Японии, «и гораздо лучше, в самую Японию на кораблях китайских послать» [56, л. 64].

ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ ДУХОВНЫЕ МИССИИ. АЛЕКСЕЙ ВЛАДЫКИН И ИВАН БЫКОВ

После смерти в 1742 г. начальника третьей духовной миссии Трусова Синод и Коллегия иностранных дел были озабочены подбором состава следующей миссии [69].

Члены миссии (иеромонахи, причетники и даже архимандриты — начальники миссии) всячески противились отправлению их в Китай и ехали в эту почти неизвестную страну по принуждению, со страхом за свою жизнь. Слухи о большой смертности среди членов миссии, несомненно, достигали монастырей, откуда главным образом отбирались кандидаты. Приехав в Китай, члены миссии вели праздную жизнь; изучать язык страны, где они должны были пробыть до десяти лет и более, не желали и ждали смены, «как избавления от ига египетского».

Чтобы рассеять страхи и предубеждения, Синод писал в своем указе: «Хотя оное азиатское государство (Китай.— П. С.) и дальнейшее есть и состоит почти все в идолотворстве, обаче народ тамошний, как святейшему Синоду известно, весьма незлобивый, и приятный и обхождения изрядного»¹¹¹.

В 1742 г. в Пекин был отправлен с извещением о восшествии на престол Елизаветы Петровны М. Л. Шокуров [71], уже бывавший в Китае, а с ним и ученики А. Леонтьев, А. Канаев, а также присланный из Славяно-греко-латинской академии студент риторики Никита Михайлович Чеканов, добровольно выехавшийся ехать в Китай изучать китайский и маньчжурский языки. Леонтьев и Канаев ехали в столицу Цинской империи также по собственному желанию; в рапорте о посылке их в качестве учеников в Китай они просили: «...чтоб повелено было послать нас в то государство в нынешнее зимнее удобное время, чтобы задолго продолжительною посылкою время без обучения не тратилось напрасно» [71, л. 11; см. также 35]. Дело в том, что зимой поездка по Сибири на санях совершалась с меньшими трудностями и быстрее, чем в другие времена года. Одновременно Леонтьев и Канаев просили выдать им деньги на платье: «прикрыть наготу и холоду».

Шокуров и его спутники выехали из Москвы 29 декабря 1742 г. В Урге, куда они прибыли 17 апреля 1743 г., маньчжурские власти отказались пропустить учеников, основываясь на том, что по Кяхтинскому договору последние должны проезжать только с караванами¹¹². Оставив учеников в Урге, Шокуров выехал в Пекин и там добился разрешения на въезд их в Китай. 16 октября Леонтьев, Канаев и Чеканов прибыли в Пекин, проведя в дороге около десяти месяцев. Обратню на родину вместе с Шокуровым выехал только И. К. Россохин.

О занятиях языками Леонтьева, Канаева и Чеканова не сохранилось почти никаких данных. Известно только, что Леонтьев «трибунальским маньчжурского языка переводчиком состоит» [66, л. 99 об.]. Он же, очевидно по примеру своих предшественников, преподавал в школе русского языка.

Рукописи А. Л. Леонтьева в какой-то степени дают представление о содержании его занятий в Пекине. Кроме привезенных им из Китая переводов с маньчжурского и китайского языков, многие из которых впоследствии были изданы, Леонть-

ев, еще будучи в Пекине, составил русско-маньчжурско-китайский разговорник. Это тетрадь размером в лист. 46 страниц поделены на главы, рассказывающие о небе, земле, военных чинах и т. д. На каждой странице фразы на русском, китайском и маньчжурском языках [Леонтьев, № 6].

К трудам, выполненным Леонтьевым в Пекине и оставшимся в рукописях, можно отнести «Журнал, составленный в Лифаньюане, осады Албазина и переговоров с Ф. Головиным в Нерчинске» [Леонтьев, № 1]. Этот перевод, как пишет Леонтьев, сделан из китайского государственного журнала.

Во время пребывания в Китае Леонтьевым была составлена хронологическая таблица по династиям с кратким перечислением основных событий каждого царствования [Леонтьев, № 3].

В 1743 г. под главенством Гервасия Ленцовского, в составе семи членов и ученика Ефима Сахновского из Иркутска выехала четвертая духовная миссия [66; 68—70; 72; 74; 76; 78]. Маньчжурские власти далее границы миссию не пропустили, вновь ссылаясь на то, что по Кяхтинскому договору миссия должна ехать в Пекин только с торговым караваном. Пришлось вернуться в Иркутск и ждать организации каравана. Только 1 сентября 1745 г. караван с миссионерами и учениками, возглавлявшийся Герасимом Лебратовским¹¹³, переехал границу Цинской империи. А 3 июня 1746 г. [80] Лебратовский выехал из Пекина на родину вместе с двумя учениками миссии — Алексеем Владыкиным и Иваном Быковым, уже закончившими свой срок пребывания в Китае.

Владыкин кроме изучения языков имел также задание «приискать» в Пекине «фарфоровых дел мастеров», самому изучить производство фарфора и обучить этому Андрея Курагина [77; 79]¹¹⁴.

После отъезда из Пекина И. К. Россохина «по требованию китайского министра» Владыкин был направлен для переводов в Лифаньюань и преподавал родной язык в китайской школе русского языка вплоть до отъезда на родину в июне 1746 г.

По дороге в Петербург Владыкин был задержан в Иркутске «для проведения в Петербург» японцев (пяти «мотаманцев») и только 7 апреля 1747 г. прибыл с ними в Сенат. Впоследствии он служил в Якутском пограничном полку, где «сверх полковых дел» использовался как переводчик маньчжурского и китайского языков [77]. В 1753 г. Владыкин был повышен в чине и назначен директором направлявшегося в Китай торгового каравана¹¹⁵. Таким образом в 1755 г. он вновь приехал в Пекин [82].

Вторым учеником, закончившим обучение в Пекине в 1746 г., был Иван Быков — «ученик прапорщичьего ранга». Он был взят в миссию в 1732 г. для ведения путевого журнала и конторских книг, а затем оставлен в Пекине в качестве ученика.

В своем рапорте в Коллегию иностранных дел от 28 марта 1748 г. Быков сообщает, что «во всю же его в Китае бытность, по крайней своей ревности, обучился он по манджурски и без всякой нужды переводить может; никанских несколько тысяч литер знает, а словесно и на свободно переводить может же». Он просит принять его на службу в коллегию и дать чин поручика, как другим. И хотя Сенат дал Быкову чин поручика «за обучение языкам» и «за долговременную его там (в Китае.— П. С.) бытность»¹¹⁶, Коллегия иностранных дел отказала ему: «За неимением никакой корреспонденции на тех языках, которым он обучался, употреблен быть не может». Быков был направлен в Академию наук для переводов книг с маньчжурского и китайского языков и обучения «по рассмотрению оной Академии» этим языкам детей «мастерских людей». Вероятно, Коллегия иностранных дел рассчитывала использовать Быкова в существовавшей в то время школе китайского и маньчжурского языков, руководимой Россохиным.

В Академии наук Г. Ф. Миллер устроил Быкову экзамен, который проходил в присутствии Россохина. 23 мая 1748 г. в Канцелярию Академии наук было доставлено заключение Миллера: Быков «в манжурском языке искусен и переводить с манжурского на российский и с российского на манжурский умеет и учеников обучать может, только в никанском языке он, Быков, хотя в просторечии о всяких делах по оному говорить может, однакож за великим множеством китайских литеров всего вытвердить не мог, чего ради и в переводах в оном языке будет недостаточен и учеников совершенно ему выучить невозможно»¹¹⁷.

Это заключение прежде всего свидетельствует о тех сравнительно высоких требованиях, которые предъявлялись переводчикам, и характеризует степень подготовленности учеников в Пекине. Заключение Миллера было основанием для Канцелярии Академии наук ответить Коллегии иностранных дел, что Быков «при Академии быть ненадобен». Отказ принять Быкова мотивировался еще и тем, что «для тех наук двум учителям при Академии быть не для чего и нужды Академии в том ни мало нет»¹¹⁸. В письме сказано также, что впредь для изучения китайского и маньчжурского языков будут приниматься ученики, знающие латинский или французский язык, что может помочь в усвоении восточных языков. О дальнейшей жизни Быкова пока ничего не известно.

Судьба Быкова, как и многих других учеников, характерна для того периода. В России все переводы выполнялись одним Россохиным, а Коллегия иностранных дел упорно не желала иметь постоянного переводчика, не понимая необходимости сохранить подготовленные кадры.

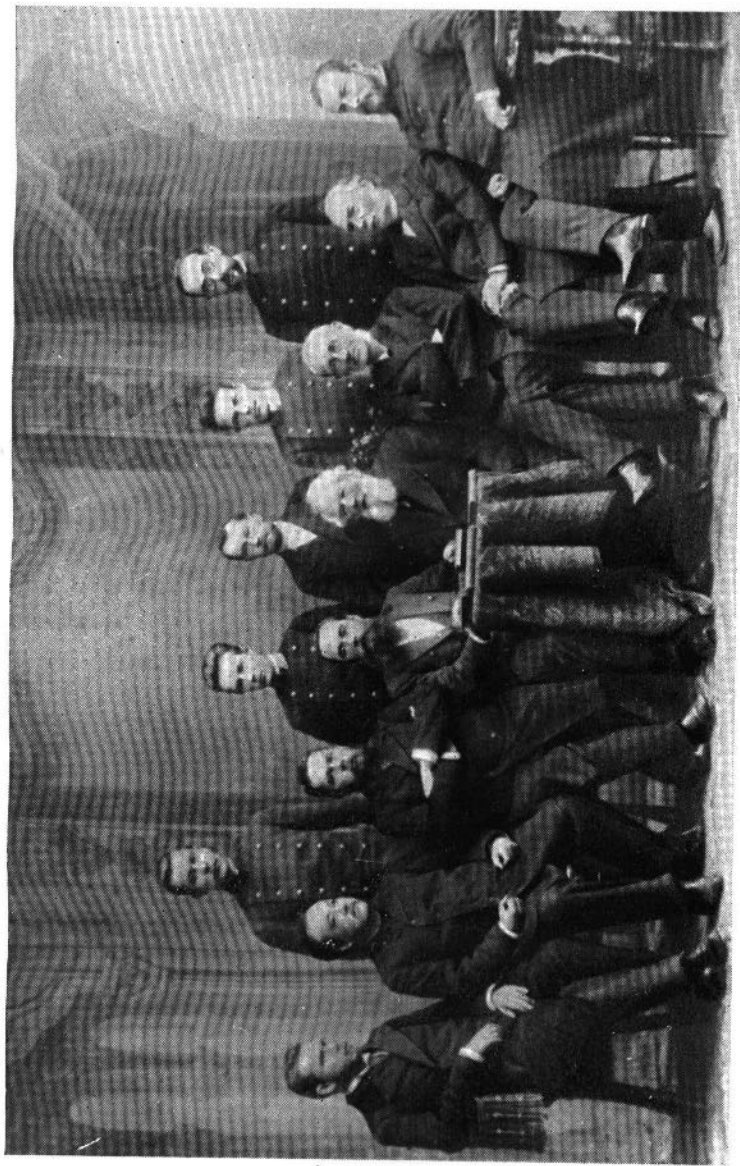
С именем начальника четвертой миссии Гervasия Ленцовского связано развитие лексикографических работ миссии. Пе-

П. Е. Скачков

Преподаватели и студенты китайско-маньчжуро-монгольского разряда факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Фото 1892 г. Первый ряд (сидят) слева направо: В. Ф. Гроссе, Павлухин, К. Косович, Рудановский. Второй ряд: Д. А. Пещуров, А. М. Позднеев, В. П. Васильев, К. Ф. Голстунский, Н. И. Веселовский, С. М. Георгиевский. Третий ряд: Модестов, А. И. Андреев, С. А. Колоколов, Штейн, П. Сипягин, Я. Брандт, П. Рождественский, Н. В. Боговяленский

Преподаватели и студенты китайско-маньчжуро-монгольского разряда факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Фото 1897 г. Первый ряд (сидят) слева направо: Д. М. Позднеев, Круно, Н. И. Веселовский, А. М. Позднеев, В. П. Васильев, К. Ф. Голстунский, Д. А. Пещуров, А. О. Ивановский. Второй ряд: Х. Кристи, Б. В. Долбежев, М. П. Федоров, А. Бельченко, Брахман

Преподаватели и студенты японо-китайского и китайско-маньчжурского разрядов восточных языков Санкт-Петербургского университета. Фото 1915 г. Первый ряд слева направо: В. А. Жуковский, В. Л. Котвич, Н. И. Веселовский, Круно, Н. Я. Марр, Н. А. Медников, Н. И. Конрад, А. И. Иванов. Второй ряд: четвертый слева — Н. И. Воробьев, шестой — В. М. Алексеев

ред отъездом в Китай Ленцовский получил в Синоде 13 октября 1742 г. привезенный Антонием Платковским «лексикон на тамошнем никанском диалекте с переводом на латинский диалект и с надписью над речью китайскими и латинскими литеры, как те речи их никанским званием зовутся». Платковский увез с собой из Пекина «начатую грамматику на четырнадцать листах в полдесть, да вокабулы по российскому алфавиту точно по первым трем литерам: а, б, в». Авторы грамматики и вокабул и местонахождение рукописей пока еще неизвестны.

По указу Синода Ленцовский должен был внимательно проверить через местных толмачей и русских учеников, «исправно-ли сочинен и переведен» словарь, и, если он будет признан «исправным», списать с него точную копию, а подлинный прислать обратно в Синод с надежной оказией в ящике, бережно завернув его в вату [68]. Такое точное указание свидетельствует о том, что Синод считал этот словарь большой ценностью.

Что касается копии словаря, то по ней было предложено обучаться китайскому и маньчжурскому языкам всем духовным лицам. Это был, очевидно, тот словарь, о котором сообщал Синоду Платковский и который был предшественником многих словарей, составлявшихся затем учениками и другими членами миссии.

В 1753 г. на смену четвертой духовной миссии была послана новая — во главе с Амвросием Юматовым. В нее были включены ученики Вавила Ермолаев, Степан Соколов, Степан Якимов и Иван Озеров¹¹⁹.

Караван благополучно достиг Пекина, но, как это произошло и с предыдущими миссиями, затруднения встретились в самой китайской столице. Лифаньюань отказал в том, чтобы все четыре ученика остались в Пекине. Основанием для этого явилась ст. 5 Хяктинского трактата: «А когда выучатся, по своей воли да возмутся назад». Чиновники Лифаньюаня указывали, что о регулярной замене одних учеников другими в трактате не сказано и менять учеников или оставлять их в Пекине было волею маньчжурских чиновников. Из низших духовных лиц разрешено было оставить только двух из пяти приехавших.

Все эти придирки были следствием различного рода трений между цинскими и русскими властями из-за пограничных недопониманий: постоянных переходов жителей приграничной полосы — монголов — на русскую территорию. Отказом оставить в Пекине часть членов пятой миссии маньчжурские чиновники хотели вынудить русские пограничные власти пойти на уступки в вопросах выдачи перебежчиков.

В обратный путь с караваном, возглавляемым Алексеем Владыкиным, 4 июня 1755 г. выехали в Россию члены четвертой миссии, ученики пятой миссии, которым не разрешили остаться в Пекине местные власти, причетники и окончившие свой срок пребывания Алексей Леонтьев и Ефим Сахновский

[86]. Сахновский был оставлен переводчиком при Кяхтинской таможне, а Леонтьев, аттестованный в указе от 5 апреля 1756 г. как «жития трезвого и честного и по примерному китайскому и маньчжурскому языкам учению и знанию достоин быть в Коллегии иностранных дел переводчиком маньчжурского языка»¹²⁰, назначен переводчиком коллегии с чином поручика и с жалованьем 250 руб. в год.

А. Л. ЛЕОНТЬЕВ И ЕГО ТРУДЫ В ОБЛАСТИ КИТАЕВЕДЕНИЯ

Социально-политическая обстановка в России во второй половине XVIII в., ко времени возвращения Леонтьева на родину, была сложной. Обострилась классовая борьба между помещиками и крестьянами, усилился крепостнический гнет, приводивший к массовым крестьянским восстаниям, которые завершились великой крестьянской войной под предводительством Е. Пугачева. Реакция, следовавшая после усмирения «пугачевщины», привела к усилению деспотии и росту экономических и политических привилегий дворянства. От заигрывания с «вольтерьянством» и другими «идеями просвященной Европы» царизм переходит к политике противоборства с влиянием «кромольных идей», где бы они ни высказывались — во Франции или на пути из Петербурга в Москву.

На европейскую культуру XVII и XVIII вв., особенно во Франции, сильное влияние оказывало увлечение Китаем¹²¹. Предметы китайского искусства и быта, доставляемые из далекой «экзотической» страны, труды миссионеров, проведенных долгие годы в Китае, открывали своеобразный мир. Одни в идеях китайской философии искали пути выхода из тяжелого социально-экономического положения, в котором находилась Франция до революции 1789 г., другие в государственном устройстве «идеального» Китая видели подтверждение незыблемости деспотического абсолютизма; третьи, увлекаясь китайской культурой, находили в китайских сочинениях обоснование превалирующего значения земледелия в экономике страны.

Увлечение Китаем переживало и русское дворянство, группировавшееся главным образом вокруг царского двора. Торговые казенные караваны наряду с основными товарами, импортируемыми из Китая в Россию, — шелковыми и хлопчатобумажными тканями — привозили и предметы роскоши: картины, фарфор, изделия из лака, ковры, веера, украшения. Царский двор и близкие к нему вельможи коллекционировали предметы китайского искусства и быта. Например, коллекция графа Я. В. Брюса насчитывала более 200 предметов, вывезенных из Китая¹²².

«Китайское поветрие» сказалось на русской литературе, театре и архитектуре. Об увлечении «китайским стилем» в архи-

текстуре свидетельствуют такие образцы зодчества, как «Китайский дворец» в Ораниенбауме (1762 г., архитектор Ринальди)¹²³, «Китайский театр» (возведен по проекту придворного архитектора В. И. Неелова в 1777—1779 гг. в Царском Селе), а также два моста, беседка «Большой каприз» и неоконченная постройка «китайской деревни» в Царском Селе¹²⁴.

Как и французские феодалы, Екатерина II и ее придворные искали в образе жизни, законах, философии и истории Китая обоснование природы деспотической власти: «сколь тесно соединяли (китайцы.— П. С.) со скипетром добродетель и с добродетелью власть». Недаром Екатерина особым указом повелела перевести Уголовное уложение Цинов, где прославлялось единоначалие правления и узаконивались привилегии маньчжурской знати.

Таков был Петербург, когда А. Л. Леонтьев начал работать в 1756 г. в Коллегии иностранных дел. О круге его обязательных занятий ничего не известно, в основном это были, очевидно, переводы официальных бумаг, получаемых из Китая и посылаемых из Сената в Китай¹²⁵. Вероятно, по поручению Коллегии иностранных дел Леонтьев перевел 34 листа документов, полученных из Тобольского архива через Соймонова [91], и сделал с оригинала новый перевод Кяхтинского трактата [92].

Как было сказано выше, в 1757 г. по указу Коллегии иностранных дел А. Леонтьев был направлен в Академию наук в помощь И. К. Россохину для перевода 16-томного «Обстоятельного описания происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего». Леонтьев закончил эту большую, многогранную работу уже после смерти Россохина, сделав перевод 11 томов и составив отдельный (17-й) том — «Примечания на все маньчжурские и китайские слова...» (см. сноску на стр. 397), где ему принадлежат страницы 257—323 [20; 28].

За этот большой труд по указу от 7 августа 1762 г. Леонтьев был представлен к чину губернского секретаря и награжден денежной премией в 400 руб. Вдова Россохина получила 600 руб.

Публикация «Обстоятельного описания...» затянулась на долгие годы. История его издания весьма характерна для иллюстрации борьбы М. В. Ломоносова с происками немецких ученых в Академии наук. Хотя перевод и подготовка к изданию осуществлялись Леонтьевым на основании специального указа Сената, который был подтвержден 7 октября 1762 г. новым указом об ускорении издания, оба эти указа так и не были выполнены¹²⁶. 22 октября 1762 г. И. К. Тауберт¹²⁷ передал рукопись «Обстоятельного описания...» на рассмотрение А. Л. Шлёцера¹²⁸, который 18 ноября представил в Канцелярию Академии наук свой отзыв¹²⁹. Он заявил, что хотя содержание этого труда и важно, однако печатать его целиком нет смысла, доста-

точно «выписать обстоятельства, которые принадлежат до истории, и снабдить их предисловием». Эту работу Шлёцер брал на себя.

29 июля 1764 г. канцелярия Сената вновь запросила Академию наук, в каком положении находится печатание «Обстоятельного описания...». Тауберт, без ведома Ломоносова, бывшего тогда президентом академии, 9 августа дал ответ в Сенат, что якобы Академическое собрание постановило: рукопись в 16 томах печатать невозможно, будет убыток — «превеликий кошт и время», никто ее покупать не станет «и для сведения Европе ни мало ненужного в ней содержится», ссылается на «штиль китайский, изображающий (подражающий.— П. С.) форме указов и протоколов, и что надлежит искусному в исторических сочинениях ученому человеку сделать из нее экстракт, оное препоручить Шлёцеру, другим перепоручить нельзя»¹³⁰. Однако Академическое собрание этого вопроса не рассматривало — Тауберт обманул канцелярию Сената.

Так немецкие ученые, в свое время не допустившие публикации трудов Россохина, пытались без всяких на то оснований умалить достоинство и огромного труда Россохина и Леонтьева.

М. В. Ломоносова возмутила ложь Тауберта и его намерение принизить значение работы русских китайстов. В своем ответе канцелярии Сената он указывал, что вопрос о публикации «Обстоятельного описания...» в Академическом собрании не обсуждался — об этом не отмечено и в конферентском протоколе и «помянутое собрание не учинило бы столь нерассудно, что бы отдать сие дело новоприезжему чужестранцу, не знающему еще российского языка и мимо профессоров Миллера и Фишера»¹³¹. Возражая по пунктам на доводы Шлёцера, М. В. Ломоносов считал, что сличать приведенные в «Обстоятельном описании...» данные о Китае с данными других авторов (как это предлагал Шлёцер) «совсем нет необходимости». Ломоносов возражал против предложения сделать «экстракт» из многотомного труда: «Правительствующего Сената распоряжения о переводе „Обстоятельного описания“ исходили из Сената. Намерение не в том состоит, чтобы в печать вышла о Китае маленькая книжка, но в том, чтобы она была издана в народ».

Он также находил совершенно неосновательным предложение об изъятии из рукописи родословных таблиц: «Родословные таблицы не почитаются нигде за ненужные окрестности: и то отговорка». Ломоносов высказывал опасение, что Шлёцер уже сделал «экстракт» на немецком языке и послал его «в чужое государство».

Опасения Ломоносова оправдались. Шлёцер, уличенный в присвоении рукописей, был уволен, последовал указ Сената не выпускать его из России, не отобрав у него ценнейших рукописей. Однако Тауберт предупредил Шлёцера, и последний

часть рукописей спрятал, а часть все же забрал с собой в Германию.

Мытарства с изданием «Обстоятельного описания...» закончились только через 23 года. К 1784 г. все 16 томов и 17-й том с примечаниями были опубликованы¹³².

В 1761 г. Коллегия иностранных дел была озабочена неудовлетворительным положением с лицами, знающими китайский и маньчжурский языки. В Пекине не осталось ни одного ученика. Для переводов с китайского и маньчжурского языков в Петербурге был лишь один переводчик — Леонтьев, Сахновский находился в Селенгинске у пограничного комиссара И. В. Якобия. Было опасение, что если Леонтьев заболит («иногда случается такой припадок»), то перевести будет некому, так как Сахновского с границы отзывать нельзя. (Фраза о припадке наводит на мысль о какой-то болезни Леонтьева, но, может быть, это просто опасение остаться без переводчика.)

В ноябре 1761 г. Леонтьев был принят канцлером М. И. Воронцовым¹³³, которому подал составленную им «Ведомость о китайских доходах». На вопрос канцлера, куда бы было «пристойно» определить привезенного из Ставрополя крещеного китайца, Леонтьев предложил открыть небольшую школу, где он стал бы обучать китайскому и маньчжурскому языкам, а китаец мог бы у него учиться маньчжурскому и русскому языкам и помогать ученикам в усвоении китайского [174].

Получив согласие Воронцова, Леонтьев в декабре 1761 г. подал в Коллегию иностранных дел «доношение», являющееся своеобразным проектом подготовки кадров переводчиков. Указывая, что в настоящее время в Пекине нет ни одного ученика и что в необходимых случаях там «употребляют беспамятных монгольских толмачей, а китайцы по монгольски мало знают», Леонтьев выразил убеждение, что от школы по типу той, в которой он сам когда-то учился, «впредь может произойти большой толк». Он обращал внимание коллегии на недопустимый порядок, когда обучившиеся в Китае языкам «с самого выезда из Пекина, будучи не при переводах, но при других делах, никакой в тех языках практики не имеют».

Приводя как положительный пример отправление его и Канеева в Пекин после занятий языками с Чжоу Гэ, когда «при наученных здесь тамошних языках послать было прилично и к совершенному убеждению надежней от таких, которые ни слова по китайскому не знают», Леонтьев переходит к основному своему предложению: «...не сообразовано ли будет впредь для нужды в переводах, чтоб в России знающие китайские языки не перевелись, поручить мне трех малолетних и к обучению понятных учеников, какие бы были из школ синтаксисами (четвертая школа — класс Славяно-греко-латинской академии.— П. С.) обучать китайскому и маньчжурскому языкам» [174, л. 54, 55].

Через некоторое время согласие на открытие школы было получено, и 4 марта 1762 г. Коллегия иностранных дел сообщила в Сенат, что на школу ассигновано 1 тыс. руб. в год, и просила выбрать из Петербургской, Новгородской и Московской духовных семинарий трех или четырех учеников, знающих латинский язык, которые «китайским и маньчжурским языкам обучаемы быть имеются секретарем оной Коллегии Алексеем Леонтьевым». Однако только в конце февраля 1763 г. к Леонтьеву явились четыре ученика из школы риторики Новгородской семинарии: сын пономаря Антон Иванов, сыновья священников Афанасий Никитин, Михаил Антипов и Иван Козмин, которые «по учению того китайского языка желание показали». Леонтьев подозрительно отнесся к возрасту учеников: троим было по 17 лет, четвертому — 19. «А я примечав особливо по большому их росту,— писал он в коллегию,— что все они от роду еще больше сего лет имеют и для того к обучению оных успеху не надеюсь» [174, л. 19].

Претендентов направили в Академию наук для проверки их способностей и знания латинского языка. После экзамена у профессоров Цейлера и Глаука оказалось, что только двое — Антон Иванов и Михаил Антипов — «в латинском языке хороший успех имеют и по обучению маньчжурскому и китайскому языкам способны быть могут» [174, л. 23]. Тогда Леонтьев сам стал искать учеников и 27 апреля сообщил коллегии, что из учеников Петербургской духовной семинарии, «желающих китайскому и маньчжурскому языкам обучаться много (разрядка моя.— П. С.) и особливо охоту имеют двое, один из школы пиитики — Яков Коркин пятнадцати лет, другой из школы грамматики — Яков Полянский четырнадцати лет», в связи с чем просил «истребовать их» из духовной семинарии [174, л. 30].

Так была укомплектована школа китайского и маньчжурского языков в Петербурге. В помощь Леонтьеву был привезен из Ставрополя китаец, получивший при крещении имя Артемия Васильева. Васильев заявил, что отец его по имени Син Джоу был цзянцзюнем (военным губернатором) провинции Фуцзянь [174, л. 49]. Сам он служил в желтом маньчжурском знамени «талайдой» (штаб-офицер) ¹³⁴.

Пока шла переписка о наборе учеников, Леонтьев хлопотал об учебных пособиях. Еще в феврале 1763 г. он писал, что после члена четвертой миссии Ф. Смержевского остались книги, из которых сохранились «присланные в Синод вокабулы и разговоры по большей частью с неисправными и неправильными пекинских учеников переводами, коим я тогда сочинил при осмотре реест», и просил прислать их для занятий. Из этого реестра, в котором указано 15 рукописных книг, можно видеть, сколько труда приходилось отдавать членам и ученикам Пекинской духовной миссии для изучения языков.

Назовем некоторые из этих книг в том порядке, как они указаны в реестре:

№ 4. «Вокабулы китайские с переводом российским, выбранные из лексикона»;

№ 12. «Вокабулы манжурские с китайским переводом, печатные. Перевод по российскому списан рукой иеродиакона Иосафа».

№ 14. «Азбука манжурская, при ней вокабулы с переводом» [174, л. 14—15].

«Вокабулы» под № 12 принадлежали Иосафу Ивановскому, бывшему в Пекине в составе второй, третьей и четвертой миссий и умершему там в 1747 г.

Получил ли Леонтьев из Синода вокабулы по приведенному реестру, неизвестно; упоминаний об этом в архивных документах и литературе автор не нашел.

В мае 1763 г. Леонтьев начал занятия в школе. О том, как они велись, каковы были успехи учеников, как был использован для практических занятий китаец Васильев, в архивных делах материалов не найдено. Сохранилось только одно донесение Леонтьева, от 15 ноября 1764 г. (т. е. почти через полтора года после начала занятий), дающее некоторое представление о положении дел в школе. Леонтьев писал об Иванове и Антипове, что хотя они «научились по манджурски читать и писать несколько китайских литер и разговоров и часть грамматики», но, «видя во учении китайского и манжурского языков большую трудность, а себя в больших летах», они просили разрешения подать в Коллегию иностранных дел прошение о скорейшей отправке их в Пекин или на китайскую границу; если же это невозможно, то определить их при коллегии «в приказные служители» [174, л. 85 об.—86].

Леонтьев поддержал просьбу учеников и ходатайствовал об определении их «куда заблагорассудится, дабы на них казенного интереса не тратить, ибо по обучению таких летних (многолетних.— П. С.) учеников успеху быть не уповательно». М. Антипов в 1765 г. был отправлен на границу к коменданту Якобию и там, изучив монгольский язык, получал за свою службу неоднократные поощрения [174, л. 116—121]. А. Иванов перешел в «приказные служители».

«Малолетние ученики», как называет Коркина и Полянского Леонтьев в цитируемом выше донесении, сделали большие успехи.

Сколько времени просуществовала школа Леонтьева, точно неизвестно. Судьба Полянского пока остается невыясненной.

Коркин уехал вместе с Леонтьевым в 1767 г. в Кяхту, а в 1768 г. был включен в состав шестой духовной миссии. Леонтьев был прикомандирован в качестве переводчика и для «исправления канцелярских дел» к гвардии поручику Ивану Кротову, посланному Екатериной II для урегулирования по-

граничных споров, которые в это время были особенно острыми. В указе о прикомандировании Леонтьева сказано, что с ним отсылается его ученик, которого он обучал при Коллегии иностранных дел, «да и в бытность при вас (Кропотове.— П. С.) в Сибири велеть ему онаго обучать». Фамилия ученика не названа. Им, очевидно, был Коркин.

Результатом переговоров Кропотова было подписание дополнительной статьи к Кяхтинскому трактату, в которой уточнялись вопросы юрисдикции перебежчиков и торговых пошлин¹³⁵.

После окончания переговоров Леонтьев в 1769 г. возвратился в Петербург на прежнюю должность — переводчика Коллегии иностранных дел.

С этого времени начинается наиболее плодотворный период его деятельности. Он принимает активное участие в общественной жизни, публикует свои статьи в журнале, издаваемом Н. И. Новиковым, участвует в составлении «Наказа» Екатерины II и за короткий период (1771—1786 гг.) издает 21 труд.

Начиная с 70-х годов появляются многочисленные переводные труды Леонтьева. Их тематика весьма разнообразна: география и история Китая, отношения России с Китаем, уголовное законодательство, этика, философия, административное устройство Китая, «поучения» императоров и др.

«Кратчайшее описание городам, доходам, протчему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам ведомы», изданное в 1778 г. в Петербурге, является первым опубликованным в России переводом по географии Китая¹³⁶. Для оценки труда, вложенного в эту книгу, нужно прежде всего обратиться внимание на обстоятельные примечания и комментарии, данные самим Леонтьевым, которые облегчили читателю понимание незнакомых терминов и исторических дат.

В журнале «Трутень», издаваемом Н. И. Новиковым, в феврале 1770 г. появился перевод Леонтьева «Чензья, китайского философа совет, данной его государю», а в журнале «Пустомеля» в том же году в июльском номере — «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну». Вопрос о публикации Новиковым этих двух переводов Леонтьева не раз освещался в советской литературе. К. В. Пигарев, Г. Макагоненко, П. Н. Берков¹³⁷ единодушно высказывают мнение, что в обоих переводах «было очень много такого, что подталкивало на сопоставление с русской действительностью 1770—80 гг.». Содержание первой публикации должно было навести читателя на мысль, как должна была бы управлять государством Екатерина II. По этому поводу в особом примечании, помещенном после перевода, Новиков явно иронизирует, когда говорит: «...когда бы китайский философ ныне жил, то бы не написал сего совета своему государю, а советовал ему в храм вечности итти по стопам Великой Екатерины»¹³⁸.

Во второй публикации, где говорится о передаче Юнчжэном престола своему сыну, заключался намек на то, что Екатерина должна отречься от престола в пользу законного наследника Павла I, которому в 1770 г. исполнилось 16 лет.

Помещенные в том же номере «Пустомели» стихотворения Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим», рисовавшие неприглядную картину русского крепостничества, наталкивали, кроме того, на сравнение положения в России с идеализируемым процветающим Китаем.

Существовало даже мнение, что публикация «Завещания Юнджена» послужила поводом для закрытия журнала. Однако этот факт вполне справедливо ставит под сомнение советский исследователь литературы XVIII в. Г. Макагоненко, который подчеркивает, что «если бы Екатерина закрыла журнал только за помещение „Завещания“, являющегося отрывком из книги «Китайские мысли», переведенной Леонтьевым, то она не допустила бы издания всей зловредной книги», вышедшей в 1772 г.¹³⁹ К справедливым выводам Г. Макагоненко можно добавить, что именно с 1772 г. начинается публикация всех трудов Леонтьева, что «Китайские мысли» выдержали четыре издания и что Леонтьеву был дан Екатериной указ о переводе «Тайцин Гурунь».

Поскольку оба перевода были представлены Новикову в рукописях, то определенный интерес представляет сличение текстов, опубликованных в журнале, и в книгах Леонтьева. При их сопоставлении можно увидеть, что Новиков подверг переводы большой литературной правке, заострив некоторые мысли.

А. Л. Леонтьеву принадлежит первый русский перевод двух книг «Сышу» — «Дасюэ»¹⁴⁰ и «Чжунъюн»¹⁴¹, а также частично «Ицзин» под названием «О двойственных действиях духа Инь Ян из китайской книги, И Гин называемой»¹⁴². В предисловии к последнему переводу Леонтьев указывал, что это — первая из всех китайских книг и «основание для всех в свете наук». Мысль о ее переводе появилась у него после беседы с французским аббатом в 1769 г. в Петербурге¹⁴³, который сказал Леонтьеву, что «все ученые хотели бы видеть ее („Ицзин“.— П. С.) в переводе на европейский язык», и он, Леонтьев, «покусился для оказания ученым людям услуги моей, но перевел по возможности только то, как начинается, а далее, за многими в ней начертаниями и терминами, переводить не могу». Такое признание делает только честь Леонтьеву. Полный перевод памятника на русский язык появился только в 1960 г.¹⁴⁴

Перевод «Дасюэ» сопровождается примечаниями, в одном из которых Леонтьев предлагает сравнить свою публикацию с переводом с французского языка, помещенным в «Академических известиях»¹⁴⁵: «Естьли любопытный читатель сличить соизволит сей нынешний перевод с оным, может получить больше удовольствия».

В сносках к переводу «Чжунъюн» даются разъяснения значений иероглифов.

В «Санкт-Петербургском вестнике» на перевод «Сышу» появилась рецензия неизвестного автора, который, оценивая выход «Сышу», пишет: «Европейцы были бы весьма несправедливыми, если бы вовсе пренебрегли учение их. Редкость переводов китайских книг на европейских языках приобрели переводам Леонтьева не только в России, но и в других землях не малую похвалу; но верны ли они с подлинниками своими, о сем кроме его некому почти судить»¹⁴⁶. Для суждения о слоге перевода приводятся выдержки из книги. Эта первая рецензия на переводы китайских сочинений наполнена благожелательными высказываниями о китайской культуре.

Из исторических сочинений, переведенных Леонтьевым с маньчжурского, в первую очередь надо назвать «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего» (совместно с Россохиным), «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с Зенгорцами»¹⁴⁷ и «Путешествие китайского посланника Тулишения к калмыцкому Аюке-хану». Эти переводы сопровождаются многочисленными примечаниями, свидетельствующими о большой эрудиции переводчика и расширяющими знания читателей о многих сторонах жизни Китая.

Наибольшей популярностью из всех переводов Леонтьева пользовались «Китайские мысли»¹⁴⁸, «Китайские поучения» Юнчжэна¹⁴⁹, «Ге янь, то есть умные речи»¹⁵⁰. «Китайские мысли» выдержали четыре издания, «Ге янь...» — два. Это был громадный по тому времени успех, который объяснялся прежде всего интересом, проявлявшимся в то время к китайской философии. Она должна была внедрить в общественное сознание понятие о положительных сторонах абсолютистско-монархической деспотии: «Государь — друг своих подданных», задача вельмож, состоящих при дворе, — помогать своими советами, приумножать «славу монарха». В книге «Ге янь...» можно найти и такие афоризмы: «Подлого за услуги награждать щедро, а воли ни над чем не давать».

В 1778—1779 гг. вышли два тома сокращенного перевода Леонтьева (с маньчжурского языка) «Китайского уложения» с небольшими примечаниями¹⁵¹. Второй том оканчивается ст. 30 кодекса. На этом, вероятно, Леонтьев хотел и закончить работу, но по «высочайшему повелению» ему было предложено сделать полный перевод «Китайского уложения». Можно предположить, что Екатерине II, ознакомившейся с содержанием перевода, пришлось по душе законоположения феодально-крепостнической системы, более импонировавшие ей, чем предложенные в «Наказе».

В 1781—1783 гг. был опубликован трехтомный перевод «Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и установле-

ния китайского (а ныне манчжурского) правительства»¹⁵². На титульном листе значилось, что перевод произведен по «высочайшему повелению» и «в верноподданнейшем посвящении», что «переводы печатаны будут на коште Кабинета». Издание «Китайского уложения» свидетельствует о тщательной его подготовке. Вначале по русскому алфавиту расположены примечания самого Леонтьева, разъясняющие чины, присутственные места и названия, которые, как он пишет, «переводить не должно и некоторые не можно».

Несколько отдельно от других трудов Леонтьева стоит перевод книги «Депей — китаец»¹⁵³ — одна из наиболее ранних его работ (издан в 1771 г.). Перевод снабжен предисловием, в котором Леонтьев, сознавая трудности «материи мудреной», говорит, что «внятно перевести оную может философ добрый, а не простой человек, который терминов философских не знает, как ков я...». Он понимал, что в переводе найдется немало «невразумительных и темных речей». Мотивом для перевода этой трудной книги послужило желание сообщить «о китайцах, как их ученые люди с предложенной здесь материей рассуждают».

Труды Леонтьева отличались широкой тематикой, включавшей и проблемы материальной культуры и этнографии Китая. В его небольшой книге «Уведомление о чае и шелке» из китайской книги «Ван боу кюань»¹⁵⁴ приведены стихи Цзю Бинчжина (в транскрипции Леонтьева — Гю Бин чжин), рассказывающие о всех земледельческих работах и процессе шелководства и повествующие о тяжелой доле китайского крестьянина. Стихи эти в переводе не блещут поэтической формой, но свидетельствуют о горячем сочувствии русского китаевода обездоленному китайскому народу.

Мало кому известно, что интерес к китайским шахматам в России был возбужден Леонтьевым. В 1775 г. вышла его небольшая брошюра «Описание китайской шахматной игры...»¹⁵⁵, содержащая краткие сведения об этой игре. В 1877 г., т. е. немногим более чем через сто лет после появления брошюры, в «Шахматном листке» текст ее был вновь опубликован с упоминанием о европейских статьях по китайской шахматной игре и о том, что работа Леонтьева ценна как «русский памятник шахматной терминологии».

Труды Леонтьева обратили на себя внимание в Европе. Еще при его жизни, в 1778 г., в Веймаре был издан на немецком языке его перевод «Китайских мыслей» (в 1796 г. там же вышло второе издание)¹⁵⁶. В 1807 г. в Дрездене был опубликован выполненный Левэском перевод этой книги на французский язык¹⁵⁷.

Ценность трудов Леонтьева заключается не только в обширной и многообразной тематике переводов, но и в попытках осмыслить многие явления китайской действительности в примечаниях и комментариях, иногда весьма пространных, пока-

зывающих широкое знание китайской литературы и глубокие познания в различных сторонах жизни цинского Китая.

Переводы Леонтьева отличаются точностью и хорошим стилем. Большинство их уже в XVIII в. стало известно довольно широкому кругу читателей. Об А. Л. Леонтьеве по праву можно говорить как о ведущем китаеведе XVIII в.: из вышедших в то время в России 120 книг и статей о Китае Леонтьеву принадлежит 20 книг и две статьи.

Труды Леонтьева свидетельствуют о высоком уровне отечественного китаеведения в XVIII в. Появление его трудов за границей возбудило большой интерес к русскому китаеведению. Некто фон Мур из Нюрнберга выразил желание завязать с Леонтьевым переписку. Известный французский синолог Антуан Гобиль, будучи в Петербурге, неоднократно встречался с Леонтьевым.

А. Л. Леонтьев вместе с И. К. Россохиным заложил прочный фундамент для дальнейшего развития русского китаеведения.

В 1786 г. А. Л. Леонтьев скончался. Переводчиком Коллегии иностранных дел был назначен вызванный из Иркутска Федор Бакшеев, бывший ученик шестой миссии.

ФЕОДОСИЙ СМОРЖЕВСКИЙ, ФЕДОР БАКШЕЕВ И АЛЕКСЕЙ АГАФОНОВ

В составе пятой миссии (1755—1771 гг.) учеников не было. Из всех 16 духовных лиц, находившихся в эти годы в Пекине, можно назвать только двоих, имевших отношение к китаеведению: Феодосия Сморжевского и Сазонта Карпова.

Член четвертой миссии Феодосий Сморжевский, по происхождению поляк, получил образование в иезуитской коллегии во Львове. Перед поездкой в Китай, куда Сморжевский, несмотря на его неоднократные протесты, был отправлен почти насильно [102], он был преподавателем Киевской духовной академии¹⁵⁸.

Более широкое, чем у многих членов миссии, образование, и сам факт отправки его в Китай определили исключительно критический дух сочинений Сморжевского: «Выписка из замечаний о пекинских духовных миссиях, писанных иеромонахом Феодосием Сморжевским...» [109]¹⁵⁹ и «Об иезуитах в Китае»¹⁶⁰. Обе работы были вывезены из Пекина уже в XIX в. приставом десятой миссии Е. Ф. Тимковским.

Много лет спустя в «Кратком описании китайского Пекинского монастыря» архимандрит Амвросий характеризовал первую рукопись Сморжевского как «преисполненную желчи и злословия на собратию свою»¹⁶¹. А известный археограф XIX в. Г. И. Спасский при публикации статьи Сморжевского «Об иезуитах в Китае», зная, очевидно, и о содержании другой рукописи,

так отозвался о нем: «Молодость лет, сатирический дух, а может быть отчасти и свойство самих предметов были причиной колких его отзывов на шест членов миссий, до него находящихся в Пекине»¹⁶².

Только «свойство самих предметов», правдиво описанных Сморжевским, и породило мнение о его «злословии на собратию свою». Е. Ф. Тимковский, знакомившийся с архивом миссии в 1821 г. и читавший записи Сморжевского, в своем донесении писал: «Из сей записки кроме статьи об иезуитах все прочее должно уничтожить. Молодой сочинитель с сатирическим духом, вероятно, по рассказам старожил, изобразил картину жизни соотечественников наших в столице китайского императора в видах самых отвратительных, обидных» [125, л. 7 об.]. Действительно, картина была весьма неприглядная, но вполне объясняющая, почему среди духовных лиц в XVIII в. не было ни одного, кто бы основательно изучил китайский и маньчжурский языки.

Что касается Карпова, то он оставил в Пекине после своей смерти «Тетрадку разговоров по два слова по маньчжурски, кроме никанских литер також и по русски, он же переплел [перевел (?). — П. С.] по русски 1752 года октября 24 дня в Пекине» [Карпов, № 1].

Вот все, что было сделано духовными лицами — членами четвертой и пятой миссий — для изучения Китая.

При комплектовании шестой духовной миссии [92—95] три ученика — Алексей Парышев (18 лет), Алексей Агафонов (21 год) и Федор Бакшеев (20 лет) — были взяты из Тобольской духовной семинарии, четвертый — Яков Коркин, уже известный нам по школе Леонтьева, во время организации миссии находился в Кяхте при Леонтьеве и отсюда в 1779 г. был отправлен в Пекин, где и умер в возрасте 34 лет¹⁶³.

Жизнь учеников шестой миссии протекала в таких же неблагоприятных условиях, как и раньше. Частично она отражена в документах, собранных Иваном Колосовым для его труда «Продолжение дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами» [Колосов, № 1].

Ученики миссии коллективно составили «Журнал секретных действий, намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год» (рукопись хранится в Архиве ИВАН, разд. 1, оп. 1, № 6/2, л. 220—257). Авторы журнала писали о своей дружбе с китайцами и маньчжурами: «...приобрели мы много друзей, из которых некоторые весьма открыто дружили с нами и многие нам открывали тайнства, которые касаются особливо до государства».

Содержание журнала довольно любопытно. Ученики записывали все, что узнавали от своих пекинских знакомых и в Лифаньюане, куда они ходили ежемесячно за получением жалованья. Их приглашали также быть переводчиками при допросах

русских перебежчиков, крепостных, бежавших с заводов, пленных с западной границы.

Тематика журнала — это главным образом факты, волновавшие жителей Пекина: война с мяоцзы; восстания в Ганьсу и в Шаньдуне; сильный пожар в Пекине; сюда же входили и беседы со встреченными в Пекине солонами и калмыками, бежавшими из России, и т. д.

В 1782 г., после возвращения на родину, Бакшеев, Парышев и Агафонов были назначены переводчиками Коллегии иностранных дел и оставлены в Иркутске при губернаторе Якоби. Это была новая мера Коллегии иностранных дел для сохранения кадров переводчиков.

Как было сказано выше, Ф. Бакшеев после смерти А. Леонтьева в 1786 г. был переведен в Петербург, где через год, в 1787 г., скончался. Вместо Бакшеева был направлен Алексей Агафонов.

Агафонов известен как автор нескольких переводов с маньчжурского языка. Его книги — «Джунгин, или книга о верности» (М., 1788) и «Краткое хронологическое расписание китайских ханов: из книги Всеобщего зеркала с показанием летосчислений китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 г.» (М., 1788), как и три других перевода: «Манжурского и китайского хана Шунь-Джия книга нужнейших рассуждений ко благополучию поощряющих» (СПб., 1788); «Манжурского и китайского хана Кан-Сия книга придворных политических поучений и нравоучительных рассуждений, собранная сыном его ханом Юн-Джином» (СПб., 1788); «Манжурского и китайского Шунь-Джихана книга — полезный и нужный образ к правлению» (СПб., 1788), — продолжали тематику некоторых книг, изданных Леонтьевым. В них говорилось о непреложности самодержавия, непоколебимом могуществе императорской власти. В особенности это подчеркнуто названием: «Государь — друг своих подданных...», которое получила книга «Манжурского и китайского хана Кан-Сия книга...», переизданная через год после смерти Агафонова — в 1794 г. Несомненно, содержание книг способствовало их публикации¹⁶⁴.

Ни Бакшеев, ни Парышев не опубликовали ни одного труда. Но благодаря сохранившимся рукописям они должны быть отмечены в истории русского китаеведения.

Ф. Бакшеев составил большой маньчжурско-русский словарь, два рукописных экземпляра которого хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В конце чернового экземпляра рукописи есть пометка об окончании словаря в 1776 г. Беловой экземпляр — меньшего размера, на 677 листах, с неоконченным посвящением Екатерине II. Дата окончания словаря (1776 г.) дает право считать Бакшеева составителем первого маньчжурского словаря в России.

А. Парышев был переводчиком сибирского генерал-губернатора, 5 апреля 1809 г. уволен на пенсию. Он оставил 12 рукописей, в том числе маньчжурско-русский словарь и несколько тетрадей с разговорным текстом на маньчжурском языке с переводом на русский. Вдова Парышева предлагала иркутской гимназии приобрести у нее маньчжурские книги и рукописи¹⁶⁵. Были ли куплены книги и рукописи и где они находятся, неизвестно.

Очередная, седьмая миссия была отправлена в Пекин в 1781 г. [95]. В ее составе были ученики Егор Салертовский, Антон Владыкин, Иван Филонов и Алексей Попов. Из них возвратился в Петербург лишь Владыкин, остальные умерли в Пекине. Архивы сохранили лишь их учебные тетради, по которым они занимались языками. Эти тетради дают возможность в какой-то степени судить о процессе их занятий, степени трудности переводимых отрывков и о качестве переводов¹⁶⁶.

Как правило, во всех миссиях учениками были молодые люди не старше 30 лет. Однако смертность среди них была чрезвычайно велика. С 1730 по 1806 г. в Пекине умерло двенадцать человек.

Исключительно высокая смертность свидетельствует прежде всего о тяжелом материальном и моральном состоянии учеников, находившихся в Пекине под начальством самодуров-архимандритов — глав миссий. Подчиняясь всецело начальнику миссии, ученики терпели от него всяческие обиды, вплоть до побоев. Жалованье ученикам архимандриты выдавали неаккуратно, зачастую присваивали. Бытовые условия, как об этом будет сказано далее, были также скверными¹⁶⁷. И все-таки, несмотря ни на что, ученики миссии довольно успешно изучали языки и создавали ценные труды, способствующие развитию русского китаеведения. Пример этому — ученик седьмой миссии Антон Владыкин.

АНТОН ВЛАДЫКИН, ЕГО ШКОЛА И ТРУДЫ ПО МАНЬЧЖУРИСТИКЕ

Антон Григорьевич Владыкин (1761—1811)¹⁶⁸, по национальности калмык (из «верноподданных торгоутов»), крещенный в Астрахани, окончил Троице-Сергиевскую семинарию и, будучи студентом класса философии, отправлен в 1780 г. в Китай [104; 172]. В Пекине он по требованию императора неоднократно приглашался для перевода на маньчжурский язык бумаг, присланных из России, за что был награжден кусками шелковой материи.

Владыкин состоял переводчиком при приставе духовной миссии Игумнове. 9 апреля 1796 г. он представил в Коллегию иностранных дел рапорт и большую записку, а также план Пекина

и карту Китая [95]. После 14-летнего пребывания в Пекине он вернулся в Россию и был назначен переводчиком Коллегии иностранных дел [172].

За всю жизнь Владыкин опубликовал только две небольшие переводные статьи с маньчжурского языка. Чтобы оценить значение Владыкина в истории русского китаеведения, нужно познакомиться с преподаванием им маньчжурского и китайского языков в Коллегии иностранных дел и с составленными им учебными пособиями, оставшимися в рукописях¹⁶⁹.

В 1798 г. при Коллегии иностранных дел была официально учреждена школа для подготовки переводчиков китайского, маньчжурского, персидского, турецкого и татарского языков, на что было ассигновано 3 тыс. руб.¹⁷⁰ Но еще до организации школы Владыкин подал 12 января 1798 г. рапорт в Коллегию иностранных дел, который, возможно, и послужил толчком для открытия школы или, по крайней мере, для введения в школе преподавания маньчжурского и китайского языков [174, л. 128].

Владыкин, основываясь на том, что ему приходится довольно редко переводить с маньчжурского и китайского языков, а разговаривать же на этих языках совсем не с кем, высказывал опасение, что знание его «в оных нечувствительно теряется» и может привести к «оскудению способности моей». В связи с этим он предлагал выбрать трех или четырех молодых людей из студентов или «писцов», имеющих желание изучить китайский и маньчжурский языки, и обучить их. При этом он понимал, что в дальнейшем учеников необходимо отправить в Китай, только тогда они «снизут тем более в Пекине совершенство в оных языках и избавятся от тех неудобностей и трудностей, какими подвержены бывають посылаемые в Пекин из Селенгинска и никакого понятия в тех языках не имеющие».

Владыкин, сам испытавший эти «неудобности и трудности», еще в своей записке от 3 апреля 1796 г. писал: «Ученики, посылаемые в Пекин, будучи нисколько не научены языкам китайским и маньчжурским, принуждены бывали года два и три только упражняться в затверживании вокабул и литер. К тому же казенные учителя, не получая никакой награды, бывали ленивы и неоткровенны».

В отличие от прежних традиций в школу отбирались ученики не из духовных семинарий. Ими стали сын регистратора Коллегии иностранных дел Тимофей Харитонович, канцелярист Евраф Дранчев и сын отставного майора Александр Денеська. Владыкину пришлось позаботиться о помещении для школы и учеников, о дровах, бумаге, чернилах, перьях и других мелочах, необходимых для нормальных занятий.

Школа открылась в мае 1798 г. Занятия проходили ежедневно, кроме воскресений, с 9 до 12 и с 13 до 17 часов. В среду и в субботу занятия были только утренние. Кроме языков в школе преподавали арифметику и краткий катехизис.

В августе вместо умершего Дранчева в школу был принят сын покойного сторожа Коллегии иностранных дел Михаил Дмитриевич Сипаков.

В 1799 г. Владыкин подал рапорт об успехах своих учеников: «К познанию и выговору китайских букв до 2000 с переводом российским и маньчжурским. Познали сверх сего краткому переводу с оного языка на российский и маньчжурский языки. Выучились читать и писать по маньчжурски исправно и выучили также до 200 слов маньчжурских с переводом» [174, л. 184—185].

По рапорту Владыкина от 1800 г. видно, что ученики умеют писать и читать до 1000 иероглифов, знают значение, переводят «краткие периоды» с китайского на русский и маньчжурский и с русского на маньчжурский. Ведут себя «честно и добропорядочно».

Сохранились учебные тетради с переводами с маньчжурского и китайского языков на русский. Это главным образом разговорные тексты на различные бытовые темы.

В 1801 г. занятия в школе закончились.

Из учеников школы только один М. Сипаков в 1805 г. был включен в состав девятой духовной миссии под начальством Н. Я. Бичурина.

Владыкин составил ряд учебных пособий: «Манджурскую азбуку, в пользу российского юношества сочиненную», «Манджурскую грамматику, для российского юношества сочиненную» и «Руководство для учащихся манджурскому языку». В последнем пособии в учебных целях помещен перевод с маньчжурского «Саньцзыцзина» и «Минсяньцзи». В рукописях Владыкин оставил пять словарей, учебники маньчжурского языка и переводы [А. Г. Владыкин, № 1—13]. Один из его словарей относится к 1803 г., остальные составлены в бытность его в Пекине.

Сохранившиеся словари служат иллюстрацией того, что весь XVIII в. и большую часть XIX в. ученики в Пекине делали одну и ту же работу, кто лучше, кто хуже, но все их труды оставались в рукописях.

В 1802 г. по просьбе начальника восьмой миссии Софрония Грибовского Коллегия иностранных дел предложила своему переводчику Владыкину ответить на десять вопросов¹⁷¹. Из них для нас представляют интерес два вопроса [102]: 1) уезжая из Пекина, могут ли ученики оставлять какие-либо пособия по китайскому и маньчжурскому языкам в миссии; 2) получают ли учителя назначенное Лифаньюанем особое за это жалованье, и почему они приезжают один раз в два-три месяца, и было ли это так раньше?

На первый вопрос Владыкин ответил, что оставлять какие-нибудь пособия, по его мнению, уезжающие ученики не могут, так как они необходимы им в России. Приезжающие с новой миссией ученики предварительные сведения о языках могли получать от старых, обычно задерживающихся в Пекине на год-

полтора до организации каравана. Так, он сам со своими товарищами занимался с Бакшеевым. Владыкин советовал снабжать учеников при отъезде в Пекин пособиями по языкам, «лексиконами и начальными книгами с переводами», скопировав его переводы учебных пособий и словари. Он считал полезным для учеников завязывать в Пекине более тесное знакомство с учителями и учениками училища русского языка при Лифаньюане и с европейскими миссионерами, рекомендовал для обязательного перевода две-три книги.

Учителя, назначаемые Лифаньюанем из числа маньчжурских чиновников, отвечал Владыкин на второй вопрос, никакого особого вознаграждения за занятия с русскими учениками не получают. В период пребывания в Пекине Владыкина они приезжали 4—5 раз в месяц.

Ответы Владыкина свидетельствуют о тех трудностях, которые вставали перед учениками: отсутствие пособий и словарей и редкие занятия с учителями.

Необходимо было делать рукописные копии с учебников и словарей учеников предшествующих миссий, но Коллегия иностранных дел не заботилась об улучшении дела обучения языкам, и результаты были плачевными: из 5—6 учеников переводчиками могли служить один или два.

В 1805 г. Владыкин был отправлен в Китай переводчиком в составе посольства графа Ю. А. Головкина. Однако посольство дальше Урги пропущено не было (подробнее см. стр. 89—90 настоящей работы). По возвращении посольства в Россию Головкин дал Владыкину прекрасную характеристику.

В 1808 г. Владыкин представил в Коллегию иностранных дел составленные им хронологические таблицы по истории Китая («Краткий летописец») и некоторые переводы императорских указов с просьбой опубликовать их за казенный счет, но получил отказ: ему было предложено осуществить издание на свои средства. Скончался Владыкин в 1811 г. в возрасте 50 лет [175].

Кроме учебных пособий и словарей Владыкин является автором и других работ, оставшихся в рукописях: хронологической таблицы — «Краткий летописец китайских царей», переводов некоторых указов китайского императора, перевода романа «Дзинь-Юнь-Циоу» [А. Г. Владыкин, № 4 и 8], перевода «Истории царства Мунгальского» (история династии Юань). Где находится последняя рукопись, пока неизвестно.

В Ленинградском отделении Государственного исторического архива хранится подготовленная в 1847 г. С. В. Липовцовым оценка рукописей Владыкина, предложенных для покупки Академии наук его вдовой. С. В. Липовцов считает перевод «Истории царства Мунгальского» не заслуживающим внимания, так как источник был выбран неудачно: им являлась книга, переведенная с китайского на маньчжурский «с помощью беглых китайцев еще до 1644 года». Липовцов пишет, что при сличении

с маньчжурским подлинником перевод кажется «темным и невразумительным», а слог его «тяжел и утомителен» [177].

Сравнивая «Краткий летописец китайских царей» Владыкина с «Летописью» французского миссионера Дюгальда, Липовцов отзывается не в пользу Владыкина. Столь суровая оценка не вполне заслужена. Со времени перевода Владыкиным «Юань-ши» до рецензии Липовцова прошло несколько десятилетий, и за эти годы изучение китайского и маньчжурского языков в России значительно продвинулось вперед.

Владыкин не занимался так серьезно китайским языком, как И. К. Россохин и А. Л. Леонтьев, он специализировался главным образом в маньчжурском языке. Составление словарей и первой грамматики маньчжурского языка, сделанные им, позволяют считать Владыкина первым русским маньчжуроведом-лингвистом. Однако то, что он не был знаком с западной литературой по современной ему маньчжуристике, естественно, сказалось на качестве учебных пособий. Он создавал их, как сам писал, «по примеру российской грамматики». Но несмотря на недостатки его грамматики и словарей, Владыкин является первым преподавателем, составившим необходимые учебники по маньчжурскому языку, своевременное опубликование которых, несомненно, послужило бы началом более широкого изучения этого языка в России.

ВОСЬМАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ. СОФРОНИЙ ГРИБОВСКИЙ

После заключения Международного акта 8 февраля 1792 г. о порядке русско-китайской торговли через Кяхту, дополнившего Кяхтинский трактат, в 1794 г. была направлена восьмая миссия под начальством Софрония Грибовского. Кроме духовных лиц в ее состав были включены ученики Павел Каменский, Карп Круглополов, Степан Липовцов и Иван Малышев, причетники Козьма Карганский и Василий Богородский. Приставом миссии был назначен Василий Игумнов [96—98]. Кроме того, в состав миссии входили толмач Василий Новоселов (после смерти Малышева зачисленный учеником), а в качестве «писца» — «иркутский мещанин» купец Федор Шегорин.

С. Грибовский вначале довольно ревностно принялся за организацию нормальных условий для занятий учеников. В донесении Коллегии иностранных дел, содержащем вопросы коллегии о положении учеников миссии¹⁷², Грибовский сообщал, что казенные учителя бывают в миссии крайне редко и что он нанял на церковные деньги частного учителя, что положительно сказалось на успехах учеников. Как указывает Грибовский, «в полгода стали ученики по манджурски уметь говорить и частью с манджурского на русский язык переводить» [102, л. 8].

Стараниями Грибовского в 1795 г. было положено начало библиотеке при миссии, которая вначале предназначалась для учеников. Он подарил библиотеке «Белевы путешествия...» и «Введение в историю европейскую» С. Пуфендорфа¹⁷³. Затем библиотека пополнилась книгами, пожертвованными учениками и членами миссии. В 1804 г. директор училища русского языка при Лифаньюане Юнь презентовал миссии «Новый лексикон Сергея Волкова» (СПб., б. г.), выписанный им из Кяхты¹⁷⁴.

Грибовский известен и как автор весьма обстоятельной «Записки без заглавия», опубликованной Н. И. Веселовским¹⁷⁵. Знакомство с нею дает многое для характеристики Грибовского как заботливого начальника миссии. Во-первых, он высказал ряд критических замечаний, касающихся положения духовных лиц в миссии, считал абсурдом проповедь православия без знания китайского языка, в таком же духе коснулся и других сторон миссионерской деятельности. Во-вторых, осуществление его предложений об организации изучения языков в корне изменило бы учебный процесс. Грибовский был вообще против посылки учеников в Китай. Касаясь «посылки четырех учеников для обучения китайскому и манджурскому языкам», он предлагает: «Не будет ли благоволено для сбережения государственной казны и отвращения напрасных убытков, не посылая их в Пейдзин, обучать сим языкам или в Иркутске, учредив для сей притчины класс и набрав в оной потребное число учеников, к коим был бы определен реченных языков переводчик учителем», или «обучать их на самых границах, имея учителей от Пейдзинского двора...»¹⁷⁶. Ученики, по мнению Грибовского, живя в своем отечестве, будут все время находиться под присмотром начальства. Сбережены будут денежные средства и изучение языков будет более эффективным.

Однако, не встречая со стороны Коллегии иностранных дел и Синода внимания к тем преобразованиям, которыми он хотел улучшить учебный процесс, а также видя отношение к миссии маньчжурских чиновников, Грибовский стал пренебрегать своими обязанностями и «предался строптивости», как позже писал Н. Я. Бичурин.

В отличие от предыдущих начальников миссий Грибовский много писал о Китае. Три его статьи были опубликованы в журналах¹⁷⁷.

Н. Адоратский приводит 12 названий различных сочинений Грибовского, которые он «представил начальству». Эти сочинения (за исключением двух) Адоратский видел в архиве миссии. Он дает им следующую оценку: «Произведения архим. Софрония — не самостоятельны и страдают тяжестью слога, а также многословием. Тем не менее в них есть довольно интересных фактов, набранных отовсюду. На них можно смотреть как на итог столетней деятельности всех членов миссии, особенно учеников. Архим. Софроний, не стесняясь, заимствовал из произведе-

дений о. Феодосия Сморжевского, Леонтьева, Агафонова и католических миссионеров, труды которых находились в библиотеке миссии в рукописях и печатных изданиях»¹⁷⁸. Заимствовал сведения о Китае Грибовский и из переводов Каменского, Липовцова и др. При всем этом работа Грибовского «Известие о Китайском, ныне Манчжуро-Китайском государстве» была известным шагом вперед, так как она основана на длительных личных наблюдениях за политической жизнью Цинской империи и выписках из ряда китайских источников¹⁷⁹.

Как ни расценивать сочинения Грибовского, необходимо иметь в виду, что это был первый начальник миссии, который писал о Китае, сводил воедино имеющиеся в миссии сведения, пытался наладить учебный процесс и несколько улучшил материальное положение учеников.

Н. Я. Бичурин в своем письме к канцлеру из Пекина в 1808 г. явно не учел всех положительных сторон деятельности С. Грибовского и, пожалуй, сгустил краски, отрицательно описывая поведение своего предшественника¹⁸⁰. Конечно, можно согласиться с ним в том, что касается «строптивости» Грибовского и к «ученикам и братии притеснения». Но следует учитывать и то, что он хотел избавить миссию от излишних хлопот, продав часть пашен и дворов, собственно то, что затем пришлось сделать самому Бичурину в связи с материальными затруднениями миссии.

Положительным фактом в деятельности Грибовского было, несомненно, и то, что с 1795 г. к ученикам были приставлены частные учителя и регулярные занятия способствовали более интенсивному изучению языков. Это сказалось на успехах прошедших полный «термин» пребывания в Китае Каменского и Липовцова.

ИЗУЧЕНИЕ «КИТАЙСКОГО ТОРГА» КУПЦОМ ФЕДОРОМ ЩЕГОРИНЫМ

В течение XVIII в. отношения между Китаем и Россией довольно часто осложнялись: то из-за угона скота на границе подданными той или другой стороны, то по поводу незаконного перехода ими пограничной линии. После каждого такого недоразумения маньчжурские власти запрещали русской стороне торговые операции.

В 1785 г. возник подобного рода инцидент из-за российского подданного бурята Уланая, и маньчжурские власти прекратили торговые связи почти на семь лет¹⁸¹. Переговоры, начатые в 1790 г., длились около двух лет и закончились подписанием специального соглашения, именуемого Международным актом 8 февраля 1792 г.¹⁸² Перерывы в торговле причинили Российской империи и купцам большие убытки. Казна недобирала

ежегодно до 600 тыс. руб. дохода от пошлин¹⁸³, поэтому царское правительство настойчиво пыталось наладить торговые отношения с Китаем.

Характерно, что проблемы русско-китайской торговли привлекли внимание выдающегося мыслителя XVIII в. А. Н. Радищева. Хотя Радищев не мог побывать в Кяхте и на месте детально ознакомиться с условиями торговли, он, не претендуя на окончательные выводы, высказал свою, особую точку зрения: прекращение торговли с Китаем, происходившее весьма часто и волновавшее купечество и правительство, имело и положительное значение. «Оно привело к увеличению земледелия в связи с посевом льна и увеличена выделка холста, выбрасываемого на рынок как товар» взамен получаемой ранее из Китая хлопчатобумажной и шелковой ткани. Прекращение торговли, по мнению А. Н. Радищева, не сократило и охотничьего промысла: пушнина нашла сбыт внутри страны и на западноевропейских рынках. Радищев обратил также внимание на преимущественный уже во второй половине XVIII в. по сравнению с другими товарами экспорт чая из Китая¹⁸⁴.

А. Н. Радищев, безусловно, был прав в первую очередь в том, что внешняя торговля России не должна была быть ориентирована исключительно на Китай. Это выбило бы из рук цинского правительства такое орудие политического давления на Россию, каким было запрещение торговли. Однако следует учитывать и то, что в России во второй половине XVIII в. происходило дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, появились новые промышленные центры. Русское купечество было, безусловно, заинтересовано в расширении торговли с Китаем, в особенности после того, как в 1762 г. царское правительство вынуждено было отказаться от казенной монополии на русско-китайскую торговлю.

Пытаясь придать торговле с Китаем более широкий и планомерный характер, некоторые купцы стали изучать китайский язык и систему торговых корпораций китайского купечества, чтобы, используя этот опыт, создать русские торговые товарищества. Однако все попытки реорганизовать русскую торговлю с Китаем наталкивались на бюрократические ведомственные преграды.

В этом отношении весьма показателен пример иркутского купца Федора Щегорина, который бывал в Китае неоднократно, а в последний раз сопровождал восьмую миссию в качестве «писца».

Ф. Щегорин стремился изучить «китайский торг» и организовать русское купечество по примеру китайских купеческих компаний. Зная язык, он установил хорошие отношения с китайскими чиновниками в Пекине и был вхож во многие частные дома. Он перевел на русский язык «Правила китайской торговли», изданные еще в XV в. императором Минской династии Ян Ваном

(положения которых действовали и при маньчжурах), и специальную Инструкцию для Кяхтинского торгога, утвержденную Цянь-луном в 1793 г.

В России Ф. Щегорин был в это время, пожалуй, наилучшим знатоком русско-китайской торговли, изучившим ее и практически, и по китайским документам.

В протоколах Государственного Совета за 1799 г. находится «всеподданнейшее письмо» Ф. Щегорина на имя Павла I, написанное им в октябре 1798 г. К письму приложена «Записка о китайской коммерции и какие она производит в собственном государстве общия пользы и выгоды», а также переведенная на русский язык инструкция для торговли китайских купцов с русскими. Основные предложения по реорганизации русско-китайской торговли Щегорин включил в «Записку о положении нашей торговли с Китаем и мерах к ее улучшению», которую дополнил брошюрой «Учреждение китайской коммерции о торговле» (в трех частях) ¹⁸⁵.

Однако обстоятельное письмо Щегорина, подкрепленное фактами и приложенными документальными материалами, не встретило поддержки у петербургского чиновничества. Причиной тому, несомненно, было подчеркнутое Ф. Щегориным сопоставление событий французской революции с фактами, имеющими место в истории Китая, в частности сменами династий. В своем донесении в Государственный Совет от 18 мая 1799 г. он писал: «Французской же революции ныне или беспорядку китайцы нимало не удивляются, потому что сие у них от потери равновесия или ключа их монархического правления и у самих неоднократно случалось» ¹⁸⁶.

Намек на то, что «монархический образ правления» может «потерять равновесие», был, очевидно, решающим поводом для того, чтобы отклонить проект Щегорина. Государственный Совет, рассмотрев эти материалы 1 марта 1799 г., нашел, что в проекте «вообще ни мало нашему не сообразнаго и к приведению в действо здесь неудобнаго, что оныя суть токмо произведения разгоряченнаго воображения [и]... содержит в себе одну умственную феорию, на самом деле неудобно исполнительную» ¹⁸⁷.

Кстати, Ф. Щегорину же принадлежит и «Прожект к поправлению финансов в России», поданный им в марте 1810 г. ¹⁸⁸ В этом документе видна горячая увлеченность автора Китаем, порой закрывающего глаза на общеизвестные факты. Так, сравнивая Китай с Европой и справедливо осуждая воинственную политику европейских государств, Ф. Щегорин пишет: «Напротив того, Китай, пройдя всех родов политику и вида, что хитрость, коварство и обман оной (Европы. — П. С.) влекут только войны, поглощающие богатства и людей, а нередко и целые монархии, решился напоследок оставить суетность оной, а принялся за хозяйство торговли, художества и земледелия как единые подпоры государства» ¹⁸⁹. Вряд ли эти слова Щегорина

приложимы к Цинской империи XVIII в., только что уничтожившей Джунгарское ханство и захватившей Восточный Туркестан и Тибет.

Ф. Щегорин был знаком и с некоторыми догмами конфуцианства. В специальной «Записке иркутского купца Федора Щегорина о системе китайского правления», составленной им в 1799 г., он подчеркивал, что «система правления» китайцев была изобретена «славным их философом и государственным министром Конфуцием» и что именно Конфуций доказал, что без «равновесия» на свете ничего не может существовать и «сей пункт во всех законоположениях и считается там поднесь главным» [100, л. 2].

* * *

Становление русского китаеведения в XVIII в., начавшееся в стенах Российской духовной миссии в Пекине, привело к появлению выдающихся трудов о Китае И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева. Большую роль в подготовке китаеведов сыграла организация школ маньчжурского и китайского языков.

Отличительной чертой китаеведения по сравнению с некоторыми другими востоковедческими дисциплинами являлась его связь с практическими нуждами внешней политики Российской империи и торговли в Китае. Эта прикладная сторона, в свою очередь, способствовала развитию отечественного китаеведения как научной дисциплины, помогала ему преодолевать в организационном плане косность бюрократической системы царизма, а в научном отношении — враждебное высокомерие немецких ученых в Академии наук.

Труды китаеведов XVIII в., их поиски методологии изучения китайского и маньчжурского языков послужили хорошей базой для перехода к новому этапу исследований Китая в первой четверти XIX в.

«БИЧУРИНСКИЙ ПЕРИОД» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИНОЛОГИИ

В начале XIX в. происходит дальнейшее развитие международных отношений России с ее восточными соседями. Однако методы дипломатической практики и торговли, сложившиеся в XVIII в., уже не отвечали тем задачам, которые ставило царское правительство в своих торговых и дипломатических отношениях с Китаем.

Для установления более прочных связей в Китай в 1805 г. было направлено полномочное посольство во главе с графом Ю. А. Головкиным¹. Посольству придавалось важное значение, и в состав его были включены многие видные петербургские сановники [105]. Посольство сопровождала научная экспедиция под руководством И. О. Потоцкого², в состав которой входили известный востоковед Ю. Клапрот, астроном Ф. И. Шуберт, зоолог Адамс, ботаник И. И. Редовский, минералог Пансер, медик Реман, хирург Гари и аптекарь Гельм. Главным переводчиком посольства был назначен А. Г. Владыкин. Состав посольства и научной экспедиции достаточно красноречиво говорит о больших задачах, которые возлагались на эту миссию.

Все вопросы, которые должен обсудить с цинскими министрами Ю. А. Головкин, а также церемониал представления посла императору были выработаны в Петербурге. Однако еще в Урге цинские чиновники потребовали от посла исполнить церемонию коутоу (коленопреклонения) перед табличкой с именем императора. Посол ответил отказом, и после бесплодных тридцатидневных переговоров, на которых рассматривались только вопросы придворного посольского этикета, Ю. А. Головкин и сопровождавшая его свита, а также научная экспедиция возвратились в Россию³.

Неудачный исход тщательно подготовленного, пышного царского посольства был следствием определенной политики маньчжурских чиновников, проведенной, несомненно, с санкции цинского правительства. Однако после отъезда посольства Головкина из Урги цинское правительство приняло ряд мер, чтобы смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное действиями своих чиновников. Губернатор Урги был отозван в Пекин (якобы на суд), а его помощники отстранены от должностей.

Инцидент с посольством Головкина не привел к разрыву дипломатических и торговых отношений России с Китаем. В это

время в пров. Шаньси и в северной части пров. Чжили в результате восьмилетнего неурожая начался сильный голод. Пекинское правительство, опасаясь волнений, обратилось к русским пограничным властям с просьбой разрешить вывоз хлеба из России, и Ю. А. Головкин, считая, что отказ «китайцы могут счесть за злость и враждебность к ним России», добился разрешения на ввоз и доставку хлеба в Калган.

Члены научной экспедиции, сопровождавшие посольство Головкина, были направлены в разные районы Сибири. В частности, Клапрот некоторое время оставался в Иркутске «для изучения китайского языка в Иркутской библиотеке, с пособием переводчиков» и японского с помощью японцев, находившихся в Иркутской школе японского языка. Результатом его поездки по Сибири была публикация нескольких статей⁴.

По поручению Ю. А. Головкина один из переводчиков посольства, Игумнов, составил план организации в Иркутске «военно-гражданской школы» монгольского и маньчжурского языков и упразднения школы японского языка⁵. Очевидно, план не был претворен в жизнь, так как о нем нигде более не упоминается.

Н. Я. БИЧУРИН И ДЕВЯТАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Несмотря на неудачу посольства Головкина, очередная, девятая духовная миссия была отправлена без всяких затруднений [106—108]. Возглавил ее Н. Я. Бичурин.

Иакинф Бичурин, до монашества Никита Яковлевич Пичуринский⁶, сын священника Якова Данилова, родился в сентябре 1777 г. в с. Акулево Свяязской округи. В 1786 г. (1787?) поступил в Казанскую духовную семинарию⁷. В 1799 г. после окончания семинарии, преобразованной в 1798 г. в Духовную академию, был оставлен в ней учителем грамматики.

В 22 года Н. Я. Бичурин постригся в монахи и принял имя Иакинф⁸. Переход Бичурин в так называемое черное духовенство можно объяснить исключительно особым, привилегированным положением, которое занимали «монашествующие»: все высшие посты церковной иерархии могли занимать только монахи. Даже учителя, принявшие монашество, зачислялись в монастыри и получали ежегодно 128 руб., хотя там и не бывали. Например, Бичурин, будучи учителем академии, был одновременно зачислен иеромонахом Александро-Невской лавры.

В 1801 г. Бичурин был назначен настоятелем Казанского Иоанновского монастыря, в 1802 г. возведен в сан архимандрита и благодаря покровительству бывшего главы Казанской епархии Амвросия Подобедова поставлен во главе Иркутского Вознесенского монастыря и духовной семинарии⁹. Но в 1803 г. за нарушение монашеского обета он был переведен в Тобольский монастырь без права церковного служения. В 1807 г., по представ-

лению Ю. А. Головкина, он назначается на пост начальника Пекинской духовной миссии вместо отклоненного Ю. А. Головкиным «по неспособности» архимандрита Апполоса¹⁰. В октябре 1807 г. девятая миссия выехала в Китай¹¹.

В качестве пристава миссию сопровождал чиновник Семен Первушин, получивший от Коллегии иностранных дел инструкцию с предписанием выяснить по пути следования и в Пекине ряд вопросов. В первую очередь российское правительство интересовало вопросы, связанные с активизацией английской политики в Китае. С. Первушину поручалось узнать об отношении китайцев к англичанам, о количестве находившихся здесь английских купцов, о том, какие английские товары продаются в китайских лавках, и т. п. Инструкция содержала еще целый ряд вопросов: о причинах неудачи посольства Ю. А. Головкина, о калмыках, ушедших из России, и др. [107; 108].

Вместе с миссией выехали четыре студента — Маркел Лавровский, Лев Зимайлов, Михаил Сипаков (учившийся в школе А. Л. Леонтьева), Евраф Громов, причетники Василий Яфицкий и Константин Пальмовский [106, л. 62].

Миссию сопровождал сотник Щукин, который имел «искусство, хотя невеликое, в живописи». Ему была дана особая «Записка», в которой поручалось купить хороших красок, наблюдать за тем, как китайский художник составляет, разводит краски и работает ими, и делать, проявляя известную осторожность, зарисовки всего того, что ему покажется интересным. Кроме того, ему следовало узнать о мягком стекле, белой меди, о разных породах камней, из которых делают табакерки и прочие вещи [109]. Это был первый русский художник, побывавший в Китае. К сожалению, каков результат поездки Щукина, пока неизвестно.

Приехав в Пекин 10 января 1808 г., Н. Я. Бичурин некоторое время занимался, хотя и не очень усердно, своими первейшими обязанностями — делами миссии¹². Он пытался поддерживать православие среди албазинцев, которые в 1810 г., как говорит историограф миссии Н. Адоратский, «все уклонились в китайское идолопоклонство»¹³. Православных албазинцев было 35 че-

Н. Я. Бичурин

ловек, и, судя по тому, что в 1820 г. их осталось 22 человека, особого успеха Бичурин не добился. После близкого ознакомления с делами миссии он убедился в том, что албазинцы идут в православие «не для Иисуса, а для хлеба куса», и стал совершенно пренебрегать своими непосредственными обязанностями и службой в церкви, что послужило причиной для обвинения и наказания его после возвращения в Петербург.

Дисциплина в миссии находилась на чрезвычайно низком уровне. Следить за подчиненными было неприятно и обременительно для Бичурина. Даже такое наказание, как «содержание троих суток в цепи и в пустом месте без пищи» не улучшало дисциплину. Из Лифаньюаня на имя иркутского губернатора Н. И. Трескина поступали жалобы на членов миссии, которые обвинялись в лености, пьянстве и распутстве¹⁴. Болезнь и смерть Громова и Лавровского произвели тяжелое впечатление на остальных членов миссии. Через некоторое время сошел с ума иеромонах Нектарий, как писал Бичурин в 1810 г., «от запоя, а более от праздности и скуки»¹⁵.

В 1811 г. царское правительство в связи с войной с Наполеоном перестало посылать деньги, предназначенные на содержание миссии. Члены миссии оказались в тяжелом положении, им пришлось существовать на более чем скромное жалованье от маньчжурского правительства, которое выдавалось с 1715 г. и составило 855 руб. 50 коп. серебром (для всех членов миссии) и по 24 пуда риса каждому в год.

Этого жалованья не хватало, и члены миссии стали искать средства к существованию: «одни из них, изучивши разговорный язык, занялись адвокатурой по частным делам, одерживая верх не столько красноречием, сколько страхом, производимым на судей, другие пустились в торговлю, а третьи, говорят, и в азартные игры»¹⁶.

Желая улучшить тяжелые условия жизни членов миссии и студентов, Бичурин стал продавать и закладывать церковные вещи, дома и земли, которые принадлежали миссии, что также послужило одним из обвинений, выдвинутых против него по возвращении на родину. Материальные условия улучшились только с 1815 г., когда наконец из России были присланы деньги на содержание миссии.

Несмотря на все трудности, Н. Я. Бичурин посвящал большую часть времени изучению страны и китайского языка. Блестящие способности, проявленные еще в Духовной академии, знание латинского, греческого и французского языков помогли Бичурину сравнительно быстро овладеть китайским языком. В первые годы пребывания в Пекине он начал изучать также маньчжурский и монгольский языки, но, убедившись в том, что основная литература написана на китайском языке, а издания на маньчжурском — всего лишь переводные, решил оставить занятия маньчжурistikой.

Главная трудность в изучении китайского языка заключалась в полном отсутствии учебных пособий, а самое главное — китайско-русского словаря. И Бичурин принялся за его составление. Основой словаря, по его замыслу, должен был стать живой разговорный язык. Одетый в китайский костюм, Бичурин ходил по базарам, ярмаркам, лавкам и, показывая на какой-нибудь предмет, просил написать его название иероглифами и записывал произношение. Полученные таким образом сведения он перепроверял дома со своим учителем китайского языка¹⁷. Быстрому усвоению разговорного языка помогали беседы с крестьянином деревни Дундинань — крещеным китайцем Даниилом и со старшиной русской роты албазинцев Алексеем. Через четыре года Бичуриным был составлен небольшой китайско-русский словарь¹⁸.

Хорошо владея латинским и французским языками, Н. Я. Бичурин установил связи с католическими миссионерами. Он был их частым гостем и познакомился с хранившимися в библиотеке португальской миссии трудами западных синологов А. Семедо, Ж. Майя, Ж.-Б. Грозье, Ж.-Б. Дюгальда¹⁹ и др. Изучение трудов этих синологов, несомненно, облегчило Бичурину знакомство с Китаем и помогло в дальнейшей его работе.

Бичурин бывал и в окрестностях Пекина: за воротами Дунаньмэнь, где находилось русское кладбище, на «теплых водах» — в 35 верстах от города, у Северо-Западных гор²⁰, в г. Тунчжоу — в 20 верстах от Пекина, куда ездил с иеромонахом Серафимом и студентом Сипаковым, пытаясь увидеться с проезжавшим через этот город в 1816 г. английским послом лордом Амгерстом²¹.

Не довольствуясь составленным им кратким китайско-русским словарем, Бичурин приступил к работе над большим словарем, потребовавшим упорного, многолетнего труда.

Н. Адоратский, автор большого исследования о жизни и деятельности Бичурина, называет только два словаря, составленные им в Пекине: «Словарь китайского языка по русскому алфавиту» и небольшой китайский словарь, расположенный «по материям» с неполным переводом на русский язык²². Однако С. А. Козин, проделавший большую библиографическую работу над рукописями Н. Я. Бичурина, сообщил о шести составленных им словарях²³. Советский китаевед Л. И. Чугуевский указывает, что только в Архиве Института востоковедения АН СССР хранятся пять словарей Бичурина. Три словаря обнаружены в Библиотеке Ленинградского университета, один из них, «Тонический китайско-русский словарь», состоит из девяти томов (1922 л.)²⁴ [Бичурин, № 51—58].

Очевидно, последний — это и есть тот большой словарь, над составлением которого Бичурин трудился в Пекине. Словарь все время пополнялся и был четыре раза переписан, «потом в полноте значений и выражений с китайским словарем под назва-

нием Хан-си-цзы-дянь, подведен под русский алфавит по выговорам и снова переписан в девяти томах»²⁵ [Бичурин, № 56].

На седьмом году жизни в Пекине Бичурин «по совету учителя перевел „Четверокнижие“ („Сышу“) с пространными изъяснениями. При сем упражнении [он открыл], что четырехкнижие составляет ключ к переводу ученых китайских книг на другие языки»²⁶ [Бичурин, № 4, 5].

В последние годы пребывания в Пекине Бичурин осуществляет перевод географического описания Китая — «Дайцин и тунджи» и исторического сочинения «Тунцзянь ганму»²⁷. Эти переводы способствовали овладению Бичуриным письменным китайским языком и основательному изучению им истории, географии и культуры Китая. В своем письме от 1849 г. о пожертвовании книг и рукописей в Казанскую духовную академию Бичурин указал: «„История“ была переведена для собственного употребления при справках, тот перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений»²⁸. Тот факт, что «Тунцзянь ганму» была переведена для «собственного употребления», для справок, снимает с Бичурина большую часть обвинений, возведенных на него Ю. Клапротом, который во французском переводе «Путешествия в Китай» Е. Ф. Тимковского²⁹ упрекал Бичурина за ошибки в тех переводах, которые заимствовал Тимковский из рукописей Бичурина³⁰.

Составление китайско-русского словаря и переводы много томных сочинений требовали напряженного труда, но они помогли в дальнейшем Бичурину в подготовке его научных трудов.

При помощи тибетца Чен-ламы Бичурин перевел несколько книг о Тибете и сокращенное изложение монгольских уложений³¹.

Много труда Бичурин вложил в перевод «Описания Пекина», к которому придал составленный им в 1817 г. план города. Для подготовки плана Бичурин исходил все улицы и переулки города, вымеряя длину своими шагами. На перевод «Описания Пекина» ушел целый год.

«Описание Пекина» было издано в Петербурге в 1829 г.³² и получило одобрение как в русской, так и в иностранной печати. Почти одновременно вышел французский перевод этой книги³³. В том же году по поручению французского Азиатского общества синологи Эйри и Клапрот опубликовали положительную рецензию на «Описание Пекина», упрекнув Бичурина лишь в том, что он не указал китайского источника перевода и плана³⁴.

К пекинскому периоду жизни Бичурина относятся и другие работы. В статье «О рукописях, вывезенных из Китая арх. Гиацинтом» (Иакинфом)³⁵ дано 17 названий. Кроме упомянутых выше, это «История первых четырех ханов», «История Тибета и Тангута», «Описание Тибета», «Описание Зюнгари», «Описание монгольского народа», «Трактат о прививании оспы», «Служебная (судебная. — П. С.) медицина китайцев», «Система ми-

роздания», «Об укреплении Желтой реки и канала подвозного», «Монгольское уложение». Большая часть этих работ опубликована. В рукописях остались «Трактат о прививании оспы», «Служебная медицина китайцев» и «Об укреплении Желтой реки и канала подвозного»³⁶.

18 ноября 1816 г. Бичурин пишет в Синод пространное письмо, в котором подводит итоги своего почти десятилетнего пребывания в Китае и критически оценивает результаты столетнего существования Пекинской духовной миссии [114]. По его мнению, за сто лет миссия не принесла никакой пользы «ни для наук, ни для государства». Переводы с китайского и маньчжурского языков хромат фактических погрешностей страдали, по его мнению, шероховатостями стиля. Словарь Леонтьева, переведенный с китайско-латинского на «малороссийский», имел много ошибок и местами был непонятен. Маньчжурско-русский словарь Ан. Владыкина Бичурин считал слишком кратким.

Бичурин призывал перейти к изучению предметов первоочередной важности. «Кроме истории, географии и медицины, — писал он, — сколько других предметов могущих обратить внимание иностранца и любителя древности... Сколько бы открылось новых явлений, если бы пройти здешнюю медицину и ботанику. Здесь давно прививают оспу... поэзия китайская имеет свое стопосложение, по ударениям располагаемое... риторика содержит свои правила для сочинений, и сии правила имеют некоторое сходство с нашими...» [114, л. 402—405].

Доказывая необходимость углубленного изучения Китая, Бичурин просил Синод оставить его на следующее десятилетие для окончания трудов «в переводе истории, географии и других мелких сочинений» для помощи вновь прибывающим, «к скорейшему и удобнейшему познанию языков здешних» [114, л. 404].

Бичурин был оставлен в Пекине еще на шесть лет. За это время, как уже упоминалось, он перевел «Тунцзянь ганму» и «Дайцин и тунчжи», так что свое желание осуществил, хотя, возможно, и не в той мере, в какой предполагал. Однако второе предложение, которое касалось повышения уровня образования направляемых в Китай членов миссии и студентов, Бичурину осуществить не удалось, так как он не был назначен начальником следующей миссии.

Бичурин предлагал выбирать также учеников, «которые бы имели довольные сведения в Российской словесности и отчасти в других науках», ибо это было необходимым не только для лучшего усвоения языков, но и при составлении китайско-русского и маньчжурско-русского словарей. Бичурин намечал такой план занятий: первые пять лет учиться «обоим языкам по здешнему методу без всякого упущения». После овладения разговорным языком и переводом небольших произведений, в течение шестого, седьмого и восьмого годов пребывания в Китае студенты должны изучить «Сышу». Бичурин подробно останавливается

на том, почему необходимо учить именно «Сышу»: «Приискивать к словам китайским ближайшие наименования на русском языке» и вносить их в словарь. Бичурин считал, что после освоения «Сышу» можно читать любую китайскую книгу. В последние годы пребывания в Пекине студенты по личному желанию выбирают для изучения один из предметов.

Что касается членов миссии, то в первые пять лет они также должны заниматься двумя языками, затем, в оставшееся до отъезда время, основательно изучить «некоторые нужные художества» по собственному выбору: живопись, изготовление изделий из лака, резьба по камню, выделка звериных кож, приготовление масла, курение вина посредством пара. Одним из причетников Бичурин предложил взять из Казанской духовной академии, знающего татарский язык и могущего заниматься историей Западного Китая, другого — из Кяхтинской монгольской школы, чтобы он мог переводить с монгольского языка «некоторые тибетские книги».

Программа, изложенная Бичуриным, будучи претворена в жизнь, несомненно, могла бы значительно способствовать улучшению подготовки учеников в Пекине. В конце концов начальники последующих миссий, может быть, даже не зная о программе, изложенной Бичуриным, впоследствии именно так организовали учебные занятия членов миссии и учеников.

Новая, десятая миссия прибыла в Пекин в 1820 г. Миссию возглавлял П. И. Каменский, приставом был назначен Е. Ф. Тимковский, сыгравший в жизни Бичурина большую роль.

В изданном Е. Ф. Тимковским трехтомном «Путешествии в Китай» подробно описан обратный путь на родину миссии Бичурина. Бичурин изложил свои впечатления об этом в «Записках о Монголии»³⁷, включив туда многие сведения о природе Монголии и о быте ее народа.

Через два месяца пути караван прибыл в Ургу, а еще через 15 дней — в Кяхту. Н. Я. Бичурин привез с собой 12 ящичков книг на китайском и маньчжурском языках, ящик своих рукописей, ящик с красками и шесть трубок с картами и планами. Из книг отметим: пять китайских и два маньчжурских словаря, историю Китая (43 тома — два ящика), история маньчжуров на китайском и маньчжурском языках, «Сышу», «Шисаньцзин», книги по истории династий Цзинь, Ляо, Юань, по вопросам законодательства и многие другие [115, л. 489; 124].

В Кяхте Бичурин близко сошелся с местным купцом Н. М. Игумновым³⁸. Можно предполагать, что именно из бесед с Бичуриным возникла у Игумнова мысль об открытии в Кяхте училища китайского языка, а у Бичурина — о написании грамматики китайского языка для этого училища, что он в дальнейшем и сделал.

Н. Адоратский предполагает, что, будучи в Кяхте, Бичурин составил «Записку о посылке в Китай епископа Иннокентия»,

в которой считает, что причиной отказа пропустить Иннокентия в Китай было неприязненное к нему отношение Антония Платковского³⁹. Записка эта пока не найдена.

Из студентов миссии в Россию вернулся только М. Д. Сипаков, который был зачислен переводчиком Азиатского департамента⁴⁰.

Н. Я. БИЧУРИН В ПЕТЕРБУРГЕ (1822—1840 гг.)

Прибыв в январе 1822 г. в Петербург, Н. Я. Бичурин встретил настороженное отношение к себе со стороны Синода. Еще во время пребывания в Пекине на него поступали в Синод жалобы студентов и членов миссии, не совсем понимавших истинные причины бедственного положения миссии, недовольных строгостью Бичурина, его требованием усердных занятий китайским и маньчжурским языками. Жалобы на поведение отдельных членов миссии и самого Бичурина содержались и в донесениях иркутских губернаторов Трескина и Пестеля. Но решающими для судьбы Бичурина стали донесения сменившего его на посту главы миссии П. И. Каменского, переданные в Синод через Е. Ф. Тимковского. Каменский застал в Пекине неприглядную картину и, обвинив во всех непорядках Бичурина, указывал на ряд его личных проступков, несовместимых с духовным званием.

Синод передал дело о Бичурине и подчиненных ему членах миссии в Петербургскую духовную консисторию. Во время следствия Бичурин находился под домашним арестом в Александро-Невской лавре.

Главные пункты обвинения сводились к следующим: непосещение в течение 12 лет церкви, продажа церковного имущества, полное пренебрежение миссионерскими обязанностями, плохой надзор за подчиненными и т. д. [115].

Бичурин был приговорен судом к ссылке на вечное поселение в Валаамский монастырь, бывший тогда тюрьмой для осужденных за различные религиозные преступления. Другие члены миссии отделались более или менее легкими наказаниями.

Еще находясь под домашним арестом, Бичурин пытался связаться с редактором какого-нибудь журнала. К январю 1823 г. относится его письмо к А. Н. Оленину⁴¹. Бичурин предложил для публикации «извлечение из китайской истории всех тех статей, в которых помещено описание древних владельцев азиатских», и послал «некоторые отрывки о древнем сообщении Европы с Китаем»⁴². В письме Бичурин выражает беспокойство по поводу своего положения: «...переводом я хотел удовлетворить Вашему любопытству, но не по мере моего усердия, а по мере пособия возможным в настоящем (разрядка моя.— П. С.) моем положении». В 1822—1823 гг., еще до суда, Бичурин переписывался и с Е. Ф. Тимковским⁴³.

Из одного письма к Е. Ф. Тимковскому видно, что Бичурин предъявлял уже тогда к своим трудам большие требования. «Всего более страшусь, — писал он, — остаться виноватым перед потомством — даже в произвольных погрешностях».

О жизни Бичурина в Валаамском монастыре не осталось почти никаких документов, но можно с уверенностью сказать, что все книги, изданные им в первые годы после освобождения, были подготовлены для публикации во время заключения.

Обнаружены только два письма Бичурина, относящиеся к этим годам. Одно из них адресовано П. Л. Шиллингу и найдено в его фонде⁴⁴. Оно имеет дату «22 июня», без указания года. Это может быть и 1824, и 1825, и 1826 г. Можно строить различные предположения, но, пока не будет найдено дополнительных материалов, эти предположения нельзя считать достоверными.

Письмо дает нам некоторые новые сведения. Во-первых, выясняется, что Бичурин поддерживал связь, во всяком случае в предполагаемое время, с П. Л. Шиллингом, что уже ко времени отъезда на Валаам он был лично знаком с З. А. Волконской, которой посвятил первую свою книгу — «Описание Тибета», и, во-вторых, что большая часть его библиотеки хранилась в Петербурге — возможно, у неизвестного Михаила Дмитриевича, который кроме книг посылал Бичурину и вещи.

Второе письмо, датированное «генв. 23, 1824», сохранившееся в черновике, не имеет адресата⁴⁵. Оно могло быть послано или А. Н. Оленину, с которым Бичурин вел переписку, или П. Л. Шиллингу. Вопрос установления адресата в данном случае не особенно существен. Это письмо-прошение должно было быть передано какому-то неизвестному высокопоставленному лицу, которое могло бы благоприятно повлиять на судьбу Н. Я. Бичурина.

В прошении он рассказывает об истории своего назначения «начальником миссии» и о своей «ошибке», совершенной по дороге в Пекин, — подаче жалобы канцлеру на иркутского губернатора Пестеля, о мести последнего, о доносе учеников и Каменского, обманутого «недоброжелателями» Бичурина, и о предвзятом отношении суда.

В конце письма, оговариваясь, что он не хочет показаться нескромным, Бичурин пишет, что, занимаясь целых 13 лет Китаем, он один сделал «в пять крат более, нежели все прошедшие миссии в течение ста лет успели», и теперь в отчаянии, так как «погибли все надежды сделать труды мои полезными отечеству».

Только заинтересованность Азиатского департамента в лице, хорошо знающем китайский язык, и ходатайство Е. Ф. Тимковского помогли Бичурину выйти из монастырской тюрьмы, в которой он пробыл более трех лет — с 4 сентября 1823 г. по 1 ноября 1826 г.⁴⁶ [115]. В Петербурге Бичурин поселился в Александро-Невской лавре. От Азиатского департамента ему было

назначено жалование в размере 1200 руб. в год и 300 руб. ежегодно выдавалось на учебные пособия.

В том, что Н. Я. Бичурин именно в Валаамском монастыре подготовил ряд трудов, убеждает перечень опубликованных и переданных им к изданию книг за короткий период 1826—1834 гг.: «Описание Тибета» 1828 г. (1826)⁴⁷, «Записки о Монголии» 1828 г. (1827), «Описание Чжунгарии» 1829 г. (1828), «Описание Пекина» 1829 г. (1828), «История первых четырех ханов из дома Чингисова» 1829 г. (1829), «Троесловие» («Саньцзянцизин») 1829 г. (1829), «История Тибета и Хухунора» (с 2282 г. до н. э. по 1227 г. н. э.) 1833 г. (1830), «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» 1834 г. (1834).

Как видно из названий перечисленных книг, они в основном посвящены истории народов Центральной Азии, что соответствовало плану, намеченному Бичуриным. В цитированном ранее письме к Оленину он писал: «...Означением пределов одного государства открывается местоположение и других, с которыми оно смежно; с описанием одного народа сообщается понятие на других, с которыми он имел связь». Это положение заставляло его рассматривать историю народов Центральной Азии, уделяя главное внимание историческим связям этих народов.

О своей программе, уже к тому времени в основной части выполненной, Бичурин говорил в 1842 г.: «Цель всех, доселе изданных мною разных переводов и сочинений в том состояла, чтобы предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая»⁴⁸.

Первой изданной работой Н. Я. Бичурина была статья «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816 г.», опубликованная в журнале «Северный архив» в 1825 и 1828 гг.⁴⁹ Перевод был сделан в Китае в связи с упомянутой ранее попыткой Бичурина увидеться с английским послом Амгерстом.

Вторая статья Н. Я. Бичурина — «Ответы на вопросы» появилась в том же журнале в 1827 г. В ней были даны достаточно полные и правильные сведения о многих сторонах китайской жизни, о которых известный мореплаватель Крузенштерн рассказывал не всегда достаточно точно⁵⁰.

Серией крупных трудов, опубликованных Н. Я. Бичуриным, начинается книга «Описание Тибета», изданная в 1828 г.⁵¹ Это был подробно комментированный перевод известного сочинения «Вэйцзан туши».

Появление первой в России книги о Тибете не прошло незамеченным в печати. В том же году в журналах «Московский вестник» (№ 10), «Сын Отечества» (№ 9), «Московский телеграф» (ч. 23) и «Северная пчела» (№ 72, 75—78) появились рецензии. «Северная пчела» начала публикацию рецензий

О. И. Сенковского (под псевдонимом «Тютюноглы») на все труды Бичурина.

Рецензия Сенковского на «Описание Тибета» полна хвалебных слов, излагает содержание книги и содержит несколько замечаний по поводу стиля перевода и отсутствия примечаний к отдельным «выражениям». Сенковский подчеркивал, что это сочинение не только приносит честь русской литературе, но и «принадлежит к общей европейской словесности», и пожелал дальнейших появлений «важных для истории и географии материалов, собранных им (Бичуриным.— П. С.) с толиким тщанием и разборчивостью из китайских писателей».

Уже в следующем 1829 г. «Описание Тибета» было переведено на французский язык и опубликовано с примечаниями Ю. Клапрота, который, отмечая, что Бичурин в общем хорошо понял оригинал, в то же время указывал и на ряд неточностей в переводе и на другие несущественные детали. Самая крупная ошибка переводчика, по мнению Клапрота, заключается в том, что Бичурин неправильно считал автором сочинения «Вэйцзан туши» Лу Хуа-чжу, который являлся автором только предисловия. Авторство же книги в целом принадлежит двоим: Ма Шаоюню и Чэн Мэй-цзи⁵².

В том же году вышел первый оригинальный труд Н. Я. Бичурина — «Записки о Монголии» в четырех частях⁵³. В основу книги положены путевые записки, которые Бичурин вел во время обратного пути из Пекина на родину в 1821 г., дополненные наблюдениями во время его поездки по Монголии в 1807 г. Вторая часть книги — «Статистическое обозрение Монголии» — имела два дополнения: о происхождении кочевых народов и исследование вопроса о происхождении этнонима «татары». Эти дополнения свидетельствуют об эрудиции Бичурина, в особенности там, где он полемизирует с Клапротом по поводу толкования названия «татары». Две последние части книги — история монгольского народа и перевод монгольского уложения.

Основные данные книги почерпнуты из различных китайских источников, до тех пор в России неизвестных. В конце примечаний Бичурин критикует сиолога Дегиня за его предположения, не подтвержденные каким-либо документальным материалом. На этот труд Бичурина, который открывал новую страницу в русском востоковедении, откликнулся весьма краткой рецензией (вернее, аннотацией) только М. Погодин⁵⁴.

За границей «Записки о Монголии» были переведены на французский язык. Клапрот, подойдя крайне придирчиво, все же не сумел дать сколько-нибудь серьезной критики на этот труд Бичурина, осудив автора главным образом за слепую доверчивость к китайским текстам⁵⁵.

В своем ответе на замечания Клапрота Н. Я. Бичурин выступил как блестящий полемист. Он резко отверг замечания Клапрота, указав на незнание им китайского языка и источников.

«Клапрот,— писал Бичурин,— довольно сведущ в языке китайском и переводит с оного изрядно, особенно статьи, переведенные прежде него другими», «умствования его по сему предмету очень походят на нелепейшие умствования буддистов о мироздании». В конце ответа Бичурин бросает реплику редактору журнала, в котором были опубликованы замечания Клапрота, Абелью Ремюза: «Очень жалею, что Ремюза при своем благородстве и знании китайского языка без дальнего рассмотрения дозволил нелепые замечания поместить в журнале Парижского Азиатского общества»⁵⁶.

Современная нам оценка «Записок о Монголии» и других трудов Н. Я. Бичурина по Монголии сделана с достаточной полнотой Н. П. Шастиной и А. Ю. Якубовским⁵⁷. Н. П. Шастина считает наиболее важным достоинством труда Н. Я. Бичурина использование китайских источников для подготовки истории монгольского народа.

Изданные труды Бичурина были отмечены Академией наук, избравшей его в декабре 1828 г. членом-корреспондентом по разряду литературы и древностей Востока⁵⁸.

17 января 1829 г. директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин обратился к министру народного просвещения с просьбой включить в число почетных библиотекарей Н. Я. Бичурина для разбора и описания книг на китайском и маньчжурском языках, мотивируя просьбу тем, что «ни из чиновников (библиотеки.— П. С.), ни из других известных мне здесь ученых никого не могу употребить кроме отца Иакинфа», и просит разрешения выплачивать 600—700 руб. в год на проезд из Александроневской лавры, «которые по скудности монашеского содержания ему необходимы»⁵⁹.

Бывая в библиотеке, Н. Я. Бичурин часто встречался с И. А. Крыловым (бывшим тогда библиотекарем), академиком Х. Д. Френем, профессором Шармуа из Учебного отдела Азиатского департамента, профессором университета О. И. Сенковским, которые также были почетными библиотекарями.

«История первых четырех ханов из дома Чингисова», вышедшая в Петербурге в 1829 г., была выполнена на основе переводов с китайского языка из истории династии Юань («Юаньши») и глав из «Тунцзянь ганму», касающихся истории монголов. Переводы были снабжены обширными примечаниями. Однако этот труд прошел незамеченным. Лишь в советское время А. Ю. Якубовский в интересной, насыщенной примерами статье отметил, что книга Бичурина — «прекрасная» параллель труда д'Оссона и что читатель, «имея две для своего времени замечательные книги д'Оссона и И. Бичурина, мог получить полную картину по вопросу о сложении монгольского государства и завоеваниях Чингис-хана»⁶⁰. Признавая ценность труда Н. Я. Бичурина, Якубовский подчеркивал вместе с тем полное отсутствие историзма в его концепции проблемы этногенеза монголов.

Архивные документы сообщают нам любопытный факт, характеризующий «всероссийскую популярность» трудов нашего «известного хинезиста». В 30-х годах XIX в. Н. Я. Бичурин предложил Министерству народного просвещения купить изданные им книги «Историю первых четырех ханов из дома Чингисова» и «Описание Пекина» с планом. Министерство запросило всех попечителей учебных округов о желательности приобретения этих книг для библиотек университетов и гимназий, указав, что Бичурин требует за экземпляр первой книги 6 руб., а за вторую книгу — 17 р. 50 к.

Опрос показал, что громадное большинство университетов и гимназий пожелали иметь обе книги, и даже не в одном экземпляре. Министерством было выслано на места около ста экземпляров каждой из этих книг [202].

В том же 1829 г. был опубликован труд Бичурина «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии»⁶¹, основанный на переводах трех китайских сочинений «Сиюй чжуань» («Повествование о Западном крае»), «Цянь Ханьшу» («История ранней (или старшей) династии Хань»), «Сиюй вэньцзяньлу» (сочинение маньчжурского чиновника о его путешествии, изданное в 1773 г.; прибавления взяты из «Сиюй тунвэньчжи», тетради VII, IX—XI). Книга снабжена алфавитным указателем древних географических названий и сопоставлением их с названиями XIX в.

Несмотря на оригинальность темы и полное отсутствие в России трудов по истории Западного Китая, на книгу появилась только одна рецензия Н. А. Полевого. Полевой с горечью писал: «С нашей холодностью книги, подобные „Запискам о Монголии“ и „Описанию Чжунгарии“, могут являться, не производя движения в ученом мире. В то же время как спор за дрянной водевилишко тревожит десятки журнальных перьев... Скорее за границей, в Париже, Лондоне, Вене, говорить о трудах о. Иакинфа, нежели у нас». Давая исключительно высокую оценку автору и его трудам, Полевой, заканчивая рецензию, отмечал, что, «превосходно зная историю и географию Средней Азии, о. Иакинф выбирает именно те предметы, которые более всего возбуждают наше любопытство и всего менее нам, европейцам, известны»⁶².

В том же 1829 г. Бичурин опубликовал перевод «Саньцзыцин» с литографированным китайским текстом⁶³. После титульного листа книги шла небольшая аннотация, в которой Бичурин сообщал о цели издания — «служить у нас руководством переводов с китайского языка» — и указывал, что китайским текстом в книге «мы обязаны изобретательскому уму» П. Л. Шиллинга. «Буквы вылитографированы столь чисто, столь правильно, что ни мало не уступают стереотипу Пекинской дворцовой типографии». Публикация этой книги получила большой отклик в печати⁶⁴.

Перечисляя изданные сочинения Бичурина, рецензент в «Московском телеграфе» (по всей вероятности, Н. Погодин) поощряет автора на дальнейшее создание подобных трудов, подчеркивая, что «за них мы будем вам благодарны более, нежели за китайский роман, переведенный г. Абель Ремюза, и за переводы, какими наполнил Азиатский магазин г-н Клапрот или Новый Азиатский журнал в Париже»⁶⁵.

Одна из рецензий (в «Северной пчеле», написанная, вероятно, З. Ф. Леонтьевским) обратила внимание на высокое качество литографированного китайского текста, указывая, что он отпечатан в литографии Коллегии иностранных дел⁶⁶. Параллельный русский и китайский тексты позволяли использовать «Саньцзыцзин» в качестве учебного пособия не только в 30—40-х годах в Казанском университете, но и в Петербургском в 50-х годах.

В связи с изданием «Саньцзыцзин» следует, хотя бы кратко, сказать об удачных опытах литографирования восточных текстов, в частности китайского и маньчжурского текстов П. Л. Шиллингом.

П. Л. Шиллинг был весьма талантливым и разносторонним человеком. Он известен как изобретатель первого в мире электромагнитного телеграфа, который демонстрировался в 1835 г. на съезде в Бонне, а несколько ранее — в Петербурге. Практического применения это изобретение в условиях царской России не получило. Как любитель, он занимался восточными языками, в частности тибетским.

Увлечение Шиллинга Китаем начинается со времени его участия в издании маньчжуро-монголо-китайско-русско-латинского словаря П. И. Каменского. Он стал брать уроки китайского языка у Н. Я. Бичурина⁶⁷.

Первые опыты литографирования П. Л. Шиллинг стал проводить после своего приезда из-за границы. Живя девять лет в Мюнхене, он познакомился с литографированием и в 1816 г. в Петербурге при Министерстве иностранных дел организовал литографию⁶⁸.

В 1817 г. Шиллинг заказал Гассу в Петербурге вырезать большой маньчжурский и монгольский шрифты. В 1819 г. по его заказу Шельтер в Лейпциге вырезал по тем же образцам несколько меньшие шрифты, которые были использованы для напечатания перевода части Нового Завета на маньчжурский язык С. В. Липовцовым.

Затем Шиллинг стал делать опыты с литографированием китайских текстов. Он заставлял «словорезов» упражняться в писании иероглифов китайской кистью и применял изобретенный им метод: «Для этого вытраивал он поверхность камня, оставляя только именно то, что покрыто начертанием письмен. Никто в Европе не мог догадаться, как это делается. Клапрот, Монтучи и другие знатоки китайской грамоты дивились чистоте и вер-

ности этих оттисков и не верили, что они исполнены вне Китая»⁶⁹.

А. Ф. Коростин считает, что первый в России литографированный китайский текст к «Саньцзыцзин» был применен не в издании «Саньцзыцзин», а в другой публикации, которая вышла в 1819 г. Это доказано А. Ф. Коростиным цитатой из письма Шиллингу Антонио Монтуччи от 22 ноября 1819 г. В этом письме, названном А. Ф. Коростиным «сертификатом», Монтуччи принял посланный Шиллингом экземпляр «Саньцзыцзин» «за издание, отпечатанное в Китае, и притом за одно из самых превосходных изданий, какое только может быть выполнено в этой стране... Мне никогда не приходилось видеть ни одной страницы, напечатанной в Европе, которую можно было бы, хотя бы в слабой степени, сравнить с этим шедевром китайской печати»⁷⁰.

В 1823 г. Шиллинг издал «Дасюэ» и «Чжунюнь», «гораздо превосходнее прежнего красотой и чистотой красок»⁷¹. Известный английский синолог Моррисон, в то же время заказавший вырезать в Кантоне китайский шрифт для своего словаря, так отозвался об изданиях Шиллинга: «Можно бы сказать, что никак нельзя превзойти сих знаков, если бы не видали издания барона Шиллинга. Они могут сравняться с книгами самым великолепным образом напечатанными при Пекинском дворе и даже имеют преимущество на своей стороне»⁷².

Способ печатания китайских текстов и отдельных иероглифов Шиллинга был применен и при публикации грамматики китайского языка Н. Я. Бичурина, вышедшей в 1835 г.

В 1837 г. Шиллинг скоропостижно скончался, и публикация книг с китайскими иероглифами прекратилась вплоть до издания учебных пособий В. П. Васильева, в которых иероглифическая часть писалась от руки.

В 1829 г., как уже упоминалось, вышел бичуринский перевод «Описания Пекина». В этом же году появился перевод «Описания Пекина» на французском языке⁷³.

«История Тибета и Хухунора с 2282 г. до Р. Х. до 1227 г. до Р. Х.» опубликована в 1833 г.⁷⁴ Этот труд представляет собой переводы с китайского из «Няньсаньши» и «Тунцзянь ганму». В книге даны карты северо-восточной части Тибета и западных провинций Китая, а также алфавитный географический указатель, сопоставляющий древние названия с современными, статьи о китайском летосчислении, мерах, весах и монетах.

Появление этого труда Бичурина вызвало у востоковедов больший интерес, чем «Описание Тибета». Один из первых откликнулся О. И. Сенковский. В своем обычном гаерском стиле он напал на структуру книги и на стиль изложения, хотя Бичурин предупредил в предисловии, что в его переводе, сделанном по возможности точно, доклады, указы и названия «достоинств и чинов» «не могут не наводить скуку на читателей» и это происходит потому, что «китайцы при составлении своих историче-

ских записок строго соблюдают некоторые выражения, усвоенные из дипломатии». Однако Сенковский должен был признать, что, «несмотря на некоторые погрешности в наружной форме изложения, несмотря даже на неуместность слишком великолепно-го заглавия, в сущности своей это очень полезная и любопытная книга, достойная внимания всякого любителя исторических материалов»⁷⁵.

Второй рецензент, В. В. Григорьев, скрывшийся под инициалами «С. М.», вступился за Бичурина. Сенковский, пишет он, «тщательно старался выказать свою способность к шутливой критике. Ничего полезного, ничего нового, даже нет ни одного собственного мнения, исключая шуток». «Не такой рецензии просвещенная публика надеялась получить от ориенталиста столь знаменитого». Выражая свои мысли о труде Бичурина, рецензент подчеркивает, что это, конечно, не «История Тибета и Хухунора», так как «история есть описание событий какого-либо народа с присовокуплением сведений о его нравах и обычаях, о его нравственной и гражданской образованности», но «полезный и нужный труд для историков»⁷⁶.

Небольшая рецензия (вероятно, Н. А. Полевого) в «Московском телеграфе», положительно оценивая книгу Бичурина как «памятник драгоценный», предупреждает, что «читать ее должно с большою осторожностью», так как китайских официальных историков можно понимать «совершенно наоборот»⁷⁷.

Я. И. Шмидт в своем докладе в собрании Академии наук в феврале 1830 г. о переводе Бичуриным «Истории Тибета и Хухунора» высказал мнение, что в данное время в первую очередь наука нуждается именно в переводах исторических книг и это «должно вменить в большую заслугу, нежели умствования на одних предположениях основанные». Труд Н. Я. Бичурина, по мнению Шмидта, «принесет честь Академии, издавшей эту книгу»⁷⁸.

Следующим по времени издания было вышедшее в 1834 г. «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени». Под таким же названием еще в 1833 г. появилась статья Бичурина⁷⁹.

Как говорит сам Бичурин в предисловии к книге, это — приведенное в хронологический порядок «собрание материалов, относящихся до истории калмыцкого народа»⁸⁰. В этом труде Бичурин привлек не только китайский материал, главным образом из «Синьцзян чжиляо» и «Сиюй вэньцзяньлу», но и сочинения на русском языке И. Фишера, Н. Нефедьева, П. И. Рычкова, С. В. Липовцова, а также ссылается на А. Л. Леонтьева и И. К. Россохина⁸¹. В конце книги дан указатель собственных имен и карта, в сносках — комментарии. За этот труд Бичурин был награжден Демидовской премией⁸².

Эта книга выходит за рамки переводных трудов Бичурина и как бы намечает переход его к самостоятельным исследова-

ниям, частично основанным на его переводах — недаром на титульном листе указано «Сочинено монахом Иакинфом».

Насыщенность китайскими источниками заставляет и современных историков калмыцкого народа постоянно обращаться к этой книге.

О. И. Сенковский, отдавая должное всем трудам Бичурина и называя их «примечательнейшими сочинениями», приводит из «Исторического обозрения ойратов...» большое количество цитат. Вместе с тем он считает, что Бичурин должен издавать свои сочинения на французском, на английском языках или «по-латыни»⁸³, так как труды Бичурина на русском языке неизвестны в Европе: «...русский язык... остается вне круга ученых европейских прений о предметах восточных»⁸⁴, и все труды Бичурина потеряны для науки...

В своей работе «Замечания на третью и последнюю статью о Средней Азии» Бичурин отвечал по этому поводу Сенковскому, что если некоторые из рецензентов «изъявляли сожаление, что я переводы и сочинения свои печатаю не на французском языке, на русском, говорили они, ни один из русских ученых и литераторов читать не будет»⁸⁵, то все это происходит от подражания иностранным писателям. Далее он подчеркивал ошибочность мнения, «что западные европейцы давно и далеко опередили нас в образовании: следовательно, нам остается только следовать за ними. Эта мысль ослабляет наши умственные способности, и мы почти в обязанность себе ставим чужим, а не своим умом мыслить о чем-либо»⁸⁶. Мысль о необходимости самостоятельного развития отечественной науки проходит красной нитью и через многие труды Н. Я. Бичурина: в статьях⁸⁷, в крупных исследованиях, например в «Статистическом описании Китайской империи» (СПб., 1842), в письмах к Погодину⁸⁸ и т. д.

Завершив издание главных переводных трудов по своему плану — «предварительно сообщить некоторые сведения о тех странах, через которые лежат пути, ведущие во внутренность Китая», в период с 1827 по 1840 г. Бичурин опубликовал многообразные по содержанию оригинальные статьи в различных периодических изданиях⁸⁹. Таковы его статьи: «Ежедневные упреждения китайского императора»⁹⁰, «Земледельческий календарь китайцев»⁹¹, «Взгляд на просвещение Китая»⁹², «Статистические сведения о Китае»⁹³, «Меры народного продовольствия в Китае»⁹⁴, «Основные правила китайской истории, первоначально утвержденные Конфуцием и принятые китайскими учеными»⁹⁵ и др. Большинство статей основано исключительно на китайских источниках и в дальнейшем вошло в крупные труды Бичурина.

Ряд статей опубликован в «Московском вестнике», с редактором которого, М. П. Погодиным, Бичурин был знаком с 1830 г.⁹⁶ а также в «Московском телеграфе» у Н. А. Полевого.

Из семи статей, опубликованных в «Московском телеграфе»⁹⁷, следует обратить внимание на три статьи, содержащие полемику с Ю. Клапротом: «Разбор критических замечаний и прибавлений г-на Клапрота к французскому переводу книги „Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах“»⁹⁸, «Отчет о книгах Иакинфа Бичурина касательно истории монголов, представленный Парижскому Азиатскому обществу Клапротом в сентябре 1830 года»⁹⁹ и ответ Бичурина Клапроту¹⁰⁰.

Н. А. Полевой, всегда благожелательно относившийся к Бичурину, охотно представлял страницы своего журнала для полемики русского китаевода с Клапротом. Об этом же свидетельствуют рецензии Полевого и Погодина на труды Бичурина в «Московском вестнике», «Московском телеграфе» и «Москвитяине».

Некоторые из перечисленных статей получили оценку в печати. В рецензии на «Основные правила китайской истории...» неизвестный автор, цитируя Бичурину¹⁰¹, поясняет, почему чтение китайских книг по истории вызывает скуку у неподготовленного читателя. Во второй рецензии, также анонимной, автор разбирает «Взгляд на просвещение в Китае» и считает положительным тот факт, что Бичурин не входит ни в какие суждения, почти ничего не прибавляет от себя, излагая только подлинные факты.

Книги и статьи Н. Я. Бичурина привлекли внимание общественных и литературных кругов русского общества. Появление трудов, в которых проявлялась горячая симпатия к китайской культуре, где впервые в России разрабатывались вопросы истории не только Китая, но и народов Средней и Центральной Азии, вызвало многочисленные отклики в печати.

Имя Н. Я. Бичурина становится широко известным. Он бывает на субботах у В. Ф. Одоевского, где встречается с А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, И. И. Панаевым, А. В. Никитенко и др. Через журнал «Московский телеграф» Бичурин был связан с московскими литераторами Н. И. Надеждиным, Н. А. Полевым, К. А. Неволлиным, Ю. Венелиным, Н. С. Щукиным, С. П. Шевыревым и др.¹⁰²

С А. С. Пушкиным у Н. Я. Бичурина установились хорошие отношения¹⁰³. Он подарил поэту свои книги «Описание Тибета» с надписью: «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 26 1828 г.» и «Саньцзыцзин» с надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика». Очевидно, по просьбе А. С. Пушкина Бичурин передает ему часть рукописи «Исторического обозрения ойратов», о чем Пушкин с благодарностью отмечает в «Истории Пугачева»: «...самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком»¹⁰⁴. По

всей вероятности, беседами с Бичуриным навеяны мысли Пушкина о поездке в Китай, не состоявшейся из-за запрета Николая I выпускать поэта за границу¹⁰⁵.

В конце 30-х годов Н. Я. Бичурин представил в Академию наук для публикации «Описание китайских монет», в котором описано 183 монеты различного времени. «Описание» снабжено предисловием и комментариями. Решение, что издержки на издание не окупятся, так как «сочинение сие, чисто ученое и читающую публику интересовать не может», определило судьбу книги, которая так и осталась в рукописи.

Н. Я. БИЧУРИН И КЯХТИНСКАЯ ШКОЛА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В 1830 г. на границу с Цинской империей в районе Халха-Монголии, где находился основной центр русско-китайской торговли — Кяхта, отправилась научная экспедиция под начальством П. Л. Шиллинга, в состав которой был включен и Н. Я. Бичурин.

Н. Я. Бичурин подал в Азиатский департамент записку, в которой изложил программу своих занятий в Кяхте: 1) составить пространную грамматику китайского языка; 2) переписать с помощью китайцев китайско-русский словарь по ключам, который он составил по темам; 3) получить дополнительные сведения для сочинения «Пространное описание Китайской империи»; 4) проверить по русским и китайским картам границу России и цинского Китая; 5) получить практические сведения в монгольском языке; 6) заниматься преподаванием китайского языка [221—225].

Экспедиция присоединилась к очередной, одиннадцатой миссии, и Бичурин в пути занимался со студентами миссии китайским языком.

Из Иркутска и Кяхты Н. Я. Бичурин посылает в «Литературную газету», издаваемую А. С. Пушкиным и А. А. Дельвигом, и в «Московский телеграф» несколько писем, часть которых была опубликована¹⁰⁶. Письма наполнены восхищением природой Забайкалья, описывают прибытие миссии в Кяхту, сообщают о занятиях монгольским языком и т. д.

П. Л. Шиллинг в своем донесении в Азиатский департамент в июне 1832 г. подробно сообщил о деятельности Бичурина в экспедиции, подчеркнув, что он принес большую пользу при сборе сведений о русско-китайской торговле, в особенности во время его командировки на западные границы с Китаем¹⁰⁷, и что он оказал большую помощь при составлении проекта устава для монголо-бурятского духовенства.

Н. Я. Бичурин, как об этом сообщает Шиллинг, закончил в Кяхте перевод «Истории Тибета и Хухунора», перевел словарь «Сань хэ бяньлань», изданный на маньчжурском, монгольском

и китайском языке, расположив его по монгольскому алфавиту¹⁰⁸. В заключение своего донесения Шиллинг просит выдать Бичурину денежное пособие на издание книг и наградить его за работу в экспедиции двойным жалованьем или выдать ему пенсию сверх жалованья.

Во время своих поездок по Забайкалью Бичурин бывал на Петровском заводе, где познакомился с некоторыми декабристами. Известна его дружба с Н. А. Бестужевым, который подарил Бичурину четки, сделанные из кандалов¹⁰⁹, и написал с него акварельный портрет¹¹⁰. Может быть, под влиянием Н. А. Бестужева или П. Л. Шиллинга Бичурин решил выйти из монашества.

В августе 1831 г. из Троицкосавска он подает в Синод прошение о снятии с него сана. Министерство иностранных дел поддержало это ходатайство. Синод согласился с доводами Бичурина и послал на утверждение царя.

Однако Николай I «повелеть соизволил: оставить на жительстве по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество» [203]. Очевидно, в этом «повелении» решающее значение имели связи Бичурина с декабристами.

Еще в конце XVIII в. купец Ф. Щегорин упрекал русское купечество, и в частности кяхтинское, в пренебрежении к изучению китайского языка. В этом отношении китайские купцы опередили русских. Уже в 20-х годах XIX в. в Китае вышло постановление, обязывающее любого мальчика, работающего по торговым делам в Кяхте, обязательно учить русский язык¹¹¹. Почти в каждой лавке были рукописные словарики, составленные самими купцами на так называемом русско-китайском наречии¹¹², и все кяхтинские жители разговаривали с китайцами на этом странном наречии. Впервые об этом «наречии» было упомянуто в «Отрывке из письма из Кяхты», где приведены примеры из 15 фраз¹¹³.

Торговые отношения между Россией и Китаем во второй четверти XIX в. стали быстро развиваться, и, естественно, у кяхтинских купцов появилась мысль открыть школу китайского языка. Вероятно, еще в 1821 г. подсказал ее кяхтинским купцам Бичурин. С его приездом в 1830 г. пожелание купцов осуществилось.

Как сообщил в письме от 17 марта 1831 г. в Азиатский департамент директор кяхтинской таможни, «о. Иакинф по желанию торгующих открыл уже с 10 числа января прошедшего года частно (разрядка моя.— П. С.) класс учения сего (китайского.— П. С.) языка, и учащихся есть до 10 человек мальчиков. Некоторые успевают весьма хорошо» [221]. Из этого письма явствует, что занятия в Кяхтинской школе китайского языка начались в январе 1830 г. и именно под руководством Бичурина, который взял на себя обязанности преподавателя.

В мае 1831 г. директор кяхтинской таможни послал в Азиатский департамент ходатайство местного купца Н. М. Игумнова об открытии школы китайского языка, сопроводив ходатайство

небольшим письмом: «Кяхтинский купец Николай Игумнов сообщает о предположении учредить школу для преподавания китайского языка, поелику наше купечество, торгующее на Кяхте, совершенно не знает оного, а китайцы говорят на испорченном русском наречии, на котором с большими затруднениями объясняются, почему не редко происходят споры и недоразумения» [221].

Пока шла переписка, кому должно быть подчинено училище — Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел или Департаменту внешней торговли Министерства финансов, занятия в школе под руководством Бичурина шли своим чередом. Уже в сентябре, т. е. по прошествии девяти месяцев, испытание учеников, происходившее в присутствии П. Л. Шиллинга и всех членов духовной миссии, возвратившихся из Пекина, местных купцов и чиновников, показало хорошие результаты. Ученики отвечали на вопросы удовлетворительно, прочитали на китайском языке несколько разговорных текстов на торговые темы. Умение писать китайские иероглифы также удовлетворило экзаменаторов.

Только через полтора года, 28 ноября 1832 г., было официально решено открыть училище, которое практически существовало уже более года¹⁴. В тот день Азиатский комитет зафиксировал согласие императора, принял предложение Н. М. Игумнова и постановил: училище должно находиться в ведомстве Департамента внешней торговли Министерства финансов под непосредственным наблюдением кяхтинского таможенного начальства, вице-канцлеру командировать для преподавания китайского языка учителя с жалованием от казны, учеников за успехи в языке освобождать «лично на всю жизнь от рекрутской повинности и от общественных выборов» [221].

Н. Я. Бичурин провел в Кяхте почти 18 месяцев. В 1831 г., как обычно через Кяхту, возвращалась в Россию десятая духовная миссия, в числе студентов которой был Кондрат Григорьевич Крымский. По просьбе местного купечества Крымский остался в Кяхте в качестве переводчика и преподавателя китайского языка. Вероятно, это произошло не без содействия Бичурина.

Очевидно, К. Г. Крымский не вполне справлялся со своими обязанностями. Это обстоятельство вызвало 11 января 1834 г. просьбу директора кяхтинской таможни в Азиатский департамент «для заведения учебного порядка в сей школе назначения в оную, хотя года на два, учителем китайского языка отца Иакинфа» и напечатать «составленную им китайского языка грамматику» [221].

В начале февраля 1835 г. министр иностранных дел сообщил в Кяхту, что царь согласился на назначение «в качестве преподавателей монаха Иакинфа и титулярного советника Крымского». Бичурин вновь приехал в Кяхту и привез с собой изданную им грамматику китайского языка. 18 мая 1835 г. состоялось торже-

ственное открытие училища. О происходившей церемонии открытия Бичурин сообщил в Азиатский департамент¹¹⁵. В «Журнале Министерства народного просвещения» был помещен подробный отчет об открытии училища.

Курс обучения в училище был рассчитан на четыре года. В первый год преподавалось «изъяснение китайской грамматики с применением правил оной к правилам русской грамматики, дабы показать, в чем состоит различие китайского языка от русского», во второй год продолжалось изучение грамматики и начиналась разговорная практика по темам, связанным с торговлей; на третий год «пространные разговоры с разбором переводимых легких статей по правилам китайской грамматики»; на четвертый год кроме упражнений в разговоре на китайском языке «преподаваемо будет изъяснение пространныго употребления форм или оборотов китайского языка в общежитии, с обращением внимания на различие слогов в применении оных к предметам. Классические занятия окончательного курса учения наиболее состоять будут в разборе книжного языка и в упражнении переводами с оного» [221, л. 33].

Программа, по всей вероятности, была составлена самим Н. Я. Бичуриным. Так как в школах Чжоу Гэ, И. К. Россохина, А. Л. Леонтьева и Ан. Владыкина программ преподавания вообще не было, программа, составленная Н. Я. Бичуриным, положила начало методологии изучения китайского языка в России [223].

В кяхтинскую школу принимались дети и юноши, умеющие читать и писать и знающие начальные правила арифметики. Учение было бесплатное, число поступающих и возраст не оговаривались. Освобождение от воинской повинности и от общественных выборов давалось только тому, кто окажется достаточно знающим язык и «по торговле в Кяхте в течение 3 лет при хорошем поведении принесет знанием китайского языка существенную пользу».

В 1835 г. в училище было принято 22 человека — детей купцов и мещан. Троем из них было от 7 до 10 лет, остальным — от 14 лет до 21 года.

Четверо из учеников, как об этом сообщил Бичурин в своем рапорте об открытии училища, учились у него еще в 1831 г.

В феврале 1836 г. Н. Я. Бичурин получил предписание от Азиатского департамента оставаться в Кяхте, на которое он сразу же ответил: «Текущего февраля 16 числа я имел честь получить предписание Азиатского департамента от 10 числа прошлого января за № 92 продолжать мои занятия в Кяхтинском училище китайского языка до исхода текущего года; с живейшим удовольствием, приняв на себя сию новую обязанность, осмеливаюсь донести Азиатскому департаменту, что в личном моем усердии и в доверенности ко мне учеников надеюсь найти средство опробовать столь лестную для меня доверенность ми-

нистерства к моим способностям» [221, л. 41] (это и последующие письма публикуются впервые).

В сентябре 1836 г. Бичурин начинает хлопотать об отъезде в Петербург и обращается в Азиатский департамент с прошением: «Имея необходимую нужду в деньгах на домашние расходы, покорнейше прошу Азиатский департамент отпустить мне жалование с 1 февраля 1835 по 1 февраля 1836 и по почте отправить помянутую сумму в Кягту. При сем осмеливаюсь предварительно донести Азиатскому департаменту, что в нынешнем году с окончанием второй части китайской грамматики совершенно окончатся и мои занятия по китайскому языку училища в Кягте; и хотя здешнее купечество желает, чтоб я остался здесь и на следующие два года, но я не могу согласиться на их желание, потому что для приведения в порядок собственных двухгодичных упражнений необходимо нужно мне лично быть в Петербурге» [221, л. 47].

Это и следующее письмо поясняют, что вторую часть грамматики китайского языка Бичурин закончил в 1836 г. Слова «собственные двухгодичные упражнения» относятся, вероятно, к тем трудам, которые он создал в Кяхте. Ответа Азиатского департамента на письмо Бичурина в деле нет, но, судя по следующему его донесению от 26 декабря 1836 г., Бичурин был вынужден остаться в Кяхте еще на один год.

Сообщая о получении денег в новом предписании, Бичурин пишет: «Сделанное мне в помянутом предписании предложение остается на 1837 г. при Кяхтинском училище китайского языка приемлю с безусловной покорностью и тем с большим удовольствием, что лучшие из учеников, образовавшихся у меня, единодушно желали сего для дальнейшего усовершенсия себя в китайском языке. При сем случае нужным считаю изложить Азиатскому департаменту все, что в течение двух лет сделано было мною, чтобы упрочить существование Кяхтинского училища китайского языка. По открытии сего заведения я обратил главное внимание на то, чтобы снабдить училище нужными учебными пособиями, на сей конец, кроме изданной мною китайской грамматики, я сочинил 18 разговоров на китайском и русском языках, приспособленные по своему содержанию к здешнему месту; перевел на китайский язык [реестр] всех ввозных и отвозных вещей, входящих в состав кяхтинского торго; вновь сочинил вторую часть китайской грамматики, перевел на русский язык китайский словарь, состоящий из четырех частей. В следующем году осталось только русские слова, содержащиеся в сем словаре, привести в алфавитный порядок, дабы облегчить самое приискивание оных на китайском языке» [221, л. 65—65 об.].

Из этих писем видно, что пребывание Бичурина в Кяхте было вынужденным и не соответствовало его планам. Из писем можно также почерпнуть некоторые новые данные о его научных занятиях.

Об учебном пособии Бичурина, состоящем из разговорных текстов на китайском и русском языках и «приспособленном по своему содержанию к здешнему месту», до сих пор известно не было. В рукописных коллекциях Бичурина оно пока нигде не обнаружено, и подробное содержание его остается неизвестным. В последнем письме от 26 декабря 1836 г. Бичурин говорит об окончании им второй части грамматики китайского языка¹¹⁶. Несколько слов сказано и о работе над русско-китайским словарем.

В начале 1838 г. Н. Я. Бичурин уехал в Петербург, и училище осталось на попечении К. Г. Крымского.

25 августа 1838 г. Кяхтинское училище посетил дзаргучей (цинский чиновник) из Маймачена и остался доволен успехами учеников. Директор кяхтинской таможни, сопровождавший дзаргучея, объяснил ему, «что это училище учреждено для облегчения и распространения торговых сношений с Китайским государством и для вящего усиления дружеских отношений» [221, л. 83].

18 декабря того же года в училище происходил публичный экзамен для учеников, как оканчивающих, так и первых трех курсов. Кроме русской администрации и местных купцов присутствовало 10 китайских купцов. Ученики отвечали на вопросы, задаваемые китайскими купцами, удовлетворительно¹¹⁷. Лучшими по знанию китайского языка оказались «мещанские сыновья» Петр Нефедьев и Степан Асламов [221, л. 86]. Такие экзамены стали проводиться ежегодно в середине декабря¹¹⁸.

В 1841 г. К. Г. Крымский доложил в Департамент внешней торговли Министерства финансов о положении в училище, занятия в котором велись по программе, составленной Бичуриным. Из сообщения видно, что кроме китайского языка Бичурин преподавал в училище арифметику, русский язык и катехизис [222; 224].

К. Г. Крымский проработал в Кяхтинском училище около 30 лет. О последних годах его учительства Н. Адоратский на основании сведений, полученных от некоего И. Р. Лебедева — ученика Крымского, проживавшего в Ханькоу, говорит, что Крымский заставлял своих учеников, 12—15-летних мальчиков, зазубривать грамматику китайского языка Бичурина и этим якобы ограничивался. «По рассказам И. Р. Лебедева, в его время один только М. Г. Шевелев справился с головоломным учебником и в 1863-м г. блестящим образом кончил курс учения в кяхтинской школе»¹¹⁹.

Оставляем этот вывод на совести И. Р. Лебедева и Н. Адоратского. Во всяком случае, нужно отдать должное Крымскому, который, хорошо изучив китайский язык в Пекине, начал свою педагогическую деятельность под руководством Н. Я. Бичурина, никогда о Крымском неодобрительно не отзывавшегося. Крымский ежегодно выпускал из училища переводчиков китайского

языка и этим способствовал упрочению торговых отношений между соседними государствами.

В 1854 г. Крымский был назначен переводчиком VII класса Азиатского департамента. В 1856 г. участвовал в экспедиции по Амуру, где переводил различные документы с китайского и маньчжурского языков и был переводчиком во время переговоров. В 1861 г. Крымский умер и Кяхтинское училище фактически прекратило свое существование¹²⁰. В ноябре 1862 г. оно было закрыто «до особого распоряжения». В 1867 г. последовало распоряжение: училище закрыть¹²¹. Мотивы были изложены ранее в отчете кяхтинского градоначальника за 1861 г., который писал, что «при изменившихся наших сношениях с Китаем, представляющих возможность изучать (овладевать.— П. С.) китайским и маньчжурским языком с большим успехом и практически в Китае, нет надобности поддерживать существование училища в Кяхте...» [225].

К этому аргументу можно добавить, что после открытия в 1837 г. кафедры китайского языка в Казанском университете, а затем, с 1854 г., в Петербургском, Кяхтинское училище было уже пройденным этапом в развитии такого рода учебных заведений. Училище сыграло большую роль, оно дало многих воспитанников, применявших полученные ими знания китайского языка на практике (П. Нефедьев, М. Г. Шевелев, Степан Пешемский, А. И. Журавлев, Андронов и др.¹²²), его открытие стимулировало выпуск «Китайской грамматики» Бичурина, апробированной им на собственном опыте преподавания.

«Китайской грамматикой», изданной в 1835 г. (в дополненном виде — в 1838 г.)¹²³, заканчивается первый период научной деятельности Бичурина. Она сыграла большую роль в развитии русского Китаеведения, служила учебным пособием не только в Кяхтинском училище, но и на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов.

«Китайская грамматика» создавалась постепенно. Первый ее вариант был написан еще до 1830 г. в Петербурге, где она и была издана в небольшом количестве экземпляров литографированным способом¹²⁴.

Расширенное издание основано на преподавательском опыте Бичурина в Кяхтинском училище. Приехав в Петербург в 1832 г., Бичурин подготовил в 1835 г. новое издание¹²⁵, которое и привез в 1835 г. в Кяхту. В приводившемся уже письме Бичурина, написанном в сентябре 1836 г., сказано, что с завершением работы над второй частью грамматики китайского языка окончится и его преподавание китайского языка в Кяхтинском училище. Следовательно, он обновил первое издание при повторной публикации в 1838 г.¹²⁶

Основным источником, послужившим для написания «Китайской грамматики», Бичурин называет «Душу цзо вэнь пу»¹²⁷.

Оценивая использованные им западноевропейские граммати-

ки китайского языка, Бичурин положительно отзывался о французском синологе Абеде Ремюза. Указав, что Ремюза учился китайскому языку в Париже самостоятельно, Бичурин отдает должное его знаниям: «Средства, дарования и труд доставили ему хорошие сведения в оном [языке]»¹²⁸.

Рецензии, последовавшие на «Китайскую грамматику», ограничивались лишь общими фразами и расширенными аннотациями¹²⁹. Только один М. И. Броссе в своем «Разборе» грамматики остановился на ее достоинствах, сказав, что «после грамматики Ремюза труд Бичурина принесет большую честь автору и вполне оправдывает цель издания для Кяхтинского училища»¹³⁰. За «Китайскую грамматику» Н. Я. Бичурину в 1839 г. была вторично присуждена Демидовская премия.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. Я. БИЧУРИНА

С 40-х годов начинается новый период научной деятельности Н. Я. Бичурина. К этому времени он почти целиком осуществил свои планы. «Порядок требовал,— писал Бичурин в одном из своих последних трудов,— прежде всего осмотреть Тибет, Тюркистан и Монголию, то есть те страны, которые издавна находятся в тесных связях с Китаем и чрез которые самый Китай имеет связи с Индией, Средней Азией и Россией»¹³¹.

Ряд статей Бичурина подвел его к решению следующей задачи — написанию труда о собственно Китае¹³². В 1840 г. появилась его книга «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение»¹³³, трактовавшая многие вопросы культуры, жизни и быта китайского народа, административного устройства страны и т. д.

Книга вызвала не совсем приятную для Н. Я. Бичурина критику опять-таки со стороны «Библиотеки для чтения», возглавляемой О. И. Сенковским: «Заглавие книги, имя автора, прежние его труды и самые обстоятельства, при которых это сочинение выходит в свет, заставляли ожидать от него гораздо больше»¹³⁴.

Но, вероятно, Бичурин, издавая эту книгу, и не рассчитывал на таких подготовленных читателей, как его критик, который, между прочим, и сам признавал, что задачей Бичурина было написать книгу для широкого читателя. «Новая книга ученого нашего сиолога,— писал Сенковский,— кажется, не предназначена для людей, знакомых с этого рода литературой, которые мало найдут нового для себя, но она может в значительной степени удовлетворить любопытство обыкновенных читателей, ищущих в это время хороших сведений о Китае»¹³⁵. Эта рецензия заставила Бичурина пересмотреть свой первый труд о Китае и написать «Статистическое описание Китайской империи», в ко-

тором первая часть посвящена Китаю, вторая — Маньчжурии, Монголии и Восточному Туркестану. В «Прибавлениях» ко второй части дано описание водных путей в Китае, обозрение Кореи, сообщаются сведения о чайной промышленности и др. Это был всеобъемлющий труд, к которому даже спустя многие десятилетия обращались китаеведы. Географическая карта Китая впервые получила широкое распространение.

За «Статистическое описание Китайской империи» Н. Я. Бичурин был в третий раз награжден Демидовской премией¹³⁶. Однако ни один рецензент не удосужился написать на это сочинение, действительно заслуживающее внимания, хотя бы небольшой отзыв.

К 40-м годам относится переписка Н. Я. Бичурина с М. П. Погодиным¹³⁷. Она раскрывает многие неизвестные до сих пор стороны жизни и работы Бичурина. Из переписки выясняется, какие большие затруднения пришлось испытать Бичурину с изданием и распространением его работ. На выдающееся сочинение Бичурина «Статистическое описание Китайской империи» «во всей России подписался один чиновник из Варшавы». «От издания „Статистики Китая“ („Статистического описания Китайской империи“. — П. С.) и „Земледелия в Китае“, — пишет Бичурин, — я понес убытку до 2500 р. серебром. „Статистики“ продано 30, а „Земледелия в Китае“ до 15 экземпляров»¹³⁸.

В ноябре 1844 г. Н. Я. Бичурин сообщает М. П. Погодину: «На сих днях я привел к концу два новых сочинения: „Китай в гражданском и нравственном состоянии“ и „Религия ученых“ с 26-ю чертежами. Только не знаю, что с ними делать. „Горе от ума!“ Наша первостатейная ученость требует одних сказок китайских, чтобы после карт с приятностью заснуть»¹³⁹. 17 ноября Н. Я. Бичурин снова пишет М. П. Погодину, что он представляет две книги в Азиатский департамент: «Китай в гражданском и нравственном состоянии» и «Религию ученых и ее обряды»¹⁴⁰. Последняя «не может выйти в свет, потому что напечатать ее в 200 экземплярах стоит 6000 р. серебром, а на издание первой буду просить пособия от правительства»¹⁴¹.

Книга «Китай в гражданском и нравственном состоянии» вышла только в 1848 г. Большая часть ее была известна читателям по статьям автора, опубликованным в различных журналах. Эта книга также была удостоена Демидовской премии и отмечена шестью рецензиями¹⁴². После ее появления итоги научной и общественной деятельности Н. Я. Бичурина в большой статье подвел В. Г. Белинский. Не преминул отозваться на нее и О. И. Сенковский. О. М. Ковалевский выступил с докладом о книге в Академии наук, после чего Бичурин был удостоен за это сочинение почетного отзыва¹⁴³. Известный в педагогическом мире И. Галанин подробно разобрал часть книги. Были отклики и в «Москвитянине».

Как мы уже упоминали, Н. Я. Бичурин оставил в рукописях

семь словарей, один из которых он хотел опубликовать. В письме М. П. Погодину от 4 ноября 1841 г. Бичурин просит возвратить «образцы китайского словаря, предназначенного в печать», которые он послал Погодину весной того же года¹⁴⁴. Спустя некоторое время Бичурин снова обращается к Погодину: «Ожидаю Вашего мнения на счет посланных к Вам опытов литографированных китайских букв для словаря»¹⁴⁵.

Неизвестно, кто занимался в 40-х годах литографией китайских иероглифов, было ли использовано для издания словаря Бичурина наследство П. Л. Шиллинга, — оттисков словаря не сохранилось.

В период 1840—1850 гг. Н. Я. Бичурин уделял также большое внимание рецензированию книг, журнальных статей и тех учебников, в которых затрагивались вопросы, относящиеся к истории Китая. Кроме полемических статей о надписи Монкэ-хана и ответов на критику Клапрота, в этот период им написано и опубликовано 14 рецензий. Он живо откликнулся на статью Менцова «О состоянии первоначального обучения в Китае», дал замечания на статью Эйри и географию Арсеньева, его внимание привлекли сочинение Неволлина, статья «Шесть сцен Онокского пастуха» (вторая, третья и последняя статьи о Средней Азии), статьи Устрялова; он отрецензировал статью «Друзья по смерти», статью об исследовании истоков Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, заметку «Познания китайцев в астрономии», дал отзывы на статью Эрдмана, на первый том сочинения «Древние и нынешние болгары» Ю. Венелина, на «Историю монголов» В. В. Григорьева¹⁴⁶.

Во всех своих рецензиях Бичурин выступал против некритического отношения к иностранным источникам, против слепого поклонения перед Западной Европой¹⁴⁷.

Причем он говорил об этом так резко, что даже М. П. Погодин не решался опубликовать некоторые его рецензии. «Приметно, что Вы затрудняетесь изданием замечаний на русскую историю Устрялова, — писал Бичурин, — колкие, по Вашему мнению, выражения можно смягчить, как вам угодно, а издать ее нужно»¹⁴⁸.

В письме М. П. Погодину он обрушился на авторов учебников: «У нас сочинители учебников, привыкшие в университетах подражанию иностранным писателям, сами ни во что вникать не хотят...»¹⁴⁹. Отмечая ошибки в учебниках, Бичурин предлагал исправлять их «общими трудами ученых комитетов — подражая китайцам»¹⁵⁰.

Однако Бичурин был всегда объективен, стремился увидеть достоинства в рецензируемом им сочинении, и если находил их, то всегда подчеркивал положительные его стороны¹⁵¹. Так, касаясь трудов по Китаю, написанных католическими миссионерами, Бичурин отдавал им должное «за множество и за верность сообщенных ими сведений», но сразу же предупреждал, что им

нельзя верить, когда они говорят о незнакомых им предметах, и «в особенности еще менее должно верить их суждениям о нравственности и религиях китайцев»¹⁵².

Особенно Бичурин упрекал католических миссионеров за их описания «довольно черными красками» нравственности китайцев; европейские писатели «усиливали черноту красок, как будто бы от этого преимущество христианских народов выказывалось в красках светлее обыкновенных»¹⁵³. С негодованием Бичурин писал по поводу гнусной выдумки миссионеров «для возбуждения сострадания в католических державах» о якобы имевшем место в Китае разрешении умерщвлять младенцев. «Нет такого закона в Китае»,— утверждал он¹⁵⁴.

Так же гневно осуждал Н. Я. Бичурин тех путешественников по Китаю, которые писали «о разных китайских обрядах большею частью в смешном виде и в своих издевательских описаниях оное еще преувеличивают»¹⁵⁵.

Подобные замечания Бичурина были чрезвычайно важны, так как в первой половине XIX в. в России появилось большое число переводных сочинений о Китае, извращающих подлинные факты¹⁵⁶.

Возникший в 1839 г. между Н. Я. Бичуриным и Я. И. Шмидтом спор о переводе надписи на памятнике Чингис-хана, в 1846 г. продолжался по поводу надписи на серебряной пайдзе квадратными монгольскими буквами¹⁵⁷.

Борясь с подражанием всему иностранному, с засильем немецких ученых в Академии наук, Бичурин не раз писал об этом М. П. Погодину. В 1844 г. директор Азиатского департамента предложил Академии наук принять на службу Аввакума Честного, который окончил Петербургскую духовную академию в звании магистра, а в Пекине овладел четырьмя языками: китайским, маньчжурским, монгольским и тибетским. «Отказали по тому, что — русский, не иностранец»,— сообщал Бичурин Погодину¹⁵⁸.

Любопытный факт произошел с М. И. Броссе¹⁵⁹, который был приглашен в Академию наук в качестве профессора китайского языка. Когда Броссе предложили составить каталог китайских книг Азиатского музея, он отказался по той причине, что «он по давности не в состоянии упомянуть значение всех букв китайских,— пишет в 1845 г. М. П. Погодину Н. Я. Бичурин.— Я написал каталог и получил 200 р. серебром, а г. Броссе за этот же каталог получил орден. Не наглое ли это бесстыдство? Впрочем, все это происходило под завесою тайны, да и теперь неприлично открывать»¹⁶⁰.

В 1844 г. вышла из печати книга Н. Я. Бичурина «Земледелие в Китае»¹⁶¹. О ней Бичурин писал Погодину еще в 1842 г.: «Через месяц кончу изложение китайского земледелия со чертежами всех земледельческих орудий. Мне хотелось бы написать изложение всего сельского хозяйства в Китае; но оно не

принесет пользы ни мне, ни читателям: потому что Китай лежит от 40° до 24°, а Россия от 40° до 64° северн[ой] широты. Вот почему отложил я это дело в сторону»¹⁶².

Появление этого труда было не случайным. В 40-х годах XIX столетия производство хлеба на продажу в России начало значительно увеличиваться и это заставило русских помещиков пересмотреть методы обработки земли и знакомиться с новыми, более рациональными, в других странах.

«Земледелие в Китае» было не единственной книгой, появившейся в первой половине XIX в., в которой говорилось о китайском сельском хозяйстве. Об интересе в русском обществе к сельскому хозяйству Китая свидетельствует ряд статей в «Земледельческой газете» и «Трудах Вольного экономического общества». Тогда же появились впервые статьи и брошюры о китайском шелководстве.

«Земледелие в Китае» вызвало отклики в печати. Если в журнале «Современник» анонимный автор ограничился признательностью Н. Я. Бичурину за множество любопытных сведений, сообщаемых в книге, то в «Отечественных записках» неизвестный автор не без оснований бросил автору упрек в том, что в сочинении совершенно не затронут вопрос «о ценности хлебов и об издержках полеводства», чтобы объяснить причины нищеты китайского народа. Рецензент считал, что факты, приведенные в данной книге и в предыдущих сочинениях, «совершенно неосвящены идеей»¹⁶³.

Первая половина XIX в. была ознаменована общим подъемом русской культуры, и в частности возросшим и разнообразным интересом к Китаю. Развитию отечественного Китаеведения способствовали труды С. В. Липовцова, З. Ф. Леонтьевского, Д. Сивиллова, Я. И. Шмидта, О. М. Ковалевского и И. П. Войцеховского.

В последние 15 лет своей жизни Н. Я. Бичурин часто болел, но продолжал неутомимо трудиться над подготовкой к выпуску своих книг и постоянно общался со всеми Китаеведами, особенно с теми, кто вместе с ним служил в Азиатском департаменте: С. В. Липовцовым (с которым был в большой дружбе), И. П. Войцеховским, с Аввакумом Честным¹⁶⁴, Г. М. Розовым, П. Е. Кириловым, З. Ф. Леонтьевским. С Н. Я. Бичуриным были хорошо знакомы К. А. Скачков и Палладий Кафаров.

В 1848 г. Бичурин, чувствуя, что он уже не в состоянии работать, как прежде, и желая сохранить свои рукописи и библиотеку, послал в свою альма-матер — Казанскую духовную академию 168 книг, карт и рукописей на русском и западноевропейских языках [204].

Разнообразна тематика книжного собрания Бичурина. В реестре принятых в духовной академии книг — книги по истории, философии, географии, лингвистике (главным образом грамматика), уголовному праву, истории Петербурга и т. д.¹⁶⁵.

Последней книгой Бичурина, над которой он работал в продолжение многих лет, было «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». «С 1-го января текущего года я занимаюсь составлением истории древних народов в Средней Азии и частью соседственных ей владений. Сия история начинается во втором веке пред РХ и оканчивается в IX веке», — сообщал он в 1846 г. Погодину. А в январе 1847 г. Бичурин пишет Погодину: «В прошлом году я кончил собрание материалов для истории о древнейших народах в Средней Азии. В нынешнем году едва ли успею снабдить ее примечаниями и пояснениями: а время летит»¹⁶⁶. В 1850 г. Бичурин закончил этот завершающий его научную деятельность труд, который вышел в 1851 г. и также был удостоен Демидовской премии.

В 1950—1953 гг. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» было переиздано Институтом этнографии АН СССР под редакцией и с комментариями крупных советских ученых С. П. Толстова, А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера с большой статьей А. Н. Бернштама. В третьем томе Б. А. Малькевич опубликовала материалы к библиографии трудов Бичурина и материалы к биобиблиографии. О роли и значении этого труда Н. Я. Бичурина очень обстоятельно рассказал в указанном издании А. Н. Бернштам, который подробно остановился на оценке книги, данной современниками Бичурина.

Дополнением к «Собранию сведений о народах...» послужила опубликованная под таким же названием статья, в которой Бичурин, полемизируя с католическими миссионерами, доказывает на ряде фактов, что уйгуры — это не тангуты, а калмыки¹⁶⁷.

В том же году Н. Я. Бичурин подготовил для публикации две небольшие статьи: «Первоначальное пришествие езуитов в Китай» и «Дом Чингис-ханов в Китае». Статьи опубликованы не были и обнаружены в архиве Погодина. В январе 1852 г. Бичурин в письме Погодину обещает прислать новую статью, хотя, как он пишет, болеет уже третий месяц и не может ни читать, ни писать. «Это будет поход хуннов на Европу, т. е. поход, предпринятый калмыками из Чжунгарии»¹⁶⁸, — планировал Бичурин, но написать данную статью он уже не смог из-за болезни.

11 мая 1853 г. Н. Я. Бичурин скончался в келье Александровской лавры, всеми забытый, среди ненавидевших его за вольнодумство монахов¹⁶⁹.

Бичурин оставил огромное рукописное наследие, изучение которого облегчают имеющиеся описания и регистрация рукописей, сделанные советскими учеными З. И. Горбачевой, С. А. Козиным, Б. А. Малькевич, А. А. Петровым, П. Е. Скачковым, Д. И. Тихоновым, Л. И. Чугуевским¹⁷⁰.

В первой половине XIX в. вопросы, связанные с Китаем, стали все больше привлекать внимание русского общества. Однако только немногие из современников Бичурина могли по достоинству оценить значение его трудов для русской науки. обстоятельную оценку его деятельности дали В. Г. Белинский, В. В. Григорьев, А. К. Казем-Бек, О. М. Ковалевский, М. П. Погодин, Н. А. Полевой и О. И. Сенковский. Высоко чтит Бичурина великий русский поэт А. С. Пушкин.

В кругах историков появление переводов с китайского языка по истории народов Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии всегда вызывало большой интерес. Большинство исторических сведений, сообщаемых Н. Я. Бичуриным, было ранее совершенно неизвестно. Все без исключения рецензенты отмечали прекрасное знание китайских источников, богатство, разнообразие тематики, важность фактов, сообщаемых в его трудах, и др.

Во всех журналах, где появлялись статьи Н. Я. Бичурина, и в большинстве рецензий на его труды имя Бичурина упоминалось с эпитетами: «наш почтенный хинезист», «наш знаменитый синолог», «славный наш синолог» и т. д.

Даже О. И. Сенковский, известный своим пристрастием высмеивать в своих рецензиях (и в особенности в книге «Совершеннейшая из женщин») горячее увлечение Бичурина Китаем, не раз подчеркивал большую значимость его трудов: «Ни один, быть может, из нынешних ориенталистов не вынес на свет из хаоса восточной литературы столько новых фактов, столько любопытных и важных сведений об истории Восточной Азии, как наш неутомимый синолог отец Иакинф»¹⁷¹. Причем Сенковский иногда даже давал Бичурину в своих рецензиях полезные советы, например, предлагал сравнивать административное устройство Китая не с западными странами, а с восточными, где с Китаем можно было найти много общего.

Между прочим, В. Г. Белинский также не одобрял замашки автора делать параллели между Европой и Китаем, сравнивать государственные чины в Китае с английскими лордами и французскими пэрами.

Сенковский требовал от Бичурина более критического отношения к источникам. В рецензии на «Китай в гражданском и нравственном состоянии» он писал: «...мы беспрекословно готовы верить, что документы, на которые он опирается, — самые верные из всех, но после Моррисона¹⁷² надо доказать это и доказать неоспоримо, надо критически сравнивать источники его, Грозье и английского посольства»¹⁷³. Бичурин никогда не возражал против подобных критических замечаний, напротив, он принимал их во внимание и учитывал в своей последующей работе. Однако необходимо при этом отметить, что имеющее место у ряда авторов полное неприятие всех критических заме-

чаний О. И. Сенковского в адрес Бичурина несерьезно и не дает возможности правильно оценить современную Бичурину критику его трудов.

Иной характер носила критика М. П. Погодина. Погодин понимал значение исторических трудов Бичурина, всегда приветствовал их появление, поддерживал Бичурину в его полемике с Клапротом, защищал от нападок Сенковского и дружелюбно обращал его внимание на стиль переводов.

В. Г. Белинский, интересовавшийся Китаем¹⁷⁴ и часто сопоставлявший взгляды представителей русских реакционных кругов с отсталой, реакционной идеологией господствующих классов феодального Китая, не раз отмечал положительные стороны трудов Н. Я. Бичурина.

Однако в рецензии на «Китай в гражданском и нравственном состоянии» Белинский, сравнивая труд Бичурина со статьями Дэ Мина¹⁷⁵, высказался отрицательно об идеализации Бичуриным многих сторон китайской действительности. Так, сведения в отношении взяточничества в судебных органах Китая В. Г. Белинский рекомендует «искать не в книгах почтенного отца Иакинфа, а в небольших статьях, печатавшихся в „Отечественных записках“ в 1841—1843 гг. под заглавием „Поездка в Китай“, псевдонима Дэ Мина: „Это человек, проживший в Китае шесть лет, знающий китайский язык и китайскую грамоту, но с познаниями и взглядами вовсе не китайскими. Почтенный отец Иакинф показывает нам более Китай официальный в мундире и с церемониями; Дэ Мин показывает нам более Китай в его частной жизни, Китай у себя дома, в халате на распахку“». Все же в заключении этой обстоятельной рецензии В. Г. Белинский не ставит Бичурину в вину «важным недостатком» то, что он допустил в книге ряд «умолчаний и смягчений в пользу нежно любимых им китайцев», ибо, подчеркивал великий критик, «факты говорят сами за себя и истина так и бросается в глаза»¹⁷⁶.

Значение Н. Я. Бичурина в истории русской общественной мысли огромно: своими многочисленными, разнообразными по тематике трудами о Китае, своей резкой, справедливой критикой ложных сведений об этой стране, появлявшихся в печати, Бичурин привлек внимание широких кругов русского общества к ранее неизвестным сторонам истории и культуры Китая и заставил пересмотреть неправильные взгляды на Китай, заимствованные с Запада.

Несмотря на большой интерес, проявляемый советской общественностью к жизни и трудам Бичурина, к сожалению, все еще отсутствуют развернутая научная биография ученого, полная библиография его печатных трудов и рукописей.

Все же значение Бичурина в русском востоковедении, общая оценка большинства опубликованных его трудов выяснены и даны советскими учеными довольно полно и в целом правильно¹⁷⁷.

Имя Н. Я. Бичурина хорошо известно. Это самая популярная фигура из всех русских китаеведов. Только за последние годы о нем написано более 10 научных и популярных статей, повесть и даже пьеса¹⁷⁸. Как уже упоминалось, его капитальный труд по истории народов Средней Азии переиздан Институтом этнографии АН СССР; рукопись «Землеописания Китайской империи», находившаяся в Казани, издана (в сокращенном виде) в 1960 г.¹⁷⁹ [Бичурин, № 12].

Но иногда в статьях некоторых авторов о Бичурине проскальзывает попытка его идеализации. На наш взгляд, вполне точную характеристику Н. Я. Бичурина дал Д. И. Тихонов, и мы целиком присоединяемся к ней. «Нет нужды,— пишет Д. И. Тихонов,— приукрашивать или умалять Бичурина: все его научное и литературное наследие следует рассматривать с учетом времени, в конкретный исторический период. Нельзя требовать от него правильного материалистического понимания всех вопросов истории, его заслуга заключалась в том, что он сделал доступными обширные китайские источники, ознакомил русского читателя с Китаем, своими статьями и трудами рассеял ошибочные представления о странах и народах Восточной Азии, решительно выступил против преклонения перед западноевропейскими учеными, отстаивая русскую науку»¹⁸⁰.

Имя Н. Я. Бичурина, одного из первых русских синологов, составляет славу и гордость отечественной науки.

П. И. КАМЕНСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В РУССКОМ КИТАЕВЕДЕНИИ

Павел Иванович Каменский (1765—1845), сын священника, окончив в 1787 г. духовную семинарию в Нижнем Новгороде, недолгое время учительствовал в народном училище г. Балахны, затем поступил учиться в Московский университет и в 1791 г. был определен помощником надзирателя в Петербургский воспитательный дом, где занимался и преподаванием¹⁸¹.

Неудовлетворенный жизнью, Каменский добровольно изъявил желание поехать в Китай студентом Пекинской духовной миссии¹⁸². Годы, проведенные в Пекине,— наиболее деятельный и интересный для нас период его жизни. Здесь он усердно изучает китайский и маньчжурский языки, много переводит, главным образом с маньчжурского, и в записях того времени предстает перед нами как специалист, разбирающийся в социально-экономическом положении Китая.

Во время пребывания в Пекине Каменский уделял главное внимание историческим сочинениям. Им переведено сокращенное издание «Тунцзянь ганму» (оканчивается династией Мин) [Каменский, № 2]. Он остановился на этом периоде китайской истории, видимо, по договоренности с Липовцовым, который,

как будет сказано дальше, занимался переводом именно минской истории.

Осталась в рукописи переведенная Каменским в Пекине «Мунгальская история о деяниях Чингисского рода» — полный перевод с маньчжурского «Юаньши» (раздела «Бэнь цзи») [Каменский, № 4].

В 1805 г. Каменским был переведен «Журнал, веденный в Пекине на прибытие Спафария», опубликованный без указания авторства в «Сибирском вестнике» в 1823 г.¹⁸³ [Каменский, № 4].

В папке, подаренной Каменским Публичной библиотеке, находятся его переводы на исторические темы: «Журнал, веденный на разные Пекинского двора посольства, а именно к Тибетскому герцогу Дибе, к Дзюнгорским царям Галданю, Цезан Раптаню и др.», «Падение минской, а начало маньчжурской в Китае царских династий или жизнь изменника Лидзичина», переводы указов богдыхана и другие материалы по истории Китая. В этой же папке — перевод китайского медицинского сочинения: «Преложение стихов с китайского, пропустив прозаические замечания о пульсах», выполненных также в стихах. Это сочинение предлагалось молодым китайским медикам заучивать наизусть для лучшего запоминания теории пульсации [Каменский, № 5].

В Пекине Каменский начал работу над составлением китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинского словаря, которую закончил в Петербурге. Как было сказано выше, после приезда из Пекина Каменский был назначен переводчиком маньчжурского и китайского языков Азиатского департамента [178], где прослужил 13 лет. В эти годы он продолжал работу над китайско-монголо-маньчжуро-русско-латинским словарем. Работа над словарем, вероятно, помешала ему подготовить к публикации ряд других трудов, оставшихся в рукописях. Настоятельная необходимость издания словаря была очевидна, и Азиатский департамент стал хлопотать о его публикации. Для выяснения возможности напечатать словарь во Франции были запрошены французские синологи Дегинь и Ремюза¹⁸⁴, которые сообщили о наличии в Париже китайского шрифта, но указывали на его изношенность и устарелость. На подобный же запрос в Англию был получен ответ, где указывалось, что там имеются все условия для издания словаря и что у издателя Морена есть 16 тыс. китайских иероглифов [Каменский, № 17].

Абель Ремюза, кроме того, прислал отзыв на словарь. Главное его замечание относилось к структуре словаря. Расположение слов по предметам он находил совершенно неприемлемым и считает, что пользоваться словарем незнающий язык не сможет. Поэтому необходим алфавитный указатель. Ремюза говорит также о нечетком расположении знаков [Каменский, № 17, л. 57—58 об.].

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I О НЕБѢ.

LIBER PRIMUS

CAPUT I. DE COELO.

		天 Тянь.
Абха.	Тынгери	
Небо; Богъ. Coelum; Deus.		
		上天 Шань.
Дэрги	Тэхэдү	
Блаженное Небо. Pallidum coelum.		
		
Абха.	Тынгери	
Вышнее небо. Богъ. Deus; celum sublimis coelum.		
		蒼天 Тянь.
Нюхонь	Кука	
Светлое небо. Caeruleum. Coelum.		
		清天 Тянь.
Генсьен	Гогэгэн	
Светлое, прозрачное, ясное небо. Serenum, purum, splendidum, lucidum coelum. Ens omnisciens.		
		
Абха.	Тынгери	

		天氣 Тянь.
Абха.	Тынгери	
Ци.		
		清氣 Ци.
Фань, э- хуй	Ченка- зерь	
Блудное небо. Pallidum coelum.		
		晨光 Тянь.
Улдэм	Гэрэ	
Заря, денница разсвѣтъ время. Aurora, diluculum.		
		晨光 Тянь.
Улдэмэ	Гэрэ	
Заря, денница разсвѣтъ время. Aurora, diluculum.		
		晨光 Тянь.
Абха.	Шира- лаба	
Заря взошла. Aurora in horizonte apparuit.		
		東方 Тянь.
Лиань	Аулай	
Фань.		
		黎明 Тянь.
Жака- раха.	Жаб- сар- лаба	
Свѣтаешь, день насвѣтъ показы- вается. Dislucescit, lucet.		

«Правила, на основании коих предполагается приступить к напечатанию китайского словаря, сочиненного коллежским асессором Каменским» и смета расходов в 139 900 руб. были 2 июня 1817 г. утверждены Александром I [там же, л. 53—54]. Издание было возложено на П. Л. Шиллинга.

В типографии Н. Греча уже был отпечатан первый лист словаря, но издание не было осуществлено, так как Каменский был отправлен в Китай, несмотря на протест министра иностранных дел Нессельроде, возражавшего главным образом из-за возможности срыва издания. В своем «мнении о миссии» Нессельроде, признавая, что Каменский имеет все данные для назначения его начальником миссии, писал: «...Министерство иностранных дел никак не может согласиться на отъезд сего чиновника. Его пребывание в С.-Петербурге слишком нужно, даже необходимо, как для дел Коллегии, так и еще более для исправного издания словаря языков китайского и маньчжурского. Сей словарь, который должен своим появлением принести столько же пользы ученому свету, сколько чести нашему попечительному правительству, не может быть отпечатан прежде 8 или 10 лет; он требует безотлучных трудов и стараний Каменского»¹⁸⁵.

Словарь остался в рукописи, и, хотя его публикация и явилась бы вкладом в развитие русского китаеведения, едва ли подобный тип словаря мог значительно продвинуть изучение восточных языков в России. Расположение «по материалам» затрудняло использование его для чтения текстов, да и внешне он был, судя по отпечатанному листу, громоздок.

В Архиве Института востоковедения АН СССР хранится в рукописи рецензия на этот словарь. Дата в рукописи не стоит, в ней имеются небольшие поправки, сделанные почерком Бичурина. Непонятно, как удалось получить рецензию от Бичурина, который был в это время в Китае? Вероятно, Бичурин писал ее в 30-х годах, когда, возможно в связи с возвращением Каменского в Петербург, вновь возник вопрос об издании словаря. Во всяком случае, в этой рецензии приводятся примеры «великого множества погрешностей» и вполне убедительно доказывается «бесполезность столь неисправного словаря» [Бичурин, № 49], с чем нельзя не согласиться.

В этот же период Каменский работал над переводом книги «Тайшан» [Каменский, № 7], частично им опубликованным¹⁸⁶, написал проект инструкции для Пекинской духовной миссии и примечания к нему, в которых, в частности, интересны мысли о том, как нужно наладить в миссии изучение языков Китая¹⁸⁷.

В 1819 г. П. И. Каменский был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока (протокол Академии наук № 346 от 3 ноября 1819 г.), членом парижского Азиатского общества, копенгагенского Общества северных антиквариетов и Вольного общества любителей науки и художеств.

Торговля с Китаем и таможенные сборы в Кяхте, которые до 1810 г. заметно возрастали, во время войны с Наполеоном резко упали. Торговый оборот сократился в 2,2 раза. Хотя после войны начался новый подъем торговли, темпы ее роста были ниже, чем в первом десятилетии XIX столетия. Но не низкие темпы роста торговли беспокоили М. М. Сперанского, который во время поездки по Забайкалью посетил Кяхту и Маймачен. Его беспокоило уменьшение «статей промена» с китайской стороны¹⁸⁸. Чем было это вызвано — неизвестно. В Кяхте некому было поручить сбор информации о Китае и выяснить данный вопрос. Очевидно, это следовало учесть при комплектовании очередного состава миссии в Пекин и при выработке новой инструкции для нее.

Еще в 1814 г. иркутский губернатор Н. И. Трескин, получив сообщение о положении в Пекинской духовной миссии, представил в Петербург донесение о необходимости послать новую миссию раньше срока и о своих предложениях по некоторой ее реорганизации. В 1815 г. Трескин составил весьма обширный и подробный проект инструкции для новой миссии. Во главе ее он предлагал поставить чиновника, но официальные сношения вести через старшего священника. По этому проекту члены миссии должны были провести не менее года в Иркутске и учиться там маньчжурскому языку.

В том же году свои соображения о реорганизации миссии представил Каменский [114]. Его предложения и некоторые положения проекта Трескина легли в основу новой инструкции¹⁸⁹. Поставить во главе миссии чиновника было заманчиво, но рискованно; это не предусматривалось Кяхтинским трактатом, и китайское правительство могло не принять миссию.

Однако выход был найден. Стать начальником миссии было предложено П. И. Каменскому — опытному и знающему чиновнику Азиатского департамента. Для этого он должен был принять духовный сан. (Каменский был холост, а это являлось обязательным условием для пострижения в монахи.)

После обещаний наград и повышенной пенсии по возвращении на родину, а также увеличения ассигнований на миссию П. И. Каменский согласился стать начальником миссии и был пострижен в монашество под именем Петра, через несколько дней «рукоположен» в звание архимандрита, каковое обычно и имели начальники миссии. В качестве пристава миссии было решено послать человека, который мог бы доставлять Азиатскому департаменту максимум требуемых сведений о Китае и выполнять дипломатические поручения.

Вначале предполагалось назначить приставом миссии П. Л. Шиллинга. Но по какой-то причине это предложение отпало, и приставом был назначен чиновник 8-го класса Азиатского департамента Егор Федорович Тимковский.

Проект инструкции для миссии Каменского был утвержден Александром I 27 июля 1818 г. Инструкция детально регламентировала все стороны функционирования миссии: «доставление миссии и выбор чиновников», «порядок в путешествии», «порядок смены прежней миссии», «предметы занятий», в том числе: «а) богослужение, проповедование, перевод обедни, воспитание албазинцев... б) труды ученые, распределение частей учения, переписка с иркутским губернатором и с учеными обществами, выбор и покупка книг и проч.». Остальные параграфы инструкции предусматривали: «переводы, сношения с китайцами, средства для знакомства и связей, образ жизни, меры осторожности, внутренний порядок, распределение должностей, совет миссии, поощрения, наказания, порядок хозяйственный, награждения» [114].

Эта инструкция в своей основе сохранила силу и для последующих миссий. Министр народного просвещения А. Н. Голицын предложил президенту Академии наук С. С. Уварову составить подробные инструкции и для студентов миссии. В академии был сформирован комитет в составе академиков В. К. Вишневского, Ф. И. Круга, В. М. Севергина и Х. Д. Френа. В. К. Вишневский написал инструкцию «По части астрономии и географии», В. М. Севергин — «По части минералогии», А. Ф. Севастьянов — «По части зоологии», А. К. Шторх — «По части политической экономии», Ф. И. Круг и Х. Д. Френ — «Указание для назначенной миссии». Все инструкции были обработаны В. М. Севергиным под общим названием «Начертание инструкций и вопросов, предлагаемых Академией наук в пользу и употребление молодым путешественникам, назначенным и отправляемым при духовной миссии в Китай»¹⁹⁰.

По этой инструкции начальнику миссии разрешалось по собственному усмотрению изучать один из языков — китайский или маньчжурский. Священники должны заниматься изучением буддийской и даосской религий и переводами книг, «в коих изясняются правила сих вер, и приготовлением нужных на оные возражений». Причетник вместо китайского языка может учить тибетский или санскрит¹⁹¹.

Главная задача студентов — изучение китайского и маньчжурского языков. «Другие же занятия должны быть между ними разделены согласно с их предварительными занятиями, желаниями и способностями; один обратит свое внимание на медицину и натуральную историю Китая; другой — на состояние математических наук в сем крае, на китайскую литературу и философию, и в особенности на систему Конфуция; третий посвятит себя изучению истории, географии, статистики и юриспруденции китайского государства; наконец, четвертый будет собирать сведения о сельском хозяйстве, о домашней жизни крестьян, земледелии, мастерствах и художествах. Академия наук, Медицинская академия, Московское общество натурали-

стов, С.-Петербургское минералогическое и Вольное экономическое общество сделают сих студентов (считая в том числе и первого причетника) своими членами-корреспондентами». Они обязаны доставлять все «свои открытия и рассуждения этим обществам»¹⁹².

В инструкции указано на обязанность миссии «по мере данных ей средств» собирать для своей библиотеки книги по приложенному списку, посылать географические карты, планы городов, семена тех растений, которые могут быть культивированы в России, растения, минералы, «редкости и вообще все, что может служить к точному познанию Китая, к обогащению наук и искусств или к пользе нашей промышленности».

Предлагалось также перевести «интереснейшие» китайские книги и перевести русский академический словарь на китайский, маньчжурский и монгольский языки, а «также стараться сочинить для сих языков грамматики». Строжайше предписывалось не допускать пьянства среди миссионеров и студентов, а также других предосудительных поступков, которые могли бы способствовать ухудшению отношения к миссии маньчжурского правительства.

Работа врача должна была содействовать установлению дружественных связей с местным населением. Ему предписывалось делать местным жителям прививки против оспы, от которой в Китае погибало много народа.

Каменский, в свое время испытавший на себе самодурство С. Грибовского, ввел в инструкцию пункт об «учреждении Совета миссии», в ежемесячных заседаниях которого должны участвовать все члены миссии, но решающий голос имели только начальник и два священника. На совете решались вопросы поведения членов миссии, их занятий, хозяйственные дела и др.

Эта инструкция была шагом вперед и в подготовке китаеведов. Студентам предписывалось придерживаться определенной тематики, и эта дифференциация помогла в будущем почти всем студентам миссии вести практическую работу, связанную с хорошим знанием отдельных отраслей китаеведения, и преподавать специальные курсы.

Под начальством Каменского в десятой миссии были: из духовных лиц — Вениамин Морачевич, Даниил Сивиллов; причетники — Николай Иванович Вознесенский, Алексей Исакович Сосницкий; студенты — Кондрат Григорьевич Крымский, Захар Федорович Леонтьевский, Василий Кириллович Абрамов и врач Осип Павлович Войцеховский.

Миссия возвратилась в Россию в 1831 г. Ни одна из предыдущих миссий не может похвалиться таким числом лиц, подготовленных к практической деятельности. Из девяти членов миссии, не считая самого Каменского, на работе, непосредственно связанной со знанием китайского и маньчжурского языков, были использованы семь человек: Сивиллов, Войцеховский, Ле-

онтьевский, Крымский, Сосницкий, Вознесенский, Морачевич. Видимо, П. Каменский создал в миссии благоприятные условия для занятий языками, чему способствовали знание языков самим Каменским и его спокойный и мягкий характер. Однако сам Каменский в этот период пребывания в Китае научной работой не занимался.

В 1830 г., в возрасте 65 лет, он вернулся на родину и поселился в монастыре г. Городца, отказавшись быть настоятелем монастыря, как то было оговорено перед отъездом в Китай.

П. И. Каменский занимался китайским и маньчжурским языками более чем 35 лет, т. е. с 1794 по 1830 г., естественно предполагать, что после него должны были остаться рукописи о Китае, тем более что при жизни в России он опубликовал только две статьи¹⁹³.

В статье «Воспоминание об И. И. Захарове» В. П. Васильев, говоря о трудах членов Пекинской духовной миссии, пишет, что в Азиатский департамент Каменский «представил целые мешки своих записок, извлечений, переводов, и где они теперь?». В «Исторической записке Софрония Грибовского» В. П. Васильев указывал, что Каменский в Пекине вел «„Записки“, но неизвестно, куда они девались, кажется, затерялись в Азиатском департаменте»¹⁹⁴.

«Записки» — дневники за 1832—1842 гг. — и другие рукописи Каменского обнаружены нами в различных архивах Советского Союза.

Рукопись «Монгольская история о деяниях Чингисского рода», как уже упоминалось, является полным переводом с маньчжурского раздела «Бэнь цзи» из «Юаньши». И до сего времени это наиболее полный перевод на русский язык монгольской истории¹⁹⁵.

Рукопись «Гунцзянь ганму» в переводе Каменского составляет 397 листов [Каменский, № 2]. Переводы «Падение минской, а начало маньчжурской в Китае царских династий или жизнь изменника Лидзичина» (53 л.), «Журнал, веденный на разные Пекинского двора посольства, а именно к Тибетскому герцогу Дибе, к Дзюнгорским царям Галданю, Цеван Раптаню и др.» (45 л.) и другие переводы исторического характера находятся в папке под названием «Материалы Каменского» [Каменский, № 5]. Переводы отдельных частей различных исторических книг содержатся также в объемистых делах, хранящихся в АВПр (сведения о Коканде, о маршруте Мамедиярова 1811 г.) [Каменский, № 16].

Любопытно отметить, что Н. Я. Бичурин переводил с китайского языка почти те же книги по истории, что и Каменский с маньчжурского.

Выполнение Каменским инструкции «по медицинской части» отражено в рукописи «Медицинско-русско-китайский словарь» [Каменский, № 21]. Название рукописи не соответствует ее со-

держанию. Это выписки из различных китайских медицинских сочинений, главным образом, вероятно, из «Бэньцао ганму», медицинский словарь о китайских лекарствах, в котором указаны плоды, звери, черви и рыбы, применяющиеся как лекарства, дан перевод в стихах китайского сочинения о пульсах [Каменский, № 5], о способах розысков женьшеня и др. В 1811 г. отдельным письмом Каменский сообщил о медицинских книгах, семенах и лекарствах, вывезенных им из Китая и подаренных Медико-хирургической академии.

Дневники Каменского, относящиеся к 1832—1842 гг., заполнены записями переводов проповедей на китайском языке, выписками из богословских книг, афоризмов богословского содержания, теологическими размышлениями, свидетельствующими о попытках в конфуцианских книгах найти общее в конфуцианской и христианской моралиях, и т. п.¹⁹⁶ Ценного материала о Китае здесь не содержится. Из дневников можно извлечь только некоторые данные по десятой миссии [Каменский, № 9—11, 13].

Упомянем кратко также об оставшихся после Каменского «лексиконах». Один из них, предназначенный для печати, был озаглавлен «Большой русско-китайский словарь с фразами и примерами», другой — «Фразеологический словарь с фразами и примерами на китайском и манжурском языках. 1831 г.», третий — «Китайский лексикон по выговорам» — «У фан юаньинь», четвертый (очевидно, вариант третьего) называется «Китайский лексикон, по выговорам или тонам расположенный. 1826 года. Январь 25. Пекин» и, наконец, пятый — это пособие «Краткие разговоры на мунгальском и манжурском языках с моим на скору руку переводом» (в двух книгах). Сюда же можно отнести и «Лексикон Сань-хэ-бень-лань, по мунгальскому алфавиту переводчиком Новоселовым подобранный и арх. Петру Сибирским ген. губ. М. Сперанским в 1820 г. для подведения китайского и манжурского переводов и для переведения его на русский, предпорученный в 2-х томах» [Каменский, № 19, 22—26].

Кроме того, определенной заслугой П. Каменского является его вклад в комплектование китаеведческой литературой наших библиотек. В 1830 г. он привез в Россию много китайских и маньчжурских книг и передал более ста из них в семинарию и гимназию Иркутска¹⁹⁷, в Публичную библиотеку в Петербурге, в библиотеку Московского университета (словарь Канси), в библиотеку Петербургской духовной академии и в Азиатский департамент [208—210].

П. Каменский был трудолюбив и требователен к себе. Маньчжурский язык он знал лучше, чем китайский, о чем оставил нам свидетельство Аввакум Честной в своих записках. Он писал, что «архимандрит Петр, после 20-летних своих занятий китайским языком, не мог понимать ни одной строки в книгах буд-

дистов и не стыдился перед нами называть их: „непостижимым мраком обаяния“» [Честной, № 1].

Академик В. П. Васильев, встречавшийся с П. И. Каменским, так отозвался о нем: «Всеми уважаемый старик, безукоризненный, но недалёковидный»¹⁹⁸.

Работа Каменского в период первого пребывания в Пекине, затем в качестве переводчика в Азиатском департаменте, его деятельность на посту начальника десятой духовной миссии и оставленные им рукописи — все это должно быть зачислено в фонд русского маньчжуроведения, а сам П. И. Каменский должен занять заслуженное место в истории отечественной науки.

С. В. ЛИПОВЦОВ И З. Ф. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ

Степан Васильевич Липовцов (1770—1841), родился в с. Липовке Самарской губернии [179]. В восьмую миссию был взят из Казанской семинарии, в которой учился с 1783 г. Пребывание Липовцова в Пекине отмечено успехами в изучении маньчжурского языка. Продолжая начатые Каменским переводы династических историй, он перевел с китайского языка в 1807 г., т. е. перед самым возвращением на родину, историю династии Цин и ряд других материалов.

В 1808 г. Липовцов был назначен переводчиком с маньчжурского и китайского языков Азиатского департамента и оставался в этой должности вплоть до своей смерти в 1841 г.

В 1816 г. Липовцов «поднес» Николаю I перевод свой с китайского языка «Истории царствующей ныне в Китае династии (Мин.—П. С.), в четырех частях состоящей» [188]. Как известно, Николай I вмешивался во все дела своей империи и прямое «подношение» обеспечивало публикацию. Этим путем и пошел Липовцов, показав себя верноподданным чиновником.

Любопытно, что в название перевода вкралась ошибка. В архиве сохранилась не только рукопись, озаглавленная «Китайская история династии Дай-мин. Кн. I. Император Тайдзу завоеватель», но и оттиски типографского набора 11 глав этой рукописи на 27 печатных листах [Липовцов, № 2].

Рукопись Липовцова была послана на отзыв в Академию наук. А. С. Шишков¹⁹⁹ дал положительный отзыв, и в том же году было сообщено в канцелярию двора, что «сущность бытописания в особенностях своих любопытна и достопримечательна, а слог перевода ясен и предмету своему соответствует» [179]. На печатание книги императором было пожаловано 10 тыс. руб. Однако из-за смерти Липовцова печатание закончено не было.

С. В. Липовцов был одним из лучших русских маньчжуристов. Им опубликован «Маньжурский букварь», переведено с

маньчжурского языка «Уложение китайской Палаты внешних сношений»²⁰⁰, составлен маньчжуро-китайско-русский словарь, составшийся в рукописи [Липовцов, № 8].

В переводе с китайского языка он опубликовал в «Сибирском вестнике» статьи «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию»²⁰¹ и «Обозрение Зюнгарию»²⁰², а в «Азиатском вестнике» (1827, март — май) — заметку «Краткое начертание достопамятных происшествий в Китайской империи». В рукописях находятся переводы 293 указов Юн-чжэна, которые могут быть полезны историкам, изучающим этот период (1723—1736 гг.), «Записки о Китае» и «Изображение народов, которые платят дань китайским императорам» [Липовцов, № 5, 6, 7].

С. В. Липовцов занимался и составлением словарей, которые, как и словари многих других китаеведов, остались в рукописи. Один из них, «Латино-китайский словарь», включает около 20 тыс. латинских слов с переводом на китайский язык [Липовцов, № 9], другой — несколько меньший — помечен 1831 г. [там же, № 10], и, наконец, третий, хранящийся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ, схож со вторым.

По-видимому, в Петербурге Липовцов давал уроки китайского и маньчжурского языков. Как следует из воспоминаний О. И. Сенковского, он брал у кого-то в 1823 г. уроки китайского и маньчжурского языков, «в которых, — как он писал, — могу уже похвалиться, сделал большие успехи, а также монгольского; два последних даются мне гораздо легче вследствие сходства, но китайский до сих пор отнимает у меня дни и ночи; теперь до некоторой степени могу свободно читать на нем»²⁰³. Можно предположить, что Сенковский учился у Липовцова, который в 1823 г., единственный из китаистов, находился в Петербурге.

Имя С. В. Липовцова связано с переводом части Нового завета на маньчжурский язык. В 1822 г. была напечатана часть Евангелия на маньчжурском языке в его же переводе²⁰⁴. В 1833 г. в Россию приехал «агент Британского библейского общества» Барроу²⁰⁵ с просьбой напечатать в Петербурге на маньчжурском языке части Нового завета, поскольку в то время в России был лучший в мире маньчжурский шрифт, созданный Шиллингом. Для наблюдения за печатанием был командирован С. В. Липовцов. Кроме семи экземпляров, весь тираж книги был увезен Барроу в Англию. Правильность перевода была засвидетельствована Липовцовым [182].

В 1818 г. по поручению президента Академии наук С. В. Липовцов вместе с П. И. Каменским, с которым был в большой дружбе, составил каталог китайских и японских книг. Это был третий каталог китайских книг в России. Первый был составлен И. К. Россохиным и А. Л. Леонтьевым в 1741 г., второй — И. Бакмейстером в 1779 г.²⁰⁶

Материалы на маньчжурском языке перестают быть основой для изучения Китая в 20—40-х годах XIX в. Это объяснялось внутренними процессами в Цинской империи: ассимиляцией маньчжуров среди китайского населения, постепенным переходом маньчжуров на китайский язык и влиянием многовековой богатой китайской культуры. Маньчжуры все реже и реже пользовались своим родным языком, и к концу первой половины XIX в. они настолько забыли его, что, по свидетельству Бичурина, «ныне обучаются оному, как иностранному». Поскольку маньчжурский язык еще не окончательно стал «дальневосточной латынью», русские китаеведы продолжали заниматься разговорным и письменным маньчжурским языком.

Захар Федорович Леонтьевский (1799—1874) — сын нотариуса, окончил гимназию в Ярославле. За отличные успехи был послан в Главный педагогический институт, преобразованный впоследствии в Петербургский университет. Не окончив курса математического факультета, по собственному желанию поехал в Китай в числе студентов десятой миссии, возглавляемой Каменским²⁰⁷.

В Пекине З. Ф. Леонтьевский с большим рвением принялся за изучение китайского и маньчжурского языков. В его дневнике, который он вел с самого приезда до конца своего пребывания в Пекине (1831 г.) [Леонтьевский, № 2], есть ряд любопытных записей, касающихся учителей-китайцев.

По свидетельству Леонтьевского, повторялась старая история: «казенные» учителя, т. е. учителя, которые назначались Лифаньюанем, пренебрегали своими обязанностями, а частного учителя нанять было трудно. «Маньчжурский учитель, назначенный правительством, с января месяца донныне не бывал в подворье», — записал Леонтьевский 30 сентября 1822 г. Даже «нанятый на сумму, ассигнованную для учителей, — пишет он далее, — учитель по фамилии Ли чрезвычайно редко ходит, и никакие подарки не могли склонить его к усердному исполнению». Тогда Леонтьевский, «желая сколько можно скорее успеть в знании маньчжурского языка», «нанял на свое жалование за 6 руб. серебром учителя Фуча, чтобы каждый день занимался со мною разговорами» [Леонтьевский, № 2, л. 38].

5 марта 1823 г. Леонтьевский отказался от услуг Фуча, который «из-за неосновательного знания природного языка ныне оказался неспособным к дальнейшему руководству». Вместо него он взял «монгольского учителя, который бы на маньчжурском языке преподавал монгольский язык». Из этого можно заключить, что Леонтьевский одновременно изучал и монгольский язык.

Дневник Леонтьевского, сохранившийся частично, представляет большой интерес для историка и этнографа. В целом дневник составляет 480 стр., хотя записи велись не ежедневно, например за 1822 г. — всего двенадцать записей. Содержание днев-

ника разнообразно: здесь есть сведения о связях русских миссионеров с католическими, о волнениях в южных провинциях и на Тайване, об «открытии крамолы», о банкротстве банкиров и голоде, о колонизации китайцами провинции Гирич, о наводнении из-за разлива Хуанхэ, об училище русского языка при Лифаньюане и делах в миссии и т. д. [Леонтьевский, № 2].

Много работал Леонтьевский над китайско-маньчжуро-русским словарем, составленным по ключевой системе. Словарь насчитывает в рукописи 2 тыс. страниц (в полный лист); он заслуживает особого внимания потому, что в нем Леонтьевский перечисляет все лексикографические пособия, на основе которых построен его словарь [Леонтьевский, № 1]. Ни в одном из известных нам словарей, составленных русскими китаеводами, этих данных мы не находим. Автор указывает, что он брал данные «из лексиконов Кан-си-цзы-дянь, который почитается наименее распространенным; Хань-цзы-си-и, или китайский с переводом французско-латинским, изданным в Париже 1813 г., Хань-цзы-си-и-бу, или прибавление к лексикону китайско-латинскому, изданному 1819 г. в Париже Клапротом, Цин-вэнь-дзянь-яо-дацюань, или китайского лексикона, по ключам расположенного и переведенного с приложением много фраз на маньчжурский язык; Цин-вэнь-дзянь, или маньчжуро-китайского с толкованием на маньчжурский язык; Цин-вэнь-хуй-ши и Цин-вэнь-бу-хуй, маньчжурского лексикона с китайским пояснением; Цин-хань-вэнь-хай, китайский, расположенного по произношению и переведенного на маньчжурский язык; китайского, по произношению расположенного, с российским переводом бывшего архимандрита Иакинфа под руководством учителей маньчжурского и китайского по фамилиям Тун, Ма, Хуан, Лин, Чжао, Ли и др. Сверх сих пособий я в продолжении десятилетия пребывания в Китае не пропускал ничего, что нужным мне казалось, и вносил в сей лексикон. Чтение авторов и разговоры были обильными моими источниками, на которых я почерпнул то, что доселе еще ни в каких лексиконах не было помещено» [Леонтьевский, № 1, л. 1—2].

Так раскрывается перед нами весь свод лексикографических материалов, которыми пользовались русские китаеведы первой половины XIX в. при составлении словарей. Замечание Леонтьевского, кроме того, дает нам возможность узнать, какими словарями пользовались другие члены миссии и об основном словарном составе отдельных рукописей.

Словарь З. Ф. Леонтьевского, несомненно, был большим шагом вперед по сравнению со словарем П. И. Каменского, и его издание избавило бы членов миссии от утомительной и длительной переписки словарей. Достоинство этого словаря отметил выдающийся советский китаевед академик В. М. Алексеев. «Совершенно несомненно,— писал он,— что этот словарь, будучи напечатанным... сильно и существенно помог бы русским

китаистам того времени, крайне нуждавшимся в таком словаре». Перечисляя ряд достоинств словаря Леонтьевского, В. М. Алексеев говорит, что латинская часть его «сделала бы этот словарь международным, более обстоятельным, чем его европейские предшественники»²⁰⁸, например Уильямса²⁰⁹. И словарь Джайльса избежал бы существенных ошибок из-за пренебрежения к маньчжурским переводам китайских выражений. В. М. Алексеев отмечает также, что Леонтьевский настолько овладел литературной китайской речью, что смог в Пекине перевести на китайский язык три тома «Истории государства Российского» Карамзина [Леонтьевский, № 5], за что китайское правительство присудило ему звание «Го ши». Можно с уверенностью сказать, что столь детальным знакомством с русской историей китайцы обязаны этому переводу З. Ф. Леонтьевского.

В 20-х годах Леонтьевский составил «Характеристику китайских министров» — биографии 20 китайских министров, его современников [Леонтьевский, № 4].

В 1831 г. Леонтьевский перевел «Описание дорог по Китаю, по коим следуют частные лица и купечество с товарами» («Ши во чжоу хан»), изданное в 1789 г. [Леонтьевский, № 6, 7]. Очевидно исходя из инструкции, Леонтьевский и Крымский переводили некоторые статьи из китайской газеты «Цзин бао». Уцелела лишь небольшая часть этих переводов.

Перед отъездом из Пекина З. Ф. Леонтьевский выполнил несколько просьб П. Л. Шиллинга. В апреле 1831 г. он писал Шиллингу, что из заказанных им книг некоторые он купил, некоторые заказал заново ксилографировать²¹⁰.

Касаясь другого поручения, данного ему Шиллингом, Леонтьевский сообщил, что иероглифы словаря «Цинвэньцзянь» вырезаются на досках «такой величины, какая означена Вашей особой на листе, ко мне присланном». Уже готовы 20 досок, и 18 марта послано десять первых листов-отпечатков с вырезанных досок. Всего, сообщает далее Леонтьевский, будет вырезано 46 тыс. иероглифов на 60 досках, и вырезка каждой тысячи «литер» будет стоить 4,2 яна.

После приезда в Петербург в 1832 г. З. Ф. Леонтьевский был назначен переводчиком с китайского и маньчжурского языков в Азиатский департамент, где получал весьма скромное жалованье [185—188]. В Петербурге он продолжал работу над китайско-маньчжурско-русским словарем.

В 1834 г. вышла его первая небольшая книжка: «Маньчжурская песнь» в стихах — перевод с китайского языка произведения неизвестного автора, сделанный им в содружестве с поэтом Д. И. Хвостовым²¹¹. Это был один из первых опытов перевода китайской художественной литературы на русский язык. В следующем году появилась в продаже книга «Путешественник. Повесть, переведенная с китайского языка З. Леонтьевским», от-

рывок из которой был опубликован несколько ранее. Характеристику этой книги редактор «Библиотеки для чтения» заканчивал следующими словами: «...нельзя ли давать нам побольше китайских повестей и романов, которые, право, лучше французских»²¹².

Леонтьевский опубликовал большое число статей в «Северной пчеле», в «Военно-энциклопедическом словаре» и «Энциклопедическом словаре» Плюшара, причем в последнем он дал много таких статей о Китае, которых не всегда встретишь и в более поздних энциклопедиях. Например, дано 8 слов, начинающихся слогом «вэй»; 10 слов, начинающихся слогом «вэнь», и т. д. Всего в энциклопедических словарях он поместил около 300 статей.

Леонтьевский был образованным китаистом, но заслоненным от современников и потомков фигурой Н. Я. Бичурина. В. П. Васильев, знавший и того и другого, заметил о Леонтьевском в своей приписке к «Материалам для истории Российской духовной миссии в Пекине»: «...кажется, Иакинф много способствовал, что ему не дали хода» (стр. 48).

Причиной такого отношения Бичурина к Леонтьевскому были рецензии последнего в «Северной пчеле» на книги Бичурина и на его рукопись «О правильном произношении китайских звуков», представленную в 1847 г. в Русское географическое общество. Леонтьевский, как член Географического общества, получив эту рукопись, написал рецензию «по одной только обязанности, а не по желанию».

В рецензии он высказал свою обиду: «В продолжении 16-ти лет я не отвечал о. Иакинфу ни на один его вызов, ни на один упрек, большею частью не имеющий никакого основания, никакой причины со стороны моей. Вся вина моя состояла в том, что в статьях своих я руководствовался собственным опытом и не следовал его сбивчивым и затейливым выдумкам и правилам» [Леонтьевский, № 3, л. 221 об.].

Помимо некоторых замечаний в адрес Бичурина, касающихся его погрешностей в переводах, противоречий и т. д., Леонтьевский резко возражал против попытки Бичурина ввести на географических картах новую транскрипцию, высказываясь против написания кхай вместо кай, кхынь вместо кэнь, ги вместо цзи, кин вместо цин, хюань вместо сюань и т. д., указывая, что Бичурин берет за основу южное произношение и что «для не знающих китайского языка статья о. Иакинфа совершенно бесполезна и даже вредна» [Леонтьевский, № 3]. Транскрипция, на которой настаивал Леонтьевский, сохранилась до наших дней.

Вице-председатель Географического общества Ф. П. Литке послал рецензию Леонтьевского на заключение Аввакуму Честному, среди рукописей которого она и обнаружена.

Будучи членом Географического общества, Леонтьевский предложил напечатать китайский географический словарь, но

это предложение осуществлено не было. Как член Археологического нумизматического общества он опубликовал в его печатном органе «Описание неизданной китайской медали»²¹³, а в «Записках Археологического общества» — статью о китайской пайдзе²¹⁴.

В 1850 г. Российско-американская компания пригласила З. Ф. Леонтьевского преподавать китайский язык двум своим стипендиатам, обучавшимся в С.-Петербургском коммерческом училище: Николаю Шелехову и Андрею Люгебилю.

Преподавание шло успешно, и начальство училища сообщило «IV Отделению собственной Е.И.В. канцелярии», что, «почитая изучение китайского языка весьма полезным и для прочих воспитанников училища», оно просит разрешить Леонтьевскому заниматься китайским языком со всеми другими воспитанниками, изъявившими желание [312]. Сколько было учеников у Леонтьевского и как долго продолжались занятия, неизвестно.

В 1866 г. Леонтьевский, прослужив более 30 лет в Азиатском департаменте, вышел на пенсию, уехал в Ярославль, где и умер 21 июля 1874 г.

Товарищами З. Ф. Леонтьевского по десятой духовной миссии были Н. И. Вознесенский и А. И. Сосницкий.

Николай Иванович Вознесенский (род. в 1799 г. в г. Софии (ныне г. Пушкин) Петербургской губернии) был взят в миссию причетником из учеников Петропавловского духовного училища (Петербург). После отъезда по болезни на родину Абрамова Вознесенский зачислен был студентом с отречением от духовного звания. Вознесенский оставил в рукописях работы, написанные им в период пребывания в Пекине. Составленная им «Краткая хозяйственная статистика Китайского государства» содержит выписки из «Дайцин хойдянь»; другая рукопись — «Замечания о Китае Николая Ивановича Вознесенского 1828 года» [Вознесенский, № 1, 2] — представляет собой разные выписки из китайских летописей, заметки, переводы указов и небольшой дневник. По всей вероятности, переводы сделаны во время учебных занятий.

Алексей Исакович Сосницкий (род. в 1792 г.) был взят в миссию из числа послушников Александровской лавры. В Пекине он изучил китайский язык, особенно отличался прекрасным знанием разговорного языка.

Сосницкий не оставил после себя ни одного опубликованного труда. Из его рукописей, хранящихся в архивах Казани и Ленинграда, можно упомянуть «Народонаселение Китая», «Описание Храма земли» и «Разные заметки о Китае» [Сосницкий, № 1—3]. Наибольший интерес представляет последняя. В ней помещены заметки, документы, переводы указов императора и другие материалы, которые могут быть полезны изучающим историю Китая.

Первая половина XIX в. свидетельствует о значительном прогрессе русского китаеведения. Общеизвестным главой его в этот период являлся Н. Я. Бичурин, создавший огромное количество трудов, заложивших основу для дальнейших исследований истории народов Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, истории и географии Китая.

Труды С. В. Липовцова и З. Ф. Леонтьевского дополняют этот цикл работ Н. Я. Бичурина.

Сравнительно незначительное количество оригинальных трудов указанных китаеведов сторицей возмещается планомерным изданием ими многочисленных переводов китайских исторических сочинений. Это направление в рассматриваемый период вывело русское китаеведение на первое место в мировой синологии.

ОТ МИССИИ К УНИВЕРСИТЕТАМ

ОДИННАДЦАТАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Последний этап пребывания студентов в составе Российской духовной миссии в Пекине, несмотря на бурную политическую обстановку в Китае и неблагоприятные условия быта миссионеров, дал прекрасные результаты. Здесь начали свою плодотворную деятельность В. П. Васильев, И. И. Захаров, Д. А. Пещуров, В. В. Горский, К. А. Скачков. Большой вклад в изучение Китая внесли приписанные к миссии врачи и художники. Среди миссионеров выделялись блестящим знанием китайского языка Палладыи Кафаров и сравнительно мало известный в истории русского Китаеведения Аввакум Честной.

В 1829 г. кончался срок пребывания десятой миссии в Китае. В Азиатском департаменте все больше и больше убеждались в необходимости предварительного ознакомления членов миссии с основами китайского и маньчжурского языков.

В рукописях декабриста А. О. Корниловича, написавшего рецензию на «Путешествие в Китай» Е. Ф. Тимковского¹, сохранилась записка, составленная им в 1829 г. и озаглавленная «О недостатках работы русской духовной миссии в Китае и о ее реорганизации»². Возможно, она была написана по просьбе Азиатского департамента и как результат бесед с Н. Я. Бичуриным и Е. Ф. Тимковским.

«Китайцы суть народ весьма просвещенный в своем роде и превосходят в этом некоторым образом все прочие народы» — такими словами начинает свою записку А. О. Корнилович. Поэтому он считает, что посылать в Пекин студентов «из недоучившихся семинаристов, да еще против их желания, нельзя. Их предосудительное поведение и сведения только в богословских науках могут создать к ним пренебрежительное отношение». Корнилович брал на себя смелость заявить, что знания китайского и маньчжурского языков, с которыми студенты возвращаются после длительного пребывания в Китае, явно недостаточны, так как они «не могут сообщить никаких наблюдений, ибо нельзя делать оных без предварительного образования, не в состоянии были перевести никакой порядочной книги, ибо для сего недостаточно одного языка, а нужно знакомство с пред-

метаами»³. Неизвестно, беседами с какими студентами, бывшими в Китае, навеяны эти мысли, но тут чувствуется строгий менторский подход, исходивший скорее всего от Бичурина.

Корнилович вносит два конкретных предложения: «Вместо семинаристов выбирать из университетов отличнейших казенных (получающих казенную стипендию.— П. С.) студентов, кончивших курс естественных и математических наук», и при Училище восточных языков Министерства иностранных дел организовать отделение для подготовки будущих студентов миссии.

Предложения А. О. Корниловича приняты не были, но все же начавшееся еще в XVIII в. предварительное ознакомление членов миссии с основами китайского и маньчжурского языков становится с тех пор обязательным и регулярным.

В одном из дел, хранящихся в фондах Синода, есть упоминание о том, что перед отправлением одиннадцатой миссии в Китай все кандидаты были собраны в Петербурге, «чтобы лучше сблизиться друг с другом» и получить предварительные сведения о китайском и маньчжурском языках [121, л. 5]. С ними занимались переводчики Азиатского департамента Н. Я. Бичурин, С. В. Липовцов и М. Д. Сипаков. Будущие члены миссии изучали два языка: «чтение и писание, грамматическое истолкование и свойства обоих языков, обучение правильному и чистому разговору на оных». Сколько времени продолжались эти занятия и каковы были успехи, к сожалению, в деле не указано.

Состав одиннадцатой миссии был необычен. Ее возглавлял Вениамин Морачевич, член предыдущей, десятой миссии, знавший китайский язык. Приставом миссии вместо назначаемого ранее чиновника Министерства иностранных дел был определен полковник генерального штаба М. В. Ладыженский [126—131].

Кроме четырех лиц духовного звания: Вениамина Морачевича, Аввакума Честного, Феофилакта Киселевского и Поликарпа Тугаринова, студентов Г. М. Розова, Курлянцева, А. И. Кованько и Е. И. Сычевского, врача П. Е. Кирилова и художника А. М. Легашева от Академии наук были посланы под видом казаков, сопровождающих миссию, ботаник А. А. Бунге, астроном Е. Н. Фус и монголист О. М. Ковалевский⁴. Такой состав миссии предусматривал наиболее полное изучение вопросов, поставленных перед ней.

О жизни членов миссии в Пекине и об их занятиях сохранилось по сравнению со всеми предыдущими миссиями немало сведений и в опубликованных статьях, и в архивных делах.

Бытовые условия, как и ранее, оставляли желать лучшего. А. Честной в рапорте Азиатскому департаменту писал: «Студенческие комнаты узки и тесны, неудобны для занятий с учителями. Зимой опасны для здоровья. Нельзя прислониться ни к одной стене — иначе сырость и холод проникнут во все кости, и ревматизм, здесь столь обыкновенный, неизбежен... В зимнее

время ноги постоянно страдают от жару, а плечи и спина — от сырости и холода»⁵.

Отношения миссионеров и студентов с Вениамином Морачевичем были довольно сложными. Как писал А. Честной, Морачевич «сам отвратил от себя всех, частью своим невежеством, а еще более вздорным и суматошным своим характером».

В 1832 г. уехал в Россию по болезни Курлянецев, в 1836 г. — Кованько. В 1835 г. Азиатский департамент предписал передать дела по руководству миссией А. Честному, поручив Морачевичу только контакты с Лифаньюанем. Это предписание должно было храниться в тайне от местных властей. Благодаря этому «двойственному управлению» сведения о миссии поступали и от Честного, и от Морачевича.

Положение с преподавателями языков было по-прежнему неудовлетворительным. Киселевский оставил сравнительно подробные сведения об учителях миссии в своих записках, написанных в своеобразном литературном стиле: «Князь, христианин Иосиф Хун. С 1832 года, в октябре отставлен. Обучал только китайскому языку. Солдат сюцай Дэ с ноября 1833 г., в апреле 1833 г. в Сретенском подворье учителем иеромонаха Феофилакты и псаломщика Розова. 4 лана. Солдат сюцай Чэн. Нанят в сентябре 1833 г. 4 лана. Учитель китайского языка, один из лучших, но такая шельма, которая беспрестанно отлучками и неявками к сроку причиняет множество беспокойства и досады. Он ходил только по 1836 г. и отставлен. Чортхэ Лама. Учитель тибетского языка с января 1833 г. В конце декабря того же года оставил нас, как раков на мели. 4 лана. Чиновник комиссии сочинений государственной истории переводчик Сэ. Нанят в маньчжурские учителя к студенту Розову в 1835 г. в 9-й луне по 4 лана. Прежде учил 1½ г. маньчжурскому языку иеродиакона Поликарпа, а потом 2 года иеромонаха Аввакума за их собственный счет» [Киселевский, № 1, л. 203—204].

Все это свидетельствует о том, как трудно было нанять хорошего учителя при возможности платить не более 4 ланов в месяц. Хотя в 1834 г. в миссии имелись три печатных словаря на западноевропейских языках и один рукописный, трудности в овладении китайским языком при отсутствии опытного учителя не уменьшились. Ф. Киселевский писал: «...Мы должны по крайней мере восемь лет рыться в китайских лексиконах, чтобы иметь возможность на девятом году заготовить переводы ски-тайского языка» [Киселевский, № 1, л. 186].

Тем не менее успехи студентов и членов миссии в изучении восточных языков были весьма заметны. Как доказательство знания китайского языка членами миссии А. Честной сообщал иркутскому губернатору А. Н. Евсееву в 1839 г.: «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана считается лучшим переводом о. Иакинфа. Но осмеливаюсь уверить Азиатский департамент, что эту книгу, доставившую переводчику литературную

славу, каждый из нас мог бы перевести на третьем или по крайней мере на четвертом году нашего пребывания в Пекине, если не лучше, то и не хуже о. Иакинфа» [Честной, № 1, л. 325].

В этих успехах нет ничего удивительного. От миссии к миссии, из года в год изучение китайского и маньчжурского языков облегчалось наличием учебных пособий. Например, Киселевский, как, очевидно, и все в миссии, пользовался грамматикой китайского языка Н. Я. Бичурина; в миссии было несколько словарей, списанных с латинско-китайских, китайско-французских и других словарей. Недоставало грамматик маньчжурского и тибетского языков («мелочные, напечатанные прежде французами и англичанами, не стоят и названия грамматик», — сообщал Честной) [Честной, № 1, л. 291—292]. Кроме того, и члены миссии были более образованны, чем студенты, входящие в состав предыдущих миссий.

Несомненно, центральной фигурой в духовной миссии, пользовавшейся громадным авторитетом, был Аввакум Честной. «Это был редкий человек по благородству и по глубокому изучению Китая и по светлой мысли в голове», — писал о нем В. П. Васильев⁶.

Дмитрий Семенович Честной (1801—1866) был сыном священника из погоста Рожка Осташковского уезда Тверской губернии⁷. После окончания духовной семинарии в Твери поступил в Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1829 г. В том же году принял монашество под именем Аввакума и был отправлен в составе одиннадцатой миссии в Китай.

В Пекине он занимался изучением маньчжурского⁸, китайского, монгольского и тибетского⁹ языков. Жизнь в Пекине, изучение языков, переводы, переписка отражены в оставшихся рукописях. Почти все рукописи Честного обнаружены в собраниях К. А. Скачкова, где они составляют три папки [Честной, № 1—3]. Все папки, а также «Справочная книжица 1830 года» [Честной, № 4] относятся к 1830—1840 гг., т. е. ко времени пребывания Честного в Пекине.

В первой папке — «Записки и заметки о Китае. 1830—1840» (466 л.) — помещены дневниковые записи за 1830—1831 гг., копии донесений в Азиатский департамент об учебных занятиях членов миссии (Сычевского, Киселевского, Кирилова, Розова, Легашева), отзывы об их трудах, донесения о положении в Китае; переводы рассказов, статей об изобретениях компаса и одометра, указов императора, частично истории Китая (из «Вэньсянь тункао» и «Эр-я») и Кореи, заметки об истории монголов, инструкция миссии, текст надгробных надписей на памятниках «русского кладбища», «древнебрачные обряды маньчжуров» и т. д. [Честной, № 1].

Вторая папка (385 л.) включает рукописи по изучению тибетского языка. Здесь переводы части Евангелия и книги Бытия на тибетский язык, грамматика тибетского языка, каталоги

тибетских книг. В конце папки (на 70 л.) заметки по китайской грамматике, языку и истории [Честной, № 2].

Третья папка, хотя и называется «Описания и заметки о Китае» (289 л.), но переводы с китайского занимают небольшую ее часть, а основные переводы сделаны с тибетского: «Беседы о премудрой лошадке» («Повесть о премудром коне, рассказанная Буддой Шагимуни»), «Сказание о Будде», «Имена Будд».

«Справочная книжица» относится также к 1830 г. В ней различные заметки и выписки из книг, библиографические записи, задания, которые давались на экзамене по китайскому языку в 1831 г., список купленных книг с указанием цены в лангах [Честной, № 4].

В Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина хранится также «Тибетский лексикон с русского», помеченный 1838 г., и перевод «Истории Кореи» в четырех тетрадах¹⁰.

Особую ценность переводы Честного не представляют, но некоторые из них могут быть опубликованы, например такие, как «История Кореи», заметки по истории монголов и ряд других.

Наибольший интерес для истории изучения Китая составляют донесения Честного о занятиях миссионеров и студентов. Ими можно воспользоваться для характеристики каждого из них.

Феофилакт Киселевский (1809?—1840) был сыном священника из Полтавской губернии. После окончания курса духовной семинарии в Воронеже в 1827 г. был направлен в Петербургскую духовную академию. В следующем году пострижен в монашество и отправлен в Китай.

В Пекине Киселевский изучал китайский и монгольский языки и основы даосской и буддийской религий, чтобы «приготовить нужные на оные возражения». В 1837 г. А. Честной докладывал в Азиатский департамент: «Феофилакт прочитал две большие книги из „Ганьчжура“: „Лэн янь цзин“ и „Не пань цзин“, несколько статей о быте китайцев».

Рукописи Киселевского находятся в папке под названием, данным К. А. Скачковым: «Описания и заметки о Китае», на первом листе которой надпись: «Разные мысли и замечания о. Феофилакта» [Киселевский, № 1]. В ней интересны копия «Китайской грамматики» Н. Я. Бичурина, списанная им в 1830 г. в Кяхте, и «План китайско-русского лексикона».

Киселевский умер в Пекине 1 июня 1840 г.

Григорий Михайлович Розов (1808—1853) — сын причетника из Новгородской губернии. После окончания духовной семинарии в Новгороде был направлен в Пекинскую миссию псаломщиком. После отъезда Курлянцева в Россию в 1833 г. переведен в студенты.

Розов занимался преимущественно маньчжурским и монгольским языками. О его занятиях мы можем судить только по

переведенной им с маньчжурского языка и сверенной с китайским подлинником «Цзинь ши». «История династии Гинь или Цзинь (золотой), — писал Честной, — переведенная на русский язык г. Розовым, будет не менее и не хуже истории четырех ханов из дому Чингисова, переведенной о. Иакинфом» [Честной, № 1, л. 325 об.]. Своевременно опубликованный, этот труд составил бы честь отечественной науке, так как первый опубликованный перевод на французский язык Д. Арле вышел лишь в 1886 г.

В этом же донесении Честной сообщает, что Розов составляет маньчжуро-русский словарь. Это сообщение подтверждает и И. И. Захаров, который словарь Розова считал наилучшим из всех ему известных¹¹. Рукопись словаря, возможно, находится среди 34 словарей, хранящихся в Архиве Института востоковедения Академии наук СССР, авторство большинства которых определить не удалось. После Розова осталась также «Грамматика маньчжурского языка», представляющая собой дополненный маньчжурским текстом и примерами перевод грамматики Амио.

Вениамин Морачевич, пробывший в Пекине два десятилетия (1820—1840), занимался китайским языком неохотно. «Ученые или по крайней мере учебные занятия он не считал своей обязанностью и в течение десяти лет не мог прочесть с учителем „Четырехкнижия“ на китайском языке. О других книгах он не имел понятия», — свидетельствует Честной¹². Очевидно, он все же владел разговорным китайским языком, так как с 1825 г. преподавал русский язык в школе при Лифаньюане.

Все его труды по китаеведению исчерпываются «Запиской об европейских миссиях в Китае»¹³ и небольшой работой «О жертвоприношении небу»¹⁴, являющейся переводом из «Ули тункао» [Морачевич, № 1—2].

В дальнейшем Морачевич был назначен настоятелем Александро-Невской лавры, где и умер.

Порфирий Евдокимович Кирилов (1801—1864?)¹⁵ после окончания Медико-хирургической академии в Петербурге был назначен врачом русской миссии в Пекине и в 1830 г. сменил О. П. Войцеховского. Сразу по приезде в Пекин П. Е. Кирилов начал изучение китайского языка, сделав за короткое время большие успехи¹⁶.

А. Честной в своем донесении от 1839 г. говорил и об успехах Кирилова в изучении китайского языка: «Отец Даниил, знавший по китайски уже весьма хорошо, на последнем году своего пребывания в Пекине с большим трудом переводил сочинения философа Лаоцзы, но Кирилов, доселе занимавшийся китайским языком не иначе как мимоходом и урывками, теперь же мог бы перевести это труднейшее сочинение на русский язык самым лучшим образом, если б это было нужно» [Честной, № 1, л. 305].

Китайской медициной Кирилов почти не занимался, он увлекался философией: «Любимейшее занятие г. Кирилова составляет философ Лаоцзы, которого он готов кажется поставить выше не только Пифагора и Платона, но даже Канта и Шеллинга»,—писал Честной [Честной, № 1, л. 291—292] ¹⁷.

Вместе с тем Кирилову приходилось много времени тратить на прием и лечение больных. После удачной медицинской практики в первые годы жизни Кирилова в Пекине, да еще с получением в 1834 г. аптеки «ему не доставало уже ни времени, ни способов удовлетворить всем нуждавшимся в его помощи». «Вообще, чтобы удовлетворить всем прихотям больных, он не дорожил ни покоем, ни трудами, ни собственным жалованием» [Честной, № 1, л. 328].

Кирилову, как и Войцеховскому, цинскими властями были поднесены в 1836 г. две почетные доски. Отличное знание медицины, скромность, любовь к людям снискали ему авторитет у местных жителей. К нему обращались и высшие маньчжурские чиновники, доверяя лечение своих родных.

В журнале «Русская старина» за март 1896 г. опубликовано письмо Кирилова, в котором он рассказывает о признательности и уважении к нему китайских крестьян, когда он жил в горах около Пекина ¹⁸. В неопубликованном письме к П. Л. Шиллингу от 25 июля 1832 г. Кирилов так описывает свою жизнь среди крестьян: «Я до июля жил в деревенском кругу, где при помощи Эскулапа привлек к себе искреннейшую доверенность, любовь и уважение многих деревень, с которыми ел хлеб-соль, посреди семейства поселян, забывших совершенно, что я иностранец, а при сем нагляделся и на образ их жизни, и на обычаи, и на нравы, и на страсти» ¹⁹. Благодаря П. Е. Кирилову отношение двора и чиновничества к миссии было исключительно хорошим, что облегчало жизнь членов миссии.

Занимаясь согласно инструкции ботаникой, Кирилов собрал и привез в Россию большое количество гербариев, уделяя особое внимание лекарственным растениям. Заслуги его по сбору коллекций китайских растений нашли признание: его именем названы шесть видов растений из числа собранных им и бывших до того неизвестными европейской науке ²⁰. Но привезенные Кириловым лекарственные растения были испытаны лишь через 10 лет! К этому времени из 127 трав только 17 оказались годными ²¹.

Занятия ботаникой натолкнули П. Е. Кирилова на мысль о возможности разведения в России чая. Возвращаясь на родину, он захватил с собой чайный куст и семена и в домашних условиях (далеко не благоприятных) доказал возможность произрастания этой культуры в России. Но ни правительственные организации, ни частные лица не проявили к этому никакого внимания ²². По поводу смерти Кирилова неизвестный автор писал: «Непонятый и неоцененный по достоинству, покойный

П. Е. Кирилов безвестно жил, безвестно угас, и скромная его могила — немой упрек тем, которые не захотели дать ходу этому благороднейшему и даровитому человеку»²³.

Рукописей П. Е. Кирилова пока не найдено.

Антон Михайлович Легашев (1798—1865) был первым профессиональным художником, прикомандированным к миссии. Он пробыл в Китае десять лет и немало сделал для ознакомления русского общества первой половины XIX в. с Китаем и для упрочения добрососедских взаимоотношений китайского и русского народов, укрепления их культурных связей.

А. М. Легашев родился в семье крепостного в Пензенской губернии²⁴. В отрочестве увлекался музыкой, занимался столярным ремеслом. В 1818 г. получил вольную. С большими трудностями добравшись до Петербурга, поступил в 1821 г. в Академию художеств. За рисование с натуры получил две серебряные медали. Окончив в 1826 г. академию, Легашев добивается присвоения звания чиновника 14-го класса. Николай I, имея, вероятно, в виду происхождение Легашева, отказал в 1829 г. Совету академии в ходатайстве. Огорченный Легашев обращается к директору академии А. Н. Оленину с просьбой выдать ему свидетельство о получении медалей и предоставить право «как не классному чиновнику свободно заниматься искусством и жить беспрепятственно по его желанию». Свидетельство дало ему возможность жить в Петербурге, но не представляло никаких материальных перспектив.

Тогда А. М. Легашев через А. Н. Оленина добивается включения его в состав Пекинской духовной миссии и в 1830 г. уезжает в Китай. Перед отъездом он получил от Академии художеств наставление (инструкцию)²⁵, в которой указывалось, на что художник должен обращать внимание: изучать составление и употребление китайских водяных и других красок, во время дороги в Пекин рисовать в красках с натуры одежду, предметы быта, музыкальные инструменты, военное оружие, строения, животных, деревья, растения, цветы и плоды срисовывать тщательно, «чтобы во всяком предмете... виден был верный и сходнейший... портрет того самого предмета». При зарисовках «разноплеменных народов» в нарушение всяких академических правил, «принятых на основании характера древних греческих ваятельных произведений», обязательно сохранить свойственный каждому народу характер. В конце инструкции сказано о «снятии надписей, насеченных на камне и вычеканенных на монетах». Из инструкции следует, что задачей художника было составление своеобразного этнографического альбома.

Мы не можем сказать, как выполнялась инструкция, так как в музеях соответствующих рисунков не сохранилось. Рисунки предметов культуры и быта, насколько известно, делали сами китайцы по заказу членов миссии²⁶.

В 1838 г. в Петербург дошли известия о деятельности Лега-

шева в Китае. В «Художественной газете» появилась статья, начинавшаяся так: «Русские художества прокрались через стену Китайскую и невидимо помогают новейшему художественному образованию в том крае»²⁷. А. М. Легашев написал десятки портретов, главным образом китайских чиновников из Лифаньюаня, начиная с его председателя Си Эня. По просьбе начальника миссии Легашевым было написано специально для подарков высшим чиновникам 13 картин, содержание которых неизвестно.

После возвращения Легашева в Россию министр двора, посылая Академии художеств в 1842 г. тушь, привезенную Легашевым, предложил принять его в академию на службу. Но, вероятно, действовало еще прежнее предписание Николая I—Легашев в академию принят не был.

Последние годы он жил в большой бедности и был похоронен художником Быковым на свой счет.

Картин и рисунков после А. М. Легашева сохранилось немного. Из них следует упомянуть портрет китайца Ко Фо-сы (Третьяковская галерея) и серию офортов из китайского быта (Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина).

Сведений о Епифане Ивановиче Сычевском сохранилось крайне мало. Известно, что он был родом из бурят, окончил иркутскую гимназию и после возвращения из Китая служил в казенных учреждениях Иркутска и Кяхты. О его занятиях в Пекине свидетельствуют три рукописи. «Уложение китайской Палаты внешних сношений относительно городов Малой Бухарии» является дополнением к «Уложению Палаты внешних сношений», переведенному С. В. Липовцовым; «Конспект, или обзорные постановления китайской Палаты государственных чинов» дает сведения о правилах приема на службу чиновников, о правах их детей и жен; «Журнальная записка студента Сычевского с 1834 года по 5 июня 1841 года» содержит разнообразный материал: переводы указов, наблюдения в области пекинского быта, «молвы и толки народные», не лишена интересных исторических сведений [Сычевский, № 1—3].

Студент Алексей Иванович Кованько, горный чиновник — маркшейдер, в миссию поступил из Гороблагодатского завода на Урале. Первое время в Пекине усиленно занимался китайским разговорным языком, затем письменным, читал с учителем-китайцем «Сышу». Составлял краткий словарь технических терминов, перевел книгу о земледелии «Шоуши тункао». Главным его занятием, согласно инструкции, были магнитные наблюдения и сбор геологических коллекций. Известна его работа «Геогностический очерк окрестностей Пекина»²⁸.

Ботаник А. А. Бунге, путешествовавший с миссией, после возвращения в Казань опубликовал результаты своих наблюдений²⁹.

Во время пребывания одиннадцатой миссии в Пекине про-

изошло событие, взволновавшее членов миссии и Азиатский департамент. В 1838 г. в Пекине умер португальский миссионер Констан Пирес Перейра, приехавший в Китай в 1800 г. и являвшийся последним из западноевропейских миссионеров в Пекине. Еще при жизни Пирес Перейра просил Вениамина Морачевича после его смерти продать имущество и перевести вырученные деньги португальской миссии в Макао. Подобная просьба сохранилась и в завещании Пиреса Перейры [132].

Морачевич имущество Пиреса Перейры продал, а часть денег через какого-то китайца-христианина переслал в Макао. Когда об этом узнал Азиатский департамент, он категорически запретил всякие связи с Макао, так как считал, что это «сопряжено с величайшей опасностью для нашей в Пекине миссии». После смерти Пиреса Перейры в российскую миссию была перевезена богатейшая библиотека португальской миссии, которой пользовались и миссионеры, и студенты всех последующих миссий. Небольшая часть книг из этой библиотеки, узкоспециального характера по астрономии, была вывезена в Петербург, остальная была передана в 1860 г. российским послом Н. Игнатьевым французским миссионерам³⁰.

ПОЕЗДКА В КИТАЙ В. П. ВАСИЛЬЕВА,
П. КАФАРОВА, И. И. ЗАХАРОВА В СОСТАВЕ
ДВЕНАДЦАТОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

В 1840 г. в Китай была отправлена очередная, двенадцатая духовная миссия в составе Поликарпа Тугаринова (начальник), духовных лиц — Иннокентия Немирова, Гурия Карпова, Палладия Кафарова, студентов — И. А. Гошкевича, В. В. Горского, И. И. Захарова. В состав миссии был включен магистр В. П. Васильев, художник К. И. Корсалин и врач А. А. Татаринов.

Двенадцатая миссия³¹ находилась в Пекине во время «опиумной» войны, которая закончилась поражением Китая и подписанием неравноправного Нанкинского договора 1842 г.³² Этот договор, а также дополнительные соглашения 1843—1844 гг., навязанные Китаю Англией, Францией и Соединенными Штатами Америки, положили начало полукOLONИАЛЬНОМУ положению Китая.

Поток дешевых английских товаров, хлынувший в Цинскую империю, вызвал сильное сокращение русско-китайской торговли в Кяхте; таможенные поступления, составлявшие от 15 до 20% всего таможенного дохода России, значительно сократились.

В этих условиях миссия должна была выяснить целый ряд вопросов политического и экономического характера и представить максимально полную информацию правительству, подготовленную компетентными лицами. В этом плане миссия фактически выполняла функции посольства.

Не случайно, что эту миссию в качестве пристава сопровождал Николай Иванович Любимов (1808—1875), вице-директор Азиатского департамента, получивший подробную инструкцию, состоящую из разделов не только «собственно до дел миссии», но и «до предметов политических и торговых». Подробные инструкции получил и П. Тугаринов. Обе инструкции представляют большой интерес для характеристики политики царского правительства в 40—50-х годах прошлого века.

Опыт предварительного ознакомления членов миссии с основами китайского языка, не удавшийся при формировании предыдущей миссии, Азиатский департамент решил повторить. Все члены миссии (кроме В. П. Васильева, который присоединился к миссии в Казани) были поселены вместе. Азиатский департамент назначил преподавателями китайского языка Н. Я. Бичурина, маньчжурского — С. В. Липовцова.

В середине августа 1839 г. начались занятия, которые проходили пять раз в неделю (три лекции китайского и две — маньчжурского языков), с 12 до 15 час. 30 мин. на квартире и с 18 до 20 час. в здании Азиатского департамента. Членам миссии были выданы китайские кисти, тушь и плитки для ее растирания. «Начинали учиться, как мальчишки, с букваря, — пишет в одном из писем Горский. — Преподают очень просто и ясно, как что и дети поняли бы все; признаюсь, я думал, что отец Иакинф будет читать свой предмет как ученый профессор, а не как учитель 2 класса... о. Иакинф говорит, что довольно знать 2000 знаков и 10 000 выражений, которые мало-помалу изучатся в разговоре». 27 октября В. В. Горский писал родным: «Мы уже прошли всю китайскую грамматику и начинаем повторять ее; маньчжурскую прошли до половины»³³.

2 декабря всем членам миссии был устроен экзамен, на котором присутствовали вице-директор департамента, ректор университета и другие официальные лица. «Департамент оказался очень доволен нашими трудами», — отмечал в упомянутых письмах Горский.

16 декабря 1839 г. члены миссии выехали из Петербурга в Казань, где они встретились с Даниилом Сивилловым и отправились в Пекин.

На успехах членов миссии в изучении Китая благотворно сказались наличие в библиотеке миссии значительного количества книг на восточных языках, а также трудов по Китаю западноевропейских ученых, богато представленных в переданной миссии библиотеке португальских миссионеров³⁴. Большую роль в успехах по изучению китайского языка играли уже имевшая широкое хождение «Китайская грамматика» Н. Я. Бичурина и значительное число рукописных словарей.

Только в архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР хранится 45 китайско-русских, маньчжуро-русских, русско-китайских, русско-маньчжурских руко-

писных словарей, из которых около 15 составлены в конце XVIII в. и в первой половине XIX в.³⁵

Несомненно, что знакомство с оригиналами и копиями трудов членов предыдущей миссии также благотворно влияло на успехи членов двенадцатой миссии.

Несмотря на довольно тяжелую обстановку, которую создал Поликарп Тугаринов [Васильев, № 107], все члены миссии оставили в той или иной мере глубокий научный след в русском китаеведении. Имена В. П. Васильева, П. Кафарова, И. И. Захарова, И. А. Гошкевича, В. В. Горского, А. А. Татарина известны по многим опубликованным трудам. Но даже в столь блестящем созвездии имен своими способностями и неиссякаемым трудолюбием выделялся Палладий Кафаров, будущий начальник тринадцатой и пятнадцатой миссий, пробывший в Китае в общей сложности 33 года [168].

Петр Иванович Кафаров (1817—1878) родился в Чистополе³⁶. Окончив Казанскую семинарию, в 1838 г. он поступил в Петербургскую духовную академию, но в 1839 г., по собственному желанию, Кафаров принял монашество под именем Палладия и был включен в состав двенадцатой Российской духовной миссии.

В Пекине он дружил с В. В. Горским³⁷, который, по словам В. П. Васильева, был лучшим его другом. Судя по неопубликованному дневнику В. П. Васильева, у него также установились с Кафаровым дружеские отношения.

П. Кафаров, В. П. Васильев и В. В. Горский увлеклись буддизмом и много работали над переводами китайских, монгольских и тибетских книг по буддизму. П. Тугаринов в одном из своих писем сообщал о Кафарове: «Палладий находится в состоянии видимого постоянного прогресса и с редкой любовью и постоянством погрузился в пучины буддизма. С утра до вечера сидит за буддийскими книгами, выписывает, переводит, одним словом, подвизается» [160].

В последующие годы, по свидетельству В. П. Васильева, Кафаров «бросил буддизм, прочитав все 750 томов китайского цзана, перед отъездом подарил мне все свои выписки, они и до сих пор у меня хранятся»³⁸.

Действительно, опубликовав в начале 50-х годов две статьи — «Жизнеописание Будды» и «Исторический очерк древнего буддизма»³⁹, Кафаров больше к буддизму не возвращался.

Следует сказать еще и о двух рукописях Кафарова, относящихся к периоду его увлечения буддизмом.

«Учение Капиллы» — небольшой трактат, называемый «Цзиньци шилунь», извлеченный из «Данчжура» на китайском языке [Кафаров, № 3]. Поздние поправки красными чернилами и карандашом свидетельствуют о подготовке кем-то рукописи к печати.

Местонахождение другой рукописи — «Очерк буддийских божеств», о которой говорится в публикации о двенадцатой миссии, неизвестно. Однако краткое содержание рукописи, приведенное в упомянутой публикации, позволяет приобщить этот труд к двум опубликованным Кафаровым статьям по буддизму. По характеристике автора статьи о двенадцатой миссии, это труд, «весьма сложный, тщательно проверенный, снабженный хорошими иллюстрациями, дает перечень главнейших божеств буддизма с их атрибутами и даже излагает правила построения истуканов, их реставрации и какими церемониями все это сопровождается»⁴⁰.

Рукопись и две опубликованные статьи, написанные по многим китайским, монгольским и тибетским источникам, характеризуют П. Кафарова как глубокого исследователя буддизма, поставившего практическую задачу — ознакомиться с древней историей буддизма, биографией его основателя и с религиозным оформлением буддийского культа. Кафаров занимался, как об этом говорят его выписки и переводы из буддийских сочинений, и философскими учениями буддизма, но, вероятно, разочаровавшись, оставил занятия буддизмом.

Владимир Васильевич Горский (1819—1847) учился в Петербургской духовной академии, поехал в Китай по собственному желанию. Будучи студентом миссии, с энтузиазмом занимался изучением китайского, маньчжурского, тибетского и монгольского языков. Но, заболев туберкулезом, скончался в Пекине в 1847 г.

В. П. Васильев в своем дневнике записал 14 апреля 1847 г.: «Неутомимые занятия погубили этого самого молодого из нас товарища; его деятельность была невероятна, успехи неожиданны, и вдруг нить всех его блестящих предприятий прервалась невозвратно...» [Васильев, № 107, л. 199—200].

Несмотря на кратковременность пребывания Горского в Китае, он остался известен как серьезный исследователь истории маньчжурского народа. Такие блестящие его статьи, как «О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цин и имени народа Маньчжу» и «Начало и первые дела маньчжурского дома», были опубликованы впоследствии в «Трудах Пекинской духовной миссии»⁴¹.

В рукописи сохранился еще один труд В. В. Горского — биография У Сань-гуя. Этот труд получил положительный отзыв советского китаеведа А. А. Петрова, исследовавшего рукопись, которая находится в Казанском архиве⁴². Правда, Петров не смог определить авторство рукописи. Принадлежность ее Горскому установлена нами по письму Н. Я. Бичурина непременно секретарю Академии наук академику П. Н. Фусу от 7 марта 1845 г. с отзывом на эту работу [Горский, № 1]. Письмо объясняет, как попала эта рукопись в Казань вместе с другими подаренными Н. Я. Бичуриным в 1849 г. Казанскому уни-

верситету. В отзыве Бичурин заявил, что он считает труд Горского «в историческом отношении» очень верным, но с его взглядами «на свойства действующих лиц» и «на некоторые обстоятельства» событий не во всем может согласиться.

После В. В. Горского остались в рукописях и переводы буддийских сочинений, свидетельствующие о его увлечении буддизмом, которым он начал интересоваться незадолго до смерти [Горский, № 2—3]. Как результат его занятий тибетским языком сохранилась рукопись «Изложение Сиддант» [там же, № 5].

Врач миссии Алексей Алексеевич Татаринов (1817—1876) родился в Пензе⁴³. Окончив губернскую гимназию, он в 1835 г. поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге, по окончании которой добровольно уехал в Китай в составе двенадцатой миссии.

В Пекине А. А. Татаринов много и успешно занимался изучением китайского языка и сбором ботанических коллекций. Под его наблюдением неизвестный китайский художник изготовил альбом растений флоры Пекина, состоящий из 452 тщательно выполненных рисунков⁴⁴. Ботанические коллекции, собранные Татариновым, превосходили богатством все предшествующие.

Разговорным китайским языком Татаринов овладел быстро. После нескольких лет усиленных занятий он начал читать книги по китайской медицине, к которой проявлял интерес и достижениям которой придавал большое значение. Его труды по китайской медицине, основанные на прекрасном знании китайских источников, не превзойдены до сих пор ни в Советском Союзе, ни за границей. Еще будучи в Пекине, Татаринов посылал свои труды в периодические издания, сообщая совершенно неизвестные факты, свидетельствующие о большой ценности китайской медицины⁴⁵.

В статье «Китайская медицина»⁴⁶ А. А. Татаринов дает исторический обзор развития китайской медицины, показывает тяжелое положение здравоохранения в Цинской империи, подробно знакомит с содержанием китайских медицинских книг, сообщает о наиболее известных китайских врачах.

В статье «Медицина и врачи в Китае» А. А. Татаринов высказал смелую для того времени мысль: «Весьма замечательно, что китайский врач, несмотря на разницу своей теории о медицине от теории европейской, если не всегда, то, смело могут сказать, очень часто достигает той же цели, какой, может быть, не всегда достигает европеец»⁴⁷.

А. А. Татаринов, увлеченный китайской медициной, считал, что она «должна интересовать каждого любознательного врача», а изучение ее позволит европейским врачам подвергнуть критике «начало своих теорий». Как врач А. А. Татаринов, подобно его предшественникам, завоевал у своих многочисленных пациентов большой авторитет и уважение.

После возвращения в 1849 г. в Россию И. А. Гошкевич, И. И. Захаров и А. А. Татаринов были зачислены переводчиками Азиатского департамента. Гошкевич был назначен консулом в Хакодате; Захаров в 1851 г. вместе с Е. П. Ковалевским послан в качестве переводчика в Синьцзян и после переговоров, закончившихся заключением трактата о торговле в Кульдже и Чугучаке, был оставлен консулом в Кульдже; А. А. Татаринов, направленный с Ковалевским в качестве врача, был назначен затем консулом в Чугучаке. Во время пребывания в Синьцзяне наряду с выполнением своих прямых обязанностей Захаров и Татаринов подготовили к публикации несколько статей.

Художник Кондратий Ильич Корсалин (1809—1872) родился в г. Слуцке. В Академию художеств попал случайно. Проезжавший в 1837 г. через Орел конференц-секретарь академии Григорович «встретил в сем городке,— как он докладывал министру императорского двора, в ведении которого находилась Академия художеств,— живописца Кондратия Корсалина и, видя из работ его, каким прекрасным дарованием обладает этот молодой человек, советовал ему ехать в С.-Петербург»⁴⁸. Корсалин был принят в академию «посторонним учеником». Учился, претерпевая «крайнюю нужду». Об этом писал президент академии, когда испрашивал несколько сот рублей на пособие Корсалину «от щедрот монарших». После окончания академии К. И. Корсалин получил в 1839 г. звание свободного неклассного художника. Не имея средств и покровительства влиятельных лиц, «мещанский сын» вынужден был воспользоваться предложением поехать в Китай.

В Пекине маньчжурские чиновники Лифаньюаня и других учреждений заказывали Корсалину портреты. Он написал более 100 портретов. Неизвестный автор под псевдонимом Дэ Мин в своих очерках писал о Корсалине: «Слава медика и искусство живописца, находившихся при миссии, привлекали к нам разных особ не только из среднего, но и из высшего круга. Даже министры и князья царской крови удостоивали подворье наше своими посещениями... Многие из самых значительных лиц изъявили желание иметь свои портреты, и [так] как художник соглашался писать только в своей квартире, то желавшие должны были сами приезжать в наше подворье»⁴⁹.

Общение со знатными чиновниками, которые пользовались услугами русских — врача и художника, упрочило положение в Китае российской духовной миссии.

В 1847 г. Корсалин вернулся в Петербург вместе с П. Кафаровым. Здесь имел небольшие заказы: писал образа, иконостасы, миниатюрные портреты.

Одна из картин К. И. Корсалина, написанная в Китае,— вид на Ваньшоушань (часть загородного дворца императора) — в настоящее время находится в Русском музее в Ленинграде.

Дальнейшая судьба художника неизвестна.

ТРИНАДЦАТАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ.
М. Д. ХРАПОВИЦКИЙ

Азиатский департамент с каждым годом повышал требования к подбору членов и студентов духовной миссии, и вместе с этим усложнялись возлагавшиеся на них задачи. Для подготовки членов следующей, тринадцатой миссии еще в 1847 г. был вызван из Китая Кафаров, назначенный на сей раз начальником миссии⁶⁰. В Азиатском департаменте он вел активную работу по подбору миссионеров и отправке их в Китай. Срок пребывания миссии благодаря настойчивости, которую проявил в переговорах по этому вопросу с чиновниками Лифаньюаня пристав двенадцатой миссии Н. И. Любимов, был сокращен до шести лет; поэтому нужно было пересмотреть план миссионерской деятельности и учебных занятий [153—165].

По существующим правилам были выбраны четыре студента: Н. И. Нечаев, К. А. Скачков, Н. И. Успенский и М. Д. Храповицкий и трое миссионеров из числа студентов Петербургской духовной академии, принявшие монашество: Петр Цветков (Павел), Елисей Иванов (Евлампий) и Михаил Оводов (Илларион). Врачом миссии был назначен С. И. Базилевский, художником — И. И. Чмутов.

Осенью 1848 г. для всех членов миссии начались занятия под руководством П. Кафарова. Будущие миссионеры овладевали иероглифической письменностью (по «Саньцзыцзин», изданному Н. Я. Бичуриным) и изучали разговорный китайский язык. Имеются данные, что первоначальные сведения о китайском и маньчжурском языках давали Н. Я. Бичурин и А. Честной⁶¹.

К. А. Скачков, которому была поручена организация магнитно-метеорологической обсерватории миссии, должен был познакомиться с астрономами Пулковской и Главной физической обсерватории А. Я. Купфером и О. В. Струве и получить от них инструкции. В штабе Корпуса горных инженеров К. А. Скачков получил оборудование для обсерватории [140, л. 20]. С. И. Базилевский посещал Ботанический сад, директор которого Фишер составил для него инструкцию [140, л. 28]. И. И. Чмутов был ознакомлен с инструкцией Академии художеств.

Приставом миссии был назначен Е. П. Ковалевский. Кроме обязанностей пристава на него были возложены дипломатические поручения, из которых наиболее важным было заключение договора о торговле с Китаем на западной границе.

В конце января 1850 г. все члены миссии собрались в Казани и в начале февраля отправились в далекий путь, прибыв в Кяхту только 21 марта. После трехмесячной подготовки, 19 июня, двинулись в дальнейший путь, который занял более трех месяцев. В Пекин миссия прибыла 27 сентября 1850 г.⁶²

Сразу по прибытии в Пекин началась постройка здания для магнитно-метеорологической обсерватории. Этим всецело были

заняты И. А. Гошкевич, проводивший магнитные наблюдения в прежней миссии, и К. А. Скачков, принимавший от него дела. К отъезду двенадцатой миссии здание обсерватории было готово⁵³.

Во время пребывания в Пекине тринадцатой и четырнадцатой миссий Китай потрясла великая крестьянская, антифеодальная война, известная под названием «тайпинское восстание» (1850—1864 гг.). Движение охватило громадную часть страны и многомиллионные массы населения. Внутренний кризис в стране обострялся вторжением капиталистических держав, развязавших военные действия против Цинской империи. Мимо этих событий огромной политической важности не могли пройти члены миссии, тем более что события непосредственно отражались и на их положении.

П. Кафаров, очень внимательно следивший за событиями в Китае, регулярно посылал донесения о происходившем в Азиатский департамент и генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву-Амурскому⁵⁴, а также вел дневник⁵⁵. Его донесения в Азиатский департамент не опубликованы [156; 158; 162; 163]. Несомненно, что их публикация осветила бы многие неизвестные и интересные детали из истории тайпинского восстания и положения маньчжурского правительства в этот период. Дневник Кафарова опубликован лишь частично.

Этим событиям уделено большое место и в дневниках К. А. Скачкова.

Вскоре после прибытия в Китай в миссии произошли горестные события. Не выдержав тяжелых климатических и бытовых условий, заболели и умерли Н. И. Успенский (1851 г.) и Н. И. Нечаев (1854 г.). Один из них, Николай Иванович Нечаев, успел послать в 1851 г. в Азиатский департамент небольшую рукопись «Постановление о чае в Китае» (перевод с китайского нескольких узаконений по торговле чаем) [Нечаев, № 1]. Эта рукопись не была опубликована и сохранилась в архиве.

Миссионеры продолжали упорно трудиться над изучением языков и исследованием избранных ими проблем. Так, М. Д. Храповицкий как бы продолжал разработку В. В. Горским истории Цинской империи.

Михаил Данилович Храповицкий (1816—1860?) был сыном священника в Крестецком уезде Новгородской губернии. В 1845 г. поступил в Петербургскую духовную академию и, окончив ее магистром богословия, сразу же, в 1849 г., уехал в Китай студентом миссии. В Пекине занимался главным образом маньчжурским языком, которым овладел настолько, что перевел на этот язык «Царствование Петра I» и впоследствии стал известен как переводчик трактата России с Китаем 1860 г. с русского языка на китайский и маньчжурский и китайского текста договора на русский. Ему же принадлежит статья «Со-

бытия в Пекине при падении Минской династии»⁵⁶, как бы завершающая статьи В. В. Горского.

М. Д. Храповицкий оставил после себя большое рукописное наследие. Преждевременная смерть в 1860 г. (?) помешала ему опубликовать ряд трудов, заслуживающих внимания, например «Материалы для истории уголовного законодательства в Китае». Рукопись, судя по карандашным пометкам К. А. Скачкова, подготавливалась последним для публикации [Храповицкий, № 1, л. 35—164].

Вторая рукопись Храповицкого — «Историческое обозрение монетной системы» [там же, № 1, л. 170—300] — состоит из нескольких разделов: управление литейным делом, расходы на рабочих и материал, рудопромышленные заводы, рудники в Сычуани и Гуйчжоу, наем судов для перевозки меди и свинца и др.

Публикации этих двух рукописей, а также переводов Храповицкого — «История династии Цинь», «Обвинения против княжества Цинь», «Записки о народе Ляо» — принесли бы большую пользу [№ 1, л. 4—34, 398—409]. Часть коллекции книг на китайском и маньчжурском языках была куплена у Храповицкого К. А. Скачковым, основная же часть приобретена после его смерти Петербургским университетом [258].

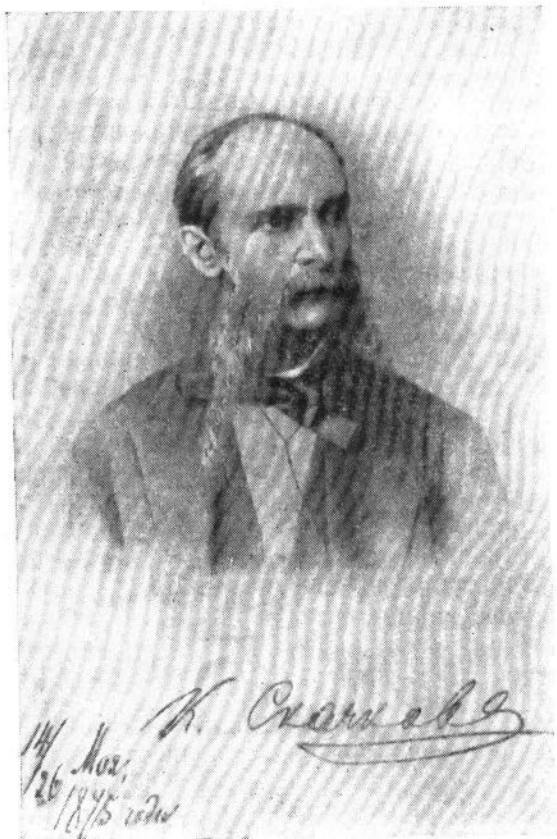
К. А. СКАЧКОВ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ПО КИТАЮ

Константин Андрианович Скачков (1821—1883) родился в семье подрядчика-мещанина⁵⁷. Оставшиеся после смерти отца средства помогли ему получить высшее образование. Не окончив в 1837 г. Петербургский университет, К. А. Скачков перешел в Ришельевский лицей, где был одним из лучших учеников известного астронома, впоследствии академика А. Н. Савича и астронома Делина. Там же, в лицее, К. А. Скачков получил образование в области сельского хозяйства.

После окончания лицея в 1844 г. К. А. Скачков поступил чиновником в Вологодскую палату Министерства государственных имуществ и в 1845 г. назначен помощником управляющего Северной учебной сельскохозяйственной фермой. Через два года, в 1847 г., он был переведен в канцелярию петербургского губернского правления. Не удовлетворяясь положением чиновника, К. А. Скачков в 1848 г. согласился поехать в Пекин в качестве заведующего обсерваторией.

В Пекине К. А. Скачкову пришлось начать работу с постройки здания магнитно-метеорологической обсерватории и ее оборудования. Затем начались регулярные наблюдения, записи, обработка и пересылка результатов наблюдений А. Я. Купферу⁵⁸.

Одновременно с работой в обсерватории К. А. Скачков начал изучать китайский язык. Однако отсутствие пособий, сло-

К. А. Скачков

варей, хороших учителей, плохо устроенный быт — все это затрудняло занятия. Положение Скачкова облегчалось только некоторой самостоятельностью, но заведование обсерваторией отнимало немало времени и сил.

Благодаря помощи П. Кафарова, который, как писал в своем дневнике К. А. Скачков, «сочувствовал моим занятиям и всегда находил для меня деньги» [Скачков, № 2, л. 169 об.], Скачков имел двух сыньшэнов: один приходил заниматься утром, другой — вечером. Даже уезжая летом в горы, Скачков взял с собой сыньшэна Шэня.

Подводя итоги своим занятиям за два года, Скачков записывает 27 сентября 1851 г. в дневнике: «Благодаря Шэнь сыньшэну да, пожалуй, и моему терпению мои занятия китайским языком принесли немалую толику пользы... Мало того, что я до-

вольно бегло стал говорить по-китайски, но слегка понимаю и то, что читаю» [там же, л. 2 об.].

В конце 1853 г. К. А. Скачков, подводя итоги занятиям за год, пишет в дневнике: «Написал и перевел немало. Об сельском хозяйстве написано 104 листа. Этого журнала... 76 листов; по части технологии—12 листов; переводы: „Каогу“—34 листа; „Кайпи“—10 листов⁵⁹; историю астрономии Ханьской династии (не оконченная за непониманием Лю ли)—24 листа; пространно „Гуцзин мiaoань“—22 листа; „Цзю хуан хуа мин“—22 листа; „Сюйча цзин“ (до половины пока переведенный)—24 листа. Кроме того, для Купфера вычислений—231 лист и разной переписки 40 листов. Всего 599 листов» [Скачков, № 4, л. 526]⁶⁰.

Его исключительное трудолюбие помогло добиться серьезных результатов. «Я занимаюсь 17 часов в сутки,—писал он в дневнике в конце 1854 г.—значительные успехи в китайском языке. Только с этого года я стал переводить без пособия китайца».

Как только Скачкову стало доступно чтение китайских книг, он начал усиленно заниматься изучением сельского хозяйства.

Переводя рекомендованное ему Н. Я. Бичуриным «Шоуши тункао» («Всеобщее исследование о периодах и временах года») и убедившись, что эта книга не содержит всех сведений о китайском сельском хозяйстве, которые он ожидал получить, Скачков перевел полностью или частично еще несколько книг по сельскому хозяйству, в частности «Шаншу яодянь»⁶¹.

Примерно пятая часть рукописей Скачкова (около 2 тыс. листов, хранящихся в ОР ГБЛ) посвящена сельскому хозяйству. Описание растений, способы их посадки, посева, обработки земли, снятия урожая зерновых и технических культур, овощей и процесс цветоводства и плодоводства—вот темы переводов Скачкова. Он подробно описывал различные виды цветов и плодовых деревьев, сельскохозяйственные орудия, иногда зарисовывая их на полях рукописи, или же нанимал китайцев, которые делали прекрасные рисунки разных культур.

Не довольствуясь изучением Китая по книгам, К. А. Скачков стремился узнать, как живет китайский народ. Он ходил по чайным, о которых писал, что чайная—это «живая энциклопедия китайских уличных нравов»⁶².

Для этой же цели, а также для знакомства с сельским хозяйством Китая Скачков уехал в деревню, в горы близ Пекина. Там он вел дневник, озаглавленный «Деревенский быт. Списание натуры в Вэнь цюань Сянь, местность называется Шиво» [Скачков, № 4]. Он записывал поговорки и пословицы, описывал обычаи, религиозные обряды, сельскохозяйственные работы, делал заметки о характере аренды земли, условиях и порядке заклада и найма домов, о податях, годовом бюджете крестьянской семьи и т. д.

Дневник Скачкова дает полное представление о жизни китайского крестьянина в середине XIX в. Его публикация предоставила бы исследователям Китая большой материал для характеристики аграрного вопроса в Китае и почти уникальный этнографический материал.

Для практического изучения сельского хозяйства Китая Скачков, как он записывал в дневнике, «давно уже чувствовал необходимость сблизиться с здешними бедняками и с здешними арендаторами ферм» [Скачков, № 2, л. 57 об.]. Скачков познакомился с одним арендатором на ферме Ер сань близ Пекина и стал его «самым коротким приятелем». «Мой товарищ или, точнее выражаясь, мой нареченный профессор, руководитель в сельском хозяйстве, по прозванию Вэй Чжан, будет работать со мной в моем опытном поле» [Скачков, № 2, л. 58].

В 1853 г. Скачков сам провел опытные посевы овощей — 60 сортов, гуа (тыквенных) — 23, видов гороха — 26, зерновых — 16, риса — 20, гаоляна — 22, лекарственных трав — 22, различных корней лекарственного назначения — 17, плодовых деревьев — 26 видов, полевых цветов — 90 и садовых — 41 вид [Скачков, № 10, л. 4].

Он не только наблюдал за сельскохозяйственными работами, но и сам работал на полях: «Первый раз пахал китайской сохой; устал я, но не потому, чтобы соха была тяжела, а потому, что взялся за соху по-русски, после приноровился — шел весьма свободно» [там же, № 10].

Дневники и опубликованные труды К. А. Скачкова показывают, как последовательно изучал он сельское хозяйство Китая, серьезно занимался шелководством — его рукописное наследие на эту тему заслуживает пристального внимания [Скачков, № 9—12].

Для практических занятий шелководством Скачков выписал из провинции Шаньдун опытного шелководов, приобрел две породы диких шелкопрядов — ясеневую и дубовую, и «сад в пекинском северном подворье превратился в шелководную плантацию».

Его попытки внедрить дикие шелкопряды в России не имели успеха. Он послал в Департамент сельского хозяйства «коконы и статью о способе ухода за шелкопрядом, описание ясеня и дуба, рисунки шелкопряда, семена деревьев и образчики материи из их сырца» и в 1857 г. сам удостоверился, что «дикие шелкопряды попали в худые руки».

Полезное начинание Скачкова натолкнулось на бюрократизм. Даже его статья «О деревьях, на которых китайцы разводят диких шелколичных червей»⁶³, посланная в журнал в 1856 г., была опубликована только в 1862 г.⁶⁴

В предисловии редакции журнала к указанной статье Скачкова сказано: «Скачков оказал нашему отечеству столько же заслуг в отношении к ознакомлению нас с китайскими полез-

ными растениями, как никто из бывших до него в Китае... Его неусыпным трудам обязаны мы распространению в России китайского мусю (*Medicago Sativa*) и множества огородных и садовых растений, которые он присылал в громадном количестве в Россию в департамент сельского хозяйства, в различные общества сельского хозяйства и частным любителям».

К. А. Скачков старательно изучал китайскую кустарную промышленность. В его дневниках в разделах «Китайская технология» и «Китайская энциклопедия» [Скачков, № 11, 14] можно найти ответы на многочисленные вопросы технологии китайского кустарного производства середины XIX в. С обширным этнографическим материалом можно познакомиться по рукописи «Обычай в Китае» [там же, № 8], начатой в январе 1854 г. Скачков описал свадебные обряды, похороны, одежду китайцев и т. д.

Но все же главным его занятием в Пекине была работа в обсерватории, требовавшая регулярных наблюдений и записей, которые он отправлял Купферу. Отчет о магнитных наблюдениях Скачкова опубликован английским ученым Сабинем в брошюре «On the Solar diurnal variation of the Magnetic declination at Pekin». Занятия Скачкова по астрономии отражены в его статьях «Судьба астрономии в Китае»⁶⁵, «О состоянии астрономических наблюдений в Китае»⁶⁶ и в двух рукописных томах «Материалов для изучения китайской астрономии и метеорологии» [Скачков, № 13].

Переводы китайских книг по астрономии даже для такого специалиста, каким был К. А. Скачков, были трудны. В списке своих переводов рядом с названием «История астрономии Ханьской династии» он написал в скобках «Неоконченная за непониманием». Французский синолог С. Жюльен писал Скачкову, что он с большей охотой переводит десятки страниц из китайских классиков, чем несколько строк из их астрономий⁶⁷.

Тайпинское восстание — крупнейшее событие политической жизни Китая — нашло отражение не только в донесениях П. Кафарова, но и на страницах дневника К. А. Скачкова, глубоко интересовавшегося жизнью китайского народа [Скачков, № 4].

В дневнике, названном им «Мой политический журнал», К. А. Скачков регулярно записывал сведения об «инсургентах». Записи о тайпинском восстании можно найти в «Сборнике официальных документов» и в рукописи «Мои статьи» [Скачков, № 1, 5] и в папках под другими названиями.

В рецензии на книгу М. И. Венюкова «Очерки современного Китая» (СПб., 1874) Скачков писал: «Восстание тайпинов началось, продолжалось и покончилось в наше пребывание в Китае. Во весь период сего восстания мы имели терпение писать довольно подробный политический дневник, в который внесены сведения о нем из богдыхановских указов и из официальных

реляций, из толков в народе и в сферах высшего общества в Пекине за и против восстания, из виденного нами лично и из многих подлинных прокламаций из лагерей тайпинов»⁶⁸.

Строки, свидетельствующие об отношении К. А. Скачкова к тайпинскому восстанию и общему положению народных масс в Китае в этот период, можно найти в его дневниках, опубликованных в 1958 г.⁶⁹ В них собрано много интересных фактов, отсутствующих в известных ранее письменных источниках. К. А. Скачков правильно оценивал обстановку в Китае и не идеализировал ее. «В этой стране деспотизм гнетет везде на всех китайских мелочах, [так] что тут не смеют проронить ни одного лишнего слова против маньчжурского правительства», — записывает он [Скачков, № 2, л. 86].

Размышляя о возможных последствиях взятия Пекина тайпинами, К. А. Скачков приходит к выводу: «Для народа страдания мимолетны, ибо, собственно говоря, весь народ гол, потери незаметны, а быть может, за сим открывается для них перспектива радостей, спокойствия при новой династии» [Скачков, № 4, стр. 295].

Много гневных строк посвятил Скачков торговле опиумом, которую вела в Китае Англия. Он понимал, что китайцы «на иноземцев смотрят как на тунеядные поросли в их стране, от которых они рано или поздно освободятся. Для них это не более как вопрос времени». Глубокая вера в могучие силы китайского народа чувствуется в таких словах Скачкова: «Благодаря тому, что мы знаем из истории Китая, можно ручаться за его будущность едва ли не больше, чем за будущность какой-либо другой страны»⁷⁰.

Как и большинство студентов миссии, К. А. Скачков составлял китайско-русский словарь. Увлечшись этой работой, он даже прервал почти на четыре месяца обработку астрономических наблюдений. «Лексикон, который уже сделан на половину труда, — писал он, — переведа 240 страниц из Моррисона, да на страниц 200 подобрал своих фраз, всего в итоге 16 500 фраз, которые научили меня немало» [Скачков, № 13, л. 526].

По возвращении в Петербург К. А. Скачков окончил «китайско-русский фразеологический словарь» и подготовил его к печати, предполагая, что граф Е. В. Путятин привезет из Кантона китайский шрифт⁷¹.

В 1857 г. Скачков заболел и по настоянию П. Кафарова и С. И. Базилевского возвратился в Петербург, где был назначен переводчиком 8-го класса Азиатского департамента. Затем, получив отпуск по болезни, Скачков уехал для лечения за границу.

В Париже он часто встречался с французскими синологами Потье, С. Жюльеном, Ж. Б. Био, путешественником Гюком. Через Потье он получил право пользоваться книгами в Импера-

торской библиотеке и нередко занимался там «до самого вечера».

В «Парижском дневнике» К. А. Скачков часто останавливается на встречах и беседах с Жюльеном: «Втор [ник]. 14 января [1858 г.]. Жюльен просил меня сделать ему китайский перевод в 3 строки, который он не понимал; я исполнил его желание тотчас же... 8 марта. Был у Жюльена. Он сильно работает со своим Сюань Цзаном... 21 марта. Долго спорил с Жюльеном. Плохо он знает Китай» [Скачков, № 2, л. 93, 95 об]. По рекомендации Жюльена, Потье и Био К. А. Скачков был избран членом Азиатского общества.

По приезде из-за границы К. А. Скачков в марте 1859 г. был назначен консулом в Чугучак. Служебные обязанности оставляли ему мало времени для научной работы. Постепенно записи в дневниках о политической и экономической жизни Китая становились случайными и наконец совсем прекратились, но все же он собирал материалы о положении в Синьцзяне и составил ценную коллекцию китайских рукописей по истории Синьцзяна⁷². В Чугучаке Скачков начал писать о русско-китайской торговле⁷³.

И. Ф. Бабков, проводивший по условиям Пекинского договора границу между Россией и цинским Китаем в районе Синьцзяна, неоднократно встречался в Чугучаке со Скачковым и впоследствии тепло писал о нем в своих воспоминаниях: «Мне принесли большую пользу и частые беседы с уважаемым Константином Андриановичем в долгие осенние вечера. Я испытывал большое удовольствие, слушая его занимательные и интересные рассказы о Китае»⁷⁴. Рассказывая о своей первой встрече со Скачковым, Бабков пишет, что их дружеские отношения, «основанные на взаимной симпатии и уважении», продолжались до самой смерти К. А. Скаčkова⁷⁵. Бабков сравнительно подробно описал и библиотеку Скаčkова, так как широко ею пользовался⁷⁶.

В 1863 г., когда К. А. Скачков вернулся в Петербург, он, нуждаясь в деньгах, предложил Министерству народного просвещения приобрести у него книги на китайском языке. В. П. Васильев дал о библиотеке Скаčkова хороший отзыв: «Библиотека — одно из редких собраний, когда-либо доступных частному лицу». В ней «находятся сотни редких сочинений, брошюр, рукописей, планов, карт и альбомов, из которых многие никогда, может быть, не встретятся в другом месте»⁷⁷. Несмотря на то что К. А. Скачков предлагал уплату рассрочить на шесть или даже восемь лет, Академия наук отказалась купить библиотеку, ссылаясь на то, что, «к сожалению, академия не имеет в своем распоряжении достаточных денежных средств». Библиотека К. А. Скаčkова все же осталась в России, хотя и были попытки вывезти ее за границу. В конце концов ее приобрел иркутский купец Родионов и подарил Румянцевскому

музею, за что, по предварительной договоренности, получил орден.

В настоящее время это ценное собрание книг К. А. Скачкова находится в фондах Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

В 1864—1866 гг. К. А. Скачков принимал деятельное участие в работе Русского географического общества, являясь с 1863 г. членом его ревизионной комиссии. Здесь он прочитал доклад на тему «О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии», написал статью на эту же тему, а также статью «О географических познаниях китайцев»⁷⁸.

В эти же годы он прочитал в Вольном экономическом обществе курс лекций о сельском хозяйстве Китая⁷⁹.

В 1865 г. К. А. Скачков был избран членом Русского археологического общества и в том же году — членом Общества этнографии Востока и Америки (*Société d' Ethnographie Orientale et Americaine*).

Развивавшаяся торговля с Китаем, создание для этой цели новых русских торговых фирм требовали посредника в деловых контактах между русским и китайским купечеством. Выбор пал на Скачкова, и в 1867 г. он уехал консулом в Тяньцзинь. В 1870 г. Скачков был назначен консулом в открытых китайских портах и на этом посту оставался до 1879 г. Скончался он в Петербурге в 1883 г.

С именем К. А. Скачкова связана также одна из первых попыток наладить в России книгопечатание на китайском языке. Для этого было необходимо приобрести китайский шрифт. Современник К. А. Скачкова В. П. Васильев в своих трудах не раз с горечью сетовал на отсутствие в России китайского шрифта [Скачков, № 2, 101 (вторая пагинация)]⁸⁰.

В 1874 г. К. А. Скачков находился в отпуске в Париже. Вероятно, по просьбе В. П. Васильева он вел здесь переговоры о покупке китайского шрифта, информируя об этом Васильева. В архиве Васильева сохранилось лишь небольшое количество писем, и судить о том, что эти переговоры велись по инициативе Васильева, мы можем лишь по двум черновым письмам Скачкова. Черновики без дат, но упоминание в них фамилий И. И. Захарова и И. А. Гошкевича говорит о том, что письма могли относиться только ко второму посещению Парижа Скачковым (первое было в 1857 г.).

Сообщая сведения, где можно купить китайский шрифт, К. А. Скачков пишет: «Margelon Legrand — владелец [типографии] давно болен. Наконец увиделся [с ним], заговорил о приобретении матриц. [Он спросил], покупает ли их правительство или частное лицо. Я узнал от Pauthier, под руководством которого и была создана эта типография. [Можно купить] всего 4238 матриц, они медные, пяти разрядов: 1. Цель-

ные нередкие знаки. 2. Прибав[очные] знаки ключей, боковые *. 3. Прибав[очные] ключ[евые] знаки, горизонт[альные]. 4. Прибав[очные] знаки, фонетические, боковые и проч[ие]. 5. Гориз[онтальные]. Из них можно составить 25—27 т[ысяч] иерогл[ифов]... Кто из наших синологов не желает, чтобы иметь в Петерб[урге] кит[айскую] типографию. Кто из нас не [желает], чтобы напечатать что-либо с кит[айским] текстом...» [Скачков, № 2, л. 92—126].

Содержание второго письма настолько интересно, что оправдывает все трудности его прочтения. Приводим его целиком: «В[асилий] П[авлович], прошу Вас употреб[ить] все Ваше старание на то, чтобы в Петерб[урге] была приобр[етена] кит[айская] типогр[афия] каким-либо ведомством. Акад[емией] Наук...** Азиатским депар[таментом]. Неужели никто из них не решится подарить несколько тысяч рублей для того (1) и ради чести, чтобы в России была своя кит[айская] типогр[афия]. Даже австр[ийцы] купили ее, зачем же нам-то отставать от кого-либо. В Париже синологи смотрят на нас, русских синолог[ов] как на лучших, хотя при всегдашнем франц[узком] самолюбии относится это...*** к тому, что русские очень способ[ны] вообще к изуч[ению] языков. Смешно было бы и не выучить хорошо кит[айский] яз[ык] в Пекине. как будто, что так без усилен[ого] труда кит[айский] язык и...**** сидя только в Пекине. Но никто в Европе нас не знает, думает только, что мы крепки в кит[айском] яз[ыке] — но ничего не пишем. Они отчасти правы — мало мы пишем, еще меньше наши работы...» *****

Был ли куплен шрифт в Париже, неизвестно. В «Трудах III Международного съезда ориенталистов» есть несколько строк, которые свидетельствуют о наличии шрифта в Петербурге в 1876 г.: «Китайский шрифт могла дать одна из петербургских типографий, да и в той оказался он неразобраным, и сверх того не имелось наборщика, который совладел бы с этим шрифтом»⁸¹.

В последние годы жизни в Петербурге Скачков написал три статьи: «О значении для русской торговли нового договора России с Китаем», «О морской доставке чая из Китая» и «Национальная китайская кухня»⁸². Последняя из статей вышла в свет уже после кончины Скачкова. В примечании редакции к ней было сказано: «В людях, знавших его лично, он оставил наилучшую память достоинствами своего глубоко честного и правдивого характера».

* В тексте письма приведено написание иероглифов, являющихся ключевыми знаками.

** Далее три слова не расшифрованы.

*** Далее два слова не расшифрованы.

**** Далее четыре слова не расшифрованы.

***** Черновик не окончен.

Товарищ К. А. Скачкова по миссии, врач Стефан Иванович Базилевский (1822—1878)⁸³, после окончания Вологодской духовной семинарии и Медико-хирургической академии работал в Петербурге в Архангельском военном госпитале. В 1847 г. получил ученую степень доктора медицины и в том же году перешел на гражданскую службу. В Пекин по назначению Министерства внутренних дел поехал в составе тринадцатой миссии врачом.

Сразу же после приезда Базилевский стал изучать китайский язык. Овладев им, начал знакомиться с книгами по китайской медицине и природоведению.

Заслуженная слава русских врачей среди населения Пекина привлекла к нему много пациентов.

Занятие китайским языком и переводами, сбор коллекций рыб и растений, лечение больных отнимали у него много времени, поэтому он не имел возможности обрабатывать свои рукописи, и большая часть их осталась неопубликованной. К. А. Скачков писал в Азиатский департамент: «В Пекине у нас было введено в обыкновение не заботиться о приведении в порядок своих трудов, а учиться и учиться, пользуясь таким редким случаем в изучении китайского языка» [Скачков, № 2, л. 243].

Дальнейшая судьба С. И. Базилевского сложилась так, что ему не пришлось возвратиться к своим рукописям. Опубликован только один труд Базилевского по ихтиологии Китая с прекрасно выполненными китайскими художниками рисунками рыб⁸⁴.

В письмах к известному русскому ботанику Ф. Б. Фишеру Базилевский писал о китайской медицине, садоводстве, подчеркивая необходимость знакомиться с китайской наукой⁸⁵.

После окончания срока пребывания в Китае С. И. Базилевский был причислен к Азиатскому департаменту. Предполагали использовать его на дипломатической работе, но его горячий характер послужил отрицательной к тому рекомендацией. В 1867 г. Базилевский был назначен врачом российского посольства в Тегеране, где и умер в 1878 г.

Собранный им гербарий хранится в Военно-медицинской академии (в Ленинграде). Все его рукописи находятся в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина и составляют объемистый том около 900 стр. [Базилевский, № 1].

Исследователь китайской медицины не может пройти мимо рукописей С. И. Базилевского. Там он найдет переводы из «Бэньцао ганму», классической китайской книги по медицине, дающей рецепты использования органов животных, птиц, рыб, рептилий в качестве медикаментов; медицинскую библиографию

по «Сыку цюаньшу», биографические данные о древних китайских врачах, переводы медицинских сочинений (по болезням глаз, остеологии, спланхиологии, по судебной медицине, фармакологии, акупунктуре, терапии и др.), сведения о состоянии здравоохранения в Пекине, о населении столицы и многое другое.

Художник Иван Иванович Чмутов (1817—1865)⁸⁶, сын петербургского мещанина, был принят в 1827 г. в Академию художеств и через шесть лет первоначального обучения, в 1833 г., зачислен в штатные академики на казенное содержание. Затем он был определен в класс «живописи исторической и портретной», руководимый профессором Ф. А. Бруни; занимался он также и в классе профессора П. В. Басина. За время занятий И. И. Чмутов дважды награждался: серебряной и золотой медалями. Одновременно с ним в 1839 г. окончили Академию художеств И. К. Айвазовский и В. П. Шебуев. Вскоре после окончания Академии в связи с тяжелым материальным положением Чмутов решается уехать в Китай.

О жизни Чмутова сохранилось немного сведений. Он неохотно занимался китайским языком, писал иконы для сретенской церкви в миссии, сделал много карандашных и акварельных рисунков (хранятся в запасниках Русского музея и Третьяковской галереи). Из них четыре рисунка опубликованы в книге Е. П. Ковалевского, четыре рисунка — в «Русском художественном листке»⁸⁷. В одной из рукописей К. А. Скачкова сохранилось содержание альбома И. И. Чмутова, где записано 27 тем его рисунков [Скачков, № 9, л. 146—147].

Что касается остальных членов миссии, то следует отметить такой факт: священнослужители, обычно пассивно относящиеся к изучению китайского языка, на сей раз, вероятно под воздействием П. Кафарова, усиленно им занимались, но из троих миссионеров в Россию вернулся один Е. Иванов; П. Цветков и М. Оводов умерли в Пекине; первый — в 1855 г., второй — в 1857 г. И тот и другой оставили труды по Китаеведению: шесть статей П. Цветкова были опубликованы в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине»⁸⁸, а перевод путевого дневника китайского сановника Ци Хэ-чао, сосланного в Синьцзян, вышел отдельным изданием в Пекине в 1907 г.⁸⁹

М. Оводов оставил нам две рукописи: «Пиндин-лоча фанлое» — перевод 31 указа императора Канси за 1682—1690 гг. о подготовке вторжения на земли русского Приамурья и походе на Албазин и «О сношениях России с Китаем и о русской роте в китайских войсках» [Оводов, № 1 и 2]. «Очерк истории сношений Китая с Тибетом» опубликован во втором томе «Трудов» миссии.

Иванов опубликовал в «Трудах» «Доклад комитета из членов Верховного Совета...» об ассигнациях и в «Восточном сборнике» — «Записки китайца об Аннаме»⁹⁰.

Из двух сохранившихся рукописей Иванова «Извлечение из сочинения китайского философа Ле-цзы» и «Воспоминание о бедствиях Нанкина» — наибольший интерес представляет вторая — перевод брошюры неизвестного китайского автора, выпущенной правительством во время восстания тайпинов [Иванов, № 1 и 2]. Записки Иванова с разбором «Бамбуковых аналов» не найдены.

Перед самой сменой тринадцатой миссии в Китае произошли события, в корне изменившие политические отношения России с Китаем и сказавшиеся на традиционном статусе Российской духовной миссии. В октябре 1856 г. бомбардировкой Гуанчжоу Англия начала против Китая новую колониальную войну, в которую была вовлечена и Франция. В 1858 г. корабли англо-французской эскадры подошли к Дагу, и войска интервентов заняли Тяньцзинь. События в Китае привлекли внимание России, которая после заключения неравноправных договоров цинского правительства с капиталистическими государствами Европы и США оказалась в невыгодном положении. Новая обстановка диктовала царскому правительству необходимость активизировать свою дальневосточную политику. Опасаясь установления преобладающего влияния Англии и Франции на севере Китая, Россия решила выступить в качестве посредника между воюющими сторонами, чтобы ограничить требования британского и французского правительств и вместе с тем добиться от цинского правительства решения ряда вопросов в отношениях между странами. Эта сложная дипломатическая миссия была возложена на полномочного посла Е. В. Путятина. Полученная им инструкция предписывала «не присоединяться к агрессивной позиции» англо-французских интервентов и в отношениях с Китаем «ни в коем случае не должно выходить из пределов дружелюбного домогательства».

Пытаясь сыграть на противоречиях между царским правительством и англо-французской стороной, правящие круги Цинской империи с готовностью принимают посредничество Пуятина. Эта заинтересованность цинских властей в поддержке России была искусно использована уполномоченным Петербурга. Он первым подписал договор с Китаем, предоставивший России те же права, которые Англия и Франция добились военными действиями⁹¹.

«Жалкие потуги консерваторов уберечь престиж Небесной империи», как назвал китайский историк Фань Вэнь-лань выдвинутые маньчжурами требования, чтобы представители Англии и Франции исполнили при обмене ратификационными грамотами унижительные для них церемонии, привели к новым военным действиям⁹².

Обеспокоенное продолжающейся экспансией Англии и Франции, царское правительство послало в Китай своего представителя графа Н. П. Игнатьева, которому было предписано продол-

жать ту же политику, пытаясь умерить требования западных держав.

Английские и французские войска с боями продвигались от Тяньцзиня к Пекину, оставляя после себя пожарища. Варварски был разграблен императорский дворец Юаньминъюань. Опасаясь дальнейших действий интервентов, оставшийся в Пекине после бегства императора принц Гун (И Синь) согласился на посредничество Игнатьева⁹³. В ходе переговоров с Игнатьевым цинское правительство подтвердило действительность договора, заключенного с Россией в Айгуне в 1858 г., и подписало в 1860 г. Пекинский договор.

Русские китаеведы, находившиеся в Пекине, оказали существенную помощь в выработке и заключении этих дипломатических актов. В свите Н. Н. Муравьева были А. А. Татаринов, А. Честной и К. Г. Крымский; Е. В. Путятину помогали П. Кафаров и М. Д. Храповицкий; при Н. П. Игнатьеве состояли А. А. Татаринов и Г. Карпов.

Наиболее активную роль играли П. Кафаров и А. А. Татаринов, вызванный из Чугучака. Кафаров пользовался среди маньчжурских чиновников большим авторитетом. В случае необходимости перевода бумаг с русского и других языков его приглашали в Лифаньюань и даже в Государственный совет. До прибытия новой, четырнадцатой миссии Кафарову пришлось выполнять не только обязанности переводчика, но и более сложные поручения. По просьбе посла Кафаров вместе с Храповицким, оставленным Путятиным для перевода Тяньцзиньского трактата, ездил из Пекина в Дагу и обратно в качестве посредника, передавая через китайского пристава миссии предложения российского уполномоченного высшим маньчжурским чиновникам.

Во многом не соглашаясь с дипломатической тактикой Путятин, Кафаров во время наступления англо-французских войск на Пекин предложил ему подать китайской стороне совет обороняться. Он писал, что «китайцы хорошо знают оборонительный способ действий, называемый ими цзянь-би цин-е (укрепление стен и очищение полей). Неприятель до самого Пекина не мог бы найти ни хлеба, ни подъемного скота, китайцы могли бы также воспользоваться низменным положением поморской равнины и затопить части ее, разрушив плотины у моря и на Хайхэ; четыре или пять тысяч джонок, стоящих в верховье, послужили бы богатым запасом для брандеров»⁹⁴.

Путятин отвергал подобные предложения. Его интересовало только положение внутри страны. Кафаров не понимал, что цинскому правительству было важнее защититься от более серьезной для него опасности — тайпинов, угрожавших существованию самой династии. С иностранными державами маньчжуры рассчитывали договориться, уступив их требованиям, и надеялись использовать их помощь в борьбе с восставшими.

Итак, задержанные чрезвычайными обстоятельствами, лишь в конце мая 1859 г. члены тринадцатой миссии выехали на родину.

Еще в бытность тринадцатой миссии в Китае Азиатский департамент начал издание «Трудов членов Российской духовной миссии в Пекине»⁹⁵. Несомненно, инициатором этого издания был П. Кафаров. Редактировал статьи и давал санкцию на их публикацию А. Честной. Некоторые статьи он категорически отвергал, например «О русской роте» Оводова, «Ле-цзы» Иванова и др.⁹⁶

Последний, четвертый том, изданный в 1866 г., состоит исключительно из статей П. Кафарова, «главного столпа» «Трудов». Есть основание утверждать, что этот том был подготовлен к публикации В. П. Васильевым, который в это время находился на службе в Азиатском департаменте и подал записку о продолжении издания «Трудов» [213].

«Труды» — первое и единственное дореволюционное русское продолжающееся издание, посвященное вопросам изучения Китая. Материалы большинства статей до сих пор привлекают внимание исследователей. В 1858 г. два первых тома «Трудов» были переведены на немецкий язык и изданы в Берлине⁹⁷. В немецком издании было объявлено, что «Труды» переводятся на английский язык, однако сведений об этом нет.

Откликов на «Труды» было немного. Анонимная рецензия в «Москвитянине»⁹⁸ выделяет из всех статей первого тома статью П. Кафарова «Жизнеописание Будды», которая, по мнению рецензента, «заслуживает полного внимания как по содержанию, так и по простоте рассказа и чистоте слога». И. Н. Березин в «Отечественных записках»⁹⁹ сурово подошел к оценке третьего тома «Трудов», в котором опубликовано 14 статей шести авторов (Гошкевича, Иванова, Кафарова, Татарина, Храповицкого, Цветкова).

Отметив как положительный факт появление «Трудов», И. Н. Березин обращает внимание на «тяжелый, мнимоакадемический язык» статей и отсутствие критического подхода к источникам перевода. Сообщая вкратце содержание отдельных статей, рецензент считает, что «большинство статей рассматривалось (было опубликовано. — П. С.) западными ориенталистами» и что «даже в самом способе изложения» видно нередко влияние предшественников миссионеров, в особенности Н. Я. Бичурина. Вся рецензия проникнута недоброжелательностью, и общая оценка несправедлива.

На самом деле статьи были оригинальны, интересны и во многих случаях содержали полемику с западноевропейскими синологами. Например, А. А. Татаринов, разбирая вопрос о болеутоляющих средствах, применяемых в китайской медицине, на основе фактов доказывает ошибки, допущенные французским синологом Жюльеном в переводах. Пять статей Цветкова

вносят много нового в рассматриваемые им вопросы. Статьи В. В. Горского и М. Д. Храповицкого основаны на малоизвестных китайских источниках. Две статьи И. И. Захарова — «Историческое обозрение народонаселения Китая» (т. I) и «Поземельная собственность в Китае» (т. II) — содержат большой фактический материал и до сих пор привлекают внимание историков Китая.

П. Кафаров опубликовал две статьи, имевшие сугубо практический характер, — «О торговых путях по Китаю и подвластных ему владениях»¹⁰⁰ и «Морское сообщение между Тяньцзинем и Шанхаем»¹⁰¹.

Следует отметить, что П. Кафаров совершил несколько интересных путешествий.

В 1847 г., возвращаясь в Россию, он первым из иностранцев проехал через Монголию по почтовому тракту, до него совершенно не известному европейцам. Как во время этого пути, так и в 1859 г., вновь возвращаясь в Россию через Монголию, П. Кафаров вел дневники, опубликованные в 1892 г. Э. В. Бретшнейдером¹⁰² с обширным его введением и с замечаниями А. М. Позднеева на дневник Кафарова, который он вел в 1847 г. Описания последующих путешественников, указывает Бретшнейдер, не дают таких подробностей, какие привел Кафаров в своем дневнике и которые сохраняют ценность до сих пор. В 1859 г. по этому же тракту в Пекин проехал Н. П. Игнатьев. Топограф Шимкович, сопровождавший Игнатьева, снял подробный маршрут всего пути¹⁰³.

Дневник, названный Э. В. Бретшнейдером «Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия», по мнению публикатора, и в столь несовершенном виде, несомненно, имеет большое научное значение¹⁰⁴. Того же мнения придерживается и А. М. Позднеев в «Замечаниях на „Дневник о. Палладия по Монголии, веденный в 1847 г.“». Ни один историк Монголии не может пройти мимо дневников Кафарова. В них много исторических экскурсов и сведений этнографического характера.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

По примеру начальников двух предшествующих миссий Гурий Карпов — начальник новой, четырнадцатой миссии перед отъездом в Китай в течение пяти месяцев проводил со всеми отъезжающими занятия китайским языком.

Миссия прибыла в Иркутск в 1857 г. и здесь по распоряжению графа Е. В. Путятина оставалась до конца июля 1858 г. Г. Карпов и в Иркутске продолжал с членами миссии занятия китайским языком, и, кроме того, под руководством переводчика при губернском правлении Шишмарева желающие занимались три-четыре раза в неделю маньчжурским языком.

Четырнадцатая миссия была последней, имевшей в своем составе студентов. В миссию были включены иеромонахи Александр Кульчицкий, Исайя Поликин, Антоний Люцернов, студенты Афанасий Ферапонтович Попов (магистр богословия), Константин Павлинов и Николай Мраморнов (студенты Казанской духовной академии), Дмитрий Алексеевич Пещуров (бывший учитель 3-й петербургской гимназии), художник Лев Степанович Игорев и врач Петр Алексеевич Корниевский.

Начальник миссии Гурий (Григорий) Карпов (1812—1882), сын священника, в 1836 г. окончил Саратовскую духовную семинарию. В следующем году поступил в Петербургскую духовную академию, откуда был направлен в Пекин в составе двенадцатой духовной миссии. Пробыв в Пекине с 1840 по 1849 г., он опубликовал в «Трудах» миссии перевод с китайского под названием «Обеты буддистов и обряд возложения их у китайцев» (т. II).

Из Пекина Карпов посылал в Азиатский департамент иностранные донесения о событиях внутри страны, а также сообщил о заключении Пекинского договора. Его донесения служат хорошим дополнением к документальным материалам по истории договоров 1858—1860 гг. Статья Карпова «Русская и греко-русская церковь в Китае в XVII—XIX вв.» была опубликована уже после его смерти¹⁰⁵.

Александр Кульчицкий (1823(?)—1888), сын священника, в 1847 г. окончил Литовскую духовную семинарию, в 1857 г. — Петербургскую духовную академию. В этом же году был зачислен в состав Пекинской духовной миссии. В Китае занимался изучением религии, обрядов и суеверий.

Его рукопись «Брак у китайцев», относящаяся к 1862 г., опубликована только в 1907—1909 гг. в Пекине в журнале миссии «Китайский благовестник», а также вышла отдельным изданием. Где находятся его остальные рукописи — «Книга чар и заклинаний», «О китайском фетише» и «Записки по религиозно-народным обрядам и суевериям», — пока не известно¹⁰⁶.

Исайя Поликин занимался главным образом конфуцианством. Рукописи его до нас не дошли. Он является автором первого русско-китайского разговорного словаря, в основном торговых терминов, который ему удалось издать в Пекине в 1867 г. на средства кяхтинских купцов¹⁰⁷. Краткая грамматика китайского языка, вышедшая в 1900 г., весьма примитивна¹⁰⁸.

Антоний Люцернов опубликовал статью «О китайском шелководстве», написанную по китайским источникам «Нунчэнь цюаньшу» и «Нунсан цзяо»¹⁰⁹. Он изучал в основном технологические процессы изготовления фарфоровых изделий, бумаги, туши, лака и др.

В том же году в Петербурге был издан литографским способом «Опыт первого китайско-русского словаря» В. П. Васильева. Таким образом, 1867 год явился началом издания словарей

как пособий, необходимых для овладения китайским языком. К сожалению, они были далеко не совершенными; словарь В. П. Васильева предназначался как первоначальное пособие для студентов, китаеведческий опыт Поликкина был незначителен, и его словарь должен был послужить мальчишкам из Кяхты, посылаемым купцами для обучения китайскому языку.

Афанасий Ферапонтович Попов (1828—1870) окончил курс Петербургской духовной академии и начал службу по духовному ведомству. В 1855 г. получил степень магистра. В 1856 г. переведен в Министерство иностранных дел и причислен студентом к Пекинской духовной миссии¹¹⁰.

В Китае, овладев китайским языком, занимался главным образом вопросами современной политической жизни страны и бытом ее народа. В 1860 г. опубликовал статью «О таможенном и соляном сборе в Китае за 1859 год»¹¹¹.

В 1862 г. Попов поместил несколько статей в газете «Кяхтинский листок». В 1863—1864 гг. был корреспондентом «Санкт-Петербургских ведомостей». Из его статей, опубликованных в этой газете, можно отметить: «Новый год в Китае» (затем изданную отдельно), о «Шэньбао» и «Описание 46-дневной битвы под Нанкином»¹¹². Перевод «Рассказа китайца о поездке, совершенной им в Жэхэ, летнюю резиденцию китайских богдыханов» также принадлежит А. Ф. Попову¹¹³.

А. Ф. Попов совместно с К. Павлиновым и Н. Мраморным переводил, очевидно по заданию Азиатского департамента, в течение 1861—1862 гг. статьи из «Цзинбао», где Попову принадлежит перевод целого ряда документов о финансовом положении Китая [Мраморнов, Павлинов, Попов, № 1].

Некоторые его статьи, посланные в Азиатский департамент для публикации в «Трудах» миссии («Китайские народные пословицы и поговорки», «Пекинские народные предания и поверья»), были возвращены ему после рецензии Аввакума Честного, который не принял их к публикации, охарактеризовав как «черновые наброски» и «необработанные материалы»¹¹⁴.

Во время пребывания в Китае Н. П. Игнатьева А. Ф. Попов состоял при нем переводчиком, затем был секретарем консульства в Тяньцзинь и драгоманом российской миссии в Пекине. Будучи на этой должности, по просьбе китайского правительства преподавал русский язык в училище при Министерстве иностранных дел [144]. Умер в Пекине 15 февраля 1870 г.

Константин Павлинов опубликовал несколько статей в газете «Кяхтинский листок», из которых следует отметить статью, содержащую сведения о тайпинах¹¹⁵.

Большое значение для характеристики Павлинова как китаеведа имеют его рукописи, в особенности «Словарь правительственных мест и лиц в Китайской империи», составленный в 1862—1863 гг. [Павлинов, № 1]. Наличие китайского текста с переводом на русский язык и алфавитным указателем делают

словарь ценным пособием. Это прототип известного справочника И. С. Бруннерта и В. В. Гегельстрома¹¹⁶. Павлинов принимал участие в переводах из китайских газет сведений по административному устройству Китая, что и послужило ему материалом для словаря. Для этнографов, несомненно, представляют интерес его рукописи «О приезде данников Китая ко двору в Новый год и о подарках им от двора», «О воинском одеянии богдыхана» и «Описание императорских одежд в Китае» [Павлинов, № 2, 4, 5].

Николай Мраморнов преподавал в албазинской школе русского язык, а с 1862 г. исполнял обязанности секретаря консульства в Тяньцзине. Представленные им в Азиатский департамент труды «История царствования Юань» и «Очерк завоевания Южного Китая монголами»¹¹⁷ не найдены.

Петр Алексеевич Корниевский (1833—1878) был последним из врачей, прикомандированных к Пекинской духовной миссии¹¹⁸. После окончания Черниговской духовной семинарии в 1852 г. поступил в Медико-хирургическую академию. Еще студентом четвертого курса был ординатором известного хирурга профессора Платонова. Ему прочили будущее выдающегося хирурга. В 1856 г. Корниевский окончил академию с золотой медалью и был направлен на работу в Петербургский военный госпиталь. В 1857 г. получил звание доктора медицины.

Весною того же года Корниевский был назначен врачом Российской духовной миссии в Пекине. Академия наук снабдила его инструкцией, выработанной профессорами Брандтом, Куликовским, Пеликаном и Траппом.

В 1860 г. в Китае было открыто российское посольство. Корниевский был переведен туда на работу. В 1862 г., после представления в Общество русских врачей большой статьи «Медицинский приказ в Китае»¹¹⁹, был избран действительным членом общества. В 1863 г. у Корниевского началось тяжелое легочное заболевание, и ему разрешили уехать в Россию. Он был причислен к Министерству иностранных дел, затем до последних дней своей жизни служил на Кавказе врачом в разных военных госпиталях.

При жизни П. А. Корниевский опубликовал четыре серьезные статьи и оставил большое рукописное наследство. Приходится удивляться, как он в сравнительно короткое время — пять лет — сумел хорошо овладеть письменным китайским языком, перевести столько китайских медицинских сочинений и часть их опубликовать в виде статей, из которых наиболее интересны для широкого читателя «Китайские медицинские пословицы», «О китайских медиках» и «Материалы для истории китайской медицины», в которых даны биографии 33 китайских врачей и библиография их трудов¹²⁰.

Никто из изучающих китайскую медицину не может пройти мимо его рукописей [Корниевский, № 1]. Небесполезно озна-

комиться с ними и каждому изучающему историю культуры Китая. В них можно найти каталоги медицинских книг, имевшихся в библиотеке российской миссии в Пекине в 1859 г., в библиотеке Азиатского департамента (на 1843 г.) и лично у Корниевского. Из каталогов можно установить, как были богаты русские коллекции китайскими медицинскими сочинениями.

Рукопись «Медико-топографические заметки о Пекине» (32 л.) поможет выяснить исследователю численность населения Пекина и смертность в 1856 г. по окрестным деревням.

Из переводных сочинений следует упомянуть «Полный курс китайского акушерства» (113 л., перевод из «Тайгань синьфа»), «Краткий курс китайского акушерства» (62 л.), «Гадание у китайцев и лечение посредством гадания» (8 л.), «Народные китайские врачи» (14 л.), «Патология у китайцев» (51 л., из «Миничжи-чжа», «Шоу-ши баюань» и др.), «О китайцах с медицинской точки зрения» (19 л.) и др.

Художник Лев Степанович Игорев (1823—1880), еще будучи воспитанником Саратовской духовной семинарии, обратил на себя внимание способностями к рисованию. В 1845 г. он был принят в Академию художеств как «вольноприходящий ученик»¹²¹. За время учебы сделал большие успехи в портретной живописи и в 1853 г. получил звание академика. До отъезда в Китай в 1858 г. был учителем иконописи при Петербургской духовной семинарии.

В Пекине несколько раз ездил в окрестные горы. Близко знакомясь с жизнью народа, он удивлялся тому «общему благо-разумному порядку», который наблюдал на улицах. Любуясь обнаженными торсами рабочих и продавцов, Игорев в опубликованной им газетной статье восклицает: «Сколько тут было амуров, аполлонов, антиноев, лаокоонов, фавнов и геркулесов!» Бывший крестьянин, познавший сельскохозяйственный труд, он, наблюдая за работой китайских крестьян, любуясь обработкой земли, «не мог надивиться, каких трудов и какого терпения стоили эти роскошные посевы. Сколько в обработке выглядывало опыта, сколько тщательности, расчета, вкуса!»¹²²

По ряду источников удалось установить, что Игорев написал много портретов китайских чиновников, солдат, купцов и других лиц. На картине «Китайские нищие на холоде», находящейся в Третьяковской галерее, привлекают внимание трагичные лица нищих — взрослого и мальчика.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. КАФАРОВА

В 1864 г. П. Кафаров, являвшийся настоятелем церкви российского посольства в Риме, был назначен начальником новой, пятнадцатой духовной миссии и 25 марта в третий раз приехал в Пекин.

В римский период жизни Кафаровым была опубликована часть его дневника, который он вел в Пекине в 1858 г., — небольшая, но насыщенная фактическим материалом статья о русских пленных в Китае в XIV в.¹²³, свидетельствующая о прекрасном и детальном знании «Юаньши» («Истории монгольской династии»), и полная поэтических описаний китайского пейзажа статья под названием «Неделя в китайской кумирне в окрестностях Пекина»¹²⁴, где впервые в русской литературе приведено содержание китайской драмы.

В составе новой миссии ни студентов, ни врачей, ни художников уже не было. Из миссионеров занимался успешно китайским языком лишь Исаяя Поликин.

В это же время переводчиком российского посольства в Пекине служил Николай Андреевич Попов, впоследствии, в 80-х годах, консул в Фучжоу. Сведений о его жизни и трудах сохранилось мало. Из его рукописного наследства можно назвать «Обрядник шаманского жертвоприношения у маньчжуров», небольшой «Русско-маньчжурский словарь» и ряд интересных заметок на различные темы [Н. А. Попов, № 1—9].

В 1869 г. Совет Русского географического общества просил Синод (которому был подчинен Кафаров) разрешения командировать Кафарова в Южно-Уссурийский край для исследования инородческого населения Приамурья, в особенности Южно-Уссурийского края в пограничных Маньчжурии и Корее местах, для изыскания разных остатков старины (следы древних городов, развалин, укреплений).

П. Кафаров провел в экспедиции около года; за это время он послал ряд донесений, а также опубликовал статьи в «Известиях» Географического общества¹²⁵. После возвращения из экспедиции Кафаров усиленно работал над завершением китайско-русского словаря, занимался историей монголов, литературой магометан на китайском языке и опубликовал ряд заметок в изданиях Географического общества¹²⁶.

Статьи и переводы Кафарова по истории монголов до сих пор привлекают внимание историков. Он ограничил свои исследования в этой области временем возникновения монгольской династии — историей Чингисхана — и сделал на эту тему четыре прекрасных перевода с китайского языка.

В «Трудах» миссии был опубликован перевод «Юаньчао миши» («Секретной истории династии Юань») из «Юньлэ дадань»¹²⁷. Кроме замечательного по точности и литературной обработке самого перевода труд Кафарова содержит большое предисловие, посвященное истории «Юньлэ дадань», и 660 примечаний к переводу.

А. Ю. Якубовский в историографическом обзоре отмечает, что этот труд Кафарова по истории монголов XI—XIII вв. в течение 80 лет «питал и питает наших историков первоклассным фактическим собственно монгольским материалом»¹²⁸.

Перевод «Старинного китайского сказания о Чингисхане»¹²⁹ сделан с малоизвестной китайской рукописи времен монгольской династии «Хуаньюань шэньу циньчжэнлу» («Описание личных походов священного воинственного [государя] августейшей династии (Юань)»). Рукопись принадлежала перу Хэ Цютао¹³⁰, который работал над ней в течение 10 лет и намеревался издать, но не имел на это средств. Кафаров получил от него текст, перевел его, сопроводив перевод примечаниями.

К истории монголов времен Чингисхана относится также перевод П. Кафарова «Путевые заметки китайца Джан Дэ-хой во время путешествия его в Монголии в первой половине XIII столетия»¹³¹.

По поводу выбора этого сочинения для перевода академик Б. Я. Владимирцов писал: «Чжан Дэ-хуй сообщает очень много интересного и не даром на него обратил внимание такой тонкий и умелый знаток источников по истории монголов, каким был Палладий Кафаров»¹³².

На ту же тему сделан перевод «Си юй цзи» — «Описание путешествия даоского монаха Чан Чуня на Запад»¹³³. В предисловии к этому переводу Кафаров дал историю издания «Описания...». 600 примечаний занимают более 150 страниц, являясь, по сути дела, прекрасным сборником миниатюрных исследований.

Труды П. Кафарова по истории монголов по сравнению с трудами на эту же тему Н. Я. Бичурина были значительным шагом вперед. Подробная историография, обширные примечания, точность и литературная обработка перевода, присущие всем трудам П. Кафарова, стали обязательными требованиями для каждого переводчика с китайского языка. За эти истекшие 40 лет русское китаеведение ушло далеко вперед.

Привлекала внимание П. Кафарова и магометанская литература на китайском языке. Его труды в этой области известны только по сравнительно небольшой статье «Китайская литература магометан»¹³⁴ и в статье «О магометанах в Китае» в «Трудах» миссии¹³⁵.

Наименее известен его большой труд по магометанской литературе на китайском языке, рукопись которого была найдена Н. Адоратским в архиве Пекинской духовной миссии и издана им в 1887 г.¹³⁶, после смерти Кафарова, с помощью Э. В. Бретшнейдера. В предисловии Н. Адоратского и В. Р. Розена рассказана история рукописи и дан краткий обзор литературы о магометанах. Из 30 известных Кафарову китайских книг по магометанству им было использовано 25. Труд Кафарова — единственный по этой теме.

Исследуя историю проникновения христианства в Китай, Кафаров опубликовал статью «Старинные следы христианства в Китае», в которой он использовал кроме западноевропейской литературы 29 источников на китайском языке и все-таки ого-

ворил в предисловии, что «сумма собранных мною указаний не велика и далеко не может доставать материалов для систематического изложения предмета»¹³⁷.

В этот последний период научной деятельности Кафаровым написаны еще две ценные статьи, опубликованные уже после его смерти: «Заметки о путешествии в Китай казака Петлина»¹³⁸, «Комментарий архимандрита Палладия на путешествие Марко Поло по Северному Китаю». Вторая из них была впервые опубликована на английском языке в 1876 г.¹³⁹ и только в 1902 г. на русском¹⁴⁰. Мимо «Комментария» не может пройти ни один исследователь путешествий Марко Поло¹⁴¹.

Одновременно Кафаров продолжал усиленно трудиться над китайско-русским словарем. Однако здоровье его пошатнулось и он чувствовал, что эту работу, возможно, ему не удастся окончить. «Здоровье мое плохо, — писал он одному из друзей, — оттого нынешний год, кажется, не кончить мне китайско-русский словарь; когда кончу и если бог даст сколько-нибудь поправиться, то возьму его с собой в Европу, где удобнее издавать подобные вещи. Да и знающих меня там есть много»¹⁴².

В середине 1878 г. П. Кафаров серьезно заболел и, получив разрешение Синода, выехал морем из Китая в годичный отпуск, оставив словарь в Пекине. Не доехав до России, он скоропостижно скончался в Марселе 6 декабря 1878 г. и похоронен на русском кладбище в Ницце [168]. Словарь был издан в 1888 г., спустя десять лет после смерти автора.

Известные по архивным и печатным материалам рукописи П. Кафарова опубликованы почти все. Лишь некоторые из них, оставшиеся в Марселе, до сих пор не найдены. Три картона с рукописями и три альбома с фотографиями достались по наследству его племяннику Н. Н. Кафарову, преподавателю духовного училища в Казани, и также до сих пор не обнаружены [168].

Палладий Кафаров создал ряд трудов, которые и по сей день являются ценнейшим материалом для любого историка-китаеведа. Переводы П. Кафарова, исключительные по точности, изложены хорошим литературным языком, сопровождаются небывалым до тех пор количеством ценнейших примечаний. Палладий выбирал для исследования вопросы, имевшие для русской науки первостепенное значение, и темы, до него не разработанные.

Отличавшийся благородным, честным характером, П. Кафаров был другом китайского народа, сочувствовавшим его невзгодам. Хорошо сказал о нем В. П. Васильев: «У Палладия не было и тени ханжества, это был человек, которого нельзя было не полюбить с уважением, который никого никогда не обидит и которого никто не захочет обидеть или оскорбить ...он один из монахов только и занимался и не тщеславился»¹⁴³.

К учрежденному в 1860 г. российскому посольству в Пекине прикомандировывались врачи¹⁴⁴. В 1866 г. в посольство прибыл вместо уехавшего П. А. Корниевского доктор медицины Э. В. Бретшнейдер.

Эмилий Васильевич Бретшнейдер (1833—1901) родился в селе Бенсгаусгоф Курляндской губернии в семье лесничего¹⁴⁵. После окончания гимназии в г. Митаве поступил в 1853 г. на медицинский факультет Дерптского университета, который и окончил со степенью доктора медицины в 1858 г. В продолжение следующих двух лет Бретшнейдер продолжал образование за границей (в Берлине, Вене, Париже). С 1860 г. был причислен к Министерству иностранных дел и в 1862 г. отправлен в Тегеран в качестве врача посольства. В 1866 г. переведен на ту же должность в Пекин [196; 197].

Хорошо зная три европейских языка, Э. В. Бретшнейдер с помощью находившегося в то время в Пекине П. Кафарова овладевает в сравнительно короткое время китайским языком. Он углубленно занимается исторической географией Китая, путешествиями китайцев на Запад в средние века, а также историей ботанических исследований в Китае. Как первый результат изучения китайских источников по исторической географии страны в 1870 г. в Шанхае была опубликована статья Бретшнейдера о древних географических названиях Китая¹⁴⁶. В 1871 г. была опубликована его работа «Древние известия об арабах, арабских колониях и колониях других стран в китайских книгах»¹⁴⁷.

В 1875—1876 гг. Бретшнейдер расширил изучение китайских, монгольских и западноевропейских источников по исторической географии и истории Центральной Азии и западных частей Китая. Он исследовал вопросы по средневековой географии, истории сношений Китая со странами Центральной и Западной Азии и писал о путешествиях на Запад в средние века¹⁴⁸. Все труды основаны на тщательном изучении китайских и монгольских источников.

В Шанхае Бретшнейдер опубликовал в 1876 г. «Археологическое и историческое исследование о Пекине и его окрестностях»¹⁴⁹, впоследствии переведенное Коллэн-де-Планси, изданное в серии «Ecole des langues orientales vivantes» и удостоенное премии французской Академии надписей.

Э. В. Бретшнейдер занимался также вопросами, связанными с историей русско-китайских отношений, в частности путями сообщения между двумя странами, имевшими в первые годы русско-китайских связей первостепенное значение. Немецкий географический журнал в 1878 г. опубликовал его статью «Bemerkungen über das Reisen durch Sibirien und die Mongolei nach China»¹⁵⁰. Эта статья в расширенном виде была помещена как введение к дневнику П. Кафарова¹⁵¹.

В 1884 г. Бретшнейдер уехал из Пекина, вышел в отставку, поселился в Петербурге и начал работать над монументальными трудами, снискавшими ему впоследствии мировую славу. Его двухтомный труд «*Mediaeval Researches. From Eastern Asiatic Sources*»¹⁵³, плод многолетнего изучения различных китайских, монгольских и европейских источников, является сводкой тщательно прокомментированного материала.

Началом второго капитального труда, вернее, трех трудов под общим названием «Китайская ботаника» («*Botanicon Siniticum*») ¹⁵⁴ можно считать ботанические исследования Бретшнейдера в горах вблизи Пекина и в связи с этим китайской и европейской литературы по флоре Китая. Работа издана также на английском языке¹⁵⁵. «Китайская ботаника» состоит из трех самостоятельных частей. Первая — подробный обзор китайской литературы по ботаническим исследованиям страны. Для второй части («Ботаника китайских классиков») Э. В. Бретшнейдеру пришлось прочесть всю классическую литературу, частью в подлинниках, частью в переводах. Третья часть посвящена фармакогнозии китайцев. Все три части опубликованы в Шанхае в «Журнале Северо-Китайского отдела Королевского азиатского общества» в 1881, 1892 и 1895 гг.

В 1898 г. вышла полная «*History of European botanical Discoveries in China*» («История европейских ботанических исследований в Китае») — двухтомный труд, в котором изучение флоры Китая европейцами начато со времени путешествия Марко Поло и доведено до конца XIX в.¹⁵⁶ В труде приведены биографические сведения о 650 путешественниках, ботаниках, занимавшихся изучением растительного мира Китая, сведения о маршрутах, собранных коллекциях и т. д. Русское географическое общество удостоило этот труд золотой медали им. П. П. Семенова.

Богатые гербарии Э. В. Бретшнейдера, которые он посылал в Ботанический сад в Петербург, составили весьма ценную коллекцию, обработанную К. И. Максимовичем. Кроме того, Бретшнейдер отправлял в Ботанический сад семена, плоды и образцы древесных пород. Семена и растения он посылал также ботаническим садам Европы, США и отдельным ученым.

Г. Кордые в некрологе о Э. В. Бретшнейдере приводит слова синолога Паркера, который говорит о Бретшнейдере и о Бушелле: «Никогда эти ученые не были профессиональными синологами (слово, которое может обозначать коверкающих китайский язык и всегда выискивающих, как уничтожить себе подобных), но оба они способствовали более правильной синологии, чем другие, претендующие на многое»¹⁵⁷.

Названными трудами не ограничивается научная деятельность Э. В. Бретшнейдера. Кроме более чем 40 трудов, о которых упоминают в некрологах И. Палибин и Г. Кордые, после Бретшнейдера осталось значительное число рукописей, храня-

щихся в Архиве Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Тематика рукописей разнообразна. Укажем только на те, которые могут быть полезны советским историкам: «Geschichte der Mongolen» (основана на китайских и западноевропейских источниках); «Timur of Tamerlan and his Successors» (содержит подробную биографию Тимура, его сыновей и внуков, а также Мирзы Шах Рока). Следует также упомянуть о двух индексах: к «Бэньцао ганму» и «Юань ши» [Бретшнейдер, № 1—4].

Благодаря трудам, написанным и изданным главным образом на английском, французском и немецком языках, Бретшнейдер был широко известен на Западе. Он был избран членом-корреспондентом французской Академии надписей, Французского географического общества. В России Бретшнейдер был почетным членом Ботанического сада, членом Русского географического общества. Работы Э. В. Бретшнейдера в России не получили широкой известности из-за их библиографической редкости и упоминаются лишь в исторических трудах. Переиздание некоторых работ позволило бы не только сделать доступным ценный исторический материал, содержащийся в его трудах, но и еще глубже оценить значение ученого для русской науки.

ПРИСТАВЫ РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ

В XVIII в. новый состав миссии обычно ехал в Пекин с очередным казенным торговым караваном. Во главе каравана стоял правительственный комиссар, ведавший всеми делами, связанными с торговлей и организацией перевозки товаров. Иногда начальником или директором каравана назначалось ответственное лицо, которому поручались задания дипломатического характера: урегулирование мелких пограничных инцидентов, решение отдельных вопросов торговли, выяснение намерений цинского правительства. Примером выполнения такого рода заданий могут служить поездки в Китай Лоренца Ланга, Алексея Владыкина и др.

В середине XVIII в. казенная караванная торговля России с Китаем была признана убыточной и посылки караванов прекратились. Следовательно, нужно было найти другой способ сопровождения членов духовных миссий. Власти обратились к организации, известной еще в древней Руси, — к институту приставов, т. е. назначению особых должностных лиц, «приставленных» для надзора о каком-нибудь делу.

Организацию очередной миссии в Пекин стали поручать приставу — ответственному лицу, назначаемому из чиновников Министерства иностранных дел. В его обязанности входили формирование транспортного отряда, обеспечение питания

и ночлега в пути, переговоры с китайскими чиновниками на территории Монголии и Китая. На нем лежала и ответственность за доставку всех денежных сумм, предназначенных для миссии. Кроме того, пристав выполнял и различные дипломатические поручения в столице Цинской империи. Пристав распоряжался и сопровождавшим миссию эскортом казаков.

В Пекине пристав и его подчиненные оставались сравнительно длительное время, иногда до года, так как надо было выполнить дипломатические задания, подготовить отряд к обратному пути.

Организация миссии была делом сложным. Например, для подготовки к отправлению тринадцатой миссии в 1850 г. потребовалось больше трех месяцев. Обоз для перевозки груза и членов миссии состоял из 8 повозок, 2 фур, 500 лошадей, 80 двухколесных телег, 60 верблюдов; кроме того, на «корм» гнали с собой 60 быков и 500 баранов.

С 1794 г. (восьмая миссия) по 1858 г. (четырнадцатая миссия) приставами были В. Игумнов, С. Первущин, Е. Ф. Тимковский, М. В. Ладыженский, Н. И. Любимов, Е. П. Ковалевский, П. Н. Перовский.

Деятельность приставов в той или иной степени способствовала изучению Китая. Их дипломатические способности, их роль во взаимоотношениях России с Китаем, вклад, внесенный каждым из них в развитие китаеведения в России, — все это требует специального монографического исследования. Мы остановимся здесь сравнительно подробно лишь на деятельности некоторых из них.

Поездка в Китай в качестве пристава десятой духовной миссии, пребывание около шести месяцев в Пекине и обратный путь, проделанный вместе с Н. Я. Бичуриным, дали Е. Ф. Тимковскому¹⁵⁸ богатый материал для наблюдений и позволили написать и издать в 1824 г. трехтомный труд «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах».

За год до появления этой книги Е. Ф. Тимковский опубликовал три статьи, которые почти целиком вошли в его книгу¹⁵⁹.

Как видно из содержания книги, Тимковский еще перед поездкой в Китай познакомился с некоторыми западноевропейскими сочинениями о Китае. Среди них были труды Грозье, Дюгальда и др., читал он и дневники Лоренца Ланга, статьи Палласа о Монголии. Был он знаком и со статьями о Китае на русском языке. В своей книге он нередко ссылается на этих авторов.

В Пекине Тимковский широко пользовался консультациями П. И. Каменского, М. Д. Сипакова и особенно Н. Я. Бичурина. Совместный путь на родину сблизил Тимковского и Бичурина, положил начало длительной их дружбе.

Появлением такого насыщенного источниками и материалами труда, как «Путешествие в Китай», Тимковский почти

всецело обязан Н. Я. Бичурину. Это отчетливо прослеживается даже по ряду пространных заимствований из переводов с китайского Бичурина (например, «Известия о Восточном Туркестане» — т. II, стр. 86—128, о Тибете — стр. 193—207; «Взгляд на Монголию» — т. III, стр. 165—402 и др.).

И во время пути, и в Пекине Тимковский вел дневник, который до сих пор имеет ценность. Автор обстоятельно описал в нем жизнь российской миссии, а также условия путешествия по бескрайним степям Монголии. В частности, Тимковский рассказал об учебных занятиях в миссии, о том, что учителя — китайцы и маньчжуры, которые появлялись лишь 2—3 раза в месяц, «не всегда имеют надлежащие знания в китайской и маньчжурской словесности»; поэтому Тимковский считал, что «было бы беспечно и даже нерадиво» полагаться только на учителей, «назначаемых от китайского правительства», и признавал необходимым кроме «казенных» учителей нанимать сыньшэнов частным порядком [125, л. 5—5 об].

Интересные сведения сообщает Тимковский о преподавателях русского языка. Старший учитель школы Шумин (молодой человек лет тридцати) признавался, что без помощи студента миссии Сипакова он едва ли мог бы выполнять программу занятий; узнав, что Сипаков уезжает, Шумин пришел в отчаяние, но когда ему сообщили, что Па-Лао, как звали Каменского, остается в Пекине, обрадовался и сразу же «вручил сочиненные им китайские разговоры о. Петру и просил перевести оные на русский язык, для употребления ученикам его в маньчжурской школе»¹⁶⁰. В качестве учебного материала в школе использовались старые официальные бумаги, полученные в Лифаньюане из Сената.

Тимковский в своем «особенном донесении» подтверждает, что «члены присутственных мест — маньчжуры — в разговорах и домашних делах всегда употребляют китайский язык» и что они «сами нуждаются в знатоках маньчжурского языка для перевода бумаг, изготовляемых по службе» [125, л. 5 об.].

Книга Тимковского, изданная вскоре после его возвращения из Пекина, была принята как в России, так и за границей с заслуженным вниманием. Она была переведена на французский язык с исправлениями Ю. Клапрота, касавшимися отдельных мест в переводах с китайского Н. Я. Бичурина. Затем «Путешествие в Китай» было издано на английском, польском, немецком и голландском языках¹⁶¹.

Как известно, исправления Клапрота вызвали обстоятельный ответ Н. Я. Бичурина. Но раньше, чем Бичурин выступил с ответом, это частично за него сделал анонимный автор в «Московском телеграфе»¹⁶². Он назвал парижское издание «Путешествия в Китай» торговой спекуляцией, отметив, что «атлас при книге не что иное, как ловкая выдумка набить цену книге». Плохо литографированные, по мнению рецензента, ри-

сунки с прибавлением нескольких дополнительных названы громко «приложением». «Мелочная привязчивость, несносная хвастливость, умничанье доведены им (Клапротом.— П. С.), кажется, до последней степени», — отмечалось в рецензии. Автор задает вопрос: почему Клапрот нападает «на почтенного литератора нашего отца Иакинфа, который со всем дружеским радушием помогал г-ну Тимковскому, доставляя ему сведения и переводы свои»? И в конце статьи говорит о чрезвычайном хвастовстве Клапрота сомнительным знанием «всех» азиатских, африканских и американских языков.

Н. Я. Бичурин в своем ответе признается в некоторых своих ошибках, которые произошли из-за того, что Тимковский извлек места из невыправленных его переводов¹⁶³. Он объясняет, почему произошли эти ошибки: «Я учился переводить с китайского языка по изъяснению своих учителей, записывал каждое встретившееся значение какого-либо иероглифа и, таким образом, при упражнении в переводах старался купно переводить китайский словарь на русский. Не желая тратить время, ставил слова, которые попадали мне на мысль, оставляя точную выpravку оных до возвращения в отечество»¹⁶⁴.

В ответ на критику Бичурин показывает неточности в переводе Клапрота, отмечая, что «французский перевод не имеет никакого преимущества пред подлинником российским» и «сверх ошибочных замечаний еще искажен погрешностями»¹⁶⁵.

Е. Ф. Тимковский первым из русских путешественников наиболее полно описал пути каравана из Урги в Пекин и обратно и нанес их на карту. В Пекин караван шел по так называемой Дарханской дороге, а обратно — по почтовой, проходящей западнее Дарханской. Э. В. Бретшнейдер в статье «О путях по Монголии...» отметил только две небольшие ошибки, вкравшиеся в карту Тимковского¹⁶⁶.

Справедливости ради следует отметить, что о своей карте Тимковский сам пишет весьма скромно: «Многие, может быть, упрекнут меня в смелости, что я хотел представить себя топографом, не имея права на сие качество». Подробно рассказывая, как составлялась эта карта, он говорит о необходимости направить в Монголию и Китай искусного и внимательного топографа, который бы и «представил земли сии в подлинном виде...»¹⁶⁷. Однако для того времени карта Тимковского являлась большим достижением. Подробное описание путей дополняло карту и помогало ориентироваться последующим караванам.

По приезде в Троицкосавск Тимковский послал в Азиатский департамент подробный рапорт [125], в котором он сообщал, что занимался архивом миссии. Он специально останавливается на записках Смержевского, указывая, что из «сей «Записки» кроме статьи об иезуитах все прочее должно уничтожить. Молодой сочинитель с сатирическим духом, вероятно, по рассказам

старожилов изобразил картину жизни соотечественников наших в столице Китайской империи в видах самых отвратительных, обидных...». Однако «Записки» эти уцелели и были изданы впоследствии Н. И. Веселовским ¹⁶⁸.

Сам же Тимковский из архива миссии дал для публикации в «Сибирский вестник» сочинение Сморжевского «Об иезуитах в Китае» ¹⁶⁹.

По возвращении в Петербург Тимковский передал привезенные им из Китая книги на китайском и маньчжурском языках в Публичную библиотеку (31 название), в библиотеку Азиатского департамента (20 названий), для предполагаемого в Иркутске учебного заведения (18 названий). Кроме того, большое число рисунков этнографического характера он предлагал для Публичной библиотеки. Среди этих книг многотомные сочинения, например: «Тунцзянь ганму», «Шоуши тункао», «Саньго-чжи», карта Китая на 118 листах и рисунки ¹⁷⁰.

Тимковскому также принадлежит попытка внедрить в сельское хозяйство России просо (гаолян), которое он привез из Китая и передал «для опыта некоторым знаменитым нашим хозяевам».

Приставом одиннадцатой миссии был назначен полковник Генерального штаба Михаил Васильевич Ладыженский. Его деятельность в Китае имела большое значение для русского китаеведения. В Пекине им собрана большая коллекция рисунков китайских художников с изображением пекинских улиц, зданий, предметов быта и т. п.; до сих пор малоизвестная широкому кругу коллекция, в настоящее время хранящаяся в Институте антропологии и этнографии АН СССР, в свое время привлекла внимание Х. Д. Френа, описавшего ее в газетной статье ¹⁷¹. Нами из этой коллекции были опубликованы два рисунка в статье о врачах миссии ¹⁷². М. В. Ладыженский привез также коллекции предметов материальной культуры китайцев, но какие из привезенных им экспонатов экспонируются в Музее этнографии, неизвестно.

Дневниковые записи Ладыженского, сохранившиеся не полностью, частично были опубликованы ¹⁷³. По заданию Ладыженского сотником Андреем Кожевниковым, приехавшим в Пекин в третий раз в составе охраны обоза, были составлены подробные списки лавок, мелких кустарных предприятий и жилых домов на трех главных улицах Пекина — списки, весьма ценные для изучения истории города ¹⁷⁴. Поездка М. В. Ладыженского в Китай заслуживает рассмотрения в особой работе.

С. И. Черепанов (вероятно, по профессии архитектор), ездивший в качестве казака отряда, сопровождавшего миссию, опубликовал живо написанные очерки о пекинской жизни, указав, что он и казак Разгильдеев по просьбе миссионеров снимали планы строений миссии, русского кладбища, фасада португальского монастыря ¹⁷⁵.

О деятельности пристава двенадцатой миссии Н. И. Любимова¹⁷⁶ в Китае почти ничего не известно. 100 архивных дел о поездке в Китай, хранящиеся в Центральном историческом архиве в Ленинграде [133—136], до сих пор не изучены.

Николай Иванович Любимов (1808—1875), получив высшее образование в Московском университете, поступил в Азиатский департамент. После путешествия в Китай в 1845 г. ездил под видом купца в Чугучак и Кульджу для того, чтобы ознакомиться с возможностью расширения русской торговли в Западном Китае. Затем он был назначен вице-директором Азиатского департамента, а в 1852 г. — его директором. Подробное ознакомление с архивными делами, несомненно, даст историкам, изучающим отношения России с Китаем, новый, неизвестный до сих пор материал.

Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ И ЕГО «ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ»

Егор Петрович Ковалевский (1809—1868)¹⁷⁷, по специальности горный инженер, был исключительно разносторонним человеком. Как путешественник он прославился своими трудами по ряду стран: Черногории и Боснии, Африке и Турции, Афганистану, Сирии, Палестине, Китаю и странам Западной Европы. Как писатель он известен своей исторической трагедией «Марфа Посадница», романом «Петербург днем и ночью», повестями «Люди странствующие, люди страждущие», «Майорша» и др. Е. П. Ковалевский активно участвовал в работе Русского географического общества в качестве помощника председателя общества и, наконец, в последние десять лет жизни отдал много времени и сил созданию литературного фонда для помощи нуждающимся литераторам и ученым.

В 1840 г. Ковалевский был отправлен в Западный Китай для выяснения условий караванной торговли. Присоединившись к большому торговому каравану, Ковалевский побывал в Кульдже и в Чугучаке, оставив свидетельства об этой поездке в нескольких статьях¹⁷⁸.

В 1849 г. Е. П. Ковалевский, к этому времени видный чиновник Азиатского департамента, был назначен приставом тринадцатой духовной миссии.

В конце июня Ковалевский во главе каравана отправился в Китай. 18 сентября путешественники были в Калгане, а 27 сентября достигли цели путешествия — Пекина [164].

Кроме возлагавшихся на него обычных обязанностей пристава Е. П. Ковалевскому было дано важное дипломатическое поручение — выяснить возможность заключения договора, который оформил бы юридически русскую торговлю в Западном Китае, достигшую в первой половине XIX в. значительных размеров. Ковалевскому с помощью П. Кафарова удалось в Пеки-

не подготовить положительное решение этой задачи. Оставалось довершить это дело на месте — в Кульдже [Кафаров, № 9].

В Синьцзян Ковалевский отправился уже из Петербурга вместе с И. И. Захаровым и А. А. Татариновым. 25 июля 1851 г. он подписал с представителями цинского правительства Кульджинский трактат, открывавший русским купцам для торговли два города — Или (Кульджа) и Тарбагатай (Чугучак), куда они могли приезжать с караванами¹⁷⁹. Консулом в Кульдже остался И. И. Захаров, в Чугучаке — А. А. Татаринов.

Путешествие Ковалевского в Китай нашло отражение в его трудах: в упоминавшихся больших статьях о Китае и книге в двух частях — «Путешествие в Китай» (СПб., 1853)¹⁸⁰. Книга Ковалевского имела большой успех и была хорошо оценена современной ему критикой. Положительная рецензия принадлежала К. Д. Ушинскому, известному русскому педагогу¹⁸¹.

* * *

Характерная черта завершившегося в 60-х годах XIX в. этапа русского китаеведения заключалась в появлении значительного числа ученых, получивших основательные знания китайского, маньчжурского и тибетского языков во время их пребывания в Китае в составе Пекинской духовной миссии. Филологическая база, как основа громадного большинства трудов В. П. Васильева, Э. В. Бретшнейдера, И. И. Захарова, К. А. Скачкова, Д. А. Пещурова, стала неизменной традицией русской школы китаеведения.

Включение в состав миссий врачей и художников, которым были даны инструкции, определявшие область их занятий, значительно расширило сферу учебных и научных занятий в миссии. С 30-х годов XIX в. началось систематическое изучение китайской медицины врачами миссии П. Е. Кириловым, А. А. Татариновым, С. И. Базилевским, П. А. Корниевским. Изданные ими труды и оставленные рукописи дают полное представление, как широко и последовательно сравнительно с западноевропейскими исследователями китайской медицины изучалась эта область китайской культуры русскими врачами.

В миссии изучались различные вопросы географии страны, сельского хозяйства, вопросы права, истории отношений России с Китаем, делались переводы художественной литературы.

Этнографические особенности китайского народа привлекали внимание почти каждого члена миссии. Особенно интересные записи о быте жителей столицы и сельского населения в горах около Пекина остались в рукописях К. А. Скачкова.

Заслуживает упоминания еще одна сторона деятельности русских китаистов в Пекине. Это перевод на китайский язык первых трех томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, сделанный Э. Ф. Леонтьевским, и переводы на маньчжурский язык «Царствования Петра I» и «Царствова-

ния Николая I», сделанные М. Д. Храповицким. Эти переводы впервые познакомили китайский народ с историей России.

Российская духовная миссия в Пекине существовала как практическая школа китайского и маньчжурского языков вплоть до 1860 г., т. е. более 120 лет. С 1727 г. через нее прошло более 60 студентов, врачей, художников и около 100 человек священнослужителей. Все эти 120 лет методика изучения языков оставалась почти неизменной. Знание латинского языка, обязательное для семинаристов — основного контингента студентов миссии, — давало им возможность пользоваться рукописными китайско-латинскими словарями, имевшимися в миссии. Постоянное общение с населением Пекина весьма положительно сказывалось на овладении разговорным языком.

От миссии к миссии, которые менялись каждые десять лет, успехи в изучении китайского и маньчжурского языков становились все ощутимее. Особое внимание, оказываемое миссии Азиатским департаментом начиная с 30-х годов XIX в., — что выразилось в увеличении бюджета миссии, в назначении начальниками уже бывших в ее составе ранее, в более тщательном подборе миссионеров и студентов, в их предварительной, хотя и кратковременной подготовке и т. д., — играло существенную роль для успешного изучения страны и языков ее народов.

Пребывание миссии в столице Китая имело большое значение и для русско-китайских отношений. Благодаря связям, которые были налажены миссией, российское правительство, особенно в XIX в., имело постоянную информацию о политической и хозяйственной жизни Китая. В какой-то мере миссия в лице ее начальников была проводником политического курса царского правительства.

Среди миссионеров последних четырех духовных миссий наибольших успехов в изучении Китая достиг Палладий Кафаров, получивший широкую известность не только как составитель большого китайско-русского словаря, но и благодаря трудам, посвященным китайской идеологии.

Плодотворное влияние Кафарова на членов и студентов миссии сказалось на их успехах в изучении языков, в получении ими глубоких знаний. Начатое по предложению П. Кафарова издание «Трудов Пекинской духовной миссии» помогло русскому обществу широко познакомиться с научной стороной деятельности этого учреждения, являвшегося, по сути дела, на протяжении полутора столетий единственным представительством России в Цинской империи.

В стенах духовной миссии в середине XVIII в. зародилась отечественная маньчжуристика, занявшая ведущее место в мировой науке. Имена И. К. Россохина, Ф. Бакшеева, А. Г. Владыкина, А. Л. Леонтьева останутся в истории науки как имена первых переводчиков с маньчжурского языка и составителей первых маньчжурско-русских словарей.

В. П. ВАСИЛЬЕВ
И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КИТАЕВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

КИТАЕВЕДЕНИЕ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Открытие восточного факультета в Казанском университете предшествовало несколько попыток (по тем или иным причинам неосуществленных) организовать изучение китайского и маньчжурского языков в высших учебных заведениях.

Первый проект создания Азиатской академии относится к 1733 г. Он был составлен академиком Г. Я. Кером¹, бывшим в это время переводчиком Коллегии иностранных дел и преподавателем школы при ней. Проект состоял из пяти разделов: 1. Причины необходимости изучения восточных языков для России. 2. Какой квалификации требуются переводчики. 3. Пособия: а) уже существующие, но не удовлетворительные; б) имеющиеся в виду; в) ожидаемые из других стран. 4. Польза учреждения академии. 5. Возможность и средства для ее учреждения.

В разделе, касающемся квалификации переводчиков, назывались следующие категории: переводчики «грамотные и ученые, каллиграфы, толмачи (устные переводчики), библиотекари, архивариусы, нумизматы, историки, филологи, юрисконсулы, профессора-преподаватели». Согласно широкому плану подготовки переводчиков предполагалось дифференцировать подготовку востоковедов по ряду специальностей.

В разделе о важности учреждения академии в числе других аргументов было указано, что из академии выйдут чиновники, «которые будут уметь ласковым обращением с пограничными восточными народами мало-помалу смягчать их и привлекать к добровольному подданству».

Вопрос об изучении китайского и маньчжурского языков затрагивался только в разделе о возможных кандидатах на должности преподавателей в академии. По мнению автора проекта, на эти должности должны быть назначены «для языков и письмен калмыцко-монголо-маньчжурских и китайских: Теофил Зигфрид Байер, профессор древностей при Академии, и Бухарт (Пухарт. — П. С.), блестящий молодой человек, недавно возвратившийся в С.-Петербург из императорской китайской столицы». Не трудно себе представить, какую пользу принесли бы академии Байер и «блестящий молодой человек» Пухарт.

И. Ю. Крачковский считал, что проект Кера «являлся вполне удачной по своему времени попыткой синтеза теории и практики в востоковедной работе, которая стала осуществляться планомерно почти через два века»². Однако в России XVIII в. не было сделано даже и попыток для его осуществления.

Следующим хронологически был проект не С. С. Уварова, как утверждает П. С. Савельев, а графа И. О. Потоцкого, поданный им в 1802 г. в Коллегию иностранных дел. Он предлагал учредить в Петербурге восточную академию под названием Александро-Азиатская академия. В ней должны были изучать персидский, турецкий, арабский, маньчжурский языки³. Однако и этот проект остался на бумаге. Потоцкий предлагал пригласить профессоров китайского и маньчжурского языков и каждому дать по два помощника. На пост вице-председателя Потоцкий предлагал кандидатуру Ю. Клапрота.

В 1810 г. С. С. Уваров, будущий министр народного просвещения, выдвинул проект создания Азиатской академии⁴. В. В. Бартольд сказал об этом проекте, что он состоит лишь из общих рассуждений о важности изучения Востока, но ни программ преподавания, ни правил, определяющих деятельность академии, проект не содержал⁵. Проект Уварова полностью осуществлен не был, но в Главном педагогическом институте (с 1819 г. — Петербургский университет) были открыты в 1816 г. кафедры арабского и персидского языков.

В 1820 г. М. М. Сперанский, находившийся в это время в Иркутске, просил Е. Ф. Тимковского, отправлявшегося в Китай, приобрести в Пекине ряд книг на маньчжурском и китайском языках. «Каталог» книг был составлен переводчиком Новоселовым. Сперанский мотивировал свою просьбу намерением организовать в Иркутске изучение «языков китайского, маньчжурского, монгольского, тибетского и японского». В выборе книг Сперанский советовал «держаться лексиконов и вообще книг учебных, а не ученых». Тимковский приобрел некоторые книги и доставил их в Иркутск, но изучение восточных языков в Иркутске так и не было организовано.

К 1823 г. относится следующий по времени проект организации Учебного отделения при Коллегии иностранных дел; об изучении языков народов Китая в проекте упомянуто не было. Последовавший за ним указ от 29 мая 1823 г. об учреждении при Азиатском департаменте Учебного отделения предусматривал изучение только арабского, персидского и турецкого языков.

Прошло шесть лет. В среде профессоров Петербургского университета все чаще и чаще возникала мысль о необходимости дальнейшего расширения преподавания в университете восточных языков. 1 апреля 1829 г. профессор университета О. И. Сенковский подал в Комитет по устройству учебных заведений записку о необходимости учредить «особый полный

класс восточных языков»⁶. Сенковский отмечал, имея в виду собрание книг Азиатского музея, что Петербург является лучшим городом, где могут преподаваться восточные языки, так как здесь имеется достаточное количество необходимых «учебных пособий».

Сенковский включил в проект преподавание китайского и маньчжурского языков, оговорив, что это необходимо, несмотря на изучение этих языков при Пекинской духовной миссии⁷. Он полагал, что пребывание студентов в Пекине будет более полезным после того, как они получают «необходимые знания в университете».

Это предложение было разумным. Но при этом Сенковский слишком критически оценивал труды отечественных китаеведов, указывая, что они якобы более похожи «на творения китайских мандаринов», чем на произведения пера европейских ориенталистов. Он утверждал, что «воспитанники Пекинской миссии возвращаются из Китая только обыкновенными толмачами китайского и маньчжурского языков», однако тут же явно противоречил себе, когда признавал, что «мы принуждены были пригласить из-за границы для занятия в Академии наук кафедры китайской и маньчжурской словесности ученых мужей, из коих некоторые, будучи уже академиками, учились у наших переводчиков едва ли не началам сих языков!» [244, л. 20—25].

Сенковский предложил пригласить в университет для преподавания китайского и маньчжурского языков Н. Я. Бичурина и С. В. Липовцова.

9 сентября 1829 г. Комитет по устройству учебных заведений вынес следующее решение: «Для начертания проекта положения означенного отделения с рассмотрением некоторых бывших уже о сем предложений принять на себя председательство Комитета, составленного из следующих ориенталистов: из монаха Иакинфа, из действительного статского советника Френа, статских советников Шармуа и Худобашева, профессора Сенковского и коллежского асессора Шмидта». Комиссией был составлен проект учреждения при Петербургском университете «особого полного отделения восточных языков»⁸. Проект предусматривал изучение в числе других дисциплин китайского, маньчжурского и тибетского языков. Однако никакого решения по этому проекту так и не последовало.

В 1832 г. князь Ливен представил кабинету министров записку «Об учреждении при С.-Петербургском университете особого восточного отделения восточных языков». Но в ней не упоминалось о необходимости преподавания китайского, маньчжурского, санскритского и тибетского языков⁹.

Проект был передан в Государственный совет. В августе того же года в Комитете по устройству учебных заведений был подписан новый университетский устав и «Положение об отделении восточных языков при С.-Петербургском университете».

Согласно ему на отделении восточных языков должны были изучаться китайский и маньчжурский языки.

По проекту 1832 г. преподавание восточных языков предполагалось сосредоточить только в Петербурге. Новый университетский устав предусматривал преподавание восточных языков во всех четырех открытых в то время в России университетах, однако об изучении языков Китая в новом университетском уставе не значилось.

Так в течение 100 лет вынашивался проект организации высшего учебного заведения для изучения восточных языков или специального факультета при Петербургском университете. Но проекты осуществлялись лишь частично, да и то не все.

Для открытия восточного факультета не было ни политических, ни экономических предпосылок. Особенно это касалось преподавания китайского и маньчжурского языков. Потребность в переводчиках, информация о стране в какой-то мере обеспечивались Пекинской духовной миссией, хотя, конечно, общеобразовательная подготовка студентов миссии была неудовлетворительной.

Первым шагом было открытие кафедры китайского языка в Казанском университете, где преподавание восточных языков уже было налажено. В. В. Бартольд приписывает это как заслугу попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину¹⁰. Здесь в первую очередь надо отдать должное великому русскому ученому-математику, ректору Казанского университета Н. И. Лобачевскому¹¹, приложившему много стараний для организации всестороннего и глубокого изучения Востока в возглавлявшемся им университете. В частности, по предложению Н. И. Лобачевского в 1841—1842 гг. профессором К. Фойгтом был составлен «Проект устава Азиатского института при Казанском университете»¹², правда, также неосуществленный.

В 1837 г. на восточном факультете Казанского университета была открыта кафедра китайского языка¹³. Возглавить кафедру был приглашен бывший член Пекинской духовной миссии Даниил Сивиллов [229]. Практические занятия со студентами с 1839 г. вел бывший студент десятой миссии А. И. Сосницкий¹⁴.

С 1807 г. Казанский университет имел специальный разряд, состоящий из арабско-персидской, турецко-татарской и монгольской кафедр. С открытием кафедры китайского, а затем маньчжурского языка университет становится центром изучения и этих языков.

Открытие первой кафедры китайского языка было большим событием для всей русской науки. Оно знаменовало перенесение центра по изучению Китая из отдельных школ в университетские условия.

8 августа 1837 г. известный монголист профессор О. М. Ковалевский на торжественном собрании университета произнес

речь на тему о знакомстве европейцев с Азией¹⁵. Подчеркивая большой интерес к Китаю во многих странах и сопоставляя отношение к Китаю в России и в западноевропейских государствах, Ковалевский, назвав последних «продавцами губительного опиума», выразил сомнение в том, что они могут добиться в Китае «славы мирных, честных соседей, искренних друзей». Между тем Россия всегда находилась в добрососедских отношениях с Китаем. Отмечая неутомимое трудолюбие китайского народа, его достижения в области культуры, Ковалевский подверг резкой критике характеристику, которую дал Китаю западноевропейский востоковед Гердер, назвавший Китай «мумией, завернутой в шелковую ткань и исписанную иероглифами».

После торжеств открытия началась будничная жизнь кафедры китайского языка. Ее возглавил Д. Сивиллов.

Дмитрий Петрович Сивиллов (1798—1871) был сыном дьяка из села Кеньши Городищенского уезда Пензенской губернии; в 1810 г. поступил в Пензенскую духовную семинарию, откуда в 1818 г. был направлен в Медико-хирургическую академию. Не чувствуя склонности к медицине, Сивиллов перешел в Александрово-Невскую семинарию. В 1819 г. он постригся в монахи под именем Даниила и был отправлен в составе десятой духовной миссии в Пекин [117—119].

Здесь Сивиллов начал изучать китайский язык и, подобно большинству студентов, занимался составлением словарей, о чем свидетельствуют рукописи: «Латинский лексикон, по алфавиту расположенный и на китайский язык переведенный», «*Dictionarium Latino-Sinicum*», «Словарь из отборных употребительных слов», «Французско-китайско-манджурский фразеологический словарь» [Сивиллов, № 16—19].

Тематика переводных трудов Сивиллова говорит о его интересе к китайской философии и религии. В 1828 г. Сивиллов перевел «Любомудрие Конфуция, славного китайского философа, преподанное им ученикам своим, а ими изложенное и на четыре части разделенное», «Даодэцзин», затем «Краткое обозрение трех существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского и фоевского» [Фо — «Будда», здесь речь идет о буддизме. — *Прим. ред.*], не окончил «Перевод священной книги фоевской секты, „Фо ню дзин ган дзин“ называемой, что значит „Книга адамант, или адаманту подобная книга, учения фоя“» [Сивиллов, № 4—6].

Назначенный заведующим кафедрой китайского языка, Сивиллов представил Совету университета «Конспект для преподавания китайского языка»¹⁶. В нем он высказывал ряд мыслей о китайской грамматике (китайский язык подчиняется грамматическим правилам, как и другие языки), подчеркивал важность тонов (ударений) и необходимость учитывать их в разговорном языке, предлагал начать изучение китайского языка с ключевых знаков и др. Интересны и замечания о расстановке

знаков препинания, обычно отсутствующих в китайских изданиях того времени. Особо выделен «секрет для познания китайского языка, который состоит из часто случающейся перестановки слов, из которой он принимает на себя удивительную разнообразность и производит разительную красоту и силу в речех»¹⁷.

В качестве учебного пособия Сивиллов рекомендовал «Китайскую грамматику» Н. Я. Бичурина и работы европейских синологов.

В начале 1840 г. Сивиллов представил Совету университета составленную им «Китайскую хрестоматию», включавшую введение, текст и словарь. После рассмотрения ее профессорами университета монголистами О. М. Ковалевским и А. В. Поповым и тюркологом А. К. Казембеком хрестоматия была признана «полезным руководством для занимающихся этим языком».

Не довольствуясь этой оценкой, Совет университета послал «Китайскую хрестоматию» Сивиллова в Академию наук, президент которой С. С. Уваров предложил Н. Я. Бичурину отрецензировать ее. 4 февраля 1840 г. Бичурин прислал обстоятельный отзыв¹⁸, в котором подчеркивал, что эта хрестоматия является первой в России, а потому он рассмотрел ее «с должным вниманием»¹⁹. «Внутренний состав китайского языка раскрыт в предисловии к сей книге столь основательно и удовлетворительно, — писал Бичурин, — что сия часть хрестоматии заслуживает быть переданной Европе на всех общих европейских языках». Из этой фразы можно заключить, насколько высоко Н. Я. Бичурин оценил труд Д. Сивиллова.

В отзыве отмечалось, что хрестоматия «к свойству китайского языка изложена вообще правильно». В словаре Бичурин предложил дать переводы китайских иероглифов в том значении, в котором они находятся в текстах хрестоматии, или все их значения по словарю «Канси цзыдянь». Несогласие он выразил только в отношении произношения. Но, как это будет видно далее, никто из русских китаеведов не принимал предлагавшуюся Бичуриным транскрипцию.

Все замечания Бичурина Сивиллов учел, и после исправления «Китайская хрестоматия» была вторично просмотрена Бичуриным. В 1841 г. в журнале «Отечественные записки» о ней появилась заметка, где было сказано: «Мы слышали от о. Иакинфа величайшие похвалы китайской „Хрестоматии“, составленной о. Даниилом»²⁰. Однако, к сожалению, хрестоматия так и не была издана, русское китаеведение не получило крайне нужного учебного пособия.

На занятиях по китайскому языку Сивиллов предлагал студентам переводить с русского на китайский и с китайского на русский²¹, включая переводы из «Сышу» («Дасюе», «Чжунъюн»), из «Шуцзина», из энциклопедии «Иское саньгуань».

Сивиллов не ограничивался преподаванием языка, он читал студентам по 4 часа в неделю курс китайской истории по Чжан Гэ-лао [Сивиллов, № 8] и Потье²². Для занятий по истории Сивиллов, вероятно, использовал перевод «Истории династии Чжоу», оставшийся в рукописи [там же, № 13].

В 1844 г. Д. Сивиллов отказался по болезни от преподавания [232; 237], ушел в монастырь, где и умер в 1871 г.

В Казани Сивиллову удалось опубликовать только «Всеобщую историю Китая» и небольшую часть книги «Драгоценное зеркало для просвещения ума», переведенные им в Пекине²³. В Казани же в 1840—1842 гг. он перевел «Сышу» [там же, № 1].

В 1855 г. он прислал в Азиатский департамент свои переводы «Даодэцзина», «Шицзина», «Шуцзина», и «Мэн-цзы». Рукописи этих переводов сохранились в архивах [там же, № 2, 9, 10, 12].

Как видно из названий, переводы Сивиллова дополняют труды Н. Я. Бичурина и дают широкую картину китайской истории и идеологии. Своевременное их опубликование могло бы принести русской науке заслуженную славу.

После ухода Сивиллова из университета кафедру китайского языка возглавил О. П. Войцеховский²⁴ [229].

Осип Павлович Войцеховский (1793—1850) родился в селе Цебермановке Липовецкого повета Киевской губернии. По окончании Киевской духовной академии поступил в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1819 г.

В следующем году молодой врач по собственному желанию был включен в состав Пекинской духовной миссии.

Ф. Б. Фишер по поручению Московского общества испытателей природы составил для Войцеховского инструкцию с указанием необходимости сбора гербария и перечислением интересовавших ботаников растений Китая, которые Войцеховский должен был собрать, изучить и прислать в общество. В первые годы в Пекине Войцеховский усиленно занимался изучением маньчжурского и китайского языков.

Слухи о приезде врача из России распространились по Пекину, но китайцы, с предубеждением относящиеся к европейской медицине, не обращались к нему до тех пор, пока Войцеховский не вылечил одного китайца-католика, состояние которого, казалось, было совершенно безнадежным.

Особенно широко слава о Войцеховском распространилась после излечения им Ли циньвана (родственника богдыхана). Благодаря медицинским знаниям, отзывчивому характеру он быстро завоевал авторитет и любовь населения Пекина.

За врачебным советом к нему стали обращаться крупные чиновники, местная знать, но особенно бедняки. Много сил отдал Войцеховский борьбе с холерой, которая свирепствовала в Пекине в 1820—1821 гг.

В Китае существовал обычай: благодарный пациент подносил врачу памятную доску, посредине которой делалась надпись, характеризующая искусство врача.

Подношение доски обставлялось торжественно. Процессия в 8—12 человек с музыкой и флагами несла почетную доску на паланкине к дому врача. Врач выходил встречать процессию у дома, и доска под звуки музыки прибывалась над воротами дома или к стене.

На почетной доске, поднесенной О. П. Войцеховскому 14 ноября 1829 г., в середине и по бокам была надпись на китайском языке: «Чан Сан мяо шу» — «Прекрасное лечение подобно Чан Сану» (Чан Сан — имя знаменитого врача древнего Китая)²⁵.

В Пекине Войцеховский составил маньчжуро-китайско-русский словарь и частично выполнял инструкцию по ботанике.

Благородная деятельность Войцеховского способствовала укреплению авторитета членов миссии. Вениамин Морачевич, член десятой и начальник одиннадцатой миссии, писал в своем отчете о Войцеховском: «Одной почти его славе обязана тогдашняя миссия, что после семилетнего своего скромного уединения приведена она наконец в Пекине в известность, что имя русское облагородилось китайцами до того, что значительные люди не только перестали бегать от русских, но начали искать знакомства с нами».

Назначенный после приезда из Китая врачом Азиатского департамента, О. П. Войцеховский затем был приглашен возглавить кафедру китайского языка в Казанском университете. Так как в Пекине Войцеховский обращал особое внимание на изучение маньчжурского языка, то и в университете он стал преподавать маньчжурский язык. Так впервые в 1844 г. в России была открыта кафедра маньчжурского языка, а Войцеховский стал первым профессором-маньчжуристом.

Занятия китайским языком Войцеховский вел по конспекту Сивиллова, используя и свои материалы [Войцеховский, № 1], а также грамматики Н. Я. Бичурина и Абея Ремюза. Он, как указывает К. Фойгт, «объяснял различие древней и новейшей китайской письменности», занимался со студентами переводами с китайского языка на русский отрывков из «Сышу», знакомил их с «Цинвэнь цимынь» и «Маньхэ юйлу», поручал делать переводы с русского на китайский²⁶.

Кроме того, четыре часа в неделю Войцеховский читал историю маньчжуров по своему конспекту, утвержденному Советом университета.

Читая курс грамматики маньчжурского языка, Войцеховский постоянно сопоставлял ее с грамматическими формами китайского языка, отмечая их коренное отличие. Для занятий со студентами он составил «Грамматические правила маньчжурского языка, доселе никем еще не изложенные», для чтения использо-

вал «Цинвэнь цимын», «Амба тадинь», «Ань и дулимба битхэ» и «Сышу» на маньчжурском языке.

Войцеховский составил и пособия хрестоматийного типа: «Учебные статьи для учащихся и начинающих учиться китайскому и маньчжурскому языкам» и «Литературные статьи и выписки из лучших книг для практического упражнения в языках»²⁷.

Еще в Пекине Войцеховский начал работать над маньчжуро-китайско-русским словарем, продолжал трудиться над ним в Петербурге и закончил его в Казани. Словарь в трех томах был при жизни автора приобретен университетом. В настоящее время сохранился только 51 лист этого словаря [Войцеховский, № 7].

Несмотря на загруженность учебными занятиями, О. П. Войцеховский продолжал практиковать и как врач, никому не отказывая в помощи и уделяя особое внимание беднякам. Он имел возможность вернуться из Китая в Россию богатым человеком, но приехал на родину столь же необеспеченным, каким и уезжал.

7 ноября 1850 г. Войцеховский скончался. Кафедра китайского и маньчжурского языков некоторое время оставалась без преподавателя.

Чтобы определять наиболее способных к изучению языка уже в раннем возрасте, преподавание китайского языка одновременно с университетом проводилось и в 1-й казанской гимназии, где китайский язык преподавал добровольно, без вознаграждения Сивиллов. В 1839 г. ему в помощь для практических занятий был приглашен бывший член десятой духовной миссии А. И. Сосницкий, по отзыву многих своих товарищей прекрасно знавший разговорный китайский язык. Официально Сосницкий числился надзирателем гимназии, где он жил вместе с учениками и повседневно занимался с ними разговорным китайским языком, обучал их каллиграфии.

Для занятий Сосницкий использовал свою рукопись, текст которой на двух языках — китайском и русском — содержит переводы императорских указов, отрывки из исторических и географических книг, выписки из газет и т. д.²⁸. Переводы, очевидно, были сделаны во время учебных занятий в Пекине [Сосницкий, № 4].

После смерти А. И. Сосницкого в 1843 г. Д. Сивиллов рекомендовал в качестве преподавателя китайского языка своего ученика С. М. Рушко, только что окончившего университет. В 1844 г. Рушко «за хорошие успехи в преподавании» получил степень кандидата китайской словесности и был утвержден в звании старшего преподавателя. Однако, когда в университет пришел О. П. Войцеховский, который, проверив учеников Рушко, убедился в слабом знании ими языка, Рушко «уволился из учебного ведомства по болезни»²⁹. После Рушко осталось

единственное свидетельство о его занятиях китайским языком — рукопись второго тома китайско-русского словаря³⁰.

На должность старшего преподавателя китайского языка был назначен Иван Алексеевич Ладухин. Он был воспитанником 1-й казанской гимназии. После ее окончания в 1845 г. поступил в университет, который и окончил со званием кандидата китайской словесности. Ладухин представил «новую программу своего предмета и составил необходимые руководства. Воспитанники занимались изучением грамматики и переводами из сочинений Конфуция»³¹. Это все, что известно о преподавании И. А. Ладухина в 1-й казанской гимназии.

В декабре 1850 г. вернулся из Китая, пробыв там 10 лет, В. П. Васильев, магистр монгольской словесности, автор ряда трудов по Китаю. 6 января 1851 г. он был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора китайского и маньчжурского языков в Казанском университете.

Но еще 10 декабря 1850 г. В. П. Васильев прочел студентам восточного факультета университета вступительную лекцию на тему: «О значении Востока вообще и Китая в особенности» [Васильев, № 32/32].

Подчеркивая недостаточное знание Китая даже в кругах образованных и ученых людей, В. П. Васильев говорил: «Не стыдно ли нам не замечать стоящего подле нас колосса, отрицать в нем не только в настоящем, но даже в будущем способность вместить свет просвещения... быть посильным и вместе могущим двигателем человечества».

Он призывал «вести изучение Китая в круг образования тем самым способом, каким мы изучаем всякую другую науку посредством обозрения всех частей».

С ноября 1853 г. в 1-ю казанскую гимназию был принят надзирателем Исмаил Абу (Абдель)-Каримов, из китайских магометан, занимавшийся одновременно со студентами университета разговорным китайским языком.

В 1855 г. восточный факультет был закрыт и переведен со всем личным профессорско-преподавательским составом и некоторыми студентами, библиотекой и частью нумизматического кабинета в Петербург.

Восточный факультет просуществовал 18 лет. Результаты трудов Д. Сивиллова, О. П. Войцеховского, В. П. Васильева, А. И. Сосницкого, С. М. Рушко, Исмаила Абу-Каримова и И. А. Ладухина были скромными. Число студентов на факультете год от года уменьшалось. Например, в 1848 г. было 42 человека, в 1849 г.— 35, в 1850 г.— 33, в 1851 г.— 29, в 1852 г.— 16 человек. Окончило факультет за эти годы всего 42% поступивших.

Официальные лица объясняли это трудностями получить службу по специальности, на овладение которой студенты затрачивали 4—5 лет.

Кроме того, должности, которые могли занять окончившие факультет, плохо оплачивались. Например, в Иркутском общественном губернском управлении жалование переводчика составляло 285 р. 92 к. в год, в канцелярии кяхтинского градоначальника — 300 руб., в то время как старший преподаватель в высшем учебном заведении получал 514 руб., учитель каллиграфии или лектор — 400 руб.

Все эти обстоятельства не могли привлечь молодых людей к изучению восточных языков. Чтобы не оставлять окончивших факультет совершенно без средств, их стали назначать учителями русского языка в школы. С 1837 по 1850 г. из 46 студентов факультета, находившихся на казенной стипендии, только 14 получили работу по специальности, 22 человека были определены учителями русского языка в гимназии и уездные училища, 9 человек оставлены для продолжения курса в университете.

Из всех окончивших китайский разряд восточного факультета подробнее следует рассказать о Н. И. Зоммере, А. И. Артемьеве и Е. К. Огородникове.

Николай Иванович Зоммер, сын учителя, родился в 1824 г. Окончив с золотой медалью 1-ю казанскую гимназию, в 1841 г. поступил на китайский разряд восточного факультета Казанского университета.

Уже в 1844 г. О. М. Ковалевский составил для Н. И. Зоммера «Инструкцию»³², из которой видно, что он, как «отличающийся успехами в преподаваемых ему предметах и одаренный прекрасными способностями...», предназначался на место адъюнкта Академии наук по китайской литературе. В 1845 г. Зоммер окончил восточный факультет со званием кандидата китайской словесности и был оставлен при университете для подготовки на звание магистра. По «Инструкции» Зоммер после представления магистерской диссертации должен был быть направлен в научную командировку в Петербург, в Париж и в 1849 г. в составе духовной миссии — в Пекин.

Отчеты о занятиях Зоммера представлялись в Академию наук, где рассматривались академиками Френом, Шмидтом и Броссе. На заседании 15 марта 1845 г. была подтверждена необходимость научной командировки в Париж и выражено желание, чтобы Зоммер стал изучать там и японский язык³³.

Неожиданная смерть от холеры в 1847 г. прервала жизнь Н. И. Зоммера. Судя по его диссертации «Об основаниях новой китайской философии», опубликованной после его смерти, это был многообещающий ученый³⁴. Советский китаевед-философ А. А. Петров в своей критической статье «Философия Китая в русском буржуазном китаеведении» считает, что публикация труда Зоммера — «единственная в русском китаеведении работа по сунской философии, построенная на источниках с большим библиографическим материалом (критическая библиография старых переводов классических книг, китайских источников

и европейских работ), несомненно, заслуживает внимания; она, конечно, при учете ее возраста, интересна и для учащегося, и для научного работника-специалиста»³⁵.

Мы остановились подробно на жизни Н. И. Зоммера, чтобы показать, насколько была серьезной подготовка научных работников в первой половине XIX в.

Александр Иванович Артемьев (1820—1874) поступил в Казанский университет в 1837 г., окончил его в 1841 г. с золотой медалью и степенью кандидата китайской словесности. Работал помощником библиотекаря университетской библиотеки, затем сдал экзамен на степень магистра русской истории, которой и продолжал заниматься. Он оставил после себя кандидатскую диссертацию (в рукописи) «Очерк знакомства России с Китаем», очерк о жизни О. П. Войцеховского³⁶ и небольшую статью о библиотеке Казанского университета³⁷.

Евлампий Кириллович Огородников (1816—1884) после окончания китайского разряда восточного факультета работал в Статистическом комитете Министерства внутренних дел. Публиковал труды по истории, географии и статистике России, составил рукописный китайско-русский словарь³⁸.

Китайский разряд восточного факультета просуществовал всего 18 лет. Но даже столь короткий период его существования подтвердил возможность и необходимость изучения китайского и маньчжурского языков в университетах. Нашлись и преподаватели языков, и талантливые студенты, успешно овладевшие знаниями. Однако заинтересованность правительственных учреждений в лицах, знающих китайский и маньчжурский языки, была в тот период незначительной. Размеры русско-китайской торговли в эти годы оставались почти стабильными, последующая активизация политики царского правительства на Дальнем Востоке еще только намечалась.

Но руководители Коллегии иностранных дел сознавали явную недостаточность общего образования тех Китаеведов, которые получали подготовку при Пекинской духовной миссии. Вот почему царское правительство решило не прекращать подготовку специалистов китайского и маньчжурского языков в университетах, сосредоточить ее в Петербурге, под эгидой Академии наук и Коллегии иностранных дел.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. В. П. ВАСИЛЬЕВ

Следующий этап русского Китаеведения приходится на годы, «когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось...»³⁹.

Это был период утверждения и развития капитализма в России, когда после реформ 1861 и 1863—1874 гг. господствующими стали капиталистические формы производственных отно-

шений, когда буржуазные реформы были направлены на сохранение самодержавно-дворянского строя и одновременно приспособлялись к потребностям капиталистического развития России.

Русское китаеведение развивалось в эти годы в сложной общественно-политической обстановке: революционное движение 60—70-х годов, деятельность революционно-демократического лагеря во главе с Чернышевским и Герценом, народничество и, наконец, возникновение и развитие пролетариата в России. Эта обстановка сказывалась и на мировоззрении русских китаеведов.

Развитие отечественного китаеведения определялось также и новой фазой взаимоотношений царской России с Китаем, отличной от предыдущего периода.

Тяньцзиньский и Пекинский договоры дали России те же преимущества, которые получили другие державы, но царская Россия в силу экономической слабости не могла конкурировать ни с Англией, ни с Францией, и поэтому на первых порах она не проявляла особой активности, довольствуясь лишь ростом торговых связей с Китаем. Более активную политику в Китае царская Россия стала осуществлять лишь в самом конце XIX в.

Итак, в 1855 г. восточный факультет Казанского университета был переведен в Петербург.

Вопрос о переводе факультета был поднят еще в 1850 г., когда значительное сокращение числа студентов в Казанском университете и учеников в 1-й казанской гимназии, желающих изучать восточные языки, стало тревожить попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова и Министерство народного просвещения⁴⁰. Министр П. А. Ширинский-Шихматов во время посещения Казани в ноябре 1851 г. лично убедился в обоснованности этой тревоги и подал доклад о мерах по устройству на работу выпускников факультета, так как это являлось главной причиной сокращения числа студентов. В докладе предполагалось посылать их на практику в Пекинскую духовную миссию и определять на должности в министерства внутренних дел, финансов и государственных имуществ.

Не рассчитывая на то, что его предложение улучшит создавшееся в Казанском университете положение, Ширинский-Шихматов рекомендовал слить все учреждения, где велось преподавание восточных языков (Учебное отделение Министерства иностранных дел, восточные факультеты Петербургского и Казанского университетов, Ришельевского лицея в Одессе), в единый Азиатский институт в Петербурге.

Проект предусматривал преподавание (в числе других) китайского и маньчжурского языков, историю народа, географию, религию, законодательство и историю литературы Китая.

Для составления проекта устава института был учрежден особый комитет, в который вошли: от Казанского университе-

та — О. М. Ковалевский, от Петербургского — А. К. Казембек, от Министерства иностранных дел — П. И. Демезон и от Кавказского комитета⁴¹ — Мейер. Проект об учреждении института и решения комитета держались в тайне даже от Молостова, попечителя Казанского учебного округа.

При этом предполагалось, что Министерство иностранных дел откажется (ради института) от своего Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте; это могло бы дать значительные денежные средства, отсутствие которых и явилось основным затруднением при организации института.

Однако после того как составленный комитетом проект устава и штата Азиатского института был отправлен в Министерство иностранных дел, выяснилось, что министерство хочет сохранить Учебное отделение, мотивируя это тем, что оно «применено исключительно к специальным служебным потребностям Министерства иностранных дел»⁴². Двухлетняя переписка между министерствами просвещения и иностранных дел закончилась в 1854 г. категорическим отказом последнего закрыть Учебное отделение и передать ассигнованные ему средства вновь создаваемому Азиатскому институту. Министерство иностранных дел выразило лишь согласие давать ежегодно на содержание десяти воспитанников 2 тыс. руб.⁴³

Непримиримая позиция Министерства иностранных дел в лице Л. Г. Сенявина заставила искать новые формы организации института. Возник другой проект: существовавшее при историко-филологическом факультете Петербургского университета отделение восточных языков преобразовывалось в факультет восточных языков.

Министр народного просвещения А. С. Норов в феврале 1854 г. подал императору обстоятельную докладную записку, в которой, рассказывая о финансовых трудностях, возникших из-за отказа Министерства иностранных дел закрыть Учебное отделение, приводит следующие доводы в пользу нового проекта: «...потребность государства в правильном, успешном и стройном развитии знаний по части восточных языков и стран не только не уменьшается, но, напротив, при том высоком участии, какое настоящим политическим положением вещей... предназначается России в судьбах Востока, она быстро возрастает и становится настоятельнее»⁴⁴.

Необходимость организовать изучение Востока и языков его народов была так очевидна, что докладная записка А. С. Норова была без замедления одобрена царем. На записке была сделана приписка, чтобы Министерством народного просвещения «были сделаны соображения о введении в Иркутской гимназии преподавания языков китайского и маньчжурского»⁴⁵. Проект о преподавании китайского и маньчжурского языков в иркутской гимназии был представлен царю Н. Н. Муравьевым, бывшим в то время генерал-губернатором Восточной Сибири.

Министерство народного просвещения запросило Муравьева: «1. Какие денежные средства будут представлены на преподавание китайского и маньчжурского языков в иркутской гимназии и какой будет дополнительный расход? 2. Сколько нужно будет преподавателей (1 или 2) и какова их оплата? 3. Будет ли изучение языков обязательно для всех учащихся гимназии или только для имеющих по происхождению права на поступление в гражданскую службу?».

Муравьев предлагал учредить при гимназии кафедру китайского и маньчжурского языков, изучение которых начинать после окончания гимназии, «посылая на кафедру» ежегодно шесть человек по выбору начальства наиболее способных «казеннокоштных» учеников. Срок изучения языков определялся в четыре года (как в университете). Окончившие курс «с полным успехом» получают все права окончивших университет с обязательством прослужить в Восточной Сибири не менее десяти лет.

В ноябре 1854 г. Министерство народного просвещения ответило, что гимназии невозможно дать университетские права, и предложило, поскольку 22 октября 1854 г. при Петербургском университете открыта кафедра китайского и маньчжурского языков, посылать необходимое число окончивших гимназию в Петербург. Н. Н. Муравьев согласился с этим предложением, и вопрос об организации изучения китайского и маньчжурского языков в Иркутске, не раз уже возникавший, вновь отпал.

Сам факт запроса Муравьева свидетельствует о возросшей потребности в Восточной Сибири в лицах, знающих китайский и маньчжурский языки. Это было связано с организацией экспедиций по Амуру, подготовкой к урегулированию пограничных вопросов и торговых отношений с Китаем.

В апреле 1854 г. под председательством А. С. Норова начал работать Комитет для учреждения факультета восточных языков при Петербургском университете. Комитет состоял из попечителя Петербургского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, директора Департамента народного просвещения П. И. Гаевского, ректора университета П. А. Плетнева, заведующего Учебным отделением восточных языков Азиатского департамента П. И. Демезона, профессоров университета А. К. Казем-Бека, А. О. Мухлинского и А. В. Никитенко⁴⁶.

Снова были рассмотрены все проекты, начиная с проекта Сенковского, также вопрос о штатах факультета, и наконец 22 октября 1854 г. последовал указ Правительствующему Сенату, подписанный Николаем I, и факультет, давший впоследствии русской науке блестящую плеяду востоковедов, был открыт.

В Ришельевском лицее, в Харьковском университете, таганрогской гимназии преподавание восточных языков было пре-

крашено, в Казанском университете оставлено изучение только татарского языка.

Все денежные средства, ассигнованные на расходы по преподаванию восточных языков в этих учебных заведениях, были переданы Петербургскому университету. Министерству иностранных дел было предложено ежегодно переводить факультету 3 тыс. руб. и посылать своих стипендиатов.

В числе других кафедр на восточном факультете была учреждена и кафедра китайского и маньчжурского языков, которую возглавил В. П. Васильев. И. А. Ладухин был назначен помощником библиотекаря, Исмаил Абу-Каримов — лектором. В Петербург были переведены и два «казеннокоштных» студента — Михаил Цивильков и Михаил Кафаров, а также «своекоштные» студенты — Карл Бернер и Петр де Гресс «для продолжения образования на собственном содержании с выдачей им сумм на путевые издержки».

Для организации восточного факультета имела значение и неофициальная записка В. П. Васильева, доказывавшая необходимость сосредоточить преподавание восточных языков в Петербурге и ввести изучение санскритского и тибетского языков, а также некоторых общеобразовательных предметов, знание которых позволит окончившим факультет работать на разных должностях. Он считал, что теоретическое и практическое преподавание восточных языков должно идти параллельно⁴⁷. В. В. Бартольд писал, что записка Васильева отличалась от официального проекта большей широтой и была проникнута заботой об устройстве будущих выпускников восточного факультета⁴⁸.

27 августа 1855 г. состоялось торжественное открытие восточного факультета [247]. Профессор А. В. Попов и назначенный деканом А. К. Казем-Бек выступили с речами. А. В. Попов рассказал о прошлом русского востоковедения и приветствовал организацию восточного факультета в Петербурге как наиболее благоприятном месте «для успешного развития восточных языков»⁴⁹.

А. К. Казем-Бек сообщил о структуре факультета, его задачах и обратился к профессорско-преподавательскому составу и студентам с призывом приложить все усилия для будущей славы факультета⁵⁰.

Для дальнейшего развития отечественного китаеведения и маньчжуроведения огромную роль сыграл тот факт, что кафедру восточных языков возглавил В. П. Васильев, уже имевший опыт работы в Казанском университете и в научном плане активно разрабатывавший узловые проблемы филологии, идеологии и истории Китая.

Василий Павлович Васильев родился 20 февраля 1818 г. в Нижнем-Новгороде⁵¹. 14 лет окончил нижегородскую гимназию. До поступления в университет, куда принимали только с 16 лет,

В. П. Васильев, потерявший в 1832 г. отца, вынужден был заниматься репетиторством, помогая матери растить детей.

В 1834 г. В. П. Васильев был принят на восточное отделение филологического факультета Казанского университета в число учеников О. М. Ковалевского, возглавлявшего кафедру монгольского языка. Одновременно Васильев занимался изучением и татарского языка.

Под влиянием О. М. Ковалевского у В. П. Васильева сформировались научные интересы и политические взгляды. В своей «Автобиографии» он писал, что еще в студенческие годы слова О. М. Ковалевского «не преклоняться в отыскивании истины перед авторитетом, подвергать критике *sine ira studio* („без гнева и пристрастия“.— П. С.) совершившиеся или рассказанные факты, не предполагая никакого вопроса решенным на век, запали глубоко в мою душу, были руководителями всех моих симпатий и антипатий»⁵².

В университете В. П. Васильев в течение четырех лет, с 1835 по 1839 г., жил вместе с Гэцулом Галсаном Никитуевым, бурятским ламой из Забайкалья. Занимаясь с ним разговорным монгольским языком, Васильев овладел им настолько, что говорил как настоящий монгол.

В 1837 г. В. П. Васильев окончил университет и приступил к работе над кандидатской диссертацией. Защитив ее в 1837 г. на тему буддийского сочинения «Хутухту Декгэду Алтан Гэрэльту Судур-ногодун Эркету Хаган» [Васильев, № 57/1], он получил звание кандидата и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию [231].

О. М. Ковалевский, сам занимавшийся исследованием буддизма, посоветовал Васильеву продолжать изучение буддизма, и в 1839 г. Васильев защитил магистерскую диссертацию «Об основаниях буддийской философии» [там же, № 58/2].

Защита диссертации привлекла к В. П. Васильеву внимание научных кругов. П. И. Мельников-Печерский написал в связи с этим статью, опубликованную в «Отечественных записках»⁵³.

На большие способности В. П. Васильева и его необыкновенное трудолюбие обратили внимание руководство университета и попечитель Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин. В 1839 г. Васильев был отправлен в составе двенадцатой духовной миссии в Китай.

В. П. Васильев, прикомандированный к миссии, очутился на положении студента и попал «под руководство» мелочного, невежественного человека — архимандрита Поликарпа Тугаринова. «Жестокий до самодурства», как характеризует его В. П. Васильев в письме П. С. Попову, он не позволял без его разрешения и ведома распоряжаться хоть копейкой, даже из денег, которые высылал Васильеву Казанский университет для оплаты учителей. Последних нанимал сам Тугаринов, невзирая на их неграмотность и полную беспомощность.

Дневник, который вел В. П. Васильев в Пекине, сохранился до наших дней и опубликован лишь частично. Тяжело читать те места, где автор пишет о переживаемых им минутах отчаяния и жалуется на унижительный надзор за его поведением со стороны Тугаринова.

Задачи, возложенные университетом на В. П. Васильева, были огромны. По инструкции он должен был «усвоить тибетский язык с его наречиями», изучать санскритский, китайский и маньчжурский, дополнить познания в монгольском языке.

Ему поручалось изучение литературы, истории, географии и статистики, религии, наук и искусства, торговли и промышленности Китая, Тибета, Маньчжурии и Монголии «как в настоящее время, так и в предшествовавший период»⁵⁴.

Кроме того, Васильев получил инструкцию от Академии наук о приобретении книг. Конечно, выполнить такую программу в 10 лет было не под силу даже нескольким ученым. В. П. Васильев проделал огромную работу по изучению буддизма и тибетского языка. Достаточно сказать, что после приезда из Пекина он представил руководству Казанского университета серию работ, среди которых были: «Основания тибетской грамматики», «Тибетская хрестоматия», перевод буддийского терминологического словаря, перевод «Истории буддизма в Индии», «История буддизма в Тибете, Китае и Монголии», «География Тибета» (перевод с тибетского), перевод «Сиюй цзи», переводы из китайских источников о киданях, чжурчжэнях, монголо-татарах и «Записок о Нингуте» цинского чиновника У Нань-чжуна, исторические карты Китая, «Буддийская литература» (перевод с китайского).

После пяти лет преподавания в Казанском университете В. П. Васильев, назначенный в 1855 г. заведующим кафедрой китайского языка восточного факультета Петербургского университета, стал вести преподавание и маньчжурской словесности. Исмаил Абу-Каримов, зачисленный преподавателем каллиграфии, вел практические занятия по китайскому языку.

К началу занятий на китайско-маньчжурском разряде восточного факультета было всего три студента: Михаил Цивильков, Карл Бернер и Михаил Кафаров.

Вся деятельность восточного факультета, и в особенности китайско-маньчжурского разряда, вплоть до начала 90-х годов теснейшим образом связана с В. П. Васильевым, отдававшим ему всю свою неутомимую энергию и трудолюбие. В течение 12 лет он был единственным преподавателем китайского и маньчжурского языков на всех четырех курсах китайско-маньчжурского разряда. Кроме этого Васильев читал лекции по истории, географии и литературе Китая и Маньчжурии; это, естественно, требовало от него большого напряжения сил и времени.

В статье «Об отношениях китайского языка к среднеазиатским» В. П. Васильев писал: «Я не мог посвятить себя филоло-

гии всецело, потому что мне надобно было быть и историком; я не историк, потому что мне нужно быть и географом; я не географ, потому что надо знать литературу; я не историк литературы, потому что нельзя не коснуться религии; я не богослов, потому что должен быть и антикварием...»⁵⁵.

Достаточно познакомиться с программой преподавания, по которой В. П. Васильев вел занятия, например в 1863—1865 гг. [262], чтобы увидеть, насколько разнообразно было ее содержание. Сюда входили переводы из «Сышу», китайских газет, источников по истории Китая и истории китайской литературы. Одновременно Васильев читал лекции по истории конфуцианства и преподавал маньчжурский язык, историю и литературу маньчжуров. Единственным его помощником был И. А. Ладухин, который по поручению Совета университета читал студентам лекции по китайскому и маньчжурскому языкам.

В 1856 г. И. А. Ладухин подал декану факультета заявление с просьбой направить его с очередной духовной миссией в Пекин для усовершенствования в языках и для знакомства с Китаем. При этом он был согласен ехать в качестве сопровождающего, как в свое время был направлен О. М. Ковалевский. В. П. Васильев поддержал просьбу Ладухина, которого он прочил на заведование кафедрой маньчжурского языка. Азиатский департамент согласился включить Ладухина в число сопровождающих миссию. Третье отделение препятствий не чинило, Николай I дал согласие, разрешив Совету университета выдать на расходы 2 тыс. руб. [249].

28 февраля 1857 г. Ладухин выехал в Иркутск, где уже находились все члены миссии.

Отъезд миссии из Иркутска задерживался, и в конце 1857 г. И. А. Ладухин, не желая терять времени, предпринял поездку по Амуру, которую по инструкции факультета должен был совершить на обратном пути из Пекина. При следовании в Усть-Зейскую станицу Ладухин утонул в Амуре. Ни обстоятельства его смерти, ни дата ее неизвестны⁵⁶.

В. П. Васильев не раз пытался найти еще одного «практического» преподавателя маньчжурского языка. В частности, в 1857 г. он подал официальную записку с просьбой разрешить «приискать природного китайца или маньчжура» [251]. Поиски он хотел поручить кому-нибудь на границе, тем более что Н. Н. Муравьев выразил в разговоре с В. П. Васильевым «готовность содействовать».

Однако практического решения на эту записку В. П. Васильева не последовало, несмотря на то что восточный факультет в целом подтвердил свое согласие. В 1858 г. Васильев снова возбуждает ходатайство и опять безрезультатно. Внимание, которое отдавал Васильев факультету, постоянно отвлекало его от завершения и публикации своих научных работ. Но все же ему удалось за 1856—1857 гг. опубликовать четыре статьи⁵⁷,

из которых «Графическая система китайских иероглифов», в дальнейшем разработанная им в «Опыте первого китайско-русского словаря»⁵⁸, нашла применение во многих китайско-русских словарях⁵⁹.

Кроме того, В. П. Васильев подготовил к печати и издал свой первый труд по буддизму, принесший ему мировую славу. Это была вышедшая в 1857 г. в Петербурге книга «Буддизм, его догматы, история и литература, ч. I, Общее обозрение», которая до сих пор, через сто с лишним лет, пользуется вниманием всех изучающих буддизм. Она переведена на немецкий и французский языки⁶⁰. В предисловии к книге В. П. Васильев писал, что это «составляет только самую малую часть всего написанного», и говорил о своих планах издания трудов по буддизму.

Как и другие труды В. П. Васильева, эта книга основана исключительно на первоисточниках, написана в свободной манере и легко читается, несмотря на некоторую небрежность в стиле. Готовя ее, В. П. Васильев прочитал тысячи страниц тибетских, китайских и монгольских сочинений по буддизму и, основываясь только на первоисточниках, вынес самостоятельные, оригинальные суждения о философско-религиозном учении буддизма.

Не случайно И. Н. Березин в своей рецензии на эту книгу подчеркнул, что в знании буддизма «у Васильева нет соперников в Европе, потому что нет ни одного ориенталиста, который соединяет знание языка тибетского и китайского»⁶¹. Довольно подробно изложив содержание книги, рецензент призывает: «...окончательно признать ее богатым приобретением в ученой литературе не только России, но и Европы»⁶². Вместе с тем И. Н. Березин отмечал и некоторые недостатки, например, не критичность в обзоре источников и ряд противоречивых положений.

В 1869 г. В. П. Васильеву удалось опубликовать в качестве продолжения первой части «Буддизма» подготовленный еще в Пекине перевод с тибетского языка сочинения Даранаты «Буддизм и его догматы, история и литература, ч. III. История буддизма в Индии». В предисловии и комментариях Васильев ссылается на труды Н. Я. Бичурина, П. Кафарова, на некоторые западноевропейские работы, но главным образом на тибетские сочинения. Как видно из его писем П. С. Попову, с 1886 г. в типографии находилось несколько листов «Буддийского терминологического словаря» («Махавьютпатти»), так и не оконченного⁶³.

С. Ф. Ольденбург, общавшийся с В. П. Васильевым в последние 15 лет жизни ученого, писал, что, охотно и щедро делая своими «удивительными познаниями со всеми работавшими в той же области», т. е. в изучении буддизма, Васильев постоянно продолжал интересоваться буддизмом, «как удивитель-

нейшей и громаднейшей мистификацией, какую когда-либо видело человечество»⁶⁴.

В конце своей жизни В. П. Васильев, вернувшись к изучению буддизма, опубликовал в 1895 и 1899 гг. статьи «Буддизм: в полном развитии по винаям»⁶⁵, «Заметки по буддизму»⁶⁶ и несколько статей в «Русском энциклопедическом словаре» И. Н. Березина.

Сравнительную немногочисленность изданных по буддизму трудов В. П. Васильева следует объяснить не только «равнодушием общества» к предмету исследования. Профессорские обязанности, самые разнообразные научные проблемы, публицистическая деятельность — все это постоянно отвлекало В. П. Васильева и мешало осуществлению его замыслов.

Ведь Н. Я. Бичурину также приходилось преодолевать «равнодушие общества» (вспомним, что на его книгу «Статистическое описание...» нашелся только один подписчик), но Бичурин был собраннее, целеустремленнее, не отдавал столько времени преподавательской деятельности, и потому ему удалось опубликовать все намеченные им к изданию труды⁶⁷.

Труды В. П. Васильева по буддизму имеют большое значение для изучения философско-религиозных концепций буддизма, до сих пор держащего в религиозных цепях многомиллионные массы Востока. Конечно, критика буддийских догматов велась В. П. Васильевым с позиций отнюдь не материалистической философии. Он рассматривал буддизм и другие религии Востока в сравнении с постулатами христианской веры и, исходя из этого, ставил вопрос: «Была ли в человечестве когда-нибудь мысль дерзче, попросту богохульнее, чем буддийская, которая хочет сделать не только человека, но и всякую тварь божеством?». Именно эта «цель буддизма» и вызывала его протест⁶⁸.

Кроме опубликованных трудов по буддизму «самое важное, самое ценное», как сказал ученик В. П. Васильева С. Ф. Ольденбург, ученый оставил в рукописях⁶⁹.

Подробный перечень неопубликованных трудов Васильева по буддизму с квалифицированными аннотациями дал М. И. Тубянский⁷⁰; он называет следующие рукописи: «Комментарий к Махавьюпатти — Буддийский терминологический лексикон», «Обозрение буддийской литературы по школам», перевод «Юе цзан чжи цзинь», составленного Чжи Сюем, «Путешествие Сюань Цзана» и некоторые другие, меньшие по значению и объему⁷¹.

При знакомстве с рукописями В. П. Васильева, которые хранятся в Архиве АН СССР, оказалось, что часть их, относящаяся к исследованию вопросов буддизма, подготовлена к печати и переписана на машинке М. И. Тубянским («Обозрение буддийской литературы») и Б. А. Васильевым («Шаташастра. Болунь»).

В. П. Васильев начал преподавание китайской и маньчжурской словесности, включающей язык, литературу, историю и географию, не имея никаких пособий. Для изучения китайского языка он мог рекомендовать студентам только грамматики Н. Я. Бичурина и Абеля Ремюза; другие предметы студенты штудировали по записям его лекций.

В 1857 г. студенты подали руководству восточного факультета «Особую записку», в которой предлагали по записям лекций или из компиляций учебников на иностранных языках издать ряд учебных пособий, в частности учебник китайского языка и хрестоматию. Однако каков был практический результат «Особой записки» — неизвестно ⁷².

В конце 50-х годов В. П. Васильев пытался издать краткий маньчжуро-русский словарь, принадлежавший перу студента М. Цивилькова. В. П. Васильев подал декану факультета А. К. Казембеку обстоятельную записку, указывая на отсутствие в России каких-либо пособий по маньчжурскому языку и на неудовлетворительность грамматик и словарей на европейских языках. Он с большой похвалой отзывался о Цивилькове, который «давно занимается восточными языками и по своим дарованиям и усердию заслуживает особого внимания». Говоря о представленном Цивильковым словаре, В. П. Васильев одобрил этот труд, подчеркнув, что автор «поместил в нем только все коренные слова, со тщательным определением значения» и что «словарь может удовлетворить до некоторой степени потребность в настоящее время и может быть распространен на Амуре, в духовной миссии, в Азиатском департаменте».

Обращаясь с просьбой выделить средства для печатания словаря, В. П. Васильев брал на себя обязательства «иметь тщательный надзор над аккуратностью издания» и, если позволит время, «прибавлять со своей стороны указания на средство маньчжурских слов с другими языками» ⁷³. Однако и этот словарь остался в рукописи ⁷⁴.

Активизация русской политики на Дальнем Востоке в конце 50-х годов XIX в. привела к увеличению числа студентов на китайско-маньчжурском разряде. Уже в 1859 г. на первый курс поступило 5 человек, в 1860 г. — 8 (всего на четырех курсах было 11 человек), в 1867 г. на разряде было также 11 человек, в 1875 г. — 15 человек. Но все-таки на разряде наблюдался большой отсев, и заканчивали курс обучения один-два человека ⁷⁵.

Рост числа студентов дал возможность В. П. Васильеву начать составление учебных пособий. В 1859 г. он просит декана факультета выписать через Азиатский департамент «Пекинскую газету» и выдать 350 руб. на издание составленной им

маньчжурской хрестоматии [253]. Хрестоматия была издана в 1863 г. и явилась первым опубликованным в России учебным пособием по маньчжурскому языку.

В 1866 г. был издан литографским способом маньчжурско-русский словарь, в предисловии к которому Васильев поясняет, что словарь, составленный им еще в Пекине, «списывался каждым учившимся у меня студентом» и, хотя ему не хотелось издавать «труд несовершенный», по просьбе студентов он согласился на его издание⁷⁶.

В том же году Васильев издал «Анализ китайских иероглифов»⁷⁷, а в следующем, 1867 г. китайско-русский словарь⁷⁸, в котором, как уже было сказано, впервые в мире применена графическая система, завоевавшая впоследствии широкое признание.

В 1868 г. В. П. Васильев издал три тома «Китайской хрестоматии», служившие многим поколениям русских китаеведов пособием для чтения китайских текстов. В 80-х годах В. П. Васильев выпустил «Примечания» ко 2-му и 3-му томам «Хрестоматии», а в 1896 г.— к 1-му тому, где даны переводы китайских текстов, помещенных в «Хрестоматии»⁷⁹. Все они до некоторой степени продолжали традиции хрестоматий Сивиллова и О. П. Войцеховского.

20 декабря 1861 г. в ответ на широкое студенческое движение общеполитического характера «высочайшим позволением» Петербургский университет был закрыт, все профессора и преподаватели уволены «за штат», студентам предоставлялось «право» поступить в университеты других городов⁸⁰.

Если у студентов других факультетов еще была какая-то возможность продолжить образование в других университетах, а профессора могли найти применение своим знаниям в различных высших учебных заведениях, то профессорско-преподавательский состав и студенты восточного факультета оказались в безвыходном положении.

В конце декабря царское правительство, напуганное прокатившейся волной протеста, объявило закрытие университета временной мерой, обещая открыть его после выработки нового университетского устава. До возобновления занятий, указывалось в постановлении, «в течение этого промежуточного периода все профессора сохраняют свои должности с прежним окладом» и даже управление университета останется в руках выборной коллегии профессоров, под названием «временной комиссии».

О положении студентов никакого решения принято не было, и профессора восточного факультета предложили открыть особый «Восточный институт», подчиненный «временной комиссии». По докладу об этом министра народного просвещения А. В. Головнина в Совете министров было принято решение не открывать нового института, а возобновить чтение лекций на

восточном факультете, который и стал единственным факультетом в университете, где происходило чтение лекций с 1 февраля 1862 г. до осени 1863 г.

ТРУДЫ В. П. ВАСИЛЬЕВА В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ КИТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ СТРАН

В 60-е годы выходят все основные труды В. П. Васильева по истории Китая и сопредельных стран: «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.» (1859), «История Китая» (лиитографировано), «Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин» (1863), «О движении магометанства в Китае» (1867), «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (1868), ряд статей по истории взаимоотношений России с Китаем и статьи по археологии⁸¹.

К историческим трудам В. П. Васильева примыкают и некоторые работы по географии Китая⁸². «По нашему мнению, — писал он, — нужно прежде всего разработать географию страны, сперва новую, потом древнюю»⁸³.

Однако труды В. П. Васильева в области истории и географии восточных стран не были отмечены современной ему критикой. Они подверглись внимательному изучению только в советское время⁸⁴.

Самая важная сторона всех трудов В. П. Васильева, в том числе по истории и географии Китая, — это содержащийся в них колоссальный фактический материал, послуживший автору первоосновой⁸⁵. Широко известно, что по знанию китайской литературы В. П. Васильев превосходил любого современного ему ученого, однако почти во всех трудах (кроме «Истории китайской литературы») он не делал никаких ссылок на источники.

В. П. Васильев писал свободно, как бы «на ходу» высказывая талантливейшие мысли, зачастую противоречившие друг другу, ставил многие новые вопросы и, не решив их, переходил к другим, обращал внимание на неизученность той или иной проблемы, вводил в науку десятки новых китайских источников, до него неизвестных.

В. В. Бартольд, высоко оценивая труды В. П. Васильева, называл его «гениальным исследователем Дальнего Востока». Но при этом он указывал, что необходимо помнить, что, несмотря на «широту и глубину основных идей» В. П. Васильева, в его работах встречаются парадоксы и противоречия. Это должен иметь в виду каждый обращающийся к книгам и рукописям В. П. Васильева.

Работы В. П. Васильева в области истории довольно подробно разобраны в статье З. И. Горбачевой⁸⁶, которая, определив их место в истории изучения Китая, подчеркнула большую осторожность, с которой Васильев подходил к китайским

источникам и критически оценивал факты, изложенные в исторических анналах Китая.

Приводя в качестве примеров высказывания В. П. Васильева о роли народа в историческом процессе, об автохтонности происхождения китайцев и другие прогрессивные для того времени мнения, З. И. Горбачева останавливается и на довольно частых противоречиях в его исторических трудах, на парадоксальности его суждений и заключает, что Васильев «до конца жизни оставался буржуазным ученым прогрессивного направления».

Большинство трудов В. П. Васильева по истории Китая и сопредельных стран, в особенности «История и древности восточной части Средней Азии», тематически продолжают то направление в русском китаеведении, которое было начато Н. Я. Бичуриным. Сам В. П. Васильев в предисловии к «Истории и древностям восточной части Средней Азии» указывал, что так как Н. Я. Бичурин в своих сочинениях «оставил без внимания историю киданей и сменивших их маньчжуров-чжурчженей», то он решил восполнить этот пробел «если не изданием перевода оригинальных сочинений, то по крайней мере очерком главного их содержания». К очерку приложен перевод из «Ляо чжи» (сведения о киданях) Е Лун-ли и известия о династии Цзинь (Цзинь чжи) Чжао Хуна⁸⁷. Этим трудом В. П. Васильев ввел в научный оборот богатый, до того неизвестный материал по истории сопредельных Китаю стран.

А. Ю. Якубовский в своей историографической статье⁸⁸, считая этот труд неутратившим своей ценности до сего времени, останавливается только на данных, которые могут быть полезны при изучении истории монголов, и особо подчеркивает, что соображения В. П. Васильева о происхождении слова «монголы» «не потеряли значения и в наши дни».

Довольно большая статья В. П. Васильева «Приведение в покорность монголов при начале Дайцинской династии» (перевод из «Шэн у цзи») прошла мимо внимания русских и советских китаеведов и монголоведов. Выбор темы этой статьи объясняется постоянным интересом Васильева к истории маньчжурской династии. Работы, посвященные различным аспектам истории периода Цин, могут составить особый цикл, в который входят: «Дорожник члена государственного совета (Найдачинь) Масыха в походе на север до границы»⁸⁹, «Описание Маньчжурии»⁹⁰, «Записки о Нингуге»⁹¹, «Земляной вал»⁹², «О движении магомтанства в Китае»⁹³. Немало трудов В. П. Васильева, посвященных историческим вопросам, сохранилось в оставшихся после него рукописях. Некоторые из них вполне закончены и могли бы быть после небольшой дешифровки почерка опубликованы.

С нашей точки зрения, наиболее интересны «Политическое разделение нынешних китайских владений», «Названия фами-

лий (не китайских), встречающихся в истории Ляо, Цзинь, Юань, нынешней Дайцин», «Общие замечания на удельную систему», «О народонаселении в Китае. По поводу статьи Захарова», «Биография Ван Ань-ши» [Васильев, № 4/98, 7/100, 16/112, 21/128, 23/130].

НОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ. ТРУДНОСТИ УСТРОЙСТВА НА РАБОТУ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

В 1863 г. начал действовать новый университетский устав. По этому уставу профессорская коллегия вновь получила автономию. Совет профессоров стал руководить всей жизнью университета; факультеты управлялись своими советами. Ректор университета, деканы факультетов, профессора и преподаватели избирались коллегией на собрании факультета. Восточный факультет широко пользовался этим правом.

В свою очередь, Министерство народного просвещения получило право утверждения избранных профессоров и даже их назначения. «Некоторые решения университетского совета подлежали утверждению попечителя округа или министра; попечитель мог также приостановить всякое решение совета, если находил его несогласным с уставом»⁹⁴.

После назначения в 1866 г. министром народного просвещения Д. А. Толстого, известного реакционера, были введены в действие новые меры по усилению надзора за студентами: полиция и администрация университета должны были осведомлять о «политической благонадежности» студентов⁹⁵.

По новому уставу на восточном факультете были учреждены кафедры санскритского языка и истории Востока. Ввиду того что В. П. Васильев занимал должности заведующего кафедрами китайской и маньчжурской словесности, последняя была закрыта и слита с кафедрой китайской словесности. А когда в 1868 г. для преподавания маньчжурского языка был приглашен И. И. Захаров, для оплаты его труда пришлось добиваться дополнительных средств.

Согласно новому уставу, на кафедре китайской и маньчжурской словесности преподавались история китайской литературы, китайский язык и толкование авторов, маньчжурский язык и история маньчжурской литературы⁹⁶.

Были разработаны более жесткие требования при присуждении ученых степеней магистра и доктора восточной филологии⁹⁷.

В 1864 г. китайско-маньчжурский разряд был преобразован в китайско-маньчжурско-монгольский. При этом руководствовались следующими соображениями: ввиду большого сходства между монгольским и маньчжурским языками они «в большей части китайских владений могут заменить друг друга». Подчеркивалась также тесная связь монгольской литературы с китай-

ской и маньчжурской, общность истории Китая, Монголии и Маньчжурии, географическое положение этих стран, «сплоченных в одно политическое целое». Было отмечено, что «устройство политических учреждений Монголии под влиянием нынешней маньчжурской династии и, наконец, сношения с Китаем указывают на необходимость совокупного изучения монгольского языка в связи с китайским и маньчжурским языками как в научном, так и практическом применении...»⁹⁸.

В связи с этим нововведением студенты могли по собственному желанию выбрать для изучения два основных языка из трех: китайский и монгольский, китайский и маньчжурский, историю и литературу этих народов. Третий язык считался факультативным.

В начале 60-х годов перед всеми выпускниками восточного факультета вновь стала реальностью трудность применения «приобретенных ими познаний к делу государственной службы».

В «Материалах для истории факультета восточных языков» приведена весьма пространная и любопытная записка профессора А. К. Казем-Бека, давнего противника Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента⁹⁹. В этой записке А. К. Казем-Бек с язвительностью напал на Министерство иностранных дел, помешавшее организации Азиатского института ради сохранения Учебного отделения. А. К. Казем-Бек на ряде фактов доказывал необходимость закрытия отделения и присоединения его к восточному факультету университета, подчеркнув, что едва ли можно оправдать существование этого учебного заведения «для пяти-шести воспитанников, на долю каждого из которых приходится едва ли не по одному преподавателю»¹⁰⁰. Он замечал также, что объем преподавания в университете «гораздо обширнее и несравненно полнее, чем в Учебном отделении», которое, по его мнению, существует, «с одной стороны, с действительным и признанным давно вредом для каждого факультета... с другой — с бесполезным ущербом казне...»¹⁰¹.

Основное практическое предложение А. К. Казем-Бека сводилось к следующему: Министерство народного просвещения представляет другим министерствам список оканчивающих в каждом конкретном году студентов с просьбой уведомить, сколько штатных мест может быть предоставлено для их устройства на службу¹⁰².

В феврале 1864 г. декан факультета А. О. Мухлинский сообщил Министерству народного просвещения «Мнение факультета...», в котором, однако, не все предложения А. К. Казем-Бека нашли поддержку.

Указывая, что «поступление ориенталистов на службу, не соответствующую их специальности, не представляется чем-либо особенным, чем-либо выходящим из обыкновенного порядка вещей в России», в документе констатировалось, что «на поп-

рище действительной жизни специальность ориенталиста в России неблагоприятнее всякой другой». Ориенталисты могли пользоваться только на государственной службе — преподавательской или переводческой. В том и другом случае вакансии были крайне ограничены, «оклады содержания» весьма скромны. Подчеркивалось также, что на факультет поступают главным образом из-за стипендии, занимаются по необходимости, чтобы после окончания «распроститься с невыгодной специальностью». В резюме указывалось, что «должно удивляться, как при таких неблагоприятных условиях факультет может еще выпускать хороших, а нередко и отличных по успехам воспитанников»¹⁰³.

В документе содержались предложения, осуществление которых должно было улучшить «бедственную будущность» студентов. Что касается устройства окончивших факультет на службу, то предлагалось заменить чиновников, занимающихся вопросами отношений с восточными народами, специалистами, знающими языки. Для того чтобы окончившие факультет могли занимать должности по судебной части, работать в министерствах финансов, внутренних дел, заниматься дипломатической деятельностью, Совет профессоров рекомендовал ввести ряд предметов (гражданское и уголовное право, политическую экономию и финансовое право, международное право и др.)¹⁰⁴.

При этом Совет профессоров считал невозможным отделить факультет от университета для создания на его базе (с присоединением Учебного отделения Азиатского департамента) самостоятельного института. Решительно заявив, что «факультет столько же нужен университету, сколько университет факультету», авторы документа выражали поддержку А. К. Казем-Беку, предложившему закрыть Учебное отделение и присоединить его к восточному факультету.

Однако никаких улучшений в устройстве на работу выпускников восточного факультета не последовало, и это положение не изменилось до тех пор, пока не выросла вместе с расширением дипломатических и торговых отношений со странами Востока, практическая потребность в ориенталистах. Правда, с устройством окончивших китайско-маньчжурский разряд восточного факультета дело обстояло несколько лучше, особенно начиная с 70-х годов, когда царская Россия стала в соответствии с Тяньцзиньским и Пекинским договорами открывать консульства в некоторых городах Китая и расширять торговые отношения с Цинской империей.

ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА (70-е годы)

В октябре 1865 г. умер ближайший помощник В. П. Васильева Исмаил Абу-Каримов. В это время в Петербурге находился К. А. Скачков, приехавший в 1863 г. из Чугучака, где он

был консулом. В феврале 1865 г. К. А. Скачков был приглашен в Азиатский музей Академии наук для составления каталога книг на китайском языке, описания старого фонда и большой коллекции, полученной в 1864 г. из Азиатского департамента¹⁰⁵. Он обязался «разобрать все принадлежащее ныне Азиатскому музею собрание китайских книг, рукописей и карт, привести его в надлежащий порядок и составить ему на русском языке ученый каталог».

К. А. Скачков начал работу над составлением каталога¹⁰⁶, но прервал ее из-за более интересного для него предложения В. П. Васильева, который через декана факультета А. К. Казем-Бека пригласил его преподавать «практические упражнения в китайском языке».

8 января 1866 г. К. А. Скачков начал занятия в университете по программе, утвержденной В. П. Васильевым и включавшей в себя «упражнения в разговорном китайском языке, составление разговорных фраз с русского на китайский, чтение и перевод на русский язык китайских сочинений, написанных разговорным языком, „Хунлоу мын“, „Цзин Пин Мэй“ и других»¹⁰⁷.

Однако педагогическая деятельность К. А. Скачкова была кратковременной. Развивающаяся торговля России с Китаем требовала посредника между русским и китайским купечеством. Выбор пал на К. А. Скачкова, хорошо знавшего русско-китайские торговые отношения, и в 1867 г. он уехал консулом в Тяньцзинь.

В. П. Васильев опять остался один на китайско-маньчжурском разряде, но ненадолго. Из Пекина возвратился Д. А. Пещуров, бывший там переводчиком в посольстве. Прослужив некоторое время переводчиком Азиатского департамента, он принял приглашение Петербургского университета преподавать китайский язык [259; 260].

Дмитрий Алексеевич Пещуров (1833—1913)¹⁰⁸, получив образование дома и в частном пансионе, в 1853 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. Тема его магистерской диссертации — «Исследование движения малой планеты Фортуна».

После университета Пещуров около трех лет преподавал математику в 3-й петербургской гимназии. В 1857 г. он согласился на предложение поехать в Китай студентом духовной миссии и заведующим обсерваторией. Впоследствии один из его биографов по этому поводу заметил: «Астроном-китаист сменил агронома-китаиста» (К. А. Скачкова).

В сравнительно короткое время овладев китайским языком, Пещуров стал изучать китайскую астрономию. В Пекине он написал статью «Землетрясения, бывшие в Китае во время Минской династии», основанную на извлечениях из «Минши» и опубликованную в 1860 г.¹⁰⁹.

Д. А. Пешуров прекрасно знал китайский разговорный и письменный язык. В. М. Алексеев, ученик Пешурова, считал его «терпеливым и великодушным педагогом», получившим знания китайского языка «благодаря феноменальной памяти и работоспособности. Читал тексты „вверх ногами“, чем потрясал нашу аудиторию»¹¹⁰.

В начале своей преподавательской деятельности Д. А. Пешуров, как и К. А. Скачков, продолжал заниматься со студентами «практическими упражнениями» в китайском языке, постепенно усложняя задания. В 1870/71 академическом году его занятия со студентами на первом и втором курсах состояли в упражнении в разговорном языке, в переводах из книг, написанных языком, близким к разговорному, как-то: «Цинвэнь цимын», «Хаоцюжэнь» и др., причем слушателям сообщались «грамматические формы языка». На третьем-четвертом курсах, «не упуская из виду практической стороны изучаемого языка», Пешуров предлагал студентам делать переводы с китайского языка на русский «по различным отраслям китайской литературы, а также официальных бумаг и документов» и переводить «легкие статьи с русского на китайский» [247, № 15532, 15536].

Д. А. Пешуров знакомил студентов с географией и историей Китая и особенностями государственного строя страны. Пособиями служили газеты «Цзинбао» и сборник Вэда¹¹¹.

В 1890 г. Пешуров был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора [273, л. 2—4 об.]. В 1889 г. он составил и опубликовал «Сборник договоров России с Китаем» за 1689—1881 гг.¹¹². До сих пор «Сборник» остается единственным трудом, в котором тексты всех договоров даны параллельно на русском, китайском, маньчжурском и французском языках.

В 1868 г. В. П. Васильев передал преподавание маньчжурской словесности И. И. Захарову. Захаров ранее служил в Азиатском департаменте, где вместе с А. А. Татариновым и И. А. Гошкевичем находился на положении «причисленных к департаменту» [193]. Совершенно неожиданно в 1866 г. все трое были одновременно уволены в отставку. Неизвестный автор некролога А. А. Татаринову в 1866 г. с горькой иронией объяснил причину увольнения этих крупных китаеведов: «К чему же нам держать знатоков Китая, лучше пусть дают их содержание нам»¹¹³ (т. е. чиновникам департамента, которые Китая не знают. — П. С.). Так царские чиновники «оценили» труд и заслуги знатоков языка и культуры Китая, ставших внезапно «ненужными».

Иван Ильич Захаров (1814—1885) — сын священника, окончил Воронежскую духовную семинарию; высшее образование получил в Петербургской духовной академии. В 1839 г. по собственному желанию был включен в качестве студента в состав двенадцатой миссии.

В Пекине Захаров занимался преимущественно маньчжурским языком, но хорошо овладел и китайским. Здесь же он начал составлять маньчжурско-русский словарь, публикация которого принесла ему впоследствии мировую известность. После русско-китайских переговоров 1851 г., в которых он участвовал как переводчик при Е. П. Ковалевском, И. И. Захаров был оставлен консулом в Кульдже и пробыл там до 1864 г. [193].

В бытность свою в Кульдже Захаров написал две работы, оставшиеся в рукописях: «Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам» и «Записка о Балкашнурском бассейне» [Захаров, № 1 и 2]. Обе рукописи ценны заключенными в них сведениями. Исследователю русско-китайских отношений этого периода следует обратить внимание на письма Захарова к Е. П. Ковалевскому и документы — переписку Лифаньюана и Сената, проходившую через Захарова в бытность его переводчиком Ковалевского и консулом в Кульдже [там же, № 3].

В последние два года пребывания в Западном Китае И. И. Захаров принимал непосредственное участие в разграничении западной границы цинского Китая с Россией.

Возглавлявший комиссию по разграничению И. Ф. Бабков в своих воспоминаниях¹¹⁴ немало страниц уделил Захарову. Сравнивая И. И. Захарова с К. А. Скачковым, он подчеркивал, что их участие, внимание к нему были одинаковы, «разница была только та, что указания Захарова были более практичны, нежели Скачкова, имевшие, так сказать, теоретический характер. Как дипломата я ставлю Захарова выше К. А. Скачкова. Захаров был активный дипломат, который шел прямо и решительно к намеченной цели. Дипломатия Скачкова была более пассивная. Он действовал осторожно и осмотрительно, взвешивая и обдумывая каждый шаг и стараясь достигнуть целей путем миролюбивых соглашений».

Во время пребывания И. И. Захарова в Западном Китае им была составлена подробная карта Синьцзяна [195]. Хотя карта напечатана не была, Захаров получил за нее медаль на Международном географическом конгрессе в Париже¹¹⁵.

В. П. Васильев в «Воспоминаниях об И. И. Захарове» указывает на его большой труд «Описание Западных китайских владений». Рукопись была представлена в Азиатский департамент. Сохранилась ли она, неизвестно.

В отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина находится небольшая «Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам» [Захаров, № 1]. Но это, очевидно, не то, что имел в виду В. П. Васильев.

С осени 1868 г. И. И. Захаров приступил к преподаванию маньчжурского языка в Петербургском университете. К этому времени В. П. Васильевым уже были подготовлены «Мань-

чжурская хрестоматия» и «Маньчжурско-русский словарь»¹¹⁶, которыми и пользовался Захаров.

На первом курсе Захаров преподавал грамматику маньчжурского языка по «Цинвэнь цимын» и собственным записям. Упражнения в чтении и переводах Захаров вел по «Хрестоматии» Васильева. На втором курсе из «Хрестоматии» выбирались уже более трудные тексты и делались первые попытки устного перевода с русского языка на маньчжурский. На третьем и четвертом курсах для переводов с маньчжурского языка брались тексты из «Сисянцизи», из поэмы «Мукдэнь фу и битхэ», из «Ухэри кооли битхэ» («Уложения»), истории «Тунцзянь ганму», делались переводы дипломатических документов с русского языка на маньчжурский [247, д. 15536].

Выработанная В. П. Васильевым программа преподавания китайского языка за все время его занятий со студентами почти не менялась, хотя на отдельные годы он формулировал ее буквально в нескольких словах. Лишь программа на 1870/71 учебный год дана В. П. Васильевым в расширенном виде. Для студентов первого курса он ввел анализ китайских иероглифов (происхождение иероглифов, значение ключевых и фонетических знаков), этимологический разбор частей речи, особенности синтаксиса. Студенты начинали переводить китайские тексты, помещенные в его «Хрестоматии». На втором — четвертом курсах студенты переводили тексты из классических книг «Луньюй» и «Шицзин», а также из «Хрестоматии». Кроме того, они делали разбор отрывков из буддийских книг «Шоулэнь янзин» и «Пожо поломи цзин».

Для всех курсов Васильев читал лекции по истории Китая и китайской литературе. Причем тематика лекций по истории культуры менялась, хотя и не каждый год. Например, в программе на 1863—1865 гг. в курс лекций по литературе входили такие разделы: «в) древнее образование в Китае, предшествовавшее конфуцианству; ... д) значение конфуцианства; е) жизнь Конфуция и история распространения его учения до первых времен ханьской династии включительно» [262, д. 15502].

В 1868 г. этот курс повторяется, но уже с некоторыми изменениями. В программе лекций по китайской литературе указано: «Обозрение сочинений, относящихся к умственному развитию Китая. Конфуцианство во всех его фазах, философы, не принадлежащие к конфуцианству, даосизм, буддизм» [247, д. 15524].

Наиболее интересной является программа на 1870/71 учебный год, где подробно дано содержание курса лекций по «Истории и литературе буддизма». Нигде еще Васильев не излагал так подробно план создания своих трудов, которым посвятил десять лет. Хотя к 1870 г. он успел опубликовать два тома (из намеченных трех) по буддизму, некоторые вопросы, включенные им в программу, в опубликованных трудах не рассматривались.

Поэтому мы приводим эту часть программы полностью, ибо, по сути дела, это план обширнейшего сочинения по буддизму: «Общий взгляд на состояние буддизма в Индии. Буддийская догматика: нравственность, умозрения и созерцания. Космология. Разделение буддийской литературы по индийским, тибетским и индо-китайским понятиям. Сочинения, касающиеся древнего буддизма — сочинения, касающиеся Винаи Махаяна и Миечано. История буддизма в Китае. О степени достоверности раннего распространения этой веры в Китае. Пути, которыми следовало распространение буддизма по Китаю. Отношение правительства к этой вере: покровительство и гонения. Какая особенная характеристика китайского буддизма. Различные школы, образовавшиеся в самом Китае. Знаменитые личности китайской иерархии. Постепенность переводов на китайский язык буддийских книг. Значение китайских путешественников в Индии для науки» [247].

В 1873 г. В. П. Васильев подготовил и опубликовал свою большую работу — «Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм».

Эта книга была издана в тот момент, когда религии Востока привлекли внимание философов, ученых, востоковедов. Они обратились к религиозному мышлению восточных народов, пытаясь найти объяснение той «закостенелости», которая буржуазными учеными всех направлений приписывалась многим странам Востока. Они не искали причин «закостенелости» в социально-экономической структуре стран, а объясняли все, что отличалось от их обычного представления, особенностями религиозных учений Востока. Известную дань этому отдал и В. П. Васильев. «Ничто не может так познакомить нас с человеком, — писал он, — как его религия».

Совершенно прав В. В. Бартольд, считавший, что противоречия во взглядах В. П. Васильева «на отношения между Западом и Востоком объясняются тем, что он, подобно большинству ориенталистов, преувеличивал значение религии в жизни народов вообще и азиатских народов в особенности»¹¹⁷. Бартольд не отметил, что такое отношение к религии вообще было характерно для 70—80-х годов XIX столетия. Особенно хорошо это видно из литературы, посвященной вопросам религий Востока, в тот период выходившей большими тиражами на разных языках.

Книга «Религии Востока» написана В. П. Васильевым, как и многие другие его работы, в свободной манере, популярно, без ссылок на источники. Защищая эту манеру исследований, Васильев пишет, что «покойный отец Иакинф да и европейцы сделали скучными и смешными свои описания, именно благодаря тому, что вместо краткого очерка, в чем состоят церемонии, выписали эти церемониалы целиком»¹¹⁸. Но современники Васильева этот стиль отнюдь не поддерживали. Единственный ре-

цензент книги, ученик Васильева И. П. Минаев, считает, что, «рассчитывая на круг читателей-неспециалистов, автор старательно удалил из своей книги все цитаты, весь ученый аппарат; насколько проиграла от этого его книга, и именно в тех частях, где сообщаются новые факты, отчасти из таких источников, которые пока доступны одному автору, — догадаться не трудно; эти факты утратили половину своей цены, тем более что рядом с ними является давно известное, и притом в несколько искаженном виде»¹¹⁹.

И. П. Минаев, указывая далее в рецензии на скептицизм Васильева, отмечает, что «он явился более скептиком, нежели научным критиком», «он скептик во всех вопросах хронологических», «его задача ограничивается как будто подмечиванием тех абсурдов, до которых доводит религиозное чувство человеческую фантазию». Минаев укоряет его также за увлечение европоцентризмом: «Прочитав со вниманием новую книгу пр[офессора] Васильева, мы пришли к убеждению, что он приступал к своему делу с предвзятыми идеями, именно хотел доказать своим читателям превосходство Запада над Востоком и исконное цивилизаторское влияние первого на последний»¹²⁰.

Заканчивая рецензию, Минаев останавливается и на положительных сторонах книги, выражает признательность «за массу новых фактов» о даосизме; считает наиболее удачной часть, посвященную буддизму, где впервые в европейской науке изложены «судьбы первоначального буддизма» и где Васильев предстает «вооруженным громадною эрудицией и изумительно зорким исследователем, одним из немногих русских ориенталистов, которые самостоятельно работали над источниками...»¹²¹.

Мы специально сравнительно подробно остановились на единственной рецензии на «Религии Востока», чтобы показать, как отнеслись к столь значительному труду В. П. Васильева его современники.

В. П. Васильев ответил И. П. Минаеву на рецензию в своем «Очерке истории китайской литературы», где он восклицал: «Книгу-то, назначенную для популярного чтения, да наводнять цитатами! А между тем мой критик очень хорошо знал, что у меня столько рукописных работ по буддизму, что, следовательно, я опирался же на что-нибудь»¹²². Далее он сетовал на трудности издания специальных трудов и выступал за возможность изданий «ученых материалов в одной популярной форме».

«Мне не хочется, — подчеркивал В. П. Васильев, — чтоб для моего отечества пропали те выводы и те установившиеся взгляды и направление, до которых стоило добиваться великим трудом посреди того хаоса, который встречается изучающему Восток»¹²³. И поддержку этой идеи он предполагал получить не у современников, а у потомков. «Наверно изучение Востока не прекратится же у нас совершенно, хотя им теперь и пренебрегают; будут продолжатели моих трудов, им легче будет, прини-

мая в соображение мои указания, развивать, обрабатывать и проверять сказанное мной»¹²⁴.

«Религии Востока» привлекала внимание ученых и в советское время. Но, разумеется, взгляды В. П. Васильева на сущность религиозных течений не могли не встретить критики. Советский китаевед-философ А. А. Петров, не касаясь части книги о буддизме, дал суровую оценку двум другим частям книги, посвященным конфуцианству и даосизму¹²⁵.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. П. ВАСИЛЬЕВА

Освободившись от чтения лекций по маньчжурскому языку и получив в помощники Д. А. Пещурова, В. П. Васильев смог подготовить к изданию и «Очерк истории китайской литературы», вышедший из печати в 1880 г.

Хотя В. П. Васильев в понятие «китайская литература» включал и классические книги, и художественные философские произведения, и исторические и географические сочинения, однако «Очерк» вошел в серию «Всеобщая история литературы», издававшуюся В. Коршем и К. Риккером, и это обязывало автора придерживаться какого-то общего плана, принятого в этой серии.

В. П. Васильев специально подчеркивал, что авторы других сочинений этой серии приводят источники и новейшие исследования, которыми они пользовались, но он не соблюдает этого, потому что передал в своем обзоре «не извлечение из трудов других европейских ученых, а сжатое сокращение собственных статей и записок, приготовлявшихся и приготовляемых для лекций», для которых источниками служат только китайские книги¹²⁶.

Из последующих строк видно, что Васильеву были хорошо известны книги и статьи западноевропейских авторов по истории китайской литературы (Уайль, Легг и др.), но он отказался их использовать. «...Приводить статьи, которые сами нуждаются еще в критике и пояснениях, дополнениях или опровержениях, составило бы для нас лишний труд», — писал он. «Как на единственный капитальный труд, который еще долго не потребует переделки», Васильев указывает на перевод китайских классиков Легга¹²⁷.

Васильев начал знакомство с китайской литературой еще в Пекине, когда он выполнял задание Казанского университета по приобретению книг. Задание им было выполнено с большой тщательностью. С каждой купленной книгой Васильев знакомился детально, а привез он с собою 849 книг на китайском, маньчжурском, тибетском и монгольском языках, составляющих 2737 томов.

В Казанском университете Васильев, продолжая традиции Сивиллова и О. П. Войцеховского, читал лекции по истории

китайской и маньчжурской литературы. В Петербурге он читал этот курс вплоть до своего ухода из университета; в 1893 г. нигде в европейских высших учебных заведениях подобный курс не читался.

В 1855 г. на русском, а в 1856 г. на немецком языке вышла первая работа В. П. Васильева на данную тему, явившаяся как бы прологом к «Очерку истории китайской литературы», — «О некоторых книгах, относящихся до истории буддизма, в библиотеке Казанского университета»¹²⁸.

В 1857 г. в «Русском вестнике» появилась другая статья В. П. Васильева на ту же тему — «Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете», появившаяся годом раньше на французском языке¹²⁹. В этой статье Васильев обращал внимание читателей на большое количество тибетских книг, которые удалось приобрести только через «самых значительных лиц ламской иерархии»¹³⁰. Говоря о книгах на маньчжурском языке, он подчеркивал, что библиотека университета содержит «все, что только было издано и писано на этом языке». Такую полную коллекцию маньчжурских книг ему удалось приобрести исключительно потому, что «изучение маньчжурского языка до такой степени ослабело в столице маньчжурской династии, что китайские книгопродавцы, не находя сбыта маньчжурских книг, стали употреблять их на прокладку китайских книг». Сетуя, что он достал только две мусульманские книги на китайском языке, В. П. Васильев рекомендовал обратить внимание на магометанскую литературу в Китае¹³¹.

Незадолго до публикации «Очерка» были выпущены в литографированном издании лекции по китайской литературе, читанные Васильевым. Это издание, вышедшее под названием «Материалы по истории китайской литературы», ценно также приложенным аннотированным каталогом книг факультетской библиотеки, снабженным иероглифами¹³².

Современники В. П. Васильева не откликнулись на «Очерк», вероятно, из-за отсутствия компетентных критиков. Между тем этот труд долго и с большой пользой служил нескольким поколениям китаистов¹³³.

В 80-е годы В. П. Васильев также уделял внимание публикации учебных пособий. К изданным ранее хрестоматиям он выпустил «Примечания». В 1888 г. совместно с В. В. Радловым и К. Г. Залеманов он составил «Записку о необходимости установления основной азбуки для фонетической транскрипции текстов»¹³⁴, в которой его перу принадлежала часть о маньчжурском языке, где впервые в мире раскрыты фонетические особенности этого языка.

Как декан восточного факультета В. П. Васильев отдал много трудов и энергии, чтобы ввести на факультете преподавание тибетского, японского и корейского языков¹³⁵. В любом архивном деле факультета, относящемся к этому периоду (1878—

1883), можно найти докладные записки Васильева, в которых он пытался добиться издания учебных пособий, подбора преподавателей, улучшения положения студентов и т. д. Многие протоколы заседаний факультета написаны его рукой.

Усиление реакционных тенденций в политике царского правительства в области культуры и просвещения в 80-х годах в первую очередь коснулось высшей школы. Был выработан новый университетский устав, по которому автономия университетов была аннулирована. Вершителями судеб стали попечители учебных округов и министр народного просвещения. От них зависело назначение профессоров и преподавателей, они грубо вмешивались в учебный процесс.

«В противоположность взглядам, выразившимся в шестидесятых годах и раньше, правительство теперь придавало практическим задачам университета, в том числе и факультета восточных языков, гораздо большее значение, чем научным»¹³⁶. Число штатных преподавателей с научным цензом на факультете было уменьшено, а штатных лекторов увеличено почти в два раза.

В письме Дмитриевскому в 1887 г. А. М. Позднеев рассказывает о тех мерах, которые были приняты царским правительством по отношению к Петербургскому университету: «Прием сокращен, [могли поступить] только жившие в С.-Петербургском округе и из других округов, если у них имеются родственники, у которых они будут жить и которые за них поручатся. Уничтожено научно-литературное студенческое общество и студенческая читальня и студенческий буфет. Обществу вспомоществования недостаточным студентам предписано выдавать пособия после засвидетельствования инспектором благонадежности и пр. и пр.» [Дмитриевский, Письма, № 22].

Ко времени утверждения нового университетского устава на китайско-маньчжурском разряде восточного факультета преподавали ординарный профессор В. П. Васильев, экстраординарный профессор И. И. Захаров и Д. А. Пешуров. Несмотря на то что по новому уставу предусматривался больший уклон в практическую сторону, программы преподавания на китайско-маньчжурском разряде не изменились. Преподавание разговорного языка прерывалось лишь из-за отсутствия лектора.

В. П. Васильев и после введения нового устава читал на первом курсе анализ китайских иероглифов и грамматику китайского языка. На втором — четвертом курсах он продолжал заниматься переводами классических книг, главным образом «Лунь-юй» и «Шицзин», по изданным им хрестоматиям. На всех четырех курсах он читал историю Китая и историю китайской литературы, иногда заменяя их специальными лекциями по истории и литературе буддизма.

В 1868 г. в программу лекций по китайской литературе входило «Обозрение сочинений, относящихся к умственному раз-

виту Китая, конфуцианство во всех фазах, философы, не принадлежащие к конфуцианству, даосизм и буддизм» [247, д. 15524].

В 1879 г. В. П. Васильев читал на втором — четвертом курсах «географическое обозрение китайских владений» и историю Китая до III в. до н. э. В 1884 и 1892 гг. в общий курс лекций были включены «история древнего Китая, история настоящей династии, история сношений Китая с Россией и с другими государствами».

Программа Д. А. Пещурова за все 36 лет его преподавания менялась только в выборе китайских текстов для чтения на вторых — четвертых курсах и то в незначительной степени [247, д. 15536, 15568, 15585, 15606].

За время работы в университете Пещуров составил два учебных пособия: «Китайский текст трактата Китая с Россией в 1774 г.»¹³⁷, «Материалы для китайской хрестоматии»¹³⁸, а также редактировал «Китайские тексты»¹³⁹.

Большой заслугой Д. А. Пещурова было издание в 1887 г. в качестве учебного пособия краткого русско-китайского словаря. Словарь и дополнение к нему (1888 г.) были составлены по ключевой системе. Следуя совету В. П. Васильева, Пещуров переделал словарь по графической системе и переиздал его в 1891 г. Вплоть до появления китайско-русского словаря В. С. Колоколова словарь Д. А. Пещурова оставался единственным портативным словарем.

Несколько ранее были изданы «Полный маньчжурско-русский словарь» (1875)¹⁴⁰ и «Грамматика маньчжурского языка» (1879) И. И. Захарова, принесшие ему широкую известность. До сих пор словарь Захарова является непревзойденным. В отзыве В. А. Васильева и И. П. Минаева говорится: «Такого полного словаря нет и в самом Китае, несмотря на то, что нынешняя династия так много хлопотала о разработке лексикографии своего родного языка»¹⁴¹.

Русское географическое общество наградило И. И. Захарова золотой медалью, а Петербургский университет присвоил ему звание доктора маньчжурской словесности.

За несколько лет до выхода из печати «Грамматики маньчжурского языка» И. И. Захарова А. Орловым также была издана «Грамматика маньчжурского языка»¹⁴². Однако появление ее не вызвало откликов в печати.

Хотя деятельность профессоров И. И. Захарова и Д. А. Пещурова освободила В. П. Васильева от большой педагогической нагрузки, он, однако, не воспользовался этим для подготовки к публикации хотя бы части своих многочисленных рукописей. Все интересы Васильева сосредоточились на общественно-политических вопросах.

Крымская война, падение крепостного права и последовавшее за ним быстрое развитие капитализма в России, реформы

1863—1874 г., народничество — все это будоражило русское общество.

В. П. Васильев увлекся политико-экономическими утопическими «проектами», отвлекаящими его от научной работы. Он буквально горел, разрабатывая проекты по крестьянскому вопросу, экономическому положению страны, по вопросам народного просвещения. «Я как человек и гражданин, — восклицал он, — не могу не интересоваться всеми затрагивающими вопросами государственной и общественной жизни»¹⁴³. В искренности патриотических чувств В. П. Васильева сомневаться не приходится. Однако, как и многие помещики-либералы («в приданое» за женой он получил имение, которым и управлял), В. П. Васильев примыкал к тем, кто искал выхода из кризиса помещичьего землевладения в твердой организации сельской общины и колонизации окраин страны. Были в его взглядах и элементы славянофильства. В отличие от многих других китайцев, его современников, В. П. Васильев в своих публицистических статьях не оставался в стороне от вопросов, волновавших современное ему общество¹⁴⁴.

В центре внимания ученого находились и проблемы внешней политики России, в особенности отношения России с Китаем. Он постоянно следил по китайской прессе за положением в Китае и публиковал в газетах статьи о событиях в Цинской империи¹⁴⁵.

В записках и письмах, посылаемых Ф. Р. Остен-Сакену, чиновнику Азиатского департамента, В. П. Васильев высказал свое мнение о внешней политике России¹⁴⁶. Он обращал особое внимание на политику Англии в Средней Азии и предлагал ряд мер для противодействия деятельности англичан. Остен-Сакен составил докладную записку «Русская политика в Азии в течение последних 20 лет. 1856—1876», в которой писал: «Предположения профессора Васильева настолько важны, что обязанность каждого, кто занимается Востоком, остановиться над ними и по мере сил трудиться над разработкой указанных задач» [Васильев, 139].

Не сочувствуя попыткам царского правительства оставить за Россией Кульджинский край, В. П. Васильев в статье «Отдавать или не отдавать Кульджу», приводя доводы за и против, писал: «Общественное мнение не может разрешить эту путаницу, должно положиться на соображения правительства»¹⁴⁷.

Коллебаясь порой между объективным «пониманием» стремлений царского правительства отстаивать интересы России в Китае и личным подходом, признающим исключительно добрососедские отношения, В. П. Васильев стоял за заключение дружественного договора между двумя странами.

В «Записке о возвращении Кульджи Китаю», опубликованной в конце 1876 г., В. П. Васильев отказывается от своего прежнего мнения — оставить Кульджинский край за Россией.

«Прежде я был ярым противником этой отдачи», — пишет он [Васильев, № 138] и предлагает проект договора России с Китаем, который начинается так: «Два великих соседних государства представляют для всего света небывалый пример самых дружеских, ненарушенных ни разу в продолжение 230 с лишком лет сношений». Общий принцип договора выражен им китайской поговоркой «И дэ и синь» («Одна мысль, одно сердце»).

Пункт первый (а всего их было 16) гласил: «Друг одного государства будет другом и другого, враг одного будет врагом и другого».

В 1886 г. В. П. Васильев был избран действительным членом Академии наук, членом-корреспондентом которой он состоял с 1866 г.

В 1888 г. В. П. Васильеву исполнилось 70 лет. Юбилей был отпразднован торжественно. Об этом Васильев писал П. С. Попову: «Было задушевно, тепло, родственно. Ученики высказали необычайную привязанность... Дорого это еще потому... — продолжал он, — что принуждения никакого не было».

Его ближайшие ученики — П. С. Попов, П. А. Дмитриевский, И. В. Падерин и некоторые другие, находясь в Китае и не имея возможности присутствовать на юбилее, решили оказать внимание своему учителю [218, 219]. Инициативу взял на себя П. А. Дмитриевский, известный как переводчик китайских книг по истории и географии Кореи¹⁴⁸. Он провел подписку среди китаеведов и русского купечества в Китае. Было собрано более 6 тыс. руб. на стипендию им. В. П. Васильева [217].

Однако здоровье В. П. Васильева ухудшалось. «Стар, очень уже стар стал наш старик, — писал А. М. Позднеев в 1889 г. П. С. Попову, — подчас вспыхнет еще у него прежний огонек, но сейчас же и потухает. Прежнее сочувствие всему доброму, старое желание сделать хорошее — все это осталось, но активности уже очень мало. Напиши — подпишет, а самому ему написать что-либо, для этого нужно ждать именно когда пахнет каким-нибудь ветром и вспыхнет огонек»¹⁴⁹.

Этот «огонек» вспыхнул в 1890 г., когда Васильев неожиданно собрался и уехал в Кульджу. В письме в Президиум Академии наук из Кульджи от 22 августа 1890 г.¹⁵⁰ он указывает, что главным поводом к поездке было желание навестить дочерей в Верном (Алма-Ата). Об этой поездке сохранились крайне скудные сведения, которые, вероятно, и ограничиваются письмом в Президиум Академии наук.

В нем Васильев сообщал, что намеревался «посмотреть маньчжурских сибо, говорящих на языке, забытом бóльшим количеством, нежели здесь, господствующего племени не только в Китае, да и почти в самой Маньчжурии, здесь, где этот язык есть язык семейного очага». Получил он и «некоторые сведения о языке солонов». Приведа сведения о положении русской

торговли и современном состоянии края, Васильев в заключение заметил, что он предполагает «ознакомиться с дунганами».

Позднее, в письме к П. С. Попову от 28 ноября 1890 г., В. П. Васильев рассказывал: «Слетал этим летом в Чугучак и Кульджу, был в Верном, Ташкенте, переплыл через Каспий. Уговаривали не ехать в мои годы». Как бы подводя итог своим многолетним раздумьям об отношениях России с Китаем, он писал: «Моя поездка на китайскую границу произвела во мне перелом во взгляде... Чего нам делить с китайцами, и им и нам здесь дела по горло в самих границах...» Надо «не только жить мирно, но даже быть добрыми союзниками... Вот эту идею я поставил себе целью проповедовать»¹⁵¹.

Так, на склоне лет В. П. Васильев высказал мнение, которое было мнением всех прогрессивных русских людей того времени, хотя известно, что в ряде своих статей, посвященных русско-китайским отношениям, он иногда, подчиняясь влиянию правительственных кругов, выражал и иные взгляды.

Противоречия в его научных трудах и публицистике, его скептицизм были отражением общественной мысли, воздействовавшей на него достаточно сильно.

Проявляя глубокую симпатию к китайскому народу, критикуя теории о его неполноценности, высказывая прогрессивные для того времени взгляды на историю и культуру Китая, В. П. Васильев вместе с тем иногда пытался оправдать политику царизма и лишь в конце своей жизни решительно отказался от поддержки этой политики.

В 1891 г. по представлению академиков В. В. Радлова, В. П. Васильева, К. Г. Залемана и В. Р. Розена Академия наук снарядила Орхонскую археологическую экспедицию. По ряду причин из востоковедов в экспедицию был направлен один Д. А. Клеменц, правитель дел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В 1897 г. В. П. Васильев опубликовал в «Сборнике трудов Орхонской экспедиции» статью о китайских надписях на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне¹⁵².

Несколько ранее, в 1896 г., он выступил с «Запиской о надписях, открытых на памятниках на скале Тыр близ Амура»¹⁵³.

В статье «Вэйхайвейский вопрос»¹⁵⁴, опубликованной за два года до смерти, В. П. Васильев вновь высказывает неоднократно отмечавшуюся им и ранее в статьях и книгах веру в будущее китайского народа.

Говоря о многовековой дружбе России с Китаем, он выступает в статье против проведения через Маньчжурию железной дороги во Владивосток и ее ответвления до Порт-Артура и предлагает вести ее от Красноярска до Камчатки. Утверждая, что соглашение о Порт-Артуре явилось следствием захвата Англией Вэйхайвэя, В. П. Васильев высказывает мысль, что

надо «дать Китаю окрепнуть, собраться с собственными силами», чтобы заставить Англию освободить Вэйхайвэй, «тогда мы и сами добровольно уйдем и из Порт-Артура и с железной дороги». «Как не окрепнуть нации в 560 миллионов, т. е. самой многочисленной да, прибавим, и трудолюбивейшей, аккуратнейшей, как не надеяться, что ей можно окрепнуть», — заканчивает он свою статью.

Это была его последняя статья. Еще в конце 1896 г. в письме к П. С. Попову он сообщал о своем состоянии: «... с каждым днем [...] * вот завтра, завтра примусь за дело... с каждым днем чувствую падает моя энергия, да и мечтами перестаю увлекаться. Мне лень выходить на воздух...» [П. С. Попов, № 4].

27 апреля 1900 г. в возрасте 82 лет В. П. Васильев скончался. Он прожил большую творческую жизнь, в нем никогда не угасал огонь исканий.

В 1891 г., оглядываясь на свой жизненный путь, В. П. Васильев писал, что он не осуществил всего намеченного им и видел причину в своей «разбросанности»: «Меня сгубила моя разбросанность: я не успел ничего сделать основательно, потому что то брошусь в Тибет, то перехожу в Маньчжурию, то составляю методу китайской письменности, то бросаюсь на историю, на литературу, на столе у меня три месяца лежит корректура, а я бросился в «Мынгуоумуцзи», на счет Каракорума, перечитывал снова Иакинфа да Танскую историю. Так вот и мечусь всю жизнь. Да пусть бы еще [в] науке. А то ведь знаете, что я реформист государственности, нет, да и закипит негодование на этих книжников, лишенных здравого смысла, — про себя еще я и философ» [П. С. Попов, № 4].

Рукописное наследие ученого более чем в два раза превышает его опубликованные труды. Некоторые рукописи могут быть опубликованы, часть из рукописей требует дополнительной работы, главным образом прочтения текстов, но часть — и, пожалуй, большая — останется только немым свидетелем положения русской науки в царской России.

В. М. Алексеев, посвятивший В. П. Васильеву и его школе большую статью, подводит итоги многогранной деятельности Васильева: «В. П. Васильев, глава школы и примерно 90% общего ее содержания, создал на совершенно пустом месте преподавание, готовившее в течение пятидесяти, если не больше, лет русских государственных деятелей в Китае, на Дальнем Востоке и в России. Нельзя не оценить по достоинству усилий этого длительного пионерства»¹⁵⁵.

Основные труды В. П. Васильева, насыщенные огромным фактическим материалом, до сих пор привлекают внимание советских китаеведов.

* Слово неразборчиво.

В 1886 г. преподавателем университета стал ученик В. П. Васильева С. М. Георгиевский [265; 270].

Сергей Михайлович Георгиевский родился 7 октября 1851 г. в Костроме в семье священника¹⁵⁶. В 1868 г., окончив костромскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Получив после окончания университета в 1873 г. степень кандидата, преподавал в течение двух лет русский язык и историю в костромской гимназии.

В 1875 г. С. М. Георгиевский поступил на восточный факультет Петербургского университета и, окончив в 1880 г. китайский разряд со степенью кандидата, уехал в Китай на службу в чае-торговую фирму. По возвращении из Китая он был причислен к восточному факультету со стипендией на два года для подготовки к профессорскому званию.

В 1885 г. С. М. Георгиевский защитил диссертацию на степень магистра, представив опубликованную в том же году книгу «Первый период китайской истории. До императора Цин-ши-хуанди», и в том же году приступил к чтению лекций. На первом курсе преподавание начиналось с «изложения основного свойства китайского языка и письменности» и ознакомления с политической организацией современного Китая. Лекции для второго курса состояли из чтения и переводов «Сышу» и «выяснения сущности первоначального конфуцианства». На третьем курсе продолжалось изучение конфуцианства, заключавшееся в «выяснении сущности новой конфуцианской философии», в чтении и переводах канонов «Синлицзин», «Гувэнь юаньцзянь» и ознакомлении с жизнью и деятельностью Сыма Гуана и Ван Ань-ши. Кроме того, для вторых — четвертых курсов Георгиевский читал «прагматическую историю Китая» [273, л. 44—49].

Лекции Васильева по буддизму, Георгиевского — по конфуцианству, изучение литературы на китайском языке по этим вопросам давали студентам серьезное знание истории философской мысли Китая.

С. М. Георгиевский умер от туберкулеза в 1893 г., находясь в научной командировке в г. Меце¹⁵⁷. Его преемником на кафедре китайского языка стал А. О. Ивановский, но курс истории Китая, который читал Георгиевский, был возобновлен лишь в 1897 г. приват-доцентом Д. М. Позднеевым, также учеником В. П. Васильева. Однако Позднеев читал этот курс всего один год; в 1898 г. он ушел из университета.

Взгляды русских китаеведов того периода на историю и культуру Китая обобщены в трудах С. М. Георгиевского. Глубоко образованный, хорошо знавший западноевропейскую синологическую литературу, проживший в Китае более двух лет, Георгиевский вслед за Васильевым и другими русскими китае-

ведами горячо отстаивал необходимость изучать историю Китая наравне с историей других стран, выступал против европоцентризма в подходе к всемирной истории, доказывал на фактах порочность игнорирования истории такой страны, как Китай, в курсах всеобщей истории, принадлежавших перу Вебера, Шлоссера и др.¹⁵⁸

В книге «Важность изучения Китая», разбирая взгляды западноевропейских историков, Георгиевский выразил свое несогласие с мнением Гегеля о том, что Китай стоит «на самой низшей ступени самопознания всемирного духа», и с точкой зрения Канта, считавшего, что Небесная империя стоит на весьма низкой ступени развития. На страницах своей книги Георгиевский своеобразно, но логично, широко используя факты, разбил доводы об «окаменелости» Китая. «Заявление некоторых синологов, что Китай есть историческая окаменелость, — с горькой иронией заметил он, — пришлось по вкусу европейцам вообще, так как отсутствие конкуренции льстило их самолюбию, и европейским философам в особенности, так как давало им возможность неестественнее располагать исторический материал и подгонять его под априорно выведенные формулы»¹⁵⁹.

Разбирая вопрос, почему русская литература так бедна книгами о Китае, Георгиевский бросил упрек В. П. Васильеву¹⁶⁰: «Старейший представитель русских синологов не видел надобности издавать даже 163 страничек, хотя мог бы написать десятки томов о китайской литературе». Именно в отсутствии достаточного количества синологической литературы Георгиевский видел причину того, что «русская публика... была расположена относиться с сочувствием к тем журнальным и газетным статькам, в которых (малярно-карикатурным образом) Китай обрисовывался государством полудиким, уродливым, застоявшимся»¹⁶¹. С. М. Георгиевский выражал надежду, что в русском общественном мнении произойдет решительный сдвиг, что новые поколения отрешатся от неосновательных взглядов на Китай и посмотрят другими глазами на население Китая, «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которую в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов», предвидел «то время, когда всякие комбинации политических владычеств будут обуславливаться в мире соизволением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы»¹⁶².

Так выразил С. М. Георгиевский взгляды передовых русских людей на Китай, на его историю и культуру, подчеркивая, что «нам, русским, необходимо иметь ясное и правильное понятие о китайцах, необходимо глубоко и всесторонне изучать их прошлую и современную жизнь».

В 1888 г. вышел труд С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая», вызвавший оживленную дискуссию. В своем ответе графу И. Толстому¹⁶³ Георгиевский указывает на семь рецензен-

тов этой книги, часть из которых находила его «мысли и новы-ми и многозначительными», а факты весьма интересными. Другие же только излагали содержание, а третьи отыскивали в книге одни недостатки¹⁶⁴.

Ответив довольно резко всем рецензентам, относившимся к последней категории (особенно А. О. Ивановскому), Георгиевский приводит фамилии тех, кто «дурно отзывался о китайцах»¹⁶⁵. Больше всего, конечно, досталось И. Толстому, обвинявшему Георгиевского в слишком пристрастном отношении к китайцам, благодаря чему он «усматривает в их жизни только хорошее».

Несомненно, что в «Принципах жизни Китая» есть некоторая идеализация китайской действительности; Георгиевский не мог критически подойти к тем социально-политическим условиям, в которых находился китайский народ; выясняя «принципы жизни китайцев», он не видел в феодальном гнете основного препятствия прогрессу. Конечно, концепции Георгиевского были продуктом его эпохи. Однако его вдохновенное отношение к Китаю было по неправильным взглядам, распространенным не только в русском, но и в европейском обществе, на культуру и историю Китая, обычаи его народа.

С. М. Георгиевский в «Принципах жизни Китая» рассматривает главным образом конфуцианство, культ предков, даосизм, но ни один из современных ему критиков не коснулся этих проблем, ограничиваясь общими замечаниями и останавливаясь лишь на частности.

Правильная оценка философских концепций Георгиевского, изложенных в «Принципах жизни Китая», была сделана только в советское время. А. А. Петров выразил в целом положительное мнение об этой книге, указав, что, «несмотря на обилие в книге ошибок и недостатков, она все же лучшее из того, что мы имеем в дореволюционном русском китаеведении по идеологии Китая». А. А. Петров считал, что взгляды С. Георгиевского «на даосизм, несомненно, заслуживают внимания; при оценке даосизма он исходит из правильной предпосылки... по отношению к конфуцианству автор обнаруживает исторический подход... и неплохо излагает социальную философию Конфуция»¹⁶⁶. К сожалению, другими советскими китаистами и философами книга Георгиевского почти не используется, хотя она содержит много фактического материала¹⁶⁷.

С. М. Георгиевский первым в русском китаеведении затронул вопрос о синологии как науке. «Синологии как установленной науки еще не существует; в синологии нет еще ни определенных целей, ни утвержденных оснований, ни выработанных приемов; синология смешивается еще с простым драгоманством, с умением переводить с китайского языка на тот или другой из языков европейских». Выход из этого положения Георгиевский видел в дифференциации китаеведения. «Под синологией (ныне

понятием весьма туманным), — писал он, — должна разумеется не одна какая-либо наука, а совокупность многих наук»¹⁶⁸.

«Совокупностью многих наук» — комплексной дисциплиной, изучающей различные аспекты истории, экономики, культуры Китая, смогло стать только советское китаеведение...

В 1885 г. восточный факультет университета понес большую утрату: скоропостижно скончался И. И. Захаров, преподававший в течение 17 лет маньчжурский язык, внесший значительный вклад в развитие русско-китайских отношений и пользовавшийся исключительно теплым вниманием сослуживцев¹⁶⁹.

В. П. Васильев, которому в это время исполнилось 68 лет, отказался вести занятия по маньчжурскому языку, и на должность преподавателя маньчжурского языка был назначен А. О. Ивановский.

Алексей Осипович Ивановский родился в 1863 г. в г. Гдове в дворянской семье. В 1881 г., после окончания гимназии в Петербурге, он поступил на восточный факультет Петербургского университета и окончил его в 1885 г. со степенью кандидата.

Назначение А. О. Ивановского, ближайшего ученика В. П. Васильева, преподавателем маньчжурского языка было единственной возможностью не прерывать занятий. Однако дальнейшее продвижение по службе Ивановского при содействии Васильева возбудило на факультете массу толков и вызвало возражение со стороны А. М. Позднеева, секретаря факультета. Толки, возникшие на факультете относительно А. О. Ивановского, А. М. Позднеев, человек чрезмерно строгий, но прямой высказал в письме к П. С. Попову: «Злобу дня составляет теперь Ивановский, которого Вы, может быть, видали и уже, конечно, знаете по книжкам. Василий Павлович от него без ума, а между тем и работы и личность Ивановского, — все это внушает к нему, особенно со стороны, не много симпатии...» [П. С. Попов, № 12]. В 1887 г. Ивановский защитил магистерскую диссертацию¹⁷⁰. А. М. Позднеев крайне резко отозвался о ней и считал, что В. П. Васильев утвердил ее чуть ли не в пику Георгиевскому¹⁷¹. Однако, писал он, «Василий Павлович представил его в экстраординарные профессора. Конечно, весь факультет восстал против передачи кафедры человеку, не видавшему Китая и, следовательно, имеющему как о стране, так и об языке обитателей самые недостаточные представления... Закрепить кафедру на 25 лет за человеком сомнительным тяжело, и в то же время еще тяжелее давать веру только личным впечатлениям... Мы знаем, что печатные работы молодых людей в сущности значения никакого не имеют, а потому и у Ивановского могут быть знания гораздо высшие, чем выражены они в диссертации, но, с другой стороны, как отвергнуть сомнения, возбуждаемые этими диссертациями...»¹⁷²

В 1890 г. А. О. Ивановский уехал в Китай. Пробыв там два года, он вернулся, нагруженный дневниками¹⁷³, записями образ-

цов солонского и дахурского языков и другими материалами, связанными с изучением маньчжурского языка. Поездка в Маньчжурию помогла ему стать одним из высокообразованных русских маньчжуристов.

После возвращения он опубликовал несколько статей: «Китайские песни Северной Маньчжурии»¹⁷⁴, «Медная монета Маньчжурии»¹⁷⁵, «Театр в Северной Маньчжурии»¹⁷⁶, а также записи образов солонского и дахурского языков¹⁷⁷. А его «Маньчжурская хрестоматия», изданная в 1893 г., была переиздана в 1895 г. и существенно дополнена: параллельно маньчжурскому тексту был дан китайский¹⁷⁸.

Из программы занятий по маньчжурской словесности А. О. Ивановского видно, что кроме курсов, читанных до него Захаровым, он вел еще курс истории Маньчжурии¹⁷⁹.

Занятия тибетским языком и буддизмом позволили А. О. Ивановскому опубликовать работы «О китайском переводе буддийского сборника»¹⁸⁰, «Тибетский текст в маньчжурской транскрипции»¹⁸¹, «Иллюстрации из жизни Будды»¹⁸².

Оценку А. О. Ивановского, данную ему А. М. Позднеевым, считаем резкой, недоброжелательной и необъективной. Нам кажется более объективным мнение ученика Ивановского В. М. Алексеева: «А. О. Ивановский действовал обаянием своих познаний о Китае, добиваясь нашего понимания текста не диктовкой, а через книгу. Лекции оживлял анекдотами и остроумными афоризмами. Как профессор, следовал во всем своему учителю, крупнейшему русскому китаеведу В. П. Васильеву, которого обожал. Продолжал полиглотство Васильева: знал маньчжурский, монгольский и тибетский языки и санскрит, хотя уже далеко не в такой степени, как Васильев. Судьба Ивановского трагична. Он буквально изнемогал под непосильным бременем огромного курса китайской литературы, тяжело болел, страдал алкоголизмом. Был беден и часто жаловался, что не может купить нужных книг»¹⁸³.

В статье, посвященной С. Ф. Ольденбургу, В. М. Алексеев также весьма благожелательно говорил об А. О. Ивановском. Называя его не без основания другом Ольденбурга, В. М. Алексеев рассказал, как последний сумел отвлечь Ивановского от «гибельных теорий» В. П. Васильева: «На почве буддологии он (С. Ф. Ольденбург. — П. С.) работал с ним рука об руку и, вероятно, добился бы превращения этого гениального по способностям китаиста в крупного ученого, если бы не тяжкий недуг, сведший А. О. в преждевременную могилу»¹⁸⁴.

ВОСТОКОВЕДЫ — УЧЕНИКИ В. П. ВАСИЛЬЕВА

В «Материалах по истории Восточного факультета» почти не упомянуто о результатах педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава факультета. Между тем при

рассмотрении деятельности каждого из профессоров необходимо принимать во внимание не только опубликованные труды, но и практические результаты их педагогической работы: сколько подготовлено учеников, кто из них остался при университете для подготовки к научной деятельности, кто посвятил себя практической работе.

В библиографических очерках и некрологах В. П. Васильева было много сказано о его опубликованных и неопубликованных трудах, о его неутомимой работе в качестве декана факультета, но о результатах его педагогической деятельности — о его учениках почти никто до сих пор не писал.

В. П. Васильев преподавал на восточном факультете в течение 38 лет. За это время из стен факультета вышло около 60 его учеников (ежегодно факультет оканчивало от 10 до 20 человек). Лишь немногие из них оставались на факультете для подготовки к преподавательской деятельности, большинство уходило на практическую работу — в различные правительственные учреждения, в консульства, открытые в 60—90-х годах во многих городах Китая, некоторые служили на русско-китайской границе или в торговых фирмах.

Непосредственными преемниками Васильева в университете стали С. М. Георгиевский и А. О. Ивановский. У В. П. Васильева учились также известные ученые-востоковеды — монголоеды и маньчжуристы А. М. Позднеев и В. Л. Котвич, индолог И. П. Минаев, японист Д. М. Позднеев. Позже во владивостокском Восточном институте преподавали его ученики П. П. Шмидт [277], А. В. Рудаков [274], Н. В. Кюнер, Гонбоджаб Цыбиков [281; 284].

На работе в Китае, главным образом в консульствах, в разное время находились ученики Васильева: Г. Г. Авенариус [279], Н. В. Богоявленский, Я. Брандт, А. С. Вахович [267], Н. И. Гомбоев, П. А. Дмитриевский, П. Г. Керберг, Н. Ф. Колесов, С. А. Колоколов [271], Н. Н. Кротков, Н. Ф. Ладыженский, В.-Г. Э. Ландезен [272], Н. В. Лаптев [268], А. Ленци, В. Ф. Люба, Н. И. Монастырев [264], И. В. Падерин, Д. Д. Покотилов [269], Н. А. Попов, П. С. Попов, Ручковский, Сергиевский, П. Сулковский, А. В. Тужилин [276], П. Ф. Унтербергер, В. М. Успенский, Я. П. Шишмарев, Н. А. Шуйский, Д. Г. Янчевецкий [275] и др.¹⁸⁵ И. С. Андриевский известен как переводчик, прикомандированный к экспедиции Ю. А. Сосновского. В. И. Цыбузгин был учителем в дунганских школах. Кох был оставлен помощником библиотекаря в университете.

Интересна судьба Николая Ивановича Монастырева, автора единственного перевода на русский язык «Чунью». Он родился 20 июля 1851 г. в Вологодской губернии, сын дьяка. В 1870 г. окончил Вологодскую духовную семинарию и поступил на восточный факультет Петербургского университета, где отличался исключительными способностями. Защитив в 1875 г. магистер-

скую диссертацию на тему о «Чуньцю» и получив звание кандидата, Монастырев по неизвестным причинам не был оставлен при университете [264; 266], а стал преподавать в гатчинском уездном училище историю и географию. В университете Монастырев прослушал также полный курс юридических наук¹⁸⁶.

Замешанный в каком-то политическом деле, Монастырев был сослан в Красноярск, где доживал свои дни, больной туберкулезом, работая учителем гимназии до самой смерти в 1881 г. В Красноярске читал публичные лекции по истории ранних русско-китайских отношений. Кроме трех книг о «Чуньцю» опубликовал «Исторический очерк наших сношений с Китаем», написанный по китайским документам¹⁸⁷.

Из учеников В. П. Васильева, уехавших на практическую работу в Китай, впоследствии стал наиболее известен П. С. Попов, приват-доцент восточного факультета.

Павел Степанович Попов родился 26 августа 1842 г. в Щигровском уезде Курской области в семье священника. В 1859 г. окончил Курское духовное училище, в 1865 г. — Курскую духовную семинарию. В сентябре того же года «направлен в Петербургскую духовную академию, но через год, в июне 1866 г., ушел из академии и был уволен из духовного звания». Поступив на восточный факультет Петербургского университета, окончил в 1870 г. китайско-монголо-маньчжурский разряд со званием кандидата [263].

В том же 1870 г. Попов был определен на службу в Азиатский департамент и отправлен в Пекин сверхштатным студентом дипломатической миссии. В 1871 г. переведен в штатные студенты, в 1873 г. назначен вторым драгоманом, в 1877 г. — первым драгоманом, в 1886 г. — генеральным консулом в Пекине [286].

В Пекине в 1879 г. П. С. Попов составил русско-китайский словарь, долгое время остававшийся незаменимым. Словарь выдержал три издания¹⁸⁸.

В адрес III Международного конгресса ориенталистов, состоявшегося в 1876 г. в Петербурге, П. С. Попов направил статью «Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая»¹⁸⁹.

В 1888 г. в русском китаеведении произошло событие, имевшее огромное научное значение: П. С. Поповым был издан словарь П. Кафарова¹⁹⁰. Попов потратил на подготовку словаря к изданию более шести лет. В письме к Ф. Р. Остен-Сакену в 1890 г. он писал: «Пополнение и завершение этого труда потребовало от меня ежедневной, усидчивой 5-часовой работы в течение 6 лет, не считая почти 2-х лет самой кропотливой механической работы по изданию его в свет».

Можно оспаривать целесообразность сделанных П. С. Поповым «пополнений», нарушивших цельность лексикографического материала, подчиненного единому замыслу П. Кафарова, но

едва ли без трудов П. С. Попова словарь увидел бы свет. «В свое время я погоревал, что словарь пропадет», — писал в ответ Ф. Р. Остен-Сакен П. С. Попову, высказывая мнение, что издание словаря — «истинный подвиг, в котором проявлено самоотвержение и безграничное уважение к науке» [П. С. Попов, № 10].

После выхода словаря в свет П. С. Попов получил много писем с благодарностью [П. С. Попов, 1—17]. В. П. Васильев, еще в 1886 г. узнав, что П. С. Попов расположил материал в словаре по ключевой системе, выговаривал ему: «Эх, Павел Степанович, грех на Вашей душе, что Вы не переделали его по моей системе, т. е. графической, — вышло бы большое облегчение и польза для русских, да и Вам больше чести, потому что тогда это был бы уже Ваш лексикон, а не Палладия. Видели ли Вы Chalmers'a по графической системе; я все дожидался, что мои ученики улучшат мою систему, а они кто в лес, кто по дрова. Выйду из университета — и моя система, равно как и взгляд на историю и литературу, пропадут»¹⁹¹.

После выхода словаря в течение нескольких лет П. С. Попов трудился над переводом «Мэнгу юму цзи», изданным с большим количеством примечаний в 1895 г.¹⁹².

П. С. Попов первым из русских ученых обратил внимание на начавшееся реформаторское движение в Китае и своими статьями в журнале «Вестник Европы»¹⁹³ привлек внимание русской общественности к началу новой эры в Китае.

С. Л. Тихвинский в своем труде указывает: «Буржуазно-либеральные органы русской печати того времени (например, журнал „Вестник Европы“) сочувственно относились к верхушечному „Законному“ движению за реформы в Китае, печатали переводы отдельных статей из китайских газет, призывавших к осуществлению преобразований»¹⁹⁴. Почти все статьи по Китаю, публиковавшиеся в «Вестнике Европы», принадлежали перу П. С. Попова.

В 1901—1903 гг. в том же журнале снова появляются его статьи: «Новейшие вести из Китая», «Два месяца осады в Пекине», «Накануне реформ в Китае», «Проект китайских реформ»¹⁹⁵.

В 1888 г. В. П. Васильев писал П. С. Попову: «Ведь Вы теперь стоите во главе нашей семьи, составили центр ее» [П. С. Попов, № 41].

Действительно, положение генерального консула в столице Китая и доброжелательный характер П. С. Попова способствовали тому, что почти со всеми китайцами, разбросанными по стране, у него сложились теплые, дружеские отношения. Об этом свидетельствует обширная переписка, сохранившаяся до наших дней. Эти письма могут служить надежным материалом к характеристике ряда его корреспондентов — сослуживцев и коллег по университету.

В 1902 г. П. С. Попов уехал из Китая. Дальнейшая его деятельность проходила в Петербурге, в стенах восточного факультета, где он преподавал китайский язык.

В бытность свою в Китае П. С. Попов активно сотрудничал в различных газетах. В частности, примечательна связь Попова с известным редактором газеты «Восточное обозрение» Н. М. Ядринцевым, который, сообщая о получении статьи Попова (под псевдонимом Мао Линь)¹⁹⁶, разъясняет свою точку зрения на Китай и надеется, что Попов «примет ее в своих статьях руководящим девизом» [П. С. Попов, № 18]. «Наша задача — приучить русскую публику интересоваться судьбами Азиатского Востока — весьма тяжела при существующем предубеждении к Азиатским странам и утвердившемся мнении, что эти государства мертвые, обреченные на застой, в противоположность европейской цивилизации». Надо развеять это предубеждение, говорит Ядринцев, и доказывать, что и там «есть жизнь, движение, своя культура и свой прогресс... может быть, им готовится своя роль в истории человечества». Эта мысль «будет нашим руководящим девизом в вопросе обновления Востока» [П. С. Попов, № 18].

Мысли об искоренении европоцентристских взглядов на культуру Китая все чаще и чаще повторялись на страницах книг, журналов и газет. Как видно из письма Ядринцева, «руководящий девиз» — разбить мнение, что Китай — это «мертвое государство», был присущ не только китаистам.

Но, безусловно, для нас интересно проследить в этом плане за мнением русских китаистов и очевидцев, находившихся в Китае в период восстания ихэтуаней, или, как их тогда называли, «боксеров» (1900 г.). П. С. Попов, Д. М. Позднеев, врач посольства В. В. Корсаков, Д. Д. Покотйлов пережили осаду ихэтуанями посольского квартала и оставили свои воспоминания¹⁹⁷. Их дневники полны тревоги за жизнь своих семей, переживаниями, связанными со смертью товарищей при обстрелах жилищ, и трудностями осады. Они нетерпеливо ждали прихода иностранных войск из Тяньцзиня. Однако все единодушно считали, что причиной восстания явилось возмутительное отношение европейцев к китайскому народу.

П. С. Попов писал в своих воспоминаниях: «А что у Китая, говоря откровенно, не было никаких оснований дружелюбно относиться к иностранцам — для этого достаточно беспристрастно заглянуть в историю их отношений с ним за последние шестьдесят лет». Мы «не видим тут ничего другого, — подчеркивает автор, — кроме бесконечного ряда насилий и эксплуатации...». П. С. Попов перечисляет незаконные действия иностранцев: ничем не обоснованные захваты китайской территории, ограничения прав Китая распоряжаться своими землями. «Все это я говорю не потому, — продолжает П. С. Попов, — что я желаю защищать Китай, в столице которого я со всюю семьей

испытывал все ужасы двухмесячной осады, что я окитаился, а с единственной целью показать, что Китай имеет достаточно оснований не любить иностранцев и что все вышеизложенное послужило поводом к тем прискорбным и небывалым в истории событиям, свидетелями и невольными участниками которых были мы сами»¹⁹⁸.

В. В. Корсаков также возлагал вину на иностранцев. «Можно ли удивляться, — писал он, — что народ, который постоянно давят и несправедливо обижают, доведенный до отчаяния, восстанет против своего притеснителя?»¹⁹⁹

Художник Н. И. Кравченко, путешествовавший по Китаю во время восстания ихэтуаней в качестве корреспондента, с негодованием описывал поведение иностранцев в Китае, которые «держат себя немногим лучше, чем рабовладельцы в Африке, и это даже здесь, в Пекине, в китайской столице... Просвещенные европейцы бьют, пытаются и даже убивают китайцев в Пекине... Видеть это становится невыносимым, а поэтому надо уже бежать отсюда, хотя еще много, очень много я здесь не успел посмотреть»²⁰⁰.

КИТАЙЦЫ — ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА

В истории китаеведения большую роль сыграли преподаватели-китайцы (сяньшэны). Изучение китайского языка (как и других языков) требует для усвоения его особенностей участия в учебном процессе преподавателя, для которого этот язык был бы родным.

Как уже отмечалось, преподавание китайского языка в высших учебных заведениях было начато Исмаилом Абу-Каримовым (1800—1865), преподававшим около 12 лет китайский язык в Казанском и Петербургском университетах. После его смерти разговорный язык преподавал К. А. Скачков, а затем Д. А. Пещуров. С 1884 по 1885 г. занятия вел китаец Гуй Жун. Его заменил Су Чжун, проработавший два года. После Су Чжуна китайско-маньчжурский разряд оставался без сяньшэна четыре года. Затем в 1891/92 учебном году занятия вел Гао Инь-ци. С 1892 г. восточный факультет опять остался без сяньшэна. В 1897 г. занятия вел студент из китайского посольства Шао Хэн-сюнь, преподававший всего полгода. Вместо него также из китайского посольства был приглашен Куэ Фан, проработавший в университете почти шесть лет (1898—1904). Затем китайский язык преподавал Мэн Си-шоу, также китайский подданный, а с 1907 г. — Чэн, служащий Русско-китайского банка²⁰¹.

Может быть потому, что преподаватели китайского языка менялись довольно часто, в делах факультета сохранилось о них крайне мало сведений.

Гуй Жун был чиновником китайского посольства в России. Утвержден в качестве вольнонаемного преподавателя китайского разговорного языка и китайской каллиграфии 8 февраля 1884 г. Учился русскому языку в Пекине у А. Ф. Попова²⁰².

В. П. Васильев полагал неудобным приглашать преподавателями лиц из китайского посольства, так как «руководить занятиями лица, состоящего на службе в посольстве и не зависящего от русской службы», считал нежелательным²⁰³.

Су Чжун (Суахунов) — дунганин, бежавший в Россию после подавления дунганского восстания в Синьцзяне. Его приключения, связанные с бегством из Китая, на русском языке были опубликованы в «Областных ведомостях». Проработав в университете с 1885 по 1887 г., уехал в Среднюю Азию. За годы преподавания издал китайские разговорные тексты. Написал китайский текст для первого издания «Хрестоматии»²⁰⁴.

Гао Инь-ци — китайский подданный, учитель Кульджинской школы переводчиков. 31 июня 1891 г. был назначен преподавателем китайского языка и каллиграфии. 17 сентября 1892 г. скончался в Петербурге от холеры²⁰⁵.

ПОПЫТКИ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

В 1885 г. был разработан любопытный проект преподавания китайского и монгольского языков в Петровском коммерческом училище Санкт-Петербургского купеческого общества [315]. Автором его, судя по записке, находящейся в деле, вероятно, был В. П. Васильев.

2 декабря 1885 г. министр финансов обратился к министру народного просвещения с письмом, в котором, основываясь на том, что положение торговли России с Китаем «не может считаться удовлетворительным» ввиду «отсутствия надлежащего знакомства с условиями китайского рынка, с местными обычаями и языком», что преподавание в одном лишь университете носит научный характер и разговорный язык студенты не знают, поддерживал ходатайство попечительного совета Петровского коммерческого училища об учреждении отделения китайского и монгольского языков. Кроме того, предусматривалось введение китайского языка в двух старших — первом и втором — специальных классах.

На отделение предполагалось принимать по 10 воспитанников, окончивших с успехом одно из коммерческих училищ. Стипендия устанавливалась в размере 30 руб. в месяц. Воспитанники должны были жить вместе, как то было принято в Учебном отделении Азиатского департамента. Предполагалось «постоянное общение с дежурным из туземцев, который помогает в практическом изучении китайского и монгольского языков».

Программа включала изучение китайского языка и быта китайцев (6 час. в неделю), изучение монгольского языка и быта монголов (5 час.), изучение английского языка (3 часа), практические занятия по товароведению (2 часа).

29 января 1886 г. В. П. Васильев сообщил свое мнение по этому проекту министру народного просвещения: «От лица факультета можем приветствовать такой первый шаг к введению изучения восточных языков в частных училищах и надеемся, что оно будет не единственное». Факультет видел в этом проекте расширение полезных знаний, необходимых и «торгующему купечеству» [315]. Однако проект осуществлен не был.

В статье «О преподавании восточных языков в России» («Восточное обозрение», 1886, № 8) В. П. Васильев высказал пожелание об открытии Министерством иностранных дел гимназии, в которой вместо преподавания классических языков будут изучаться восточные языки.

ШКОЛЫ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В УРГЕ И КУЛЬДЖЕ

После заключения Тяньцзиньского, Пекинского и Петербургского договоров торговые связи между Россией и Китаем значительно расширились. Центрами торговли стали не только новые пограничные пункты, но и ряд городов в самом Китае (Тяньцзинь, Чжанцзякоу, Ханькоу), а также города Маньчжурии и Синьцзяна.

Потребность в лицах, знающих китайский и маньчжурский языки, возрастала с каждым днем, а изучение этих языков велось только на восточном факультете Петербургского университета. Кяхтинская школа после смерти Крымского перестала функционировать, поездки студентов в составе духовной миссии с 1864 г. прекратились. Китайско-маньчжурский разряд восточного факультета выпускал немного специалистов, к тому же почти все окончившие факультет причислялись к Министерству иностранных дел. Такое положение создавало большие трудности с переводчиками с китайского и маньчжурского языков на местах, хотя именно здесь они были необходимы для осуществления политики царского правительства на русско-китайской границе и в самом Китае.

В 1865 г. по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова в Урге была открыта школа переводчиков и толмачей²⁰⁶, устав которой гласил: «Вследствие крайней необходимости в переводчиках и толмачах при развивающихся наших сношениях с Китаем на границах Восточной и Западной Сибири, а равно и Туркестанского края учреждается при нашем консульстве в Урге школа для переводчиков и толмачей маньчжурского и монгольского языков» [226].

Китайский язык, как было сказано в уставе, воспитанники

изучают «по возможности». Фактически же китайский язык преподавался всем воспитанникам. Бюджет школы был весьма скромный — 1260 руб. в год, из которых на оплату преподавателей и учебные пособия выделялось 480 руб. Четыре воспитанника, получая в год 200 руб., обязывались прослужить затем шесть лет в районе того губернаторства, откуда были посланы. Курс обучения — пять лет. Генерал-губернатором Восточной Сибири было послано в школу «несколько молодых людей из казачьего сословия».

Начальник Туркестанского края также направил в Ургу четырех человек, но они были приняты только спустя некоторое время, когда удалось выхлопотать средства на их «содержание».

В 1876 г. требования к поступающим в школу были повышены. Ведавший школой Я. П. Шишмарев, консул в Урге, предложил принимать только окончивших гимназию или, по меньшей мере, прогимназию. Что касалось преподавания китайского языка, то он указал, что в школе может изучаться лишь разговорный язык, ибо письменный язык и грамматику преподавать было некому.

В декабре 1881 г. инспектор от генерал-губернатора Восточной Сибири, обследовавший Ургинскую школу, предложил перевести ее в Кульджу, где легче было найти хороших учителей. Генерал-губернатор с этим не согласился и предложил, оставив школу в Урге, организовать такую же в Кульдже. Управляющий Министерством иностранных дел Гирс запросил Шишмарева, можно ли в Кульдже найти опытных учителей монгольского и маньчжурского языков и «тех наречий китайского, на которых говорят по соседству с Восточной Сибирью». Шишмарев ответил утвердительно.

После этого запросили мнение В. П. Васильева, который в своей записке доказывал необходимость учредить школу в Урге, а не в Кульдже, где труднее научиться монгольскому и маньчжурскому языкам. В. П. Васильев предложил оставить школу в Урге, а консулам в Чугучаке, Кульдже и Кашгаре предоставить право открыть подобные школы при консульствах. И. И. Захаров на записке В. П. Васильева выразил свое мнение, что «нужно иметь две школы — в Урге и Кульдже» [226, л. 56—57].

И. В. Падерин, консул в Урге, сменивший на этом посту Шишмарева, также представил свои соображения, где настаивал на существовании двух школ. В 1884 г. он получил указ Сената об учреждении школы при консульствах в Урге и Кульдже [226, л. 106].

История Кульджинской школы началась еще во времена занятия Илийского края русскими войсками. Семиреченское областное начальство поместило у китайского волостного «управителя» (старшины) Янчи двух казачьих юношей, Бахирева и

М. Сташкова, обязав учителя местной народной школы обучать их китайскому языку. Опыт оказался удачным: Бахирев и Сташков долгое время считались единственными из русских переводчиков, знающими китайский разговорный язык²⁰⁷.

После столь удачного опыта семиреченская администрация послала в Кульджу уже пять учеников, выделив на каждого по 190 руб. Ученики поступили под надзор одного из полномочных комиссаров по разграничению — Я. П. Шишмарева. После отъезда из Кульджи Шишмарев передал учеников в ведение консульства.

На содержание школы отпускалось 1460 руб., исходя из расчета, что расходы на двух учителей — китайского и маньчжурского языков — составят 480 руб., содержание четырех учеников — 480 руб. и прочие расходы — 500 руб.

После указа 1884 г. число учеников было доведено до шести и на содержание школы отпускалось 3 тыс. руб.

В 1886 г. состоялся очередной выпуск школы. Ее окончили Григорий Хабаров (впоследствии переводчик при Хабаровском полицейском управлении), Александр Шмаков («заведовал дунганями!») и Петр Шебалин (переводчик при Семиреченском областном правлении).

В 1889 г. школу окончили Александр Габеев (впоследствии драгоман на Китайско-Восточной железной дороге)²⁰⁸, Вениамин Лебедев (учитель в Каракурузской дунганской школе) и Василий Рагозин (после школы призван в армию). В 1890 г. штатных должностей переводчиков в пограничных учреждениях не было, и окончившие школу не знали, где устроиться. Считалось, что каждый воспитанник за пять лет обходится государству слишком дорого (с 1885 по 1890 г. около 3 тыс. руб. каждый), и потому в 1892 г. было выказано предложение закрыть школу. За ее сохранение выступил консул в Кульдже В. Успенский. Он указывал, что на переводчиков имеются заявки из Омска, а также подчеркивал успехи двух из четырех учеников, еще обучающихся в школе: Карачев почти безошибочно излагал переводы казенных бумаг на маньчжурский язык и хорошо на нем говорил; не уступал ему и Асанов. Преподавание, как считал Успенский, находилось в школе на должном уровне, учителями были китаец Дуань — сюцай из провинции Ганьсу, маньчжур из Гирина, преподававший маньчжурский язык уже 10 лет, и мулла Касым-ахун, обучавший уйгурскому языку.

Инспектором школы был В. Ф. Люба, окончивший восточный факультет Петербургского университета, ученик В. П. Васильева. Люба в своей записке Я. П. Шишмареву подробно сообщает о занятиях в школе разговорным и отчасти письменным китайским языком, письменным и разговорным маньчжурским и монгольским языками. Читался также краткий курс географии (по З. М. Матусовскому и запискам Шишмарева), истории Китая и истории договоров России с Китаем.

В 1893 г. состоялся выпуск из Ургинской школы. По 1-му разряду ее окончили Андрей Паршуков и Иван Сахаров. Преподавателем китайского языка был Чун Бин, монгольского и маньчжурского — Лубсан Цэрин, немного знавший и китайский язык.

Несмотря на ряд льгот и стипендию, набор учеников в обе школы проходил с трудом. Например, в ноябре 1893 г. в Кульджинскую школу поступил лишь один ученик. Объяснялось это не только трудностями устройства на службу по специальности после пяти лет обучения, но и небольшой стипендией (200 руб. в год), на которую приходилось жить впроголодь. В январе 1895 г. последний и единственный ученик Кульджинской школы Козлов (с 1891 г.) покончил жизнь самоубийством.

В мае 1896 г. состоялись выпускные экзамены в Ургинской школе. Ее окончили С. Ф. Большаков и Цыдыпов.

Существование школы в Кульдже висело на волоске, но военный министр сообщил в Министерство иностранных дел, что он считает необходимым сохранить школу переводчиков при кульджинском консульстве. Однако сама жизнь доказала бесперспективность школы в Кульдже, и она прекратила свое существование.

Продолжала свою работу школа в Урге. Последние сведения о ней относятся к 1914 г.

Е. Доревская замечает, что за 56 лет существования Ургинская школа подготовила более 100 переводчиков маньчжурского, монгольского и китайского языков, и указывает фамилии выпускников школы, служивших переводчиками в консульствах: К. Садовников (Гирин), Г. Попов (Харбин), В. Кондаков (Куанчэнцзы)²⁰⁹, С. Ф. Большаков (Ханькоу).

СВЯЗИ РУССКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ С ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СИНОЛОГИЕЙ

Особенность русской школы востоковедения заключалась в ее самобытности, в своеобразии ее становления и развития. Это своеобразие не раз отмечали занимавшиеся историей востоковедения академики В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, С. Ф. Ольденбург. В неопубликованной статье В. М. Алексеева эта особенность русского Китаеведения отмечается применительно к школе В. П. Васильева: «Это была подлинно русская школа и по своему духу и по языку, которая весьма неохотно шла на поводу других и самобытность мысли ставила на первое место»²¹⁰.

Следует добавить, что, будучи самобытным, русское Китаеведение признавало достижения западноевропейской синологии, но относилось скептически к концепциям, лежащим в основе большинства трудов западноевропейских сиологов.

Факты свидетельствуют о том, что западноевропейские синологи следили за успехами русского китаеведения и между ними и русскими китаеводами существовали довольно тесные научные связи.

Вопрос о роли и значении русского китаеведения в мировой науке — предмет особого исследования, которым ни на Западе, ни в Советском Союзе еще никто не занимался. Мы остановимся лишь на некоторых фактах, свидетельствующих о роли отечественного китаеведения в мировом изучении Китая.

Широкая публикация в XVII в. в Западной Европе материалов путешествий И. Петлина, Ф. Байкова, Н. Венюкова, Н. Спафария и др., использование Аврилем, Абланкурром, Витсенем привезенного русскими путешественниками картографического материала — весьма примечательные факты. Приоритет русских здесь не подлежит сомнению.

В первой половине XVIII в. Академия наук в Петербурге вела деятельную переписку с западноевропейскими миссионерами, жившими в Китае, посылала им книги, получала от них семена растений и т. д. Публикации в Западной Европе описаний поездок в Китай Избранта Идеса и Адама Бранда, Лоренца Ланга, Унферцагта, Белла, ездивших в составе российских посольств, значительно продвинуло изучение Китая, в особенности его северо-восточных районов.

Имя И. К. Россохина стало известно за границей раньше, чем в России, благодаря ссылкам на его переводы с китайского в исторических сочинениях Г. Ф. Миллера.

Издание за границей на немецком и французском языках в 1778 г. книги А. Л. Леонтьева «Китайские мысли» возбудило большой интерес, и некто фон Мур из Нюрнберга выразил желание вступить с Леонтьевым в переписку по вопросам китайской литературы. Известный французский синолог Антуан Гобиль был знаком с А. Л. Леонтьевым. В предисловии ко второму тому «Тайцин гурунь и Ухери коли», где приложен перевод небольшой части «Ицзина», Леонтьев указал, что мысль о переводе «Ицзина» ему подал Гобиль (подробнее см. стр. 73 настоящей работы).

В XIX в. связи русских китаеведов с западноевропейскими синологами были весьма значительны. Дискуссии, которые велись между Ю. Клапротом и Н. Я. Бичуриным, возбудили у западноевропейских сиологов интерес к сочинениям русского китаевода. Французский синолог С. Жюльен в предисловии к своей книге «Exercices pratiques d'analyse de syntaxe et de lexicographie Chinoise» (Paris, 1842) называет Бичурину «одним из опытнейших сиологов Европы». В архиве Н. Я. Бичурина (ОР ГПБ) находится статья Жюльена на французском языке с его корректурными пометками, присланная, вероятно, Бичурину на отзыв.

Весьма удачные опыты в 20-х годах XIX в. с литографиро-

ванием восточных шрифтов П. Л. Шиллингом вызвали на Западе большой интерес. Особенно обратили на себя внимание литографии китайских текстов «Дасюэ», «Луньюй», «Чжунъюн» и др. В «Journal Asiatique» появилась статья французского синолога А. Ремюзы с восторженным отзывом о качестве литографий. С. Жюльен начал переписку с Шиллингом.

В 30-х годах С. В. Липовцов выполнял задание Британского библейского общества — делал перевод на маньчжурский язык части Нового завета, который был издан в Петербурге.

Имеются не вполне достоверные данные, что Джордж Барроу, приезжавший в 1833—1835 гг. в Петербург для издания части Нового завета на маньчжурском языке, брал у Н. Я. Бичурина уроки китайского языка.

В 40-х годах С. Жюльен ведет деятельную переписку с Академией наук о высылке ему тибетско-санскритского словаря из коллекции восточного факультета Петербургского университета. Жюльен затрагивает и ряд других вопросов и, между прочим, предлагает прислать в Париж молодого ученого, знающего другие языки, для совершенствования его в китайском языке. В 1842 г. Жюльен повторяет свое предложение. Детальное ознакомление с перепиской, несомненно, выявит еще много интересных и важных подробностей о связях Жюльена с Академией наук.

В 50-х годах связь с С. Жюльеном поддерживал К. А. Скачков, который, будучи в Париже, бывал у Жюльена, познакомился через него с французскими синологами Потье, Био, путешественником Гюком. По их рекомендации К. А. Скачков был избран членом Азиатского общества. В 1874 г. К. А. Скачков, будучи в Париже, вновь встречался с французскими синологам, о чем писал В. П. Васильеву.

Статьи, опубликованные в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине», свидетельствуют о достаточно хорошем знании авторами этих статей западноевропейской литературы по Китаю.

Палладий Кафаров вел переписку со многими синологами Западной Европы. В частности, интересна его переписка с С. В. Бушеллом и Т. Ф. Вэдом по поводу надписи на китайской вазе. На Западе широко известно имя Э. В. Бретшнейдера не только потому, что он публиковал свои статьи на английском, немецком и французском языках, но и в связи с исключительной насыщенностью его трудов первоклассным материалом из первоисточников.

Громадное эпистолярное наследие Бретшнейдера насчитывает более ста адресатов и, так же как переписка других русских китаеведов, откроет много нового из истории связей русских и западноевропейских китаеведов.

Признанием успехов русских ученых на Западе могут служить и факты их избрания членами ученых обществ западно-

европейских стран. В то же время многие зарубежные синологи были избраны членами-корреспондентами Академии наук в Петербурге.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ОРИЕНТАЛИСТОВ

Установлению более прочных связей между русскими и западноевропейскими синологами способствовало проведение в 1876 г. в Петербурге III Международного конгресса ориенталистов.

В числе членов организационного комитета конгресса были профессор восточного факультета В. В. Григорьев и К. П. Патканов. Основная работа по созыву конгресса выпала на долю В. В. Григорьева, который был избран председателем организационного комитета.

Несколько позже в число членов комитета были приглашены Ф. Р. Остен-Сакен (бывший вице-директор Азиатского департамента), В. Р. Розен (секретарем комитета по иностранной переписке), П. И. Лерх (для заведования выставкой), академики Б. А. Дорн и В. В. Вельяминов-Зернов, а также В. Ф. Гиргас (казначей комитета)²¹¹.

Для технической помощи организационному комитету был создан из числа студентов восточного факультета и Учебного отделения Азиатского департамента распорядительный субкомитет.

План работы и извещение о времени созыва конгресса — 19 августа 1876 г. — были опубликованы почти во всех русских газетах. Для организации выставки были приглашены все желающие прислать экспонаты из своих коллекций: «всякого рода предметы восточного происхождения в археологическом, археографическом, этнографическом и литературном отношениях»²¹².

Предполагалось выпустить «Обозрение» трудов русских востоковедов, чтобы ознакомиться с ними как «отечественную публику», так и Западную Европу.

Комитет пригласил на особое совещание «лиц известных основательностью сведений своих об Азии и учеными о ней трудами»²¹³. Присутствовало около сорока востоковедов, некоторые из них взяли на себя труд подготовить историко-библиографические обзоры исследований русских ученых по изучению Востока.

Так, И. И. Захаров должен был составить «лингвистико-литературное обозрение относительно Китая и Маньчжурии», Ф. Р. Остен-Сакен — обзор русских географических, этнографических (за исключением лингвистических и историко-литературных) трудов по Китаю. Комитет выработал подробную программу «Обозрений»²¹⁴.

Для связи между лицами и учреждениями как в России, так и за границей был намечен состав членов-корреспондентов конгресса²¹⁵.

За границу было послано более 160 приглашений различным научным обществам, академиям, университетам, библиотекам и другим различным организациям, занимающимся проблемами Востока.

Весьма характерным было приглашение в качестве «почетного члена» владетеля Восточного Туркестана Якуб-бека, который в эти годы был «вершителем» судеб Западного края и с которым заигрывали и англичане, и царское правительство.

В Китае корреспондентами были П. Кафаров (в Пекине) и К. А. Скачков (в Шанхае)²¹⁶. К. А. Скачков разослал приглашение синологам и консулам разных стран в Китае; Азиатско-му обществу в Шанхае было послано особое приглашение.

Организационный комитет выдвинул и опубликовал «исторические, археологические, литературные и другие вопросы, которые представлялись наиболее интересными самим членам Комитета»²¹⁷.

Из 38 вопросов два непосредственно относились к Китаю: «4. Где доказательства, что известные в Европе тюркские рукописи, писанные уйгурскими письменами, писаны, как принято думать, именно на языке уйгуров, тогда как в период, к которому рукописи принадлежат, уйгурское письмо было в употреблении и у других тюркских народов?» и «5. Насколько сведения о годовых праздниках в Восточном и Западном Туркестане, встречающиеся в китайских династических историях, согласуются с известиями Эль-Бируни о календарях хорезмийском и согдийском (а отчасти и тохарестанском)?».

Из вопросов, более или менее имеющих отношение к проблемам Китая, был один: «29. В чем именно заключается реформа буддизма, произведенная в Тибете знаменитым Дзон-Кавою, и из каких источников почерпаем мы сведения об этой реформе?»²¹⁸.

20 августа 1876 г. конгресс начал работу. Президентом был избран В. В. Григорьев, генеральным секретарем — Ф. Р. Остен-Сакен, его помощником — В. Р. Розен.

Председателем I отдела (Сибирь) был избран В. П. Васильев, V отдела (Дальний Восток) — Л. де Рони (L. de Ronys), профессор японского языка Парижской школы живых восточных языков, президент I Международного съезда востоковедов в Париже. Вице-председателем V отдела был избран И. И. Захаров²¹⁹.

В ходе работы конгресса де Рони поставил на обсуждение три новых вопроса, из которых два относились непосредственно к Китаю: «Есть ли возможность восстановить, в интересах сравнительной лингвистики, язык, которым говорили китайцы времен Ханьской династии, и даже язык времен, предшествую-

вавших этой династии?» и «Находим ли у китайских историков достоверные данные относительно хода древнейших миграций китайцев в бассейн Желтой реки?».

На заседаниях V отдела де Рони сделал доклад по вопросу о возможности восстановить китайский язык времен династии Хань²²⁰. Он сообщил только о методе, которым следовал для восстановления древнего языка китайцев. После доклада де Рони зачитал два других своих вопроса: «Достоверность сведений о движении переселения китайцев в бассейн Желтой реки» и вопрос по корейскому языку: «Каковы характер и лингвистические сродства корейского языка?».

Выступивший по докладу де Рони В. П. Васильев предложил для изысканий о древнем китайском произношении изучать «Шицзин».

В связи с вопросом о корейском языке В. П. Васильев обратил внимание на свою статью «Об отношении китайского языка к среднеазиатским»²²¹. Вопрос о расселении китайцев в бассейне р. Желтой Васильев осветил подробнее и, высказав свое мнение о времени расселения, предложил сведения об этом искать у Сыма Цяня.

24 августа В. П. Васильев председательствовал на заседании I отдела. В своем выступлении на вопрос программы съезда: «Исторические источники свидетельствуют, что Сибирь постоянно в течение более двух тысяч лет высылала в Среднюю Азию народ за народом; какие обстоятельства содействовали там расположению населения, и почему с завоеванием Сибири русскими расположение это и выселения отсюда прекратились?» — Васильев, отвергнув эту явно неправильную постановку вопроса, сказал, что он никогда не встречал в исторических фактах, «чтобы Сибирь была рассадником народа, т. е. чтобы какие-либо народы выходили из Сибири. Напротив... Сибирь всегда служила лишь убежищем народов», и доказал это на ряде фактов²²².

В. П. Васильев выступал также по вопросу о шаманизме.

Первый том «Трудов III съезда ориенталистов» вышел под редакцией В. В. Григорьева, второй том — под редакцией В. Р. Розена. В первом томе помещены статьи по Китаю К. А. Скачкова, П. С. Попова и Н. И. Веселовского²²³.

На конгрессе В. П. Васильев познакомился со многими западноевропейскими синологами и в 1881 г. снова встретился со многими из них в Берлине, где он принимал участие в составе русской делегации на V Международном конгрессе ориенталистов и где был избран вице-президентом Дальневосточной секции.

В Берлине В. П. Васильев познакомился с французским синологом Г. Кордые и принял его приглашение приехать в Париж.

На рубеже XIX—XX вв. закончился очередной этап развития русского китаеведения, главой которого можно считать В. П. Васильева, посвятившего всю свою жизнь восточному факультету Петербургского университета. Его роль в научной организации русского китаеведения необычайно велика.

Из стен университета вышли десятки практических работников, обеспечивавших различные правительственные учреждения чиновниками, знающими китайский язык.

По количеству читаемых на факультете курсов и числу преподавателей китаеведческих дисциплин восточный факультет Петербургского университета в XIX в. занимал первое место среди подобных высших учебных заведений Западной Европы.

Организация преподавания китайского и маньчжурского языков в университетах — сначала в Казанском, затем в Петербургском — создала прочную базу для дальнейшего развития отечественной синологии.

НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Заключительный период в истории дореволюционного русского китаеведения занимает около 20 лет — с конца прошлого столетия до Великой Октябрьской социалистической революции. В этот период с необычайной быстротой развивались политические события на Дальнем Востоке. Японо-китайская война 1894—1895 гг. внесла крупнейшие изменения и в международную обстановку на Дальнем Востоке, и в русско-китайские отношения¹.

По заключенному в 1896 г. договору о союзе России с Китаем Сибирская железнодорожная магистраль прошла на Владивосток через провинции Северо-Восточного Китая Хэйлунцзян и Гирич и северная часть Маньчжурии стала русской сферой влияния.

Занятие Россией, в соответствии с договором, Порт-Артура и Дальнего на юге Ляодунского полуострова, постройка железнодорожной ветки от Куаньчэнцзы на Дальний и далее на Порт-Артур, открытие Русско-Китайского банка потребовали значительного числа служащих и переводчиков с китайского языка. Восточный факультет Петербургского университета не мог удовлетворить и сотой доли этой потребности. С 1887 по 1900 г. его китайско-маньчжурский разряд окончили 26 человек, и все они уходили на консульскую или преподавательскую работу². Подготовка их для практической работы была слабой. Нужно было или реорганизовать факультет, или создать новый институт с чисто практическими целями.

ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В 1899 г. во Владивостоке был открыт Восточный институт, главной задачей которого стало практическое изучение китайского, японского, корейского, монгольского и маньчжурского языков. Недосток переводчиков с китайского языка был особенно ошутим на крайнем Востоке, поэтому именно отсюда исходила инициатива создания такого института.

Еще за десять лет до открытия института Морское ведомство возбудило вопрос об открытии во Владивостоке учебного заведения, где преподавались бы китайский, японский и корейский языки. Переводчики с этих языков требовались не только

Морскому ведомству и различным правительственным учреждениям, но и частным торговым предприятиям. Во Владивостоке, Хабаровске, Барабаше, пос. Ново-Киевском стали открываться частные курсы китайского языка, на содержание которых местная администрация выдавала субсидии. Эти курсы окончили около 80 чиновников, купцов и офицеров³. Из преподавателей курсов известны Н. М. Михайловский и Н. Н. Добровидов⁴.

Для того чтобы привлечь желающих заниматься языками, были учреждены стипендии: две — при Пекинской миссии владивостокского купца Паргачевского и две — Военного ведомства при школе переводчиков в Урге.

В 1896 г. для окончивших шесть классов владивостокской прогимназии предполагалось открыть специальный класс китайского языка. Однако он не был открыт главным образом из-за отсутствия хорошо подготовленных преподавателей и учебных пособий. Да и среди учеников прогимназии не оказалось желающих обучаться в специальном классе. Но все же во Владивостоке нашлось 80 офицеров и 20 чиновников, пожелавших начать занятия в специальном классе⁵.

В связи с быстрым ростом и изменением социального состава населения Владивостока в 90-х годах прогимназия с шестилетним обучением уже не удовлетворяла потребностей в образовании, и местные власти стали ходатайствовать о реорганизации ее в гимназию с добавлением двух классов. Во время обсуждения вопроса в Министерстве народного просвещения Министерство финансов выдвинуло проект, предлагавший учредить вместо гимназии особый лицей с преподаванием восточных языков. Министерство народного просвещения не согласилось с этим проектом и предложило при гимназии открыть два отделения: одно — обычное гимназическое, другое — восточное для желающих изучать китайский язык.

В учебную программу восточного отделения должны были входить следующие предметы: китайский язык, география (преимущественно Восточной Азии), французский язык (вместо немецкого) и усиленный курс английского языка. Проект этот не был осуществлен, ибо было решено открыть во Владивостоке Восточный институт.

В феврале 1898 г. был образован особый комитет в составе представителей Министерства народного просвещения и Министерства финансов, который и выработал устав института. Указ об открытии института последовал 9 июля 1898 г. Директором его был назначен доктор монгольской и калмыцкой словесности А. М. Позднеев, принимавший деятельное участие в выработке устава института. Для подготовки к преподавательской деятельности в Восточном институте восточный факультет Петербургского университета командировал в Пекин двух выпускников 1896 г. — П. П. Шмидта [277] и А. В. Рудакова [274; 294; 298]. В 1899 г. они приступили к чтению лекций в институте.

Торжественный акт открытия института состоялся 21 октября 1899 г. Инспектор училищ Приамурского края В. П. Маргаритов в своей речи кратко осветил историю изучения восточных языков в России, юрист профессор Н. П. Таберно рассказал о попытках начать преподавание китайского языка в Приамурском крае и об истории организации института.

А. М. Позднеев, объявив, что задачей института является подготовка «лиц для административной и торгово-промышленной деятельности на Востоке», подробно остановился на необходимости практического изучения стран Дальнего Востока, связывая это с политикой России в Китае и Корее. Сопоставляя практические задачи института с задачами восточного факультета Петербургского университета («наука для науки»), А. М. Позднеев отметил, что в Петербургском университете велось «весьма ограниченное и условное как в количественном, так и в качественном отношении» изучение Дальнего Востока⁶.

Насколько открытие института было одобрительно встречено правящими кругами, видно из тех приветствий, которые были оглашены: свыше 40 делегаций прочли адреса, было получено более 80 телеграмм.

Курс института был рассчитан на четыре года. В течение первого года все студенты занимались исключительно китайским языком (шесть лекций профессоров и четыре занятия с сянъшэнами в неделю), со второго года студенты прикреплялись к одному из четырех отделений: китайско-японскому, китайско-корейскому, китайско-монгольскому или китайско-маньчжурскому, где они изучали два языка, причем здесь китайскому языку уделялось уже меньше времени (три лекции профессоров и три занятия с сянъшэнами в неделю).

Для всех четырех курсов обязательными предметами являлись богословие, английский язык, география и этнография страны, политическая организация современного Китая, новейшая история (XX в.) Китая, Кореи и Японии, коммерческая география Восточной Азии, политическая экономия, международное право, государственное устройство России и главнейших европейских держав, счетоводство и товароведение⁷.

Директорами института за время его существования были А. М. Позднеев (1899—1903 гг.), Д. М. Позднеев (1904—1906 гг.) [293], А. В. Рудаков (1907—1917 гг.). Китайский язык вели П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, маньчжурский — А. В. Гребенщиков, П. П. Шмидт.

Состав сянъшэнов (полагалось два) часто менялся: например, с 1899 по 1909 г. их сменилось 13⁸.

Тибетский язык считался факультативным, его вел Гонбоджаб Цыбиков (с 1906 г.) [281; 284; 299].

В феврале 1900 г. А. М. Позднеев ходатайствовал перед Министерством народного просвещения о командировании в Китай окончившего восточный факультет Петербургского универ-

ситета Н. В. Кюнера для подготовки его к преподавательской работе в институте на кафедре исторических наук. Н. В. Кюнер, еще будучи студентом третьего курса, работал над историей и географией Восточной Азии и в 1900 г. был награжден золотой медалью за сочинение «Историко-географическое описание Японии». После возвращения из Китая он стал преподавать в Восточном институте географию и историю Китая, Японии и Кореи, а также историю отношений России с этими странами.

Профессора института не только вели большую преподавательскую работу, но и выполняли обязанности библиотекарей, членов правления и секретарей конференций, редактировали «Известия Восточного института» и готовили к печати свои труды (главным образом учебные пособия).

П. П. Шмидтом были изданы лекции по китайскому языку, хрестоматии, учебник маньчжурского языка (1907—1908 гг.) и составившая эпоху в русском китаеведении китайская грамматика с лингвистическим введением в изучение китайского языка, изданная в 1902 г.⁹ и защищенная в качестве диссертации на профессорское звание в октябре того же года. Оппонентами были Д. А. Пещуров и П. С. Попов. Первый не согласился с доводами о наличии в китайском языке грамматики, второй считал, что Шмидт слишком сближал китайский язык с другими языками мира¹⁰.

А. В. Рудаков опубликовал большое число различных образцов китайских текстов (официальных бумаг, китайских драм, извлечения из трактатов Китая с Россией и т. п.), пособия по изучению скорописи. Издал большой труд «Материалы по истории китайской культуры в Гиринской провинции» (1903 г.) и другие не менее ценные работы.

Маньчжурский язык в институте преподавали сначала А. М. Позднеев, опубликовавший «Опыт собрания образцов маньчжурской литературы» (1904 г.), затем А. В. Рудаков, выпустивший «Образцы маньчжурского официального языка» (1908 г.) и «Политическую организацию Маньчжурии»; П. П. Шмидт кроме учебника маньчжурского языка издал маньчжурский текст «Покорение Албазина». С 1909 г. преподавание маньчжурского языка перешло к А. В. Гребенщикову, окончившему институт в 1907 г.

Н. В. Кюнер написал ряд пособий по географии и истории Китая, среди которых должны быть упомянуты «Коммерческая география Китая», «Лекции по истории Китая», «История китайской культуры и география стран Дальнего Востока», «История отношений с Китаем европейских государств и России» и др. Наиболее капитальным трудом Н. В. Кюнера, подготовленным им во время пребывания во Владивостоке, является «Описание Тибета»¹¹. Этот труд, хотя и компилятивный, но до сих пор непревзойденный, представляет собой как бы энциклопедию разнообразных знаний о Тибете, накопленных наукой к 1907 г.

Изучение разговорных восточных языков в институте дополнялось практикой студентов за границей. Ежегодно значительная часть студентов получала командировки в Китай, Японию и Корею, например, из 52 студентов в 1909 г. в изучаемую страну было отправлено 32, а в 1911 г. из 84—23¹². Каждый студент выбирал тему из числа предложенных профессорами и должен был по окончании командировки представить по ней работу¹³. Многие студенты удостаивались публикации своих работ в «Известиях Восточного института» (К. Дмитриев, Н. Кохановский, В. Надаров, П. Сивяков, С. Горяинов, Н. Новиков, А. Спицин, С. Полевой и др.)¹⁴.

Число обучающихся в институте из года в год возрастало. Если к 1 января 1900 г. было всего 35 студентов и вольнослушателей, то к 1909 г. их стало 182¹⁵. Социальный состав студентов был разнородный. Об этом свидетельствуют данные отчетов за 1909 и 1912 гг.:

Дети	1909 г. ¹⁶	1912 г. ¹⁷
Дворян и чиновников	29	30
Купцов	6	7
Духовенства	14	14
Мещан и цеховых	17	22
Крестьян	15	99
Казakov	5	7
<hr/>		
Итого	86	179

Значительное увеличение числа студентов шло за счет выходцев из крестьянских семей, проживающих в городах, но относившихся к крестьянскому сословию. Положение их было близко к мелким купцам и ремесленникам (мелкая торговля, кустарные мастерские, приказчики крупных фирм и т. д.).

Большинство студентов проживало в общежитии. Стипендия была незначительной, поэтому материальные условия студентов, не получавших помощи от родных, были нелегкими. Нужно было искать дополнительные заработки, а найти их во Владивостоке было нелегко.

В 1903 г. в связи с ухудшением питания в общежитии состоялось выступление студентов, за что было исключено три человека. Студенты института принимали участие и в революционном движении 1905—1906 гг. В 1906 г. были преданы суду и осуждены 23 человека¹⁸.

После окончания института устроиться на работу, связанную со знанием китайского языка, было сравнительно легко. В отчете за первое десятилетие деятельности института приведены сведения, позволяющие судить об устройстве на службу его выпускников. При институте за этот период был оставлен лишь один А. В. Гребенщиков. Преподавателями русского языка в китайских школах стали П. В. Шкуркин (Гири́н), А. Н. Петров

(Тяньцзинь), Г. А. Софоклов (Ханькоу), А. Н. Таланцев (Цицикар); преподавателями китайского языка в русских школах Харбина — Н. К. Новиков, И. И. Петелин, И. Н. Веревкин, И. Г. Баранов и др.¹⁹

Редакция официозной русской газеты на китайском языке «Юаньдунбао» (Харбин) состояла из воспитанников института (редактор — А. Спицин, помощник редактора — И. А. Добролювский, секретарь — И. Н. Веревкин).

Многие из окончивших институт известны в истории отечественного китаеведения своими трудами по истории, экономике, культуре Китая. Их работы публиковались главным образом в журналах «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», «Экономический бюллетень», в журналах и газетах, выходивших на русском языке, периодически издававшихся в Харбине, Шанхае и других городах Китая (научная деятельность русских китаеведов вне России является отдельной темой, которой должно быть посвящено специальное исследование).

Кроме студентов и вольнослушателей в институт принимали офицеров, командированных приамурским генерал-губернатором. Готовили их по ускоренной программе. Согласно «Положению о Восточном институте» они «проходили те из изучаемых в Институте предметов, которые указаны генерал-губернатором», и по этим предметам подвергались «установленным испытаниям»²⁰.

Начиная с 1901 г. прием офицеров был увеличен до 10 человек. Ежегодно летом они командировались в Китай для практического изучения языка и должны были представлять письменные работы по выбранной ими теме. В институте проводились также экзамены для офицеров, самостоятельно занимавшихся китайским и японским языками. Для них А. В. Рудаковым была выработана особая программа экзаменов²¹.

Из офицеров, окончивших курс, известны своими статьями и книгами о Китае С. В. Афанасьев, В. Н. Шаренберг, Ф. Е. Ильешенко, Н. Н. Стромиллов, В. Песоцкий и др.

В 1909 г. прием офицеров в институт был прекращен. Официально считалось, что главная причина подобного распоряжения заключалась в том, что занятия в институте отрывали офицеров от военной подготовки, но практически эта мера была вызвана перепроизводством офицеров, знающих китайский и японский языки. Из 120 офицеров только 40 применяли в той или иной форме знания, полученные в институте. 74 офицера не имели постоянной службы, числясь прикомандированными к штабам. Этим вопросом занималась даже Государственная дума. Были выработаны временные правила, по которым офицерам, знающим восточные языки, предоставлялось преимущественное право на штатную должность переводчиков в Генеральном штабе и в штабах Приамурского округа и Владивостокской крепости²².

Однако после того, как прием офицеров в Восточный институт был прекращен, Военное ведомство открыло во Владивостоке школу переводчиков с восьмимесячным изучением теоретического курса китайского языка и двухгодичной командировкой за границу. Подробностей об этой школе нет. Непонятно, какими мотивами руководствовалось Военное ведомство, организуя школу китайского языка при явном перепроизводстве офицеров, знающих язык.

Как говорилось выше, большинство преподавателей Восточного института публиковало свои труды. Этому способствовало то обстоятельство, что с первых дней существования института при нем была создана типоитография, были приобретены монгольский, маньчжурский, калмыцкий шрифты, а спустя некоторое время — китайский, японский, корейский. С 1907 г. была оборудована типография, печатавшая книги и на русском языке. Немало труда вложил в ее организацию профессор Е. Г. Спальвин. Типография института была единственной в России, располагавшей различными шрифтами восточных языков.

С 1908 г. начали выходить в свет «Известия Восточного института». В них публиковались труды профессоров²³ и работы студентов, учебные пособия и программы, лекции, отчеты и протоколы заседаний и т. д. В 1900—1904 гг. в качестве приложения к «Известиям» каждые 10 дней выпускалась «Современная летопись Дальнего Востока», в которой помещались сведения, почерпнутые из более чем 60 дальневосточных периодических изданий как на восточных, так и на западноевропейских языках. «Летопись» не утратила ценности и до наших дней.

Несмотря на заметные успехи в подготовке кадров, руководство Восточного института стало осознавать, что ни постанова преподавания, ни хозяйственные условия не соответствуют тем требованиям, которые предъявляет к нему изменившаяся общественно-политическая обстановка.

Программа института отставала от жизни, наличие только четырех отделений стесняло специализацию в изучении языков, немногочисленный лекторский состав не удовлетворял требованиям практического преподавания языков, хозяйство института нуждалось в обновлении и т. д.

Конференция института постановила обратиться к своему непосредственному начальнику — приамурскому генерал-губернатору — с «Докладной запиской о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации»²⁴.

«Докладная записка» за подписью директора института А. В. Рудакова была подана в январе 1916 г. Политические события помешали осуществлению реорганизации института, но все пожелания профессоров остались зафиксированными в «Докладной записке». Сущность предлагавшейся реорганизации института заключалась в следующем. Четыре существую-

щие отделения должны разделяться на два — китайское и японское; к сохраняющимся китайско-монгольскому и китайско-маньчжурскому отделениям добавляются новые: японо-корейское и тибетско-монгольское.

Кафедра историко-географических наук должна была делиться на две самостоятельные кафедры — географии и этнографии стран Дальнего Востока и истории Дальнего Востока; предполагалось ввести новые курсы — история китайской культуры и сравнительное языкознание.

В «Докладной записке» изложены и другие предложения по реорганизации института²⁵. Даже их краткое изложение дает представление о тех больших изменениях в учебных программах, которых настоятельно требовала жизнь.

Открытие на крайнем востоке России Восточного института не только способствовало прогрессу в изучении Китая в России, но и благоприятно сказывалось на культурной жизни Владивостока.

С 1899 по 1916 г. институт окончило более 300 студентов и свыше 200 офицеров. Из его выпускников формировались кадры переводчиков, преподавателей китайского языка, а также русского языка в Китае. Институт издал большое количество пособий по изучению китайского языка, а также по истории, экономике и культуре Китая.

Профессора института — китаисты и маньчжуристы П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, А. В. Гребенщиков, тибетолог Г. Цыбиков — стали известны мировой науке. Из стен института вышли такие знатоки Китая, как Б. И. Панкратов, И. Г. Баранов, А. П. Хионин, А. Сплицин, Н. К. Новиков и др.

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В НАЧАЛЕ XX в.

1900 год, начавший XX век, в истории Восточного факультета Петербургского университета был переломным. В апреле этого года скончался В. П. Васильев. В этом же году, пережив тяжелую личную драму, тяжело заболел А. О. Ивановский²⁶. А. М. Позднеев, читавший маньчжурский язык, в 1898 г. был переведен на должность директора Восточного института во Владивосток. Оставленные для подготовки к профессорскому званию П. П. Шмидт и А. В. Рудаков были направлены в Китай, а затем причислены к Восточному институту.

На китайско-маньчжурском и японо-китайском разрядах факультета китайский язык преподавал лишь Д. А. Пещуров с сяншэном Куэ Фаном. А. М. Позднеева заместил В. Л. Котвич.

В это время наплыв студентов на китайско-маньчжурский разряд был исключительно велик. С конца XIX в. ежегодно

поступало от 40 до 50 человек (в 1898 г. — 49 человек, в 1901 г. — 44, в 1902 г. — 39, в 1903 г. — 44).

Академик В. М. Алексеев, поступивший в университет в 1898 г., совершенно правильно указывал, что этот наплыв был не случайным: «Когда в конце XIX в. Россия распространила свое влияние на Маньчжурию, молодые карьеристы, нанюхивая головокружительные возможности своеобразных конквистадоров, нахлынули на безлюдное дотоле „китайско-маньчжуро-корейско-японское“ отделение факультета восточных языков и даже семинаристы, окончившие курс, вместо того чтобы стать священниками, ринулись туда же, мечтая о карьере „расшитых золотом“ дипломатов. Общее настроение было исключительно утилитарно-карьеристское»²⁷.

Преподавательская работа Д. А. Пещурова в эти годы была самопожертвованием. Он «состоял неутомимым сотрудником факультета и не покинул его в критическую минуту, несмотря на свой преклонный возраст и неизлечимую болезнь, когда факультет понес тяжелые утраты в лице скончавшихся представителей кафедры китайской словесности В. П. Васильева и А. О. Ивановского»²⁸. Ему пришлось читать китайский язык на всех четырех курсах двух разрядов.

Декан факультета В. Р. Розен, понимая, что сложившаяся обстановка приведет в случае болезни Д. А. Пещурова к закрытию китайского разряда, в марте 1902 г. пригласил на преподавательскую должность единственно возможного кандидата — бывшего в отставке П. С. Попова. Несмотря на согласие последнего, возникло затруднение в связи с тем, что в случае зачисления его преподавателем Попов не сможет получать от Министерства иностранных дел пенсию, которая была выше, чем ставка преподавателя факультета. Чтобы обойти это препятствие, понадобилось «высочайшее повеление», для получения которого В. Р. Розен, подчеркивая создавшееся на факультете положение, писал: «Замещение вакантной кафедры китайской словесности П. С. Поповым для китайского разряда факультета есть вопрос жизни и смерти, и, если это замещение не состоится, факультет будет принужден ходатайствовать о закрытии китайского разряда» [286—288]. П. С. Попов, не имевший ученой степени, был зачислен в качестве приват-доцента.

20 сентября 1902 г. П. С. Попов прочел вступительную лекцию и начал занятия на всех четырех курсах. Он отдавал занятиям необычно много времени — четыре раза в неделю по три часа. Во вступительной лекции П. С. Попов, подчеркивая, что Китай является колыбелью одной из древнейших цивилизаций мира, рассказал об изучении Китая в связи с историей установления русско-китайских отношений. Он достаточно правильно дал периодизацию этих отношений, выделив четыре периода: первый — до Нерчинского договора, второй — до конца XVIII в., третий — до 1858 г., т. е. до Тяньцзиньского и Пекинского дого-

воров; четвертый период Попов охарактеризовал как «совершенно новую эпоху», когда «созданные договорами и правилами новые, более сложные и разнообразные торговые и политические условия» потребовали «новых деятелей в лице чинов дипломатической и консульской службы»²⁹.

Пробыв в Китае на дипломатической работе более 30 лет, П. С. Попов хорошо ориентировался в политической обстановке, и потому весьма показательно, что он счел возможным высказать во вступительной лекции далеко не лестную точку зрения на развертывавшуюся политику царского правительства в Китае.

Со вступлением русско-китайских отношений в новую фазу, подчеркивал Попов, «началась безумная оргия ничем не оправдываемых захватов: ряд событий, быть может, отчасти подготовленных нашими деятелями, увлек нас своим потоком далее, чем требовало благоразумие и наше совершенно исключительное положение по отношению к Китаю». Это был трезвый взгляд на происходящие события одного из лучших знатоков Китая. Если учесть общий тон правительственной прессы в связи с подавлением восстания ихэтуаней и оккупацией русскими войсками Северной Маньчжурии, то следует отдать должное смелости этого выступления П. С. Попова.

Программа преподавания Д. А. Пещурова, даже когда он был единственным преподавателем, оставалась постоянной; не изменилась она и с приходом П. С. Попова, который также придерживался «традиции». Принятая Поповым учебная программа оставалась почти неизменной вплоть до конца его преподавательской деятельности.

Для занятий на первых двух курсах П. С. Попов положил в основу учебник Вэда³⁰. На первом курсе проходили 40 уроков (анекдоты и житейские правила), на втором — остальные 60 («Домашние наставления Канси» и «Шэнюй гуансюнь»). На первом курсе Попов читал также введение в изучение китайского языка и анализ иероглифов. На третьем курсе студенты читали «Мэн-цзы» и историю династий Цинь и Хань из «Шибаши». Начиная с V семестра вместе со студентами четвертого курса — исторические тексты, повести «Шуймынцао» и «Гэньнян», официальные бумаги, роман «Хунлоумын» и «Пекинскую газету». На четвертом курсе, кроме того, читали «Луньюй» и текст Петербургского договора 1881 г.

П. С. Попов впервые на восточном факультете опубликовал на китайском языке специальные тексты для чтения, используя их для практики в разговорном языке³¹. Он издал несколько учебных пособий³². Брошюра «Конституция и земские учреждения в Китае», вышедшая в 1910 г., свидетельствовала об интересе Попова к реформаторской деятельности Кан Ю-вэя, проявленном ранее и в статьях, опубликованных в «Вестнике Европы»³³.

Сравнивая программу преподавания П. С. Попова с программами его предшественников, можно заметить в ней большую стройность и широту. Это был хотя и незначительный, но шаг вперед. Использование учебника Вэда давало студентам последовательность в изучении языка, что трудно было найти в программах А. О. Ивановского, К. А. Скачкова, Д. А. Пещурова.

Куэ Фан кроме ознакомления студентов с фонетикой китайского языка и ведения практических разговоров со второго курса читал «Гуаньхуа чжинань» — книгу для чтения на разговорном языке, завоевавшую большую популярность среди преподавателей на многие годы.

Приглашение П. С. Попова до некоторой степени ослабило критическое положение с преподаванием китайского языка на восточном факультете, но в целом благоприятных перспектив на ближайшие годы не намечалось. Окончившие факультет были мало подготовлены и к практической, и к научной работе.

В 1905 г. в возрасте 72 лет вышел в отставку Д. А. Пещуров и уехал в свое калужское имение, где и умер 1 ноября 1913 г. Положение с преподаванием китайского языка на факультете вновь осложнилось.

В 1904 г. А. М. Позднеев, к тому времени член Совета Министерства народного просвещения, подал в Совет министров официальную записку «К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях», которая была опубликована³⁴. В ней на 20 страницах обрисовано тяжелое положение, сложившееся в области преподавания восточных языков.

Подчеркивая «малоуспешную деятельность» факультета за последние 20 лет, А. М. Позднеев указывал, что обследования факультета Министерством народного просвещения в 1893, 1895 и 1896 гг. не принесли пользы. Он отмечал, что предложения отдельных членов факультета (намек на себя) по необходимости улучшения преподавания «всегда вызывали целую бурю», считалось «неделикатным со стороны товарища вмешательством в дела чужой кафедры и личным для себя оскорблением».

А. М. Позднеев предложил коренным образом изменить «весь существующий строй факультета», так как преподавание на факультете «падает все ниже и ниже». Прежние обследования факультета, писал А. М. Позднеев, не касались китайско-маньчжурско-монгольского разряда, и потому замечания о постановке на нем преподавания он выводил из своих наблюдений как «близко знакомый с деятельностью этого разряда». Основными недостатками Позднеев считает небольшое число лекций по языку (6 часов в неделю), отсутствие сяньшэнов маньчжурского языка и неудовлетворительный образовательный уровень сяньшэнов китайского языка.

Много места в записке А. М. Позднеев уделил критике программ преподавания В. П. Васильева. Не указывая, что это уже

далекое прошлое, он заканчивает этот абзац риторическим вопросом: «Какие знания по архаическим обрывкам может приобрести студент?» Д. А. Пешуров, замечает он, не давал студентам никаких сведений «об особенностях китайского разговорного языка».

Преподавание П. С. Попова, не занимавшегося, как и Пешуров, изучением китайского языка «научно, филологически», изменилось в лучшую сторону, констатирует А. М. Позднеев, «в смысле предложения студентам более подходящих учебников и текстов»; чтение текстов «Мэн-цзы» и «Лунъюя» на VII и VIII семестрах А. М. Позднеев считает нормальным, но давать для знакомства с разговорным языком на III и IV семестрах «Шэньюй гуансюнь» — это, по его мнению, аналогично изучению русского языка по «Домострою».

О программе преподавания маньчжурского языка В. Л. Котвича Позднеев отзывался крайне отрицательно (давать маньчжурские тексты в русской транскрипции — «ниже этого факультету, с разрешения начальства, пасть уже нельзя»).

Указав еще на ряд крупных недостатков, А. М. Позднеев пришел к выводу, что для исправления создавшегося положения следует принять следующие меры: 1) пригласить необходимое число сяншэнов, 2) обратить особое внимание на изучение языка разряда (на китайско-маньчжурско-монгольском разряде — китайского), 3) увеличить количество лекций и число читаемых текстов, 4) усилить преподавание по кафедре истории Востока, включив курс географии и истории изучаемой страны, 5) подготовить из числа студентов профессоров, предоставив им после окончания факультета двух-трехгодичные командировки на Восток.

Записка А. М. Позднеева о якобы крайне плохом состоянии учебного дела на факультете восточных языков и предлагаемая им реформа вызвали вполне законное негодование всего профессорско-преподавательского состава. В ответ на нее в мае 1905 г. восточный факультет опубликовал за подписью его декана В. А. Жуковского брошюру³⁵, в которой сделаны выводы, что большинство предложений А. М. Позднеева сводится к полному упразднению факультета, как учреждения, преследующего научные цели, что записка написана с целью «дискредитировать его (факультет. — П. С.) во что бы то ни стало», что все практические предложения об улучшении преподавания заимствованы из многочисленных представлений факультета в Министерство народного просвещения. Авторы подчеркивали, что А. М. Позднееву, по всей вероятности, было известно, почему не удовлетворялись просьбы факультета об улучшении преподавания и что в 1904 г. за границей уже проходили подготовку к преподавательской деятельности А. И. Иванов и В. М. Алексеев. Авторы «Заключения» язвительно отмечают, что «если бы не подпись, то нельзя было бы приписать ее лицу, сколько-нибудь

причастному университетской науке...». В «Заключении» выражен решительный протест против замысла А. М. Позднеева упразднить факультет или превратить его в практическую школу. Приводя ряд доводов, доказывающих, что факультет за полвека своего существования дал весьма благоприятные результаты, авторы «Заключения» доказывают, что замечания записки в сущности относятся к одному только китайско-маньчжурскому разряду, очутившемуся на некоторое время в силу разных причин в исключительно неблагоприятных условиях, «но и то приводимые Позднеевым материалы нуждаются в существенных поправках, которые „Заключение” подробно приводит».

Предложения А. М. Позднеева об организации «особых специальных школ» для подготовки переводчиков и низших чиновников для работы на восточных окраинах России особых возражений со стороны профессоров факультета не встретили. Позднеев предложил открыть подобные школы в Кяхте (китайский язык должен изучаться вместе с монгольским), в Благовещенске (китайский с маньчжурским), в Николаевске и Порт-Артуре (китайский с японским), в Никольск-Уссурийске и поселке Ново-Киевском (китайский с корейским), в Верном и поселке Бахты (китайский с узбекским).

Вызывает недоумение, почему автор «Записки» совершенно не упоминает о Восточном институте, директором которого он был до 1903 г.

Однако записка не вызвала никакой реорганизации ни на факультете, ни в области практического преподавания китайского языка в средних школах.

В 1908 г. П. С. Попов издал в Июкогаме «Краткое введение к изучению китайского языка». Это небольшое пособие не может, конечно, идти в сравнение с вышедшей в 1902 г. во Владивостоке грамматикой П. П. Шмидта, но почему-то не принятой в качестве учебного пособия П. С. Поповым.

Разобщенность двух высших учебных заведений, отсутствие единых программ, методики и учебных пособий отрицательно сказывались на дальнейшем развитии отечественного Китаеведения.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ В ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА ВОСТОЧНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ. А. И. ИВАНОВ И В. М. АЛЕКСЕЕВ

В 1901 г. окончил китайско-маньчжурский разряд восточного факультета с дипломом 1-й степени А. И. Иванов.

Алексей Иванович Иванов родился 16 марта 1878 г. в Петербурге, в семье артиста. Окончив в 1897 г. гимназию, поступил на восточный факультет, после окончания которого был остав-

лен для подготовки к профессорскому званию и направлен в 1902 г. на два года в научную командировку в Китай [290; 291, л. 10—21]. После возвращения из Китая Иванов в 1904 г. был еще на год послан в Западную Европу, где занимался в научных учреждениях и библиотеках Англии, Франции и Германии.

Таким образом, он имел возможность изучить разговорный и письменный китайский язык в Китае и познакомиться с методикой его преподавания на Западе.

Благодаря солидной подготовке А. И. Иванов смог внести много нового в преподавание языка на восточном факультете.

15 октября 1905 г. А. И. Иванов был допущен к чтению лекций на кафедре китайской словесности в качестве приват-доцента. С его приходом на кафедру стало возможным расширить преподавание китайского языка и ввести курс истории китайской литературы XVII—XX вв. Он читал также введение в изучение китайского языка и курс перевода официальных документов.

С 1907/08 учебного года кроме курса истории китайской литературы в V—VIII семестрах А. И. Иванов стал читать лекции, названные им «Очерки конфуцианства, буддизма и даосизма»³⁶, и в III—IV семестрах — «Новейшие исторические и беллетристические тексты». Сяньшэном был приглашен китаец Чэн (Ченг). Китайскую каллиграфию в течение многих лет неизменно преподавал японец Куроно.

В 1908/09 учебном году китайский язык изучался на трех разрядах: китайско-маньчжурском (П. С. Попов, А. И. Иванов, В. Л. Котвич, Чэн, Куроно), китайско-японском (А. И. Иванов, В. Костылев, Чэн, Куроно), китайско-маньчжурско-монгольском (П. С. Попов, А. И. Иванов, А. Д. Руднев, В. Л. Котвич, Чэн, Б. Б. Барадийн).

В том же году начал читать факультативный курс тибетского языка Ф. И. Щербатской. Кроме восточных языков студенты должны были слушать лекции по богословию, общему курсу истории Востока (Н. И. Веселовский), введению в языкознание (И. А. Бодуэн де Куртенэ).

В 1909 г. А. И. Иванов защитил магистерскую диссертацию на тему «Ван Ань-ши и его реформы», которая в том же году была издана. В 1909/10 учебном году он взял на себя чтение основных курсов грамматики разговорного и литературного китайского языка, введения в изучение языка; он читал со студентами тексты новейших беллетристических произведений и продолжал лекции по истории китайской литературы³⁷.

А. И. Иванов был первым русским ученым, обратившим внимание на тангутские рукописи, привезенные П. К. Козловым из Хара-Хото. Результаты его предварительных исследований изложены в ряде статей, положивших начало тангутоведению в России³⁸.

П. С. Попов включил в свою программу тексты Петербургского договора 1881 г. на китайском языке и приложенные к нему Правила сухопутной торговли, а также доклады Ли Хун-чжана.

В. Л. Котвич кроме грамматики маньчжурского языка читал исторические, юридические и конфуцианские тексты на маньчжурском языке и вел курс маньчжурской литературы.

Изложенные выше программы свидетельствовали о разнообразии читаемых курсов, а также об упорядочении изучения грамматики и истории китайской и маньчжурской литературы, что знаменовало отход от прежних, полусхоластических традиций преподавания.

Еще более заметно улучшилось преподавание китайского языка и китайской истории и культуры в следующем, 1910/11 учебном году, когда на факультет пришел в качестве приват-доцента В. М. Алексеев [289].

Василий Михайлович Алексеев родился 2 января 1881 г. в г. Валдае, был приемным сыном отставного рядового Михаила Алексеева.

После окончания Кронштадтской гимназии, где он учился на стипендию, В. М. Алексеев в 1898 г. поступил в Петербургский университет. В течение всех лет учебы сильно бедствовал, ибо жил лишь на небольшую стипендию. Окончив в 1902 г. китайско-маньчжурский разряд восточного факультета, был оставлен на кафедре китайской и маньчжурской словесности. 1 июля 1904 г. был командирован за границу, где работал в музеях и библиотеках Франции, Англии и Германии³⁹, а после возвращения готовился к защите магистерской диссертации.

В 1907—1909 гг. В. М. Алексеев вместе с известным французским синологом Эдуардом Шаванном совершил большую научную экспедицию по Северо-Восточному Китаю, где собирал фольклорный материал и коллекционировал народные картины⁴⁰. В 1909 г. он вновь побывал в Европе, а в 1911 г. — в Китае.

Научная работа В. М. Алексеева в течение восьми лет в европейских синологических центрах и в Китае, его огромное трудолюбие и блестящие филологические способности дали русскому китаеведению талантливому преподавателю китайского языка, автора работ по истории и культуре Китая, учителя нескольких поколений китаистов.

В. М. Алексеев начал в университете преподавание китайского языка с занятий со студентами фонетикой («Учение о звучании пекинского диалекта и чтение текстов фонетической записи»). Это был самостоятельный курс, впервые введенный В. М. Алексеевым на основе его наблюдений во время пребывания в Китае и во Франции⁴¹.

В III—IV семестрах его лекции были посвящены анализу «Шицзи» Сыма Цяня, в V—VI семестрах — изучению истории

китайской литературы: критические статьи Люй Цзун-юня (XV в.), летопись «Цзочжуань», в VII семестре — поэзии эпохи Тан, VII—VIII семестрах — образцов изящной прозы Ван Бо, Хань Юя, Люй Цзун-юня. Студентам предлагался для знакомства большой список литературы («Канси цзядянь», «Пэйвэнь юньфу», переводы Шаванна, Легга и др.).

Все это было необычно для китайско-маньчжурского разряда и представляло новую, более прогрессивную методику преподавания китайского языка.

А. И. Иванов продолжал вести курс грамматики разговорного и письменного китайского языка, истории китайской литературы, чтение разговорных текстов и исторического романа.

П. С. Попов лишь незначительно отошел от первоначальной программы, и в его последней программе за 1912/13 учебный год значились тексты, читанные им еще в начале 1900-х годов.

С 1910/11 учебного года в университете начал преподавать приват-доцент Александр Евграфович Любимов, выпускник восточного факультета (1903—1908 гг.). Он читал политическую историю Китая XIX в., историко-географический обзор Китая с древнейших времен. В его программе было также «чтение и интерпретация» маньчжурских документов, относящихся к истории русско-китайских сношений в XVII в. Лекции А. Е. Любимова по истории Китая восполнили тот пробел, который после ухода В. П. Васильева был одним из существенных недостатков в подготовке Китаеведов.

7 декабря 1913 года умер П. С. Попов⁴², последний представитель старой школы сиологов, к которой принадлежали В. П. Васильев, Д. А. Пещуров, А. О. Ивановский.

В том же году А. И. Иванов защитил докторскую диссертацию («Материалы по китайской философии. Школа Фа. Хань Фэй-цзы», СПб., 1912).

Предметы, изучение которых ввели А. И. Иванов, В. М. Алексеев, А. Е. Любимов и В. Л. Котвич, позволили поставить преподавание китайского языка и Китаеведческих дисциплин не только на уровень западноевропейских высших учебных заведений, но и превзойти их в широте проблематики.

Однако оставалась одна сторона учебного процесса, которая постоянно вызывала нарекания как со стороны различных организаций, куда после окончания университета направлялись на работу выпускники, так и со стороны самих студентов, — отсутствие навыков практического использования китайского языка; окончившие факультет не могли говорить и писать на языке.

Д. А. Пещуров и П. С. Попов считали необходимым заниматься со студентами разговорным языком. Начиная с 1910 г. преподавание разговорного языка было передано сяньшэнам, которые, однако, ходили на занятия нерегулярно, и ни один из

них не проработал на факультете более двух-трех лет. Сня-
шэны были случайными лицами, приглашать специалистов из
Китая не представлялось возможным из-за отсутствия средств.
Приходилось довольствоваться людьми, прибывшими в Петер-
бург в составе китайского посольства. В 1912/13 учебном году
разговорный язык преподавал Цюань Ши-энь, в 1914/15 г. —
Чжан Ин⁴³.

И В. М. Алексеев, и А. И. Иванов ежегодно вносили в свои
программы изменения. Например, в 1914/15 учебном году Ива-
нов стал читать введение в изучение китайского языка, образ-
цы юридической литературы и китайской поэзии доцинского
периода и очерк древней китайской литературы.

В. М. Алексеев, продолжая читать избранные произведения
китайской поэзии до эпохи Тан, познакомил студентов с жизнью
и творчеством Хань Юя. Он ввел курс «Изложение терминологи-
и китайских исторических рассуждений и чтение Су Сюня». В
1916/17 учебном году Алексеев взял на себя чтение курсов
«Введение в изучение китайского языка» и «История изучения
китайской литературы». Кроме образцов поэзии дотанского пе-
риода и танских авторов, сунской художественной прозы, он
впервые стал читать повести Пу Сун-лина.

А. Е. Любимов кроме предметов, читаемых в предыдущие
годы, ввел курс «История изучения Дальнего Востока в Европе
и России».

В дополнение к китаеведческим дисциплинам студенты
должны были слушать введение в языкознание и историю древ-
ней философии.

Таковы были программы и циклы лекций на китайско-мань-
чжурском разряде восточного факультета в годы, предше-
ствовавшие Великой Октябрьской социалистической революции.
Преподавание сводилось к изучению китайского литературного
языка на образцах, сложившихся главным образом до мань-
чжурского периода. Это налагало определенную печать на зна-
ния оканчивавших факультет. При хорошем знакомстве с клас-
сическим и древним языком студентам был почти неизвестен
современный письменный и разговорный язык, навыки в кото-
ром приобретались уже потом, на практической работе.

Благодаря высокой квалификации В. М. Алексеева и
А. Е. Любимова русское китаеведение занимало одно из первых
мест в Европе. Его традиции продолжали развивать в советское
время такие крупные специалисты, как окончившие восточный
факультет Н. И. Конрад, Н. А. Невский, К. К. Флуг.

Отдавая много времени преподавательской работе,
В. М. Алексеев и А. И. Иванов создали и ряд научных трудов.
В. М. Алексеев, работавший «по частному найму» в архиве
Азиатского музея с 1902 г., с января 1913 г. был зачислен млад-
шим ученым хранителем музея, а в 1917 г. избран старшим
ученым хранителем. Он не только превратил китайский отдел

музея «из архивного депо в лабораторию современного синолога», как сказал об этом С. Ф. Ольденбург⁴⁴, составив алфавитный каталог, который служил до самого последнего времени (до каталога, составленного в 1961—1962 гг. коллективом под руководством Л. К. Павловской) надежным путеводителем по музейным коллекциям китайской литературы, но и своими систематическими закупками китайских книг способствовал весьма ценному пополнению этого фонда.

Многообразие текстов, используемых при чтении лекций В. П. Васильевым и В. М. Алексеевым, сближение их интересов в области истории художественной литературы выявляют некоторую преемственность школы Алексея и школы Васильева. Методика преподавания В. М. Алексея подчинялась на первых порах также субъективным интересам. Отчетливая методическая последовательность в преподавательской деятельности В. М. Алексея в предреволюционный период еще не проявлялась. Но он все время ищет более совершенные формы методики преподавания китайского языка в связи с изучением истории китайской литературы.

В 1917 г. в одной из своих статей Алексеев так ставит вопрос: «И не будет ли при этом осторожнее всего начать с изучения поэтов, как ядра литературы, и не будет ли, таким образом, положено начало научному изучению китайской литературы?»⁴⁵. Отсюда начинаются активные поиски усовершенствования методики преподавания не только истории китайской литературы, но и всего комплекса китайского языкознания. В этой же статье В. М. Алексеев обстоятельно обосновывает свое мнение об исключении из учебных программ занятий классическими канонами («цзинами»).

В. М. Алексеев не только предложил начать изучение истории китайской литературы со знакомства с творениями отдельных поэтов и прозаиков, но и сам осуществил это, представив блестящее исследование стансов Сыкун Ту⁴⁶. В истории изучения китайской литературы «Китайская поэма о поэте», как назвал В. М. Алексеев свое исследование, занимает одно из первых мест в мировой науке. Этот фундаментальный филологический труд не только служит примером для исследований подобного рода, но и является учебным пособием для понимания классических текстов.

Те отрицательные черты, которые были присущи дореволюционному русскому Китаеведению, оторванному от действительности, были осознаны В. М. Алексеевым позже, уже в советское время.

Китайская «действительность» — политические события в Китае конца XIX — начала XX в. — привлекла внимание только П. С. Попова, опубликовавшего несколько статей о реформаторском движении в Китае.

Во время восстания ихэтуаней царское правительство поощ-

ряло развернувшуюся в печати истеричную шовинистическую пропаганду; в десятках брошюр, журнальных и газетных статьях борьба со «страшной желтой опасностью» выглядела как нечто «героическое»⁴⁷.

Эту шовинистическую политику царского правительства в статье «Китайская война» разоблачил и осудил В. И. Ленин, пристально следивший за событиями в Китае, за национально-освободительным движением народов Востока⁴⁸.

Передовые люди России также выступали с осуждением политики царизма в Китае. В статье «Не убий» Л. Н. Толстой назвал войну в Китае «ужасной по своей кровавой несправедливости», «китайской бойней». Д. И. Менделеев в своем труде «Заветные мысли», подчеркнув огромное значение для мирового прогресса возможного союза России с Китаем, рассматривал антиимпериалистическую направленность событий 1900 г. в первую очередь как результат антидинастического движения, которое маньчжурская правящая верхушка повернула против иностранцев⁴⁹.

В. И. Ленин, предвидевший еще в 1908 г. неизбежность перехода «старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение», обратил особое внимание на революционное движение в Китае в 1911—1912 гг. В своих статьях «Демократия и народничество в Китае», «Обновленный Китай», «Крупный успех Китайской республики», «Борьба партий в Китае», «Отсталая Европа и передовая Азия» он подчеркивал «боевой, искренний демократизм Сунь Ят-сена», но вместе с тем критиковал его «мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды». Подробно разбирая характер политических партий в Китае, В. И. Ленин указал на то, как «передовая» Европа начала грабить Китай, предоставляя «авантюристу, изменнику и другу реакции» Юань Ши-каю заем в 210 млн. руб.⁵⁰

В этот же период в русских журналах со статьями о китайской революции выступил М. П. Павлович, которого В. И. Ленин ценил как марксиста-международника⁵¹.

Другие авторы, как правило, не давали политических оценок событий в Китае. В «Современном мире» К. Вейдемюллер довольно объективно описывал развитие демократического движения в Китае. В «Вестнике знания», где печатался М. П. Павлович, появились переводные статьи У Тин-фана и Отто Бауэра. Журнал «Русское богатство» поместил две статьи информационного характера Н. С. Русанова. На страницах еженедельной газеты «Окраины России» почти в каждом номере Д. Исаевич давал хронику событий в Китае. «Дальневосточное обозрение», издававшееся в Петербурге, публиковало сравнительно крупные статьи хроникального характера.

В «Известиях Восточного института», в «Китайском благовестнике» публиковались переводы из китайских газет. Журнал «Вестник Азии», находившийся в отношении информации

в более выгодном положении, в отделе «Хроника» также помещал переводы из китайских газет и журналов⁵².

Однако ведущие китаеведы В. М. Алексеев и А. И. Иванов не проявили никакого интереса к китайской революции. Указывая, что на факультете в этот период занимались «кто чем понало, вразброд, вне спроса научной и политической аудитории», В. М. Алексеев позже признавал, что «революция 1911 года не выразилась у нас ни в чем, кроме полуграмотных газетных информаций. Даже эмиссары нашей Академии (в том числе и я сам) в 1912 г., идя по следам китайской революции, собирали все тот же этнографический материал, которым были уже полны наши музеи»⁵³.

Уже после Великой Отечественной войны, как бы подводя итоги деятельности китаеведов своего поколения, В. М. Алексеев заметил, что его школе, так же как и школе В. П. Васильева, «не удалось вплотную подойти к китайской науке и учиться у нее глубокому пониманию основ китайской культуры»⁵⁴. Вместе с тем, говоря о достижениях советской китаистики, В. М. Алексеев отмечал, что «расчленение комплексной синологии на ряд специальностей (историки, филологи, лингвисты, искусствоведы, географы)» является главным достижением советской школы китаеведения. С этим можно вполне согласиться. Вооруженные марксистско-ленинской методологией советские китаеведы плодотворно работают во всех областях изучения Китая, следуя традиции русского китаеведения — непосредственно обращаются к китайским источникам.

НАУЧНАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ

По примеру других факультетов Петербургского университета на восточном факультете с 1885 г. ежегодно осенью объявлялся конкурс на лучшие студенческие работы. Работы представлялись под девизом, лучшие из них премировались золотыми и серебряными медалями или отмечались почетными отзывами. Многие из тех студентов, кто принимал участие в этих конкурсах, стали впоследствии известными учеными.

На первом конкурсе в 1887 г. по теме «Указать присутствие различных наречий на языке „Луеньюя“» золотую медаль получил Н. В. Лаптев (будущий консульский работник, известный некоторыми трудами по экономике Китая). В 1890 г. за сочинение по теме «История Восточного Туркестана» золотую медаль завоевал Д. М. Позднеев. В 1891 г. он был награжден золотой медалью за «Историко-географическое описание Юго-Восточной Монголии по сочинению Мэнгуюмуцзи», а в 1893 г. — за «Исторический очерк уйгуров». В этом же году Д. Янчевецкий получил золотую медаль, а Н. Яновский — серебряную за сочи-

нение «Царствование Ханьского императора У Ди». В 1895 г. за работу на тему «Судьба Минской династии на юге Китая» П. П. Шмидт и А. Бельченко были удостоены серебряных медалей.

В течение 1900—1910 гг. только одно сочинение, в 1903 г., было удостоено золотой медали — «Отношение китайской империи к соседним инородцам при Танской династии», представленное А. Яздовским; Ф. Богданов и А. Тужилин получили серебряные медали.

Ученик В. М. Алексеева Леонтий Николаевич Лебедев, окончивший факультет в 1916 г., представил в качестве дипломной работы (получившей золотую медаль) «Историю изучения европейцами трактата о Чжун и Юн»⁵⁵, о которой Алексеев дал прекрасный отзыв, считая этот перевод при «ясном и твердом знании языка» вполне «зрелым, искусным, добросовестным и основательным трудом».

Существовавшие с 1903 г. в университете студенческие кружки довольно успешно развивали свою деятельность, хотя после 1912 г. автономия их была сильно урезана.

В 1907 г. при восточном факультете начал работать студенческий кружок ориенталистов⁵⁶. Бюро кружка возглавлял И. И. Десница, товарищем председателя был Б. Я. Владимирцов, секретарями — Б. С. Серафимов и Ф. В. Муромский, казначеем — К. И. Осипов. В течение 1907 г. были прочитаны рефераты: В. А. Шангина «По Восточной Монголии», А. Д. Соболева «По Дальнему Востоку», К. И. Осипова «Ориенталистика как наука», И. И. Десницы «Несколько слов о востоковедении». В географическом кружке А. Д. Соболев прочел реферат на тему «Географическо-этнографический очерк Китая».

В 1908 г. в кружке ориенталистов доклад на тему «Переселение и колонизация в Хэйлуңцзянской провинции» сделал Л. Г. Ульяницкий.

С осени 1909 г. кружком ориенталистов стал руководить В. В. Бартольд. Студентами были изданы литографированным способом «Лекции по истории Востока» Н. И. Веселовского, воссозданные по записям студентов. В 1910 г. под руководством В. М. Алексеева студент К.-Г. Глац⁵⁷ занялся чтением амулетных китайских надписей.

До 1915 г. включительно сведений о докладах студентов-китаистов нет. Известно, что кружок не функционировал два года (1913 и 1914). В 1915 г. кружком продолжал руководить В. В. Бартольд. На заседании, состоявшемся 12 декабря, Л. Н. Лебедев сделал доклад «Поездка в Пекин летом 1915 года»⁵⁸.

Больше о кружке ориенталистов в отчетах университета сведений не появлялось. Возможно, специальные исследования архивных материалов дадут более подробные данные об участии китаистов университета в кружке ориенталистов.

РУССКИЙ КОМИТЕТ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ
И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

14 октября 1899 г. в Риме состоялся XII Международный конгресс ориенталистов. Русскую науку представляли на съезде востоковеды К. Г. Залеман, Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, А. М. Позднеев, В. В. Радлов, В. Д. Смирнов, В. Г. Тизенгаузен, В. Р. Розен, А. А. Цагарели, Ф. И. Щербатской, А. Э. Шмидт. В. В. Радлов внес на утверждение конгресса предложение: учредить Международную ассоциацию для исследования археологии и лингвистики Центральной Азии и Дальнего Востока. Предложение было принято. Центральным комитетом ассоциации был утвержден Русский комитет в Петербурге. Разработка проекта устава ассоциации была поручена русским ученым⁵⁹.

На следующем съезде востоковедов, в 1902 г. в Гамбурге, проект устава был утвержден. В. В. Радлову и С. Ф. Ольденбургу была поручена организация Центрального русского комитета. В феврале 1903 г. проект устава Русского комитета был «высочайше» утвержден и на расходы его было отпущено 5 тыс. руб.

Что же заставило русских ученых внести предложение об организации подобной ассоциации?

В середине XIX в. Восточный Туркестан, ставший за 100 лет до этого частью китайской провинции Синьцзян, привлек внимание английского и русского правительств событиями, которые в конечном счете могли дать той или другой стране значительные политические выгоды.

Антиманьчжурское восстание дунган и других национальностей северо-западного района Цинской империи, создание Якуб-беком в Кашгарии независимого государства Джеты-шаар, политические интриги вокруг восстания дунган и государства Якуб-бека вызывали необходимость географического ознакомления с историей северо-западной части Цинской империи. Оккупация русскими войсками Илийского края способствовала свободному посещению этого района русскими учеными, военными, путешественниками, купцами и привела к интенсивному изучению края и появлению большого количества печатных работ.

Были сделаны первые археологические находки, возбудившие большой интерес. В этом районе благодаря необычайно сухому климату сохранились уникальные памятники древних культур народов, обитавших некогда на данной территории. Здесь удалось обнаружить памятники индийской, китайской, манихейской культур, не сохранившиеся в других местах. Первые археологические находки, носившие случайный характер, поставили на повестку дня вопрос об организации научных экспедиций. После того как в Европе стало известно о результа-

тах археологических раскопок в Северо-Западном Китае, этот край начинают посещать сначала отдельные ученые, а затем уже хорошо организованные экспедиции⁶⁰.

Почти все иностранцы, отправлявшиеся в Северо-Западный Китай через русско-китайскую границу в Средней Азии, постоянно обращались в русские организации, чаще всего в Академию наук, за содействием разного рода.

Русский комитет, по мысли его организаторов, должен был стать органом, который «соединял бы в себе представителей русских ученых учреждений, изучающих крайний Восток и Среднюю Азию, а также представителей министерств и мог бы интенсивней, чем ученые учреждения с более широкими задачами, посвятить себя исследованию Средней и Восточной Азии»⁶¹.

В уставе комитета (§ 1) были определены основные его задачи: изучение сохранившихся памятников, выяснение у местных деятелей и учреждений, какие памятники должны быть изучены в первую очередь и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношении и таким образом «спасены для науки».

Устав подчеркивал необходимость обращения к «соответствующим правительствам» с просьбой установить официальную охрану памятников, «которым грозит разрушение от времени или от рук человека». Предполагалось «наметить планы совместного исследования и обсуждения общих научных вопросов» и «облегчать всем ученым, без различия национальности, участие в предстоящей научной работе в районе действия комитета».

В состав комитета входили по одному представителю от Академии наук, восточного факультета Петербургского университета, Археологической комиссии, Географического общества, Русского археологического общества и министерств: императорского двора, иностранных дел, военного, финансов, народного просвещения и внутренних дел. Однако устав ставил комитет в полную зависимость от Министерства иностранных дел; министр утверждал членов комитета и его бюро, председателя, товарища председателя и двух секретарей. От Министерства императорского двора в состав комитета был включен активный проводник колониальной политики русского правительства князь Э. Э. Ухтомский. Военное министерство представлял заведующий азиатской частью Главного штаба генерал-майор В. Н. Васильев.

На первом заседании комитета, под председательством В. В. Бартольда, присутствовали Н. И. Веселовский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, Д. А. Клеменц, П. М. Мелиоранский, В. Л. Котвич, П. С. Попов, И. Я. Коростовец, К. К. Случевский, Л. Я. Штернберг. Впоследствии в комитет были введены Ф. И. Щербатской и другие ученые. На

первом заседании было выбрано бюро комитета (В. А. Жуковский — председатель, В. В. Бартольд и Л. Я. Штернберг — секретари).

Таким образом, в состав комитета вошли крупные русские ученые, что обеспечивало научное руководство изучением исторических памятников как восточных окраин России, так и Северо-Западного края Китая и организацией экспедиций.

Комитет выпускал «Бюллетень ассоциации»⁶², в котором была помещена информация об организации ассоциации, опубликованы устав Русского комитета и список его членов. В дальнейшем комитет публиковал «Протоколы» заседаний (ежегодно в 1903—1918 гг. — от 4 до 6 номеров, с приложением отчетов комитета) и «Известия Русского комитета».

В последующие годы подобные комитеты были организованы во всех странах Европы.

В 1903 г. Русский комитет принял решение командировать в Тибет Б. Б. Барадийна (предварительно в течение трех лет он должен был заниматься под руководством С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского): он должен был прожить год в одном из буддийских монастырей — Гумбуне или Лавране⁶³. Вследствии Барадийн приобрел известность своими трудами о Лавране и Тибете. В течение многих лет он был лектором монгольского языка на восточном факультете.

В 1904 г. комитет развернул свою работу, по линии комитета были отправлены в Кучу М. М. Березовский и в Турфан С. М. Дудин⁶⁴.

В 1905 г. член комитета Ф. И. Щербатской получил от далай-ламы предложение сопровождать его в Тибет, где он мог бы найти большой материал для научной работы. Комитет предлагал отправить Щербатского с Барадийным, но министр иностранных дел просил из-за возможных дипломатических осложнений не командировать Ф. И. Щербатского. В Тибет был послан под видом паломника один Барадийн.

Значительную помощь русским ученым оказывали работавшие в Западном Китае русские консулы. Например, консул в Урумчи Н. Н. Кротков (1869—1919) неоднократно привозил археологические находки, которые он главным образом покупал⁶⁵.

Н. Ф. Петровский (1837—1908), консул в Кашгаре, которого С. Ф. Ольденбург называл первым, заставившим ученых «обратить деятельное внимание на научные сокровища Китайского Туркестана»⁶⁶, собирал сведения об остатках «древностей несторианских, буддийских и всяких других» в Восточном Туркестане и посылал собранные им археологические коллекции в Эрмитаж, Азиатский музей, в Музей Археологического общества. Хотя С. Ф. Ольденбург называл Н. Ф. Петровского «просвещенным любителем», однако последнему принадлежит несколько статей по археологии⁶⁷. Можно отметить также ин-

терес к археологии секретарей консульства: в Урумчи — Б. В. Долбежева, в Кашгаре — И. П. Лаврова, приславшего в Русский комитет пять ящиков собранных им «древностей» и отчет о поездке от Кашгара на Лобнор и обратно⁶⁸.

В 1909—1910 гг. на средства Русского комитета была организована первая экспедиция С. Ф. Ольденбурга в Западный Китай. В составе экспедиции были художник и фотограф С. М. Дудин и горный инженер Д. А. Смирнов, сделавший все топографические съемки и планы. Экспедиция обследовала археологические памятники Карашарского, Турфанского и Кучарского округов. Краткий отчет о работе экспедиции с большим количеством иллюстраций был опубликован в 1914 г.⁶⁹ Материалы экспедиции хранятся частично в Эрмитаже, частично в Архиве Института востоковедения. В рукописях находится подробное описание Турфанских пещер (около 30 п. л.). По материалам экспедиции С. Ф. Ольденбургом написано несколько статей.

В 1909—1910 гг. в экспедиции в Южной Монголии (Долонор, Хух-Хото, Ордос) по поручению комитета находился Ц. Ж. Жамцарано⁷⁰. В 1909 г. в Западный Китай, в районы от Хами до Кашгара и Хотана, был отправлен для изучения тюркских наречий С. Е. Малов. В 1912 г. он был вторично командирован в те же районы⁷¹.

В 1913 г. ассигнование на нужды комитета было увеличено до 100 тыс. руб., что позволило приступить к организации и отправлению второй экспедиции в Западный Китай с задачей исследовать пещеры Могао (Цяньфодун) с целью, как писал в докладной записке С. Ф. Ольденбург, «найти твердую основу для хронологического определения памятников буддийского искусства в Китае и китайского Туркестана и собрать достаточный материал для характеристики разных стилей этого искусства» [Ольденбург, № 1—4].

Состав второй экспедиции был подобран весьма тщательно. Во главе ее стал С. Ф. Ольденбург — инициатор экспедиции, блестящий знаток буддийского искусства. Его ближайшим помощником был художник и фотограф С. М. Дудин. В экспедиции приняли участие художник В. С. Бинкенберг, топограф Д. А. Смирнов, этнограф Б. Ф. Ромберг и 10 человек вспомогательного состава с переводчиком-китайцем.

Экспедиция пробыла в Китае менее года — с 20 мая 1914 г. по 26 января 1915 г. В первые годы после возвращения никаких отчетов опубликовано не было, кроме краткого доклада С. Ф. Ольденбурга на заседании комитета⁷² и небольшой книги С. М. Дудина «Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая» (Пг., 1917), где материалы экспедиции использованы лишь частично. В периодической печати появилось несколько небольших заметок информационного характера. В 1920 и 1922 гг. С. Ф. Ольденбург

издал краткие очерки о Дуньхуанских пещерах, в которых лишь вскользь упоминалось о результатах экспедиции⁷³.

Смерть С. Ф. Ольденбурга прервала в 1934 г. подготовку материалов экспедиции к печати. Попытка его вдовы и Ф. И. Щербатского подготовить к публикации материалы экспедиции не была доведена до конца. В фонде С. Ф. Ольденбурга, хранящемся в Архиве АН СССР, находится практически готовый к публикации большой и ценный труд, основанный на материалах экспедиции, — «Описание пещер Дуньхуана» (объемом около 25 печатных листов); его издание имело бы громадное научное значение. В том же фонде находятся и путевые дневники С. Ф. Ольденбурга, С. М. Дудина, Б. Ф. Ромберга, Д. А. Смирнова, переписка, касающаяся организации экспедиции и ее результатов. В Эрмитаж поступил весь остальной материал экспедиции: фотографии (около 2 тыс.), рисунки, планы, кальки, куски фресок и другой иллюстративный материал.

Благодаря правительственным ежегодным пособиям Русский комитет получил возможность территориально расширить сферу своих экспедиций. В 1911 г. был отправлен в Китай В. М. Алексеев⁷⁴, а в 1912 г. — в Корею Н. И. Конрад.

Кроме русских исследователей Западный Китай во второй половине XIX в. посетили ученые Англии, Германии и Франции. Иностранцы не раз обращались за помощью и советами в Русский комитет. Некоторые из них, как, например, члены экспедиции германского комитета ассоциации, потребовали исключительного права (!) производить исследования в местности между Турфаном и Кучей⁷⁵. Притязания экспедиции были отвергнуты, но между представителем Русского комитета в Западном Китае Д. А. Клеменцем и возглавлявшим германскую экспедицию Грюнведем было достигнуто соглашение о разграничении районов работ⁷⁶.

С полной ответственностью можно сказать, что методы работы русских ученых в Западном Китае значительно отличались от практики их западноевропейских коллег. С. Ф. Ольденбург постоянно ратовал за бережное отношение к древним памятникам. В 1914 г. на одном из заседаний комитета он поделился своими впечатлениями о местах, пройденных экспедицией в 1909—1910 гг., и о «следах разрушительной работы некоторых путешественников-исследователей, способствовавших не столько изучению памятников древности, сколько обесценению их для науки». Он указал на необходимость более бережного отношения к «этим единственным памятникам при будущих экспедициях»⁷⁷ и зачитал проект обращения ко всем комитетам ассоциации об охране памятников древности в местах исследований и о согласовании планов экспедиций, направляемых в Западный Китай.

Призывы Русского комитета о «бережном отношении» к памятникам Западного Китая, особенно Дуньхуана, не встретили сочувствия со стороны руководителей экспедиций Англии, Фран-

ции, Соединенных Штатов Америки, Германии (А. Стейн, П. Пелльо, Уорнер, Грюнведель, Лекок и др.), которые, пользуясь положением иностранных подданных и продажность местного чиновничества, вывезли громадное количество фресок, выломанных из стен, статуй, рукописей и другие археологические ценности, причем некоторые из участников зарубежных экспедиций, не имея специальной подготовки, разрушили немало предметов искусства, нанеся непоправимый ущерб пещерам.

С. Ф. Ольденбург писал о работе английской экспедиции под руководством А. Стейна: «Раскопки были сделаны несистематически и только в погоне за рукописями и предметами археологии»⁷⁸. Говоря о других экспедициях, он подчеркивал: «Много копано последними экспедициями, но с основной целью добыть предметы и прежде всего рукописи»⁷⁹.

В 1916—1917 гг. экспедиции не проводились — Русский комитет подводил итоги своей работы, а в 1918 г. закончил свою деятельность.

ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Дальнейшая активизация политики царизма в Китае после 1900 г. (окончание постройки Китайско-Восточной железной дороги, открытие отделений Русско-Китайского банка в разных городах Китая и др.) вновь поставила вопрос о кадрах переводчиков с китайского языка, а также о специалистах, которых торгово-промышленные круги могли использовать в своих интересах в Китае. Это касалось не только китаистов, требовались специалисты и в отраслях промышленности, и в торговле.

Усилившаяся после подписания «Боксерского протокола» конкуренция со стороны английских, французских, германских и американских империалистических кругов привела к вытеснению русского капитала с занятых им позиций. Представители торгово-промышленных кругов на практике убедились в отсутствии специалистов, знающих китайский рынок: без этого невозможно было конкурировать с другими капиталистическими государствами. Вопросами экономики Китая, изучением его внутреннего рынка занимались в России недостаточно. Сведения поступали главным образом от консульских работников в Китае — А. Г. Бельченко, Н. В. Богоявленского, В. Ф. Гроссе, П. Г. Керберга, Х. Кристи, Н. В. Кропачека, И. В. Лаптева, В. Ф. Любы, П. Г. Тидемана и др. Их статьи, печатавшиеся в «Донесениях императорских российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам отделу торговли Министерства торговли и промышленности» и в «Сборнике консульских донесений», а также в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», не давали достаточной информации о китайском рынке⁸⁰. Подобная неосведомленность была проявлена и по отношению к другим странам Востока.

Назрела практическая потребность в создании такой организации, где бы сосредоточились все сведения, необходимые для торгово-промышленных кругов. Такой организацией и стало Общество востоковедения.

В феврале 1900 г. Министерство финансов⁸¹ утвердило устав Общества востоковедения⁸², в котором так определялись его задачи: «Содействовать сближению России с восточными странами и служить проводником русской культуры и производительности среди восточных народностей как в пределах России, так и вне ее». § 2 устава начинался с абзаца, в котором была поставлена точка над «i». «Общество должно было исследовать „возможности сбыта русских товаров“» [300, 301]. Другие проблемы изучения стран Востока отходили на второй план.

Это была попытка приспособить востоковедение к нуждам развивающегося капитализма. Общество поставило слишком большие задачи — охватить все страны Востока, включая в это географическое понятие и балканские государства (!). Подлежало изучению 47 государств!⁸³ Китай был одним из основных объектов изучения.

Средства общества были мизерны, и оно могло лишь «оказывать содействие» в командировках. Так, в 1903 г. член общества М. А. Ростовцев был послан в Маньчжурию, Китай и Японию «для изучения условий сбыта продуктов русской фабрично-заводской промышленности и выяснения мер к содействию такого сбыта»⁸⁴. В 1907 г. в Китай был командирован П. В. Шмельнов (цель поездки и ее результаты остались неизвестны).

На собрании членов общества заслушивались доклады, из которых проблемам Китая были посвящены сообщения А. И. Гиппиуса «О причинах настоящих событий на Дальнем Востоке», М. А. Ростовцева — о поездке в Китай, В. Л. Комарова — об изучении стран Дальнего Востока, А. Ю. Ландезе-на — о быте китайцев.

Члены общества принимали участие в XIII, XIV и XV международных конгрессах востоковедов. В 1908 г. на XV конгрессе в Копенгагене в числе шести русских представителей находился член общества А. И. Иванов⁸⁵.

По уставу общества предполагалось открыть отделения в других городах России, граничащих со странами Востока. Так, в 1903 г. было открыто Благовещенское отделение. До 1905 г. это отделение работало под председательством генерала Д. В. Путяты (бывшего военного представителя в Китае, а затем амурского губернатора). Работа отделения сосредоточивалась на докладах по Амурскому краю, и лишь один из докладов касался проблем Китая⁸⁶. После отъезда Д. В. Путяты отделение практически прекратило свою работу.

В 1912 г. в Хабаровске было открыто Приамурское отделение Общества востоковедения, в состав которого вошли питом-

цы Восточного института Н. В. Слюнин, П. В. Шкуркин, Л. Г. Ульяницкий. Начавшаяся через два года первая мировая война не позволила Приамурскому отделению развернуть свою работу.

В 1908 г. группа бывших воспитанников восточного факультета Петербургского университета и Восточного института, проживавших в Пекине и Тяньцзине, задумала основать в Пекине Союз ориенталистов на Дальнем Востоке. Однако осуществить этот замысел не удалось. В том же году более энергично за объединение научных сил взялись китаисты, проживавшие в Харбине.

В 1909 г. был утвержден проект устава Общества русских ориенталистов, составленный И. А. Доброловским, и общество, число членов которого составляло 66 человек, начало свою деятельность⁸⁷.

В 1909 г. Общество востоковедения предложило Обществу русских ориенталистов объединиться. Новая организация получила название Общества русских ориенталистов (с отделениями в Харбине, на Дальнем Востоке и с центром в Петербурге)⁸⁸. Создание нового объединения не внесло значительных изменений в деятельность Петербургского центра общества (бывшее Общество востоковедения). Задачи, поставленные ранее, оставались невыполненными. Петербургский центр состоял из 85 членов, из которых 42 находились в странах Востока. Председателем центра был избран В. О. фон Клемм (вице-директор I-го департамента Министерства иностранных дел).

Дальневосточной секцией руководил Аркадий Петров, окончивший Восточный институт, автор книги «Китай за последнее десятилетие». Г. Ф. Смыкалов был избран членом совета⁸⁹. На секции было решено возбудить вопрос об издании рукописей В. П. Васильева и полного собрания его сочинений. Сын В. П. Васильева, который был в это время членом Государственного совета, обещал содействие, но это решение так и осталось на бумаге.

Положительным началом деятельности Харбинского отделения было издание с 1909 г. журнала «Вестник Азии», выпуск которого продолжался до 1926 г.⁹⁰

Статьи о Китае занимали в журнале доминирующее место. В них затрагивались вопросы антропологии, этнографии, археологии, геологии, ботаники, литературы, искусства. Большинство статей были компилятивными. Преобладали заметки информационного характера.

Особо следует выделить статьи по этнографии И. Г. Баранова, А. В. Гребенщикова, М. И. Лаврова, Л. Решетникова, В. Стромиллова, основанные на личных наблюдениях, а также переводы с китайского из «Цзиньгу цигуань» Ляо Чжая и сказок, выполненные И. Г. Барановым, П. В. Шкуркиным, Ф. Ф. Даниленко⁹¹.

Недостаточная квалификация большинства авторов, недавно окончивших Восточный институт, практический характер статей придали «Вестнику Азии» популярный характер, но широкого распространения журнал не получил.

Харбинское отделение объединяло главным образом выпускников Восточного института, которые по мере своих сил делали все возможное для пропаганды знаний по истории, культуре и современному положению Китая: публиковали статьи в научно-популярном журнале, делали доклады, читали лекции, вели курсы.

Следует отметить доклады А. В. Гребенщикова «Очерк заселения китайского Приамурья»⁹², А. П. Болобана «Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии»⁹³, А. Спицина «Современные общественно-политические течения в Китае»⁹⁴, И. А. Доброловского «Юань Ши-кай и его путь к трону»⁹⁵.

Общество вело и популяризаторскую работу. В железнодорожном собрании (клубе) был прочитан ряд лекций о Китае. После доклада П. М. Гладкого о китайском театре силами китайских артистов были показаны три китайские пьесы (апрель 1914 г.). Летом 1915 г. для учителей железнодорожных, городских и поселковых школ были организованы курсы, на которых Н. В. Кюннер, П. В. Шкуркин, В. В. Солдатов, П. М. Гладкий и П. С. Тишенко читали лекции по этнографии и истории, по вопросам политического и экономического положения Китая.

Харбинское отделение общества открыло в Ханькоу свой филиал, который возглавлялся Г. А. Софокловым (преподавателем русского языка в русско-китайской школе коммерческих знаний) и куда входило до 10 человек. Г. А. Софоклов редактировал журнал «Долина Ян-цзы. Обзорение китайской прессы», издававшийся, очевидно, по его инициативе. В журнале, который просуществовал один год, печатались переводы, сделанные учениками школы.

Петербургское отделение Общества русских ориенталистов не разрешило стоявших перед ним задач по изучению Китая, как нам кажется, потому, что интересы рядовых членов общества — мелких чиновников, служащих частных предприятий, лиц «вольных профессий» — были далеки от целей его руководителей — чиновных генералов, представителей крупной буржуазии. Участие в нем ученых исходило из их личных интересов, а не из задач общества. Недоставало и средств на выполнение намеченной программы (ежегодная субсидия от правительства составляла 5 тыс. руб.). «Жертвователей», несмотря на обещания нагрудного знака, не находилось. В последние годы деятельности общества русских ориенталистов все внимание его руководителей было устремлено на Практическую восточную академию.

В январе 1901 г. Общество востоковедения открыло курсы, где предполагалось изучение персидского, турецкого и японского языков. Однако на 1902/03 учебный год записались всего два слушателя, желающие изучать японский язык. В 1903 г. курсы были закрыты⁹⁶.

С января 1906 г. за организацию курсов взялся А. М. Позднев. Основной задачей курсов было «научно-практическое изучение восточных языков». Трехгодичные курсы были платными, вечерними⁹⁷.

Преподавателем китайского языка был приглашен А. И. Иванов, который читал также курс новейшей истории и географии Китая. Преподавателями разговорного языка были служащие Русско-Китайского банка Шан Юй-линь и Чэн Хун-цзы⁹⁸.

На 1906/07 учебный год на курсы записалось 30 человек, но узнав, что курсы не гарантируют получения службы в странах Востока, половина из записавшихся ушла. Осталось шесть студентов восточного факультета Петербургского университета, четыре чиновника и три женщины.

В 1909 г. курсы были переименованы в Практическую восточную академию, просуществовавшую вплоть до Октябрьской революции. Преподавателем китайского языка был почти беспрерывно А. И. Иванов (заместитель директора академии и с 1917 г.— ее директор) [302; 303]. Кроме А. И. Иванова китайский язык вел Г. Ф. Смыкалов.

Георгий Феофанович Смыкалов окончил восточный факультет в 1902 г. с дипломом 1-й степени и был оставлен при университете без стипендии. Поступив на службу в правление Китайско-Восточной железной дороги в Петербурге, он в январе 1903 г. был командирован в Пекинское отделение КВЖД в качестве практиканта старшего разряда. В июле он был назначен преподавателем в русско-китайскую школу, открытую при Пекинском отделении КВЖД. В 1904—1905 гг. состоял одновременно переводчиком в редакции газеты «Яньдунбао» (издававшейся Д. М. Позднеевым), в 1906 г. причислен к Министерству финансов и оставлен на службе в Пекине. С января 1907 г. Г. Ф. Смыкалов — старший преподаватель школы русского языка. В 1907 г. по семейным обстоятельствам возвратился в Петербург, с 1908 по 1910 г. преподавал китайский язык в Николаевском кавалерийском училище, в 1909 г. сдал магистерский экзамен. В 1910 г. Смыкалов принят на службу в общую канцелярию Министерства финансов, где его работа была связана со знанием китайского языка. Одновременно с 1911 г. преподавал китайский язык в Практической восточной академии, читал курс грамматики и газетные тексты. Основная преподавательская работа Г. Ф. Смыкалова протекала в советское время. Автору пришлось быть слушателем лекций

Г. Ф. Смыкалова в 1913—1914 и 1922—1925 гг., и нужно отметить его неизменное, исключительно доброжелательное отношение к каждому слушателю.

Преподавателем китайского языка в академии с 1911 г. был Чжан Юй-чуань [303]. А. И. Иванов занимался по составленной им книжке на китайском языке «Хуаюй чунци дубэнь», напечатанной в Японии с литографированным к ней словарем⁹⁹ [303].

Ежегодно на китайский разряд академии записывалось от двух до шести человек. Кроме постоянного контингента слушателей занятия в академии посещали студенты восточного факультета. В свою очередь слушатели академии изредка бывали на лекциях В. М. Алексеева в университете¹⁰⁰.

В 1916 г. на представленный проект положения о Практической восточной академии, по всем признакам принадлежавший А. М. Позднееву, последовало заключение ряда крупных востоковедов — В. В. Бартольда, Н. И. Веселовского, А. И. Иванова, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, С. Ф. Ольденбурга, А. Д. Руднева, Ф. И. Щербатского. В записке «О проекте Практической Восточной Академии»¹⁰¹ подчеркнуто, что планирование высшей школы восточных языков было «ведено без участия научно-компетентной коллегии», все построение несостоятельно настолько, что проект «вообще не выдерживает критики». Авторы записки критикуют главное положение проекта: «Создать высшее учебное заведение для ускоренного производства мнимых „восточников” и „востоковедов”».

В записке есть и вполне конкретное предложение: при необходимости подготовить кадры для «торгово-промышленного мира» надо открыть кафедры в Высшей коммерческой академии. На этом дискуссия о создании Практической восточной академии прекратилась.

Оценить практические результаты деятельности академии, просуществовавшей всего семь лет, трудно. Лицам, которые были лишены возможности посещать дневные лекции на восточном факультете Петербургского университета, академия давала первоначальные знания в восточных языках. Вечерние занятия позволяли служащим банков, торговых фирм, чиновникам и другим категориям лиц, связанных с работой в дневное время, повысить свою квалификацию и получить работу в русских учреждениях в Маньчжурии.

Подготовка востоковедов в России вызывала тревогу. Хорошо осведомленный автор статьи «Наши востоковеды»¹⁰², написанной по поводу создания Общества русских ориенталистов, С. И. Игнатъев полагал, что оканчивающие восточный факультет уходят на службу в акцизные учреждения, казначейства и другие организации из-за незнания разговорного китайского языка. Устроиться по дипломатической линии, не имея протекций, было почти невозможно, да и там «черной кости»

приходилось постоянно встречаться с презрительным к себе отношением.

В связи с этим Игнатьев предлагал реорганизовать Восточный институт во Владивостоке: предоставить ему университетские права, разделить на три факультета (коммерческий, юридический и филологический), а главное — отказаться от исключительно практического обучения! Для целей практического обучения языкам Игнатьев предложил учредить несколько школ, вроде школы в Урге, но с более расширенным курсом. Предложения Игнатьева были не новы и, вероятно, частично исходили из тех же посылок, которые легли в основу «Докладной записки» А. В. Рудакова.

Ар. Петров, принимавший деятельное участие в создании Общества русских ориенталистов, солидаризировался с Игнатьевым в необходимости реформы Восточного института. В отношении Практической восточной академии он подчеркивал, что Обществу русских ориенталистов не следовало бы тратить средства «на подобные затеи», а лучше разделить их между восточным факультетом и Восточным институтом¹⁰³.

* * *

В конце XIX в. русское китаеведение вступило в новую фазу своего развития. Открытие Восточного института во Владивостоке, вызванное практической потребностью в переводчиках восточных языков, обеспечивало правительственные и частные учреждения специалистами, знающими китайский разговорный язык. Преподаватели института П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Н. В. Кюнер, А. В. Гребенщиков создали за короткий срок ряд учебников и пособий, которыми пользовались преподаватели и студенты восточного факультета Петербургского университета.

В первое десятилетие XX в. на восточном факультете Петербургского университета успешно работали П. С. Попов, А. И. Иванов, А. Е. Любимов, В. Л. Котвич, начал свой творческий путь В. М. Алексеев.

В этот же период русская наука вносит огромный вклад в изучение географии, этнографии и археологии Китая и окраинных территорий Цинской империи.

И все же ни расширение сферы китаеведения, ни значительные достижения в географии и археологии не могли преодолеть того внутреннего кризиса в русской синологии, который наметился еще в XIX в., ибо его причины лежали в общем кризисе, охватившем русское общество. Дыхание революции чувствовалось и в России, и в Китае. «Скоро наступит переоценка всех ценностей. Слышны удары прибой, прибой новой жизни!» — восклицает В. М. Алексеев в дневнике за 1907 г.¹⁰⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В канун Великой Октябрьской социалистической революции история сношений России с Китаем насчитывала уже более 300 лет. За этот период развилась и окрепла та вызванная к жизни практическими нуждами отрасль знания, которая, положив в основу источники на восточных языках, отвечала на многочисленные вопросы, связанные с историей, материальной и духовной культурой, современным экономическим и политическим положением Китая. Пройдя в своем развитии ряд этапов, отечественное китаеведение стало составной частью мировой синологии и по праву заняло в ней одно из ведущих мест.

Как и все мировое востоковедение того периода, русская синология базировалась на филологических исследованиях¹. Особенность русского китаеведения заключалась в том, что в нем на первых порах одинаковое значение имели китайский, маньчжурский и монгольский языки. Знание китайского языка было ключом для открытия всего китайского мира; маньчжурский язык, являясь официальным государственным языком Цинской империи, был необходимым инструментом дипломатических отношений; монгольский свыше ста лет являлся языком-посредником в политических взаимоотношениях России с Китаем, а в XVIII и XIX столетиях на монгольском языке дублировались многочисленные документы всех, кто отправлялся через Ургу в Собственно Китай, а также огромное количество документов, относящихся к юрисдикции жителей пограничной полосы. Причем маньчжуроведческие исследования, например, на первом этапе становления китаеведения как науки сыграли большую роль.

Отмечая характерные черты русской маньчжуроведческой школы, Б. К. Пашков подчеркивал, что ее отличало «преимущественное внимание к маньчжурским первоисточникам»². Русские маньчжуроведы XVIII в. «собрали ценнейшие памятники маньчжурской письменности, которые потом легли в основу богатейших фондов Азиатского департамента Коллегии иностранных дел и Академии наук. Им же принадлежат и первые

версии перевода на русский язык значительной части этих памятников. Отбор памятников для перевода, сделанный по их собственной инициативе, характеризует их широкую осведомленность в области маньчжуроведения»³.

Однако филологические исследования не были самодовлеющими; они проводились русскими маньчжуроведами параллельно с изучением истории маньчжуров, их быта и социально-экономического положения. В первую очередь переводились труды по этим проблемам. Это существенно отличало русских синологов-маньчжуроведов от западных⁴.

Еще одной характерной чертой русской школы маньчжуроведов, по справедливому замечанию Б. К. Пашкова, было «обязательное изучение маньчжурского языка совместно с китайским (а также и с монгольским)», к тому же «русские маньчжуроведы усиленно занимались разработкой маньчжуро-русского и маньчжуро-китайско-русского словарей»⁵.

Эта характеристика отечественной маньчжуристики, на наш взгляд, полностью может быть отнесена и к дореволюционному русскому китаеведению в целом.

Вместе с тем необходимо отметить и тот значительный прогресс, к которому отечественное китаеведение пришло, развиваясь как научная школа: во второй половине XIX в. оно смогло от анализа текстов памятников перейти к синтезу заключающихся в них фактов, создавались обобщающие труды в ряде областей исследования Китая. Именно в этом смысле, на наш взгляд, следует понимать известное высказывание В. М. Алексеева о том, что «в России до Великой Октябрьской социалистической революции синология была представлена сначала информаторами-полиграфами, без исследовательского начинания (Н. Бичурин, З. Леонтьевский, А. Леонтьев), далее академиком В. П. Васильевым, создавшим единолично целую большую литературу по синологии, и особенно самым крупным синологом России и всего европейского мира XIX в. вообще Палладием Кафаровым, первым ученым, применившим к синологии метод работы только по источникам, а не по стереотипным информациям китайских энциклопедистов»⁶. Причем если рассматривать лишь филологический аспект развития отечественного китаеведения, то и в нем можно видеть, насколько самобытной была русская китаистика в своих исследованиях, какими глубокими открытиями она обогащала мировую синологию. И вновь уместно вспомнить слова В. М. Алексеева, который, отметив, что «русская китаистика XIX века сыграла значительную роль в синологии, внося свой вклад в дело ознакомления с сокровищами мысли и культуры великого китайского народа», обращал внимание именно на собственный вклад русских китаеведов в процесс познания Китая в мировом масштабе. «Система иероглифов В. П. Васильева,— писал В. М. Алексеев,— явилась мнемоническим и логическим шедев-

ром задолго до возникновения „магнитного поля” изобретателей новых систем расположения иероглифов в словарях в Китае и Европе: она воспитала многих... и вызвала к жизни новые словари, по которым до сих пор учится наша молодежь»⁷.

При этом словарь — первое и необходимейшее языковое пособие в работе каждого китаеведа — являлся в то же время и первой настольной книгой, по которой познавалась страна во всем многообразии ее культуры. В этом плане, например, «словарь Палладия дал всем, кто „имеет очи видети и уши слышати”, самую строгую и самую стройную систему китайской мысли, избежав экзотической трансплантации китаизмов и убогой европеизации тех синологов-расистов, неискренних лицемеров, словари которых держат доселе учащуюся молодежь, ими пользующуюся, в отречении и оцепенении»⁸.

подавляющее большинство ведущих китаеведов прошлого были выходцами из стен Пекинской духовной миссии. Нельзя сказать, что этот факт не отразился на направленности китаеведческих исследований. Преимущественное внимание к философским и религиозным системам являлось отражением идеалистического представления о движущих силах развития общества, свидетельствовало о попытках именно в идеологической сфере найти средства для преодоления политической замкнутости цинского Китая, вовлечения его в систему дипломатических и экономических международных связей. В этом плане деятельность православной духовной миссии в Пекине выражала интересы и стремления правящих классов царской России; миссия являлась не только религиозным, но и политическим органом, сыгравшим большую роль в дальневосточной политике царизма.

Вместе с тем миссия была превосходной школой познания китайской действительности, изучения языков, коллекционирования китайской, маньчжурской, тибетской литературы. Не случайно И. И. Захаров в 1875 г. назвал своих предшественников из состава миссии «великими знатоками маньчжурского языка»⁹. Эта оценка была отнюдь не проявлением ложной скромности по отношению к самому себе, а воздаянием должного той мере коллективного труда многих поколений русских миссионеров, изучавших маньчжурский язык, результатом которой явился и замечательный захаровский словарь.

Примечательно и то, что наиболее выдающиеся представители отечественного китаеведения, связанные монашеским званием, стремились преодолеть религиозные узы. Хорошо известно отношение Н. Я. Бичурина к религии вообще и к монашеству в частности. Он не порвал с саном лишь из-за прямого запрета царя, но сумел и в жизни, и в трудах своих недостигаемо подняться над окружающими его церковниками. В. М. Алексеев тонко вскрыл мировоззрение другого гения русского китаеведения — Палладия Кафарова. Отметив «глубокую искренность

нашего синолога, который, будучи православным миссионером... не забил своих страниц, где своя рука была владыка, христианским велеречием», В. М. Алексеев подчеркивал, что Кафаров, «совсем наоборот, дал (с моей точки зрения, даже, пожалуй, излишнюю) волю велеречиям, евлогам и терминологической насыщенности в самых трудных для понимания европейца областях, как конфуцианское исповедание историзма и исторической логики, даосская философия и литургия, буддийская догматика и эзотерика, которые, конечно, свели на нет христианскую догматику, столь обязательную, казалось бы, для автора — православного миссионера». В известном словаре Кафарова «эта несомненная глубокая объективность русского ученого выразилась в ясной определенности переводов и терминологии, близкой к оригиналу, но отнюдь не экзотической; в стремлении к характеристике самого главного и существенного во всем кодексе китайской культуры, введенной как бы в постатейные формулы, которые почти наново называют по-русски вещи, не имевшие доселе подходящего названия»¹⁰.

Перенесение во второй половине XIX в. учебного процесса из миссии на университетские кафедры, безусловно, одновременно явилось и актом отделения китаеведческой школы от церкви. Но и в университетах по-прежнему китаеведение зиждилось лишь на энтузиазме и подвижничестве отдельных его представителей. В целом же обстановка на восточном факультете Петербургского университета определялась общей политикой самодержавия в отношении высшего образования: живая мысль всячески угнеталась и пресекалась, свободный обмен научными идеями подменялся схоластикой, которая хотя и была облечена в светский мундир, но фактически питалась церковным фидеизмом.

Поэтому не случайно В. М. Алексеев с горечью вспоминал о годах учебы на восточном факультете. «В 1898 г. (когда я поступил на б. факультет восточных языков б. СПб. университета), — писал он, — как и в 1888, 1878, 1868 и 1858 гг., русская китаистика пробавлялась схоластическими рассуждениями об экзотических китайцах, то превознося китайскую культуру, как поучительную, между прочим, и для Запада (С. М. Георгиевский), то подвергая ее почти глумлению, как культуру народа „мудреного“, но не мудрого и своею мудреною письменностью симулирующего ум и достоинство (В. П. Васильев)»¹¹.

Как ни старалась часть профессоров факультета во главе с В. П. Васильевым создать учебные программы, охватывающие различные стороны профессиональной китаеведческой подготовки, однако методика преподавания, выбор предметов для лекционных курсов, учебные пособия — все оставляло желать много лучшего. Отчасти это объяснялось нерасчетливостью китаеведения как научной дисциплины, отчасти — нехваткой профессорско-преподавательского состава. Даже такая наибо-

лее разработанная в отечественном китаеведении дисциплина, как китайская филология, и та преподавалась довольно бессистемно. «В б. СПб. университете, где было сосредоточено преподавание китайского языка,— свидетельствует В. М. Алексеев,— читались multa, pop multum, всего понемножку, для особой, как выражались в это время, „гимнастики ума“, помогающей будто бы в дальнейшем чтению того, что „будет нужно“. Тут были анекдоты и рацеи Конфуция (в таком именно духе и поданные), и официальные бумаги, и романы, и философские теории (синли), и древние оды, и многое другое. Мы все это покорно „учили“, мало понимая в этом принудительном ассортименте, но твердо веря в силу диплома университета, который котирировался не только в пределах своей специальности, но и далеко вне их, например в податной инспекции, в акцизе, в министерстве внутренних и всяких иных дел. Карьеристам, которых среди нас было определенное и откровенное большинство, эта программа „всего понемногу“ была на руку, особенно в последней части этой немудрой формулы, а тем, которые собирались идти в науку, выхода в оную не было, ибо университетская программа его, вообще, не давала, а без руководителя читать текст на свой страх и риск никто из нас не решался,— что, между прочим, очень жаль, ибо все возможности к этому были»¹².

И все же лицо отечественного китаеведения, его роль в мировой синологии определялись не суммой недостатков, а теми реальными научными достижениями, к которым оно пришло благодаря неустанному труду, стоическому отношению к невзгодам и лишениям, глубокому уважению к Китаю и китайской культуре, преданности своей профессии многих поколений русских китаеведов. Закономерным было появление в русском китаеведении в последней четверти XIX—начале XX столетия плеяды замечательных специалистов, по праву занимавших почетное место в европейском востоковедении. Говоря о В. П. Васильеве, его современниках и учениках, С. Ф. Ольденбург справедливо подчеркивал, что «это было поколение, открывшее целый дотоле неведомый мир, столь отличный от западного, что изучение его часто налагало на мышление исследователей совершенно своеобразный отпечаток. Для того чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие и такая широта знаний, что нам теперь представить себе трудно, как бы отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом. Но если бы мы стали судить ученых этого поколения на наши современные мерки, мы бы легко впали в ошибку и не поняли бы громадных заслуг этих людей перед наукою»¹³.

Приняв идеи великого Октября, поставив свои знания на службу Стране Советов, выдающиеся русские востоковеды стремились сделать достоянием советского востоковедения луч-

шее, что было в востоковедении дореволюционном. С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев проделали огромную работу по переоценке опыта отечественного востоковедения, не допустили распада «связи времен», своими трудами показали, что марксистское востоковедение является качественно новым этапом развития одной из отраслей русской науки, имеющей свою историю и свои традиции.

Уже в первые годы после революции С. Ф. Ольденбург со всей определенностью ставил задачу изучения истории русского востоковедения. «В последнее время,— писал он,— все яснее становится, какое значение имеет для планомерности научной работы изучение истории и методов каждой дисциплины, изучать которые надлежащим образом можно лишь знакомясь с самою интимною стороною работы ученых так, как нам вполне обнаруживают ее и неизданные материалы и переписка ученого, где он высказывается гораздо свободнее, а часто и определеннее, чем в печатных трудах»¹⁴.

С. Ф. Ольденбург в своих научных трудах постоянно уделял огромное внимание истории русского востоковедения и отечественной синологии. Лишь о В. П. Васильеве им было подготовлено около десяти статей. Кроме того, в его трудах содержатся отзвы о В. М. Алексееве, А. О. Ивановском, о связях русских китаистов с П. Пелльо, Э. Шаванном¹⁵. «Организатор по призванию и темпераменту,— говорил о С. Ф. Ольденбурге В. М. Алексеев,— С. Ф. прежде всего с большою настойчивостью и с редкой у нас инициативой, которая была порой чрезвычайно трудною и щекотливою, добивался регулярных связей со старшим поколением востоковедов, о котором он неоднократно писал с большим, иногда, пожалуй, преувеличенным уважением, тепло и хорошо»¹⁶.

История советского китаеведения, которой мы касаемся лишь в плане освоения нами наследия прошлых веков,— это отдельная область исследования. Здесь нет нужды останавливаться ни на этапах развития синологии в советское время, ни на новых задачах науки, ни на обеспечивающей их выполнении методологии. Это не входит в задачу данной книги.

Но в заключение хотелось бы поставить такой вопрос: а как бы оценили нашу науку и наши сегодняшние труды те, кто когда-то, задолго до революции, стремился понять древний и современный Китай? Для того чтобы ответить на этот вопрос, не нужно прибегать к фантастической машине времени. Основположник советского китаеведения академик В. М. Алексеев, начинавший учиться еще у В. П. Васильева, мог с полной компетентностью очевидца судить и о старом русском китаеведении, и о молодой советской синологии. Он единственный среди нас мог взглянуть на сегодняшний день, как бы отступив к его далеким истокам. Анализируя в 1945 г. состояние советской синологии, В. М. Алексеев писал, что китаеведение, развиваясь

в новых, революционных условиях, испытывая прилив новых сил, обрело новую научную идеологию, новые методы и новые темы. «Советская демократия,— отмечал он,— расширила все это до неузнаваемости. Однако главным ее достижением надо считать расчленение комплексной синологии на ряд специальностей (историки, филологи, философы, лингвисты, искусствоведы и т. д.), каждая из которых в этих разветвлениях обрела для себя новые источники вдохновения и по-новому углубленные методы. Наука оказалась многопредметной, а научная политика в отношении ее чрезвычайно либеральной, и кадры выросли до небывалых размеров»¹⁷.

Отмечая достижения советской синологии и сравнивая обзриваемый им отрезок истории нашей науки с предыдущими, В. М. Алексеев приходит к выводу, что «только при советской научной политике можно добиться наиболее ощутимого прогресса как в подготовке кадров исследователей, так и в самих синологических исследованиях»¹⁸. Глубокая обоснованность и правота этого вывода подтвердились расцветом послевоенного советского китаеведения. Они, несомненно, будут постоянно подтверждаться и в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

- ¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 304—305.
- ² Там же, стр. 337.
- ³ «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I, 1851—1864 гг., СПб., 1905; т. II, 1865—1901 гг., СПб., 1906.
- ⁴ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России. Лекции, читанные в С.-Петербургском университете, СПб., 1911; изд. 2-е, Л., 1925.
- ⁵ [В. В. Григорьев], Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная В. В. Григорьевым, СПб., 1870.
- ⁶ «Труды III Международного съезда ориенталистов», СПб., 1879—1880, т. I, стр. 97—256, 605—606.
- ⁷ С. К. Булич, Очерки истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 193—194.
- ⁸ «Материалы для истории имп. Академии наук», ред. М. И. Сухомлинов, т. I—X, СПб., 1885—1900.
- ⁹ «Очерки исторической науки в СССР», т. I—III, М., 1955, 1963.
- ¹⁰ А. Л. Гальперин, Русская историческая наука о зарубежном Дальнем Востоке в XVIII—середине XIX в. (краткий обзор), — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, М., 1956.
- [Следует отметить, что после того, как П. Е. Скачков завершил работу над рукописью, вышли в свет две работы, содержащие разделы, специально посвященные истории дореволюционного Китаеведения. Это — книга В. Н. Никифорова «Советские истории о проблемах Китая» (М., 1970), первая глава которой — «Изучение истории Китая в России до 1917 г.» — дает очерк развития исследований Китаеведами исторического материала, и коллективный труд группы ленинградских востоковедов «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР» (М., 1972), где разделы «Китаеведение» (авторы Л. Н. Меньшиков и Л. И. Чугуевский), «Маньчжуроведение» (автор М. П. Волкова) содержат большой материал по истории академического изучения Китая в России, а разделы «Тибетоведение» (авторы М. И. Воробьева-Десятковская и Л. С. Савицкий) и «Тангутоведение» (автор Е. И. Кычанов) дают представление о трудах Китаеведов Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, А. И. Иванова и др. в области тангутоведения и тибетологии. — *Прим. ред.*]
- ¹¹ См. статьи П. Е. Скачкова: Иакинф Бичурин (1773—1853). Архивные материалы к биографии, — «Библиография Востока», 1933, вып. 2—4, стр. 79—90; Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине, — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 136—148; Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину (публикация, вступит. статья и прим. П. Е. Скачкова), — «Советское Китаеведение», 1958, № 3, стр. 141—154; Академик В. П. Васильев о П. И. Кафарове (публикация, вступит. статья и прим. П. Е. Скачкова), — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 206—210; Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 197—201; Значение рукописного наследия русских Китаеведов, — «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 116—123.

[После смерти П. Е. Скачкова была опубликована его статья: История изучения Китая в России в XVII и XVIII вв. (краткий очерк), — сб. «Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика и культура)», М., 1966, стр. 152—180. — *Прим. ред.*]

Глава I

¹ П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960, раздел VII, стр. 177—204. [Кроме работ, указанных в «Библиографии Китая», этой теме посвящены и вышедшие в последние годы монографии Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова «Первые русские дипломаты в Китае» (М., 1966); В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)» (М., 1968), сборники документов и материалов «Русско-китайские отношения в XVII веке» (т. I—II, М., 1969, 1972). — *Прим. ред.*]

² Все известные данные о проживании русских людей далеко от родины, на Востоке, в пределах монгольских земель, приведенные у Платона Карпини в его труде «История Монголов» (СПб., 1911, стр. 57, 122, изд. 2-е, М., 1957, стр. 78, 161) и у Рубрука в кн. «Путешествие в восточные страны» (М., 1957, стр. 161), относятся к XIII в., но они ничего не говорят о проникновении русских в Китай и о связях России с Китаем.

³ «Путешествие боярского сына Федора Исаковича Байкова в Китай в 1654 г.», — «Сказания русского народа», СПб., 1849, т. II, кн. 8, стр. 139 [см. также «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, стр. 180, 190, 550. — *Прим. ред.*].

⁴ См.: Палладий Кафаров, Русское поселение в Китае в первой половине XIV в., — «Живая старина», 1894, № 1, стр. 65—67; Э. В. Бретшнейдер, Русь и Асы на военной службе в Китае, — там же, стр. 68—73; Палладий Кафаров, Старинные следы христианства в Китае, — «Восточный сборник», т. I, вып. 1, 1872, стр. 47—49; И. Иванов, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юаньши. — «Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского военно-исторического общества», 1914, т. III, стр. 22.

⁵ Н. Адоратский сообщает, «по рассказам албазинцев», о потомках русских в Сычуани, — «Православный собеседник», 1886, № 3, стр. 260.

⁶ «Софийская вторая летопись 6903 г.», — «Полное собрание русских летописей», т. VI, СПб., 1853, стр. 125 (то же в «Воскресенской» и других летописях), см. также: «Книга Степенная царского родословия», — «Полное собрание русских летописей», т. XXI, ч. 12, СПб., 1913, стр. 431.

⁷ «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.», под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1948, стр. 65. О названиях Китая в разные периоды его истории см.: В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 55, 57—59.

⁸ Г. Н. Соколовский приводит сведения, что из 600 миссионеров, посланных за полтора столетия в Китай, туда прибыло не более 100. Известный миссионер Филипп Авриль погиб в море («Филипп Авриль, как географ», — «Изв. Гос. географ. об-ва», 1905, т. I, вып. 1, стр. 69).

⁹ См. «Старинные путешествия с целью найти северо-западный проход в Китай и Восточную Индию», — «Географические известия», 1850, январь — март, стр. 107—116 (перечислены все попытки достичь Китая до 1652 г.); М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 161—170 (проекты и попытки добраться до Китая Северным морским путем).

¹⁰ С. А. Белокуров, Описание чего ради невозможно от Архангельского города морем проходить в Китайское государство и оттоле к восточной Индии (времени царя Алексея Михайловича), — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1893, № 4, отд. «Смесь», стр. 13—14.

¹¹ Н. М. Карамзин, История государства Российского, т. X, СПб., 1889, стр. 72; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен,

т. IX, СПб., 1879, гл. 1, стлб. 1125, 1126, 1128; И. Х. Гамель, Англичане в России в XVI и XVII столетиях, — «Записки Академии наук», т. VIII, 1865, № 1, стр. 69 (приложение); «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1884, № 4, отд. II, стр. 51, 52.

¹² См., например, статью А. М. Филиппова «Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина» («Советское китаеведение», 1958, № 2, стр. 135—143), где дана характеристика одного из торговых посредников-бухарцев, Аблина.

¹³ Г. Е. Катанаев, Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии, вып. 1, СПб., 1908, стр. 3.

¹⁴ П. Н. Буцинский, Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889, стр. 198.

¹⁵ Алтын-ханом (золотым ханом) русские в XVII в. называли Шолой Убаши-хунтайджи — крупного феодала на северо-западе Монголии и его сыновей Омбо-Эрдени и Лубсан-Эринчина. См.: Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, М., 1958, стр. 19—21; ее же, Алтын-ханы Западной Монголии, — «Советское востоковедение», 1949, № 6, стр. 383—395; Н. Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925, стр. 50.

¹⁶ Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). — «Изв. Академии наук. Отделение русского языка и словесности», 1913, т. XVIII, вып. 4, стр. 257—304; отд. отт. — СПб., 1914 (ссылки даны по отд. отт.); «Русско-монгольские отношения. 1607—1636», М., 1959, стр. 81—86, 88.

¹⁷ «О первых Российских путешественниках и посольствах в Китай», — «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», СПб., 1755, июль, стр. 15.

¹⁸ Маршрут Петлина от Томска до кочевий Алтын-хана совпадает с маршрутами Тюменца, путь которого подробно рассмотрен в диссертации Н. П. Шестиной «Посольство Василия Тюменца к Алтын-хану» (рукопись). Отождествив в своей работе имена улусов и имена князей, указанных в «Росписи» Петлина, Н. П. Шастина доказала, что данные Петлина весьма точны.

¹⁹ Манчикатут (Манчикутунь) — княгиня, известная в истории династии Мин под именем «Саңьянь-цзы» — троюмужья, три раза была замужем, внучка Аньда. Следуя его политике, держала свой аймак в полном подчинении пекинского двора. В Архиве ЛО ИВАН хранится огромный свиток — «Грамота Алтын-хана Туметского к Минскому богдыхану правления Ван-ли», относящаяся к 1580 г. Третью часть свитка занимает рисунок-карта, исполненный послами Алтын-хана, везшими «дань» в Пекин. Грамота описана, переведена и опубликована А. М. Позднеевым в сб. «Восточные заметки» (СПб., 1893, стр. 367—386).

²⁰ В одном из хронографов (ОР ГПБ, шифр Г—XVI, л. 611) есть добавление к описанию ворот у Калгана (Чжанцзякоу), отсутствующее в «Росписи» Петлина: «Пятеро ворот под одну башню. В этой башне сидит дьяк царя китайского Тайбуна, послан на время досматривать грамот и печатей, а [в] те ворота проезжие пятеры [грамоты] даются от княгини Малчикан [Манчикутунь]».

²¹ В. С. Мясников, Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина, — «Советское китаеведение», 1958, № 1, стр. 151.

²² Публикацию документов Петлина см.: «Русско-монгольские отношения 1607—1636», стр. 81—86, 88. [См. также: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае; «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I. — *Прим. ред.*]

²³ Перевод грамоты см.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 7; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929, стр. 27. Копию с подлинной грамоты следовало бы искать в бумагах миссионеров-иезуитов.

²⁴ Перевод «Росписи» Петлина был впервые опубликован на английском языке в 1625 г. в издании Самуэля Перчаса — S. Purchas Hakluytes Posthumus or Purchas his Pilgrimes, Containing a History of the World in Sea Voyages and Land Travels by Englishmen and Others, London, 1625. В 1628 г. «Роспись» была опубликована во Франкфурте-на-Майне Вильгельмом Фишером (Wilhelm Fizzer) на немецком языке: J. Th. De Bry Collectiones Peregrinationum in Indiam Orientalem et Indiam Occidentalem, t. XII, ch. XIII, «Historiarum Orientalis Indie», Francfurti, 1628; на латинском языке в переводе с немецкого Людовика Годафруа (Ludvig Godefroi). В 1634 г. «Роспись» появилась на французском языке в переводе с немецкого Л. Годафруа в издании Пьера Бержерона (Pierre Bergeron) в «Voyages faits principalement en Asie dans les...», XII, XIII, XIV et XV.

На шведском языке «Роспись» была издана в 1667 г. по новому списку, привезенному в 1665 г. Н. Витсенем; по этому же списку был сделан перевод на датский язык и издан в 1707 г. в Лейдене Питером ван дер Аа (Pieter vah der Aa) в коллекции путешествий «Naaukeurige Versameling...».

В 1710 г. Таландер (Talander) опубликовал новый перевод на немецкий язык: «Der curiosen und historischen Reisen durch Europa Hauptth eil fon Calend», Leipzig, 1710.

Без упоминания фамилии отчет Петлина опубликован, кроме того, в 1692 г. в Амстердаме.

Следует упомянуть еще об одной публикации «Росписи» Петлина — поэтом Джоном Милтоном в «A Brief History of Moscovia and of Other Lessknown Countries Lying Eastward of Russia as far as Cathay» (London, 1682). Первоосновой для всех публикаций был английский текст Перчаса.

²⁵ Вот перечень списков «Росписи» (указаны место хранения, шифр и листы): ОР ГПБ: 1) Q—XVII, № 73, л. 354—363 об. 2) Q—XVII, № 321, л. 609—613 об. 3) Q—XVI, сб. Сулакадзева, л. 715—719 об. 4) Q—XVI, сб. полууставом, л. 165—195. 5) Собрание Фролова, F—XVII, № 15, л. 364—371. 6) Собрание Титова, № 4968, л. 425—448. ОР ГБЛ. 7) Хронограф № CCCCLVI, л. 432—435. 8) Собрание Ундольского, ф. 310, № 761, л. 70—85. 9) Собрание Погодина, № 1570, л. 131—147. ОР БАН: 10) шифр 34.8.25, л. 509—517. 11) шифр 16.15.8, л. 112—136. 12) Одесса, Городская библиотека, Рукописн. сб., № 536, л. 57—94. 13) Гос. архив Красноярск, ф. 805, оп. 1, док. 95, 7 л. (копия с № 5). 14) в Копенгагене, см.: И. И. Срезневский, Сведения и замечания о неизвестных и малоизвестных памятниках. — Изв. Академии наук. Отд. рус. яз. и словесности, 1875, т. 12, стр. 356—357.

²⁶ «Сибирский вестник», 1818, ч. 2, отд. III, стр. 1—36.

²⁷ См. прим. 25, № 5.

²⁸ Г. В. Катанаев. Западно-сибирское служилое казачество..., стр. 107—114.

²⁹ Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина..., стр. 31—39.

³⁰ Д. М. Лебедев, География в России XVII века, М.—Л., 1949, стр. 115—120.

³¹ А. Г. Банников, Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай, М., 1949.

³² «Русско-монгольские отношения. 1607—1636», стр. 81—86, 88. [В 1966 г. анализ различных вариантов «Росписи» был осуществлен в книге Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясникова «Первые русские дипломаты в Китае», а в 1969 г. эти документы были опубликованы в сборнике документов «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I. — Прим. ред.]

³³ В частности, в одном из хронографов автору удалось найти добавление к описанию ворот в Калгане (Чжанцзякоу), отсутствующее в «Росписи» (см. прим. 20 к настоящей главе). На полях другого хронографа, с припиской в оглавлении карандашом: «Древнейшая рукопись по слогу тогдашнего наречия, очень любопытна», есть современная «Росписи» приписка: «...писано правдою, да не велел написать таких статей в статейном списке — непристойно». Текст, к которому сделана приписка, гласит: «Желской ж пол велми

до мужского полу ласков, с такими б девицами и женщинами дни свои изживал и век свой скончал, аще бо возможно было бы не рогастая до окончания лет живота своего». Писал это, вероятно, дьяк, которому Петлин диктовал свою «Роспись», но, естественно, такие подробности не могли войти в официальный документ. См.: ОР ГПБ, Собрание А. Титова, № 4968, л. 446. Дальнейшая судьба Ивана Петлина неизвестна. В именных книгах служивых людей Томска 1680 г. среди перечисленных томских конных казаков значится: «Ивашко Филиппов сын Петлин, дед служил в Томске, а откуда он и как попал в Томск — не знает; отец родился в Томске и верстан (поставлен. — П. С.) на отцово место при воеводе Петре Львове».

³⁴ Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина..., стр. 45. Более подробно см.: Н. П. Шастина, Русско-монгольские посольские отношения XVII века, стр. 29—31.

³⁵ Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина..., стр. 45; «Русско-монгольские отношения. 1607—1636», стр. 98.

³⁶ Документ об этом путешествии впервые опубликован Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым.

³⁷ Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, О датировке грамот императоров минской династии царю Михаилу Федоровичу, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 1, стр. 166. Материалы о поездке Вершинина находятся в ЛО ААН (портфель Миллера, оп. 4, кн. 17, № 243, л. 467—469 об.).

³⁸ В 1961 г. Н. Ф. Демидова на основе огромного архивного материала ввела в научный оборот ранее неизвестные данные о Байкове и о его «Статейном списке». См. ее статью: «О вариантах Статейного списка посольства Ф. И. Байкова в Китай», — сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедение периода феодализма в России», М., 1961, стр. 270—280 [о Байкове см. также: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае; «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. 1. — *Прим. ред.*].

³⁹ Наказ и грамота опубликованы: «Любопытный наказ о посольстве в Китай Федора Байкова. Список с памяти слово в слово», — [П. Иванов], Описание государственного Разрядного архива, составленное Петром Ивановым, М., 1842, стр. 387—429 (из книг Сибирского приказа, № 7709).

⁴⁰ Там же, стр. 391.

⁴¹ А. М. Филиппов, Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина, стр. 136.

⁴² [«Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1, стр. 178. — *Прим. ред.*]

⁴³ П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 г., М., 1958, стр. 86—97; «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. 1, стр. 178. О посольстве Байкова см. также: Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI—XVII и XVIII столетиях; Д. М. Лебедев, География в России XVII века, стр. 121—125; А. Г. Банников, Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай, стр. 35—44 [см. также: Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае; «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. 1. — *Прим. ред.*]

⁴⁴ Публикацию Н. И. Новиковым «Статейного списка» Байкова см.: «Древняя российская вивлиофика», изд. 2-е, т. IV, СПб., 1788, стр. 120—142.

⁴⁵ А. Н. Копылов и В. С. Мясников оспаривают утверждение П. Т. Яковлевой («Первый русско-китайский договор 1689 года»), что поездка Байкова принесла русским торговые выгоды, и доказывают обратное («История СССР», 1959, № 4, стр. 178).

⁴⁶ Наиболее подробный разбор пути Байкова см.: К. Риттер, Землеведение Азии, т. IV (дополнения П. П. Семенова и Г. Н. Потанина), СПб., 1877.

⁴⁷ Об издании «Статейного списка» Байкова за границей наиболее полно см.: Н. Ф. Демидова, О вариантах Статейного списка, стр. 270, 273, 274, 277.

⁴⁸ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», 1755, июль, стр. 17—62.

⁴⁹ «Сибирский вестник», 1820, ч. II, кн. 8, стр. 113—136; кн. 9, стр. 137—168; «Сказания русского народа», т. II, кн. 8, 1849, стр. 125—134.

⁵⁰ «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. I, М., 1956.

⁵¹ J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China. Been some Record of the Relations between them from the beginning of the XVIIIth. Century to the Death of the Tsar Alexei Mikhailovich A. D. 1602—1676... The Texts taken more especially from Manuscripts in the Moscow Foreign office Archives, vol. 1—2, London, 1919, 22 maps. Между стр. 132—133 — фотокопия начала грамоты.

⁵² Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 12—13; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 102—105; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 36; А. М. Филиппов, Новые данные о посольстве Сенткула Аблина... [см. также «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, стр. 217—227 и др. — *Прим. ред.*].

⁵³ Подробнее см.: П. Е. Скачков, Ведомость о Китайской земле, — сб. «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 206—219.

⁵⁴ [См. «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, коммент. 5 к док. № 7, стр. 527; коммент. 10 к док. № 26, стр. 530. — *Прим. ред.*].

⁵⁵ «Грамота царя Петра I к Лубсан-Тайджи и ее составитель», — «Советское востоковедение», 1956, № 2, стр. 140, 142.

⁵⁶ В. И. Ленин, К пересмотру партийной программы, — Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 368.

⁵⁷ Здесь и ниже указаны названия документов, приведенных в «Сборнике документов по русско-китайским отношениям», составленном Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым [см. «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, док. № 50. — *Прим. ред.*].

⁵⁸ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 14—21; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 37—38.

⁵⁹ «Дополнения к Актам историческим», т. IV, СПб., 1857, стр. 42—43; П. Т. Яковлева, Первый русско-китайский договор 1689 года, стр. 107—109 [см. «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, док. № 132—138, 141. — *Прим. ред.*]. О пребывании Милованова в Пекине см.: J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China..., vol. I, стр. CCXXXIX—CCLIX; рус. текст., vol. II, стр. 195—203.

⁶⁰ Ю. В. Арсеньев, Статейный список посольства Спафария в Китай. 1675—1678, — «Вестник археологии и истории», 1906, т. 17, стр. 162—339; [«Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, стр. 346—458. — *Прим. ред.*].

⁶¹ Спафарий не называет имени толмача-китайца, пребывание которого в Москве пока не подтверждается никакими документами.

⁶² С. А. Белокуров, Юрий Крижанич в России, — «Чтения ОНДР истории и древностей российских», т. II, 1903, стр. 131, 140, 142—144, 148.

⁶³ В. Фурсенко, Спафари, — «Русский биографический словарь», СПб., 1909, стр. 183—190. Фурсенко считает сведения, сообщенные Крижаничем об услугах Спафария, преувеличенными.

⁶⁴ Б. Г. Курц, Сношения России с Китаем..., стр. 44—46.

⁶⁵ Ю. В. Арсеньев, Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева, — ЗИРГО, по отделению этнографии, 1882, т. 10, вып. 1, стр. 214.

⁶⁶ О путешествии Спафария и о нем см. также: П. Е. Скачков, Библиография Китая, М., 1960, № 4883, 4886, 4891, 4969, 5122, 5265, 5435, 18735—18738 [«Русско-китайские отношения в XVII веке», т. I, док. № 170—214. — *Прим. ред.*].

⁶⁷ В. Фурсенко, Спафари, стр. 183—190.

⁶⁸ Публикацию наказа см.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 24—26; Ю. В. Арсеньев, Путешествие через Сибирь..., стр. 151—153 (Приложение).

⁶⁹ [Н. Г. Спафарий], Путевые дневники от Нерчинского острога до Пекина русского посланника в Китай Николая Гавриловича Спафария 1676 г., изд. Ю. В. Арсеньевым, Оренбург, 1896.

⁷⁰ Описание пребывания посольства в Пекине кроме «Статейного списка» см. также: «Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария...», — «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, кн. 14, стр. 29—50; кн. 15—16, стр. 51—82; кн. 17, стр. 83—100 (перев. с маньчжурского П. Каменского). Текст на маньчжурском языке и перевод А. О. Ивановского см.: ЗВОРАО, 1887, т. X, вып. 1, стр. 81—124; вып. 2, стр. 195—220.

⁷¹ Подробное содержание «Описания» дано В. М. Флоринским в кн.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел., стр. 520—530.

⁷² Г. Ф. Миллер, О первых российских путешествиях и посольствах в Китае, — «Ежемесячные сочинения...», 1757, июль, стр. 17—62.

⁷³ См. прим. 66.

⁷⁴ К. В. Базилевич, В гостях у богдыхана, Л., 1927.

⁷⁵ Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 41—46.

⁷⁶ А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1, XVII век, М., 1940, стр. 31—35; изд. 2-е, испр. и доп., М., 1960, стр. 73—81.

⁷⁷ Д. М. Лебедев, География в России XVII века, стр. 127—164.

⁷⁸ Н. Милеску-Спафарий, Сибирь и Китай, Кишинев, 1960.

⁷⁹ См.: В. С. Мясников, Новое издание трудов Н. Спафария, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 2, стр. 225—228. — *Прим. ред.*

⁸⁰ Avril, Voyage en divers états d'Europa et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin a la Chine, Paris, изд. 1-е, 1692, с карт.; изд. 2-е, 1693, без карты; изд. 3-е, 1693. Отрывки в рус. пер. см.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, изд. 2-е, Иркутск, 1936, стр. 456—467; Г. Н. Соколовский, Филипп Авриль, как географ (разбор его книги). Особенно интересны сведения о заимствовании текста у Спафария и картографических данных у Н. Венюкова.

⁸¹ De la Neuville, Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Contenant l'état present de cet Empire, les Expéditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des derniers Revolutions, Leurs moeurs, et leur Religion Le Recit d'un Voyage de Spatarus, par terre, à la Chine. Перевод А. И. Браудо см.: «Русская старина», 1891, № 11, стр. 274. Перевод последней главы см.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I, стр. 508—511.

⁸² Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 40—49. [См. также: «Русско-китайские отношения в XVII веке», т. 2. — *Прим. ред.*]

⁸³ А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, вып. I, XVII век, М., 1960, стр. 69—71. «Описание» Н. Венюкова издано: А. А. Титов, Сибирь в XVII в., М., 1890, стр. 55—100.

Глава II

¹ «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы», М., 1958, стр. 9—11; [«Русско-китайские отношения в XVII веке», т. 2, 1686—1691, М., 1972. — *Прим. ред.*].

² Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях, Харьков, 1929, стр. 49—108; его же, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия, Киев, 1929; М. И. Сладковский, Очерки экономических отношений СССР с Китаем, М., 1957, стр. 26—95. [М. И. Сладковский, История торгово-экономических отношений народов России с Китаем до 1917 г., М., 1974. — *Прим. ред.*]

³ В своем донесении Владиславич-Рагузинский писал, что «в пекинском архиве записано приездов из России после нерчинского мира [1689] более пятидесяти послов и посланников; а Иностранных дел Коллегии известно, что

более четырех публичных экспедиций в Китай не бывало, а именно, Николай Спафарий, Елизар Избрант, Лев Измайлов и четвертый я» (Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год*, Казань, 1882, стр. 143). Владиславич-Рагузинский подтверждает этим недостаточность сведений о фактическом положении русско-китайских отношений в этот период.

⁴ Л. Н. Майков, *Для истории сношений России с Китаем при Петре Великом*, — ИРАО, 1877, т. 8, № 5, стлб. 545—551.

⁵ Первое путешествие через Монголию было совершено русскими людьми в 1675 г.

⁶ Э. В. Бретшнейдер, *Введение*, — в кн.: [П. Кафаров], *Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг.* архимандрита Паллады, СПб., 1892, стр. 1—34.

⁷ Албазинцы — русские защитники Албазина, около 100 человек, были уведены маньчжурами во время первой и второй осад Албазина в 1685 и 1688—1689 гг. и поселены в Пекине. Из них и других русских — потомков пленных — была составлена рота, включенная в маньчжурское войско. Албазинцы получали жалованье и довольствие наравне с солдатами маньчжурских знаменных войск.

⁸ Биобиблиографические сведения о Избранте Идесе (Isbrand Ides) см.: М. П. Алексеев, *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей*, т. 1, ч. 2, Иркутск, 1936, стр. 139—151; Б. Г. Курц, *Русско-китайские сношения...*, стр. 54—58 (здесь см. основная библиография по поездке и данные об архивных материалах). Публикации о поездке Идеса и указание на архивные материалы см.: G. Cahen, *Histoire des relations de la Russie avec la Chine sous Pierre le Grand*, 1689—1730, Paris, 1912. [См. также: Избрант Идес и Адам Бранд, *Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695)*, М., 1967. — *Прим. ред.*].

⁹ Б. Г. Курц, *Русско-китайские сношения...*, стр. 57, 58. Автор указывает, что из Тобольска с Идесом был отправлен другой подьячий — Андрей Жеребятьев. Посланный Идесом на обратном пути вперед, он был допрошен в Сибирском приказе. Его «расспросные речи» сохранились.

¹⁰ Ф. Жербийон (1654—1707) — французский миссионер; Т. Перейра (1645—1708) — португальский миссионер.

¹¹ Фань Вэнь-лань, *Новая история Китая*, М., 1955, стр. 21—22.

¹² Об изданиях Бранда кроме работ Казна и Б. Г. Курца см.: А. И. Андреев, *Очерки по источниковедению Сибири*, вып. II, XVIII век (первая половина), М.—Л., 1965, стр. 26, 316 (о карте Идеса и Н. Витсена); В. И. Межов, *Библиография Азии*, СПб., 1891, № 1560, 1824—1833; его же, *Сибирская библиография*, СПб., 1903, № 12447—12453, 12455, 12458, 12461—12463). О путешествии Идеса см.: В. К. Андриевич, *История Сибири*, ч. 2, СПб., 1889, стр. 27—54; Н. Н. Бантыш-Каменский, *Дипломатическое собрание дел...*, стр. 66—74; «Биографии российских писателей», — «Сын Отечества», 1822, № 11, стр. 178—180; К. В. Базилевич, *В гостях у богдыхана*, Л., 1927, стр. 169—213 (здесь использован «Статейный список» Идеса, находящийся в ЦГАДА, ф. 62, № 14, л. 1—135; № 15).

¹³ Т. К. Шафрановская, *О поездках Лоренца Ланга в Пекин*, — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 155—159; ее же, *Путешествие Лоренца Ланга в 1715—1716 гг. в Пекин и его дневник*, — «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961, стр. 188—205.

¹⁴ «Описание государства Китайского, о его начале, о первых императорах, которые за 2952 года до Рождества Христова были и до нынешнего время (!), с приложением короткого уведомления о вещах примечаниях достойных, о которых отчасти мне сообщено от отца Штумфа и отчасти же во время моей бытности в Пекине собственно мною примечены в 1715 году» хранится в Отделе рукописей ГПБ (сб. № 252, из библиотеки П. Н. Тихонова).

¹⁵ В имеющихся архивных материалах результаты поездки Л. Измайлова отражены недостаточно. Наиболее полно архивные материалы использованы Н. Н. Бантыш-Каменским в «Дипломатическом собрании дел...» (стр. 85—103,

425—433). Им опубликована и инструкция Измайлову из Коммерц-коллегии, состоящая из 16 пунктов; содержание бесед с китайским императором и переписка с маньчжурскими министрами. См. также: В. А. Уляницкий, Русские консульства за границей в XVIII веке. ч. I, М., 1899, стр. 162—171, 158—198 (на стр. XII—XCVII помещен большой архивный материал на русском и французском языках, касающийся посольства). Публикация инструкции см. в кн.: В. К. Андриевич, История Сибири, ч. I, стр. 77—105.

¹⁶ Казен приводит большой архивный материал о посольстве Измайлова (G. Cahen, *Histoire des relations...*, стр. XII—XCVII). См. также: John Bell, *Travels from St.-Petersburg in Russia to diverse parts of Asia*, vol. 1—2, Glasgow, 1763; франц. пер.: «*Voysges depuis St.-Petersburg in Russie dans divers contrees de l'Asie*», vol. 1—3, Paris, 1766.

¹⁷ [Белл Д.], Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Пер. с франц. Михайло Попов, ч. I, СПб., 1776, стр. 138—250.

¹⁸ G. J. Unverzagt, *Die Gesandtschaft Ihrer Kayserlichen Majestät von Gross-Russland an den Sinesischen Käyser, welche Anno 1719 aus St.-Petersburg nach Peking Abgefertiget*, Lübeck, 1727.

¹⁹ Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 63—66. К работе приложен «Журнал» (дневник) Измайлова (ЦГАДА, ф. 62, ед. хр. 2, 1719 г., л. 188—207). Часть дневника опубликована Казном: G. Cahen, *Histoire des relations...*, стр. XLVI—XLIX.

²⁰ В. А. Уляницкий, Русские консульства за границей в XVIII веке, ч. I, стр. 171—175; инструкцию Лангу см.: ч. II, Приложения, стр. CXXXIV—CXXXVIII.

²¹ О переговорах Ланга см.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 103—105.

²² «Ежедневная записка пребывания г. Ланга при дворе Пекинском в 1721 и в 1722 году, содержащая его переговоры», — в кн.: [Белл Д.], Белевы путешествия чрез Россию в разныя азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. ч. III, СПб., 1776, стр. I—VIII, 1—150.

²³ «Северный архив», 1822, № 17, стр. 329—356; № 18, стр. 413—448; № 19, стр. 28—46; № 20, стр. 85—114; № 21, стр. 191—199; № 22, стр. 265—282; № 23, стр. 344—364.

²⁴ О зарубежных публикациях Ланга см.: Т. К. Шафрановская, О поездках Лоренца Ланга в Пекин. Напомним еще об одной публикации: J. Dudgeon, *Historical Sketch of the Ecclesiastical, Political and Commercial Relations of Russia with China, Peking, 1872*, appendix, стр. 1—18.

²⁵ О маршруте каравана см.: G. Cahen, *Histoire des relations...*, стр. XLVIII—XLIX, а также [47].

²⁶ И. Бакмейстер, Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Василием Костыговым, СПб., 1779, стр. 311. Большая часть данных об истории коллекции китайских и маньчжурских книг в XVIII в. в России заимствована из статей: К. И. Шафрановский и Т. К. Шафрановская, Сведения о китайских книгах в библиотеке Академии наук в XVIII в., — сб. «Научные и культурные связи библиотеки Академии наук СССР со странами Востока», М.—Л., 1957, стр. 82—92; З. И. Горбачева, Китайские ксилографы и старые книги собрания Института востоковедения Академии наук СССР. — «Уч. зап. Ин-та востоковедения», 1958, т. XVI, стр. 309—351; Казен приводит фамилии авторов тех словарей, которые были заказаны: Lazaro Cattaneo, Nicolas Trigaut, Alvaro Semedo, Christian Hertrich (G. Cahen, *Histoire des relations...*, стр. XCVI). Заказ, возможно, шел от Г. З. Байера. Книги, привезенные Лангом, не были первыми китайскими и маньчжурскими книгами в России. З. И. Горбачева предполагает, что несколько ранее Д. Г. Мессершмидт привез несколько монгольских и китайских книг из Сибири. Однако поскольку это документально не установлено, годом основания китайской библиотеки в России надо считать 1730-й.

²⁷ В этой поездке Ланг, очевидно, дневника не вел. Наиболее подробно о караване Молокова см.: Б. Курц, Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине XVIII столетия, Киев, 1929, стр. 53—63.

²⁸ О караване Фирсова см. там же, стр. 64—74.

²⁹ Наиболее осведомленные об этом К. И. Шафрановский и Т. К. Шафрановская в статье «Приобретение в начале XVIII в. китайских книг российским резидентом в Китае Лоренцом Лангом» (см. «Страны и народы Востока», вып. 1, М., 1959, стр. 295—301) ничего не сообщают о содержании этих книг. Об этих книгах см.: «Материалы для истории имп. Академии наук», т. II, СПб., 1886, стр. 566, 609—610, 689—690, 715—716, 718—719, 725—726; т. VI, СПб., 1890, стр. 485.

³⁰ О Паренине и маньчжуре Масе см. опубликованные Каэном на русском языке выдержки из журнала Сава Владиславича-Рагузинского в 1727 г. (G. S a h e n, Histoire des relations..., стр. LXI—LXIV). Тут же опубликован перевод на французский язык.

³¹ Список книг см.: «Материалы для истории имп. Академии наук», т. II, стр. 566.

³² Тулишень (Тулишин, Тули-шен, Ту Ли-чэнь) (1667—1740) — маньчжурский чиновник. После возвращения из России написал книгу «Путешествие китайского посланника Тулишена к калмыцкому Аюка-хану».

³³ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 75. Аюка-хан объединил в это время калмыков, перешедших в 30-х годах XVII в. из Джунгарии в районы нижнего течения Волги. Отношение Аюка-хана к России, цели поездки Тулишена в сжатой форме дал А. М. Позднеев в своей рецензии на книгу М. Новолетова «Астраханские калмыки» (СПб., 1884), опубликованной в «Журнале Министерства народного просвещения» (1886, № 3, отд. II, стр. 140—170).

³⁴ Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 58—62; [Л. Россохин], Описание путешествия, коим ездил китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге, — «Ежемес. соч. и известия о ученых делах», 1764, № 7, стр. 3—48; № 8, стр. 99—150; № 9, стр. 195—234; № 10, стр. 291—353; № 11, стр. 387—427; «Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану с описанием земель и обычаев российских», пер. с маньч. Алексей Леонтьев, СПб., 1782, 166 стр.; изд. 2-е, 1788, 174 стр.

³⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 1731, № 6, 8, 20, 22, 25, 56, 72, 82, 99; среди упомянутых номеров особо подробные известия содержат № 8 — «Обстоятельная реляция церемонии, с которыми прибывшее в Москву Хинейское посольство тамо 21 дня Генваря 1731 года принято» (8 стр.) и № 25 — «Суплемент. Церемонии в бытности ея императорского величества на отпусковой аудиенции китайских послов. Марта 2 дня 1731» (4 стр.). См. также: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 167—169, 174—186; «Акты касательно китайского посольства в Россию в 1731 г.», — «Русский вестник», 1841, т. 4, № 10—12, стр. 102—116.

³⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», 1732, № 46, стр. 206—207; П. Перкарский, История Академии наук, т. I, СПб., 1870, стр. 189; М. И. Радовский, Первая вежа в истории русско-китайских научных связей, — «Вестник Академии наук СССР», 1959, № 9, стр. 95—97 (фото плаката); его же, Посещение Петербургской Академии наук китайскими гостями в 1732 г., — сб. «Из истории науки и техники в странах Востока», вып. II, М., 1961, стр. 85—87.

³⁷ Николай [Адоратский], Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Вып. I, История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745), Казань, 1887, стр. 55—76 (далее: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии...); «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине», под ред. Н. И. Веселовского, СПб., 1905, стр. 13—16; Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 13—16.

С посольством, выехавшим в Китай вместе с Тулишеном, врач послан не был; на просьбу Канси Петр I отправил в 1715 г. хирурга петербургской больницы, англичанина Томаса Гарфина (Фома Гарвин, Корфин), который вылечил императора. В феврале 1717 г. Гарфин вместе с Лангом возвратился в Россию.

³⁸ «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 33.

³⁹ Андрей Андреевич Винуш — думный дяк, в 1698 г. писал Петру I: «...его по-еуронску Пекинг имянууют, православные христиане туточные, плененные и приезжие, создали и, построя совсем, посветили церковь... и народ мног Китайской то видели, и вскоре по сих мужеска и женска полу возраслых 20 человек святое крещение себе восприяли, и мнози желают... [п]ослан указ к Сибирскому архиерею, чтобы, сыскав удобных свя[щенников] ученых мужей для проповеди туда и крещения послал...», — «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. I, СПб., 1887, стр. 694.

⁴⁰ Там же, № 241, стр. 253—254, Епания — это Япония. Здесь намек на изгнание в 1639 г. миссионеров из Японии.

⁴¹ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 81.

⁴² «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 11—22; АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1728, карт. 14, 15, 24 (проекты трактата, переписка с маньчжурскими министрами, «Статейный список» на 1086 л.).

⁴³ «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 19—20.

⁴⁴ В рукописи: ОР ГПБ, 1—609, Собрание В. С. Попова, № 10, л. 78—93 (описание Китая начинается на стр. 87). Опубл.: Катифор, Житие Петра Великого, императора и самодержавца всероссийского, собранное из разных книг, во Франции и Голландии изданных и написанных в Венеции, Медиолане и Неаполе на диалекте италианском, а потом на греческом, с коего на российский язык перевел Иван Писарев, кн. 2, СПб., 1772, стр. 94—104, дополнения — стр. 481—511.

⁴⁵ «Секретность» этого труда была обусловлена стремлением царского правительства воспрепятствовать использованию сведений о русско-китайских отношениях западными державами. Для русской и цинской сторон этот труд не содержал никаких «секретов».

⁴⁶ О второй миссии см.: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 104—141. О школе монгольского языка см.: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 397; В. П. Сукачев, Иркутск, его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири, М., 1891, стр. 217; Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, — «Труды III Международного съезда ориенталистов», т. I, СПб., 1879/80, стр. 181—183.

⁴⁷ Ланг так отзывался о Платковском: «Всемогущим богом клануся, что от рождения своего такой лживой композиции не видел, и не надеюсь, что он в сердце своем ни единой караты правды, ниже стыда никогда не имел». О Платковском см.: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 104—141, а также «Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине», стр. 16—19.

⁴⁸ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 142, 210.

⁴⁹ «Описание документов и дел, хранящихся в Архиве правительствующего святейшего Синода», т. X, СПб., 1730, № 23, колл. 37—64.

⁵⁰ Воейков умер в 1734 г. не «от печали и от пьянства», как писал Платковский. Из архивного дела видно, что Платковский «многажды чинил пакости» Воейкову, бил его палкой до того, что изломал палку, и позволял другие издевательства.

⁵¹ С февраля 1728 г. по сентябрь 1731 г. Платковский вел дневник. Записи касались главным образом поведения членов миссии и учеников [69, л. 137—155].

⁵² «Известие о русских учениках в Пекине, подписанное Л. Россохиным» см.: [44, л. 3]; Н. Н. Бантыш-Каменский указывает, что в 1732 г. было от-

правлено четыре ученика: Михаил Позняков, Герасим Барышников, Иван Быков и Алексей Владыкин. По всей вероятности, Позняков и Барышников не были оставлены в Пекине (Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 173).

⁵³ Н. Адоратский в «Истории Пекинской духовной миссии...» (стр. 133) приводит название китайского букваря: «Дзе-луй».

⁵⁴ Этот год, вызвавший сомнение у Казна (G. Cahen, Histoire des relations..., стр. 264) и у В. П. Тарановича (В. П. Таранович, Илларион Россохин и его труды по Китаеведению, — «Советское востоковедение», 1945, № 3, стр. 225—241) и указанный в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, подтверждается неоднократным упоминанием в архивных делах, касающихся пребывания Россохина в Пекине, о нем как о «малолетнем» школьнике [53; 63, л. 41 об.].

⁵⁵ «Гуй и лэйгао», Пекин, 1957, стр. 332—338.

⁵⁶ Ее экземпляр находится в Отделе рукописей ЛО ИВАН. П. Пелльо автором перевода считает А. Л. Леонтьева («Young Pao», 1932, т. XIX, стр. 109). Ошибку исправил научный сотрудник ЛО ИВАН М. П. Волкова, указав в своей статье на некоторые детали деятельности школы и на ошибку Пелльо (см.: М. П. Волкова, Первый учебник русского языка для китайских учащихся, — «Краткие сообщения ИНА», 61, 1963, стр. 154—157. Кроме того, см.: Meng Ssu-ming, The E-lo-ssu kuan (Russian Hostel) in Peking, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1960—1961, vol. 23, стр. 19—46. Ряд положений этой статьи нам представляется сомнительными). Джон Даджен (J. Dudgeon, Historical sketch..., стр. 26) не позже 1872 г. видел дощечку с указанной надписью на китайском языке над дверьми бывшей школы в пределах дворцовых строений в Пекине.

⁵⁷ О Пухарте см.: «Материалы для истории имп. Академии наук», т. III, СПб., 1886, стр. 536; т. V, СПб., 1889, стр. 451, 707, 770—771, 959, 1004, 1008.

⁵⁸ «Полное собрание законов Российской империи», т. XI, 1741, 17 июля, стлб. 8418.

⁵⁹ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. IV, стр. 723.

⁶⁰ ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 113, л. 3.

⁶¹ К. Вебер, А. Иванов, Вл. Котвич, А. Руднев, К вопросу о русской транскрипции китайских иероглифов, — ЗВРАО, 1907—1908, т. XVIII, стр. 074—095.

⁶² «Материалы для истории имп. Академии наук», т. VIII, 1895, стр. 218—228.

⁶³ Там же, т. X, СПб., 1900, стр. 98.

⁶⁴ Там же, т. IX, СПб., 1897, стр. 86.

⁶⁵ Там же, т. X, стр. 373.

⁶⁶ Ученики миссии В. Ермолаев, С. Соколов, С. Якимов и И. Озеров, взятые из училища Спасского монастыря, не были оставлены в Пекине (Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 261; Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 202—206).

⁶⁷ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. VIII, стр. 228—229, 266, 379.

⁶⁸ И. К. Россохину приходилось выполнять и другие работы, не связанные с его переводческой и педагогической деятельностью. Он трудился в книжной лавке Академии наук, произвел разбор и опись вещей и книг графа Остермана, выполнял и другие поручения [Россохин, № 8, 12, 26].

⁶⁹ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. V, стр. 631.

⁷⁰ Там же, т. VII, СПб., 1895, стр. 487.

⁷¹ Там же, стр. 497.

⁷² Там же, т. VIII, стр. 48.

⁷³ Франц (Лука) Елачич, хорват по происхождению, врач по специальности, служил лекарем при Академии наук. По собственному желанию ездил в Китай трижды: врачом при караванах 1744 и 1753 гг. и с посольством Кропотова в 1762 г. Подробней см.: Т. К. Шафрановская, Поездка лекаря Франца Елачича в 1753—1756 гг. в Пекин для пополнения коллекций

Купсткамеры, — сб. «Из истории науки и техники в странах Востока», вып. II, М., 1961, стр. 126—131.

⁷⁴ Архив АН, ф. 3, № 808а.

⁷⁵ Там же, л. 11—17 («Роспись выписанным из каталогу Парижской библиотеки китайским книгам, которые из Китая в Санкт-Петербургскую императорскую библиотеку достать должно»).

⁷⁶ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. VIII, стр. 346.

⁷⁷ Там же, стр. 343—344.

⁷⁸ J. B. Du Halde, Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise... [Paris], 1735.

⁷⁹ «Известие о шелковых заводах, каким образом они учреждены в Китае, и о прочем туда принадлежащем, переведенное из дю-Галдова описания китайского государства. С приобщением некоторых от прапорщика и китайского языка переводчика Лариона Россохина, учиненных примечаний», — «Ежемес. соч., к пользе и увеселению служащих», 1757, май, стр. 387—461.

⁸⁰ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. X, стр. 36.

⁸¹ Там же, стр. 345—346.

⁸² Там же, стр. 347.

⁸³ Там же, стр. 268—269.

⁸⁴ Там же, стр. 681.

⁸⁵ Там же, стр. 682.

⁸⁶ Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, стр. 25, 173.

⁸⁷ Геодезист Еремий Владыкин был отправлен в Китай в 1754 г. в качестве комиссара каравана «для тайного описания пути от границ до Пекина и составления карты» [85—87]. Сохранилось его описание пути [84].

⁸⁸ Краткую биографию Г. Ф. Миллера см.: М. О. Косвен, Г. Ф. Миллер (к 250-летию со дня рождения), — «Советская этнография», 1956, № 1, стр. 72—76.

⁸⁹ «Протоколы конференции Академии наук», т. II, СПб., 1899, стр. 332.

⁹⁰ Л. Россохин, Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге, — «Ежемес. соч. и известия о ученых делах», 1764, июль—ноябрь (всего 226 стр.). От редакции: «Превосходство по полноте и качеству перевода иезуита А. Гобилля». Здесь же найденная Россохиным «Записка о приеме и пребывании китайских послов в Tobольске».

⁹¹ Антуан Гобиль (Antoine Gaubil) (1689—1759) — французский синолог. 16 марта 1739 г. он был избран членом Академии наук в Петербурге.

⁹² Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 529—530.

⁹³ Россохин в 1750 г. был придан Миллеру для переводов по его указанию.

⁹⁴ «Neue Nordische Beiträge», 1781, Bd 1, стр. 223—230; М. И. Сухомлинов, Материалы для истории Академии наук, т. VII, стр. 487.

⁹⁵ «Magazin für die neue Historie und Geographie», 1779, Bd III, стр. 575—604.

⁹⁶ Работы В. П. Тарановича, С. К. Булича, Н. И. Веселовского см. выше; М. И. Радовский, Русский Китаевед И. К. Россохин, — сб. «Из истории науки и техники в странах Востока», вып. II, М., 1961, стр. 68—99; В. С. Стариков, Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России, — там же, стр. 100—125.

⁹⁷ Fr. Babinger, G. S. Bayer (1694—1738). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18 Jahrhundert, Leipzig, 1916, В. П. Таранович, Академик Байер и его труды по востоковедению (рук.) — Архив ЛО ИВАН, ф. 102, № 2, 111 л.; П. Пекарский, История Академии наук, т. I, СПб., 1870, стр. 180—192; С. К. Булич, Очерк истории языкознания..., стр. 369—370.

⁹⁸ Миссионеры не сочли даже возможным подвергать критике сочинения, которые написал ученый, никогда не ездивший в Китай и изучавший язык самостоятельно, без помощи китайца или хотя бы европейца, жившего долго в Китае. Современник Байера Стефан Фурман указал, что иероглифы скопи-

рованы с плохой рукописи. В «Meditationis sinicel» он заявил, что «Байер выполнил весьма трудную работу, но не принес, однако, никакой пользы ее читателям», — В. П. Таранович, Академик Байер..., л. 13.

⁹⁹ «История Академии наук СССР», т. 1, М.—Л., 1958, стр. 126.

¹⁰⁰ И. Ю. Крачковский дал следующую характеристику Байеру: «Ученый с обширными, хотя и не всегда глубокими познаниями восточных языков. Немало времени, как дилетант, он посвятил синологии, в области которой оставил много громоздких, частью переводных, частью компилятивных трудов» (И. Ю. Крачковский, Предыстория русской арабистики, — Собрание сочинений, т. V, М., 1958, стр. 35).

¹⁰¹ Г. В. Плеханов, М. В. Ломоносов, — сб. «Литература и эстетика», т. 2, М., 1958, стр. 24.

¹⁰² «История Хины или Китайская», — «Исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям», 1731, XIII—XVIII, стр. 49—70.

¹⁰³ Ф. Куплет (Philippe Couplet) (1624?—1692) — миссионер, живший в Китае в XVII в.

¹⁰⁴ Чжоу Гэ был привезен из Тобольска в Петербург. Здесь, как это видно из его прошения, он находился под надзором. Чтобы получить права российского гражданства, Чжоу Гэ неоднократно обращался с просьбой о крещении — это было единственным средством вырваться из-под надзора. В середине 1732 г. он пожаловался какому-то посетившему его лицу, что «он через продолжительный арест весьма заболел... может ему сделаться смертная болезнь», и снова выразил желание креститься. Подробнее об обстоятельствах приезда Чжоу Гэ в Петербург, см.: П. Е. Скачков, Первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в XVIII веке в России, — «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 198—201.

¹⁰⁵ Академия имела школы (классы): философии, риторики, пиитики, синтаксиса, грамматики и др.

¹⁰⁶ Название первой книги не удалось расшифровать, вторая: «Цинвэнь-цзянь» — маньчжурско-русский словарь.

¹⁰⁷ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. IV, стр. 644.

¹⁰⁸ «Дневные записки караванного пути 1736 г.», публикация Палласа, — «Академические известия», 1781, ч. VII, стр. 466—506; ч. VIII, стр. 602—631. Там же опубликован план Пекина; примечания Россохина см.: [Россохин, № 32].

¹⁰⁹ Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 142—165.

¹¹⁰ Н. И. Веселовский, Сведения о преподавании восточных языков..., стр. 159—160; В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2-е, Л., 1925, стр. 200—201.

¹¹¹ Указ Св. Синода Киевопечерскому архимандриту от 17 мая 1742 г., № 1639. Цит. по: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 169.

¹¹² О Шокурове см.: Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 245—247. Н. Адоратский неправильно указывает: «Во время пребывания там третьей миссии ученики московской академии открыли для китайцев школу, в которой стали учить их русскому языку» («История Пекинской духовной миссии...», стр. 162). В третьей миссии учеников не было, а Леонтьев, Канаев и Чеканов прибыли в Пекин в 1743 г., поэтому их надо считать учениками четвертой миссии. Школа же русского языка открыта была не позже 1725 г.

¹¹³ О Герасиме Лебратовском см.: «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 24—26; Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 253—254.

¹¹⁴ Фамилия Курагина встречается лишь в одном архивном деле. По всей вероятности, это был один из сопровождающих караван 1746 г.

¹¹⁵ Знание маньчжурского и китайского языков помогло Владыкину бороться с незаконными действиями маньчжурских чиновников и добиться выгодной торговли. Лифаньюань протестовал против назначения бывших учени-

ков миссии директорами караванов (Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 261—263).

¹¹⁶ «Материалы для истории имп. Академии наук», т. IX, стр. 132, 133.

¹¹⁷ Там же, стр. 221.

¹¹⁸ Там же, стр. 222. В этом ответе заключена и положительная оценка Россохина.

¹¹⁹ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 260—261. На стр. 260 ошибочно сказано, что нужно вывезти из Китая Алексея Владыкина и Ивана Быкова, уехавших в Россию в 1743 г., а также Ивана Шихарева и Никиту Чеканова.

¹²⁰ Цит. по: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 221.

¹²¹ См.: U. Aurich, China im Spiegel der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts, Berlin, 1935; V. Pinot, La Chine et la formation de l'esprit philosophique en France. (1640—1740), Paris, 1932; его же, Les Phisocrates et la Chine en XVIII siècle, — «Revue d. histoire moderne et contemporaine», 1906—1907, t. VIII, стр. 200—214; F. Roger-Cornaz, La Chinoiserie au XVII siècle et au XVIIIe. — «Bibliothèque universelle et revue Suisse», 1912, t. IXV, стр. 143—161.

¹²² Подробное описание коллекции см.: М. И. Сухомлинов, Материалы для истории Академии наук, т. X, стр. 152—245, 335—336, 365—366.

¹²³ А. С. Дахнович, Путеводитель по Ораниенбауму, Петергоф, 1930, стр. 13—34; «Ораниенбаумский дворец-музей XVIII в.», М.—Л., 1932, стр. 16—46; А. Успенский, Китайский дворец в Ораниенбауме, — «Художественные сокровища России», вып. 10, 1901, стр. 183—195.

¹²⁴ А. Иконников, Китайский театр и китайщина в Детском селе, М.—Л., 1931. Кроме указанных работ Дахновича и Иконникова, известна еще статья М. П. Алексеева, кратко и содержательно рассказывающая о «китайщине» на Западе и в России. Сравнительно полно в этой статье приведена и западноевропейская литература по этой теме (М. П. Алексеев, Пушкин и Китай, — сб. «Пушкин и Сибирь», Москва—Иркутск, 1937, стр. 108—114). В небольшой брошюре В. В. Згура «Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе» (М., 1929) использовано значительное количество материалов. [Вопрос об увлечении Китаем в области идеологии и искусства широко освещает О. Л. Фишман в книге «Китайский сатирический роман эпохи Просвещения» (М., 1966). — *Прим. ред.*]

¹²⁵ В 1756 г. Леонтьев был послан в Китай с дипломатическим поручением в составе посольства Братищева. Эта поездка потребовала от него переписки на маньчжурском языке, перевода грамот, ответных писем и др., см.: «Братищев Василий (биография)», — «Словарь исторический, или сокращенная библиотека», ч. II, М., 1790, стр. 372. О поездке Братищева см.: [89; 90]. После возвращения Братищев написал «Осведомление, или некоторые поверения Волтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине» («Опыт трудов Вольного российского собрания», ч. 6, 1783, стр. 39—62).

¹²⁶ Архив АН, ф. 3, № 961, л. 33.

¹²⁷ И. К. Тауберт (1717—1771) — адъютант, историк, библиотекарь Академии наук в Петербурге.

¹²⁸ А.-Л. Шлёцер (1735—1809) — академик, историк.

¹²⁹ Архив АН, ф. 3, № 208, стр. 349—350 (пер. с немецкого — стр. 284—286).

¹³⁰ Там же, стр. 370.

¹³¹ М. В. Ломоносов, Замечания о напечатании описания китайского государства, — Полное собрание сочинений, т. 9, М.—Л., 1955, стр. 423. Ломоносов крайне отрицательно отзывался о работах Шлёцера. О его грамматике русского языка он сказал: «Каких гнустных пакостей наколбродит в российских древностях, как допущенная в них скотина».

¹³² «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего», СПб., 1784 (в 16 томах).

Отдельный том, без указания места и года издания: «Примечания на все маньчжурские и китайские слова, имена, звания, титулы Хана Китайского, также на все чины и достоинства знатных и простых людей, в Обстоятельном описании..., находящихся».

¹³³ Граф Михаил Илларионович Воронцов был канцлером с 1758 по 1765 г.

¹³⁴ В подтверждение своих слов Артемий Васильев просил запросить двух китайцев и монгола, оставшихся в Ставрополе. Оренбургскому губернатору было предписано опросить названных лиц. Китайцы позабыли «по причине давности», монгол показал, что был с Артемием в одном походе, где Артемий командовал тысячей человек, будучи «сула амбанем». Еще один монгол подтвердил правильность заявления Артемия Васильева. На л. 49 [174] приписка: «В императорском чиновном списке, который в Пекине печатан в 1754 г., сие генерала фуцзянского есть».

¹³⁵ «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 22—24; журнал Кропотова о переговорах см.: Архив ЛО ИВАН, ф. 36, оп. 1, № 154, л. 151—213.

¹³⁶ «Сатирические журналы Н. И. Новикова», М.—Л., 1951, стр. 209—212, 550.

¹³⁷ «История русской литературы», т. I, М.—Л., 1958, стр. 488; Г. Макагоненко, Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, М.—Л., 1951, стр. 168; П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, стр. 212.

¹³⁸ Цит. по: П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, стр. 212.

¹³⁹ Г. Макагоненко, Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 168.

¹⁴⁰ «Сы-шу геы, то есть четыре книги с толкованиями. Книга первая филозофа Конфуция», пер. с кит. и манчж. на российский язык надворный советник Алексей Леонтиев, СПб., 1780, 125 стр. (перевод «Дасюэ»).

¹⁴¹ «Джун-юн, то есть закон непреложный. Из преданий китайского филозофа Кун Дэы», пер. с кит. и манчж. на российский язык Алексей Леонтиев, СПб., [1784], 116 стр.

¹⁴² Приложение к книге: «Тайцин Гурунь и Ухери Коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства», пер. с манчж. на российский язык Алексей Леонтиев, т. II, СПб., 1782.

¹⁴³ По разъяснению В. С. Колоколова, французский аббат, с которым беседовал Леонтьев, — это миссионер Гобиль (см. прим. 91 к настоящей главе). В предисловии Леонтьева фамилия не указана, дано сокращенно — «франц. абат».

¹⁴⁴ «Китайская книга перемен», М., 1960 (перевод погибшего в 1938 г. Ю. К. Шуцкого, с предисловием академика Н. И. Конрада).

¹⁴⁵ «Та-гио, или великая наука», — «Академические известия», 1779, май, стр. 59—101; то же, — «Правдолюбец», 1806, стр. 27—64 (пер. с французского Д. И. Фонвизина).

¹⁴⁶ «Санкт-Петербургский вестник», 1780, ч. 6, стр. 369—372.

¹⁴⁷ «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с Зенгорцами. Выписал из китайской истории секретарь Леонтиев», СПб., 1777, 109 стр.

¹⁴⁸ «Китайские мысли», пер. с кит. и манчж. на российский язык Коллегии иностранных дел секретарь Алексей Леонтиев, СПб., 1772, 209 стр.; изд. 2-е, 1775, 209 стр.; вторым тиснением с изд. 2-го — 1786, 331 стр. (прибавлено «Умные речи ученых китайцев» и «Делей — природный китайский вельможа»); «Делей — китаец», пер. с кит. на российский язык Алексеем Леонтьевым, Коллегии иностранных дел секретарем, СПб., 1771, 50 стр.

¹⁴⁹ «Китайские поучения, изданные от хана Юн-Джена для воинов и простого народа во 2-м году царствования его», пер. с кит. на российский язык секретарь Леонтиев, СПб., 1788, 62 стр.; изд. 2-е под названием «Китайские поучения к народу», СПб., 1819.

¹⁵⁰ «Ге янь, то есть умные речи», пер. с кит. на российский язык А[лексей] Л[еонтьев], СПб., 1776, 112 стр.; изд. 2-е, СПб., 1779, 106 стр.

¹⁵¹ «Китайское уложение», пер. сокращенно с манж. на русский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Леонтиев, СПб., ч. 1, 1778; ч. 2, 1779.

¹⁵² См. прим. 142 к настоящей главе.

¹⁵³ См. прим. 148 к настоящей главе. И. Бакмейстер в «Опыте о библиотеке кабинета редкостей...» в числе китайских книг называет «Размышления мудрого мандарина Де Пея о бессмертии душ».

¹⁵⁴ «Уведомление о чае и шелке. Из китайской книги, Ван боу коань называемой», СПб., 1775, 46 стр.

¹⁵⁵ [А. Л. Леонтьев], Описание китайской шахматной игры секретаря Леонтьева, СПб., 1775.

¹⁵⁶ «Chinesische Gedanken nach der von Alexei Leontieff aus der mand-schurischen Sprache verfertigten russischen Uebersetzung. Ins Deutsche uebersetzt», Weimar, 1778, 1796.

¹⁵⁷ «Pensées morales des divers auteurs chinois recueillies et traduit du latin et du russe (de Léontieff) par Levesque», Dresden, 1807.

¹⁵⁸ Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 171—172, 187; Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 534.

¹⁵⁹ «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 65—71.

¹⁶⁰ «Сибирский вестник», 1822, ч. 19, кн. 8, стр. 197—222; кн. 9, стр. 223—252; ч. 20, кн. 10, стр. 253—280; кн. 11, стр. 281—296; кн. 12, стр. 297—324.

¹⁶¹ «История российской иерархии», т. II, стр. 480.

¹⁶² Цит. по: «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. VI.

¹⁶³ О шестой миссии см.: Николай [Адоратский]. История Пекинской духовной миссии..., стр. 252—280. Начальником миссии был Николай Цвет, не оставивший никаких трудов по Китаю [93; 94]. О жизни Якова Коркина см.: «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 37.

¹⁶⁴ Н. Адоратский («История Пекинской духовной миссии...», стр. 279) приписывает А. Агафонову ряд переводов, что явно неправильно. Ср.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 798, 813, 1215, 1285.

¹⁶⁵ «О выписке маньчжурских книг», — «Казанский вестник», 1829, февраль — март, стр. 126.

¹⁶⁶ П. Каменский (ученик восьмой миссии) дал следующие подробности о своих предшественниках: «Из окончивших учение в Троицко-Сергиевской лавре и Академии ученики Дамаскина и Апполоса Иван Филонов и Егор Солертовский, действительно, были люди образованные, но кроме других причин, как мне кажется, от худости начальника [Иоакима Шишковского] впали в слабость [к вину] и там померли в Пекине. Алексей Попов, ученик риторики, также, впав в слабость, умер. Филонов помер 1790 г., Солертовский в день выезда своего в отечество [1795], а Попов через два дня на второй станции от Пекина».

Слова от «худости начальника» достаточно ясно говорят о тяжелых условиях жизни и суровом отношении Шишковского к ученикам (Архив ЛО ИВАН, ф. 42, № 2/531, л. 305).

¹⁶⁷ П. Е. Скачков, Константин Андрианович Скачков (1821—1883). Биографический очерк, — в кн. К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания, М., 1958, стр. 15—16. — *Прим. ред.*

¹⁶⁸ С. Смирнов, История Троицко-Лавровской семинарии, М., 1867, стр. 523; «Энциклопедический словарь Плюшара», т. XI, стр. 93; Снегирев, Словарь русских светских писателей, М., 1838, стр. 202; «Автобиографический „слисок“ Владыкина», 1800 г. — АВПР, ф. Биб-ка Аз. д-та, оп. 505, № 61.

¹⁶⁹ В статье Б. К. Пашкова «Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности» («Краткие сообщения Института востоковедения», XVIII, 1956, стр. 4—18) имя Антона Григорьевича Владыкина совсем не значится. Все, что сделано для русского Китаеведения Антон Владыкин, приписано Алексею Владыкину.

¹⁷⁰ «Полное собрание законов Российской империи», т. 25, СПб., 1813, № 18599, 24 июля 1798 г., стр. 312.

¹⁷¹ Ответы на все вопросы см.: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 331—332.

¹⁷² Письмо с этими вопросами было получено в Петербурге из Лиссабона через российского посланника в Португалии, предупредившего, что ответ Грибовскому через него должен быть в пакете «невеликом, тонким, уютным и легким», чтобы избежать неудобства при вручении. Связь миссии с Петербургом в то время была случайной. Грибовский пытался использовать всякую возможность добиться у Синода разрешения на осуществление его проектов [102].

¹⁷³ С. Пуфендорф, Введение в историю европейскую, пер. с лат. Бужинского, СПб., 1718.

¹⁷⁴ Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 330, прим.

¹⁷⁵ «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 59—64.

¹⁷⁶ Там же, стр. 63—64.

¹⁷⁷ С. Грибовский, Известие о Китайском, ныне Манчжуро-Китайском государстве, — «Чтения Московского общества Истории и древностей Востока», 1861, т. 1, стр. 23—119; его же, Уведомление о начале бытия россиян в Пейдзине и о существовании в оном грекороссийской веры. — «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 1—45; «Путешествие архимандрита Софония Грибовского от Пекина до Кяхты в 1808 г.», — «Сибирский вестник», СПб., 1823, ч. 22, кн. 1, стр. 1—14; кн. 2, стр. 15—30; кн. 3, стр. 31—44; кн. 4, стр. 45—62. См. так же: Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 307—363.

¹⁷⁸ Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 344—350.

¹⁷⁹ Грибовский, вероятно, использовал переводы причетника миссии Василия Трофимовича Богородского, который, после того как ученик Круглополов был признан неспособным к изучению языков, был переведен в число учеников миссии.

Богородский родился в селе Нижний Услон Казанской губ., в миссию взят из класса риторики Казанской духовной семинарии. Сведений о его занятиях в Пекине нет. После возвращения в Россию поступил на должность причетника Воскресенской церкви в Петербурге.

Сохранилось составленное Богородским в Пекине «Землеописание Китайского государства» (Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 2, 3, 1244 стр.). По всей вероятности, это перевод с маньчжурского языка сокращенного издания «Дацин и тунджи». Статистические приложения и подробный указатель, расположенный по русскому алфавиту, как и само «Землеописание», — труд по своему времени бесполезный.

¹⁸⁰ Николай [Адоратский], История Пекинской духовной миссии..., стр. 342—343.

¹⁸¹ Н. Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел..., стр. 326—329; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 97, 101—105.

¹⁸² «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 24—26.

¹⁸³ «Архив Государственного Совета», т. I, ч. 2 (1768—1769 гг.), СПб., 1869, стлб. 646.

¹⁸⁴ А. Н. Радищев, Письмо о китайском торге 1792 года, — Собрание сочинений, ч. VI, М., 1811, стр. 67—167; его же, О торговле с Китаем. [Записка, составленная 1795 г. для А. Р. Воронцова], — «Архив кн. Воронцова», кн. 5, М., 1872, стр. 390—393; см. также: Е. П. Силин, Кяхта в XVIII веке, Иркутск, 1947, стр. 189—193.

¹⁸⁵ «Архив Государственного Совета», т. I, ч. 2, стлб. 733—880; т. II (1796—1801 гг.), СПб., 1888, стлб. 766—877; Б. Г. Курц, Русско-китайские сношения..., стр. 148—150. Шегорин обращал внимание на нехватку лиц, знающих китайский язык: «Китайцы в Кяхте сначала торг производили на монгольском языке посредством толмачей, а когда обучась российскому,

то и поднесь производят на оном. Наши же купцы ни один не знает их китайского, хотя другой и много лет торгует там; почему они и считают нас людьми нерадивыми и коммерцию мало знающими» («Архив Государственного Совета», т. II, стлб. 744).

¹⁸⁶ «Архив Государственного Совета», т. II, стлб. 760.

¹⁸⁷ Там же, стлб. 747.

¹⁸⁸ ОР ГПБ, 7—609, № 10, л. 331—349.

¹⁸⁹ Там же, л. 332 об.

Глава III

¹ Подробное описание документов о посольстве Головкина см.: В. Н. Баснин, О посольстве в Китай графа Головкина, — «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1875, № 4, стр. 1—109; «Восточная Сибирь. Записка о командировке на остров Сахалин капитан-лейтенанта Подушкина», — там же, № 2, стр. 132—145; В. И. Вагин, Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г., — «Изв. Сиб. отд. Русск. географ. общества» 1872, т. III, № 3, стр. 133—142; № 4, стр. 173—185. Об архивных материалах, относящихся к посольству и хранящихся в Архиве Академии наук СССР, см.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, — «Труды Архива АН СССР», вып. 4, М.—Л., 1940, стр. 155—156 (инструкции, переписка, отчеты): «Журнал переписки посла графа Головкина с китайцами». — АВПР, ф. 6, оп. 505, 1806 г., № 32, л. 1—390; «О суммах, издержанных на посольство графа Головкина. 1805—1807», — АВПР, ф. 447, IV—27, 1805—1807 гг., в четырех картонах.

² И. О. Потоцкий является автором проекта образования в России Азиатской академии, в которую он предлагал пригласить одного профессора китайского языка и одного — маньчжурского языка [см.: Н. В. Таирова, Проект И. О. Потоцкого относительно создания Азиатской Академии в России, — «Проблемы востоковедения», 1973, № 2, стр. 202—207. — *Прим. ред.*].

³ В. Н. Баснин, О посольстве... Головкина, стр. 75.

⁴ J. Klapproth, *Mémoires relatives à l'Asie*, т. 1, Paris, 1824. Юлий Клапрот (1783—1835) был с 1804 г. адъюнктом Академии наук, а с 1807 г. — экстраординарным академиком. В 1817 г. исключен из состава академии.

⁵ В. Н. Баснин, О посольстве... Головкина, стр. 98—99.

⁶ Фамилией «Пичуринский» подписаны два стихотворения Н. Я. Бичурина: «МЕЛОС» (на греческом языке) и «Сон» (на русском), написанные в 1795 г.; оба стихотворения посвящены Амвросию Подобедову (см.: К. Харлампович, Материалы для истории Казанской духовной семинарии в XVIII в., Казань, 1903, стр. 10, 21—25; П. В. Знаменский, Духовные школы. История российской иерархии, ч. 2, СПб., 1810, стр. 491—496). Клапрот в переводе на французский язык «Описания Тибета» указывает, что переводчик данного труда Иакинф Пичуринский (Hyacinth Pitchourinskii).

⁷ И. Д. Мурзаев, Новые документы об Иакинфе Бичурине, выявленные в архивах Ленинграда, — «Уч. зап. Научно-исслед. ин-та при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XIX, 1960, стр. 303—319; В. Д. Дмитриев, Новые материалы о Н. Я. Бичурине, выявленные в архивах Чебоксар и Казани, — там же, стр. 320—342. Имеются сведения о брате и сестрах Бичурина. Фамилия брата Ильи — Феникс, впервые документальное подтверждение этому приведено в упомянутых выше статьях И. Д. Мурзаева и В. Д. Дмитриева.

⁸ Подробней см.: И. Д. Мурзаев, Новые документы об Иакинфе Бичурине..., стр. 305.

⁹ Высказанное мною предположение о том, что в продвижении Бичурина по службе значительную роль сыграло покровительство Подобедова («Библиография Востока», вып. 2—4, 1933, стр. 79), подтверждается И. Д. Мурзаевым в «Новых документах об Иакинфе Бичурине» (стр. 305, 306).

¹⁰ Ю. А. Головкин предложил сибирскому губернатору Пестелю назначить Бичурина. Император Александр I и министр двора Будберг «отдали предпочтение основательному знакомству Иакинфа с китайским языком, не обра-

шая внимания на его нравственные поступки». (Письмо князя Ал. Голицына Ю. А. Головкину от 8 января 1806 г. — Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 37/4, л. 2 об.). Когда и где учился китайскому языку Бичурин, неизвестно.

¹¹ Архивные копии с материалов Государственного архива Иркутской области и ЦГИА (Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 37/8, 37/9).

¹² Имеется шесть рапортов Н. Я. Бичурина с дороги в Пекин и из Пекина в Коллегию иностранных дел (ОР ГПБ, ф. Собрание отдельных поступлений, 1950, 14/4). В рапорте от 10 мая 1808 г., сообщается о прибытии в Пекин и содержит описание книг библиотеки миссии, чтобы «избежать траты на покупку уже имеющихся».

¹³ Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин. (Исторический этюд), — «Православный собеседник», 1886, февраль, стр. 164—180; март, стр. 245—278; май, стр. 53—80; июль, стр. 271—316.

¹⁴ Там же, стр. 269.

¹⁵ «Действительное от сей болезни средство состоит в деятельной жизни, но упражнения, свойственные человеку неученому, нельзя найти в нашей уединенной жизни здешней», — писал в донесении Бичурин (Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 37/6). См. также копию рапорта Бичурина от 30 апреля 1814 г. в Синод о проступках иеромонахов Серафима, Аркадия и церковника Пальмовского (там же, № 37).

¹⁶ Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин..., — «Православный собеседник», 1886, июль, стр. 271.

¹⁷ «О. Иакинф Бичурин. (Автобиографическая записка)», — «Ученые записки АН по I и III отделениям», 1855, т. III, стр. 666.

¹⁸ Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах, ч. 2, СПб., 1824, стр. 59, 60.

¹⁹ Алварус Семедо (Alvaroz Semedo, 1585—1658) — португальский миссионер-синолог, автор «Annual Litterae e Sinis ann. 1622—23», Milanum, 1627; «Relação da Propagação da Fé no Reyno da China e outros adjacentes», Madrid, 1641; Майя (Joseph-François Mailla, 1669—1748) — французский иезуит, миссионер-синолог, автор «Histoire générale de la Chine, ou Annales de cet empire traduits du Tong-Kien-Kang-Mou», vol. 1—13, Paris, 1777—1785; Грозье (Jean-Baptiste Grosier, 1743—1823) — иезуит-синолог, автор «De la Chine, ou Description générale de cet empire», 3e éd., vol. 1—7, Paris, 1818—1820; «Description générale de la Chine», Paris, 1786; Дюгальд (Jean-Baptiste Du Halde, 1674—1743) — автор широко известного сочинения о Китае: «Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'Empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise», vol. 1—4, Paris, 1736.

²⁰ Эти поездки способствовали точному знанию Бичуриным провинциального Китая. Автографы Бичурина подчеркивали, что он в своих трудах не основывался на предрассудках или на сведениях, сообщенных прежними путешественниками, и потому каждую вещь видел в подлинном ее виде. «Сему-то благоразумному правилу о. Иакинф обязан своими успехами в раскрытии разных превратных сведений и ложных мнений, сообщенных Европе прежними путешественниками и ориенталистами» («Беседы в Обществе любителей российской словесности», 1871, вып. III, стр. 86).

²¹ Б. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай..., ч. 2, стр. 228—229. Здесь же перевод из «Voyage en Chine, ou Journal de la dernière Ambassade Anglaise a la cour de Pekin», pt. 1, Paris, 1818, стр. 225. Об интересе у Бичурина к этому посольству видно из его статьи «Указы и бумаги, относящиеся до английского посольства, бывшего в Пекине в 1816 г.», пер. с кит., — «Северный архив», 1825, № 14, стр. 134—151; 1828, № 4, стр. 199—218; № 7, стр. 3—39. Дан перевод 11 указов 1816 г.

²² Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин..., — «Православный собеседник», 1886, март, стр. 275. На этой же странице в примечании Адоратский указывает: «Этот словарь приобрел потом в 1821 г. [в Кяхте?] о[тец] Даниил [Сивиллов] и в 1830 г. передал в библиотеку миссии» (см. также: Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай..., ч. 2, стр. 23, 49).

²³ С. А. Козии, О неизданных работах Иакинфа Бичурина, — «Иав. АН. Отделение гуманитарных наук», 1929, № 5, стр. 399—412; см. также:

Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в Архиве Института востоковедения, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 141. Словари хранятся в Архиве ЛО ИВАН (ф. 7, № 22—30, 36).

²⁴ Биб-ка вост. фак. ЛГУ, ХУЕ 1—97. Авторство определено по вклеенному письму неперменного секретаря Академии наук «Члену-корреспонденту Академии наук отцу Иакинфу» от 8 октября 1840 г. Словарь на китайской (двойной) бумаге. Здесь же хранятся два словаря, по некоторым данным также принадлежащие Бичурину.

²⁵ «О. Иакинф Бичурин...», стр. 668.

²⁶ Там же, стр. 667.

²⁷ Переводы «Тунцзянь ганьму» и «Дайцин и тунджи» в рукописях имеют помету «1825», когда Бичурин был на Валааме. Вероятно, на Валааме Бичурин завершил работу.

²⁸ Цит. по рукописи В. П. Тарановича «К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях гор. Казани» (Архив ЛО ИВАН, ф. 102, № 4, стр. 16. Письмо Бичурина ректору Казанской духовной академии от 13 января 1849 г.).

²⁹ [G. Timkovsky], Voyage à Péking, à travers la Mongolie en 1820 et 1821 par M. G. Timkovsky, traduit du Russe par M. N., revu par J. Klaproth, publié avec des Corrections et des Notes, par M. J. Klaproth, vol. 1—2, Paris, 1827.

³⁰ Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай... (заимствовано из ч. II: «Известия о Восточном Туркестане» — стр. 86—123; о Тибете — стр. 192—210; из ч. III: «Описание Пекина» — стр. 295; данные о Монголии — стр. 165—402).

³¹ Там же, ч. II, стр. 16.

³² «Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.», СПб., 1829.

³³ «Description de Péking avec un plan de cette capital. Ouvrage traduit du Chinois en Russe par le Rév. P. Hyacinthe. Traduits du russe par Fevry de Pigny», SPb., 1829, 191 стр.

³⁴ Eyriès et Klaproth, Rapport sur le plan de Péking, publié à St.-Petersbourg en 1829, — «Nouveau Journal Asiatiques», 1829, t. IV, стр. 356—374. Клапрот называет автора и книгу, которую частично перевел Бичурин: «Чжэньюань шиляо» У Чан-юаня.

³⁵ «Русский инвалид», 1825, № 84, стр. 337—338. В статье указывается, что Бичурин находится в Валаамском монастыре.

³⁶ Судьба первых двух рукописей неизвестна. Рукопись «Об укреплении Желтой реки и канала подвозного» хранится в ОР ГПБ [Бичурин, № 1].

³⁷ [Н. Я. Бичурин], Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов, т. I—II, СПб., 1828.

³⁸ В. В. Бартольд в «Истории изучения Востока...» (стр. 268) упоминает об одном из «местных знатоков» — Игумнове, который «сделался учителем будущих профессоров монгольской словесности».

³⁹ Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин..., — «Православный собеседник», 1886, май, стр. 76.

⁴⁰ Известна только одна статья М. Д. Сипакова — «Известие о кончине китайского богдыхана Цзяцина и о вступлении на престол старшего сына его Мяннина» («Сибирский вестник», 1823, ч. 1, кн. 1, стр. 3—16; кн. 2, стр. 17—28). Из его рукописей сохранился «Манчжурский словарь» [Сипаков, № 1].

⁴¹ Александр Николаевич Оленин (1763—1843) — писатель. С 1811 г. — директор Публичной библиотеки, с 1817 г. — президент Академии художеств. Письмо Оленину (ОР ГПБ, архив Оленина, № 215) опубликовано Д. И. Тихоновым: «Русский Китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин», — «Уч. зап. ЛГУ. История и филология стран Востока», 1954, № 179, стр. 282—283.

⁴² Эти материалы не обнаружены.

⁴³ Три письма Е. Ф. Тимковскому [Бичурин, № 50: 1, 2, 4]. О корреспонденции Бичурина за 1821—1823 см.: Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд..., стр. 142—143.

⁴⁴ Архив ЛО ИВАН, ф. 56, оп. 2, № 3, л. 4.

⁴⁵ «Письма Бичурина из Балаамской монастырской тюрьмы», предисл. П. Е. Скачкова.— «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, стр. 100—102. В одном из писем Бичурин сознается, что «от двадцати до тридцатого года жизни (1797—1807 гг.) он вел себя «весьма рассеянно», в чем он раскаивается. Но уже с 35 лет «избрал для себя известные правила», которым с тех пор следовал постоянно. Некоторая странность в поступках по прибытию в Петербург происходила от «долговременного пребывания в иностранном государстве», а этого суд учитывать не хотел. Причиной своей откровенности в письме Бичурин считает «благороднейшее побуждение, не зная меня, принять участие в моем положении» [Бичурин, № 50, л. 110—110 об].

⁴⁶ М. М. Сперанский, по словам К. А. Скачкова («Московские ведомости», 1875, № 66), говорил: «Наш Тимковский подарил России два китайские творения: одно живое — отца Иакинфа и другое живописное — свою книгу». К. А. Скачков далее говорит, что Тимковский, пользуясь своим положением, вызволил Бичурина из Балаама, содействовал изданию его трудов и как следствие имя Бичурина стало известно и вполне заслуженно знаменито «между учеными в Европе».

⁴⁷ В скобках указан год цензурного разрешения к печати. См. также прим. 27.

⁴⁸ [Н. Я. Бичурин], Статистическое описание Китайской империи, СПб., 1842, стр. III.

⁴⁹ См. прим. 21.

⁵⁰ «Ответы на вопросы, которые г. Вирст предложил г. Крузенштерну относительно Китая»,— «Северный архив», 1827, № 19, стр. 220—238; № 20, стр. 307—328; № 21, стр. 45—67.

⁵¹ «Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С картою дороги от Чен-ду до Лхассы». Пер. с китайского, СПб., 1828, 249 стр., план в красках.

⁵² «Description du Tibet, traduit du chinois en russe par le Père Hyacinthe, et du russe en français par M. revue sur l'original chinois, et accompagnée de notes, par M. Klapproth.— «Nouveau Journal Asiatique», 1829, vol. IV, стр. 81—158, 241—324; «Description du Tibet, traduit partiellement du chinois en russe par le Hyacinthe Bitchourine et du russe en français par M.», Paris, 1831.

⁵³ [Н. Я. Бичурин], Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. Перед титульным листом — портрет Бичурина с надписью: «Благородный китаец в летнем одеянии».

⁵⁴ «Московский вестник», 1828, № 23—24, стр. 300; о Дегине см.: В. Бартольд, История изучения Востока..., стр. 102—105.

⁵⁵ «Отчет о книгах Иакинфа Бичурина касательно истории монголов, представленный Парижскому Азиатскому обществу Клапротом в сентябре 1830 г.», с франц. Н. П.,— «Московский телеграф», 1831, ч. 38; № 7, стр. 360—377; № 8, стр. 513—534.

Юлий Клапрот, лишенный звания академика и уволенный из Академии наук за неблагоприятные поступки, своими постоянными, необоснованными нападениями на труды Бичурина добился обратного результата — возбудил интерес к сочинениям Бичурина у западноевропейских сиологов.

⁵⁶ И. Б. [ичурин], Ответ г-ну Клапроту на замечания касательно книг, изданных Иакинфом Бичуриным и относящихся к истории монголов,— «Московский телеграф», ч. 39, № 9, стр. 82—99; № 10, стр. 210—230; см. также: [H. Bitchourine], Observations sur les traductions et les critiques littéraires de M. de Klapproth, par le R. P. Hyacinthe Bitchourine, СПб., 1829.

⁵⁷ Н. П. Шастина, Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения,— «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, 1956, стр. 186; А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода

XI—XIII вв.,— «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 1, 1953, стр. 38—45 и др.

⁵⁸ «Протоколы Академии Наук», 1828, XII, 17, § 628,— Архив АН, ф. 1, оп. 1а, № 39.

⁵⁹ «Дело по представлению директора Публичной библиотеки о принятии монаха Иакинфа в число почетных библиотекарей. 1829»,— ЦГИА, ф. 733, оп. 15, № 116, 7 л.

⁶⁰ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., стр. 42.

⁶¹ «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии», СПб., 1829, ч. I, 136 стр.; ч. II, 363 стр.

⁶² «Московский телеграф», 1829, ч. 25, Прибавление к № 3, стр. 532—543.

⁶³ «Сань-цзы-цзин, или Троеслоие с литографированным китайским текстом», СПб., 1829, 83 стр.

⁶⁴ «Литературная газета», 1830, № 1, стр. 5, рецензия Сомова (?); «Атеней», 1830, ч. 1, стр. 197—199; «Северная пчела», 1829, № 153.

⁶⁵ «Московский телеграф», 1829, ч. 30, № 24, стр. 454—458.

⁶⁶ Рец. на «Саньцзыцзин» см.: «Северная пчела», 1829, № 153.

⁶⁷ Н. Греч, Барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт,— «Северная пчела», 1853, № 142, стр. 567.

⁶⁸ Подробно об этом см.: А. Ф. Коростин, Начало литографии в России. 1816—1818. М., 1943, стр. 78—88; А. В. Яроцкий, Павел Львович Шиллинг, М.—Л., 1953.

⁶⁹ Н. Греч, Барон Павел Львович Шиллинг фон Канштадт, стр. 547.

⁷⁰ А. Ф. Коростин, Начало литографии в России. 1816—1818, стр. 83.

⁷¹ «Об изображении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга»,— «Азиатский вестник», 1825, кн. 5, май, стр. 367—373 (из «Journal Asiatique», 1824, t. IV); A. Remusat, Sur les Editions chinoises de M. le Baron Schilling de Canstadt,— «Mélanges Asiatique, ou choix de morseau de critique et de mémoires», t. 2, Paris, 1826, стр. 346—351. Экземпляры «Саньцзыцзин», «Дасюэ» и «Чжуньюн» находятся в фонде Дорна (ОР ГПБ).

⁷² «Об изображении китайских письмен...», стр. 368.

⁷³ См. прим. 32—34.

⁷⁴ «История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. с картою на разные периоды сей истории», СПб., 1833, ч. 1, 289 стр.; ч. II, 268 стр., карта.

⁷⁵ «Северная пчела», 1833, № 21, стр. 83—84; № 22, стр. 87—88.

⁷⁶ «Молва», 1833, № 37, стр. 146—148; № 38, стр. 149—152; № 39, стр. 153—156.

⁷⁷ «Московский телеграф», 1833, ч. 49, № 4, стр. 591.

⁷⁸ «Чтения императорской Академии наук в С.-Петербурге за 1829 и 1830 годы», кн. 1, СПб., 1831, стр. 39.

⁷⁹ «Журнал Мин-ва внутр. дел», 1833, № 3, стр. 283—303; № 4, стр. 371—413; № 5, стр. 36—111; «Санкт-Петербургские ведомости», 1833, № 171, 176, 178, 179.

⁸⁰ [Н. Я. Бичурин], Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Сочинено монахом Иакинфом, СПб., 1834, 253 стр.

⁸¹ И. Э. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири, СПб., 1774; [Н. А. Нефедьев], Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым, СПб., 1834, 298 стр.; П. И. Рычков, Оренбургская топография, СПб., 1762; «Уложение китайской Палаты внешних сношений», пер. с манж. языка Степан Липовцов, СПб., 1828, т. I, 376 стр.; т. II, 319 стр.; А. Леонтьев, Уведомление... о войне с Зенгорцами... (см. гл. II, прим. 147); Л. Россохин, Описание путешествия... (см. гл. II, прим. 90).

⁸² «4-ое присуждение Демидовских наград», СПб., 1835.

⁸³ О. Сенковский, Калмыки, ойраты, уйгуры. По поводу сочинения Историческое обозрение ойратов, или калмыков,— Собрание сочинений, т. VI,

СПб., 1858, стр. 26—36; то же.— «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, стр. 1—30 (без подписи).

⁸⁴ «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, стр. 28.

⁸⁵ [Н. Я. Бичурин], Средняя Азия (статья третья и последняя).— «Отечественные записки», 1843, № 11, стр. 1—11.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Например: Н. Я. Бичурин, Замечание на статью в «Русской истории» Устрялова под названием «Покорение Руси монголами».— «Москвитянин», 1845, № 7—8, стр. 81—102.

⁸⁸ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», Публикация, вступит. статья и примечания П. Е. Скачкова.— «Советское китаеведение», 1958, № 3, стр. 141—154.

⁸⁹ См.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 1201, 1342, 1349, 1354, 4485, 8940, 12143, 12144, 15089, 19513.

⁹⁰ «Московский телеграф», 1828, ч. 20, № 7, стр. 101—107.

⁹¹ Там же, 1830, ч. 32, № 7, стр. 263—281.

⁹² ЖМНП, 1838, № 5, стр. 324—366; № 6, стр. 568—595.

⁹³ ЖМНП, 1837, № 10, отд. IV(2), стр. 227—246.

⁹⁴ «Отечественные записки», 1839, № 12, стр. 47—56.

⁹⁵ «Сын отечества», 1839, № 1, стр. 1—11.

⁹⁶ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 142—143.

⁹⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 1341, 1350, 10721, 10722, 11791, 17893, 18466.

⁹⁸ «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 12, стр. 467—486; ч. 22, № 13, стр. 50—65.

⁹⁹ «Московский телеграф», 1831, ч. 38, № 7, стр. 360—377; № 8, 513—534.

¹⁰⁰ Там же, ч. 39, № 9, стр. 82—99; № 10, стр. 210—230.

¹⁰¹ ЖМНП, 1839, № 7, отд. VI, стр. 51—52.

¹⁰² В 1832 г. М. П. Погодин дал «в честь нашего знаменитого путешественника И. Бичурина, возвращавшегося из Кяхты, обед, на котором присутствовали некоторые московские писатели и ученые» (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, СПб., 1890, стр. 124).

¹⁰³ М. П. Погодин, В память о кн. В. Ф. Одоевском, М., 1869, стр. 56; Н. С. Моллер, Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внука.— «Русская старина», 1888, № 9, стр. 535.

¹⁰⁴ А. С. Пушкин, История Пугачева.— Собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1949, стр. 287.

¹⁰⁵ «Из записной книжки Н. В. Путяты (встречи с А. С. Пушкиным)». — «Русский архив», 1899, кн. 2, № 6, стр. 350—353. Наиболее подробные и обстоятельные данные о связях Бичурина с Пушкиным, об интересе Пушкина к Китаю, частично библиографические сведения о Бичурине содержатся в статье М. П. Алексеева «Пушкин и Китай» (сб. «Пушкин и Сибирь», Москва—Иркутск, 1937, стр. 108—145). [См. также: Д. И. Белкин, А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин).— «Народы Азии и Африки», 1974, № 6, стр. 126—134. — *Прим. ред.*]

¹⁰⁶ Письма Н. Я. Бичурина см.: Выписка из письма к И. В. С. из Иркутска, от 5 апреля — «Литературная газета», 1830, № 28; Выписка из частного письма. Кяхта, 23 августа.— там же, № 59, стр. 87; Кяхтинский пир. (Письмо из Восточной Азиатской России).— там же, № 60, стр. 189—191; Отрывок из письма, полученного из Кяхты, от 6 сентября.— там же, № 61, стр. 206; Два письма из Кяхты.— там же, № 66, стр. 239; Отрывок письма из Кяхты от 19 сентября 1831 г.— «Московский телеграф», 1831, ч. 42, № 21, стр. 141—144; Отрывок письма из Иркутска от 5 декабря 1831 г.— там же, № 22, стр. 268—273; Письмо Н. А. Полевому. 19 марта 1831 г.— «Русская старина», 1871, № 12, стр. 680.

¹⁰⁷ К этому времени, вероятно, относятся записки Н. Я. Бичурина «О состоянии торговли России с Китаем на западных границах» и «О торговле англичан в Средней Азии» (Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 50—51).

¹⁰⁸ В описи книг, подаренных Н. Я. Бичуриным Казанской духовной ака-

демии, назван «Монгольский словарь с русским переводом, сделанным с китайского словаря Сань-хэ-бянь-лань». Словарь не найден.

¹⁰⁹ Н. С. Моллер, Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внуки, — «Русская старина», 1888, № 8, стр. 286.

¹¹⁰ Хранится в Кяхтинском музее. Оpubл.: М. П. Алексеев, Пушкин и Китай; А. Н. Бернштам, Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», — в кн.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, М.—Л., 1950, т. I; «Декабристы-литераторы», т. II, кн. 2, стр. 363 (о Бичурине см. также стр. 347, 361—363, 378, 380, 424).

¹¹¹ Об этом «наречии» см.: «Русско-китайское наречие», — «Лучи», 1854, № 259; «Русско-китайский язык», — «Санкт-Петербургские ведомости», 1854, № 225; Д. Александров, Маймачинское наречие, — «Рус. филолог. вестник», 1884, № 3, стр. 160—163; Г. Шухарт, Маймачинское наречие, — там же, № 4, стр. 318—320 (отклик на статью Д. Александрова); С. И. Черепанов, Кяхтинское китайское наречие русского языка, — «Изв. АН. Отдел. русск. яз. и словесн.», т. II, стр. 370—377; A. Jabłońska, Język mieszany chińsko-rosyjski w Mandżurii, — «Przegląd Orientalistyczny», Warszawa, 1957, № 2 (22), стр. 157—168.

На русско-китайском наречии еще долго говорили в Кяхте, а затем, во второй половине XIX в., оно распространилось на Дальний Восток, куда стали массами эмигрировать китайцы, убегая от голода и тяжелых поборов маньчжурских чиновников.

В китайских портах, особенно в Шанхае, в общении иностранцев с китайцами был принят так называемый пиджин инглиш. На этом наречии написаны художественные произведения, изданы его грамматики, разговорники. A. R. Hall, Chinese Pidgin English Grammar and Texts, — «Journal of the American Oriental Society», 1944, vol. 64: Ch. G. Leland, Pidgin English Sing Song, London, 1924.

¹¹² «Московский телеграф», 1831, ч. 42, № 21, стр. 141—144. Один из словариков сохранился (Архив ЛЮ ИВАН) и описан К. К. Флугом в «Кратком обзоре небуддийской части китайских рукописей Азиатского музея» («Библиография Востока», 1934, № 7, стр. 92).

¹¹³ Отрывок из письма из Кяхты, см.: «Московский телеграф», 1831, ч. 42, № 21, стр. 143.

¹¹⁴ «Свод законов Российской империи. Собрание второе», т. 8, СПб., 1832, стр. 850—852.

¹¹⁵ «Об открытии училища китайского языка в Кяхте», — ЖМНП, 1835, № 6, отд. IV, стр. 567—569. С речами при открытии выступили Н. Я. Бичурин и директор кяхтинской таможни. О Бичурине было сказано, что он прислан «временно для надзора первоначально производимого учения и правил преподавания».

¹¹⁶ Издано под названием: «Хань-вынь-ци-мын, или китайская грамматика», ч. 1—2. СПб., 1838: «О. Иакинф Бичурин...», стр. 670.

¹¹⁷ «Северная пчела», 1839, № 169, стр. 673.

¹¹⁸ Об экзамене, проведенном в 1850 г., см. «Китайское училище в Кяхте», — «Журнал для чтения воспитан. военно-уч. заведений», 1851, т. XXXIX, № 353, стр. 93—95.

¹¹⁹ Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин, — «Православный собеседник», 1886, май, стр. 75—76.

¹²⁰ Н. Адоратский неправильно указывает год смерти Крымского — 1863. В имеющихся документах (АВПР, ф. Главн. архив, 1836—1866, д. 6, ч. II) указано, что Крымский умер 11 октября 1861 г.

¹²¹ «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», т. 4, СПб., 1871, стр. 448—449.

¹²² П. Я. Пясецкий, Неудачная экспедиция в Китай, СПб., 1881, стр. 66. Говоря о Шевелеве, Журавлеве и Андронове, он пишет, что они прожили в Китае около 10 лет, хорошо изучили разговорный и письменный китайский язык.

¹²³ См. прим. 116.

¹²⁴ «Основные правила китайской грамматики», [СПб., 1828—1829 (?)]. Экземпляры без титульного листа и обложки находятся в Архиве ЛО ИВАН, ф. 7, № 32—33, а также в ОР ГБЛ, ф. 283, № 2887. Предположение Н. Адоратского, что «эскиз китайской грамматики И. Бичурин составил во время пребывания в Кяхте при возвращении на родину в 1821 г.» (Н. Адоратский, Отец Иакинф Бичурин, — «Православный собеседник», 1886, май, стр. 74), ни на чем не основано. Отсюда, наверно, пошла неправильная отметка на всех оставшихся экземплярах — «1821 г.». Ни в одном письме из Кяхты за этот год Бичурин о грамматике не упоминает. «Эскиз» существовал в рукописном виде.

¹²⁵ Цензурная пометка: «4 сентября 1834 г.».

¹²⁶ Кордые (H. Cordier, Bibliotheca Sinica, vol. 1—4, Paris, 1904—1908) указывает (на стр. 768), 1838 год. Н. Адоратский в «Истории Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685—1745)» (стр. 288) считает, что в оставшихся экземплярах грамматики 1835 г. кто-то переправил на 1838 г. Проверка показала, что, действительно, цифра 8 легко стирается, остается цифра 5. Однако аргументами в пользу издания 1838 г. являются рецензии на грамматику, появившиеся в 1838 г., и присуждение за нее в 1839 г. премии.

¹²⁷ «Китайская грамматика» Бичурина как наилучшая была переиздана Пекинской духовной миссией через 70 лет — в 1908 г.

¹²⁸ Н. Я. Бичурин, Грамматика китайского языка, стр. XV.

¹²⁹ «Сын отечества», 1838, т. IV, стр. 1—36; «Литературное прибавл. к „Русск. инвалиду“», 1838, № 30, стр. 590—593.

¹³⁰ М. И. Броссе, Разбор китайской грамматики монаха Иакинфа, — «Осьмое присуждение учрежденных Демидовым наград 17 апреля 1839 г.», СПб., 1839, стр. 33—44.

¹³¹ Н. Я. Бичурин, Статистическое описание Китайской империи. С приложением географической карты на пяти листах. В двух частях, СПб., 1842, ч. 1, стр. II.

¹³² См. статьи Н. Я. Бичурина: Общественная и частная жизнь китайцев, — «Отечественные записки», 1840, № 5, стр. 1—36, 63—103; *Hiacinth, Pater, Das öffentliche und Privatleben der Chinesen*, SPb., 1841, стр. 20 (из «St.-Petersburger Zeitung», 1841, № 136—159); Взгляд на просвещение в Китае, — ЖМНП, 1838, № 5, отд. IV, стр. 324—366; № 6, отд. IV, стр. 568—595; О статистическом описании Китайской империи, — ЖМНП, 1842, № 5, отд. II, стр. 31—48.

¹³³ [Н. Я. Бичурин], Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа, СПб., 1840, 447 стр.

¹³⁴ «Библиотека для чтения», 1841, № 14, стр. 33.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ «11-ое присуждение Демидовских наград», СПб., 1842.

¹³⁷ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 141—154.

¹³⁸ Там же, стр. 147.

¹³⁹ Там же, стр. 146—147.

¹⁴⁰ [Н. Я. Бичурин], Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа. В четырех частях, СПб., 1848, 600 стр.; изд. 2-е, Пекин, 1911—1912; его же, Религия ученых и ее обряды (ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-18, 119 л.) [Бичурин, № 40].

¹⁴¹ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 147.

¹⁴² «17-е присуждение Демидовских наград», СПб., 1848, стр. 130 (отзыв О. М. Ковалевского). Рец. см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 697.

¹⁴³ Рец.: В. Г. Белинский, — «Современник», 1848, № 7, стр. 44—49; О. И. Сенковский, Собрания сочинений, т. VI, 1859, стр. 405—479.

¹⁴⁴ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 142—143.

¹⁴⁵ Там же, стр. 145.

¹⁴⁶ ЖМНП, 1840, № 6, отд. VII, стр. 12—16; «Отечественные записки», 1841, № 2, отд. «Смесь», стр. 90—95; «Русский вестник», 1841, т. 2, № 6,

стр. 697—723; «Москвитянин», 1844, № 8, стр. 357—363; № 9, стр. 149—153; 1845, № 4, стр. 330—337; № 7—8, стр. 81—102; 1846, № 7, стр. 185—194; № 11—12, стр. 159—170; ЗИРГО, 1849, т. III, стр. 254—260.

¹⁴⁷ См.: Д. И. Тихонов, Русский китаевед Иакинф Бичурин..., стр. 293—294; А. Н. Бернштам, Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений...», стр. XX—XXII.

¹⁴⁸ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 148.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: Н. Я. Бичурин, Замечание на статью Менцова «О состоянии первоначального обучения в Китае»,— ЖМНП, 1840, № 6, отд. VII, стр. 12—16; его же, Речь на «Историю монголов. Перевод с персидского В. В. Григорьева»,— «Русский вестник», 1841, т. 2, № 6.

¹⁵² [Н. Я. Бичурин] Иакинф, Замечание на статью Неволлина,— «Москвитянин», 1844, № 9, стр. 149—153.

¹⁵³ И. Бичурин, Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение, стр. 4.

¹⁵⁴ Н. Я. Бичурин, Китай в гражданском и нравственном состоянии, стр. 11.

¹⁵⁵ Там же, стр. 18.

¹⁵⁶ П. Добель, Путешествие и новейшие наблюдения в Китае, Манилле, СПб., 1833; Фан дер Фельде, Посольство в Китай, СПб., 1836, см. также: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 1427, 1516, 1551, 4431, 4529, 4530, 8527, 8557, 8561, 9114, 9393, 10799 и др.

¹⁵⁷ Подробно см.: А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., стр. 45—46; Н. П. Шастина, Значение трудов Н. Я. Бичурина для русского монголоведения, стр. 194—197.

¹⁵⁸ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 146.

¹⁵⁹ Марий Иванович Броссе (1824—1879). [М. И. Броссе], О китайской библиотеке Азиатского музея Академии наук. Отчет академика Броссе,— ЖМНП, 1841, № 4, отд. III, стр. 1—22.

¹⁶⁰ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 148.

¹⁶¹ Н. Я. Бичурин, Земледелие в Китае. С семьдесятью двумя чертежами разных сельскохозяйственных орудий, СПб., 1844. По словам К. А. Скачкова, эта книга имеет следующую историю. Н. Я. Бичурин увидел у бывшего члена миссии Вениамина Морачевича рукопись — выписки из книги «Шоуши тункао». Вениамин боялся «говорить с публикой», не издавал своих работ и «рукопись перешла в опытные руки Иакинфа и была издана под его строгой редакцией... я видел на исходе 1840 г. рукопись отца Вениамина, в которой редкая страница оставалась без поправок; предисловие было написано самим издателем» (К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания, М., 1958, стр. 20).

¹⁶² «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 145.

¹⁶³ «Отечественные записки», 1844, № 2, отд. «Смесь», стр. 71—72.

Об интересе к сельскому хозяйству Китая в эти годы см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 11824, 11840, 11842, 11873, 11886, 11888, 12042, 12043. Отметим, что первое сельскохозяйственное училище в России было открыто в 40-х годах XIX в.

¹⁶⁴ См. письмо Аввакума Честного из Пекина от 20 апреля 1840 г. Н. Я. Бичурину (АВПР, ф. 347, 1—51, 1823, № 11, папка 11, л. 8—9).

¹⁶⁵ В. П. Таранович в рукописи «К вопросу о литературных материалах по востоковедению, хранящихся в учреждениях гор. Казани» (Архив ЛО ИВАН, ф. 102, оп. 1, № 4) называет следующие цифры: 136 названий в 219 томах, 16 рукописей, 15 различных карт, изображений, планов и два портрета, один из которых — портрет Н. Я. Бичурина. Портреты не найдены.

¹⁶⁶ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 150, 151.

¹⁶⁷ «Москвитянин», 1851, № 2, стр. 179—194.

¹⁶⁸ «Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину», стр. 152.

¹⁶⁹ Н. С. Моллер, Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки,— «Русская старина», 1888, № 8, стр. 271—300; № 9, стр. 525—560.

¹⁷⁰ Э. И. Горбачева, Рукописное наследие Иакинфа Бичурина,— «Уч.

зап. ЛГУ», № 179, Серия востоковед. наук, вып. 4, 1954, стр. 307—316; Д. И. Тихонов, Русский китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин,— там же, стр. 281—306; С. А. Козин, О неизданных работах Иакинфа Бичурина. (По материалам архива Азиатского музея),— «Изв. АН. Отд. гуманитарн. наук», 1929, т. 5, стр. 399—412; его же, К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина,— «Доклады АН», 1929, стр. 245—247; Б. А. Малькевич, Материалы к библиографии трудов Н. Я. Бичурина,— в кн.: Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений..., т. III, стр. 93—96; А. А. Петров, Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве ТАССР и библиотеке Казанского университета,— «Библиография Востока», 1937, № 10, стр. 139—155; П. Е. Скачков, Иакинф Бичурин (1771—1853). Архивные материалы к биографии,— там же, 1933, № 2, стр. 79—90; его же, О рукописном наследии Н. Я. Бичурина в ГПБ (Ленинград),— «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, 1956, стр. 198—206; его же, Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину, стр. 154; Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в архиве Института востоковедения, стр. 136—147.

¹⁷¹ О. Сенковский, Собрание сочинений, т. V, СПб., 1858, стр. 75—170.

¹⁷² Миссионер Моррисон — автор «Словаря китайского языка» в 6 томах (1815—1823) (В. Бартольд, История изучения Востока..., стр. 126, 142).

¹⁷³ В этой же рецензии Сенковский подчеркивал: «Число важных, капитальных фактов, извлеченных им из тьмы китайской грамоты, количество света, пролитого им на самые запутанные вопросы по части истории и законодательства этой любопытной страны, почти невероятно» («Библиотека для чтения», 1848, т. 91, стр. 1—24).

¹⁷⁴ Рецензии на работы Бичурина см.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I—XII, М.—Л., 1953—1956; т. III, стр. 176; т. IV, стр. 442; т. V, стр. 575, 586, 592, 842; т. VI, стр. 403; т. IX, стр. 740; т. X, стр. 364, 467; на статьи Дэ Мина — там же, т. IV, стр. 265, 541, 773; т. VIII, стр. 99; т. XII, стр. 125, 513; на работы З. Ф. Леонтьевского — там же, т. I, стр. 258.

¹⁷⁵ Дэ Мин, Поездка в Китай,— «Отечественные записки», 1841, № 9—10, стр. 21—24, 87—90; № 11, стр. 26—34; № 12, стр. 83—91; 1842, № 1—2, стр. 8—17; № 3, стр. 33—39; № 9, стр. 26—32; № 10, стр. 117—122; 1843, № 1, стр. 24—31; № 3—4, стр. 85—89 (вся публикация помещена в отделе «Смесь»).

¹⁷⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, Пг., 1917, стр. 155—157.

¹⁷⁷ Не останавливаясь на небольших очерках о жизни и трудах Бичурина (см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, стр. 588—591), укажем на основные, наиболее содержательные статьи Д. И. Тихонова и А. Н. Бернштама (прим. 110); выступления Л. И. Думана, Д. И. Тихонова, Н. В. Кюнера, Л. В. Симоновской, Б. К. Пашкова, А. И. Стадниченко, Н. П. Шестиной, З. И. Горбачевой, П. Г. Григорьева на научной сессии, посвященной 100-летию со дня смерти Н. Я. Бичурина (изданы лишь частично), Н. П. Шестиной и З. И. Горбачевой (прим. 157, 170); Л. В. Симоновская, Бичурин как историк Китая,— «Доклады и сообщения истор. ф-та МГУ», вып. VII, 1948, стр. 46—61. [См. также: Н. Т. Федоренко, Иакинф Бичурин, основатель русского китаеведения,— «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1974, т. 33, № 4, стр. 341—351.— *Прим. ред.*].

¹⁷⁸ А. Таланов, Н. Ромова, Друг Чжунго, М., 1955; пьеса В. П. Романова «Никита Бичурин» ставилась в Чебоксарском государственном театре. [Следует особо отметить работу китаеведа В. Н. Кривцова, взявшего на себя труд создать художественную биографию Н. Я. Бичурина, первая книга которой, «Путь к Великой стене», уже опубликована (М., 1972).— *Прим. ред.*]

¹⁷⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Составители Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хаан, Чебоксары, 1960, 758 стр.

¹⁸⁰ Д. И. Тихонов, Русский китаевед..., стр. 304.

¹⁸¹ Подробности см.: Николай [Адоратский], История Пекинской

духовной миссии..., стр. 307—363; А. Можаровский, Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российско-императорской миссии в Пекине,— «Русская старина», 1896, № 2, стр. 317—342; № 3, стр. 585—609, № 4, стр. 97—110; «Нижегородские епархиальные ведомости», 1887, № 12, стр. 601—604; В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, т. II, СПб., 1872, стр. 218—247; приложение, стр. 612—713; В. Миротворцев, Материалы для истории Пекинской духовной миссии,— «Православный собеседник», 1888, сентябрь, стр. 83—119, 247—271; «Записка проф. В. Л. Котвича о дневнике Петра Каменского»,— «Изв. Рос. АН», серия VI, 1920, № 1—18, стр. 151—152.

¹⁸² Уже находясь в Иркутске, Каменский испугался ехать в Китай и подал прошение об увольнении из миссии, указывая на неспособность к изучению языков в зрелом, 29-летнем, возрасте и на необходимость заботиться о семи сиротах умершего брата. Когда Коллегия иностранных дел согласилась уволить Каменского при условии возврата данных ему 100 руб., Каменский был вынужден остаться в миссии.

¹⁸³ «Сибирский вестник», 1823, ч. 3, кн. 14, стр. 29—50; кн. 15—16, стр. 51—82; кн. 17, стр. 83—100. Рукопись хранится в Архиве ЛО ИВАН, ф. 24, оп. 1, № 10, л. 1—33. Название в публикации сокращено.

¹⁸⁴ Абель Ремюза (Abel Remusat) (1788—1832) — французский синолог. Письма А. Ремюза и Дегиня см.: Архив ЛО ИВАН, ф. 24.

¹⁸⁵ В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского..., т. II, стр. 624.

¹⁸⁶ Заявление Каменского в Академию наук о разрешении печатать сделанный им перевод книги, полученной из Академии наук,— ЛО ААН, Протокол 1815 г., мая 3, § 113; «Отрывок из книги „Тайшан“, или „Зеркало китайских добродетелей и пороков“,— ЖМНП, 1821, № 9, стр. 153—156.

¹⁸⁷ «Коллежского асессора Каменского примечания на бумаге, клонящиеся к усовершенствованию состава в Пекин посылаемых миссий»,— В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского..., т. II, прил. 3, стр. 614—616; «Копия с проекта, поданного князю А. Н. Голицыну от колл. ас. Павла Каменского в 1815 г.»,— там же, прил. 4, стр. 617—622.

¹⁸⁸ [Подробнее о русско-китайской торговле в этот период см.: С. М. Foust, *Moscovite and Mandarin: Russia's Trade with China and Its Setting 1727—1805*, Chapel Hill, 1969, стр. 44—45; М. И. Сладковский, История торгово-экономических отношений...— *Прим. ред.*]

¹⁸⁹ Подробнее см.: В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского..., т. II, стр. 218—221.

¹⁹⁰ Там же, стр. 630—644; см. также: С. Ю. Липшиц, Материалы к истории русской ботаники. О ботанической инструкции, данной студентам, отправляющимся с духовной миссией в Китай,— «Бюлл. Моск. о-ва испытателей природы, отд. биол.», 1937, т. XLVI (2), стр. 114—120; В. Ф. Гнучева, Материалы для истории Академии наук в XVIII и XIX веках,— «Труды Архива АН СССР», вып. 4, М.—Л., 1940, стр. 163—164.

¹⁹¹ В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского..., т. II, стр. 633.

¹⁹² Там же, стр. 634.

¹⁹³ П. И. Каменский, О китайском растении жэнь-шень, с рис. оног,— «Труды Вольного экономич. об-ва», 1815, т. 65, стр. 158—162; [его же], Журнал, веденный в Пекине по случаю прибытия из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария...,— «Сибирский вестник», СПб., 1823, ч. 3, стр. 29—100; его же, «Записки об албазинцах», написанные 9 января 1831 г. в Пекине, опубликованы в 1906 г. в Пекине, 17 стр.

¹⁹⁴ В. П. Васильев, Воспоминание о И. И. Захарове, СПб., 1885 (отд. отт. из ЖМНП, 1885, № 11, стр. 94—110); «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 48.

¹⁹⁵ При чтении «Записок о Монголии» Н. Я. Бичурина (СПб., 1828) Каменский писал 17 июня 1842 г.: «С великою скукой читаю „Записки“ Иакинфа о Монголии о доме Чингисхана, коего историю я переводил с манчжур-

ского языка под заглавием „Юаньши“. Кажется, мною переведенная история относительно Чингисского дома гораздо яснее и полнее. Я перевода своего не успел издать...» [Каменский, № 4, л. 176—177].

¹⁹⁶ По данным Н. Адоратского («История Пекинской духовной миссии...», стр. 363), П. И. Каменский перевел также «Бегство торговцев из России и пасторские их под Китаем описание», «Описание дел Джунгарии», «Китайские анекдоты»; местонахождение этих рукописей пока неизвестно. При чтении «Описания Джунгарии и Восточного Туркестана» Бичурин П. И. Каменский записывает 26 июня 1842 г. в дневнике: «Эту историю о победе торговцев, т. е. калмыков, из России и я, будучи студентом в Пекине, переводил с маньчжурского языка...» — Архив ЛО ИВАН, ф. 24, № 10.

¹⁹⁷ В брошюре «Книги и рукописи китайских миссий в Научной библиотеке при Иркутском государственном университете им. А. А. Жданова» (Иркутск, 1948, стр. 6) указано: «На значительном количестве нашего собрания можно прочесть сопроводительно-дарственную запись: „В Иркутскую семинарию 1830, архим. Петр“».

¹⁹⁸ «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 48.

¹⁹⁹ Александр Семенович Шишков (1754—1841) — писатель и государственный деятель, идеолог наиболее реакционных кругов дворянства. С 1824 г. — министр народного просвещения.

²⁰⁰ [С. Липовцов], Маньчжурский букварь, сочиненный Ст. Липовцовым, [б. м.], 1839, 21 стр., литографировано (даны только самые основы маньчжурского языка); его же, Уложение китайской Палаты внешних сношений, пер. с манж. языка Степан Липовцов, т. I—II, СПб., 1828.

²⁰¹ «О переходе тургутов в Россию и обратном их удалении из России в Зюнгарию. (Сочинение китайского князя Циша, переведенное с китайского подлинника)», — «Сибирский вестник», 1820, ч. 12, кн. 10, стр. 167—188, кн. 11, стр. 189—210; кн. 12, стр. 211—226.

²⁰² «Обозрение Зюнгарию», — «Сибирский вестник», 1821, ч. 13, № 13, стр. 89—110; 133—148; № 14, стр. 193—208; № 16, стр. 360—383.

²⁰³ О. Сенковский, Письмо Тютюнджю-Оглу-Мустафы-Аги, настоящего турецкого философа к одному из издателей «Северной пчелы», — Собрание сочинений, т. V, СПб., 1858, стр. 344; В. Каверин, Барон Брамбеус, Л., 1929, стр. 32, 236.

²⁰⁴ «Об изображении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга», — «Азиатский вестник», 1825, май, стр. 367—373.

²⁰⁵ Барроу (1764—1848) — английский путешественник. Сопровождал посла Маккартнея в Китай в 1792—1794 гг. Автор книги «Voyages en Chine en 1794» (London, 1804).

²⁰⁶ Каталог Россохина и Леонтьева не сохранился. В «St.-Petersburger Zeitung» (т. II, 1796, январь, стр. 128—133, 216—221; апрель, стр. 277—283) в статье И. Г. Буссе каталог приведен на немецком языке. См. также: [П. Каменский и С. Липовцов], Каталог китайским и японским книгам, в библиотеке Академии наук хранящимся, по препоручению господина Президента оной Академии С. С. Уварова, вновь сделанный государственной Коллегии иностранных дел переводчиками коллежскими ассессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым, [СПб., 1818], 57 стр.

²⁰⁷ А. Соколов, Ярославцы, жившие в Китае, или ярославские синологи, — «Ярославские губернские ведомости», ч. неофиц., 1872, № 3, стр. 7—9; № 4, стр. 11—12; дополнение, 1874, № 59; И. Пиккиев, Русский китаевед Захар Федорович Леонтьевский, — «Огонек», 1951, № 40, стр. 31.

²⁰⁸ В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, — «Краткие сообщения ИВАН СССР», 18, 1956, стр. 79.

²⁰⁹ S. W. Williams, A syllabic dictionary of the Chinese Language, Peking, 1874; [изд. 2], 1909.

О значении маньчжурского языка для изучения китайского писал в «Записке о восточных книгах в С.-Петербургском университете» В. П. Васильев: «На Западе и у нас видят в маньчжурском языке по его легкости, пособие для первоначального изучения китайского языка; и нечего греха таить — список имен европейских синологов был бы очень невелик, если бы они не

имели маньчжурских текстов, вместе с переводами, присланными в Bibliothèque de Roi миссионерами» («Русский вестник», 1857, т. II, № 1—2, стр. 319).

²¹⁰ Письмо З. Ф. Леонтьевского П. Л. Шиллингу, 12 апреля 1831 г.— Архив ЛО ИВАН, ф. 56, оп. 2, № 25.

²¹¹ «Маньчжурская песнь с перевода в прозе, переложенная стихами 20 января 1834 г.», СПб., 1834, рецензия В. Г. Белинского («Полное собрание сочинений», т. I, 1953, стр. 257) проникнута иронией по адресу Д. И. Хвостова.

²¹² «Библиотека для чтения», 1836, т. 14, стр. 10—11.

²¹³ «Зап. Археолог. нумизмат. об-ва», 1855, т. II, стр. 359—363.

²¹⁴ «Зап. Археолог. об-ва», 1857, т. 9, стр. 39—40; ранее напечатано в «Трудах Восточн. отдел. Археолог. об-ва», 1855, т. II, стр. 166—167.

Глава IV

¹ «Северный архив», 1824, № 12, стр. 315—333.

² А. О. Корнилович, О недостатках работы русской духовной миссии в Китае и о ее реорганизации.— «Сочинения и письма», М.—Л., 1957, стр. 224—229 (статья помечена: «5 февраля 1829 г.»).

³ Там же, стр. 226.

⁴ Наиболее подробно о миссионерах одиннадцатой миссии см.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 7—8, стр. 21—28; «Распоряжения китайского правительства по поводу прибытия в Пекин миссии» [128]; о Е. Н. Фусе и А. А. Бунге см. ЦГИА, ф. 40, оп. 1, № 30, 33; ф. 468, оп. 19, № 698; ф. 954, оп. 1, № 117; ф. 1289, оп. 13, № 15.

⁵ К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания, М., 1958, стр. 15. См. также: Копия письма неизвестному лицу от 1838 г. (ОР ГБЛ, ф. 273, № 2888/1, л. 161 об.); [А. Честной], Наша китайская миссия полвека назад (письмо Аввакума Честного из Пекина в Архангельск), [1834 г.]— «Русский архив», 1884, № 5, стр. 153.

⁶ Помета на письме Честного к П. Л. Шиллингу от (28) августа 1834 г. (Архив ЛО ИВАН, ф. 56, № 23). Аналогичная характеристика содержится в другом документе: Честной «был одним из замечательнейших ученых нашего времени как по основательности и разнообразию его в языках Восточной Азии, так и по громадной эрудиции» («Отчет имп. Русск. геогр. об-ва за 1866 г.», СПб., 1867, стр. 3).

⁷ О Д. С. Честном см.: А. Родоский, Биографический словарь студентов первых XXVIII-х курсов Петербургской духовной академии. 1814—1869, СПб., 1907, стр. 2; И. И. Соколов, Архимандрит Аввакум Честной.— «Тверские епархиальные ведомости», 1899, № 7, стр. 184—190; № 8, стр. 210—221; № 9, стр. 243—252; Чистович, История Санкт-Петербургской духовной академии, СПб., 1857, стр. 447; «Русский вестник», 1856, т. 3, № 5, стр. 37; «Отчет имп. Русск. геогр. об-ва за 1866 г.», стр. 2—5; «Русский архив», 1878, кн. 3, № 12, стр. 517; «Церковный вестник», 1893, № 25, стр. 10; «Русская старина», 1884, № 9, стр. 659; «Письма старецкого попа из Китая»,— «Наши дни», Калинин, 1936, № 1, стр. 161—176.

⁸ Как свидетельствуют записки Честного, маньчжурский язык он «начал изучать в 1831 г. При монастыре был китайский учитель, знавший несколько по маньчжурски. С 1834 г. нанял маньчжурского учителя за свой счет и под конец 1835-го прочитал с ним: Описание Жэхэ, соч. Канси, Описание Мукдэня, соч. Цяньлуна».

⁹ Честной начал заниматься тибетским языком в 1834 г.— «для этой цели перевел краткую тибетскую грамматику, сочиненную пекинским хутухтой».

¹⁰ ОР ГБЛ, ф. 273, М 2886, М 3008, М 3888.

¹¹ И. И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875, предисловие.

¹² А. Честной, Письмо из Пекина,— «Русский архив», 1884, кн. 3, № 5, стр. 154.

¹³ «Китайский благовестник», 1911, вып. 8, стр. 18—24.

¹⁴ Там же, 1916, вып. 1—2, стр. 9—12. На последней странице Морачевич указывает на ряд своих материалов по географии, статистике, законодательству Китая, о быте китайского народа; им переписан «один из лучших китайских лексиконов, составленный французскими миссионерами в Пекине и по латинскому алфавиту расположенный» (оставлен в миссии); «отдывается» описание китайского земледелия с историческим экскурсом. Поскольку рукописей Морачевича кроме указанных не найдено, о его деятельности правильной судить только по данным Честного.

¹⁵ О П. Е. Кирилове см.: И. П. Бородин, Коллекторы и коллекции по флоре Сибири, СПб., 1908, стр. 328; П. Е. Скачков, Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине,—«Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 142—144.

¹⁶ Во время своих занятий китайским языком Кирилов составлял русско-китайский словарь. Местонахождение словаря неизвестно.

¹⁷ Говоря о доктрине «Дао», неизвестный автор большого труда «История религий и тайных религиозных обществ Древнего и Нового мира», (т. II, СПб., 1870, стр. 66) указывает: «Это прекрасное правило, достойное христианского мудреца, учения Лаотси было мною записано (в 1858 г.) со слов покойного П. Е. Кирилова вместе со многими подробностями другими доктринами Тао».

¹⁸ Подробней см.: П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 142—143.

¹⁹ Архив ЛО ИВАН, ф. 56, оп. 2.

²⁰ О ботанической коллекции П. Е. Кирилова см.: С. Ю. Липшиц, Русские ботаники,—«Биографо-библиографический словарь», т. IV, М., 1947, стр. 163—164. Его коллекция частично (200 видов) описана и опубликована Н. С. Турчаниновым («Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou», 1837, vol. X, № VI, стр. 148—158).

²¹ «Отчет о действии китайских лекарств, испытанных по высочайшему повелению особою комиссией, составленною при императорской Медико-хирургической академии»,—«Военно-медиц. журнал», 1852, ч. LX, № 2, отд. «Фармацевт», стр. 21—24.

²² П. Кирилов, Опыт воспитания чайного кустарника,—«Северная пчела», 1853, № 197, стр. 785; его же, Вторая страница о чайных плодах,—«Северная пчела», 1854, № 179, стр. 847.

²³ «История религий и тайных религиозных обществ...», т. I, стр. 174.

²⁴ О А. М. Легашеве см.: «Журнал изящных искусств», 1825, № 1, ч. 2, стр. 74—75; «Художник Легашев в Китае»,—«Художественная газета», 1838, № 3, стр. 91—94; «Иллюстрированная газета», 1865, № 36, стр. 175—176; Петров, Материалы для истории Академии художеств, 1864, ч. II, стр. 199, 240—241, 422; «Мир искусств», 1899, т. 2, № 13—14, стр. 23; С. Эрнст, Художник Легашев в Китае,—«Старые годы», 1913, февраль, стр. 41—44; март, стр. 33—36; А. А. Сидоров, Рисунок старых мастеров, М., 1956, стр. 344; «Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века», М., 1958, стр. 541—566 (реп. П. Е. Скачкова см.: «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 287).

²⁵ «Наставление художнику Легашеву, отправляющемуся с китайской духовной миссией в Пекин по части изящных художеств. 12 января 1830, № 6». Эта инструкция была обязательной и для художников последующих миссий [ЦГИА, ф. ИАХ (Академия художеств), № 286, л. 3 об.].

²⁶ «Иллюстрированная газета», 1865, № 36, стр. 176; Дз Минн, Поездка в Китай,—«Отечественные записки», 1842, № 9, отд. «Смесь», стр. 26, 29.

²⁷ «Художественная газета», 1838, № 3, стр. 91. Перечень портретов китайцев кисти Легашева см.: ЦГИА, ф. 789, № 10, 1838 г., л. 3—4 об.; портрет художника П. Н. Михайлова см.: «Огонек», 1963, № 4, стр. 24; в Архиве ЛО ИВАН хранятся пять эскизов А. М. Легашева.

²⁸ «Горный журнал», 1838, т. II, кн. 2, стр. 34—59.

²⁹ А. А. Бунге, Описание новых родов и видов китайских и монгольских растений,—«Уч. зап. Казанск. ун-та», 1835, кн. IV, стр. 154—180.

В «Биографическом словаре деятелей естествознания и техники» (под ред. А. А. Зворыкина, М., 1958, т. I, стр. 118) указана и другая работа Бунге, являющаяся результатом его путешествия в Китай: «Enumeratio plantarum, quas in China boreali collegit. Anno 1831.—«Mémoires presentes a l'Académie imp. des sciences de St. Pétersbourg par divers savans», 1835, vol. 2, стр. 75—148.—Прим. ред.

³⁰ «Дело об имуществе, оставшемся в Китае после португальских миссионеров» — ЦГИА, ф. 796, оп. 44, № 9, 35 л.; каталог библиотеки португальской миссии см.: АВПР, ф. Главн. архив, 1—5, 1823, № 1, папка 44, л. 90—144. Специальный пункт в инструкции предназначен приставу двенадцатой миссии Н. И. Любимову («Китайский благовестник», 1916, вып. 5—6, стр. 12).

³¹ О двенадцатой духовной миссии см.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12, стр. 12—19.

³² К. Маркс, История торговли опиумом, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 564—571.

³³ Сведения о занятиях членов миссии китайским языком см. в специальной статье, посвященной письмам В. В. Горского к родным: «Страница из истории православной русской миссии в Китае (Письма миссионера)», — «Богословский вестник», 1897, № 5, 8, 10, 11; 1898, № 1, 2, 4, 7, 8, 10, 12. Здесь же В. Горский пишет о С. В. Липовцове: «Человек пожилой, действительный статский советник с Владимиром на шее, имеет в Петербурге два дома. За перевод „Нового Завета“ получил от англичан 30 000 рублей». См. также: В. В. Горский, Два письма из Пекина, — «Отечественные записки», 1843, № 5, отд. «Смесь», стр. 15—20, прим. 33.

³⁴ В 1860 г. библиотека была возвращена римско-католическому духовенству и французскому посольству («Материалы, относящиеся до пребывания в Китае Н. П. Игнатьева в 1859—60 годах», СПб., 1895, стр. 109).

³⁵ Н. А. Петров, К истории изучения китайского языка в России (Рукописные словари, хранящиеся в Архиве востоковедов Института народов Азии АН СССР), — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 65—90.

³⁶ Биографические данные о П. И. Кафарове см.: Палладий [Кафаров], П. С. Попов, Китайско-русский словарь, т. I, 1888, стр. I—VI; Ф. Р. Остен-Сакен, [Предисловие], — в кн.: [П. Кафаров], Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, СПб., 1892, стр. I—IX; «Московские епархиальные ведомости», 1878, № 2, стр. 148; «Церковно-общественный вестник», 1879, № 12, стр. 5; см. также [168].

³⁷ П. Е. Скачков, Академик В. П. Васильев о П. И. Кафарове, — «Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 209.

³⁸ Там же, стр. 208. Эти слова свидетельствуют о том, что 251 страницу перевел с китайского и тибетского Кафаров. См.: С. А. Козин, Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева, — «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1931, стр. 763. Рукописи Кафарова находятся в архиве В. П. Васильева [Кафаров, № 1].

³⁹ См. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», СПб., т. I, 1852, стр. 385—489; т. II, 1853, стр. 97—168 (далее — «Труды...»).

⁴⁰ «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12, стр. 17.

⁴¹ «Труды...», т. I, стр. 1—187, 189—244.

⁴² А. А. Петров, Рукописи по Китаеведению и монголоведению, стр. 146—147.

⁴³ А. Ф. Селиванов, Биографии, Пенза, 1889, стр. 45—46; «Труды членов пекинской миссии, изданные А. А. Татионовым», — «Исторический вестник», 1886, ноябрь, стр. 454—455; Л. Ф. Змиев, Русские врачи-писатели, вып. II, стр. 127; «Свет», 1886, № 214; П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 144—146.

⁴⁴ Д. И. Литвинов, Библиография флоры Сибири, СПб., 1909, стр. 291—296; И. П. Бородин, Коллекторы и коллекции по флоре Сибири, стр. 231, 235. Как А. А. Татионов собирал коллекции, посылая обучающихся им для этой цели китайцев в разные районы Китая, рассказывает В. П. Васильев (ЖМНП, 1888, № 6, отд. II, стр. 420).

⁴⁵ Список трудов А. А. Татаринова см.: П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 144.

⁴⁶ «Труды...», т. II, стр. 357—441.

⁴⁷ ЖМНП, 1851, № 7, отд. VII, стр. 28—32; № 9, отд. VII, стр. 90—94.

⁴⁸ ЦГИА, ф. 789, № 103, 1838 г., л. 1; см. также «Дело о художнике Кондратии Корсалине, о поступлении его в ученики Академии, удостоенного звания художника, и об определении в Пекинскую миссию» — там же, д. 88, 1839 г.

⁴⁹ Дэ Мин, Поездка в Китай, — «Отечественные записки», 1842, № 9, стр. 26—27. Корсалин изучал и производство китайской туши, сам занимался ее приготовлением (см. «Журнал Мин-ва внутр. дел», 1852, февраль, стр. 263—267).

⁵⁰ О тринадцатой миссии наиболее полно см.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12, стр. 19—27. При назначении начальника тринадцатой миссии первоначально выбор пал на две кандидатуры: Гурия Карпова и Палладия Кафарова. В конце концов остановились на Кафарове. Подробно см.: Ф. Р. Остен-Сакен, [Предисловие], — в кн.: [П. Кафаров], Дорожные заметки на пути по Монголии..., архимандрита Палладия, стр. I—IV.

⁵¹ Сведения об этом весьма скудны и ограничиваются двумя фразами в «Китайском благовестнике» (1916, вып. 9—12, стр. 19) и у Чистовича в «Истории С.-Петербургской духовной академии» (стр. 382—385). В одной из статей К. А. Скачков писал: «Не могу не вспомнить и любимого выражения моего наставника (разрядка моя.— П. С.) знаменитого Иакинфа Бичурина, он говаривал: „Китай есть земля непреступная“» («Русский вестник», 1881, т. 156, № 11, стр. 371).

⁵² Этот путь подробно описан Е. П. Ковалевским в книге «Путешествие в Китай» (ч. I, СПб., 1853, стр. 192—194); см. также: Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956, стр. 133—140.

⁵³ [П. И. Кафаров], Откуда у нас метеорологическая станция. Донесение архимандрита Палладия в Азиатский департамент, № 34, 21 августа 1850 г., — «Китайский благовестник», 1916, вып. 5—6, стр. 20—22. Обсерватория в Пекине, организованная в 1849 г., в 1863 г. перешла в ведение Академии наук. С 1867 по 1883 г. директором обсерватории был Г. А. Фритше (ЦГИА, ф. 733, оп. 142, № 757).

⁵⁴ В. Крыжановский, Переписка начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия с генерал-губернатором Восточной Сибири гр. Н. Н. Муравьевым-Амурским, — «Русский архив», 1914, кн. 2, № 8, стр. 492—512; кн. 3, № 9, стр. 5—32; кн. 3, № 10, стр. 155—206.

⁵⁵ А[рхимандрит] П[алладий], Выписка из дневника, веденного в 1858 г. (С 17 января по 16 августа), — «Морской сборник», 1860, № 9, стр. 483—509; № 10, стр. 88—105; [П. И. Кафаров], Дневник архимандрита Палладия за 1858 г., СПб., 1912, 58 стр.

⁵⁶ «Труды...», т. III, 1857, стр. 1—102.

⁵⁷ Наиболее подробную биографию, составленную по архивным материалам, см.: П. Е. Скачков, Константин Андрианович Скачков (1821—1883). Биографический очерк, — в кн.: К. А. Скачков, Пекин в дни тайфунского восстания, М., 1958, стр. 11—36; Н. Веселовский, К. А. Скачков, — ЖМНП, 1883, № 6, стр. 98—103; З. Дигаров, Русский китаевед К. А. Скачков, — «Дружба», 28.IV.1956.

⁵⁸ А. Я. Купфер (1799—1865) — академик, заведовал метеорологической обсерваторией Академии наук.

⁵⁹ Полное название «Кайпи» — «Кайпи лишу туншу» («Исчисление лет начиная с создания мира»).

⁶⁰ Перевод названий китайских книг, а также о работах по астрономии см.: П. Е. Скачков, Константин Андрианович Скачков (1821—1883). Биографический очерк, стр. 17, 23.

⁶¹ «Шаншу яодянь» — глава из «Шуцзин».

⁶² К. А. Скачков, Загородный Ча-гуань на пекинском канале, — «Русский художественный листок», 1858, № 35, стр. 7 (рисунок чайной — художника миссии И. И. Чмутова).

- ⁶³ «Журнал сельского хозяйства», 1862, т. III, вып. 3, № 7, стр. 3—33. Первая статья К. А. Скачкова — «О разных породах шелковичных червей в Китае», («Журнал Мин-ва госуд. имущества», 1856, июль, стр. 79—84) — осталась незамеченной.
- ⁶⁴ В 1858 г. аббат Перни привез в Париж из Китая 50 коконов дикого дубового шелкопряда. Парижское общество акклиматизации вывело бабочек и яички, сделало описание этой новой в Европе породы шелкопрядов и назвало ее именем Перни. В русских журналах появились два перевода статей Перни, а приоритет русского ученого был утрачен из-за равнодушия чиновно-бюрократического аппарата царской России.
- ⁶⁵ ЖМНП, 1874, № 5, стр. 1—31.
- ⁶⁶ ИИРГО, 1874, т. X, стр. 321.
- ⁶⁷ К. А. Скачков, Судьба астрономии в Китае..., — ЖМНП, 1874, № 5, стр. 12.
- ⁶⁸ «Русский вестник», 1875, т. 115, № 2, стр. 512, 513.
- ⁶⁹ К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания, стр. 25.
- ⁷⁰ «Русский вестник», 1875, т. 115, № 1, стр. 7, 9.
- ⁷¹ Шрифт привезен не был, и К. А. Скачков в 1867 г. увез рукопись словаря в Китай, где передал ее для напечатания русскому купцу в Ханькоу, потом она оказалась у бывшего царского консула Островерхова, от его дочери попала к какому-то белогвардейцу, который увез ее в Америку.
- ⁷² Хранится в ОР ГБЛ, описание составлено А. И. Мелналкским.
- ⁷³ См. работы К. А. Скачкова: О торговле русских в Чугучаке, М., [1860], 29 стр. (из «Вестника промышленности», 1860, № 6, стр. 217—245); Положение о торговле в Чугучаке, — «Промышленность», 1861, т. III, № 18, стр. 615—625; Наши торговые дела в Китае, СПб., 1863, 44 стр.
- ⁷⁴ И. Ф. Бабков, Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875, СПб., 1912, стр. 127.
- ⁷⁵ Там же, стр. 38.
- ⁷⁶ Там же, стр. 110—112.
- ⁷⁷ «Дело Архива Конференции № 366. О предложении г-на Скачкова о покупке от него китайской библиотеки» — ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1864 г., № 23.
- ⁷⁸ ИИРГО, 1865, т. 10, стр. 149—151; т. 11—12, стр. 207—226; 1866, т. 4, стр. 105—120.
- ⁷⁹ «Беседы о сельском хозяйстве в Китае» опубликованы в приложении к журн. «Сельское хозяйство и лесоводство» (1867, январь, стр. 1—60; май, стр. 61—97).
- ⁸⁰ Совершенно непонятно, почему не было попыток использовать купленные графом Путятыным в Гонконге в начале 60-х годов матрицы китайских иероглифов, которые были привезены в Петербург в 1862 г. и разобраны акад. М. И. Броссе (см.: «Академическая типография. 1728—1928», Л., 1928, стр. 54—55). В 1870 г. в связи с Всероссийской мануфактурной выставкой был издан каталог «Образцы шрифтов», где был указан и китайский шрифт.
- ⁸¹ О китайском шрифте см.: «Труды III Международного съезда ориенталистов в Петербурге, 1876», т. I, СПб., 1879—1880, стр. CXLIII.
- ⁸² «О значении для русской торговли нового договора России с Китаем», — «Русский вестник», 1881, № 11, стр. 361—371; «О морской доставке чая из Китая», — «Голос», 25.X.1882; «Национальная китайская кухня», — «Вестник Европы», 1883, т. IV, кн. 7, стр. 69—74.
- ⁸³ Л. Ф. Змиев, Русские врачи-писатели, вып. 1, стр. 12; С. Ю. Липшиц, Русские ботаники..., т. I, стр. 105.
- ⁸⁴ [S. Basilewsky], Ichthyographia Chinae borealis scripta a Doctore medicinae Stephano Basilewsky, pekinensis Missionis membro..., Peking, 1852, — Nouveaux mémoires de la Société Imp. des naturalistes de Moscou..., 1855, t. X, стр. 215—263, 10 цветных таблиц.
- ⁸⁵ «Некоторые учено-хозяйственные известия из Пекина», — «Журнал Мин-ва внутр. дел», 1852, февраль, стр. 263—267 (из писем С. И. Базилевского).
- ⁸⁶ «Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии

художеств за сто лет существования», ред. и прим. П. Н. Петрова, СПб., т. II, 1864, стр. 225, 310, 352, 359, 373, 380, 381, 386, 389, 419, 421, 452; т. III, 1866, стр. 15, 94; «Художественная газета», 1840, № 20, стр. 3; «Отчет комитета Общества поощрения художников с 22 апр. 1840 по 28 апр. 1841», — «Художественная газета», 1841, № 14; «Каталог Третьяковской галереи», М., 1917, стр. 282; З. А. Верещагина, В. Ф. Тимм, СПб., 1911, стр. 84; ЦГИА, ф. 789, № 58, 1846 г., л. 5; № 171, 1848 г., л. 68.

⁸⁷ Е. [П.] Ковалевский, Путешествие в Китай, ч. I—II, СПб., 1853. Рисунки: вид с Великой стены, тип китайского купца и две сцены из уличной жизни; «Русский художественный листок», 1858, № 35; 1859, № 2. Рисунки: за стенами Пекина, чайная на пекинском канале, загородное гуляние, потомки албазинцев в Пекине, из них два опубликованы в кн. К. А. Скачкова «Пекин в дни тайпинского восстания» (стр. 44, 124).

⁸⁸ См. статьи П. Цветкова: «О христианстве в Китае (Из книги „Хайхо тучжи“)\», «Домашние обряды китайцев», «Замечания о соляном производстве в Китае», «О секте даосов», «Несторианский памятник XII века», «Записки китайца в Нагасаки».

⁸⁹ «Переезд из Пекина в Или», Пекин, 1907, 45 стр.

⁹⁰ «Труды...», т. III, стр. 460—473; «Восточный сборник», 1877, т. 1, стр. 67—145.

⁹¹ «О событиях, предшествовавших заключению Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров, см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, стр. 174—204, 283—326; П. И. Кабанов, Амурский вопрос, Благовещенск, 1959. Последнее издание текстов договоров см.: «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы», М., 1958.

Евфимий Васильевич Путятин (1803—1883) — граф, посол в Персии (1842 г.) и в Японии (1853—1855 гг.); в 1861 г. — министр народного просвещения.

⁹² Подробнее см.: Фань Вэнь-лань, Новая история Китая, т. I. 1840—1901, М., 1955, стр. 268—285.

⁹³ Николай Павлович Игнатьев (1832—1908) — дипломат и государственный деятель; в 1864—1877 гг. — посол в Турции, в 1881 г. — министр внутренних дел.

Ценность всех сокровищ, расхищенных, поломанных и уничтоженных во дворце Юаньминъюань (Хай-дянь), определялась в 60 млн. франков. Еще до отхода англо-французских войск от Пекина в начале октября 1860 г. дворец был сожжен и взорван английскими войсками. «От великолепных зданий не осталось камня на камне, а на месте тенистых садов и парков образовалась голая равнина» (И. Ф. Бабков, Воспоминания..., стр. 67—68, 71; см. также: А. О. Буксгевден, Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. I. Пекинский договор 1860 г., Порт-Артур, 1902).

⁹⁴ [П. И. Кафаров], Дневник архимандрита Паллады за 1858 г., СПб., 1912 (о вызове в Государственный Совет — стр. 5—8, об обороне Пекина — стр. 27).

⁹⁵ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I—IV, 1852—1866; изд. 2-е, Пекин, 1909—1910. О подготовке «Трудов...» к изданию см.: АВПР, ф. 347, I—5, № 1, папка 74, 555 л.

⁹⁶ «Записка Аввакума о рассмотрении некоторых сочинений бывших членов миссий», — АВПР, ф. 347, I—5, № 1, папка 74, л. 453—458.

⁹⁷ «Arbeiten der Kaiserlichen Russischen Gesandtschaft zu Peking über China, sein Volk, seine Religion, seine Institutionen, socialen Verhältnisse &c». Aus dem Russischen nach dem in St. Petersburg 1852—57 veröffentlichten Original von dr. Carl Abel und F. A. Mecklenburg, Bd 1—2, Berlin, 1858 (т. 1 — текст, т. 2 — иллюстрации).

⁹⁸ «Москвитянин», 1853, № 21, стр. 3—7; 1854, № 11, стр. 107—109.

⁹⁹ И. Б[ерезин], — «Отечественные записки», 1857, № 2, отд. «Библиография», стр. 74—77; см. также: Н. Щ[укин], — ЖМНП, 1853, № 9, отд. VI, стр. 187—200.

¹⁰⁰ «Труды...», т. III, стр. 281—292.

¹⁰¹ ЗИРГО, 1850, т. IV, стр. 224—259.

¹⁰² [П. Кафаров], Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, СПб., 1892 («Заметки Палладия» — стр. 35—113).

¹⁰³ Маршрут в русских изданиях не публиковался (см.: [П. Кафаров], Дорожные заметки на пути по Монголии, стр. 1).

¹⁰⁴ Э. В. Бретшнейдер во вводной статье к «Дорожным заметкам» (стр. 2) пишет, что Кафаров возвращался с четырнадцатой духовной миссией (приставом которой был П. Н. Перовский). Однако Кафаров возвращался с тринадцатой миссией. Перовский же, действительно бывший приставом четырнадцатой миссии, увозил в Россию состав предыдущей.

¹⁰⁵ «Русская старина», 1884, № 9, стр. 655—662.

¹⁰⁶ Упоминание об этих рукописях см.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12, стр. 39; рукопись перевода «Эр-ши-сы-сяо, т. е. краткие исторические рассказы числом 24 на тему о примерной почтительности к старшим в роде» находится в ОР ГБЛ, ф. 273, № 2874, л. 120—140.

¹⁰⁷ [Исайя Поликин], Русско-китайский словарь разговорного языка (пекинского наречия). Сост. и [ером]. Исайя, пекинский миссионер, Пекин, 1867, 536 стр.; Прибавление 1-е — Тяньцзинь, 1868; [2-е] — Пекин, 1870, 139 стр.

¹⁰⁸ Исайя [Поликин], Введение в русско-китайский словарь, Пекин, 1869; изд. 2-е под названием: Краткая китайская грамматика, с приложением о мерах, весах и деньгах, Пекин, 1900; изд. 3-е, Пекин, 1906.

¹⁰⁹ «Труды Русск. энтомологического об-ва», 1865, т. III, вып. 1, стр. 26—32; вып. 2, стр. 33—74.

¹¹⁰ А. Ф. Попов, Путевые заметки о Ханькоу и русских чайных плантациях, — «Записки по отделению статистики ИИРГО», 1871, т. II, стр. 537—571 (в конце статьи дан краткий биографический очерк А. Ф. Попова).

¹¹¹ «Вестник промышленности», 1860, № 11, стр. 98—104. Мало известна статья, опубликованная после смерти Попова: «Въезд французского и английского посланников в Пекин (Из дневника члена пекинской миссии)», — «Китайский благовестник», 1913, вып. 9, стр. 18—26.

¹¹² «Санкт-Петербургские ведомости», 1863, № 7, 17, 33, 47, 48, 53, 74—76, 89, 91, 102, 122, 127, 148, 165; 1864, № 12, 21.

¹¹³ ИИРГО, 1865, т. I, отд. II, стр. 82—88.

¹¹⁴ Из замечаний Аввакума Честного по поводу статей Попова, Татиринова, Иванова и др. видно, что, находясь в Азиатском департаменте, Честной имел близкое отношение к изданию «Трудов...» [147].

¹¹⁵ К. Павлинов, Из Пекина (от 26 мая 1862 г.), — «Кяхтинский листок», 1862, № 11, стр. 6.

¹¹⁶ И. С. Бруннерт, В. В. Гагельстром, Современная организация Китая, Пекин, 1910.

¹¹⁷ Упоминание о них см.: «Четырнадцатая миссия», — «Китайский благовестник», 1915, вып. 9—12, стр. 40.

¹¹⁸ П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 147—148.

¹¹⁹ «Протоколы заседаний русских врачей», 1862—1863, стр. 35—54.

¹²⁰ Полный список трудов П. А. Корниевского см.: П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 148.

¹²¹ «Дело относительно определения в ученики Академии воспитанника семинарии Игорева и минской гимназии Чеховича» — ЦИАЛ, ф. 789, оп. 1, № 2965, 1845, д. 57; «Дело о назначении академика Игорева в Пекинскую духовную миссию и об изготовлении ему инструкции» — там же, № 37, 1857, д. 37; «Письмо из Саратова» Л. Прокопаева, — «Среди коллекционеров», 1924, № 3—4, стр. 68; «Сборник материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств...», т. III, стр. 211; Г. Ю. Смирнов, Очерки о жизни и творчестве художников..., стр. 564.

¹²² Л. Игорев, Поездка русского художника в окрестные горы Пекина, — «Кяхтинский листок», 1862, № 18, стр. 4—12.

¹²³ «Восточный сборник», т. I, 1872, вып. I.

¹²⁴ «Современник», 1863, № 6, стр. 403—438. В сноске издатель пишет: «Сколько поэтических сторон и сколько задушевных стремлений заключает жизнь народа, которого привыкли считать коснеющим в самом грубом материализме...».

¹²⁵ [П. Кафаров], Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край (письма архим. Палладия),—ИИРГО, 1870, т. VI, стр. 176—178, 233—238; 1871, т. VII, стр. 91—97, 123—124, 263, 325—327, 355—357, 369—377. [Материалы об этом путешествии опубликованы в художественном переложении советским Китаеведом В. Е. Ларичевым в книге «Путешествие в страну восточных иноземцев» (Новосибирск, 1973).—Прим. ред.]

¹²⁶ Заметки опубликованы за подписью «Пек. корр.» («Пекинский корреспондент»). См.: П. П. Семенов, История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845—1897, СПб., 1896, стр. 256. В «Библиографии Китая» П. Е. Скачкова (№ 9770) псевдоним неправильно приписан К. А. Скачкову.

¹²⁷ «Труды...», т. IV, стр. 1—258.

¹²⁸ А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., стр. 61; перевод на русский язык «Юань-чао миши» был высоко оценен и известным советским монголоведом академиком Б. Я. Владимирцовым в его книге «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934, стр. 6).

¹²⁹ «Восточный сборник», т. I, 1877, стр. 149—294.

¹³⁰ Хэ Цю-тао — крупный китайский историк XIX в. Автор известного труда «Шофан бэйчэн» (1881), а также ряда других работ.

¹³¹ «Записки Сибирск. отдела ИРГО», 1867, т. IX—X, вып. 11, стр. 582—591; «Geographical Magazin», 1875, стр. 9—11 (пер. E. Schuller).

¹³² Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 9.

¹³³ «Труды...», т. IV, стр. 259—434.

¹³⁴ «Китайская литература магометан. Изложение содержания магометанского сочинения на китайском языке под заглавием „Юй-лань-чжи-шен-ши-лу“ (то-есть „Высочайше читанное жизнеописание святешего“), составленное китайским мусульманином Лю Цзе-лянь»,—«Труды Вост. отдел. Русск. археол. об-ва», 1877, т. 17, стр. 453—460.

¹³⁵ П. Кафаров, О магометанах в Китае (с планом одной из пекинских мечетей),—«Труды...», т. IV, стр. 435—460.

¹³⁶ [П. Кафаров], Китайская литература магометан. Покойного о. архимандрита Палладия, начальника Пекинской духовной миссии 1848—1855 и 1864—1878 гг., СПб., 1887, 334 стр.

¹³⁷ «Восточный сборник», т. I, вып. I, 1872, стр. 47—49А.

¹³⁸ ЗВОРАО, 1892, т. VI, стр. 305—308.

¹³⁹ Palladius, Elucidations of Marco Polo's travels in North-China, drawn from Chinese sources,—«Journal of the North-China, Branch of the Royal Asiatic Society», 1876, fr. 3, vol. X, стр. 1—54.

¹⁴⁰ [П. Кафаров], Комментарий архимандрита Палладия Кафарова на путешествие Марко Поло по Северному Китаю,—ИИРГО, 1902, т. 38, стр. 1—44; то же, СПб., 1902, 47 стр.

¹⁴¹ И. П. Магидович в «Книге Марко Поло», изданной в 1956 г., по неизвестной причине пренебрег «Комментарием» Кафарова. Отметив на титульном листе, что это перевод И. П. Минаева, Магидович не упомянул и редактора перевода академика В. В. Бартольда. В списке литературы пропущена также статья К. А. Скачкова «О заслугах венецианца Марко Поло по распространению географических познаний об Азии» (ЗИРГО, 1865, т. 11—12, стр. 207—226). Такое забвение специальной Китаеведческой литературы существенно обедняет исследование.

¹⁴² Архив ЛО ИВАН, ф. 12, оп. 2, № 277 (письмо Кафарова от 30 августа 1878 г., адресованное «Луке Прокопьевичу»).

¹⁴³ П. Е. Скачков, Академик В. П. Васильев о П. И. Кафарове,—«Советское Китаеведение», 1958, № 4, стр. 209.

¹⁴⁴ П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине.

¹⁴⁵ И. Палибин, Э. В. Бретшнейдер (Некролог).— «Изв. Ботанического сада», 1901, № 4, стр. 3—13.

¹⁴⁶ E. Bretschneider, Ancient Geographical Names.— «Notes and Queries on China and Japan», Shanghai, 1870, vol. IV, art. 69, стр. 49—61; art. 107, стр. 104—113.

¹⁴⁷ E. Bretschneider, On the Knowledge Possessed by the Ancient Chinese of the Arabs and Arabian Colonies and Other Western Countries, Mentioned in Chinese Books, London, 1871, 27 стр.

¹⁴⁸ E. Bretschneider, Notes of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. Drawn from Chinese and Mongol Writings and Compared with the Observations of Western Authors in the Middle Ages, London, 1876, стр. 234; *idem*, Chinese Intercourse with the Countries of Central and Western Asia during the Fifteenth Century.— «China Review», 1876, vol. I, стр. 312—317; vol. II, стр. 385—394; vol. III, стр. 13—40; vol. IV, стр. 109—132; vol. V, стр. 165—182; vol. VI, стр. 227—241.

¹⁴⁹ E. Bretschneider, Archeological and Historical Researches on Peking and Its Environs, London, 1876, 63 стр.; *idem*, Recherches archeologiques et historiques sur Pékin et ses environs. Ouvrage couronné par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Traduction française par V. Collin de Plancy, Paris, 1879, 133 стр.

¹⁵⁰ «Deutsche Geographische Blätter», Bremen, 1878.

¹⁵¹ [Кафаров] Палладий. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. архимандрита Палладия, с введением доктора Э. В. Бретшнейдера и замечаниями проф. член-соп. А. М. Позднеева, СПб., 1892, 248 стр. (отд. отт. из ЗИРГО по общ. геогр., XXII, 1892, вып. 1).

¹⁵³ «Mediaeval Researches. From Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century», vol. 1—2, London, 1888, 628 стр. 2 carte.

¹⁵⁴ «Botanicon Sinicum. Notes on Chinese Botany from Native and Western Sources», pt I, Introduction in Chinese Botanical Works Literature.— «Journal of the North-China Branch of the Royal Asiatic Society», N. Ser., 1881, vol. XVI, стр. 1—210; pt II, The Botany of the Chinese Classics. With Annotations and Appendix by the Rev. V. Faber.— *ibid.*, 1892, vol. XXV, 492 стр.; pt III, Botanical Investigation into the Materia Medica of the Ancient Chinese.— *ibid.*, 1895, vol. XXIX, 623 стр.

¹⁵⁵ «Early European Researches into the Flora of China», Shanghai—London, 1881, 194 стр.

¹⁵⁶ «History of European Botanical Discoveries in China», vol. 1—2, London—St. Petersburg, 1898, XV, 1167 стр. (пец.: «Beihefte zum Botanischen Centralblatt», 1899, Bd IX, H. 1, стр. 28—52).

¹⁵⁷ H. Cordier, Le docteur Emil Vasilevitch Bretschneider. Necrologie.— «Toung Pao», 2me série, 1901, vol. II, стр. 1—5; Kingsmill, Dr. Emil Vasil. Bretschneider.— «Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society», 1900—1901, vol. XXXIII, № 8, стр. 304—307.

¹⁵⁸ Е. Ф. Тимковский занимал в Министерстве иностранных дел с 1830 г. различные должности. Инструкцию Тимковскому МИД см.: В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год, т. II, СПб., 1872, стр. 659—663; 669—677 (отчет Тимковского — стр. 702—728); «Записка К. А. Скачкова о Тимковском, прочитанная в Общем собрании Русского географического общества 5 марта 1875 г.».— «Московские ведомости», 1875, № 66 (там же см. поправку Боднарского к статье К. А. Скачкова); Е. Ф. Тимковский, Воспоминания.— «Киевская старина», 1894, т. 44, стр. 361—381 (биографические сведения, отзыв о нем как о «патриархе тех русских, которые изучают китайскую империю» — стр. 362) [183].

¹⁵⁹ [Е. Ф. Тимковский], Дневные записки Е. Ф. Тимковского во время пребывания его в Пекине, с 1 декабря 1820 по 15 мая 1821 г.— «Сибирский вестник», 1823, ч. 1, кн. 4, стр. 63—76; кн. 5, стр. 77—88; ч. 2, кн. 7, стр. 89—100; кн. 8, стр. 101—120; кн. 9, стр. 121—138; кн. 10, стр. 139—150;

кн. 11, стр. 151—160; 1824, ч. 3, кн. 13 и 14, стр. 169—194; кн. 15 и 16, стр. 195—220; кн. 17 и 18, стр. 221—228; его же, Отрывок из новейшего путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.,— «Северный архив», 1823, № 5, стр. 440—452; № 6, стр. 514—536; № 7, стр. 52—73; № 8, стр. 136—150; его же, «Сун[Чжун-тан] китайский министр и военачальник (при имп. Даогуане)»,— «Сибирский вестник», 1823, ч. 1, стр. 1—6. В рукописи находится его работа «Россия и Китай или историческое обозрение отношений между сими государствами», 1848 г. (ОР ГПБ, шифр — Поступление 1950 г., 9, 210 л.).

¹⁶⁰ Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 гг., т. 2, стр. 70. Подробности об этой школе и результатах обучения русскому языку см.: там же, стр. 71—72.

¹⁶¹ [G. Timkovsky], Voyage a Peking travels la Mongolie en 1820 et 1821 Geo Timkovsky. Trad du russe par M. N., revue par J. B. Eyries, publ. avec des corrections par J. Klaproth, vol. 1—2, Paris, 1827; G. Timkovsky. Travels of the Russian Mission through Mongolia to China and residence in Peking, in the Years 1820—1821, with corrections and notes by Jul. v. Klaproth, vol. 1—2, London, 1827, 8; [Jerzy Tymkowski], Podróż do Chin przez Mongolię w latach 1820 i 1821, przez Jerzego Timkowskiego odbyta, z rossyjskiego zaś na polski język przez T. W. Kochańskiego... przelożona, t. 1—2, Lwów, 1827—1828, 8°; G. Timkovski, Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821, aus dem Russischen übers. von J. A. E. Schmidt, Th. 1—3, Leipzig, 1825—1826, 8°; idem, Th. 1—3, Wien, 1826; G. Timkovski, Reis naar China door Mongolije gedurende de jaren 1820 en 1821, deel 1—3, Haarlem, 1826, 8°.

¹⁶² «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 9, стр. 225—234.

¹⁶³ Н. Я. Бичурин, Разбор критических замечаний и прибавлений Г-ня Клапрота к Французскому переводу книги «Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах»,— «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 12, стр. 467—486; ч. 22, № 13, стр. 50—65. Тимковский не мог показать рукопись своей книги Бичурину перед ее изданием, так как последний находился уже на Валааме.

¹⁶⁴ «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 12, стр. 464.

¹⁶⁵ Там же, ч. 22, № 13, стр. 65.

¹⁶⁶ Э. В. Бретшнейдер, Введение,— в кн.: [П. Кафаров], Дорожные заметки..., стр. 24.

¹⁶⁷ Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай..., т. 1, стр. VI—VII.

¹⁶⁸ [Ф. Сморжевский], Выписка из замечаний о пекинских духовных миссиях, писанных иеромонахом Феодосием Сморжевским, бывшим в пекинской миссии при архимандрите Ервасии Линцевском с 1745 по 1755 г.,— «Материалы для истории Российской духовной миссии...», стр. 65—71.

¹⁶⁹ [Ф. Сморжевский], Об иезуитах в Китае (Отрывок из китайских записок Феодосия Сморжевского),— «Сибирский вестник», 1822, ч. 19, кн. 8, стр. 197—222; кн. 9, стр. 223—252; ч. 20, кн. 10, стр. 253—280; кн. 11, стр. 281—296; кн. 12, стр. 297—324.

¹⁷⁰ «Реестр китайским и маньчжурским книгам, купленным в Пекине. 1821 г.»— Е. Ф. Тимковский, Путешествие в Китай..., т. 2, стр. 381—386, 390—396; «Рисунки раскрашенные китайских костюмов, представленные от бывшего при Пекинской духовной миссии монаха Иакинфа»,— там же, стр. 387—390.

¹⁷¹ «S.-Petersburger Zeitung», 1833, № 144.

¹⁷² П. Е. Скачков, Русские врачи... в Пекине, стр. 139—145.

¹⁷³ [М. В. Ладыженский], Дневник, веденный в Пекине с 1 декабря 1830 г.,— «Известия братства православной церкви в Китае», 1907, вып. 43—55; «Китайский благовестник», 1907, вып. 3—4; 1908, вып. 14—17, 20—22, 25—32, 34; 1909, вып. 5—10; 1910, вып. 2—22; 1911, вып. 8—13; 1912, вып. 7; 1913, вып. 5—28; 1916, вып. 9—19, стр. 53—57. Авторство установлено по рукописи, хранящейся в Архиве ЛО ИВАН. Рукопись — неполная, 118 первых страниц отсутствуют. В тексте рукописи и отдельно есть рисунки, планы.

¹⁷⁴ Рукопись Ладыженского, стр. 202—222.

¹⁷⁵ С. Черепанов, Дневник русского, веденный в Пекине,— «Библиотека для чтения», 1856, № 3—4, стр. 1—23, 125—154.

¹⁷⁶ «Проект Инструкции пристава Пекинской духовной миссии» с дополнениями,— «Китайский благовестник», 1916, вып. 5—6, стр. 11—20. Биографию Н. И. Любимова см.: Н. И. Веселовский, Поездка Н. И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г. под видом купца Хорошева, СПб., 1909, стр. 1—7.

¹⁷⁷ Наиболее полную биографию Е. П. Ковалевского со списком опубликованных работ см.: Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956, 200 стр.

¹⁷⁸ См. статьи Е. П. Ковалевского: Кульджа, Чугучак и города западной границы Китайской империи (из неизданных записок),— «Мануфактурные и горнозаводские известия», 1842, № 1, стр. 4—7; № 2, стр. 12—14; О золотом производстве в Западных областях Китая,— «Горный журнал», 1845, т. I, кн. I, стр. 121—128; Путь каравана (из дневника русского офицера при переезде из Семипалатинска в пределы Китайских владений),— «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений», 1846, т. 62, № 245, стр. 7—27; О разработке каменного угля в окрестностях Пекина и о добыче золота в Китае,— «Горный журнал», 1852, т. II, кн. IV, стр. 46—54; Китай в 1849 и 1850 годах,— «Отечественные записки», 1853, № 3, стр. 1—46; № 4, стр. 71—102; № 5, стр. 1—38 (вся публикация помещена в отделе «Наука и искусства»).

¹⁷⁹ «Трактат, заключенный между Россией и Китаем о торговле в Кульдже и Чугучаке»,— «Русско-китайские отношения. 1689—1916», стр. 26—28.

¹⁸⁰ Несколько подробнее об этом периоде жизни Ковалевского см.: Б. А. Вальская, Путешествия Егора Петровича Ковалевского, стр. 149.

¹⁸¹ «Современник», 1853, т. XI, II, стр. 39—48.

Глава V

¹ П. С. Савельев, Предположения об учреждении Восточной академии в С.-Петербурге в 1733 и 1810 гг.,— ЖМНП, 1856, № 3, отд. III, стр. 27—36. Г. Я. Кер (1692—1740) — нумизмат, арабист и семитолог. В Россию приехал в 1732 г. Служил в Коллегии иностранных дел (М. Шувалов, Очерк жизни и деятельности Г. Я. Кера,— «Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел», вып. 5, М., 1893; архивное дело о Кере см.: ЦГАДА, ф. 191, № 145).

Обзор проектов организации преподавания восточных языков в университетах России изложен в хронологической последовательности В. В. Бартольд в «Материалах для истории факультета восточных языков, т. 4. Обзор деятельности факультета. 1855—1905» (СПб., 1909). «Материалы для истории факультета восточных языков. Т. 1, 1854—1864 гг.» (СПб., 1905), собранные под руководством В. В. Бартольда, содержат документы по истории факультета за указанный период (далее «Материалы...»).

² И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 47. [О проекте Г. Я. Кера см. также: «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, стр. 8—10.— Прим. ред.]

³ «Mémoire sur la fondation d'une Académie Asiatique, par le conte Potozki» (см. прим. 2 к гл. III).

⁴ «Projet d'une Académie Asiatique», St. Pétersbourg, 1810.

⁵ «Материалы...», т. 4, стр. 35—36. В проекте указано на четыре «главных отрасли восточной филологии» — литература индийская, китайская, мусульманская и еврейская. К проекту приложены таблицы пособий для курсов и литератур; для первых трех отраслей таблицы составлены Ю. Клапротом.

⁶ «Об учреждении при Санкт-Петербургском университете отделения восточных языков. 1827—1835»,— ЦГИА, ф. 737, оп. 1, № 49950, 204 л. В. В. Бартольд эту записку не видел. На стр. 42 «Материалов...» (т. 4) он

пишет: «...первоначальная мысль, по-видимому (разрядка моя. — П. С.), принадлежала Сенковскому», ссылаясь на «Материалы...» (т. 1, стр. 134—135), где приведен документ «О прежнем проекте учреждения при С.-Петербургском университете полного отделения восточных языков».

⁷ [О. И. Сенковский долгое время являлся единственным из русских арабистов, знавшим арабские страны по личному наблюдению и преподававшим в университете (1822—1847 гг.) разговорный арабский язык. См.: С. М. Бучнева, Арабистика (1818—1917), — «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», М., 1972, стр. 270. — *Прим. ред.*]

⁸ «Материалы...», т. 1, стр. 96—103; т. 4, стр. 41—44; ЦГИА, ф. 737, оп. 1, № 49950 (записка Сенковского — л. 20—25; замечания Шармуа — л. 26—34 (на франц. яз.); мнение Френа — л. 35—53; «Проект положения для Отделения восточных языков и словесности» — л. 94—102, с подписью Н. Я. Бичурина).

⁹ «Материалы...», т. 1, стр. 45—49.

¹⁰ Там же, стр. 60.

¹¹ Г. Ф. Шамов, Роль Н. И. Лобачевского в создании Восточного разряда в Казанском университете, Казань, 1956, стр. 8.

¹² Там же, стр. 11; см. также [238].

¹³ О. М. Ковалевский, Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете до настоящего времени, Казань, 1842, стр. 18. О восточном факультете Казанского университета существует сравнительно большая литература (см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, 1960, № 17998—18013; см. также: «Материалы...», т. 1, стр. 1—14, 26—27, 31 и др.; т. 4, стр. 60—64; Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, — «Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. 1876», т. 1, СПб., 1879—1880, стр. 111—113, 174—176, 179, [228—243]).

¹⁴ А. И. Сосницкого, как хорошо знающего китайский язык и историю Китая, рекомендовал Азиатскому департаменту П. И. Каменский, см. «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета. 1804—1904. В двух частях», под ред. Н. П. Загоскина, ч. 1, Казань, 1904 (В. П. Васильев — стр. 222—224; Д. Сивиллов — стр. 228—229; О. П. Войцеховский — стр. 225—226).

¹⁵ О. М. Ковалевский, О знакомстве европейцев с Азией, Казань, 1837; изд. 2-е, 1839.

¹⁶ Конспект не опубликован [Сивиллов, № 15]. Наиболее полное его содержание дано Г. Ф. Шамовым в статье «О начальном этапе преподавания китайского и маньчжурского языка в Казанском университете» («Уч. зап. Казанск. ун-та», т. III, 1957, кн. 2, стр. 58—61).

¹⁷ Там же, стр. 59.

¹⁸ Предложение С. С. Уварова Конференции Академии наук поручить чл.-корр. Н. Я. Бичурину рассмотреть «Китайскую хрестоматию» Д. Сивиллова и дать о ней отзыв см.: ЛО ААН, ф. 1, оп. 2, 1840 г., № 2; оп. 1а, № 62; письмо Бичурина непременно секретарю академику П. Н. Фусу от 4 февраля 1840 г. с отзывом — № 96; письмо Бичурина П. Н. Фусу о втором просмотре «Китайской хрестоматии» с замечаниями о ней — № 537; сообщение об ответной критике Д. Сивиллова на замечания Бичурина — оп. 1а, № 62.

¹⁹ Текст отзыва см.: ЛО ААН, ф. 1, оп. 2, 1840 г., № 5, § 96.

²⁰ Цит. по: Г. Ф. Шамов, О начальном этапе преподавания..., стр. 60.

²¹ К. Фойгт, Обзорение хода и успеха преподавания азиатских языков в императорском Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 г. Казань, 1852, стр. 14 и др. (отд. отт. из «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1852, кн. 1, стр. 103—143).

²² Потье (Jean-Pierre-Guillaume Pauthier, 1801—1873) — французский синолог. Перевел «Дасюе». Автор «Chine, ou Description historique, géographique et littéraire de ce vast empire, d'après des documents chinois» (Paris, 1837).

- ²³ Даниил [Сивиллов] (пер.), Всеобщая история Китая, Казань, 1838; его же, Перевод с китайского языка из книги под заглавием «Драгоценное зеркало для просвещения ума», — Казань, 1837, 32 стр.; то же, — «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1837, т. II, стр. 139—158; т. III, стр. 100—110.
- ²⁴ А. Артемьев, Письмо из Казани. О жизни О. П. Войцеховского, — «Москвитянин», 1851, № 4, стр. 263—266; об О. П. Войцеховском см.: Л. Ф. Змиев, Русские врачи-писатели, вып. I, СПб., 1886, стр. 54; «Отчет Казанск. ун-та за 1850—1851 гг.», Казань, 1851, стр. 225—226; см. также: «Друг здравия», 1851, № 20, стр. 1—2; «Северная пчела», 1851, № 47, стр. 185—186; «Казанск. губ. ведомости», 1851, № 3, стр. 19—23; ЖМНП, 1851, № 3, отд. VII, стр. 81—84; «Огонек», 1939, № 31, стр. 32; «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 140—142.
- ²⁵ См. подробнее в ст.: П. Е. Скачков, Русские врачи при Российской духовной миссии в Пекине, — «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 140.
- ²⁶ К. Фойгт, Обзорные хода и успеха..., стр. 14.
- ²⁷ Об этих пособиях Войцеховского см.: А. С. Шофман, Г. Ф. Шамов, Восточный разряд Казанского университета, — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, 1956, стр. 436.
- ²⁸ Заглавия не имеет. Находится в ЦГА ТатАССР (ф. 10, № 841, 144 л.), относится к 1828—1830 гг. Подробными сведениями об этой рукописи автор обязан Г. Ф. Шамову. См. также: [Сосницкий, № 1—4].
- ²⁹ Н. И. Веселовский, Сведения..., стр. 178.
- ³⁰ «Китайско-русский словарь, расположенный по ключам, с прибавлением первоначальных понятий о китайском языке и дополнение», т. 2, 636 стр., — Б-ка Вост. фак. ЛГУ, ХУЕ F—28. Иероглифы написаны рукой Рушко.
- ³¹ Н. И. Веселовский, Сведения..., стр. 178.
- ³² «Инструкция Казанского университета казеннокоштному студенту Зоммеру, на основании замечаний императорской С.-Петербургской Академии наук, одобренных г. Министром народного просвещения, 4 декабря 1844 г. № 1641, составленная ординарным профессором Ковалевским и утвержденная г. попечителем Казанского учебного округа 29 января 1845 г., [б. м.], [б. г.].
- ³³ Непременный секретарь Академии наук П. Н. Фус письмом к Н. И. Зоммеру выразил от имени Историко-филологического отделения одобрение его трудам и надежду на их продолжение.
- ³⁴ «Уч. зап. Казанск. ун-та», 1851, т. I, стр. 109—177.
- ³⁵ «Библиография Востока», 1934, вып. 7, стр. 26; Е. Жилкин и М. Нугманов, Из истории изучения китайской философии в России. (О диссертации Н. И. Зоммера «Об основаниях новой китайской философии»), — «Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 149—150. Для характеристики диссертации статья почти ничего не дает, авторы даже не учли замечаний А. А. Петрова.
- ³⁶ См. прим. 24 к настоящей главе.
- ³⁷ ЖМНП, 1851, № 6, отд. III, стр. 112; перечень его трудов см.: ЖМНП, 1874, № 11. А. И. Артемьев был в переписке с В. П. Васильевым. В архиве последнего сохранилось пять писем Васильева к Артемьеву, датированных 1857, 1861, 1864 и 1868 гг. В последнем письме В. П. Васильев, посылая какую-то рукопись на прочтение и отзыв, пишет: «Кроме Вас решительно не знаю, кому бы мог довериться...» (ЛО ААН, ф. 775, оп. I, письма).
- ³⁸ «Лексикон китайско-российский, составленный по Дегиню». Два тома, 9 частей, 1269 стр. (ОР ГПБ, Г-ХVI.6), надпись: «Писан рукою действительного статского советника Е. К. Огородникова в бытность его студентом факультета восточных языков Казанского университета в 30-х годах».
- ³⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 30.
- ⁴⁰ Излагая здесь обстоятельства перевода восточного факультета из Казани в Петербург с наимозможной краткостью, напоминаю о весьма подробном подборе всех относящихся к этому вопросу документов, собранных В. В. Бартольдом в «Материалах...», т. 1, стр. 90—92. См. также [244—291].

⁴¹ Кавказский комитет образован в 1840 г. для управления Закавказским и Кавказским краями.

⁴² «Материалы...», т. 1, стр. 85; о проекте устава и штате «Императорского Санкт-Петербургского Азиатского института» см. также стр. 45—66.

⁴³ «Материалы...», т. 1, стр. 90—92. Весьма интересны замечания А. К. Казем-Бека на отношении Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

⁴⁴ «Материалы...», т. 1, стр. 94.

⁴⁵ В «Материалах...» (т. 1, стр. 96) приводится только цитированная приписка, но не раскрывается повод к такому распоряжению Николая I. Поскольку этот вопрос нигде в литературе не освещен, мы излагаем его более подробно.

⁴⁶ «Материалы...», т. 1, стр. 107, 112—116.

⁴⁷ Там же, стр. 66—69 («Краткая записка [В. П. Васильева] об учреждении Центрального Учебного отделения»).

⁴⁸ «Материалы...», т. 4, стр. 77—78.

⁴⁹ А. В. Попов, Краткий исторический взгляд на развитие преподавания восточных языков в русских университетах и других учебных заведениях Министерства народного просвещения, — ЖМНП, 1855, № 10, стр. 1—11.

⁵⁰ Там же, стр. 12—21.

⁵¹ Наиболее полную биографию и библиографию опубликованных трудов и рукописей В. П. Васильева см.: «Русский китаевед академик Василий Павлович Васильев (1818—1900)», — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 2, М., 1956, стр. 232—340; С. А. Венгерова, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, отд. II, стр. 149—155; П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 18510—18530; С. А. Козин, Библиографический обзор изданных и неизданных работ академика В. П. Васильева по данным Азиатского музея Академии наук СССР, — «Изв. АН СССР. Отдел. обществ. наук», 1931, стр. 759—774 [см. также: «История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева)», М., 1974, стр. 7—118. — *Прим. ред.*].

⁵² С. А. Венгерова, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. IV, отд. II, стр. 150.

⁵³ «Отечественные записки», 1840, № 3—4, отд. «Смесь», стр. 16—18. В 1851 г. П. И. Мельников-Печерский рекомендовал М. П. Погодину В. П. Васильева как ученого: «Этот новый синолог не в версту будет знаменитому Иакинфу Вичурину», — Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XI, СПб., 1890, стр. 472.

⁵⁴ К. Фойгт, Обзорение хода и успехов..., стр. 50—56.

⁵⁵ ЖМНП, 1872, № 9, отд. II, стр. 82—124.

⁵⁶ Перовский в письме из Иркутска 10 января 1857 г. сообщает, как узнал о смерти И. А. Ладухина: «Начальник штаба в разговоре о разных обыкновенных предметах говорит: „Ах, боже мой, я забываю вам сказать, что ваш Ладухин утонул“. У меня подкосились ноги. Я не хотел верить, что это правда» [249, л. 8]. Так как Ладухин был отправлен «по собственному желанию», вдова с тремя детьми никакой пенсии не получила. Таков факт!

⁵⁷ См. статьи В. П. Васильева: О существовании огнедышащей горы в Маньчжурии, — «Вестн. имп. Русск. геогр. об-ва», 1855, т. V, раздел «Смесь», стр. 31—36; Графическая система китайских иероглифов, — ЖМНП, 1856, № 12, стр. 333—358; Описание Маньчжурии, — ЗИРГО, т. XII, 1857, стр. 1—109; Выписка из дневника, веденного в Пекине, — «Русский вестник», 1857, т. 9, № 10, стр. 145—200; № 12, стр. 477—497.

⁵⁸ В. П. Васильев, Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. Составлен для руководства студентов, СПб., 1867, XVI, 456 стр.

⁵⁹ Д. А. Пешуров, Китайско-русский словарь (По графической системе), СПб., 1891, X, 266 стр.; O. Rosenberg, Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System, Tokyo, 1916; В. С. Колоколов, Краткий китайско-русский лексикон, М., 1927; его же, Краткий китай-

ско-русский словарь по графической системе, М., 1935; «Китайско-русский словарь», под ред. проф. И. М. Ошанина, М., 1952; изд. 2-е, М., 1955; «Краткий китайско-русский словарь», сост. Г. М. Григорьев, под ред. проф. И. М. Ошанина, изд. 2-е, М., 1962.

⁶⁰ «Der Buddhismus, seine Dogmen, Geschichte und Literatur, von W. Wassiljew, Professor der chinesischen Sprache an der Kaiserlichen Universität zu St. Petersburg. Th. 1, Allgemeine Übersicht; aus dem Russischen übersetzt von A. Schiffner», St. Petersburg, 1860, XV, 381 стр. (реу.: Barthelemy St. Hilaire, — «Journal des Savans», 1861, février, стр. 65—77; «Revue germanique», 1860, December 31; Schiffner, — «Mélanges asiatiques», t. II; Benfeу, — «Göttinger gelehrte Anzeigen», 1859, Februar). «Le Bouddisme, ses dogmes, son histoire et la littérature, pt. 1, Aperçu général par M. V. Vassilieff, professeur de langue chinoise à l'Université impériale de Saint-Petersbourg, traduit du Russe par M. G. A. La Comme, et précède d'Un Discours préliminaire, par M. Ed Laboulaye, Paris, 1863, 398 стр.

⁶¹ «Отечественные записки», 1857, № 8, отд. «Критика и библиография», стр. 110. Рецензия И. Н. Березина в ЖМНП (1857), № 7, отд. VI, опубликована в сокращенном варианте.

⁶² «Отечественные записки», 1857, № 8, отд. «Критика и библиография», стр. 114.

⁶³ ОР ГБЛ, ф. 218, Собр. рукописей, картон 763, № 1, письмо от 1886 г.: «Только вот уже месяца два находится в бездействии начатой мной буддийский терминологический лексикон, некогда приняты за третью корректуру двух первых листов». «Думаю о своем буддологическом, уже другой год начал его печатать,— пишет он в письме от января 1888 г.— а он не подвинулся далее 2-х листов в гранках, нет уж видно не первая пора деятельности, энергия пропала» (там же, № 2). Таким образом, приведенные С. Ф. Ольденбургом в статье «Василий Павлович Васильев как исследователь буддизма» (ЖМНП, 1900, № 7, отд. IV, стр. 70) данные, что В. П. Васильев внес предложение об издании терминологического словаря за две недели до своей смерти, надо считать ошибочными.

⁶⁴ ЖМНП, 1900, № 7, отд. IV, стр. 69.

⁶⁵ Сб. «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 1—7.

⁶⁶ «Изв. Академии наук», 1899, V сер., № IV, стр. 337—354; № VI, стр. 393—402.

⁶⁷ Оставшиеся рукописи Бичурина по истории (перевод «Тунцзянь ганьму» и «Дацин и тунджи») были им переведены для разных справок, и публиковать их он не собирался.

⁶⁸ В. П. Васильев, Религии Востока. Конфуцианство, буддизм и даосизм, СПб., 1873, стр. 107.

⁶⁹ С. Ф. Ольденбург, Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818—1918, — «Изв. Российской Академии наук», 1918, стр. 539. Статья ценна не только характеристикой трудов Васильева по буддизму и биографическими данными, но и историографией вопроса и оценкой трудов по буддизму Бюрнуфа, Р. Чильдерса, Рис Дэвидса, Г. Ольденберга, Г. Керна, И. П. Минаева, О. О. Розенберга, Ф. И. Щербатского и др.

⁷⁰ М. И. Тубянский, Предварительное сообщение о буддологическом рукописном наследии В. П. Васильева и В. В. Горского, — «Доклады АН СССР», сер. В, 1927, № 3, стр. 59—64.

⁷¹ Подробнее содержание, объем и значение рукописей по буддизму В. П. Васильева см.: М. И. Тубянский, Б. И. Панкратов, Академик В. П. Васильев как исследователь буддизма, — «Русский китаевед В. П. Васильев...», стр. 305—308. Перечисление рукописей см.: С. А. Козин, Библиографический обзор..., стр. 762—764; «Русский китаевед Васильев...», стр. 336—337.

⁷² Ю. Богущевский, Новое предприятие наших студентов, — «Сборник, издаваемый студентами С.-Петербургского университета», вып. 1, СПб., 1857, стр. 364—374.

⁷³ «Дело о маньчжуро-русском словаре студента Цивилькова. Началось 11 марта 1857 года», — ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15329.

⁷⁴ В 1857 г. М. Цивильков опубликовал свою единственную статью: «Описание больших рек, впадающих в Амур» («Вестн. имп. Русск. геогр. об-ва», 1857, т. XIX, вып. 2, стр. 109—125; 1858, т. XXIII, стр. 25—36), которую перевел под руководством В. П. Васильева. Окончив в 1859 г. университет, М. Цивильков перешел на службу в Азиатский департамент, и больше о нем ничего не известно [255; 256].

⁷⁵ Далее по тексту все данные о числе студентов, поступивших и окончивших восточный факультет и его китайско-маньчжурский разряд, даются по многочисленным архивным делам, использованным в настоящей работе и находящимся в ГИАЛО (ф. 14—архивные дела университета), ЦГИА (ф. 733—архив Министерства народного просвещения); использованы также отчеты С.-Петербургского университета за 1856—1917 гг. и его же годовичные акты за разные годы.

⁷⁶ В. П. Васильев, Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов профессором С.-Петербургского университета В. Васильевым, СПб., 1866, VII, 134 стр.

⁷⁷ В. П. Васильев, Анализ китайских иероглифов. Составлен для руководства студентов, СПб., 1866, 94 стр.

⁷⁸ См. прим. 58 к настоящей главе. Рецензия И. И. Захарова помещена в Приложении 1 к «Отчету (имп.) Русского геогр. об-ва за 1870 г.», СПб., 1871, стр. 104—109.

⁷⁹ [В. П. Васильев], Китайская хрестоматия, изданная для руководства студентов профессором В. П. Васильевым, СПб., т. 1, [изд. 1-е], [1868]; изд. 2-е, 1883; изд. 3-е, 1890; т. 2, 1868; т. 3, 1868; его же, Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии, СПб., 1896; то же, к второму выпуску, СПб., 1884; то же, к третьему выпуску, СПб., 1882.

⁸⁰ См.: «Материалы...», т. 1, стр. 366—378; т. 4, стр. 136—137.

⁸¹ См.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 992, 993, 1040, 1206, 1208, 1370, 1372, 1957, 1958, 5179, 5183, 5184.

⁸² См.: Г. Ф. Смыкалов, Академик В. П. Васильев как географ Китая, — «Русский китаевед В. П. Васильев...», стр. 296—302.

⁸³ В. П. Васильев, Записки о Нингуге, — ЗИРГО, 1857, т. XII, стр. 79.

⁸⁴ «Русский китаевед В. П. Васильев...», стр. 232—340.

⁸⁵ В. В. Бартольд, Исторические и географические труды В. П. Васильева, — «Изв. Российской Академии наук», 1918, стр. 549—560.

⁸⁶ З. И. Горбачева, Академик В. П. Васильев как историк, — «Русский китаевед В. П. Васильев...», стр. 284—302.

⁸⁷ Автором приписываемого В. П. Васильевым Мэн Хуну сочинения был Чжао Хун. См.: А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — сб. «Очерки по истории русского востоковедения», вып. 1, М., 1953, стр. 54.

⁸⁸ Там же, стр. 52—55.

⁸⁹ «Отчет Русск. геогр. об-ва за 1880 г.», СПб., 1881.

⁹⁰ ЗИРГО, 1857, т. XII, стр. 1—109.

⁹¹ Там же, стр. 79—109.

⁹² ЗИРГО, 1865, т. 1, отд. II, стр. 173.

⁹³ «Годичный торжественный акт в С.-Петербургском университете», СПб., 1867.

⁹⁴ «История СССР, т. 2, Россия в XIX веке», М., 1955, стр. 479.

⁹⁵ Там же, стр. 481.

⁹⁶ «Материалы...», т. 1, стр. 404.

⁹⁷ Там же, стр. 409—421.

⁹⁸ Цит. по донесению декана факультета А. О. Мухлинского, написанному В. П. Васильевым, где имеются расхождения с докладом попечителя И. Делянова. Например, вместо «сношения с Китаем» у Делянова: «сношения с китайской Монголией», см.: «Материалы...», т. 1, стр. 442; донесение В. П. Васильева см. там же, стр. 452—454.

⁹⁹ Там же, стр. 456—498.

¹⁰⁰ Там же, стр. 480.

¹⁰¹ Там же, стр. 491.

¹⁰² Там же, стр. 491—498.

¹⁰³ Там же, стр. 498—510.

¹⁰⁴ Там же, стр. 502—503.

¹⁰⁵ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, Архив Конференции, № 243; «Об изготовлении г. Скачковым каталога китайских книг Азиатского музея», — «Санкт-Петербургские ведомости», 1865, № 54, 14 марта.

¹⁰⁶ В рукописном фонде К. А. Скачкова находятся библиографические карточки китайских книг Азиатского музея. Наиболее интересны описания рукописных словарей (см. ОР ГБЛ, ф. 273, № 2886). К. А. Скачкову удалось установить авторство некоторых анонимных словарей.

¹⁰⁷ «Дело Совета. Об определении г. Скачкова преподавателем китайского языка» (ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 6299). Здесь же наиболее полный послужной список К. А. Скачкова и его программа преподавания.

¹⁰⁸ В. В. Григорьев, Императорский С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета университета, СПб., 1870 (о Д. А. Пешурове — стр. 388—389, о К. А. Скачкове — стр. 387—388, о И. И. Захарове — стр. 389—390, о В. П. Васильеве — стр. 270—275). [О Д. А. Пешурове см. также: В. М. Алексеев, Памяти Д. А. Пешурова (некролог), — «Речь», 4.XI.1913. — *Прим. ред.*]

¹⁰⁹ ЗИРГО, 1860, т. XXIX, № 8, стр. 41—59.

¹¹⁰ В. М. Алексеев, В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г., М., 1958, стр. 287.

¹¹¹ Th. Fr. Wade, A Progressive Course Designed to Assist the Students of Colloquial Chinese as Spoken in the Capital and the Metropolitan Department, vol. 1—3, Shanghai, 1886.

¹¹² «Сборник договоров России с Китаем. 1689—1881», СПб., 1889. Указание на составление сборника Д. А. Пешуровым см. [273, л. 3].

¹¹³ «Исторический вестник», 1886, ноябрь, стр. 454—455.

¹¹⁴ И. Ф. Бабков, Воспоминания..., стр. 184—185, 188.

¹¹⁵ В. Васильев, Воспоминание о И. И. Захарове, — ЖМНП, 1885, № 11, отд. IV, стр. 94—110 (карта составлена, как указал В. П. Васильев, «при механической помощи офицеров генерального штаба»).

¹¹⁶ [В. П. Васильев], Маньчжурская хрестоматия для первоначально преподавания, составленная проф. С.-Петербургского университета Васильевым, СПб., 1863, 228 стр. (литогр.); его же, Маньчжурско-русский словарь, составленный для руководства студентов, СПб., 1866, VII, 134 стр. (литогр.).

¹¹⁷ В. В. Бартольд, Исторические и географические труды В. П. Васильева, стр. 556.

¹¹⁸ В. П. Васильев, Религии Востока..., стр. 37.

¹¹⁹ ЖМНП, 1874, № 3, стр. 129.

¹²⁰ Там же, стр. 131, 134.

¹²¹ Там же, стр. 148.

¹²² В. П. Васильев, Очерк истории китайской литературы (Из «Всеобщей истории литературы», издаваемой В. Ф. Коршем и К. Л. Риккером), СПб., 1880, стр. 450, прим.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ А. А. Петров, Философия Китая в русском буржуазном Китаеведении, — «Библиография Востока», 1935, № 7, стр. 5—28.

¹²⁶ В. П. Васильев, Очерк истории китайской литературы, стр. 4.

¹²⁷ Там же, стр. 5.

¹²⁸ «Уч. зап. Академии наук по 1 и 3 отдел.», 1855, т. III, вып. 1, стр. 1—33; Wassiljew, Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitäts-Bibliothek zu Kasan, — «Mélanges asiatiques...», t. II, livr. 4, 1856, стр. 347—386 (из «Bulletin hist.-philol. de l'Acad. imp. des sciences de St.-Petersbourg», t. XI, N 22, 23).

¹²⁹ Wassiliev, Notice sur les ouvrages en langues de l'Asie Orientale, qui se trouvent dans la Bibliothèque de l'Université de Saint-Petersbourg, — «Mélanges Asiatiques...», 1856, t. II, стр. 562—607 (из «Bulletin hist.-philol...»).

t. XIII, № 15, 16, 19); В. П. Васильев, Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете, — «Русский вестник», 1857, т. 11, № 7, стр. 305—343.

¹³⁰ Там же, стр. 316.

¹³¹ Вероятно, это замечание побудило Кафарова, занимавшегося розыском мусульманской литературы, опубликовать изложение содержания «Ойлань чжишэн шилу».

¹³² [В. П. Васильев], Материалы по истории китайской литературы. Лекции, читанные заслуженным профессором С.-Петербургского университета В. П. Васильевым, СПб., [б. г.], (литогр.). Приложение до сих пор служит подсобным каталогом китайской части библиотеки ЛГУ.

¹³³ Наиболее подробно об «Очерке истории китайской литературы» и «Материалах по истории китайской литературы» см. в статье Н. А. Петрова в сб. «Русский Китаевед В. П. Васильев...» (стр. 264—275).

¹³⁴ В. П. Васильев, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, Записка о необходимости установления основной азбуки для фонетической транскрипции текстов, [СПб.], 1888, 75 стр.

¹³⁵ Н. А. Петров, Академик В. П. Васильев и восточный факультет, — «Вестник ЛГУ», 1956, № 8, стр. 85—98.

¹³⁶ «Материалы...», т. 4, стр. 181.

¹³⁷ «Китайский текст трактата Китая с Россией в 1774 г.», СПб., [б. г.], 16 стр. (литогр.).

¹³⁸ «Материалы для китайской хрестоматии», СПб., 1897, 162 стр.

¹³⁹ «Китайские тексты. Пособия для студентов факультета восточных языков С.-Петербургского университета», СПб., 1907, 128 стр. (литогр.).

¹⁴⁰ Отзыв В. П. Васильева и И. П. Минаева о «Полном маньчжурско-русском словаре» И. И. Захарова см.: «Отчет Русск. геогр. об-ва за 1877 г.», СПб., 1878, стр. 9—15.

¹⁴¹ Там же, стр. 10, 12.

¹⁴² [А. Орлов], Грамматика маньчжурского языка, изложенная протонереем А. Орловым, СПб., 1873. 350 стр.; Б. К. Пашков в статье «Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка... и письменности» («Кр. сообщ. Ин-та востоковедения АН СССР», вып. 18, Языкознание, М., 1956), подробно излагая содержание трудов И. И. Захарова и А. Орлова, заявляет, что грамматика Орлова еще ждет «беспристрастного критического анализа», которого, к сожалению, так же как и научную оценку грамматики Захарова, нельзя найти в докторской диссертации Б. К. Пашкова «Синтаксис маньчжурского простого предложения» (Автореф. докт. дис., М., 1950).

¹⁴³ В. П. Васильев, Три вопроса. 1. Улучшенное устройство сельской общины (Речь на заседании петербургского собрания сельских хозяев, 2-го марта 1876 г.), СПб., 1878, стр. 7. З. И. Горбачева довольно подробно разобрала общественно-политические взгляды В. П. Васильева и его публицистические работы («Русский Китаевед В. П. Васильев...», стр. 262—264), но не упомянула, что он был помещиком, а это придает его публицистическим статьям по аграрному вопросу определенное классовое содержание.

¹⁴⁴ В. П. Васильев, Современные вопросы, СПб., 1873, 174 стр.; Л. М. Добровольский, Запрещенная книга в России. 1825—1904. Архивно-библиографические разыскания, М., 1962, стр. 111.

¹⁴⁵ «Новое время», 1875, № 324; 1877, № 332; 1878, № 720; 1880, № 1444; 1881, № 1014; «Голос», 1877, № 64; 1878, № 25; 1879, № 3, 155, 216; 1880, № 91, 114, 328; «Восточное обозрение», 1882, № 8; 1883, № 46; 1884, № 2, 36, 37, 40, 46, 47, 49; «Северная пчела», 1860, № 266; 1862, № 52—54; «Гражданин», 1877, № 9—12.

¹⁴⁶ «Записка Васильева о требованиях, которые следует предъявлять к русским дипломатам на Дальнем Востоке. Декабрь, 1871 г.» (ЦГАДА, ф. 3095, № 448); «О средствах к избежанию в будущем столкновения с Англией, 29 ноября 1876 г.» (там же, № 646); «Записка Васильева о возвращении Кульджи Китаю. 23 ноября 1876 г.» (там же, № 461); «Записка В. П. Васильева по поводу японо-китайской войны 1894 г.» (там же, № 470); «Письма, статьи от В. П. Васильева к Ф. Р. Остен-Сакену» (там же, № 1439).

¹⁴⁷ «Голос», 1879, № 3.

¹⁴⁸ П. А. Дмитриевский, Записки переводчика, составленные переводчиком при Окружном управлении на острове Цусима Отано Кигоро, — ЗИРГО, 1884, т. XII, вып. 4, стр. 1—316; «Географическое описание Корей. Пер. с китайского П. Дмитриевского», Ханькоу, 1883.

¹⁴⁹ ОР ГБЛ, ф. 218, Собр. рукописей, картон 763, № 17, л. 4, письмо от 8 июня 1889 г. Эти фразы написаны в связи с планом А. М. Позднеева «предподнести» П. С. Попову звание доктора китайской словесности, но он опасался, что В. П. Васильев не напишет доклад по указанной причине.

¹⁵⁰ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, № 7, л. 29—31.

¹⁵¹ ОР ГБЛ, ф. 218, Собр. рукописей, картон 763, № 7, л. 4—4 об.

¹⁵² «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. 3, М., 1897, 36 стр., 23 стр. китайского текста. Подробно об экспедиции см.: В. Ф. Гнучева, Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, — «Труды Архива АН СССР», вып. 4, М.—Л., 1940, стр. 251—252. Там же библиография трудов Орхонской экспедиции.

¹⁵³ «Изв. Академии наук», 1896, т. IV, вып. 4, стр. 365—367.

¹⁵⁴ «Санкт-Петербургские ведомости», 1898, 10 апреля. Соглашение состоялось в марте.

¹⁵⁵ В. М. Алексеев, Профессор В. П. Васильев, — «Санкт-Петербургские ведомости», 1910, 27 апреля, № 92, стр. 1.

¹⁵⁶ «Биографический словарь профессоров и преподавателей С.-Петербургского университета», т. 1, СПб., 1896, стр. 183—184.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Г. Вебер, Курс всеобщей истории, т. 1, М., 1859 (о Китае — стр. 67—68); то же, пер. со 2-го изд., М., 1867, стр. 40—45; Ф. Шлоссер, Всемирная история, изд. 2-е, СПб., 1867, стр. 6—13; Д. Иловайский, Руководство по всеобщей истории, ч. 1, Древний мир, изд. 12-е.

¹⁵⁹ С. М. Георгиевский, Важность изучения Китая, СПб., 1890, стр. 7, 275.

¹⁶⁰ Отношения Георгиевского с Васильевым, действительно, не складывались. Георгиевский, высказывая свои взгляды с присущей ему прямолинейностью, был последователен и во многом не согласен с Васильевым, в письме которого к П. С. Попову можно прочесть такую фразу: «Вы читали, верно, историю Георгиевского, как он идет в разрезе с моими взглядами» [П. С. Попов, № 4].

В другом письме Васильев жалуется Попову, что Георгиевский в одной из своих книг обругал его «балагуром» [там же].

¹⁶¹ С. М. Георгиевский, Важность изучения Китая, стр. 268—269.

¹⁶² Там же, стр. 271.

¹⁶³ С. М. Георгиевский, Принципы жизни Китая, СПб., 1888; С. Георгиевский, Граф И. Толстой и «Принципы жизни Китая», СПб., 1889, стр. 1.

¹⁶⁴ См. рец.: И. Н. Сугорский, — «Русский вестник», 1888, декабрь, стр. 301—313; И. Толстой, — «Вестник Европы», 1882, № 12, стр. 882—895; А. П[озднеев], — ЗВОРАО, 1888, т. III, стр. 136—137.

¹⁶⁵ См. рец.: У[хтомский], К вопросу о китайской цивилизации, — «Наблюдатель», 1888, ноябрь; У[хтомский] Э., Китай в его религиозно-философской жизни, — Приложение к газ. «Гражданин», 1888; И. Ф. Кудиннов, В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю, М., 1887.

¹⁶⁶ А. А. Петров, Философия Китая в русском буржуазном Китаеведении, — «Библиография Востока», 1935, вып. 7, стр. 5—28.

¹⁶⁷ А. Шифман в монографии «Лев Толстой и Восток» (М., 1960, стр. 52) сообщает, что Л. Н. Толстой читал книгу «Принципы жизни Китая», но о ней не высказывался.

¹⁶⁸ С. Георгиевский, Граф И. Толстой и «Принципы жизни Китая», стр. 6.

¹⁶⁹ В. П. Васильев, Воспоминание о И. И. Захарове; А. С., Иван Ильич Захаров (некролог), — «Новое время», 1885, 1 октября.

¹⁷⁰ А. О. Ивановский, Материалы для истории инородцев Юго-Западного Китая... Юнь-наньские инородцы в период династий Юань, Мин и Дай-дин (С приложением словаря и двух литографированных карт), СПб., 1888, 427 стр.

¹⁷¹ См. письма А. М. Позднеева Дмитриевскому от 9 сентября и 30 декабря 1887 г., от 8 сентября 1888 г., от 3 февраля 1892 г. В последнем — рецензия на отчет А. О. Иванковского о поездке [Дмитриевский, Письма, № 22].

С. М. Георгиевский своей блестящей диссертацией на степень доктора китайской словесности («Анализ иероглифической письменности как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа», СПб., 1888, 182 стр.) и книгой «Принципы жизни Китая», а также практическим знанием Китая заслужил на факультете всеобщее уважение. Для продвижения же А. О. Иванковского, полагали, нет достаточной научной базы.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Наиболее интересны дневники поездки в Китай.

¹⁷⁴ ЗВОРАО, 1893, т. VIII, стр. 138—142.

¹⁷⁵ ЗВОРАО, 1892, т. VII, стр. 301—307.

¹⁷⁶ «Восточное обозрение», 1891, № 11.

¹⁷⁷ А. О. Ивановский, Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков, СПб., 1894, XIV, 79 стр.

¹⁷⁸ А. О. Ивановский, Маньчжурская хрестоматия, СПб., вып. I, 1893, 119 стр.; вып. II, 1895, 443 стр. (литогр.).

¹⁷⁹ А. О. Ивановский, Конспект истории Маньчжурии, СПб., 1887, 46 стр.

¹⁸⁰ ЗВОРАО, 1892, т. VII, стр. 265—292.

¹⁸¹ Сб. «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 261—267.

¹⁸² «Восточное обозрение», 1890, № 1, стр. 7—8. Биография Будды на китайском языке.

¹⁸³ В. М. Алексеев, В старом Китае..., стр. 287.

¹⁸⁴ В. М. Алексеев, Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов,— «Зап. Ин-та востоковедения АН», 1935, т. IV, стр. 40.

¹⁸⁵ Опубликованные ими работы см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, указатель.

¹⁸⁶ Некоторыми сведениями о Н. И. Монастыреве автор обязан Леониду Николаевичу Денисову, любезно просмотревшему ряд дел в архивах Красноярска.

¹⁸⁷ «Новости», 1878, № 219, 223, 228, 326, 327; см. также работы Н. И. Монастырева: Конфуциева летопись Чуньцю. Пер. с кит., СПб., 1876, 105 стр.; Примечания к Чуньцю, составленные Н. Монастыревым, СПб., 1876, 254 стр.; Заметки о Конфуциевой летописи Чуньцю и ее древних комментариях, СПб., 1876, 52 стр. Не разыскано литографированное издание «Очерка исторической географии Китая».

¹⁸⁸ П. С. Попов, Русско-китайский словарь, СПб., 1879, 748 стр.; изд. 2-е, Пекин, 1896, 708 стр.; изд. 3-е, Токио, 1900, 902 стр.

¹⁸⁹ П. С. Попов, Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р. Х.,— «Труды III съезда ориенталистов», стр. 513—571.

¹⁹⁰ [П. И. Кафаров (Палладий) и П. С. Попов], Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым, Пекин, 1888, т. I, 636 стр.; т. II, 737 стр.

¹⁹¹ ОР ГБЛ, ф. 218, Собр. рукописей, картон 273, № 2, 26 марта 1890 г.

¹⁹² Чжан Му и Хэ Цю-тао, Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с кит. П. С. Попова, СПб., 1895, 595 стр. (ранее опубликовано в ЗИРГО, 1895, т. XXIV).

¹⁹³ См., например: «Вестник Европы», 1897, № 9—12; 1898, № 10; 1899, № 1.

¹⁹⁴ С. Л. Тихвинский, Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вай, М., 1959, стр. 289.

¹⁹⁵ «Вестник Европы», 1901, № 2, 3, 11; 1902, № 4; 1903, № 5.

¹⁹⁶ Мао Линь, Аннам-французско-китайский вопрос,— «Восточное обозрение», 1884, № 13, стр. 1—3; № 15, стр. 8—10.

¹⁹⁷ П. С. Попов, Два месяца осады в Пекине (Дневник 18 мая—31 июля стар. ст. 1900),— «Вестник Европы», 1901, № 2, стр. 517—536; № 3, стр. 6—37; Д. М. Позднеев, 56 дней пекинского сидения, в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. Рассказ очевидца, СПб., 1901, 189 стр.; Д. Д. Покотилов, Дневник осады европейцев в Пекине с 22 мая по 1 августа, Ялта, 1900, 35 стр.; его же, Дневник с 2 по 31 августа 1900, СПб., 1900, 35 стр.; В. В. Корсаков, Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май—август 1900 г., СПб., 1901, 394 стр.

¹⁹⁸ «Вестник Европы», 1901, № 3, стр. 26.

¹⁹⁹ В. В. Корсаков, Пекинские события..., стр. XIV.

²⁰⁰ Н. И. Кравченко, В Китай. Путевые наброски художника, СПб., 1904, 219 стр., илл.

²⁰¹ «Биографический словарь профессоров и преподавателей...», т. I, стр. 222—223.

²⁰² Письмо А. Ф. Попову от 15 ноября 1868 г. Лондон,— ЦГАДА, ф. 1165, № 1739.

²⁰³ «Материалы...», т. 4, стр. 194.

²⁰⁴ «Биографический словарь профессоров и преподавателей...», т. II, стр. 263.

²⁰⁵ Там же, т. I, стр. 177.

²⁰⁶ Е. Доревская в статье «Ургинская школа переводчиков и толмачей (Из истории русско-монгольских связей)» («Свет над Байкалом», 1958, № 1, стр. 139—150), ссылаясь на записку В. Бурдуковского (АВПр, ф. Китайский стол, № 2036, 179 л.), утверждает, что инициатива в открытии школы переводчиков в Урге принадлежит Я. П. Шишмареву. Возможно, что первоначальное предложение исходило от Я. П. Шишмарева, окончившего русско-монгольскую школу в Кяхте и изучавшего китайский и маньчжурский языки у К. Крымского. Я. П. Шишмарев служил у Муравьева-Амурского в 1857—1858 гг. и участвовал в подписании Пекинского договора.

²⁰⁷ М. Путинцев, протоиерей, в корреспонденции «Письма из Кульджи» («Странник», 1878, № 1, стр. 63—74; № 2, стр. 216—232) указывает, что его переводчиком был молодой семиреченский казак Михаил Сташков, хорошо знавший китайский разговорный язык и «грамоту китайскую».

²⁰⁸ А. И. Габеев, О необходимости использования опыта русской деятельности в Маньчжурии с целью избежания ошибок в нашей предстоящей работе в Монголии. Доклад бывшего драгомана Китайской восточной железной дороги в Российской экспортной палате, СПб., 1913, стр. 14.

²⁰⁹ Е. Доревская, Ургинская школа переводчиков и толмачей, стр. 150.

²¹⁰ «30 лет советской синологии»,— Архив ЛО ИВАН, разр. 1, оп. I, № 192.

²¹¹ Подробно см.: «Труды III съезда ориенталистов», т. I.

²¹² В. П. Васильев выставил карты, составленные им «для облегчения изучения древней истории китайской», экземпляр первого тома «Хрестоматии» и «Приложения» к нему. В залах Академии художеств экспонировались несколько сотен акварелей и зарисовок, сделанных в Китае доктором П. Я. Пясецким, путешествовавшим по Китаю в 1874—1875 гг. П. Я. Пясецкий издал о путешествии несколько книг (П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 8763—8767, 9491—9492), вызвавших положительные отзывы В. П. Васильева и А. М. Позднеева. О конгрессе см. также: К. Щученко, Участие Московского архива Министерства иностранных дел в Съезде ориенталистов в 1876 г., вып. 1, М., 1880, стр. 207—211.

²¹³ «Труды III съезда ориенталистов», т. I, стр. I.

²¹⁴ Там же, стр. XI—XIII.

²¹⁵ Там же, стр. XX—XXII.

²¹⁶ Письмо К. А. Скачкова В. Р. Розену от 12 (24) мая 1876 г. о приглашении девяти человек из числа синологов и консулов: Belfour, Boleslawski, Chalmers, Kopsch, Lueder, Medhurst, Boding, Shaffer, Wilie.

²¹⁷ «Правительственный вестник», 1876, № 80, стр. 133.

²¹⁸ «Труды III съезда ориенталистов», т. I, стр. XXXVII—XLI.

²¹⁹ Здесь и далее упомянуты только лица и выступления участников, имеющих отношение к Китаю.

²²⁰ «Труды III съезда ориенталистов», т. I, стр. XVIII—XX.

²²¹ ЖМНП, 1872, № 9, отд. II, стр. 82—124.

²²² «Труды III съезда ориенталистов», т. I, стр. XXIV, LXXXV.

²²³ К. А. Скачков, Исторический обзор военной организации в Китае с древних времен до воцарения Маньчжурской династии,— «Труды III съезда ориенталистов», т. I, стр. 257—290; П. С. Попов, Краткий исторический очерк уголовного законодательства Китая с древнейших времен до второй половины X века по Р. Х.,— там же, стр. 513—571; Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России,— там же, стр. 97—256.

Глава VI

¹ «Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы», М., 1958, стр. 74—84, 97—99.

² Китайско-маньчжурский разряд восточного факультета окончили (называем только наиболее известных китаистов): в 1887 г.—Д. Д. Покотиллов; в 1888 г.—И. В. Лаптев; в 1889 г.—Н. Ф. Колесов и В. И. Цыбузгин; в 1891 г.—В. Ф. Гроссе; в 1892 г.—Н. В. Богоявленский, Я. Брандт, С. А. Колоколов; в 1893 г.—Д. М. Позднеев и М. Коносович; в 1894 г.—Н. Н. Кротков; в 1895 г.—И. Чешев и В.-Г. Э. Ландезен; в 1896 г.—П. П. Шмидт, А. В. Рудаков, Я. Этинген, Д. Ячевецкий; в 1897 г.—А. Бельченко, Х. Кристи, В. Долбежев; в 1898 г.—Б. Грубе, К. Иностранцев; в 1899 г.—Гонбоджаб Цыбиков.

³ Н. П. Таберно, Из речи на открытии Восточного института,— «Известия Восточного института», т. I, 1900, стр. 22.

⁴ О Н. М. Михайловском сведений нет. Н. Н. Добровидов известен как автор «Спутника по Маньчжурии в двух частях» (Хабаровск, 1898, 379 стр.; изд. 2-е, Хабаровск, 1900, IV, 366 стр.).

⁵ Военное ведомство за изучение китайского языка премировало офицеров. Например, в 1895 г. четыре офицера получили по 500 руб. («Изв. Вост. ин-та», 1900, т. I, стр. 20).

⁶ Там же, стр. 70.

⁷ «Восточный институт в г. Владивостоке. Справочная книжка за 1909 г.», Владивосток, 1909, 58, LXXXIV стр. прил. См. также: И-ч, Писатели, ученые и журналисты на Дальнем Востоке за 1918—1922 гг., Владивосток, 1922 (краткие биографии А. В. Гребенщикова, Н. В. Кюнера, Арк. Петрова, П. П. Шмидта, И. И. Серебrenникова, И. А. Добролювского, В. К. Арсеньева).

⁸ П. Соколовский, в 1913 г. обследовавший институт по поручению Министерства народного просвещения, полагал необходимым увеличить оплату лекторам до 150 руб. в месяц, считая, что оплата в 50 руб. вызывает частую их смену и обуславливает недостаточную их квалификацию (П. Соколовский, Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае, Харьков, 1914, стр. 278—305).

⁹ П. Шмидт, Опыт Мандаринской грамматики с текстом для упражнений. Посobie к изучению разговорного китайского языка пекинского наречия, Владивосток, 1902, 310 стр.; изд. 2-е, Владивосток, 1915.

¹⁰ «Новое время», 7.XI.1902.

¹¹ «Описание Тибета», ч. I, 1907, 663 стр.; ч. II, 1908, 509 стр. О других работах Н. В. Кюнера и А. В. Гребенщикова см.: П. Е. Скачков, Библиография Китая, указатель. Большое число рукописей Н. В. Кюнера хранится

- в ЛО Института этнографии АН СССР. Его рукописи находятся также в Архиве ЛО ИВАН. Рукописи А. В. Гребенщикова см. в Архиве ЛО ИВАН.
- ¹² «Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год», Владивосток, 1910, стр. 55. Из них в Японию отправлено пять человек.
- ¹³ Список тем, предложенных А. В. Рудаковым, А. В. Гребенщиковым и Н. В. Кюннером на время заграничных командировок летом 1911 г., см.: «Протоколы заседаний Конференции Восточного института за 1910—11 академический год», Владивосток, 1913, стр. 122—128.
- ¹⁴ П. Е. Скачков, Библиография Китая, указатель.
- ¹⁵ Подробно по годам см.: «Восточный институт в г. Владивостоке. Справочная книжка за 1909 г.», стр. XXXVII.
- ¹⁶ «Отчет о состоянии Восточного института за 1909 год», стр. 47.
- ¹⁷ См.: С. С. Григорьевич, Из истории отечественного востоковедения (Владивостокский Восточный институт в 1899—1916 гг.),— «Советское востоковедение», 1957, № 4, стр. 132.
- ¹⁸ Там же, стр. 133.
- ¹⁹ Выборочные сведения, составленные по данным «Справочной книжки за 1909 г.» (стр. XXII—XXIX). Учитывается только китайско-маньчжурское отделение.
- ²⁰ Там же, стр. 33—39.
- ²¹ Там же, стр. 37—38.
- ²² В. Песоцкий, Офицеры Восточного института,— «Военный мир», 1912, № 4, стр. 49—62; Кохан, Офицеры-востоковеды в полках,— «Разведчик», 1911, № 1070, стр. 270—271 (по поводу нового положения об офицерах-слушателях).
- ²³ В «Изв. Вост. ин-та» опубликованы: «Опыт мандаринской грамматики...» П. П. Шмидта (т. II, вып. 4—5); «Описание Тибета» Н. В. Кюнера (т. XXI, XXII, XXVI, XXVIII); «Учебник манджурского языка...» П. П. Шмидта (т. XVIII); «Землевание и земледелие в Китае...» Н. И. Кохановского (т. XXIII); «Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции» А. В. Рудакова (т. IV, V, VI) и др.
- ²⁴ Опубликована отдельной брошюрой (Владивосток, 1916, 23 стр.).
- ²⁵ Увеличение преподавательского и служебного персонала и средств на содержание лекторов и на летние командировки, на типографию, на издание журнала, на строительство общежития и т. д.
- ²⁶ А. О. Ивановский скончался 25 января 1903 г. в психиатрической больнице.
- ²⁷ В. М. Алексеев, В старом Китае, М., 1958, стр. 286.
- ²⁸ Дмитрий Алексеевич Пещуров (некролог),— «Отчет о состоянии и деятельности имп. С.-Петербургского университета за 1913 год», СПб., 1914, стр. 41.
- ²⁹ «Вступительная лекция профессора-синолога П. С. Попова»,— «Санкт-Петербургские ведомости», 1902, № 265.
- ³⁰ Th. Wade, A Progressive Course Designed to Assist the Student of Colloquial Chinese as spoken in the capital and the metropolitan department, vol. 1—3, Shanghai, 1886. А. В. Рудаков издал часть этого учебника: «Практическое руководство к изучению мандаринского наречия по системе Т. Ф. Вэда», Владивосток, 1905—1906, ч. I и II; изд. 2-е, 1910. Несколько раньше был издан «Русский перевод сорока уроков учебника Вэда, I, II, III. Русский перевод десяти диалогов (Вэда)» (Порт-Артур, 1902, 80, 48 стр.).
- ³¹ П. С. Попов, Китайские тексты разговорного языка, I—II, СПб., 1903, 64+64 стр.
- ³² См. работы П. С. Попова: Избранные китайские тексты, СПб., 1905; Китайский философ Мэн-Цзы, пер. с кит., снабженный прим., СПб., 1904; Изречения Конфуция, учеников его и других лиц, пер. с кит. с прим., СПб., 1910; Государственный строй Китая и органы управления, СПб., 1903; Дополнение к «Государственному строю Китая», СПб., 1909.
- ³³ «Вестник Европы», 1898, № 10; 1899, № 1; 1901, № 11, 1902, № 4.
- ³⁴ В ЦГИАЛ (ф. 733, оп. 152, № 172, 54 л.) хранится полный текст записки. Необходимо отметить, что к этому времени у А. М. Позднеева

осложнились отношения с профессурой факультета. Подлинник записки наполнен выпадами и критическими замечаниями, которые были изъяты в печатном издании.

³⁵ «Заключение Факультета... восточных языков по записке члена Совета Министерства народного просвещения А. Позднеева „К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях“, СПб., 1905.

³⁶ К сожалению, детальная программы по курсам, как это было принято в Восточном институте, на факультете не представлялось, поэтому более подробно сказать о содержании курсов нельзя.

³⁷ В 1912 г. Иванов был послан в Японию для занятий в библиотеках Токио и Киото.

³⁸ А. И. Иванов, К вопросу о тангутском языке (Си-ся),—ЗВРАО, 1909, т. XIX, стр. XLVIII; А. И. Иванов, Тангутские рукописи из Хара-Хото,—ИИРГО, 1909, т. XLV, вып. 8, стр. 463—470; о трудах А. И. Иванова по тангутоведению см.: Н. А. Невский. Тангутская филология, т. I, М., 1960, стр. 23—27, 95, 163 и др. С большим успехом занятия тангутоведением продолжил в Советском Союзе Н. А. Невский. В настоящее время историю Тангутского государства и его языка на основе большой коллекции рукописей изучает коллектив научных сотрудников Института востоковедения АН СССР (В. С. Колоколов, Е. И. Кычанов, М. В. Софронов).

³⁹ В. Алексеев, Заметки об изучении Китая в Англии, Франции и Германии,—ЖМНП, 1906, № 9, отд. 2, стр. 101—139; № 10, отд. 2, стр. 277—340.

⁴⁰ В. М. Алексеев, В старом Китае.

⁴¹ В. М. Алексеев, Результаты фонетических наблюдений над пекинским диалектом (1906—1909 гг.),—«Изв. АН», VI сер., 1910, № 12, стр. 935—942; его же, Фонетическая китайская хрестоматия, СПб., 1910, 32 стр.; «Китайские тексты к лекциям приват-доцента В. М. Алексеева 1910/11 и 1911/12 акад. г.», Харбин, 1912, VI, 115 стр.

⁴² «Отчет... имп. С.-Петербургского университета за 1913 г.», стр. 45.

⁴³ Биографических сведений о них нет. В 1913/14 и 1916/17 учебных годах лекторов не было.

⁴⁴ С. Ф. Ольденбург, Записка о трудах Василия Михайловича Алексеева, младшего ученого хранителя Азиатского Музея. 1913—1918,—«Изв. АН», 1918, № 16, стр. 1747.

⁴⁵ В. М. Алексеев, Об определении китайской литературы и об очередных задачах ее историка,—ЖМНП, 1917, № 5, отд. «Соврем. летопись», стр. 53.

⁴⁶ [В. М. Алексеев], Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. Перевод и исследование, Пг., 1916 (приложен китайский текст).

⁴⁷ П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 2001—2141.

⁴⁸ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 382—383; подробней см.: Го Шао-тан, Н. П. Виноградов, В. И. Ленин и Китай,—«Ленин и Восток. Сб. статей», М., 1960, стр. 90—146.

⁴⁹ А. И. Шифман, Лев Толстой и Восток, М., 1960 (отношению Л. Н. Толстого к Китаю и к его культуре уделено более 140 стр., написанных с большой эрудицией и снабженных обстоятельными заключениями); А. Е. Якимов, Менделеев о Китае,—«Сов. китаеведение», 1958, № 4, стр. 230—239.

⁵⁰ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 400—406; т. 22, стр. 189—191; т. 23, стр. 28—29, 141—142, 166—169.

⁵¹ М. П. Павлович, Революционное движение и политические партии в современном Китае,—«Возрождение», 1910, № 6, стр. 17—34; то же,—«Вестник знания», 1911, № 11, стр. 1006—1013; его же, Великая китайская революция,—«Современник», 1911, № 11, стр. 315—344; его же, Падение китайской стены (Китайская революция),—«Наша заря», 1911, № 9—10, стр. 80—84; его же, Провозглашение Китайской республики и Европа,—«Наша заря», 1912, № 3, стр. 54—62.

⁵² П. Е. Скачков, Библиография Китая, № 2142—2301.

⁵³ В. М. Алексеев, Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в революции Октября,— «Труды ноябрьской Юбилейной сессии Академии наук СССР», Л., 1933, стр. 542.

⁵⁴ В. М. Алексеев, Китаистика в Ленинградском государственном университете,— «Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР», М.—Л., 1947, стр. 28.

⁵⁵ ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 5787.

⁵⁶ Подробней см.: «Ленинградский университет. 1819—1944», М., 1945, стр. 74—76; см. также: «Отчет о деятельности студенческого кружка ориенталистов при факультете восточных языков»,— «Отчет С.-Петербургского университета за 1907 г.», СПб., 1908. Здесь и далее указываем только на доклады, касающиеся проблем Китая и общих вопросов востоковедения.

⁵⁷ Карл-Густав Глац в 1912 г. был оставлен при университете на кафедре китайской и маньчжурской словесности на год («Отчет... имп. С.-Петербургского университета за 1912 г.», 1913). Больше сведений о нем нет.

⁵⁸ «Отчет... имп. С.-Петербургского университета за 1915 г.», Пг., 1916.

⁵⁹ «Actes du Douzieme Congrès International des orientalistes. Rome, 1899», t. 1, Florence, 1899.

⁶⁰ С. Ф. Ольденбург, Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана. 1. Южная часть Китайского Туркестана,— ЖМНП, 1903—1904, № 6, стр. 366—397. Написана в связи с рецензией на работу: M. A. Stein, Sandburied Ruins of Khotan, London, 1903. В сносках С. Ф. Ольденбург дал почти исчерпывающую библиографию по археологическим исследованиям Западного Китая.

⁶¹ С. Ольденбург, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии,— ЖМНП, 1903, № 9, отд. IV, стр. 45.

⁶² «Bulletin de l'Association Internationale pour l'exploration historique, archéologique, linguistique et ethnographique de l'Asie Central et de l'Extrême Orient. Publie par le Comité Russe».

⁶³ «Протоколы Центрального русского комитета», 1903, № 2 (заседание от 26 апреля 1903 г.).

⁶⁴ М. М. Березовский, Доклад комиссии по снаряжению экспедиций с археологической целью в Кучу и Турфан,— «Протоколы...», 1904, прил. стр. 8—17. Биографические сведения о С. М. Дудине см.: «Памяти С. М. Дудина. Доложено акад. Е. Ф. Карским в заседании Президиума АН, 13.V. 1930 г.»; Э. К. Пекарский, С. М. Дудин; В. В. Бартольд, Воспоминания о С. М. Дудине; С. Ф. Ольденбург, Памяти Самуила Мартыновича Дудина. Все перечисленные статьи опубликованы в «Сборнике Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. IX, М.—Л., 1930, стр. 341—358. [См. также: Д. К. Зеленин, С. М. Дудин. 1863—1929. (Некролог),— «Сов. Азия», 1930, № 5—6, стр. 334—335.—Прим. ред.] Специально для М. М. Березовского П. С. Попов написал статью по китайским источникам «Заметки о Куче», опубликованную в «Известиях Центрального русского комитета», 1904, № 4, стр. 15—20; 1905, № 5, стр. 3—7.

⁶⁵ «Протоколы...», 1907, № 2; 1911, № 1; 1912, № 1.

⁶⁶ С. Ольденбург, Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908,— ЗВОРАО, 1910, т. XX, стр. 01—08, портрет. Материалы о деятельности Н. Ф. Петровского как российского консула в Кашгарии (письма, донесения, подлинные и в копиях, за 1883—1904 гг.) см.: ЦГАДА, ф. 466, 210 л. В них 50 писем Петровского и его фотография.

⁶⁷ Статьи Н. Ф. Петровского «Буддийский памятник близ Кашгара», «Загадочные яркендские монеты», «Заметки о древностях Кашгара» опубликованы в ЗВОРАО, 1892, т. VII, стр. 298—301, 307—310; 1896; т. IX, стр. 147—155.

⁶⁸ «Известия Центрального русского комитета», 1909, № 9, стр. 66—70; «Протоколы...», 1907, № 4; Г. Козерицкий, Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского, СПб., 1895.

⁶⁹ [С. Ф. Ольденбург], Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года. Краткий предварительный отчет. Составил С. Ф. Ольденбург. С 93 табл., 1 планом вне текста и 73 рис. и планами в тексте, фото и рис.

художника С. М. Дудина и планом инж. Д. А. Смирнова, СПб., 1914. Сообщение о результатах экспедиции было сделано на заседании Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО, 1911, т. XXI, стр. XX—XXI); Б. Денике, О памятниках культуры и искусства Турфана, Берлин, 1913.

⁷⁰ Ц. Жамцарано, Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг.,— «Известия Центрального русского комитета», сер. II, 1914, № 2, стр. 44—53.

⁷¹ С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам.— «Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. II, 1912, № 1, стр. 94—99 (Урумчи-Сунжоу); о втором путешествии см.: там же, сер. II, 1914, № 3, стр. 85—88. Все обширные лингвистические материалы, собранные в этих путешествиях, опубликованы С. Е. Маловым уже в советское время.

⁷² «Протоколы...», 1915, № 3.

⁷³ С. Ф. Ольденбург, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане, — «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2 (отд. отд., 25+31 стр.); его же, Пещера тысячи Будд, — «Восток», 1922, № 1; его же, Искусство в пустыне, — «30 дней», 1925, № 1.

⁷⁴ [В. М. Алексеев], Краткий отчет о командировке летом в Китай в 1912 г. приват-доцента имп. С.-Петербургского университета В. М. Алексеева, — «Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии», сер. II, 1914, № 2, стр. 75—77

⁷⁵ «Протоколы...», 1905, № 1, стр. 3.

⁷⁶ С. Ф. Ольденбург, Об экспедиции Д. А. Клеменца в 1898 г., — «Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. геогр. об-ва», 1916, т. XIV, стр. 219—232.

⁷⁷ «Протоколы...», 1914, № 1, стр. 3.

⁷⁸ ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 188, л. 17; см. также л. 38.

⁷⁹ Там же, л. 20.

⁸⁰ См. брошюры Д. М. Позднеева: Торговля города Ин-коу (Ню-чжуан), СПб., 1902; Торговля города Порт-Артура, СПб., 1902; Торговля городов: Дальнего — Далян-ваня, Би-цзы-во и Да-дун-гоу, СПб., 1902; Торговля порта Чифу, СПб., 1902; см. также: М. П. Федоров, Соперничество торговых интересов на Востоке, СПб., 1903; стр. 63—120.

⁸¹ До 1907 г. Общество востоковедения находилось в ведении Министерства финансов, в 1907 г. перешло в ведение Министерства торговли и промышленности. Архивные материалы (ГИАЛО, ф. 308, № 1—10, 1900—1916) скудны.

⁸² «Устав состоящего под августейшим покровительством его имп. высочества вел. кн. Михаила Николаевича Общества востоковедения», СПб., 1907.

⁸³ «Вестник имп. Общества востоковедения», 1916, № 1, стр. 10—16.

⁸⁴ «Обзор деятельности с 1900 по 1907 г. Справочные и руководящие сведения. Отчеты. Курсы востоковедения», СПб., 1907, стр. 17.

⁸⁵ ГИАЛО, ф. 308, оп. 1, № 2, л. 47.

⁸⁶ П. А. Биршерт сделал доклад «Отношение династии Цин к амурским аборигенам».

⁸⁷ «Краткий очерк возникновения и деятельности Общества русских ориенталистов», — «Вестник Азии», 1909, № 1, стр. 272—280; Н. П. Автономов, Общество русских ориенталистов. (Исторический очерк), — «Вестник Азии», 1926, № 53, стр. 413—448.

⁸⁸ ГИАЛО, ф. 308, оп. 1, № 2, л. 82 (заседание совета общества 30 сентября 1909 г.).

⁸⁹ «Отчет о деятельности Общества русских ориенталистов в С.-Петербурге за 1910 г.», СПб., 1911, 104 стр.

⁹⁰ Д. П. Пантелеев, Систематический указатель статей и авторов, помещенных в журнале «Вестник Азии» за 1909—1927 гг., — «Вестник Маньчжурии», 1927, № 5, стр. 93—101; № 6, стр. 60—72.

⁹¹ Полный перечень статей см.: Н. П. Автономов, Общество русских ориенталистов, стр. 425—426, 431—432.

⁹² «Вестник Азии», 1911, № 7, стр. 34—58.

⁹³ Там же, 1910, № 3, стр. 85—127.

⁹⁴ Там же, № 4, стр. 55—107.

- ⁹⁵ Там же, 1922, № 48, стр. 6—28.
- ⁹⁶ «Положение о состоящих при Обществе востоковедения курсах для изучения языков и стран Востока. (Курсы востоковедения)», СПб., 1907; ГИАЛО, ф. 2046, оп. 1, 1908—1916, 39 дел.
- ⁹⁷ «Практическая Восточная академия в России. Материалы к проекту. Проект», СПб., 1909. Приведены сведения о практическом изучении языков стран Востока в Австрии, Франции и Германии. Историческая справка о русском востоковедении написана А. М. Позднеевым.
- ⁹⁸ Чэн Хун-цзы — автор «Полного русско-китайского словаря» (изд. 2-е, Харбин, 1925) и «Самоучителя китайского языка» (Харбин, 1916).
- ⁹⁹ А. И. Иванов, Китайские тексты, читанные в 1906/07 гг. СПб., 1907, 95 стр.; его же, Китайская начальная хрестоматия разговорного языка. Хуа-юй чу-цзи ду-бэнь, Пекин, 1910.
- ¹⁰⁰ В 1912 г. китайский разряд академии окончили Л. Н. Рудов, Т. Г. Червонешкий, Пентковский, японский — Н. И. Конрад и М. Рамминг.
- ¹⁰¹ «О проекте Практической Восточной Академии. (Записка группы русских востоковедов)», Пг., 1916.
- ¹⁰² С. И. Игнатьев, Наши востоковеды. (По поводу возникновения нового «Общества русских ориенталистов в С.-Петербурге»), — «Исторический вестник», 1910, август, стр. 603—613.
- ¹⁰³ Аркадий Петров, Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия, СПб., 1910, стр. 38.
- ¹⁰⁴ В. М. Алексеев, В старом Китае, стр. 192.

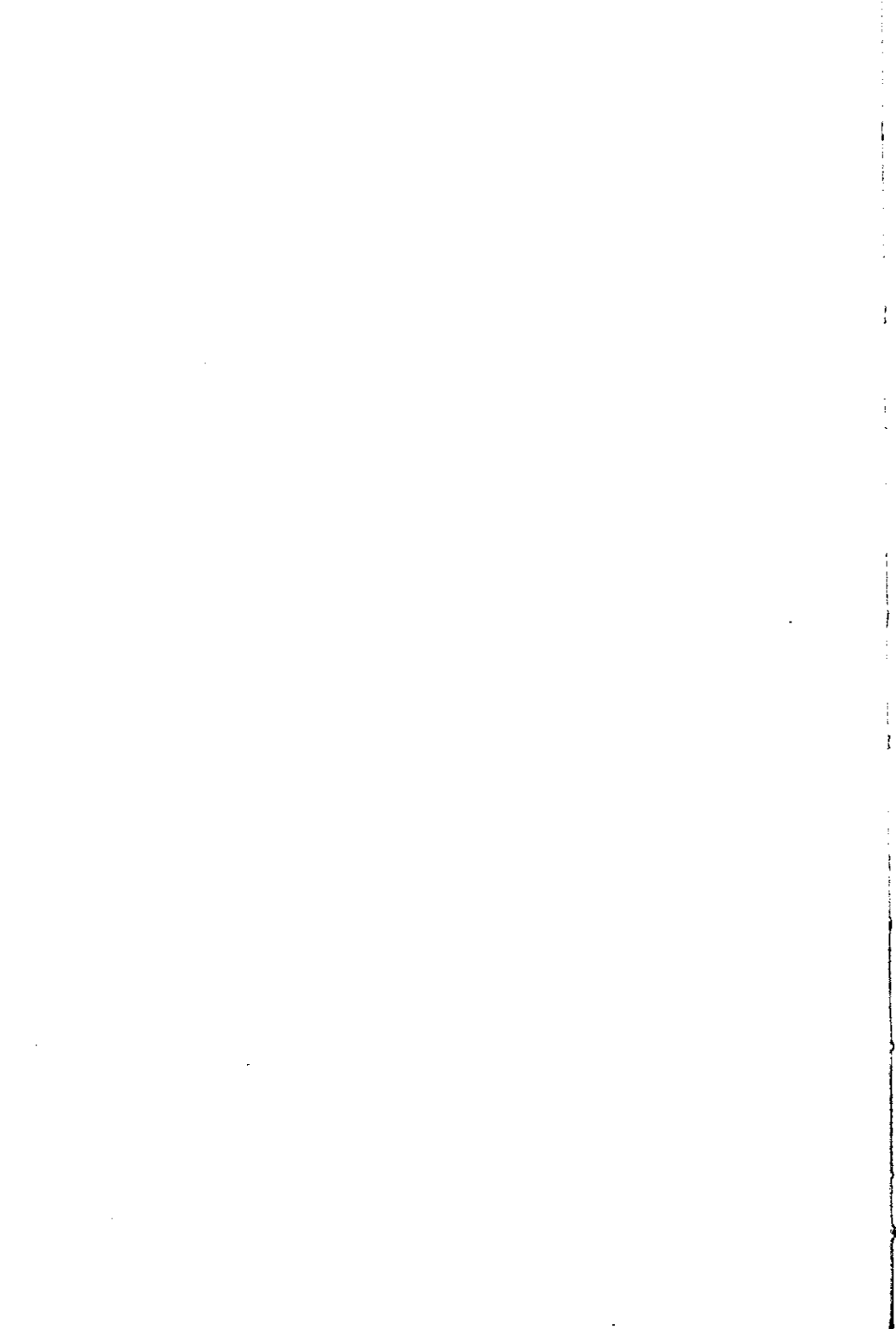
Заключение

- ¹ О значении филологических исследований для мирового востоковедения см.: Н. И. Конрад, Старое востоковедение и его новые задачи, — в кн.: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972, стр. 7—28. — *Прим. ред.*
- ² Б. К. Пашков, Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XVIII, Языкознание, М., 1956, стр. 5.
- ³ Там же, стр. 5—6.
- ⁴ Там же, стр. 6.
- ⁵ Там же.
- ⁶ В. М. Алексеев, Синология, — Большая советская энциклопедия, [изд. 1-е], т. 51, М., 1945, стр. 175.
- ⁷ В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, — «Краткие сообщения Института востоковедения», XVIII, Языкознание, стр. 83.
- ⁸ Там же.
- ⁹ И. И. Захаров, Полный маньчжуро-русский словарь, СПб., 1875, стр. XXX.
- ¹⁰ В. М. Алексеев, О роли русской китаистики XIX в. в лексикографии, стр. 81—82.
- ¹¹ В. М. Алексеев, Ботаник В. Л. Комаров и русская китаистика, — «Изв. Гос. геогр. об-ва», 1939, т. 71, вып. 10, стр. 1422.
- ¹² Там же.
- ¹³ С. Ф. Ольденбург, Памяти Василия Павловича Васильева, — ЗВРОАО, 1900, т. XIII, стр. 047.
- ¹⁴ С. Ф. Ольденбург, Азиатский музей Российской Академии Наук. 1818—1918. Краткая памятка, Пг., 1920, стр. 6.
- ¹⁵ И. Ю. Крачковский, Сергей Федорович Ольденбург, как историк востоковедения, — «Записки Института востоковедения АН СССР», IV, М.—Л., 1935, стр. 17.

¹⁶ В. М. Алексеев, Сергей Федорович Ольденбург, как организатор и руководитель наших ориенталистов,— «Записки Института востоковедения АН СССР», 1935, IV, стр. 37.

¹⁷ В. М. Алексеев, Советская синология,— «Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР», М.—Л., 1947, стр. 28—29.

¹⁸ Там же, стр. 29.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АНКЕТА И ПИСЬМО П. Е. СКАЧКОВА

(Публикация А. М. Гришиной)

Интерес к истории русского китаеведения и к библиографии Китая был присущ Петру Емельяновичу Скачкову на протяжении всей его творческой жизни. Об этом свидетельствуют, в частности, и два публикуемых нами документа, относящиеся к 1928—1929 гг.

Документы эти находятся в бумагах покойного Милия Федоровича Достоевского, востоковеда, библиографа и искусствоведа, опубликовавшего две книги* и значительное число статей, рецензий и библиографических обзоров, посвященных главным образом различным вопросам востоковедения. Кроме того, им была составлена большая библиографическая картотека по отечественному востоковедению**.

М. Ф. Достоевский — внучатый племянник великого писателя, внук его старшего брата Михаила Михайловича, сын пианиста Федора Михайловича Достоевского, называвшегося в семье, а также исследователями творчества писателя «Федором Михайловичем младшим». Родился Милий Федорович Достоевский 10 (22) июня 1884 г. в Саратове, умер в Москве. Год его смерти пока точно не установлен, по одним данным — 1943-й, по другим — 1944-й. В 1909 г. М. Ф. Достоевский окончил Археологический институт, а в 1910-м — Специальные классы Лазаревского института в Москве. Совершил несколько поездок по Азии.

В 20-х и 30-х годах М. Ф. Достоевский, потерявший подвижность из-за перенесенной болезни и передвигавшийся только в катающемся кресле, жил в Доме престарелых ученых ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых). В 1928 г. он, работая над историей русского востоковедения и, по-видимому, собирая материал для библиографического словаря отечественных востоковедов, разослал всем известным ему востоковедам специально составленную им анкету.

Экземпляр этой анкеты (№ 85 по нумерации М. Ф. Достоевского), заполненный П. Е. Скачковым, и текст письма, написанного им в связи с работой М. Ф. Достоевского, мы и публикуем.

* М. Ф. Достоевский, *Старина и быт Средней Азии*, М., 1917; его же, *Суздаль*, М., [б. г.]. Обе книги вышли в серии «Культурные сокровища России».

** Рукописная картотека. Ныне хранится в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР.

В подлиннике анкеты №, адрес, дата и вопросы напечатаны на пишущей машинке, ответы — рукописные (мы приводим их курсивом). Дата 7 июня 1928 г. является, таким образом, датой посылки Достоевским анкеты, а не ее заполнения. Анкета помещается на двух сторонах листа бумаги большого формата. Письмо представляет собой рукопись на двух отдельных листах линованной бумаги размером примерно с машинописный лист и занимает три с половиной страницы. Написано ли оно одновременно с отсылкой анкеты или нет — точно неизвестно, так как конвертов в архиве М. Ф. Достоевского не сохранилось. Однако одинаковые чернила, которыми написаны оба документа, и одинаковый характер помарок в тексте дают возможность сделать такое предположение. Тогда дата письма (29 апреля — 15 мая 1929 г.) является и примерной датой заполнения анкеты.

Настоящая публикация, насколько мне известно, является первой публикацией материалов из бумаг М. Ф. Достоевского.

А. М. Гришина

АНКЕТА

№ 85.

г. Москва

7 июня 1928 г.

Тов. Скачкову
(г. Ленинград).

Работая по вопросам истории русского востоковедения и собирая нужные мне био-библиографические материалы, настоящим позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшей просьбой как можно подробнее ответить на нижеследующие вопросы с обращением особого внимания на пункты 8, 9, 18. Желательна на основании всех вопросов Ваша автобиография.

А) По биографии

1. Фамилия, имя, отчество. *Скачков Петр Емельянович.*
2. Год, месяц и число рождения. *1892, 1-го февраля.*
3. Место рождения. *Петербург.*
4. Кто были родители. (Подробно осветить социальное положение). *Крестьянин Калужской губернии, Малоярославецкого уезда, Неделинской волости.*
5. Вероисповедание. *Православный.*
6. Краткая история рода *.
7. Были ли в роде выдающиеся в каком-либо отношении люди.
8. Постепенный ход развития Вашего ориентального мирозерцания.
9. Ход воспитания и образования. *Окончил Петровское Коммерческое училище. I курс Практической Восточной Академии (перед империалистической войной). В 1925 г. окончил Ленинградский восточный институт.*

* На вопросы 6, 7, 8, 10, 13, 19 ответ не дан. — Прим. публикатора.

10. Под каким умственным и общественным влиянием оно происходило.
11. Год окончания среднего учебного заведения. *1911 г.*
12. Наименование высшего учебного заведения. *Ленинградский восточный институт.*
- а) Год поступления. *1922 г.*
- б) Год окончания. *1925 г.*
13. Начало Вашей ученой деятельности.
14. Предмет Ваших специальных занятий. *Экономика и география Китая.*
15. Место Вашей теперешней службы. *Научн[ый] сотр[удник] Ленингр[адского] вост[очного] инст[итута].*
16. В каких учебных заведениях читаете или ведете практические занятия. (Лекции, семинарии, демонстрации и т. д.). *Лекции. Преподаю русский язык в Военной школе.*
17. Адрес службы и квартиры. *Квартиры: Ленинград, пр. 25-го Октября № 60, кв. 24.*

Б) По библиографии

18. Перечень написанного или переведенного с точным обозначением:
- а) если речь идет о книге — года, места, формата и количества страниц;
- б) если о журнальной статье — года, № и названия периодического издания, где она появилась;
- в) если о газетных статьях (главнейших), то в каком году и в каких газетах они появились. *Сдана в печать «Библиография Китая. Указатель книг и журнальных статей о Китае на русском языке (1730—1928)».*
19. Не были ли (где, когда и кем) переведены произведения на иностранные языки.
20. Не появились ли программы Ваших курсов (лекций) постоянных или эпизодических. *Не печатались. Для внутреннего употребления школы.*
21. Не сообщались ли где-либо биографические сведения (если сообщались, то в какой книге или в каком № периодического издания). *Нет.*
22. Не были ли где воспроизведены Ваши портреты. *Нет.*

Примечания:

- 1) Очень желательна присылка оттисков Ваших работ, которые (при надлежащем указании) будут по использованию с благодарностью возвращены обратно.
- 2) Точное указание по какому стилю (старому или новому) сообщаются хронологические данные.

Все сведения и ответы просьба направлять по адресу:

г. Москва, Зубовская площадь, 3-й Неопалимовский переулок, дом № 5 «Престарелых Ученых ЦЕКУБУ».

Милию Федоровичу Достоевскому

29 апреля 1929 года.

Уважаемый Милий Федорович!

После краткого ознакомления, из Вашего письма, с Вашей интересной и крайне нужной работой я вижу, что проделанная мною работа в части подбора материалов для словаря русских синологов и китайстов настолько мала, что я никак не могу претендовать на совместную с Вами работу. Дело в том, что эта работа вылилась отчасти из моей «Библиографии Китая», отчасти из просмотренных мною материалов к ней, и пока готова лишь небольшая часть — Иокинф Бичурин. Я почти уверен, что собранный Вами материал настолько обширен и что мой может быть лишь незначительным дополнением к нему, так что я могу принять участие в Вашей работе лишь доставлением небольшой части отсутствующего у Вас материала.

План моей работы был таков — отыскивать кажущихся незначительным китайстов, о которых мы все имеем очень мало сведений (Кяхтинская школа, самостоятельно выросшие в Китае, окончившие востоковедные ВУЗы и т. д.), обрабатывать постепенно крупных синологов и китайстов, о которых сохранилось много материалов и имена которых известны.

В. М. Алексеев сообщил мне, что Академия наук в ближайшем будущем поручит мне работу над Палладием Кафаровым, в том же виде, как она проделана над Иокинфом Бичуриним. В частности, мне поручено собрать весь архивный фонд (в копиях) об И. Бичурине в Азиатский музей. Что касается моей «Библиографии Китая», то она, конечно, мною не считается идеальной (Вы сами знаете, что «один в поле не воин»). Она должна будет служить основным пособием для изучающих Китай и содержит только книги и статьи «толстых» журналов. Конечно, и в этом объеме она имеет пропуски, поэтому, мне кажется, Вы будете разочарованы в ней. К сожалению, не могу Вам ее переслать, ибо один экземпляр (окончательно исправленный) лежит в Москве (КУТК) и на днях пойдет в печать.

«Архивные и печатные мат[ериа]лы к биографии И. Бичурина», как мой аспирантский доклад в Ленингр[адском] вост[очном] институте, принадлежит институту, и меня заверили, что он будет напечатан в «Восточных записках» (орган института). Если же это дело затянется, то я добьюсь разрешения отпечатать его в другом месте.

Если разрешите, я позволю сказать несколько слов по поводу Вашей анкеты. Первая форма (листовая) отпугивала большим количеством вопросов, которые по существу были излишни. Вторая анкета (на полулисте) удачно составлена, и она должна пользоваться успехом. Главная суть в ней автобиография и список трудов — это самое главное. Остальное лежит на Вас, это остальное — добывание печатных материалов. Трудно просить, что бы человек, как бы обязателен он не был, держал Вас в курсе своей жизни и работы, поэтому эта часть перекладывается целиком на Вас.

Я со своей стороны буду всячески содействовать распространению анкеты среди оканчивающей молодежи.

С осени этого года в Ленинградском восточном институте открывается «Кабинет синологии», которым будет руководить В. М. Алексеев, в числе

прочих задач, поставлен вопрос о сборе матерьялов к истории русской сино-
логии.

За период после получения Вашего письма до настоящего письма я был
в Москве, но, к сожалению, не мог зайти к Вам, т. к. был с утра до вечера,
а работы было по горло. Отставил это письмо, думая, что я успею зайти.
Теперь опять взялся за письмо, ибо личное свидание не удалось.

Надеюсь, что в следующий мой приезд в Москву мы обязательно сви-
димся.

Если у Вас будут какие-либо поручения по части отыскания для Вас
матерьялов, готов Вам служить.

Не откажите и в будущем не оставляйте Вашего любезного внимания и
хоть изредка писать по поводу Вашей работы.

Ваш П. Скачков

15/V-29 г.

P. S. Прилагаемый при сем портрет Иокинфа Бичурина приложен к «За-
пискам о Монголии», что этот портрет действительно изображает Бичурина,
установлено мною документально.

П. С.

СПИСОК ЛИЧНОГО СОСТАВА
РОССИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ПЕКИНЕ

Первая миссия (1715—1728)

- Начальник — Илларион Лежайский (1657—1717, Пекин).
 Иеромонах — Лаврентий.
 Иеродиакон — Филимон.
 Причетники — Иосиф Афанасьев, Осип (Иосиф) Дьяконов (ум. 1736, Пекин),
 Петр Якутов (ум. 1737, Пекин), Григорий Смагин, Никанор Ключов
 (ум. 1737, Пекин), Андрей Попов, Илларион Якут, Федор Колесников
 (Белка).
 Ученики (с 1727 г.) — Лука Воейков (ум. 1734, Пекин), Иван Пухарт, Федор
 (Федот) Третьяков, Иван Шестопалов (Яблонцев).

Вторая миссия (1729—1735)

- Начальник — Антоний Платковский (ум. 1746).
 Иеромонахи — Иван Филимонов, Лаврентий Уваров, Иосаф (Иосиф) Ива-
 новский (ум. 1747 г., Пекин).
 Ученики — Илларион Россохин (ум. 1761), Герасим Шульгин (ум. 1736, Пе-
 кин), Михаил Пономарев (ум. 1738, Пекин), Алексей Владыкин
 (с 1732 г.), Иван Быков (с 1732 г.).

Третья миссия (1736—1743)

- Начальник — Илларион Трусов (ум. 1741, Пекин).
 Иеромонахи — Лаврентий Уваров, Антоний Льховский, Лаврентий Бобровни-
 ков (ум. 1745, Пекин).
 Иеродиакон — Иосаф (Иосиф) Ивановский.
 Причетники — Петр Иовлев, Петр Каменский, Яков Иванов (курилец)
 (ум. 1738, Пекин), Михаил Иванов, Иван Шихарев (ум. 1739, Пекин).
 Ученики (с 1743 г.) * — Алексей Леонтьев (1716—1786), Андрей Канаев
 (1722—1752, Пекин), Никита Чеканов (ум. 1752, Пекин).
 Пристав — Герасим Лебратовский.

* Эти ученики находились в Пекине и во время пребывания там четвер-
той духовной миссии.

Четвертая миссия (1744—1755)

Начальник — Гервасий Ленцовский (ум. 1769).
Иеромонахи — Иониль Врублевский, Феодосий Смержевский (ум. 1758), Иосаф (Иосиф) Ивановский (ум. 1747, Пекин).
Причетники — Созонт Карпов, Кирилл Бельский, Кирилл Семенов, Алексей Смольницкий.
Ученики — Ефим Сахновский.

Пятая миссия (1755—1771)

Начальник — Амвросий Юматов (ум. 1771, Пекин).
Иеромонахи — Сильверст Спицын (ум. 1773, Пекин), Софроний Огневский (Обресков) (ум. 1770, Пекин), Никифор Коленовский (ум. 1775, Пекин), Сергей (ум. 1768, Пекин).
Причетники — Стефан Зимин, Илья Иванов, Алексей Данилов (ум. 1772).
Пристав — Василий Игумнов.

Шестая миссия (1771—1781)

Начальник — Николай Цвет (ум. 1784).
Иеромонахи — Иуст (ум. 1778, Пекин), Иоанн Протопопов (ум. 1799), Никифор.
Причетники — Петр Родионов (ум. 1815), Иван Гребешков (ум. 1771, Пекин).
Ученики (с 1772 г.) — Федор Бакшеев (ум. 1787), Алексей Парышев, Алексей Агафонов (ум. 1794), (с 1779 г.) Яков Коркин (1745—1779, Пекин).

Седьмая миссия (1781—1794)

Начальник — Иоаким Шишковский (ум. 1795, Пекин).
Иеромонахи — Антоний Седельников (ум. 1782, Пекин), Алексей Боголепов (ум. 1809).
Иеродиакон — Израиль (ум. 1795, Пекин).
Причетники — Иван Орлов, Семен Соколовский.
Ученики — Егор Салертовский (ум. 1795, Пекин), Антон Владыкин (1761—1811), Иван Филонов (ум. 1790, Пекин), Алексей Попов (ум. 1795, Пекин).

Восьмая миссия (1794—1807)

Начальник — Софроний Грибовский (ум. 1814).
Иеромонахи — Иессей (ум. 1804, Пекин), Варлаам (ум. 1802, Пекин).
Иеродиакон — Вавила (ум. 1797, Пекин).
Причетники — Козьма Карганский, Василий Богородский.
Ученики — Павел Каменский (1765—1845), Карп Круглополов, Степан Липовцов (1770—1841), Иван Малышев (1770—1806, Пекин), Василий Новоселов (с 1791 г.).
Пристав — Василий Игумнов.

Девятая миссия (1807—1821)

- Начальник — Н. Я. Бичурин (Иакинф) (1777—1853).
Иеромонахи — Аркадий, Серафим, Нектарий.
Причетники — Василий Яфицкий, Константин Пальмовский.
Студенты — Маркел Лавровский (ум. Пекин), Лев Зямайлов, Михаил Сипаков, Евграф Громов (ум. Пекин).
Пристав — Семен Первушин.

Десятая миссия (1821—1830)

- Начальник — П. И. Каменский (Петр) (1765—1845).
Иеромонахи — Вениамин Морачевич, Даниил Сивиллов (1798—1871).
Иеродиакон — Израиль.
Причетники — Николай Вознесенский, Алексей Сосницкий (ум. 1843).
Студенты — Кондрат Крымский, Захар Леонтьевский (1799—1874), Василий Абрамов.
Врач — Осип Павлович Войцеховский (1793—1850).
Пристав — Е. Ф. Тимковский.

Одиннадцатая миссия (1830—1840)

- Начальник — Вениамин Морачевич.
Иеромонахи — Аввакум Честной (1801—1866), Феофилакт Киселевский (1809—1840, Пекин).
Иеродиакон — Поликарп Тугаринов.
Студенты — Г. М. Розов (1808—1853), Курлянец, А. И. Кованько, Е. И. Сычевский.
Врач — П. Е. Кирилов (1801—1864).
Художник — А. М. Легашев (1798—1865).
Прикомандированные — ботаник А. А. Бунге, астроном Е. Н. Фус, монголист О. М. Ковалевский.
Пристав — полковник М. В. Ладыженский.

Двенадцатая миссия (1840—1849)

- Начальник — Поликарп Тугаринов.
Иеромонах — Иннокентий Немиров (1818—1877).
Иеродиаконы — Палладий Кафаров (1817—1878), Гурий Карпов (1812—1882).
Студенты — И. А. Гошкевич (1814—1875), В. В. Горский (1819—1847), И. И. Захаров (1814—1885).
Врач — А. А. Татаринов (1817—1876).
Художник — К. И. Корсагин (1809—1872).
Прикомандирован — магистр В. П. Васильев (1818—1900).
Пристав — Н. И. Любимов (1808—1875).

Тринадцатая миссия (1850—1858)

Начальник — Палладий Кафаров.

Иеромонахи — Елисей (Евламбий) Иванов (род. 1822), Петр (Павел) Цветков (ум. 1855, Пекин).

Иеродиакон — Михаил (Илларион) Оводов (1827—1857, Пекин).

Студенты — М. Д. Храповицкий (1816—1860), Н. И. Успенский (ум. 1851, Пекин), Н. И. Нечаев (ум. 1854, Пекин), К. А. Скачков (1821—1883).

Врач — С. И. Базилевский (1822—1878).

Художник — И. И. Чмутов (1817—1865).

Пристав — Е. П. Ковалевский (1809—1868).

Четырнадцатая миссия (1858—1864).

Начальник — Гурий (Григорий) Карпов.

Иеромонахи — Александр Кульчицкий (1823?—1888), Исая Полякин, Антоний Люцернов.

Студенты — А. Ф. Попов (1828—1870, Пекин), К. Павлинов, Д. А. Пещуров (1837—1903), Н. Мраморнов.

Врач — П. А. Корниевский (1833—1878).

Художник — Л. С. Игорев (1823—1880).

Пристав — П. Н. Перовский.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Азиатский департамент (375), Бичурин Н. Я. (378), Васильев В. П. (379), Владивостокский восточный институт (385), Восточный факультет С.-Петербургского университета (381), Казанский университет (380), Каменский П. И. (378), Кяхтинская школа китайского языка (379), Общество востоковедения (385), Пекинская духовная миссия (365), Практическая восточная академия (386), Разные дела (386), Россохин И. К. (362), Чжоу Гэ (364), Школы переводчиков в Урге и Кульдже (380).

И. К. Россохин

1. Дело по премории Государственной Коллегии иностранных дел об определении при Академии для обучения и переводу китайского и маньчжурского языков прапорщика Россохина, его жаловании и о прочем. Марта 19, 1741 г. ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 53, 251 л.

2. Реестр, поданный Ларионом Россохиным в Канцелярию Академии наук 24 марта 1741 г.

Там же, л. 204—208.

3. Дело об определении его для переводов и преподавания китайского и маньчжурского языков, с приложением реестра купленных у него книг. 1741—1745.

Там же, № 59, л. 200—266.

4. Рапорт в Академию наук о делах, касающихся книжной лавки. 1742.

Там же, № 70, л. 231—256, 345, 418; № 72, л. 80—88, 111; № 73, л. 47—48, 82—105.

5. Доношение о выдаче ему [Россохину] в счет жалования нужных ему частью для его переводу китайских книг, частью для отсылки в Китай к находящимся там русским ученикам несколько русских книг, что и было исполнено. 4 марта 1743 г.

Там же, № 75, л. 19.

6. Рапорт о выдаче ему [Россохину] при переводе книг и ежедневных занятий с учениками писчей бумаги и карандашей, что и было исполнено 4 декабря 1744 г.

Там же, № 92, л. 175.

7. Дело о выдаче ученикам Россохина части заслуженного ими жалования. 11 мая 1745 г.

Там же, № 95, л. 114.

8. Дело об изготовлении нужной для его школы китайского и манжурского языков мебели. 14 мая 1745 г.

Там же, № 96, л. 61—64.

9. Дело по представлению в Канцелярию Академии наук прапорщиком Россохиным «Описания титулов китайского хана и принцов его, достоинства всех служилых людей и названия их должностей», сделанного им по взятым из библиотеки китайским книгам, и определение академической канцелярии — положить их в библиотеку к другим рукописным сочинениям. 21 июля 1749 г.

Там же, № 131, л. 288—294.

10. Дело по представлению в Канцелярию Академии наук прапорщиком Россохиным первой части большого китайского атласа, состоящей из 21-ой ландкарты, переведенных им на русский язык, и определение Канцелярии о передаче второй части этого атласа до перевода его в работу студенту Кузнецову для увеличения. 7 ноября 1749 г.

Там же, № 135, л. 33—36.

11. Дело о печатании переведенной прапорщиком Ларионом Россохиным с манжурского языка на русский «Сокращенной древней китайской истории». (По резолюции Академии наук определено: отложить печатание впредь до рассмотрения перевода Конференцией.) 12 января 1747 г.

Там же, № 106, л. 83—85.

12. Дело о приобретении Академией наук для своей библиотеки приобретенных прапорщиком Россохиным у разных чинов людей китайских исторических и гражданских книг новых выходов (роспись книгам приложена к делу). 5 февраля 1748 г.

Там же, № 114, л. 45—53.

13. Дело по представлению в Канцелярию Академии наук прапорщиком Россохиным сделанных им по требованию Г. Ф. Миллера выписок из китайской генеральной истории о всех поездках китайцев в Восточное море, каковой труд определено поместить в библиотеку к другим рукописным сочинениям. 27 февраля 1753 г.

Там же, № 174, л. 311—314.

14. Дело о выдаче Россохину бумаги для переписывания переведенной им с манжурского языка «Истории о завоевании китайским ханом Калхаского и Элетского народа». 2 ноября 1749 г.

Там же, № 135, л. 1—4; № 139, л. 202—204, 389—396.

15. Дело по рапорту Россохина о выдаче ему бумаги для перевода с китайского языка на русский древней истории о владевших китайским государством ханах. 30 марта 1750 г.

Там же, № 139, л. 518—520; № 151, л. 392—393.

16. Дело о принятии унтер-библиотекарем Таубертом для помещения в секретной камере собранных прапорщиком Россохиным в особую книжку всех хулительных и предосудительных до России слов. 13 февраля 1750 г.

Там же, № 138, л. 143—147.

17. Жалоба на него Г. Ф. Миллера, что Россохин сдает свои переводы в канцелярию, минуя Миллера, не давая их просмотреть. 1750.

Там же, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 100, 140.

18. Рапорт в Канцелярию Академии наук для перевода последних книг китайской истории, что и было исполнено. 1 октября 1754 г.

Там же, № 193, л. 399.

19. Рапорт в Канцелярию Академии наук прапорщика Лариона Россохина. 4 августа 1755 г.

Там же, ф. 3, оп. 1, № 202, л. 38.

20. Дело о переводе на русский язык прапорщиком Ларионом Россохиным «Описания о состоянии всего манджурского войска из осми знамен состоящего». 2 мая 1756 г.

Там же, № 210, л. 28, 237—240; № 228, л. 214—217; № 234, л. 77—79.

21. Довошение подпоручика [И. К.] Россохина с просьбой об увольнении его сына Петра 11-ти лет от изучения китайского и манжурского языков, к которым он склонности не имеет. 18 июня 1758 г.

Там же, № 236, л. 83—88. На л. 88 подпись М. В. Ломоносова.

22. Рапорт о выдаче ему ландкарты 4-х частей Света на русском языке для справок.

Там же, № 237, л. 67.

23. Рапорт прапорщика Россохина с предоставлением перевода на русский язык «Обстоятельного описания» для переписи в канцелярии набело. 1 мая 1756 г.

Там же, № 210, л. 237—238.

24. Определение [П. И.] Россохина в подпоручики. Февраль 1761 г.

Там же, № 827.

Определение состоялось 31 мая 1762 г.

25. Дело о смерти подпоручика [И. К.] Россохина. 26 октября 1761 г.

Там же, № 264, л. 280—282; № 267, л. 44—55; № 274, л. 276—277.

26. Дело о И. К. Россохине и выдаче денег, свечей, бумаги и др. [предметов] бытового характера.

Там же, № 70, л. 231—256, 375, 418; № 72, л. 80—88, 111, 120; № 73, л. 13, 47—48, 91—95, 105; № 76, л. 26; № 77, л. 219 об., 222, 396; № 80, л. 35—36; № 81, л. 14; № 82, л. 133; № 83, л. 133, 332; № 91, л. 250; № 106, л. 328; № 110, л. 104.

27. Биографические справки в деле Г. Ф. Миллера.

Там же, № 232, л. 39, 40, 92—92 об., 104 об.

28. О переводе, отосланной в Академию наук «Китайской истории», находящейся при Академии прапорщика Россохина и в котором числе получен. ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, № 485а, л. 754—765.

Переписка о получении книг и о помощи Леонтьеву.

Чжоу Гэ и его школа

29. Дело о крещении китайца Джоги и об определении к нему учеников.

АВПР, ф. 62 (Сношения России с Китаем*), оп. 1, 1734—1751 гг., № 12, 166 л.

* В описаниях материалов из АВПР название фонда приводится только при первом упоминании.

30. Отправление в Санкт-Петербург для крещения в христианскую веру китайца Джоуга, нареченного по крещении Федором.

Там же, 1735—1737 гг., № 9, 14 л.

31. Дело по доношению Коллегии иностранных дел о выбрании по отсылке московских латинских школ из молодых людей в ту человек к находящемуся при оной коллегии иноземцу Федору Джоге для изучения манжурского языка. 1738 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 19, № 293, 15 л.

32. Копии с бумаг из дела о крещении китайца Джоги и об определении к нему учеников.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1734—1740 гг., № 11, 14 л.

33. Ведомость об учениках манжурского языка Леонтьеве и Канаеве, в которое время они учились.

АВПР, ф. 169 (Внутриколлежские дела), оп. 1, 1739—1740 гг., № 1325, 5 л. Запись о занятиях.

34. Доношение в Московскую контору Коллегии иностранных дел китайца Федора Джога об отпуске ему денег по случаю рождения ребенка 26 февраля. 16 апреля 1739 г.

Там же, № 1322, л. 7.

35. Справка Коллегии иностранных дел на запрос Кабинета о двух учениках греко-латинской школы Леонтьеве и Канаеве, обучавшихся манжурскому языку у Джоге, и присылке их в Коллегию. 7 марта 1741 г.

Там же, № 1365, 5 л.

36. Дело о заведении школы при Коллегии иностранных дел для обучения китайскому и манжурскому языкам и отправлении одного из учеников оной школы на китайскую границу.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1742—1798 гг., № 5, 189 л.

37. Выписка о китайце прапорщике Джоге и отправлении его в Архангелогородский гарнизон.

Там же, 1749—1752 гг., № 1, 30 л.

38. Дело о даче крещеного прапорщика Федора Джога жене награждения.

Там же, № 4, 9 л.

Пекинская духовная миссия

39. Об отсылке к князю Гагарину проекта Панкратьева о новом пути в Китай.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, № 10, л. 109—109 об.

40. О поездке в Китай Устюжанина Никиты Панкратьева для выяснения возможного более краткого торгового пути с Китаем и о притеснении со стороны сибирского губернатора М. П. Гагарина и купца Осколкова. 1718 г.

Там же, л. 509—510.

41. Доношение Григория Чернышева о присылке двух геодезистов Михаила Игнатьева и Федора Валуева для отправления в Китай с посланником Измайловым. 1719 г.

ЦГАДА, ф. 62, оп. 1, 1719 г., № 6, л. 1—1 об.

42. Дело о посланных в 1725 году в Китай учениках Луке Воейкове и Иване Шестопалове.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1725 г., № 10, 6 л.

43. Переписка о посылке толмача Ивана Қазылбашенина с указами для Рагузинского в Китай. 1727 г.

АВПР, ф. 169, оп. 1 а, № 1117.

44. Отправление в Китай архимандрита Антония с священниками и учениками.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1728 г., № 7, 3 л.; ф. 1404, оп. 1, № «Б», 3 л.

45. Иннокентий Кульничский. Посылка Платковского. 1729 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 1, № 120, 145 л.

46. Указ в Пекин к иеромонаху Антонию Платковскому, повелевающий ему стараться в обучении российских с ним находящихся учеников китайскому и манжурскому языкам. 1730 г.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1730 г., № 11, 2 л.

47. Копии с переводу с журнала агента Лоренца Ланга бытности его с караваном в Китае в Пекине в 1727 и в 1728 годах, которой он сам подал в Государственной Коллегии иностранных дел 9 марта 1730 году.

Архив ЛО ИВАН, ф. 36, оп. 1, № 152, 106 л.; ОР ГПБ, Собрание Н. М. Михайловского, № 186, 158 стр.

48. Дело о присланных из Сибирского приказа в Коллегию полученных из Пекина от езуитов китайских лексиконов и об отсылке оных в Академию наук.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1730 г., № 9, 4 л.

49. Доношения и письма к графу Владиславичу от архимандрита Платковского, назначенного с учениками и причетом церковным.

Там же, 1727—1729 гг., № 15, 64 л.

50. Путевой журнал секретаря Василия Бакунина, бывшего при препровождении из Москвы к калмыкам, а оттуда чрез Қазань к Томску китайских послов Мерсы-зангина Ландая с товарищи.

Там же, 1731—1732 гг. № 12, 200 л.

51. Доношения отправленного с торговым караваном в Китай Лоренца Ланга в Сибирский приказ о прибытии каравана в Пекин, приеме богдыханом, с челобитной академических учеников Ивана Быкова и Алексея Владыкина, посланных в Китай для изучения китайского языка, о прибавке жалования. 1732 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, № 160, л. 369. Копия.

52. Дело по доношению бывшего в Китае посланника графа Владислава о купленных им в Пекине для Коллегии лексиконов.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1732 г., № 12, 6 л.

53. Дневная записка 1733 г. марта. Послан из Тобольска в Пекин с грамотами из Сената в Китайский трибунал капитан Семен Петров, возвратился в октябре в С.-Петербург.

Там же, 1733 г., № 9; вторичная посылка: декабрь, 1733 г., там же, № 7.

54. Переписка с Святейшим Синодом и Сенатом по делам имеющейся в Китае греко-российской церкви с служащим при оной архимандритом Антонием Платковским и обучающимися тамо российскими учениками. Тут же и доношения оного архимандрита.

Там же, № 3, 47 л.

55. Переписка с Святейшим Синодом об учениках и Антонии Платковском.

Там же, 1734 г., № 2, 163 л. (с Платковским и Трусовым).

56. Переписка с Святейшим Синодом и Сенатом по делам имеющейся в Китае греко-российской церкви с служащими при оной новопроизведенными з Пекин (на место архимандрита Платковского и священников) Иларионом Трусовым, священниками, церковниками и обучающимися тамо российскими учениками. Тут же доношения обоих архимандритов.

Там же, 1735 г., № 3, 29 л.

57. Дело о посылке с Лангом Маслова Осипа (Мясникова) для изучения китайских художеств. 1735 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1102, л. 514—516.

58. По доношению Лоренца Ланга об определении к нему в товарищи для изучения торговли с Китаем и обычаев Л. Ф. Семенникова и англичанина Рандольфа Маркваринга. 1735 г.

Там же, оп. 4, № 164, л. 1274—1277.

59. О посылке в Китай с караваном Лоренца Ланга сибирского серебряника Осипа Мясникова (под фамилией Маслова) для изучения китайских художеств. 1735 г.

ЦГАДА, ф. 259а, оп. 4, № 485а, л. 1403—1409.

60. Инструкция, данная из Сибирского приказа Лоренцу Лангу, директору отправляющегося в Китай торгового каравана. 1735 г.

Там же, № 181, л. 14—29. Копия.

61. Доношение караванного директора Лоренца Ланга в Кабинет о результатах поездки в Китай Степана Дамеса, посланного для изучения китайских приемов получения золота и серебра из руд. 1738 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1102, л. 1564—1567.

62. По доношениям состоящего при русском посольстве в Пекине архимандрита Антония Платковского о православной русской миссии в Пекине, о назначении туда архимандрита Трусова и о проступках архимандрита Платковского и бывшего в Пекине иеромонаха Лаврентия.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. X, СПб., 1730, № 23, стлб. 37—64.

63. О Платковском с прочими. 1738 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 19, № 356, 382 л.

64. Доношение караванного директора Лоренца Ланга в Кабинет о результатах пребывания в Китае сибирского серебряника Осипа Мясникова, посланного для изучения китайских художеств под фамилией Маслова. 1739 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 17, № 1102, л. 1514—1516.

65. Отправление в Китай с листом от Сената к китайскому Трибуналу кабинет-курьера Михаила Шокурова, тут же и возвращение оного с ответным от Трибунала листом об учениках российских и с доношениями иркутского вице-губернатора и архимандрита в Китай следующими; также и журнал бытности его в Пекине. 1740 г.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1740 г., № 4, 67 л.

66. Об отправлении в 1742 году в Китайское государство архимандрита Гервасия Ленцовского.

ЦГИА, ф. 796, оп. 32, 1751 г., № 7, 166 л.

67. Доношения Сибирского приказа в Сенат о получении доношения от директора Е. Фирсова о следовании каравана в Пекин по Керуленской дороге. 1742 г. (Доношения Фирсова приложены.)

ЦГАДА, ф. 259а, оп. 4, № 18, л. 622—623, 651—664. Копия.

68. О выдаче отправляющемуся в Пекин архимандриту Ленцовскому лексикона. 1742 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 209, № 129, л. 120—120 об.

69. По доношению иностранной коллегии о смерти в Китайском государстве в городе Пекине архимандрита Иллариона Трусова и об отправлении на его место архимандрита Гервасия Ленцовского и прочих. 1742 г.

Там же, оп. 23, № 120, 374 л.

70. Послание из Трибунала Внешних провинций Китая Правительствующему Сенату о смерти обретавшегося при российском дворе в Пекине архимандрита Иллариона Трусова, отпуске отозванного в Россию иеромонаха Лаврентия и причетника Якова Иванова и приеме вновь определенного иеромонаха Лаврентия и причетника Кузьмы Бобровникова. 1742 г. (Подлинники на русском, латинском и маньчжурском языках. Переводы с маньчжурского и латинского.)

ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, № 180, ч. 2, л. 649—662 об.

71. Отправление в Китай майора Шокурова.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1742 г., № 7, 44 л.

Об учениках миссии 1733—1740 гг.; Чжоу Гэ, его рапорт.

72. По журналам Святейшего Синода об отправлении в 1742 году в Китайское государство, в столицный город Пекин, архимандрита Гервасия Ленцовского со свитой и о посылке на их место других.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. XXXI, 1751, № 7181, стлб. 17—30.

73. О проступках находящегося в Китае в г. Пекине архимандрита Иллариона Трусова. 1742.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. XIV, 1734, № 109, стлб. 111—112.

74. По доношению иностранной коллегии о смерти Иллариона Трусова и отправлении Ленцовского. 1742.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. XXII, 1742, № 120 (в деле 372 л.).

75. По донесению Иркутского архиерейского приказа о настроении в составе Пекинской духовной миссии. 1743.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. XXIII, 1743, № 211, стлб. 305—311.

76. Листы Государственного Совета Китая в Правительствующий Сенат. 1. Об отказе увеличить число церковных причетников при российском дворе в Пекине. 2. О пропуске и сопровождении каравана г. Лебратовского. 3. Об отправке в Россию по требованию г. Лебратовского Ивана Быкова и Алексея Владыкина, посланных для изучения китайского языка, и оставлении с этою же целью Ефима Сахновского. 1746 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, № 183, л. 115—135. Подлинники на русском, китайском и маньчжурском языках.

77. О выдаче жалования бывшему в Китае для изучения языков Алексею Владыкину и зачислении его в Якутский полк переводчиком. 1747—1748 гг.

ЦГАДА, ф. 259а, оп. 1, № 969, л. 1—39.

78. По донесению директора китайского каравана Герасима Лебратовского и пекинского архимандрита Гервасия Ленцовского с жалобой друг на друга. Здесь же о беспорядке в Пекинской миссии и о раздорах и пререканиях между начальником ея архимандритом и членами неромонахами и причетниками. 1748 г.

«Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода», т. XXVI, 1744, стлб. 536—566.

79. О выдаче прапорщику Алексею Владыкину, командированному в Пекин для изучения китайского языка и фарфорового производства, заслуженного жалования. 1748 г.

ЦГАДА, ф. 259, оп. 22, № 968, л. 205—224.

80. Журнал о следовании торгового каравана директора г. Лебратовского от границы до Пекина, пребывания в Пекине и обратно по пути до Петербурга. 1748 г.

ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, № 181, л. 290—348.

81. Каталог, данной лекарю Елачичу при отправлении его с караваном в Пекин для доставления таковых же вещей, в бывшем в 1747 году в Кунсткамере пожаре сгоревших и утраченных; чего ради и с преждеделанных тем вещам рисунков приложены копии.

ЛО ААН, ф. 3, оп. 1, № 808/а, 144 л.

82. Отправление в Китай с караваном директора Алексея Владыкина.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1753 г., № 7.

83. О посланных учениках Воейкове и Шестопалове. 1753 г.

Там же, № 10.

84. Журнал (описание) тракта от Чикойской Петропавловской крепости до Пекина с описанием укреплений гарнизонов, занятий и жителей, составленной геодезистом Еремеем Владыкиным. 1754 г.

ЦГАДА, ф. 259а, оп. 1, № 485/а, л. 689—714.

85. Дело о посылке в Китай комиссара каравана геодезии подпоручика Еремея Владыкина для тайного описания пути от границ до Пекина и составления карты.

Там же, л. 103—142.

86. По доношению китайского каравана директора Алексея Владыкина и геодезии поручика Еремея Владыкина.

Там же, оп. 1, № 485/а, л. 684—688 об.

87. Дело о геодезисте Е. Владыкине. Реестр его вещей. 1756 г.

Там же, л. 715—751.

88. Дело о передаче в Академию наук для перевода шестнадцатитомной истории Китая, купленной в Китае геодезии поручиком Е. Владыкиным. 1756 г.

Там же, л. 752—755, 759—767.

89. Об отправлении к китайскому двору для домогательства о присылке сюда посольства и исходатайствования позволения о свободном проходе российским судам по реке Амуру с хлебом и другими припасами для гарнизонов в крепостях и острогах по северо-восточному берегу с обыкновенной грамо-

той Сената к тамошнему трибуналу с потребными наставлениями под именем курьера советника канцелярии Братищева. Указ 12 августа 1756 г.

ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, № 111, 132 л.

90. Экстракт из журнала посланного в Китай советника канцелярии В. Братищева. 1756—1757 гг.

ЦГАДА, ф. 259, оп. 1, № 4856, л. 19—46, 862—868.

91. Письма из Китайского трибунала к Сибирскому губернатору Матвею Гагарину, присланные из Тобольского архива при рапорте. 1759 г.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1759 г., № 2, 80 л.

92. По Синодальному рассуждению о вызове из Китая города Пекина архимандрита Амвросия в Россию. 1761 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 42, ч. I, № 202/27.

93. О назначении в Пекинскую миссию архимандрита Цвета. 1775 г.

Там же, ч. II, № 203/217, 346 л.

94. По прошению архимандрита находящегося в Пекине Николая Цвета о возвращении его в Россию. 1778 г.

Там же, оп. 59, № 328/330, 417 л.

95. О русских учениках, изучавших китайский и маньчжурский язык. Позднее 1780 г.

ЦГАДА, ф. 17, № 75.

96. По доношению Коллегии иностранных дел о назначении и отправлении в Пекин на место находящегося там другого [архимандрита]. 1792 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 73, № 327/288.

97. Записки пристава Духовной миссии в Пекине коллежского секретаря Василия Игумнова о Китае. Об эпидемиях, о войне богдыхана с племенем Гачи-Бальбу в 1792 г., о торговле на Кяхте, голландском и английском посольствах. 1794—1795.

ЦГАДА, ф. 15, № 237, л. 1—18.

98. Журнальные секретные записки пристава духовной свиты Игумнова. 1794—1795 гг.

АВПР, ф. 152 (Биб-ка Аз. деп-та), оп. 505, № 141, 33 л.

99. По письму от иркутского епископа Вениамина к новгородскому митрополиту Гавриилу о смерти бывшего в Пекине архимандрита Иоакима Шишковского. 1795.

ЦГИА, ф. 796, оп. 76, № 506 (297).

100. Записка иркутского купца Федора Щегорина о системе китайского правления. 1799 г.

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, № 53, 2 л.

101. Дело по проекту иркутского купца Щегорина о торговле с Китаем.

ЦГИА, ф. 1146, оп. 1, № 178; ф. 1147, оп. 1, № 682; ф. 834, оп. 4, № 587; ф. 796, оп. 448, № 1.

102. По представлению находящегося в столичном китайском городе Пекине архимандрита Софрония о разных относящихся к китайской миссии обстоятельствах. 1800 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 81, № 195, 56 л.

103. Переписка о возвратившемся в Россию из Китая дьячке Карганском и о письме, привезенном им от архимандрита Софрония. 1799 г.

ЦГИА, ф. 1374, оп. 2, № 1596.

104. Об отпуске в распоряжение тайному советнику Лощкареву части суммы, назначенной на содержание студентов, обучающихся китайскому и маньчжурскому языкам. 1801 г.

АВПР, ф. 347 (Главный архив), IV—27, оп. 143/а, № 2.

105. О суммах, издержанных на посольство графом Головкиным. 1805—1807 гг.

Там же, в четырех картонах.

106. По донесению оберпрокурора Синода с отношением к нему товарища министра иностранных дел кн. Чарторыйского об избрании достойного архимандрита с 2 иеромонахами, протодиаконом и двумя церковнослужителями, знающими латинский язык, для Пекинской духовной миссии. 1805 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 86, № 167, 580 л.; ф. 797, № 2, разр. 19.

О духовной миссии 1805 г.

107. Журнал пристава миссии Первушина.

АВПР, ф. 347, IV—4, оп. 123, 1805—1809 гг., № 1.

108. [Инструкция] отправляющемуся в Пекин высокопреподобнейшему отцу, первого класса господину, архимандриту Иакинфу. От общего присутствия составленная Троицко-Савской пограничной канцелярией для отправления в Китай Духовной миссии. Сентября 17, 1807 г.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, оп. 1. № 38/1121, л. 11—18. Копия.

109. [Инструкция] отправляющемуся при Духовной в Пекине миссии казначейскому сотнику Щукину. 1807.

Там же, л. 20—21, 37—38 об. Копия.

110. О поднесении государю императору переводчиком Новоселовым географической карты Китая и о выдаче ему, по сему случаю, 1000 руб. 1809 г. АВПР, ф. 347, II—26, оп. 71, 1809 г., № 2, 5 л.

111. Пожалование возвратившихся из Китая студентов. 1809 г.

ЦГИА, ф. 1341, оп. 10, № 2086.

112. О пожаловании возвратившимся из Китая студентам Павлу Каменскому, Степану Липовцову и Василию Новоселову по 500 р. на обзаведение. 1809 г.

АВПР, ф. 347, оп. 760, 1809 г. № 5, 19 л.

113. О медицинских книгах, семенах и лекарствах, вывезенных из Китая и принесенных в дар Медико-Хирургической Академии переводчиком Павлом Каменским. 1811 г.

Там же, II—26, оп. 71, 1811 г., № 3, 2 л.

114. Дело о Пекинской миссии. 1805—1823 гг.

ЦГИА, ф. 796, оп. 86, № 167, 413 л.

Миссия Н. Я. Бичурина; его письмо о реорганизации изучения китайского и маньчжурского языков в миссии.

115. О пекинских миссионерах, возвратившихся в Россию. 1822 г.

ГИАЛО, ф. 19, оп. 413, № 120, 670 л.

Бичурин, суд над ним и другими членами миссии.

116. Надписи на памятниках, поставленных над могилами умерших в Пекине членов Духовной миссии. С 1717 по 1806 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 48, 24 л.

117. О Пекинской миссии. 1818 г.

Там же, оп. 99, № 877/177, 363 л.

Миссия Петра Каменского.

118. Предварительные распоряжения об избрании членов Пекинской миссии, об отправлении оной в Пекин под начальством архимандрита Петра и вся переписка, к ней относящаяся. 1817—1840 гг.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1801—1879 гг., № 1.

119. О Пекинской миссии. 1818—1833 гг.

ЦГИА, ф. 796, оп. 99, № 877, 363 л.

О Каменском, Сивиллове, Войцеховском, Кирилове, Леонтьевском.

120. Назначение О. П. Войцеховского. 1818 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 91, № 73.

121. По предложению Министерств духовных дел и народного просвещения об избрании по духовной части кандидатов Пекинской духовной миссии на будущее десятилетие. 1823 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 104, № 714, 20 л.

122. Об отправлении Пекинской духовной миссии. 1823 г.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1801—1879 гг., № 1 б.

123. Путевой журнал пристава Пекинской духовной миссии [Е. Ф. Тимковского]. 1821 г.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 408, 231 л.

124. Наряд конвойных для обоза с китайскими книгами отправленными о. Иакинфом из Пекина.

ЦГИА, ф. 1286, оп. 3, № 70.

125. Особенное донесение пристава Пекинской духовной миссии Е. Ф. Тимковского. 1821 г.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 49, 138 л.

126. Выписка из книги, веденной приставом Пекинской духовной миссии подполковником Ладыженским, о количестве отпущенных ему и им израсходованных подарочных вещей для подарков китайцам в 1830 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 3.

127. О Пекинской миссии, отправленной в Пекин в 1830 г.

Там же, оп. 109, № 866, 139 л.

128. Распоряжения китайского правительства по поводу прибытия в Пекин Российской духовной миссии. 1830—1831 гг.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 62.

На китайском языке с переводом З. Леонтьевского.

129. Приходо-расходные сметы прежних духовных миссий в Пекине. 1830—1831 гг.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 5, 55 л.

Приходо-расходные записи Аввакума Честного за 10 лет.

130. По предложению министерств духовных дел и народного просвещения об избрании и предуготовлении духовных и светских кандидатов для новой миссии в Пекин, отправляемой в 1830 г.

Там же, оп. 104, № 114/81.

131. Записки о Китае неизвестного автора. 1830—1832 гг.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 144.

Сопровождал духовную миссию в 1830 г. Весной 1832 г. проехал по русско-китайской границе и по Амуру до Албазина. [Вероятнее всего, автором записки является М. В. Ладыженский. — *Прим. ред.*]

132. Об имуществе, оставшемся в Китае после португальских миссионеров. 1839 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 9, 35 л. (о принятии имущества); АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1840 г., № 2, п. 31.

133. Назначение Николая Ивановича Любимова приставом духовной миссии в Пекине, инструкции к нему. 1840 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 11, 42 л.; АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1840 г., № 2, п. 19.

134. Путевые журналы Николая Ивановича Любимова. 1840 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 69, л. 78—96.

135. Черновики донесений Н. И. Любимова по политической части, оригиналы которых отправлены им в Азиатский департамент. 1840 г.

Там же, № 25, 57 л.; АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1840 г., № 2, п. 19.

136. Пристав двенадцатой Пекинской духовной миссии Николай Иванович Любимов.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 1—100.

Фонд Н. И. Любимова состоит из 100 дел. Из них отметим: переписка и донесения — № 8, 9, 28, 31, 38, 55 и др.; путевые записи — № 78—83; поездка в Кульджу — № 84—86; записные книжки — № 88, 90, 97—100; донесения Аввакума Честного — № 5, 17, 18, 36; осмотр пограничной линии — № 94—96; об имуществе миссионера Перейры — № 11; отчеты членов миссии — № 5, 43, 69; списки книг и вещей, вывезенных из Китая — № 66, 69, 70; надписи на памятниках, поставленных на русском кладбище — № 48.

137. О возведении на степень кандидата богословия С.-Петербургской духовной академии поступивших в число членов Пекинской духовной миссии иеромонаха Исайи Поликина, Александра Кульщцкого и Николая Мраморного. 1857 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 138, № 856, 5 л.

138. Письма инженер-полковника Ковалевского из Пекина. 1848—1857 гг.

АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1823 г., № 1, п. 27, 35 л.

Письма в Азиатский департамент.

139. Донесения пристава Ковалевского. 1848—1851 гг.

Там же, № 1, п. 123, 111 л.

Донесения в Азиатский департамент; доклады Цзэн Го-фаня, некоторые рукописи Палладия; переписка с Бушелем.

140. Переписка по ученым занятиям членов Российской императорской духовной миссии в Пекине. 1849—1859 гг.

Там же, п. 45, 93 л.

141. Донесения начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Гурия. 1858—1863 гг.

Там же, п. 105, 338 л.

141а. Донесения Карпова, П. Кафарова; переписка с Н. П. Игнатьевым; указы императора; отчеты Павлинова, Игорева, А. Попова; письма Пешурова. 1857—1864 гг.

Там же, п. 102.

142. Пекинская духовная миссия. Пристав миссии действительный статский советник Петр Николаевич Перовский. 1858 г.

Там же, 1856 г., № 1, картон 249, 93 л.

143. Пекинская духовная миссия. 1848—1859 гг. О приставе миссии полковнике Ковалевском и донесение его. 1848—1851 гг.

Там же, 1823 г., № 1, п. 44, 431 л.

144. По письму члена Пекинской духовной миссии Павлинова касательно сделанного ему предложения вступить в Китайскую службу. 1862 г.

Там же, п. 116, 8 л.

145. О доставке семян разных трав, чайного дерева, шелковых червей из Китая. 1842—1862 гг.

ЦГИА, ф. 398, оп. 6, № 315.

146. Об учреждении в Пекине магнитной и метеорологической обсерватории. 1861—1866 гг.

ЦГИА, ф. 733, оп. 142, № 112, 242 л.; № 336, 757, 851; оп. 150, № 628.

147. Миссионерство в Китае. Об издании трудов духовной миссии в Пекине. 1866—1867 гг.

АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1823 г., № 1, п. 74, 556 л.

148. Выписка из писем членов Пекинской духовной миссии. 1840 г.

Там же, 1829 г., № 11, п. 11, 32 л.

Из писем А. Честного, В. Морачевича, Ф. Киселевского.

149. Отчет начальника миссии архимандрита Вениамина. 1840.

Там же, 1801—1879 гг., № 1.

150. Журнал Совета Российской империи духовной миссии в Пекине.

Там же, 1840—1845 гг., № 2, п. 35, 11 л.

151. О возвращении Пекинской духовной миссии, отправленной в 1840 г. в Пекин, в отечество и о всемилостивейшем награждении начальника сей миссии архимандрита Поликарпа и членов иеромонахов Гурия и Иннокентия за службу. 1850 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 13, № 1972.

152. О доставлении из Пекина семян шаньюя. 1843 г.

ЦГИА, ф. 1282, № 1015.

153. Об избрании кандидатов в Пекинскую миссию. 1848 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 129, № 268, 50 л.

154. Пекинская миссия, хозяйственная часть. 1848.

АВПР, ф. 347, 1—5, оп. 4, 1823 г. № 1, п. 41, 21 л.

О разных вещах, посланных в миссию; инструкции Пекинской духовной миссии начальнику и приставу по торговой части (папки 54, 55, 56).

155. О книгах, вывезенных из Китая для Министерства народного просвещения, и о издержках на перевозку оных. 1850—1852 гг.

Там же, п. 66, 12 л.

156. Донесения начальника Пекинской духовной миссии за 1849—1854 гг.

Там же, п. 51, 861 л.

156 а. Донесения П. Кафарова в Азиатский департамент за 1855 г.

Там же, 83—86.

157. Об отправлении губернского секретаря Фохта в Китай в качестве казака. 1849 г.

Там же, п. 59.

158. Донесения Палладия. 23 марта 1855 г.

Там же, п. 83, 54 л.

Донесения (52—60) в Азиатский департамент.

159. Донесения начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия о занятиях членов миссии. [1856 г.]
Там же, п. 91, 22 л.
160. Частная переписка.
Там же, п. 23, 47 л.
- Письма Кафарова, Храповицкого, Татарина, Успенского, Тугаринова.
161. О поднесении сочинений членами Пекинской миссии и о награждении их. 1843—1845 гг.
Там же, 1840 г., № 2, п. 27, 12 л.
162. Донесения начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия. [1856 г.]
Там же, 1823 г., № 1, п. 80, 53 л.; п. 89 а, 17 л.
О положении в Китае.
163. Донесения начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия. [1856 г.]
Там же, п. 90, 25 л.
О тайпинском восстании.
164. Пекинская духовная миссия. 1848—1851 гг. О приставе миссии полковнике Ковалевском и донесения его.
Там же, п. 44, 431 л.
165. Описи вещам, книгам, землям, лавкам и другому имуществу Пекинской духовной миссии. 1850 г.
Там же, п. 68.
166. О командировании императорским Российским географическим обществом начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия в Южно-Уссурийский и Амурский край для этнографических исследований. 1869 г.
Там же, IV—16, оп. 134, 1869—1870 гг., № 1, 10 л.
167. О книгах в Пекинской духовной миссии.
Там же, I—5, оп. 4, 1801—1879 гг., № 21.
168. О службе начальника Пекинской духовной миссии архимандрита Палладия, о его кончине, по поводу имущества, оставшегося после покойного.
Там же, II—7, 1872—1881 гг., № 5, 89 л.
Кроме того, о П. Кафарове см.: там же, IV—2, 1864—1865 гг., № 9, 49 л.; IV—16, 1869—1870 гг., № 1, 10 л.; II—11, 1886—1897 гг., № 1, 65 л.; ЦГИА, ф. 796, оп. 159, № 1411 а; ф. 797, оп. 34, № 77; оп. 46, 2-е отд., № 141; оп. 48, 2-е отд., № 194.
169. Статьи о Пекинской духовной миссии.
ЦГАДА, ф. 3095, № 478.
Вырезки из газет за 1900—1909 гг.

Азиатский департамент

170. Переписка Коллегии иностранных дел по Указу Сената о прибавке жалования Леонтьеву и откомандировании двух учеников из С.-Петербургской семинарии для обучения китайскому и манжурскому языку. 1770—1771 гг.

АВПР, ф. 169 (Внутриколлежские дела), оп. 1 а, № 4852.

171. О посылке двух учеников Московской славяно-греческой академии для обучения манжурскому языку.

ЦГИА, ф. 796, оп. 19, № 293.

172. О службе при посольстве [Головкина] переводчиков китайского языка коллежского ассессора Владыкина, латинского — коллежского ассессора Струве и монгольского — надворного советника Игумнова.

АВПР, ф. 347, I—7, оп. 6, 1805 г., № 1/а, п. 7, 8 л.

173. Переписка с иркутским и кольванским губернатором о присылке переводчика Агафонова.

АВПР, ф. 169, оп. 1/а, 1787—1792 гг., № 5119.

174. Дело о заведении школы при Коллегии иностранных дел для обучения китайскому и манжурскому языкам и отправления одного из учеников оной школы на китайскую границу. 1798 г.

АВПР, ф. 62, оп. 1, 1742—1798 гг., № 5.

175. О поднесении государю императору переводчиком Владыкиным карты Китая, плана Пекина, составленных им словарей, китайско-маньчжурского и русско-китайского, и двух им же переведенных с китайского языка книг: «Летописец китайских царей» и «Собрания указов китайских императоров», и карты Китая, переведенной на русский язык, и о пожаловании за сие Владыкину награждений.

АВПР, ф. 347, II—26, оп. 71, 1799—1808 гг., № 2, 20 л.

176. Проекты об образовании Академией Школы восточных языков. 1806 г.

АВПР, ф. 6 (Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте), оп. 668, 1806 г., № 94, карты 94.

177. О награждении переводчика Владыкина за перевод с монгольского [маньчжурского] языка на русский Монгольской истории.

АВПР, ф. 347, II—26, оп. 71, 1808—1810 гг., № 6, 14 л.

178. О службе переводчиков коллежских ассессоров Павла Каменского и Липовцова.

Там же, IV—1, оп. 117, 1809—1819 гг., № 6, 59 л.

179. Переписка о С. В. Липовцове, переводчике китайского и маньчжурского языка. Тут же его послужной список.

Там же, IV—11, оп. 131, 1816—1848 гг., № 1, 47 л.

180. Об издании монгольско-маньчжурско-китайско-русско-латинского лексикона, составленного Каменским.

Там же, II—26, оп. 71, 1817 г., № 2, 23 л.; IV—30, оп. 146, 1816—1823 гг., № 1; Архив ЛО ИВАН, ф. 24, № 4 (три папки материалов об издании словаря).

181. По ходатайству Генерал-губернатора Восточной Сибири о доставлении ему перевода Уложения Китайской палаты внешних сношений, составленного Липовцовым.

АВПР, ф. 347, I—9, оп. 8, 1831 г., № 31, 5 л.

182. О дозволении агенту Британского библейского общества г. Барроу напечатать писания Нового Завета на маньчжурском языке и командировании переводчика статского советника Липовцова для наблюдения за печатанием означенных книг.

Там же, II—26, оп. 71, 1833—1836 гг., № 1, 14 л.

183. Тимковский Е. Ф. 1822—1838 гг.

АВПР, ф. 6, оп. 710, № 237.

Биографические данные.

184. Сенявин Лев Григорьевич. 1827—1837 гг.

Там же.

Биографические данные.

185. Дело о назначении жалования Войцеховскому, Крымскому и Леонтьевскому.

АВПР, ф. 347, IV—7, оп. 126, 1832 г., № 5, 2 л.

186. О пожаловании переводчику коллежскому ассессору Леонтьевскому 2000 р. за поднесение государю императору портретов китайских царей. 1832 г.

Там же, IV—10, оп. 129, 1837 г., № 1, 5 л.

187. О причислении к Азиатскому департаменту коллежского ассессора Захара Леонтьевского и о причислении к Азиатскому департаменту бывшего в Пекине титулярного советника Кондрата Крымского.

Там же, IV—1, оп. 117, 1836—1866 гг., № 6, ч. I, 81 л.

188. Переписка о С. В. Липовцове, переводчике китайского и маньчжурского языка.

Там же, IV—11, оп. 131, 1816—1848 гг., № 1, 52 л.

Здесь же его послужной список.

189. О смерти состоящего в ведомстве Министерства иностранных дел статского советника Липовцова 13 марта 1841 г.

Там же, IV—15, оп. 157, 1841 г., № 2, 9 л.

190. Кириллов Порфирий. 1844 г.

АВПР, ф. 6, оп. 710, № 125.

Биографические данные.

191. По отношению капитула орденов о надворном советнике Владыкине.

АВПР, ф. 347, IV—33, оп. 178, 1855 г., л. 16.

192. О книгах, купленных для Азиатского департамента и др. 1829—1848 гг.

Там же, I—5, оп. 4, 1801—1879 гг., № 16.

193. Об определении в Азиатский департамент возвратившихся из Пекина членов духовной миссии доктора Алексея Татаринова, Ивана Захарова и Гошкевича переводчиками VIII класса и о назначении консулами Захарова в Кульджу и Татаринова в Чугучак.

Там же, IV—1, оп. 117, 1850—1878 гг., № 11, 188 л.

Здесь же о составленных Захаровым карте Китая и маньчжурско-русском словаре и о внесении в Коммерческий банк пенсии Захарова.

194. Лев Степанович Игорев. 1863 г.

АВПР, ф. 6, оп. 710, № 110.

195. О составленных коллежским советником Захаровым при содействии корпуса топографов поручике Нифантьеве картах Западного края Китайской империи и Наньшаньского хребта. 1857—1859 гг.

АВПР, ф. 347, I—9, оп. 8, 1857—1859 гг., № 14, 23 л.

196. О службе врача миссии в Пекине надворного советника Эмилия Васильевича Бретшнейдера.

Там же, IV—6, оп. 124, 1868—1871 гг., № 1, 7 л.

197. О службе врача при миссии в Пекине доктора медицины Бретшнейдера. 1878—1880 гг.

Там же, IV—2, оп. 119, 1878 г., № 3, 3 л.

198. Борис Васильевич Долбежев.

АВПР, ф. 6, 1903—1910 гг., оп. 710, № 360, 2 л.

Рекомендация Я. Шишмарева.

199: И. Я. Коростовец. 1912 г.

Там же, № 373.

Биографические сведения.

200. Учебное отделение восточных языков. Учреждение, отделы, регламенты, записки, проекты.

АВПР, ф. 6, оп. 668, 1823—1916 гг., № 101.

Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте; сведения по истории изучения восточных языков в России начиная с 1802 г.; проект И. О. Потоцкого.

Н. Я. Бичурин (Накинф)

201. По представлению директора Публичной библиотеки о принятии монаха Иакинфа в число почетных библиотекарей. 1829 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 15, № 116, 7 л.

202. О покупке книг: «История первых четырех ханов из дома Чингисова» и «Описание Пекина». 1829 г.

Там же, оп. 232, № 10, 100 л.

По учебным округам.

203. О монахе Иакинфе, касательно снятия с него сана. 1831 г.

ЦГИА, ф. 796, № 837, 14 л.

204. О пожертвовании монахом Иакинфом в пользу Казанской академии 168 разного названия книг, карт и рукописей.

Там же, оп. 130, № 655, 7 л.

205. О пожертвовании проживающим в Лавре монахом Иакинфом в пользу Лавровской братии билета сохранной казны в 300 рублей серебром. 1853 г.

ЦГИА, ф. 815, оп. 9, № 77, 4 л.

206. О смерти находившегося на жительстве в Лавре монаха Иакинфа, бывшего начальника Пекинской духовной миссии. 1853 г.

Там же, № 98, 35 л.

П. И. Каменский (Петр)

207. О передаче в дар библиотеке начальником Китайской духовной миссии архимандритом Петром Каменским изготовленных им переводов китайских и маньчжурских сочинений. 1819 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 15, № 60.

208. Пожертвование Петром Каменским китайских книг в Академию наук. 1811 г.

Там же, оп. 12, № 59.

209. О выписке китайских книг, 1819 г.

Там же, оп. 15, № 59.

210. О пожертвовании библиотеке архимандритом Петром Каменским приобретенных им в Пекине китайских, маньчжурских и монгольских книг. 1832—1834 гг.

Там же, № 135.

В. П. Васильев

211. В. П. Васильев — чиновник Министерства народного просвещения. 1848—1854 гг.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1822 г., № 1, п. 8, 12 л.

212. О службе профессора Васильева. 1855—1887 гг.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, № 5501, 66 л.

213. О службе драгомана V класса при Азиатском департаменте статского советника В. П. Васильева. 1862—1867 гг.

АВПР, ф. 347, IV—1, оп. 117, 1862—1867 гг., № 6, 28 л.

214. О действительном статском советнике Василии Павловиче Васильеве. 1871 г.

Там же, оп. 117, 1868—1874 гг., № 1, 6 л.

Письмо В. П. Васильева с просьбой подкрепить ходатайство университета об увеличении ему пенсии.

215. Записка [В. П.] Васильева о требованиях, которые следует предъявить к русским дипломатам на Дальнем Востоке. 1871 г.

ЦГАДА, ф. 3095, № 448, 9 л.

216. Вырезки [газетных] статей В. П. Васильева о Китае. 1860—1869 гг.

Там же, № 424, 10 л.

217. По поводу капитала в 6068 р., собранного в Китае для образования стипендии имени академика Васильева при С.-Петербургском университете. 1888 г.

АВПР, ф. 347, II—13, оп. 55, 1888 г., № 1, 9 л.

218. О назначении заслуженному ординарному профессору императорского С.-Петербургского университета тайному советнику Васильеву арендного производства по случаю 50-летнего юбилея. 1887—1889 гг.

ЦГИА, ф. 733, оп. 122, № 29, 36 л.

219. О праздновании юбилея 50-летней службы профессоров С.-Петербургского университета Васильева и Бутлерова. 1887 г.

Там же, оп. 150, 152, 12 л.

220. В. П. Васильев.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15285, 15364, 15368, 15452, 15533, 15597, 15656, 15661, 15662; ЦГИА, ф. 733, оп. 42, № 90; оп. 147, № 67.

Кяхтинская школа китайского языка

221. Об училище китайского языка в Кяхте и о службе учителей означенного училища. 1831—1839 гг.

АВПР, ф. 347, II—12, оп. 52, 1831—1839 гг., № 1, 95 л.

К. Крымский и Н. Я. Бичурин.

222. О состоянии Кяхтинского училища. 1841 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 49.

223. Открытие школы китайского языка в Кяхте. 1835 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 83, № 108.

224. Кяхтинское торговое училище. 1841 г.

ЦГИА, ф. 796, оп. 448, № 48.

Донесение К. Крымского.

225. По предположению г. кяхтинского градоначальника об уничтожении училища китайского языка в Кяхте и открытии взамен сего училища китайского языка при миссии нашей в Пекине.

АВПР, ф. 347, 11—12, оп. 52, 1862—1867 гг., № 1.

Школы переводчиков в Урге и Кульдже

226. Школа переводчиков и толмачей в Урге и Кульдже.

АВПР, ф. 143, 1872—1900 гг., № 2035, 310 л.

227. Школа переводчиков в Урге.

Там же, 1884—1914 гг., № 2036, 183 л.

Казанский университет

228. Об учреждении в Казани училища восточных языков и о предоставлении молодым людям, кончившим в оном курсе, средств к продолжению государственной службы. 1829 г.

АВПР, ф. 6, оп. 668, № 113, картон 13.

229. Об учреждении в университете кафедры китайского языка, приобретения китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила профессором китайского языка, увольнении его и назначении на его место Войцеховского. 1837—1844 гг.

ЦГИА, ф. 733, оп. 41, № 5, 39 л.

230. Преподавание китайского языка в 1-й Казанской гимназии.

Там же, оп. 49, № 110.

231. О рассмотрении переводов и сочинений студентов Университета на восточных языках и о награждении лучших из них, в том числе Васильева и В. Дитриха. 1837 г.

Там же, оп. 41, № 34, 69 л. (приложены работы).

232. О введении преподавания китайского языка в 1-й Казанской гимназии, объявлении благодарности архимандриту Даниилу за участие в преподавании и о назначении А. И. Сосницкого, изучившего китайский язык, надзирателем 1-ой Казанской гимназии. 1838—1839 гг.

Там же, № 110, 4 л.

233. О командировании профессора А. В. Попова в Петербург с целью приобретения калмыцкого и тибетского шрифтов для типографии Казанского университета. 1839—1841 гг.

Там же, № 178, 54 л.

234. О командировании студентов духовных академий в Казанский университет для изучения восточных языков. 1840 г.

Там же, № 243, 5 л.

235. О назначении студентов университета В. П. Васильева, Н. Навроцкого и С. М. Рушко в Пекинскую духовную миссию для изучения языков тибетского, санскритского, монгольского, маньчжурского и китайского. 1838—1852 гг.

Там же, № 90, 327 л.

236. О поручении надзирателю 1-ой Казанской гимназии А. И. Сосницкому практических занятий китайским языком со студентами Университета. 1840 г.

Там же, № 251, 2 л.

237. О награждении орденом профессора китайского языка архимандрита Даниила. 1841—1842 гг.

Там же, № 305, 17 л.

238. О представлении попечителю Казанского учебного округа проекта учреждения при университете восточного Азиатского института. 1841—1845 гг.

Там же, № 290, 17 л.

239. О поручении студенту Казанского университета Рушко временного преподавания китайского языка в 1-ой Казанской гимназии под руководством архимандрита Даниила. 1841—1844 гг.

Там же, оп. 42, № 320, 12 л.

240. О передаче Университету из Азиатского музея Академии наук дублетов книг. 1841—1842 гг.

Там же, оп. 41, № 300.

241. О выработке нового проекта положения о преподавании восточных языков в 1-й Казанской гимназии. 1845—1852 гг.

Там же, оп. 44, № 33.

242. О преподавании восточных языков в Казанской гимназии и Казанском университете. 1851—1852 гг.

Там же, оп. 46, № 4, 56 л.

243. О принятии мер к устройству на службу окончивших Восточное отделение. 1851—1855 гг.

Там же, 56 л.

*Восточный факультет С.-Петербургского университета **

244. Об учреждении при С.-Петербургском университете Отделения восточных языков. 1827—1835 гг.

ЦГИА, ф. 737, оп. 1, № 49950, 204 л.

245. Об учреждении при С.-Петербургском университете Факультета восточных языков. 1829 г.

ЦГИА, ф. 735, оп. 1, № 437, 13 л.

246. О проекте Отделения восточных языков при С.-Петербургском университете. 1852 г.

АВПР, ф. 6, оп. 668, № 118, картон 13.

247. Факультет восточных языков С.-Петербургского университета. 1854—1917 гг.

* Сведения об основных архивных материалах см. в примечаниях к кн.: «Материалы для истории факультета восточных языков», т. 1, 1905; т. 2, 1906; т. 4, 1909.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15267—15854.

Учебные программы; результаты экзаменов; назначение стипендий; зачетные письменные работы; протоколы заседаний факультета; личный состав факультета; списки студентов; послужные списки профессоров и ассистентов — № 16328—16336.

248. Об отправлении в Пекин воспитанников Восточного факультета, 1856 г.

Там же, № 1538, 2 л.

249. О командировании надворного советника Ладухина в Пекин. 1857 г. ЦГИА, ф. 733, оп. 26, № 25, 53 л.

Здесь же и об увольнении Ладухина от должности помощника библиотекаря С.-Петербургского университета, о его смерти.

250. О допущении Пешурова к испытанию магистра астрономии. 1856 г. ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, № 5614.

251. О приобретении практического преподавателя маньчжурского языка. 1857 г.

Там же, оп. 3, № 15328, 7 л.

252. Содержание на счет кяхтинских купцов 2-х стипендиатов из лучших воспитанников Иркутской гимназии. 1858 г.

Там же, оп. 1, № 5917.

253. Дело Факультета восточных языков императорского С.-Петербургского университета о выписке для библиотеки университета «Пекинской газеты». 1859 г.

Там же, оп. 3, № 15389, 3 л.

254. Программа испытаний студентов IV курса по китайскому и маньчжурскому разряду из истории и литературы Китая и Маньчжурии. 1859 г.

Там же, оп. 3, № 15377, 20 л.

Автограф В. П. Васильева.

255. Об исходатайствовании разрешения на освобождение студента Цивилькова от обязанности службы по Министерству народного просвещения и об определении на службу в Азиатский департамент. 1859 г.

Там же, № 15380, 2 л.

256. О Цивилькове, определении на службу в Азиатский департамент. 1859 г.

Там же, оп. 1, № 6005.

257. О исходатайствовании вознаграждения практическому преподавателю Абдекаримову 75 руб. серебром. 1860 г.

Там же, оп. 3, № 15424.

258. О приобретении для библиотеки университета коллекции китайских и маньчжурских книг, принадлежащих г. Храповицкому и другим. 1861 г.

Там же, № 15482.

Записка В. П. Васильева.

259. Д. А. Пешуров, 1862—1882 гг.

АВПР, ф. 6, оп. 710, № 202.

Биографические данные.

260. Д. А. Пешуров.

ЦГИА, ф. 733, оп. 142, № 112, 757, 851.

261. О зачете исправляющему должность ординарного профессора в С.-Петербургском университете Васильеву и Березину (первому — времени, проведенного в Казанском университете и в Китае, второму — времени от окончания курса в Казанском университете до отправления за границу) в срок выслуги на пенсию. 1862—1887 г.

Там же, оп. 147, № 67, 128 л.

«Наставление» студенту В. П. Васильеву, отправляющемуся в Китай, — л. 21—29 об.; послужной список — л. 94—108 и др.

262. Программа преподавания на 1863, 1864, 1865 учебный год.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15502.

Программа, составленная В. П. Васильевым по китайскому и маньчжурскому языкам.

263. О зачислении в студенты Павла Стефановича Попова. 1866 г.

Там же, оп. 5, № 3332.

Биографические данные.

264. О зачислении в студенты Монастырева Николая Ивановича. 1871 г.

Там же, оп. 3, № 17097, 30 л.

265. О студенте Сергее Михайловиче Георгиевском. 1875 г.

Там же, № 18397.

Биографические данные.

266. Дело Совета императорского С.-Петербургского университета о допущении кандидата Николая Монастырева к экзамену на степень магистра китайской словесности. 1876 г.

Там же, № 7682.

267. Студент Александр-Августин Стефанович Вахович. 1878 г.

Там же, № 19930.

Биографические данные.

268. Студент Николай Вавилович Лаптев. 1883 г.

Там же, № 23350.

Биографические данные.

269. Студент Дмитрий Дмитриевич Покотилев. 1883 г.

Там же, № 23451.

Биографические данные.

270. Дело Георгиевского Сергея о защите диссертации. 1885 г.

Там же, № 15620.

271. Студент Сергей Александрович Колоколов. 1888 г.

Там же, № 26567.

Биографические данные, фотография.

272. Дело студента Вениамина-Гарольда Эдуардовича Ландезена. 1890 г.

Там же, № 27627.

Биографические данные, фотография.

273. Об утверждении и оставлении профессоров С.-Петербургского университета. 1890 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 150, № 628, 96 л.

В том числе Д. А. Пещуров, С. М. Георгиевский.

274. Студент Аполлинарий Васильевич Рудаков. 1891 г.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 28171.

Биографические данные.

275. Дело студента Дмитрия Григорьевича Яичевецкого. 1891 г.

Там же, № 28077.

Биографические данные, фотография.

276. Тужилин А. В. Автобиография. 1889 г.

ЛО ААН, ф. 820, оп. 1, № 141, 108 л.

277. Дело студента Петра Петровича Шмидта. 1891 г.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 28710.

278. О профессорах и приват-доцентах С.-Петербургского университета. 1894 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 150, № 1028, л. 64—73.

Об А. О. Ивановском.

279. Дело студента Г. Г. Авенариуса. 1896 г.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 32765.

Биографические данные, фотография.

280. О печатании сборника к столетию Школы живых восточных языков в Париже. 1895 г.

Там же, № 15691.

281. Дело студента Гомбо-жан Цыбикова. 1896 г.

Там же, № 31333.

Биографические данные, фотография.

282. Об утверждении профессоров С.-Петербургского университета С. М. Георгиевского и Д. А. Пещурова.

ЦГИА, ф. 733, оп. 150, № 628, 96 л.

Записка В. П. Васильева — л. 46—46 об.

283. О профессорах и приват-доцентах С.-Петербургского университета. 1898 г.

Там же, оп. 151, № 36, л. 100—103.

Об А. О. Ивановском.

284. Об оставлении при университете Ганбо-жан Цыбикова. 1899 г.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 2, № 1376.

285. О командировании профессоров университета за границу и во внутренние губернии России с ученою целью. 1899 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 15, № 281, л. 208а—208г.

Об А. О. Ивановском.

286. Попов П. С., о назначении его преподавателем по кафедре китайской и маньчжурской словесности. 1902 г.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 1, № 9686, 57 л.

287. Профессоры и преподаватели С.-Петербургского университета и о замещении вакантных кафедр. 1902 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 155, № 684.

О П. С. Попове, В. М. Алексееве, В. Л. Котвиче, А. Е. Любимове.

288. Попов Павел Степанович. Справки о нем.

Там же.

289. Студент Василий Михайлович Алексеев. 1898—1902 гг.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 34891 (фотография).

290. Об оставлении при университете и командировках за границу профессоров стипендиатов С.-Петербургского университета. 1901—1902 гг.

ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 181, № 326.

Об А. И. Иванове.

291. О замещении кафедр Петроградского университета. 1915 г.

ЦГИАЛ, ф. 740, оп. 18, № 10, л. 10—21.

Об А. И. Иванове.

Владивостокский восточный институт

292. По возбужденному во всеподданнейшем отчете за 1902 г. командующего войсками Приамурского округа вопросу об издании в Маньчжурии газеты на китайском языке. 1903 г.

ЦГИА, ф. 76, оп. 14, № 212, 5 л.

293. О назначении чиновника особых поручений Министерства финансов надворного советника Позднеева директором Восточного института. 1904 г.

ЦГИА, ф. 740, оп. 1, № 65.

Формулярный список — л. 12; биографические данные.

294. Рудаков Аполлинарий Васильевич.

ЦГИА, ф. 733, оп. 155.

О командировке в Китай 1911 г. — № 39; послужной список — № 1556; записка о преподавании китайского языка — № 1211.

295. Об экскурсиях. 1914 г.

Там же, № 1211, 35 л.

Записки: Подставина — об учреждении при Восточном институте вместо корейско-китайского отделения корейско-японского; А. В. Гребенщикова — о школах маньчжурского языка в Цицикаре и Мукдене.

296. Командировки за границу профессоров высших учебных заведений.

Там же, № 39.

297. Дело о командировке П. П. Шмидта в Китай. 1904 г.

Там же, оп. 152, № 19.

297а. Дело о командировках с научной целью. 1917 г.

Там же, оп. 226, № 255, 25 л.

О командировке А. Б. Гребенщикова в Китай и Н. В. Кюнера в Японию.

298. Зачет службы.

Там же, оп. 155, № 1156, л. 11—118, 119—124.

Формулярные списки 1917 г.: А. В. Рудакова.

299. С. Ф. Ольденбург. Цибигов Гомбоджап Цэбекович. Характеристика с приложением списка печатных работ.

ЛО ААН, ф. 208, оп. 1, № 385.

Общество востоковедения

300. Императорское Общество востоковедения. 1900—1916 гг.

ГИАЛО, ф. 308, оп. 1, № 1—10.

Съезды ориенталистов — № 1—2; положение о Приамурском отделе — № 3, список читателей «Вестника Общества» — № 4; издания Общества — № 5—7; личный состав должностных лиц по Обществу и Практической восточной академии — № 9—10.

301. Общество востоковедения. 1915—1917 гг.

ЦГИА, ф. 748, оп. 1, № 1, 37 л.

Протоколы заседаний.

Практическая восточная академия

302. Полечительный Комитет курсов востоковедения Восточной академии. 1908—1916 гг.

ГИАЛО, ф. 2046, оп. 1, 39 дел.

Отчеты о работе курсов; расписание занятий; списки слушателей и табели посещения; протоколы заседаний педсовета.

303. Практическая восточная академия. 1910—1917 гг.

ГИАЛО, ф. 309, оп. 1, д. 1—79.

О преподавателях и лекторах — № 1, 12; дела слушателей — № 7; преподавание китайского языка — № 21, 44, 51, 52, 73; другие предметы — № 27, 28, 48, 50; протоколы экзаменационной комиссии — № 13.

Разные дела

304. Об отправлении на китайскую границу для встречи и проводов до Москвы китайского посольства. 1729 г., октября 31.

ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, № «Ж».

305. Церемония и прием второго китайского посольства. 1732 г.

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, № 2449; ф. 473, оп. 3, № 617.

306. Второе китайское посольство. Копии, снятые с разных достопримечательных бумаг и переплетенные в одну книгу. 1810—1822 гг.

Там же, № 2449, л. 92—101.

307. О передаче в Академию наук бумаг Владыкина, представленных его вдовой, по второму мужу Зимайловой. 1827 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 87, № 273.

308. О содержании финифтяного производства китайского искусства в Москве и передаче из ведомства Сибирского приказа Главному магистрату. 1760—1764 гг.

ЦГАДА, ф. 263, оп. 1, № 12, л. 406—416.

309. Передача в Императорскую Публичную библиотеку китайского лексикона, подаренного Александру I Барклаем де Толли. 1818 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 99, № 73.

310. Барону Шиллингу, направленному в Китай для изучения русско-китайской торговли, докладные записки его о кяхтинской торговле и о монголо-бурятах. 1830—1831 гг.

АВПР, ф. 152, оп. 505, 1830—1831 гг., л. 61, 187 (Копии). Инструкции Министерства иностранных дел.

311. По представлению помощника попечителя Московского учебного округа о покупке китайских книг для библиотеки Московского университета. 1835—1839 гг.

ЦГИА, ф. 733, оп. 30, № 189, 9 л.

Предложение Д. Сивилова.

312. О назначении от Главного правления российско-американской компании надворного советника Леонтьевского для преподавания воспитывающемуся в [коммерческом] училище пенсионеру Люгебилу и штатному воспитаннику Шелехову китайского языка. 1850 г.

ЦГИА, ф. 239 [номера описи и дела не установлены. — *Прим. ред.*], 12 л.

313. Разрешение публичных лекций по буддизму. 1879 г.

ЦГИА, ф. 821, оп. 133, № 389, 4 л.

314. О введении в Иркутской гимназии преподавания языков маньчжурского и китайского. 1854 г.

ЦГИА, ф. 733, оп. 84, № 135, 15 л.

315. По вопросу об учреждении в Петровском училище С.-Петербургского купеческого общества особого отделения для преподавания языков китайского и монгольского. 1886 г.

Там же, оп. 194, № 615.

Здесь же записка В. П. Васильева по этому поводу.

316. По письму известного в Париже сиолога Станислава Жюльена о ссуде ему для ученых занятий буддических словарей... 1856 г.

ЦГИА, ф. 735, оп. 4, № 7.

12 писем С. Жюльена — оп. 2, № 171, 1840 г.

317. Материалы о деятельности русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского (письма, допесения и другие подлинники и копии). 1883—1904 гг.

ЦГАДА, ф. 3095, № 466.

Обзор Восточного Туркестана — 80 стр.; карта торговых путей; о Шлагинтейте, С. А. Колоколове, М. И. Венюкове и др.; 50 писем Н. Ф. Петровского к Ф. Р. Остен-Сакену.

318. Об изучении Востока в русских учебных заведениях. 1904—1905 гг.

ЦГИА, ф. 133, оп. 152, № 172, 172 л.

Записка А. М. Позднеева.

319. Дополнения к продолжению Дипломатического собрания дел между Росийским и Китайским государствами.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 141, 51 л.

320. О сближении России с Тибетом. 1896—1914 гг.

ЦГИА, ф. 560, оп. 28, № 8—4, 125 л.

321. О посещении фарфорового завода китайской чрезвычайной комиссией и пожаловании ей подарков. 1906 г.

ЦГИА, ф. 503, оп. 545/2332, № 51.

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ РУССКИХ КИТАЕВЕДОВ

Александров (449), Андриевский (450), Артемьев (451), Базилевский (433), Байер (388), Бакшеев (398), Бичурин (408), Богородский (407), Бретшнейдер (437), Быков (395), Васильев (440), Вознесенский Н. И. (421), Вознесенский Н. (447), Войцеховский (419), Владыкин А. М. (395), Владыкин А. Г. (398, 400), Волков (395), Горский (425), Дмитриевский (452), Захаров (424), Иванов (435), Ивановский (439), Карпов (395), Каменский (400, 401), Кафаров (423), Киселевский (422), Клеменц (451), Ковалевский (423), Колосов (400), Корниевский (435), Корсаков (455), Кротков (447), Кульчицкий (436), Лебедев (447), Леонтьев (396), Леонтьевский (419), Липовцов (406), Марачевич (423), Мраморнов (449), Немиров (426), Нечаев (435), Оводов (435), Ольденбург (456), Орлов (399), Осипов (448), Павлинов (449), Петрявский (447), Пещуров (446), Плахов (447), Попов А. (400), Попов Н. А. (449, 450), Попов П. С. (454), Рождественский (447), Розов (422), Россохин (389), Салертовский (400), Сивиллов (417), Сипаков (417), Скачков К. А. (426), Сосницкий (420), Сычевский (426), Успенский (450), Филимонов (400), Форсель (449), Храповицкий (434), Честной (421), Неизвестные авторы (457).

Готлиб Зигфрид Байер

1. *Lexicon Sinicum ex volustis lexicis et alies libris congestum ataae Academiae Imperatoriae Petropolitanae consecratum a T. S. Bayero.*

ЛЮ ААН, ф. 784, оп. 1, № 1—23.

Из 26 томов уцелело 23. Недостает т. VIII, XI и X.

2. *Geographia Mandjurica et Mungalica cum gradibus longitudinis et latitudinis ex mappis chinocis a me fidelissime descripta adjecte prominciatione. Primus meridianus per pequinum ductus, inde orientem et occidentem versus ceteri merediani numerantur T. S. Bayer.*

Там же, № 26.

3. *De orthographia Mandjurensi — 4 л.*

Там же, № 25.

4. *Tabulae VIII litterarum Mungalicarum ad orthographiam Mungalican.* Tome V — 9 л.

Там же.

1. История о завоевании китайским ханом Кан-хием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти книгах, переведена с маньчжурского языка на русский прапорщиком Ларионом Россохиным. 1750 г.— В лист. В трех томах: кн. 1, ч. 1—2, л. 1—1006; кн. 2, ч. 3—4, л. 1006—2271; кн. 3, ч. 5, л. 2271—2671.

ЛО ААН, ф. 21, оп. 5, № 1—3.

В кн. 3, кроме того, находятся «Китайского хана и принцов его титулы...» (см. № 3, л. 1—48), а также «в сей истории упоминавшихся городов, местечек, гор и рек имена, которые для скорейшего приискания в китайском атласе, под которыми оные градусами состоят, по алфавиту собраны и против каждого местечка долгота и широта по китайскому атласу означена, а при том надлежит примечать, что китайцы долготу градусов по пекинскому меридиану к востоку и западу считают» — 35 л.

2. Великие хулы и предосудительные слова, касающиеся до оскорбления всероссийских августейших монархов величества и до презрения всего славнороссийского народа. Выписаны из печатной истории, сочиненной на маньчжурском языке при китайском хане Кан-хи, называемой «О завоевании им калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии». Перевел с указанием годов правления, годы и страницы по переводу с манджурского на русский язык 18 генваря 1750 году.— Автограф. В лист. 14 л. Переплет — папка.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 118; ЦГАДА, ф. 199, оп. 349, ч. I, № 14.

3. Дзыджи тунгянь ганму цянбянь, то есть сокращение китайской истории, называемой всеобщее зеркало, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующее.— В лист. 1450 л. 1750 г. В пяти томах. 5 переплетов.

ОР ГИМ, ф. 17, № 114—118, 202—206, 1328—1332.

Перевод с маньчжурского. Листы в томах не пронумерованы. На полях вынесены даты и имена императоров. Перевод оканчивается событиями 1225 г.

4. Выписки из общего зеркала о Китае. [На переплете.] — В лист. 43 л. Переплет — папка.

ЦГАДА, ф. 181, № 204.

Примечания к «Цзыджи тунцзянь ганму» — л. 41—43 об. «Описание великое реки Амура».

5. Дзыджи тунгянь ганму цянбянь, то есть сокращение общего зеркала, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующего. Часть первая. С манджурского на русский язык перевел прапорщик Россохин. 1750 г.— Автограф. В лист. 198 л.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 117.

6. Дзыджи тунгянь ганму цянбянь, то есть сокращение общего зеркала, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующего. Книга I. С манджурского на русский язык перевел прапорщик Ларион Россохин. 1750 г.— Автограф. В лист. 145 л. Переплет — папка.

ЦГАДА, ф. 181, № 421.

Предисловие Канси 1691 г.; «формы патентов, которые даются первому классу воинских чиновников» — л. 144.

7. Китайская краткая хронология по шестидесятилетним кругом их счисления, которая содержит всех китайских царей имена и лета по 1742 год и сколько по временам было всех фамилий или родов и как который царь по вступлении на престол писал владения своего названия лета, которыми называниями того царя и монеты назывались, а для лучшего рассмотрения приписаны и российские лета сперва от сотворения мира, а потом от рождения Христова. Переведена с китайского чрез прапорщика Илариона Рассохина мая 7 дня 1742 года.— В лист. 44 л.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 3.

Страницы разбиты на клетки 6 × 10 см. До л. 30 записи редки.

8. Краткое известие и описание о всех китайских государях, сколько лет которой государствовал, как назывался, с которого году вступил на престол, чрез сколько лет которая фамилия продолжалась и чрез сколько царей и во время государствования их какия происходили достопамятные случаи, которое собрано из китайской книги Ган-Гянь, то есть из исторического дистракта или всеобщего зеркала с манжурского на российский язык переведено Академии наук прапорщиком Ларионом Разсохиным. 1744 г.— В лист. 162 л. Переплет — папка.

ЦГАДА, ф. 181, № 202.

9. С которого году манжурские ханы начали писатца ханами, где прежде государствовали, сколько было всех ханов, как называютца и сколько лет которой хан государствовал. Расположение осьми Дайцинского государства дивизий. Указ осьми дивизий генералитету; таблица численности войск по роду оружия и по флагам.— Автограф. 1736 г. Сборник. В лист. 30 л.

ЛО ААН, разр. IV, оп. 1, № 244.

10. Краткое известие Дайцинского или Китайского государства о манжурских ханах и манжурскаго войска и китайскаго столичнаго города Пекина сколько имеет ворот и крепости и о протчем.— В лист. 49 л.

ОР ГПБ, ф. 487, № 219.

На л. 3 повторение названия. Указано, кроме того, что сведения собраны «из разных китайских и манжурских печатных книг».

Сборник состоит из пяти рукописей: 1) Табель, или описание Государства китайского: колико число имеет губерний и к ним болших и меньших и воинских городов и крепостей и каких, и что во оных семей и мужска полу, и почему откуды каких податей идет в год значит ниже сего, таблица. 2) С которого году манжурские ханы начали писатца ханами, где прежде государствовали, сколько было всех ханов, как называютца и сколько лет которой хан государствовал. 3) Расположение осьми манжурских дивизий... в Пекине. 4) Китайском столичном городе Пейпин колико имеет крепостей и колико которая крепость имеет [имеет] и как оные называютца и сколько при которых воротах обыкновенных караульных офицеров и рядовых солдат находится, таблица. 5) Табель о осьми манжурских дивизиях, из каких людей и в каком числе состоят.

11. Краткое описание о всех китайских царях, сколько лет которой государствовал, как назывался, с которого году вступил на престол и сколько

лет которая фамилия продолжалась и чрез сколько царей. Которое собрание ис китайской Ган-дзян книги, то есть всеобщего зеркала, переведено чрез прапорщика Лариона Рассохина.— В 1/2 листа. 43 л.

ОРК ГПБ, ф. 885, № 306; ОР ГПБ, ф. 487, № 219.

Надпись: «Принадлежит Андрею Петровичу Пронишеву». Оканчивается 1736 г.

12. Сборник. 1746 г.— Автограф. В лист. 41 л. В одном переплете. ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 113.

1) Предисловие переводчика, который сие сокращение с китайского перевел на манджурский язык — л. 2—2 об. 2) Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литерами, для их подлинного произношения — л. 3. 3) Табель какими титулами владевшие китайским государством разнаго фамилий хана называли свои правительства — л. 4 об.— 5 об. (таблица). 4) Паныши-дзун-лунь, то есть сокращение древней китайской истории, сочиненное автором Ян-дзе-паныши жуном со обстоятельными примечаниями. С манджурского на российский язык перевел прапорщик Ларион Рассохин — л. 6—30. 5) А понеже сочинитель сего исторического сокращения о тех фамилиях, которые после фамилии Сун одна по другой следовали, нигде в своем сокращении не упомянул, то я об оных фамилиях краткое известие к пополнению того сокращения сюда же внести запотребно рассусудил — л. 31—33. 6) О китайских мерах и весах — л. 33 об.— 34 об. 7) Табель сколько ныне под владением дайцинских или манджурских ханов губерний находится и как оные называются — л. 35—36. 8) На сколько провинций кочующие мунгальские владельцы разных фамилий, или так называемой Великия Татария, состоящая во владениях манджурских ханов разделяется как оные называются — л. 36 об.— 39. 9) В каких городах древняя китайския ханы имели свои столицы — л. 39 об.— 41.

13. Китайского хана и принцов его титулы и достоинства, статских и военных и рядовых служилых людей названия и их должности, также же и провинций их и всех тех знамен, в которых как манджурское и китайское, так и за великою стеною кочующих владельцев мангольские войска состоят, названия собраны по алфавиту и против каждого титула и названия из достовернейших китайских и манджурских книг взятым описанием изъяснены.— Автограф. В лист. 48 л. Переплет — папка.

Там же, № 119.

В виде таблиц. Названия китайских и маньчжурских чинов в транскрипции и пояснение.

14. Описание Пекинского государства о всех губерниях, сколько пришлось на [1]735 год збору серебра ланами по всей губернии, и сколько крупы мешков, и сколько которой губернии подчинено провинцей, дистриктов и уездов, коликое число верст расстоянием которая губерния или провинция от Пекина царствующаго града. Переведен из никанской печатной книги.— В лист. 12 л. Переплет — папка.

Там же, № 181.

Страницы разграфлены в виде таблиц. На л. 10 об.— 11 помещен «Рестр осми генералствам всегдашним, которые обретаются в Пекине».

15. [Вместо названия]: В 1736 году переведено с печатной книги никан-

ской верно месяца мая 15 дня в китайском царстве на посольском русском дворе.— В лист. 10 л. Переплет — картон.

ОР БАН, 1.3.27.

Сведения о сборе податей с земель, пашен и людей, с закладных лавок, соли в ланах и крупы в мешках по уездам и провинциям.

16. Копии Ведомости из Пекина царства Китайского, что тамо было следующее в [1]730-м году.— В лист. 1 л. В сборнике.

ОР БАН, 16.9.2, л. 303.

О затмении Солнца 14 июля и Луны 15 июля, о землетрясении 19 сентября, когда погибло более 70 тыс. человек.

17. Табель из Российской империи от царствующего града Москвы в Сибирскую губернию до Тобольска и из Тобольска до Иркутска до Китайского государства стольного града Пекина или Камбалыка, колико верст пятисотных сухим путем покажет следующим трактом. 1736 г.— В лист. На двух развернутых листах.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 218, л. 2.

«Писан в Тобольске 1736 года июля 10 дня. Суше и верно». В виде разграфленной таблицы.

18. Начало маппы * хинской. Часть первая от градуса 55 даже до 50.— В лист. 79 л. Переплет — папка.

Там же, № 171.

Текст к немой карте Китая. Например: «Лист карты нумера 3-го под буквою Д». Даны названия мест с указанием градусов.

19. Русско-китайский словарь. 1745 г.— В 1/2 листа. 95 л. Без переплета, титульного листа и последних листов.

ОР БАН, 34.8.9.

Страницы разделены на клетки. Китайские иероглифы написаны тушью, на стр. 81—95 иероглифы написаны Л. Савельевым, русский перевод — авторграф Россохина, светлые чернила. По предметам **.

20. Сборник.— В лист. 26 л.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 114.

1) Описание о горах Алтайских, переведено из китайской книги «Дайцин и тун-джи» — л. 2—4 об***. 2) Переведено с китайского оригинала, который снят с каменного столпа, поставленного пред езуитским костелом на улице, что у ворот Сюань-у-мынь или Шунь-чын-мынь главные Пекина крепости — л. 5—7. 3) Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках, коим образом оные составлять и ис каких матерей, с ясно изображенными при том фигурами. 1756 г.— л. 8—26****.

* Маппа — карта.— *Прим. ред.*

** Установлен и описан: Г. Рейхберг, О неизвестной рукописи Россохина.— «Уч. зап. Ин-та этнических и национальных культур народов Востока (РАНИОН)», 1930, т. II, стр. 95—99.

*** Оpubл. академиком Палласом: см. прим. 94 к гл. II.

**** Оpubл.: В. С. Стариков, Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России.— сб. «Из истории науки и техники в странах Востока», вып. II, М., 1961, стр. 100—125.

21. Китайская книга Сань дзы гин, то есть троесловное правоучение, содержащее в себе краткую историю.—Тетрадь. В $1\frac{1}{2}$ листа. 46 л. Переплет — бумага.

ОР БАН, 17.12.19.

Маньчжурский и китайский тексты — на четных страницах, русский перевод — на нечетных; автограф Россохина.

22. Сан цзы гин, или правоучительных речей троесловная книга.—Тетрадь. 24 л. Переплет — папка.

Там же, 17.5.22.

Перевод «Саньцзыцин».

23. Школьные простыя маньчжурского и китайского языков разговоры. 1730 г.— В лист. 91 л. Переплет — папка.

Там же, 32.6.17.

Каждая страница разделена на три части, где размещены русский, китайский, маньчжурский тексты. Из предисловия: это сочинение «моего приятеля Шеу Пин сянь шына на маньчжурском языке», им же переведенное на китайский язык. Разговоры на бытовые темы, разделены на 52 статьи.

24. Цянь-дзы-вынь, то есть учение с краткою историей из тысячи китайских разных характеров [иероглифов] состоящее, которое сочинено около 502 года после рождения Христова Джеу-хин-цзем, славным учителем китайским, об одну ночь с поседением на голове и бороде его волосов по повелению китайского царя У-ди фамилии Лян. Переводил с китайского на российский язык подпоручик Ларион Россохин.— В лист. 10 л. Переплет — папка.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 115.

25. О том, как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Куньфудзыя. С маньчжурского языка на российский переводил прапорщик Ларион Россохин. 1745 г.— В лист. 12 л. Переплет — папка.

Там же, № 112.

На трех языках: русском, китайском и маньчжурском. «По китайски писал ученик Левонтий Савельев, а по маньчжурски ученик Семен Корелин», перевод на русский язык Россохина.

26. О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения. С маньчжурского языка на российский перевел прапорщик Ларион Россохин. Санкт-Петербург. 1745 г.— В лист. 31 л. Переплет — папка.

Там же, № 116.

На трех языках: русский перевод — автограф, «по китайски писал ученик Яков Волков, а по маньчжурски Степан Чекмарев».

27. Китайского графа Сюэ-вынь цин-гуна собственные рассуждения о себе самом. 1745 г.— В лист. 17 л. Переплет — папка.

ОР БАН, 34.5.11.

Каждая страница разделена на три части: русский перевод — автограф; «по китайски писал ученик Яков Волков; по маньчжурски писал ученик Степан Чекмарев».

28. История о Китайском государстве, а именно о начале онаго, сколько имеется под владением онаго других государств, стран, земель, городов больших и меньших, сел, крепостей и какие во онам государстве имеются знатные реки, озера, горы. Что в каждом городе, селе и деревне родится

или что удивлению достойное делается. О китайских царях, о пятнадцати частях Китайского государства, о начальных людех и о всем их народе, о вере, о учении и искусстве, о нравах, их мудрости, многонародстве и о богатстве. Списана с рукописной истории, которая сочинена от сотворения света 7186, а от Рождества Христова 1678 году.— Почерк — писарский. В лист. 144 л.

ОР БАН, 32.6.18.

«Описание» Н. Спафария. Почти на каждой странице примечания И. К. Россохина. Помета: «Получена сентября 16 дня 1748 г.»

29. Китайское путешествие, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 г. у калмыцкого хана Аюки на Волге.— Скоропись начала XIX в. В лист. 112 л. Переплет — папка. Печать Библиотеки Восточного института (Владивосток) *.

ОР ГБЛ, М 9554.

30. обстоятельное описание о происхождении и состоянии манджурского народа и войска, в осми знаменах состоящего. Первого издания. Переводил с манджурского языка прапорщик Ларион Россохин.— Автограф. 1739 г. В лист. 68 л. Без переплета.

ЛО ААН, разр. IV, оп. 1, № 322.

Часть из опубликованной книги, см. стр. 50 настоящей работы.

31. Перевод из Китайской исправнейшей истории о смежных с Китаем народах.— В лист. 11 л.

ЦГАДА, ф. 199, портф. 349, ч. 1, № 16.

1) Переведено из китайской истории Дзы-джи-тун-гянь-ганму, которая всех прочих историй исправнее. О народе Су — л. 1—4. 2) Краткое известие о древних Си-июу, то есть о разных западных народах или королевствах. Переведено из Дай-цин-и-тун-джи, то есть из географического и исторического всего Китайского государства описания — л. 5—7. 3) О дальнейшем из той же книги Дай-цин-и-тун-джи — л. 8—10.

32. Примечания на журнал российского каравана восточною дорогою от Цурухайтуевского форпосту чрез город Цицигар в Пекин 1736 года.— В лист. 6 л.

Там же, ч. 2, № 4, л. 37—42.

Имеется 101 примечание. Населенные пункты, географические названия.

33. Изъяснение на Вольтеровы о Китае примечания, собранные г. Браглицевым с примечаниями г. Россохина.— В лист. 36 л.

Там же, № 5.

Примечания Россохина — л. 19—36; на л. 36: «Оное Вольтеровых о Китае примечаний поверение по всем моим примечаниям получено почти все или на словах или на самом письме от езуит, кои находятся в Пекине...» (подписал Л. Россохин). Исправления, иногда расширенные, как, например, о Конфуции.

34. Родословная таблица счисления лет китайских ханов владения. [Название на обороте таблицы] — Таблица. Размер 73 × 102 см.

* Оубл.: «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1764, июль, стр. 1—48; август, стр. 99—150; сентябрь, стр. 196—234; октябрь, стр. 291—353; ноябрь, стр. 387—413; прибавление, стр. 414—440.

Архив ЛО ИВАН. Архив востоковедов [номер фонда не установлен. — Прим. ред.].

Разбита на клетки размером 73×60 см. В середине, поперек циклические знаки. Сверху надпись — полное название таблицы. Из надписи: «4. Красные числа значат, сколько лет которой хаи престолом владел. 5. Чернилами писанные имена... после смерти их».

Яков Волков

1. Книга Сышу или Шан лун пюу китайского кунфудзского закону философическая разная рассуждения.— В $\frac{1}{2}$ листа. 135 л. Переплет — кожа. ОР БАН, 16.9.21.

«Переведена на русский язык Яковым Волковым». Предположительно под руководством И. К. Россохина. 436 параграфов.

Сазонт Карпов

1. Краткие разговоры на манджурском и китайском языках с русским переводом. 1752 г.— 162 л.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 5.

Составлены и переведены в Пекине.

Иван Быков

1. Указы его ханского величества именные, которые по преданию в печать объявлены в восемь дивизий. Переведены с манджурского языка на русский чрез прапорщика ранга ученика Ивана Быкова.— Автограф. Тетрадь. В $\frac{3}{4}$ листа. 36 л. Бумага — китайская, двойная.

ЦГАДА, ф. 181, № 423.

Указы Восьми знаменам.

Алексей Матвеевич Владыкин

1. Перевод с китайского сочинения о законе, о восстановлении (!) почтения родительского и братолюбия, о чести родства человеческого и о прочем. 1734 г.— Автограф. В $\frac{3}{4}$ листа. 128 л. Бумага — китайская, двойная. ЦГАДА, ф. 181, № 422.

В конце л. 127 помета: «Переведена 1734 году октября 5 дня. Переводил прапорщик ранга академии Алексей Владыкин». Экслибрис Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел.

2. Научительный именной указ его величества хана китайского военные дела исправляющаго вана штацким и военным господам генералам и министрам. 1727—1730 г.— Автограф. В $\frac{3}{4}$ листа, 37 л.

Там же, № 423.

Переплетена вместе с рукописью Ивана Быкова «Указы его ханского величества...». В конце: «Переводил прапорщик ранга ученика Алексей Владыкин. Перевод с печатного указа, изданного в 1726 году».

1. Журнал, составленный в Лифаньюане, осады Албазина и переговоров с Ф. Головиным в Нерчинске. Перевод из китайского государственного журнала о воевании китайцами русских и о трактовании с российским послом Федором Алексеевичем Головиным пограничной земли. Переводил переводчик Алексей Леонтьев.— В лист. 26 л.

ЦГАДА, ф. 62, оп. 2, 1682 г., № 1, л. 2—28.

2. Перевод с Вольтеровых примечаний о Китае и записка для Братищева. Пункты о Китае с перевода Вольтеровых примечаний. Против оных пунктов нижеследующие по справке и по осведомлению переводчика Леонтьева.— В лист. 14 л.

ЛО ИИАН, ф. 36, № 154/75, л. 624—638.

3. Таблица хронологическая китайския монархии прежде Рождества Христова и по рождества по циклам или периодам 60-летним.— В лист. 78 л. Без переплета. Начальные листы раскрошены внизу.

ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 133.

Конца нет. Оканчивается 1682 г. Краткое перечисление событий каждого царствования. Примечания редки. Хранится в фонде В. П. Васильева, приписывается А. Л. Леонтьеву.

4. Реестр Китайского государства от начала бывшим царям и императорам, выбранный из китайской летописи переводчиком Леонтьевым.— В лист. 8 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 36, № 154/75, л. 668—675.

5. Выписка из книг господина переводчика Леонтьева.— В лист. 6 л. ОР ГПБ, ф. 487, № 219, л. 54—59.

Краткие заметки: «О перестройке Великой стены. О завладении маньчжурским ханом Китайским государством в 1644 г. О числе войск в Китае. О собирании пошлин в Китае. О мерах хлебных. О мере земли. Описание о Чингис-хане. Почему китайцы пишут свое государство срединным или тайцинским и отчего прозвались китайцы».

6. Русско-маньчжуро-китайский словарь, расположенный по материям. [Название архивное] — В лист. 25 л. Л. 7 об., 9—10 — пустые.

ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 70.

Учебник разговорного языка. Русский, китайский и маньчжурский тексты. В каждой главе разговоры на темы о небе, земле, царской фамилии, военных чинах и т. д.*

7. Перевод российских слов на маньчжурский язык канцелярии советника Леонтьева.

ОР БАН, № 8756, Текущие поступления, № 83.

Перевод 286 наиболее употребительных слов, вошедших в словарь акад. Палласа «Linguarum Fofius orbi vocabularia comparative augustissima cura collecta», Pars I et II, Petropoli, 1786.

8. Ведомсти о китайских губерниях. Сколько в которой город положенных в пашенной оклад душ, во сколько в год собираетца в казну хлеба и

* См.: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, г. I, СПб., 1904, стр. 225—227.

серебра и какие родятца и выходят вещи. Собранныя с китайской государственной географии переводчиком Леонтьевым. Оная география сочинена в 1744 году по именному ханскому указу. [В виде таблицы.] — В лист. 6 л.

ОР ГБЛ, ф. 96, № 2647, л. 212—217; Архив ЛО ИИАН, ф. 36, № 154/75, Очевидно, список*.

9. Переведенные надворным советником Леонтьевым две китайские книги: 1. Мин-сянь-дзи, т. е. «Речи славных мужей»; 2. Сань-дзы-гин, т. е. «Книга троесловная», служащая для первоначального обучения детей, и присланные Леонтьеву бригадиром Александром Андреевичем Безбородко. [Надпись на деле.] — В лист. 30 л. Переплет — папка.

АВПр, ф. 347, II—26, 1779, № 1.

На л. 1: «Перевод с китайской печатной тетради, коя у китайцев служит для начального обучения малолетних детей второю книжкою и коя содержит пословицы и писана стихами, четырехсловными, пятисловными, шестисловными и семисловными. Прислана она к надворному советнику Леонтьеву из Сарского села от его высокородия господина бригадира Александра Андреевича Безбородки 10 августа 1779 года». На л. 30: «Перевел Алексей Леонтьев с двух языков: китайского и манчжурского».

10. Трактат между Российским и Китайским государствами, графом Савой Владиславичем в 1728 году июня в 14 день заключенный. Переведен вновь с оригинального манчжурского трактата 1756 года августа месяца в 5-й день. При сем присовокуплена копия с прежнего перевода, данного от китайской стороны. А равно ж точно содержания дан и от графа Савы Владиславича китайским министром. Переводил с оригинального манчжурского трактата переводчик Алексей Леонтьев 1756 года августа 5-го дня. — В лист. 16 л.

Архив ЛО ИИАН, ф. 36, № 154/75, л. 115—130.

11. Реестр китайского государства губерниям, сколько в которой городов положенных и подушный оклад крестьян, по сколько с оных всего собирается в казну хлеба и серебра и какие в которой губернии родятся и выходят вещи, выбрапо из новосочиненной в 1753 году по имянному богдыханскому указу на китайском языке географии переводчиком Леонтьевым. — В лист. 2 л. Ведомость.

Там же, л. 665—666.

12. Ведомость со сведениями о Китае. Составлена по данным государственной географии Китая 1744 г., перевел Леонтьев — 8 л.

ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 892, л. 1—8.

13. Стихотворения китайского хана Юп Джена. Русский перевод Алексея Леонтьева с описанием обстоятельств, при которых ханом написаны стихи — 2 л.

ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, № 2967, л. 1—2.

* Опул.: «Примечания на все манчжурские и китайские слова, имена, звания, титулы хана китайского, так же на все чины и достоинства знатных и простых людей с обстоятельным описанием о происхождении и состоянии всего манчжурского народа и войска находящиеся», [б. м.], [б. г.], 323 стр., ведомость 7 стр. (приложение к кн. «Обстоятельное описание происхождения и состояния манчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего», СПб., 1784).

В стихотворении говорится о влиянии природы на человеческое настроение.

14. История китайского государства.— Скоропись середины XVIII в. с рисованными пером украшениями.

ОР ГБЛ, 45(2647).

На л. 1, «Зачаса нулия 15 дня 1737».

В конце позднейшим почерком: «О поучении хана Хуала-сун и статистические таблицы Китая, собранные А. А. Леонтьевым в 1774 г.».

Федор Бакшеев

1. Манджуро-русский лексикон. Сей лексикон китайского и манджурского языка студента Федора Бакшеева. Сей лексикон переведен на манджурский язык переводчиком Федором Бакшеевым. 1776 г.— Автограф. В квадратный лист. 294 нумерованных листа. Переплет — папка, покрыта китайской материей.

ОР ГПБ, Дорн, № 689; Дорн, № 687, белой экземпляр.

На л. 291 «Кончил подводить по манджурски сей лексикон 1776 года месяца декабря 14 дня в день среды пополудни в третьем часу Федор Бакшеев». Расположен по маньчжурскому алфавиту. Всего более 10 тыс. слов и выражений.

Антон Григорьевич Владыкин

1. Манджурская азбука в пользу Российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным. 1804 года.— В лист. 11 л. Переплет — папка.

ОР ГПБ, Дорн, № 691.

«Предъуведомление; как пишутся буквы».

2. Манджурская грамматика. Для российского юношества сочиненная Антоном Владыкиным. 1804 года в С.-Петербурге.— В лист. 22 л.

Там же, л. 12—34.

В одном переплете с № 1.

3. Руководство для учащихся манджурскому языку. С приобщением двух книжек первого класса: 1) Сянь-дзы-дзин. 2) Мин-сянь-дзы. Переведенные с манджурского языка Антоном Владыкиным.— В лист. 46 л. Переплет — папка.

Архив ЛО ИВАН, ф. 88, № 8.

«Мин-сянь-дзы» — 52 параграфа; «Сянь-дзы-дзин; то есть сочинение, в коем каждый период состоит из трех букв китайских» — л. 29—46.

4. Краткий летописец китайских царей. От древних до ныне царствующаго, выбранный из достоверных китайских историй Антоном Владыкиным. 1805 г.— Автограф. В лист. 30 л. Переплет — папка.

Там же, № 7.

Хронологическая таблица с указанием основных событий; «Примечания на некоторые слова сего летописца» — л. 27—29.

5. Указы китайских царей древних и новейших, переведенные с китайского и манджурского языков Антоном Владыкиным. 1805 года.— Автограф. В лист. 47 л. Переплет — картон.

Там же, № 6.

Переводы указов — л. 19—27 об.; «Сочинение Тан династии царя Тай-цзуна под названием золотое зеркало. В 620 г. по Р. X.»

6. Указ китайского богдыхана Юньду сына в связи с награждением отличившихся вельмож буквою, означающее счастье. 1726.—Перевод. Копия. В лист. 1 л.

ОР ГПБ, ф. 542 [номер дела не установлен.—Прим. ред.], л. 651.

7. Указ китайского императора по делу главного министра Хо-шеня. 1796 г.—Перевод. Копия. В лист. 2 л.

Там же, л. 656—656 об.

8. Китайский роман под названием Дзинь-Юнь-Циоу.—Почерк — писарский. В лист. 241 л. Переплет — папка.

Там же, № 727.

То же.—Почерк писарский. В лист. 223 л.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 41.

Поправки карандашом до л. 80.

9. Манджурский лексикон, переведенный Антоном Владыкиным.—В лист. т. I. 316 л. Бумага — китайская. Переплет — кожа.

Там же, ф. 88, № 5.

По маньчжурскому алфавиту. Страницы разделены на клетки $5 \times 5(6)$ см — 25—30 слов на каждой странице.

10. Словарь манджурский с российским. [На корешке.] — В лист. 359 л. Бумага — китайская, разграфлена. Переплет — кожа.

Там же, № 2.

На последних 31 листах административные чины и звания; названия учреждений на маньчжурском языке, переводы редки.

11. Словарь манджурский с российским. [На корешке.] На форзаце: «Антон Владыкин».—В лист. 373 л. Бумага — китайская. Переплет — кожа.

Там же, № 1.

Маньчжурские и китайские слова, перевод на русский язык. В самом начале и в конце — французский перевод другим, мелким почерком. На форзаце: «1798 июля 20, С. 1800, авг. 7; А. 1801, авг. 6; С. 1802, дек. 13; Н. 1808, апр. 7».

12. Словарь китайский с манджурским. [На корешке.] — В лист. 595 л.

Там же, № 7.

Расположен по русскому алфавиту. Почерк — тайца. Переводы на русский язык редки. В конце перевод на французский язык другим, мелким почерком — 27 л.

13. Словарь российский с манджурским. [На корешке.] — В лист. 167 л. Переплет — кожа.

Там же, № 4.

Расположен по русскому алфавиту. Страницы разделены на клетки 5×6 см — 30 слов на каждой странице.

Иван Орлов

1. Описание по тракту, лежащему от китайского столичного города Пекина по почтовой дороге, станков с расположением мест как в китайских землях, так и в мунгальских до самой границы Кяхты, бывшего в Китай-

ском столичном городе Пекине при духовной там находящейся российской свите церковника Ивана Орлова 1787 года декабря 12 дня.— В лист 8 стр.

ОР ГПБ, ф. 487, № 219.

Подпись: «Иван Орлов». Дорога от Пекина до Кяхты, с указанием количества верст.

*Антон Владыкин. Егор Салертовский.
Павел Каменский*

1. Работы студентов — учеников Пекинской миссии — Владыкина, Салертовского, П. Каменского.— В $\frac{1}{2}$ листа. 286 л. Бумага — китайская. Переплет — папка.

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, № 1/531.

«Государственной коллегии иностранных дел, для Азиатской библиотеки при Азиатском департаменте хранящейся, 1817 июня 1-го» — л. 1; П. Каменский, — л. 2—17 об. («Отборнейшие на разные болезни рецепты, собранные в 1805 год студентом Каменским», на китайском языке); Антон Владыкин, — л. 18—161 (переводы с китайского и маньчжурского разных текстов — указов, выдержек из классических книг, тут же текст на китайском или маньчжурском языке и перевод на русский); Егор Салертовский — л. 162—285 (учебное занятие за 1785—1792 гг. На свободных местах переводы П. Каменского с китайского афоризмов).

Иван Филимонов, А. Попова, Павел Каменский

1. Работы студентов-учеников Филимонова, Попова и Каменского. 1784—1790 гг.— В $\frac{1}{2}$ листа. 305 л. (510 стр.).

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, № 2/531.

Переводы (И. Филимонова — л. 12—155, А. Попова — л. 156—305) с китайского и маньчжурского, с текстом на этих языках. Переводы указов, выдержек из исторических книг, разговоры и т. п. На незаполненных местах помещены переводы разных изречений, сделанные Каменским.

Иван Колосов

1. Продолжение дипломатического собрания дел между Российским и Китайским государствами. С 1764 г. по 1796 год. Сочинено из подлинных бумаг Московского Главного архива Министерства иностранных дел Начальником 2-го отделения коллежским советником и кавалером Иваном Колосовым. 1839. Почерк — писарский. В лист. 54 л.+ 125 л. приложения. Переплет — папка.

ОР ГБЛ, № 4262; Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 6/2 (без плана, экспликации и ландкарты).

В конце на двух листах: 1) План посольского двора и монастыря, масштаб: 10 сажень в дюйме. 2) План расположения тех же объектов в перспективе. 3) «Экспликация монастыря». «Снято с натуры 1808-го года».

4) Ландкарта на отдельном листе (116 × 71,5 см с рамкой 1 см), на обороте надпись: «Сия ландкарта Лоренца Ланга 27 марта 1726 года», в правом нижнем углу: «Сочиняли сие ландкарту геодезист Петр Скобельцин с товарищи».

Текст — изложение отношений России с Китаем на основе документов. Приложения: 1) Список архимандритам, бывшим в Пекине с духовными свитами с 1720 по 1792 год — л. 4—6 (191 об.—193 об.)*. 2) Наставления определенному на Кяхту к пограничным делам надворному советнику Соколову — л. 7 об.—25 (194—205 об.). 3) Записка о коммерции и какие она производит в собственные их государства общие пользы и выгоды — л. 26—32 (206—210 об.). 4) Инструкция Тайцинского государства Джурганя внешней провинции торгующим в Кяхте купцам с русскими — л. 33—43 (211—216). 5) *Memoire concernant le projet d'asjenir un Entrepot de Commerce à l'embouchure du fleuve Nagum*, — л. 43—47 (216 об.—219 об.). 6) Объявление от учеников манжурского и китайского языков Василью Игумнову бывшему приставом при отправленной в Пекин в 1781 году духовной российской миссии — л. 48—49 (219—220). 7) Журнал секретных намерений, случаев и перемен, бывших в Тайцинском государстве с 1772 по 1782 год — л. 49 об.—115 (220—257 об.).

Журнал составлен по пунктам, в каждом из которых рассказано о «случаях и переменах». Война с мяоцзы. Победа. О связи с китайцами, их ненависть к мапъжурам. О мяоцзы. Бунт в Ганьсу. Прекращение Кяхтинской торговли. Перевод прошения русских перебежцев. Бунт в Шаньдуне. Метеор в 1779 г. Пожар в Пекине. Отповедь Трибунала Цвету на жалобу на крестьян и др. Подпись: «Алексей Агафонов, Федор Бакшеев, Алексей Парышев». 8) Копия с рапорта мапжурского и китайского языков ученика Антона Владыкина от 12 ноября 1795 года и [его же] записка от 3 апреля 1796 года — л. 116—125 (258—263).

В копии рапорта Антона Владыкина говорится о переводчике русского языка Юнь Чине.

Павел Иванович Каменский

1. Из книги Каменского всякий мелкий перечень для любопытных.— Надпись — автограф. В лист. 92 л. 1798—1806 гг. Бумага — синяя.

ОР ГПБ, F — XVIII.24.

Различные мелкие переводы и замечания о быте китайцев — л. 29—59 об.; «Перевод китайской поваренной книги Ши у бен-поу» (о пищевых продуктах, употребляемых в лечебных целях) — л. 63—65; мысли по поводу улучшения миссии, главным образом учебного порядка, — л. 27 об.; в 1804 г. в миссию прислали из кладовых императора фарфоровую чашу для прочтения надписи на русском языке; надпись: «Чаша кабардинского народа» — л. 60; 1806 г.— запись об осмотре Пекинского университета.

2. Китайская история с самой глубокой древности и даже со времен баснословной до нынешних времен императорской Академии Ханьминь бес-

* В скобках указаны листы экземпляра рукописи, хранящейся в Архиве ЛО ИВАН.

прерывно через 40 столетий с лишком веденная. В начале оной здесь прилагается хронология.— Название — автограф. Почерки — разные. 1805—1807 гг. В лист. 397 л. Бумага — синяя и белая. Переплет — папка. На переплете изнутри экслибрис: «Библиотека Азиатского департамента»; на л. 1 штамп: «Библиотека Пекинской российской духовной миссии».

Архив ЛО ИВАН, ф. 24, № 24.

В конце: «Сей труд предпринят мною был в ожидании посольства из России для поднесения послу графу Юрию Александровичу Головкину, но по известным причинам не удостоился оной чести». Перевод «Тунцзян ганму» — л. 1—381 (оканчивается династией Мин); «Краткое географическое и статистическое описание Китайской империи, Государственной коллегии иностранных дел переводчиком коллежским асессором Каменским сочиненное и из настоящих китайских книг почерпнутое» — л. 382—387.

3. Эта рукопись переведена и писана архимандритом Каменским бывшим в миссии в Китае. Китайские тексты с русскими переводами.— В лист. 5 л.

Там же, № 16/250.

4. Из обработанных материалов П. Каменского.— Название — автограф. В лист. 720 л. Переплет — папка.

Там же, № 25.

«Мунгальская история о деяниях Чингисского рода» — л. 1—698 (перевод с маньчжурского, примечания редки); Династия Мин — л. 698—703; «Старые переводы» (указ Юнчжэна 1727 г.) — 21 стр.; «Журнал, веденный в Пекине на прибытие из Российского государства посланника Николая Гавриловича Спафария, отправленного по высочайшему его царского величества государя Алексея Михайловича указу 1676 году к императору Канси. Мунгальского трибунала от президента Амухулана с прочими воеводами доклад»*. Внизу надпись: «Переведен 1805 года в Пекине студент[ом] Каменским».

Там же, № 10, л. 1—33.

5. Материалы Каменского.— Автограф. Надпись другой рукой: «Подарены в императорскую публичную библиотеку 1819 декабря 3 дня автором». [1800—1806].— В лист. 396 л. Переплет — папка.

ОР ГПБ, ф. 550, F — XVII.24/3.

Полное название материалов: «Падение Минской, а начало маньчжурской в Китае царских династий или жизнь изменника Лидзичина. Журналы посольств, любопытные указы, критика на записки Амюта и разные мои записки. Переводил студент Павел Каменский». 1806 г.

«Лидзичин» (Ли Цзы-чэн) (перевод с маньчжурского) — л. 1—53. «Наставления китайского императора первого из маньчжуров Шуньджия, изданные для наставления своей Министерии. Переведены с китайского и маньчжурского языков студентом Павлом Каменским 1806-го года» (позднейшая приписка: «Сей перевод я несколько исправил, а здесь оставлен переведенным слово в слово» — л. 54—83; «Доклад китайского министерства о казни царевича. Перевод с маньчжурского языка» — л. 84—111 («Переводы приготовлены были для посольства [Головкина], но остались тщетны»);

* Оубл.: см. прим. 183 к гл. III.

«Журналы, веденные в Пекине на прибытие из России посланника Николая Гавриловича Спафария и на разные посольства от китайского двора. Переводил студент Каменский» — л. 112 об.— 134 об.; «Журнал, веденный на разные Пекинского двора посольства, а именно к Тибетскому герцогу Дибей, к Дзюнгорским царям Галданю, Цеван Раптаню и др.» — л. 134—281; «Переводы с указа императора Дзяциня, изданного на казнь первейшего времени и любимца умершего императора Кянлуна генерал-прокурора Хомена 1796 года» — л. 292—297 об.; «Преложение стихов с китайского, пропустив прозаические замечания о пульсах, для любопытства переводу здесь стихи, молодыми медиками изучаемые» — л. 306—312 об.

Между переводами и в конце книги (л. 313—396) разные замечания о китайской истории, замечания на книги Амиота и А. Леонтьева.

6. Без названия. Относится к 1809—1814 гг.— В лист. 110 л. Переплет — папка.

Там же, F — XVII.24/2.

Различные заметки и переводы с маньчжурского — л. 45—58; «Краткое начертание китайской империи по губерниям» — л. 90—96; «Проект о миссии, в Китай посылаемой» — л. 109; копия записки, поданной сибирскому генерал-губернатору Пестелю в 1809 году о Парышеве, — л. 110.

7. Зерцало китайских добродетелей и пороков или книга Тайшан. Перевел с маньчжурского 1815 года титулярный советник Павел Каменский. — В лист. 104 стр.

Там же, F — III.5.

Помета: «Подарена в имп. Публичную библиотеку 1819 г. дек. 3 дня автором». Китайская хронология до Цзяциня — стр. 91—101; афоризмы на китайском и маньчжурском языках с переводами — стр. 102—104.

8. Памятник христианской проповеди в Китае, воздвигнутый в царствование древней Танской династии во время мудрого государя Тан Тай-цзуна. Список с коего, в 1825 году взятый, всеусерднейше посвящается в императорскую Санктпетербургскую публичную библиотеку, в толковании, с применением большого листа, из одних текстов состоящего. Пекин. 1824 года. — В лист. 72 л., с тремя рис.

ОР ГПБ, Дорн, № 715.

9. Отпуска писем, записи и дневники за 1832—1883 гг. [Название архивное]. В лист. 230 л. Бумага — синяя. Переплет — папка.

Архив ЛО ИВАН, ф. 24, оп. 1, № 13.

Материалы по миссии Каменского, копии писем Нессельроде, Вениамина Морачевича и др. Перечисление книг, подаренных в имп. Публичную библиотеку, и переписка о них (36 названий книг), указание на пожертвование книг в Азиатский департамент, в Иркутскую семинарию, в Иркутскую гимназию, в Московский университет (словарь «Канси цзыдянь»), в Академию наук — л. 189—195; проповеди, переводы псалмов на китайский язык и разные заметки религиозного содержания на русском и латинском языках.

10. Из материалов убогого инока а[рхимандрита] П. Каменского. — В $\frac{3}{4}$ листа. 154 л. Переплет — папка.

Там же, № 12.

На обратной стороне переплета надпись: «Благороднейшему г-ну Василию Степановичу Словцову, племяннику моего знакомого Петра Андреевича»

Словцова, дарю свою книгу от сердечного доброжелательства. Архимандрит Петр Каменский, октябрь 7, 1844». Дневниковые записи главным образом религиозного характера. Проповеди. Записи погоды. Списки книг, пожертвованных в Иркутскую и Петербургскую семинарию,— л. 68, 95.

11. Дневники и различные записи П. Каменского за 1840 год. [Название архивное.]— В лист. 253 л. Переплет — папка.

Там же, № 14.

Дневниковые записи за 1840 г. (начаты 1 января), почти ежедневные записи о погоде. Выписки из книг по теологии на латинском языке и книг «душеполезных». Из лекций Орлова по истории России. Размышления о религии. Никаких замечаний о Китае нет.

12. Из рукописей архимандрита Петра. 1841-го года. Бесценная книга, посвящается в семинарскую библиотеку.— Название — автограф. В лист. 200 л. Переплет — папка.

Там же, № 15.

Дневниковые записи за 1841 г. Ежедневные записи о погоде. Выдержки из книги по истории философии профессора Галича. Религиозные тексты на латинском языке. Выписки из «Московских ведомостей» о войне Англии с Китаем.

Записи о Китае редки, из них: «Китайское просвещение. Из уроков, преподаваемых в С.-Петербургской духовной академии» — л. 66—69; отрывок из «лексикона» Каменского — л. 181.

13. Дневник архимандрита Петра 1842-го года. — Автограф. В лист. 331 л.

Там же, № 10.

Представляют интерес: письмо из Кяхты, составленное Абдурахимом, — л. 64—77; краткое описание пекинского монастыря — л. 78—83; сведения о Бшчурине — л. 135—139, 143.

14. О медицинских книгах, семенах и лекарствах, вывезенных из Китая и принесенных в дар Медико-хирургической академии переводчиком Павлом Каменским. — В $\frac{1}{2}$ листа. 2 л.

АВПР, ф. 347, II-26, оп. 71, 1811 г., д. 3.

Письмо Алексея Разумовского Н. П. Румянцеву от 19 августа 1811 г. 15. Необработанные материалы Каменского. [Без даты.] — В лист. 445 л. (около 880 стр.). Переплет — папка.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 142.

Переводы из различных китайских исторических книг: «О восстании Ли Цзи-чэна» — л. 11—88; «Описание Великой Татарии и Малой Бухарии со многими другими» — л. 106—134; «О побеге торгоутов с саратовских степей» — л. 143—158; «Сокращение монгольской истории» — л. 177—237; «Журнал Тулишена посла через Россию» — л. 261—326.

16. Азиатские посольства и прочие дела в пользу Государственной коллегии иностранных дел. Переводил с маньчжурского языка Павел Каменский.— В лист. 265 л. Переплет — папка.

Там же, № 39.

Посольства в Джунгарию, в Тибет, из России в Пекин (Спафария). Ответы на вопросы, данные ученикам о политических и торговых отношениях России с Китаем.

17. Об издании монгольско-маньчжурско-русско-латинского лексикона, составленного Каменским.— Листы разного размера. 23 л.

АВПР, ф. 347, II—26, оп. 71, 1817 г., № 2; IV—30, оп. 146, 1816—1823 гг., № 1.

Переписка Каподистрия — Барроу и других по изданию словаря, главным образом на французском языке. Дело 2 состоит из 174 л. Докладные записки Каменского, его же заметка «О китайской типографии» и другие материалы дополняют дело, хранящееся в Архиве ЛО ИВАН.

18. Реестр на китайском языке миссионерских книг. 1831 г.— Автограф. Тетрадь. 16 стр.

ОР ГПБ, Дори, № 831.

Названия книг — нероглифы, транскрипция — русская. Перевод редок.

19. Краткие разговоры на мунгальском и маньчжурском языках с моим на скору руку переводом.— 2 книги. Пожертвованы в Иркутскую семинарию. Архив ЛО ИВАН, ф. 24, оп. 1, № 5, л. 68.

Местонахождение рукописи неизвестно. Пожертвованы в Иркутскую семинарию. Сообщение о ней на л. 68.

20. О разнице между китайским, латинским, французским и русским языком. [1829 г.] — В 1/2 листа. 16 л.

Там же, разр. I, оп. 1, № 64.

Фонетика русских алфавитов. Авторство установлено по почерку.

21. Медицинско-русско-китайский словарь.— В лист. 593 л.

АВПР, ф. 152, № 138/542.

Выписки из медицинских сочинений, медицинский фармакологический словарь. Плоды, звери, рыбы, используемые для изготовления лекарств. Переводы о пульсах в стихах — л. 268—278. На л. 55 об.: «Сии труды предприняты по убедительным советам Кяхтинского аптекаря Ивана Ивановича Сиверса, который на сие снабдил примечание». Авторство установлено по почерку.

22. Большой русско-китайский словарь с фразами и примерами.— В лист. 259 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 24, оп. 1, № 3.

23. Фразеологический словарь на китайском и маньчжурском языках. 1831.— В лист. 322 л.

Там же, № 4.

Запись Каменского: «Перевод сей фразеологии есть плод по Мунгалии путешествия. Кошчен 1831 декабря 3 дня в богоспасаемом граде Иркутске. Архимандрит Петр».

24. Китайский лексикон по выговорам. Сбоку: «У фан юаньинь».— В лист. В двух томах. 119 + 91 л.

Там же, разр. I, оп. 1, № 46.

«Из Пекина подносится и посвящается в императорскую С.-Петербургскую публичную библиотеку. 1830 года».

25. Китайский лексикон, по выговорам или тонам расположенный. 1826 года января 25 Пекин.— В лист. 2 книги. 180, 237 стр. Бумага — китайская. Сброшюрованы.

ОР БАН, ХУЕ F—10.

Помета: «Из книг Николая Ивановича Вознесенского». Иероглифы переведены на латинский язык. Словарь, видимо, переписан со словаря Каменского.

26. Лексикон Сань-хэ-бень-лань, по мунгальскому алфавиту переводчиком Новоселовым подобранный и арх. Петру Сибирским ген.-губ. М. Сперанским в 1820 г. для подведения китайского и манджурского переводов и для переведения его на российский предпущенный, в 2-х томах.

Местонахождение рукописей неизвестно. «Трехязычный лексикон. Сань-хэ-бяньлань» в двух томах пожертвован Каменским в Иркутскую семинарию в 1830 г. Приписка: «В Азиатский департамент». — По записи, на л. 68.

Архив ЛО ИВАН, ф. 24, № 15.

27. Краткое начертание предубеждений китайцев к самим себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении китайского двора, сочиненное гг. Каменским и Липовцовым. 1818 г.— В лист. 16 л. Машинопись.

Там же, оп. 1, № 26.

28. Мнение о торговле Российско-американской компании в Кантоне.

Там же, л. 17—19.

Степан Васильевич Липовцов

1. Династия Дай-мин. Переведено с китайского языка переводчиком Степаном Липовцовым.— Автограф. 1807 г. В лист. 316 л.

ЛО ААН, разр. II, оп. 1, № 39.

С некоторыми поправками автора.

2. Китайская история династии Дай-мин. Кн. I. Император Тайдзу завоеватель. 8 глав. Почерк — писарский, поправки — автограф. В лист. 181 л. (нет л. 9). Не окончена.

Там же, № 41.

Там же, оттиск типографского набора — 11 глав на 27 печатных листах (432 стр.). Первые 300 стр. содержат текст предыдущей рукописи.

3. Подлинное состояние нынешних маньчжурских войск. Высочайший указ. Перевод с маньчжурского. 5-ое лето Цзя-цин (1801 г.).— В лист. 5 л. Машинопись.

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 5.

Рукопись была подготовлена к печати в 1913 г.

4. Доклад китайского чиновника Хун-Лян-дзия, в котором объясняются причины мятежей, возникших в южных губерниях китайской империи, и предлагаются средства к пресечению оных, поданный императору Киянь-луну, отцу нынешнего императора. 1798 года.— В лист. 32 л.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 2; Архив ЛО ИВАН, ф. 24, оп. 2, № 1.

5. Переводы указов и переписки.

а) «Великого Дайцинского государства из Трибунала, внешними провинциями управляющего, лист, в Российский Сенат посланный». [Подпись] Сай-чунга [Сай Шан-га]. Фэншяня 10-го лета, 9-ой луны, в 9-е число.— В лист. 2½ стр.

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 7.

Прибытие в Макао двух русских (Лученского государства) купеческих кораблей. О торговле России в Кяхте.

б) То же. [Подпись] Сай-чунга. Фэншяня 11-го лета, 6-ой луны, в 8-ой день.— В лист. 6½ стр. Часть на машинке.

Там же.

Получены известия, что Головкин отправлен из Урги обратно.

в) То же.— Без числа. В лист. 10 стр. На машинке.

Там же, № 3.

О пограничных знаках, в несносных, колких и унижительных письменных выражениях. О пошлине и посланнике.

г) Побег торгоутских калмыков из России в Зюнгарию, описанный со всеми подробностями маньчжурским принцем Ци Ши-нем. Перевод с китайского.— В лист. 74 стр.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 26, л. 33—70.

6. Записки о Китае. Соч. г. Липовцова. [Надпись на переплете.] 1818 г.— В лист. 64 л. Переплет — папка.

Там же, № 44.

Состоят из переводов Каменского и Липовцова: «Краткое начертание предубеждений китайцев к самим себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении китайского двора» — л. 1—26; «Мнение о торговле Российско-Американской компании в Кантоне» — л. 26—30 (два отношения Лифаньюаня в Сенат о русских купеческих кораблях); «Доклад китайского чиновника Хун Лян-дзия, в котором объясняются причины мятежей, возникших в южных губерниях Китайской империи, и предлагаются средства к прекращению оных, поданный императору Кян-луну 1798-го года» (перевод с китайского) — л. 51—59; «Подлинное состояние маньчжурского войска. Высочайший указ 1800 г.» (перевод с маньчжурского) — л. 59—64.

7. Изображение народов, которые платят дань китайским императорам. Перевод с китайского. С. Липовцова. 1826 г.— В лист. 42 л. (84 стр.). Переплет — папка.

Там же, № 51.

См. также: [Каменский, № 27].

8. Маньчжуро-китайско-русский словарь. [1838 г.] (Датирован по Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона).— В лист. 4-и тетради. 803 л.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 58 (1—4).

Тематическо-фразеологический словарь.

9. Латино-китайский словарь. 1831 г.— В лист. 1210 стр. Брошюровка — китайская.

Там же, № 59.

Сбоку китайскими иероглифами написано: «Сидепан Липовцао».

10. «Dictionarium Latino-Sinicum» [Название архивное.] — В ½ л. 524 л. Переплет — кожа.

Там же, № 74.

Василий Трофимович Богородский

1. Землеописание китайского государства. 1819 г.— Автограф. В лист. 622 л.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 23.

На первой странице запись П. Каменского с краткой характеристикой труда Богородского и датой его смерти. Половина каждой страницы разграфлена вдоль. В графах: «училищ», «жита мешков», «оброку серебром», «пошлины серебром» даны цифры по округам и суммированы по губерниям. Алфавитный указатель географических названий — л. 495—596.

Никита Яковлевич Бичурин (Иакинф)

1. Об укреплении Желтой реки и канала подвального. 1812 г.—Автограф. В лист. 60 л. Бумага — китайская.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А—27.

Перевод с китайского инструкции главноуправляющего работами. Конец отсутствует.

2. Китайская хронология. 1819 г.—В лист. 75 л. Почерк — писарский. В лист. 75 л.

Там же, № А—22.

Лицевая сторона каждого листа разбита на 60 клеток размером 6×10 см. В каждую клетку вписаны годы (до 1813). На оборотной стороне листов пометки Н. Я. Бичурина, относящиеся к лицевой стороне следующего листа.

3. Хронология китайская (Цъзин-биао-ди-цъзян).—Автограф. 1820 г. В лист. 81 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 31-г, 34.

Во втором экземпляре (ед. хр. 31-г) не вписаны иероглифы названий династий, нет исторических справок; заканчивается 1817 г.

4. Четверокнижие. В двух томах. Почерк — автограф и писарский. В лист. Т. I, 617 л.; т. II, 562 л.

Там же, № 17—18.

Т. I. «Да сию». Почерк — писарский, много поправок и подстрочных примечаний Бичурина. Перевод текста, толкований и предисловия Чжу-си; переводы из китайских энциклопедий: биографии, история царства Чу и др.— л. 1—120*, л. 120—134; «Чжун-юн». Почерк — писарский, исправления Бичурина. Перевод текста, толкований и предисловия Чжу-си — л. 135—422; переводы из китайских энциклопедий: биографии, «Храм праотцам Чжао и Му», «Водоходные суда и колесницы» и др.— л. 423—441; «Мын-цзы». Перевод текста, толкований Чжу-си. Автограф. 1820 г.— л. 442—617.

Т. II. «Мын-цзы». Автограф. 1820—1821 гг.— л. 1—262. Перевод текста и толкований Чжу-си. «Лунь-юй». Автограф, 1821 г., январь — л. 264—562.

5. Чжун-Юн.—Почерк — писарский. В лист. 3, 244 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А—19.

Более поздний экземпляр по сравнению с № 4. Первые два листа предисловия с поправками Бичурина. Далее редкие поправки цветным карандашом.

Перевод Чжун-юн с толкованиями Чжу-си. На последних 17 л.: «Об именах китайцев», «Стрельяние из лука», «Черепашки и драконы», «Родословие Кунцзы», «Кровельное отверстие», биографии и другие переводы из энциклопедии.

* См. также № 18.

6. Выписки из географии китайской.— Автограф. 1823 г. В 1/2 листа. 28 л.

ОР ГПБ, ф. 542, № 796.

«Фолинь (Рим). Сообщение о нем при Ханьской династии». Перевод и примечания — л. 1—3; «О персидской монархии» — л. 3—3 об.; «Выписка из истории младшей Хань о Риме» — л. 4—5; Деление Китая на губернии, их краткое описание — л. 6—9 об.; «Краткая китайская хронология, почерпнутая из „Тунцзянь ганму“», — л. 10—28. Дата устанавливается надписью карандашом сверху названия: «Иакинф (Бичурин) архимандрит. 1823».

7. Разные материалы, частью принадлежащие перу Бичурина, частью имеющие к нему отношение как начальнику IX Российской духовной миссии, и др. 1805—1833 гг.— В 1/2 листа. 145 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 38.

«Краткая статистика Китая». Автограф. После 1830 г.— л. 71—74; «Краткая статистика Монголии». Автограф. После 1830 г.— л. 75—76; «Неизменяемая средина». Перевод с китайского. Почерк не установлен. Гл. I—XXXIII. Без предисловия и толкований — л. 77—86; «Доклад чиновников палаты [коллегии] о процессе проведения церемониала при совершении императором обряда землешествия». Перевод с китайского. Автограф — л. 87—89; «Переводы из Юань-ши». Цзюани 106—118, раздел биографий. Автограф — л. 90—92; «Князь Бату», «Чингисовы жены», «Удэгэевы жены», «Куюковы жены», «Мынкаевы жены»; О встрече в 1810 г. в Кяхте Иркутского губернатора Трескина с ургинским князем Юндунь Дарцзи. Перевод доклада князя китайскому императору о ходе переговоров. Автограф — л. 93—95; «Пояснения к Указу о темном ветре». Автограф. 26 августа 1822 г.— л. 96*; «Об изменении написания транскрипции некоторых китайских звуков». Автограф. 29 октября 1822 г.

8. Древняя китайская история.— Автограф. 1822. В лист. 60 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-20.

Перевод пяти глав «Шуцзина», «История Сяского дома», «История Шанская», «История Чжэуского дома». Подробные заголовки.

9. Путевые разных от Пекинского двора посольств журналы, веденные около начала прошедшего 18 столетия при Китайском из манчжурской фамилии императоре Канси.— Автограф. 1822 г. В лист. 143 л.

ГИАЛО, ф. 19, № 413, ч. 120, л. 486—628 об.

Посольства в Тибет к князю Дибе и Цеван Рабтану. Нападение последнего на Тибет, убийство Ладзана. Посольства к Галдану. Посланники от Канси Бао Чжу и У Сы-цзин. В конце л. 628 об. надпись: «Сия книга принадлежит мне арх-ту Иакинфу. 25 августа 1822 г.»

10. Новейшее состояние Мунгалии, почерпнутое из Манджурского словаря, изданного по именному указу императора Кансия, а по нем Кянлуна.— Автограф. 1822 г. В лист., л. 629—632 об.

Там же.

* Вариант вступления к ст.: Н. Я. Бичурин, Известие о необыкновенном ветре, бывшем в Пекине 1819 года, и указ Китайского богдыхана, обнародованный по сему случаю.— «Сибирский вестник», 1822, ч. 20, стр. 371—376.

О потомках Галдана. Записи об албазинцах, количестве европейцев в Пекине и другие заметки.

11. Алфавит губерниям и городам в Китае. 1823 г.—В лист. 76 л., 8 вкладных л. Переплет — папка.

ЦГА ТатАССР, Хрон. кат. БКДА, № 1849.

Список географических пунктов с указанием широт и долгот; названия мест по алфавиту; сведения о провинциях собственно Китая, Монголии, Маньчжурии.

12. Землеописание Китайской империи. Т. I—III. На л. 4: «24 сентября 1825 года».—Автограф, с многими исправлениями. В лист. Т. I—197 л.; т. II—220 л.; т. III—212 л. Переплет — папка.

Там же, № 1848.

Сокращенный перевод «Дацин и гунчжи»*.

13. Летопись Китайской империи, называемая Юй-пыхи цзы-чжи тхун цзыань ган-му, разделенная на три части, летопись Древнюю, Среднюю и Новейшую. Перевод с китайского. Т. I—XV.—Автограф. 1825 г. В лист, разделены на тетради. Всего 45 тетрадей, 8384 л. Бумага — китайская. Переплет — папка.

Архив ЛЮ ИВАН, ф. 7, № 1—15.

В тексте (особенно в первых томах) много исправлений, сделанных Бичурным.

14. История дома Мин.—Автограф. 20 тетрадей. В лист. 590 л. В одном томе.

Там же, № 16.

Продолжение — переводы «Тун-цзянь ган-му».

15. История народа монгольского. 1826 г.—Автограф, много исправлений. В лист. 446 л. Без переплета.

ЦГА ТатАССР, Хрон. кат. БКДА, № 1857.

На л. 114 заглавие: «История народа монгольского от древнейших времен до Чингисхана, извлеченная из китайской летописи Ган-му и...». Перевод с китайского. Рукопись неполная: нет первых трех тетрадей в периоде III, нет описаний периодов VIII и IX, отсутствует конец***.

16. Китайская история. Сочинение Клапрота. 1828 г.—Замечания на полях — автограф. В лист. 115 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-56.

Частичный перевод из книги Клапрота «Voyage à Peking, à travers la Mongolie en 1820 et 1821 M. G. Timkowski public avec correction et des Notes par M. J. Klapproth». — Бичурина****.

17. Китайская Астрогнозия, или описание китайских созвездий. Июль 1830. Кяхта.—В лист. 15 л.

* Опубл. под названием: «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии», сост. Л. Н. Гумилев, М. Ф. Хван, Чебоксары, 1960.

** Далее неразборчиво.

*** Описано А. А. Петровым в «Рукописях по китаеведению», стр. 145.

**** «Разбор критических замечаний и прибавлений г-на Клапрота к французскому переводу книги: [Е. Ф. Тимковский], Путешествие в Китай чрез Монголию в 1820 и 1821 годах» помещен в журн. «Московский телеграф», 1828, ч. 21, № 12, стр. 467—486; ч. 22, № 13, стр. 50—65.

Там же, № А-26.

Перечисление звезд. В алфавитном порядке по чтению первых иероглифов названия звезды. Рядом — принятое астрономическое название звезд и указание на расположение их в небесной сфере.

18. Молитва для испрошения дождя, сочиненная по царскому повелению. — Автограф. 1833 г., В лист. 7 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 45.

Перевод с китайского, здесь же оригинальный текст.

19. Да-сио, или высшее учение, служащее ключом к добродетели. 1834 г. — Почерк — писарский, поправки — автограф. В лист. 71 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-23.

Текст. Толкование. Пояснение текста и толкований Чжу-си. С конца л. 69 об. — биографии, исторические справки, переводы из энциклопедий. Многие страницы перечеркнуты карандашом.

20. Историческое обозрение ойротов, или калмыков с XV столетия до настоящего времени, сочиненное монахом Иакинфом, С.-Петербург. 1834 — В лист. 125 л. Переплет — папка *.

ЦГА ТатАССР, Хрон. кат. БКДА, № 1859.

21. Изложение китайского законодательства. Т. I—III. 1835—1837 гг. — Автограф со многими исправлениями. В лист. Т. I — 446 л.; т. II — 356 л.; т. III — 34 л. Без переплетов и титульных листов.

Там же, № 1851.

Черновой экземпляр сокращенного перевода «Дан-цин хойдянь». Недостаёт первых двух тетрадей из 9-й главы **.

22. Изложение китайского законодательства. Составленное монахом Иакинфом Бичуриным. 1837 г. — Почерк — писарский, карандашные пометки — автограф. В лист. 147 л. ***.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № 972.

23. Изложение китайского законодательства. Составленное монахом Иакинфом Бичуриным, т. II, 1837 г. — Почерк — писарский, поправки — автограф. В лист. 78 л.

Там же, № А-27/3.

К названию относится только оглавление второго тома — 9 л. Далее: 1) Выписка из «Ганму» — 3½ л. 2) Замечания на составление географических карт. Автограф. 4 л. Представление в Географическое общество. 3) Покорение южного Китая монголами в XII веке, представленное в географико-стратегическом отношении — 58 л.

24. Описание китайских монет. Переведено с японского монахом Иакинфом. СПб. 1838 г. — Почерк — писарский. В переплете. В лист. XXIX, 200 стр.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 19; АВПР, ф. 152, № 179.

Описание 183 монет. Предисловие и комментарии Бичурина. Вполне готова к публикации.

* Опубл. под тем же названием: СПб., 1834, 253 стр.

** Подробнее см.: А. А. Петров, Рукописи по Китаеведению..., стр. 143—144; см. также № 21.

*** Опубл. в кн. Н. Я. Бичурин, Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение, СПб., 1840, стр. 96—104, 105—112.

25. Голосовая система китайского языка и письма. 1842 г.— Почерк — писарский *. В лист. 97 л. Без переплета и титульного листа.

ЦГА ТатАССР, Хрон. кат. БКДА, № 1852.

На первом листе приписка Бичурина: «Голосовая система с замечаниями, написанными мною для Академии наук в 1842 году».

26. Изложение голосовой системы китайского письма.— Почерк — писарский, исправления — автограф. 1842 г. В лист. 43 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 35.

Помета Н. Я. Бичурина: «Для хранения в азиатском музее».

27. Материалы к истории Китая.— Автограф с поправками, часть страниц зачеркнута. В лист. VII, 112 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-27/4.

Содержит: 10 тетрадей (тетрадь I — декабря 28 [1843 г.], последняя — без даты) — 64 л. В вопросах и ответах **. «Копии с кяхтинских подлинников» — 35 л. Вопросы и ответы. Вопросы те же, ответы короткие. Почерк — писарский, поправки и вставки — автограф. «Садоводство в Китае» — 12 л. Общее название дано рукописи в библиотеке С.-Петербургской духовной академии.

28. Замечания на статью Ф. И. Эрдмана под заглавием «К истории Чингис-хана» ***.— Автограф. 1845 г. В лист. 6 л.

ОР ГБЛ, ф. 231, III.5/23.

Название написано сверху карандашом.

29. Статьи по поводу выборов Далай-ламы.— Автограф. в 1/2 л. 1 л.

Там же, III, 16/26.

Название дано М. П. Погодиным. Дополняет пропуск предыдущей статьи.

30. Об оспе в Китае. 9 января 1847 года.— В лист. 55 не нумерованных листов. Без переплета и титульного листа ****.

ЦГА ТатАССР, Хрон. кат. БКДА, № 1853.

I. Об оспе вообще. II. О различных видах оспы. III. О различных припадках, случающихся в оспе. IV. О последствующих припадках в оспе. V. О прививании оспы. VI. Кори. По китайским источникам.

31. О правильном произношении китайских звуков.— Почерк — писарский. Подпись — автограф. 1847 г. 19 стр.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2881/1, стр. 231—249.

32. Шаньюй-Би.— Почерк — писарский. Без подписи. В лист. 14 л.

ОР ГБЛ, ф. 231, III, 16/8.

Авторство установлено поправками на л. 3 и словом «прибавление». Судя по почерку Н. Я. Бичурина, рукопись относится к 1849—1851 гг. Ханы: Би, Мо, Хань, Ди, Су, Чжан, Сюань, Туньтухэ.

33. Юэбань.— Почерк — писарский. В 3/4 листа на половине.

Там же, III.5/24.

* Подробнее см.: А. А. Петров, Рукописи по китаеведению..., стр. 144; см. также № 26.

** Опубл. в кн.: Н. Я. Бичурин, Китай в гражданском и нравственном состоянии, СПб., 1848, ч. 1, отд. 1, стр. 4—124; ч. 2, отд. 2, стр. 1—128.

*** Статья Эрдмана опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1844 ч. XI, отд. IV, стр. 30—34).

**** Описано в кн.: А. А. Петров, Рукописи по китаеведению..., стр. 145.

Короткая заметка в 10 строк. Подписи нет. Приписка «От отца Иакинфа». (Юэбань — владение гуннов в Семиречье.)

34. Статья 1. «Первоначальное пришествие иезуитов в Китай».— В ³/₄ листа. 3 л.

Там же.

Прислана М. П. Погодину 12 декабря 1851 г. вместе с другой статьей (см. № 35).— Название — автограф, остальное — писарский почерк.

35. Статья 2. «Дом Чингисханов в Китае».— Почерк — писарский. В ³/₄ листа. 4 л.

Там же.

Авторство устанавливается письмом от 12 декабря 1851 г. Вторая половина статьи: «Полная родословная дома Чингис-ханова». Ссылки на: «Китай, его жители, нравы, обычаи и просвещение». Интересно мнение Н. Я. Бичурина о летосчислении Рашид Эддина.

36. Приходо-расходный журнал, некоторые письма к Бичурину и другие бумаги.— В лист. 207 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № 27/6.

Алфавитный указатель (43 л.) разных лиц и частично их адресов: З. Ф. Леонтьевского, И. А. Крылова, К. А. Неволлина, В. Ф. Одоевского, М. Н. Погодина, Н. С. Щукина и др. Между листами вклеены письма родных, записки, квитанции. Приходо-расходный журнал — 58 л. С января 1843 г. по декабрь 1847 г. счета книгопродавцев и др.

Из материалов, имеющих научное значение: «Эдикт Цянлуна 9 ноября 1785 г.» на французском языке — 2 л.; «Чертеж парада китайских войск в Пекине в 18 день апреля 1812 года» — 3 л. (репетиция парада, виденная Н. Я. Бичуриным); «Возражение на данные в Месяцеслове за 1845 год о китайских мерах» — 1 л. и др.

37. Заметка о войне Турции с Грецией.— В лист. 2 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 38, л. 130—131.

38. Предисловие к трехязычному мандчжу-монголо-китайскому словарю (Цин-вынь-цзянь), сочиненному его величеством. 1771 г.— В лист. 4 л.

Там же, л. 132—135.

39. От Кяхты до Иркутска кругоморской дорогою (отрывок из дневника).— В лист. 2 л.

Там же, л. 144—145.

40. Религия ученых и ее обряды.— Почерк — писарский, поправки карандашом и чернилами — автограф. В лист. 116 л., 3 вкладных л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № А-18.

Полное название на стр. 4: «Описание религии ученых [с приложением чертежей жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения], составленное трудами монаха Иакинфа (заключенное в скобки зачеркнуто карандашом). Под заголовком Бичуриным подписано (карандашом): «Религия ученых и ее обряды, называем [ые] по-китайски Жу-цзяо»*.

* Опубл. под полным названием в кн.: «Описание религии ученых...», Пекин, изд. Успенского монастыря при Российской духовной миссии, 1906, 77 стр. В книге отсутствует «Обряд предварительного землепашества, совершенного в саду Фын-цзэ-юань» (1,5 л.). В рукописи нет «Чертежа Педагогического Института в Пекине» (в книге — стр. 76—77).

41. Доклад Государственного министра двора его величества обергоф-маршала Хошэня с прочими. В лист. 69 л. Тетрадь в переплете.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 31-а.

Китайский и маньчжурский тексты с переводом на русский язык. Здесь же китайский текст доклада Ургинского князя Юн дунь дорджи императору о результатах встречи 1810 г. в Кяхте с Трескиным — генерал-губернатором Сибири.

42. О происхождении термина «Тибет» — Автограф. В лист. 3 л. Бумага с водяным знаком 1827 г.

Там же, № 43.

См. предисловие к «Истории Тибета и Хухунора» (СПб., 1833, стр. IX—X).

43. Описание путешествия в Тибет бурятского ламы депутата от Цонгольского рода Бандиды — Хамбы Цзая, с показанием расстояния мест и изложением обычаев народа тибетского, писанное по требованию правительства. Перевод с китайского. — Автограф. В лист. 4 л.

Там же, № 46.

44. Eclaircissement des réponses de M. Krusenstern aux question de M. Würst concernant la Chine. — В лист. 20 л. Без переплета.

ЦГА ТатАССР, ф. 10, № 842.

45. География 13(14) китайских губерний. — В лист. 179 л. Переплет — лапка.

Там же, Хрон. кат. БКДА, № 1850.

Данные по физической географии и экономике по 10 провинциям.

46. Географический справочник по Китаю. [Название архивное]. — 2 тетради, 84, 101 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 31/б, 31/в.

Список названий географических пунктов по 18 провинциям с указанием долгот и широт. Пункты западных провинций — без долгот и широт.

47. Образцовый магазинный Ху есть мера, вылитая из чугуна. Записка. — Автограф. В $\frac{1}{8}$ л. 7 строк.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, № 26/6, л. 111.

Внизу: «Сию записку нужно отправить г. Гедде».

48. Сань хэ юй ло. Устные наставления. — Тетрадь. 32 л.

ЦГА ТатАССР, ф. 10, № 848.

Перевод ламаистских поучений.

49. Рецензия на Пятиязычный словарь, издаваемый г. Каменским. — По черк — писарский, поправки — автограф. 8 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 38, л. 136—143.

О словаре, без окончания.

50. Неопубликованные письма*. Черновики записок научного содержания и писем Н. Я. Бичурина к разным лицам.

* Сведения о неопубликованной переписке Н. Я. Бичурина с Академией наук см.: Б. А. Малькевич, Материалы к библиографии Н. Я. Бичурина, — в кн.: Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах..., т. III, 1953, стр. 93—96. О письмах к Н. Я. Бичурину см.: Л. И. Чугуевский, Бичуринский фонд в Архиве Института востоковедения, — «Проблемы востоковедения», 1959, № 5, стр. 143.

Там же (письма № 1—19).

1) Е. Ф. Т[имковскому]. 25 августа 1822 г.— Копия, л. 108.

Требования к своим переводам. Поставленные задачи.

2) Егору Федоровичу [Тимковскому]. 7 мая 1823 г.— Копия, л. 109.

О происхождении термина «татар».

3) Неизвестному. 1813 г.— Фрагмент, л. 109 об.

Об отправлении Н. И. Трескину из Пекина плана Пекина, ящика с камнями кремнистой породы и костюмов народов Юго-Восточной Азии.

4) Неизвестному [Тимковскому?]. 23 января 1824 г.— Фрагмент, л. 110.

Обстоятельства, которые создали о нем кривотолки. Из Валаама*.

5) Пекинскому архимандриту Петру. 6 августа 1821 г. Кяхта.— Копия, л. 111.

Израиль и Зимайлов посеяли между нами недовольство.

6) Нежинскому купцу Д. С. Аскалиеву в Иркутске. 8 августа 1821 г. Кяхта.— Копия, л. 111 об.

Проьба выслать 1500 р. на расходы миссии.

7) Казанскому протоиерею Б. Г. Поликарпову. 8 августа 1821 г. Кяхта.— Копия, л. 112.

Проьба сообщить о месте нахождения некоторых родных и друзей.

8) Н. А. Колесову [купцу в Кяхте]. 25 августа 1821 г.— Копия, л. 112 об.

О получении денег и возможности отправки в Петербург ящика с китайскими книгами.

9) М. С. Семичевскому в Иркутске. 28 августа 1821 г. Кяхта.— Копия, л. 113.

О подготовке к дальнейшему пути.

10) Епископу иркутскому Мисаилу. 29 августа 1821 г. Кяхта.— Копия, л. 113 об.

О подготовке к дальнейшему пути.

11) П. Ф. Голяховскому в Кяхте. 29 сентября 1821 г. Иркутск.— Копия, л. 114.

Благодарность за внимание во время пребывания в Кяхте. Предложение своих услуг по вопросам, касающимся Китая.

12) Ему же. 20 октября 1821 г. Иркутск.— Копия, л. 114 об.

О посылке долга 2000 руб. Карту Голяховского взял временно в Петербург.

13) М. Д. Сипакову в Кяхте. 27 октября 1821 г.— Копия, л. 115 об.

Проьба выписать названия товаров на китайском языке.

14) М. Д. Сипакову в Кяхте. 3 ноября [1821 г.]— Копия, л. 116 об.

Посылает 540 руб. на дорогу.

15) Ректору университета [Петербург]. 23 января 1822 г.— Копия, л. 117.

Проьба принять в университет Николая Фелицына.

16) Кяхтинскому директору [таможни, П. Ф. Голяховскому]. Февраль 1822 г.— Копия, л. 118.

О приезде в Петербург.

* Опубл.: «Народы Азии и Африки», 1962, № 1, стр. 101—102.

- 17) Иркутскому владыке. 1822 г.— Копия, л. 118 об.
О приезде в Петербург.
- 18) Протоиерею П. А. Фелицыну [Тобольск]. 24 марта 1822 г.— Копия, л. 119.
О жизни в Петербурге.
- 19) С. М. Шиловскому. 24 марта 1822 г.— л. 119 об.
О встрече в Петербурге.
- 20) Ректору Казанской духовной академии. 13 января 1849 г.
Архив ЛО ИВАН, ф. 102, № 1, 4, л. 7.
Письмо при посылаемых в дар Академии книгах, рукописях, картах, рисунках и двух портретах.
- 21) Неизвестному [П. И. Каменскому?]. 15 марта 1821 г.
ГИАЛО, ф. 19, № 413, л. 120.
Рекомендация Яфницкого, как знающего китайский и маньчжурский языки.
51. Китайско-русский словарь, расположенный по русскому алфавиту. 1801—1821.— В двух томах, 12 тетрадях. В лист. 1797 л.
Архив ЛО ИВАН, ф. 7, № 22, 23.
52. Китайско-русский словарь.— В двух томах, 15 тетрадях. В лист. 1277 л.
Там же, № 28, 29.
53. Маньчжурско-китайско-русский словарь терминов часового производства. 1821 г.— В лист. 10 л.
Там же, № 36.
Два раздела: о часах и об инструментах для починки часов. Подарен З. Ф. Леонтьевскому 8 января 1821 г.
54. Маньчжурско-китайско-русский словарь. По предметам.— Почерк — писарский, исправления и дополнения — автограф. В лист. 4 бэня. 424 л.
Там же, № 30.
55. Китайско-латинский словарь.— В двух томах. В лист. 1877 л. Копия в двух томах, 1769 л.
Там же, № 24, 25.
56. Тонический китайско-русский словарь.— Почерк — писарский, поправки — автограф. В 9 томах. В лист. 1822 г. Бумага — китайская двойная. Переплет — папка.
Б-ка вост. фак. ЛГУ, ХУЕ F—97.
Авторство устанавливается вклеенным письмом Н. Я. Бичурину от 8 октября 1840 г. от академика Брандта и поправками.
57. Китайско-латинский словарь.— В 14 книгах. В лист. Всего 2088 стр. Бумага — китайская толстая, двойная. Переплет — китайский, шелковый.
Там же, ХУЕ F—6.
По ключевой системе. Очевидно, копия со словаря № 52. Авторство — условно.
58. Китайско-русский словарь.— В 10 книгах. В лист. 917 л. Бумага — китайская двойная. Переплет — китайский, шелковый.
Там же, ХУЕ F—5.
По ключевой системе. Авторство — условно.

1. Манчжурский словарь, сочиненный по словарю Российской академии переводчиком надворным советником Сипаковым 1829 года в Санкт-Петербурге.— В лист. 253 л.

ОР ГБЛ, ф. 178, № 2983.

Русско-маньчжурский словарь по русскому алфавиту. Хороший маньчжурский и русский почерк.

Даниил (Дмитрий Петрович) Сивиллов

1. Четырехкнижие, или любомудрие китайцев, разделенное на 4 книги. Перевод ординарного профессора Казанского университета Даниила Сивиллова.— Автограф. 1840—1842 гг. 4 тома.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2893.

В двух экземплярах. Второй экземпляр — в трех томах — черновой с исправлениями.

2. Нравственная философия Лао-цзы.— 2 тетради. 123, 97 л.

Там же, № 2894.

Первая тетрадь: автограф с большими правками. Вторая тетрадь: почерк — писарский, поправок мало. Исправленный экземпляр первой тетради. Выцветающие чернила. Перевод «Даодэцзина».

3. «Руководство к добродетелям, почерпнутое из самых начал естественного разума, или нравственная философия Дао-цзыя».— 1828 г. В лист. 36 л.*

Б-ка КГУ, рукопись 15322, II/43.

Перевод «Даодэцзина». Много исправлений. Автограф.

4. Краткое обозрение трех существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского и фоевского.— Автограф. 1831 г. В лист. 66 л.

ОР ГПБ, ф. 608, № 50.

Об ученой секте (конфуцианстве), обозрение даосской секты и «фоевской секты». Прибавление: «Нечто о секте белой нимфы и магометанской и шаманской в Китае существующих сектах».

5. Перевод священной книги фоевской секты, «Фо ню дзинь ган дзин» называемой, что значит «Книга адамант, или адаманту подобная книга, учения фоя».— В лист. 6 л. Не окончен.

Б-ка КГУ, рукопись 15322, II/44.

6. Любомудрие Конфуция, славного китайского философа, преподаемое им ученикам своим, а ими изложенное и на четыре части разделенное.— 1828 г. В лист. 17 л.

Там же, II/45.

7. Перевод из китайской христианской книги Тянь-чжуши-и. 1828 г.— В лист. 14 л. Не окончен.

Там же, рукопись 15325, II/46.

В форме разговора европейца-миссионера и китайца-язычника.

* Оpubл.: И. Замойло, — «Известия Одесского библиографического об-ва», 1915, т. IV, вып. V—VI, стр. 209—245.

8. Всеобщая история Китая. Перевод с китайского. В двух частях. 1855 г.—Почерк — писарский. В лист. 329 стр. Переплет — папка*.

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 12.

Подпись Д. Сивиллова: «Сентября 19 дня 1855 года». Перевод «Всеобщей истории», «написанной Джан-гэ-лао при династии Мин». Мотивы выбора для перевода: красноречивый слог, наилучший образец изложения. До Восточной Хань включительно.

9. «Ши цзин», или собрание древних стихотворений. Одна из канонических книг китайцев. Перевод с китайского. Ч. 1, т. 1. 1855 г.—Автограф. Тетрадь. 386 стр. Переплет — папка.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 90.

Редкие поправки. Первый раздел включает народные песни.

10. Шу цзин, или летопись. Одна из канонических книг. Перевод с китайского. В двух частях. Т. 1. 1855 г.—Тетрадь. 556 стр. Переплет — папка.

Там же, № 89.

На л. 8 подпись: «Архимандрит Даниил. Сентября 23, 1855 г.». Предисловие — стр. 2—8. Оглавление — стр. 9—11.

11. Минь-синь-бао-цзянь, или Драгоценное зеркало, в котором можно видеть свое сердце, или Собрание из отличнейших писателей Китая. Переведено с китайского. Т. 1. 1855 г.—Почерк — писарский, поправки — автограф. Тетрадь. 552 стр. Переплет — папка.

Там же, № 84.

Предисловие — стр. 2—6. Рассуждения о китайском языке — стр. 224—261.

12. Мэн-цзы. Книга четвертая. Перевод с китайского. Ч. 2, т. II. 1855 г.—Тетрадь. 664 стр. Переплет — папка.

Там же, № 85.

Перевод «Мэн-цзы». На переплете ошибочно «Шуцзин, ч. 2-я».

13. «История династии Чжоу». Перевод с китайского.—Тетрадь. 413 л. Переплет.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2895.

Отделение 3-е, гл. XI—XLVI. Конец: Поражение войск Ван Мана. Его смерть.—Поступила в 1884 г. из библиотеки К. А. Скачкова.

14. Китайская хрестоматия. Со словарем.

ЦГА ТатАССР, ф. 977, № 5007.

15. Конспект для преподавания китайского языка.— 9 л.

Там же, № 8112, л. 17—25.

16. Латинский лексикон, по алфавиту расположенный и на китайский язык переведенный.— 1830 г. 2 тома. В лист. 982 стр. В переплете.

Б-ка вост. фак. ЛГУ, ХУЕФ — II.

Помета: «Окончен сей лексикон 1830 года апреля 8-го дня, Даогуана 10 лета 3-й луны 28 числа Иеромонах Даниил».

17. Dictionarium Latino-Sinicum. Помета: «Окончен 1 мая 1831 г.». В лист. 900 стр. В переплете.

Там же, ХУЕ F—II.

Закончена только переписка латинского алфавита.

* Опубл.: под тем же названием в Казани двумя выпусками, 1838, 52 стр.; 1839, 114 стр.

18. Словарь из отборных употребительных слов.— В лист. 748 стр. (248 стр. с переводом, остальные без перевода).

Там же, XVE 1528.

19. Французско-китайско-маньжурский фразеологический словарь.— 2 тома. В лист. 833 л.

Там же, XVE F—98.

Т. 2 сильно потрепан. Авторство (условно) Д. Сивиллова.

Осип Павлович Войцеховский

1. Учебные статьи для учащихся и начинающих учиться китайскому и маньжурскому языкам.

2. Литературные статьи и выписки из лучших книг для практического упражнения в языках.

3. Грамматические правила маньжурского языка, доселе никем еще не изложенные.

Сведения о рукописях № 1—3 почерпнуты из статьи Г. Ф. Шамова «О начальном этапе преподавания китайского и маньжурского языков в Казанском университете» (Уч. зап. Казан. университета, 1957, т. 117, кн. 2, стр. 61.)

4. Аналитический разбор китайских и маньжурских текстов книги «Цинь вэнь цимэн».

5. Аналитический разбор книги «Цинь-вэнь чжияо».

6. Аналитический разбор конфуциевой философии, или четверокнижия «Сышу».

Сведения о рукописях № 4—6 взяты из статьи А. С. Шофмана и Г. Ф. Шамова «Восточный разряд Казанского университета» («Очерки по истории русского востоковедения», сб. 2, 1956, стр. 436).

7. Китайский лексикон с российским переводом.— Большой формат. 51 л. Б-ка КГУ, № 3876.

8. Четверокнижия — Сышу.

Об этой рукописи упоминается в статье А. С. Шофмана, Г. Ф. Шамова «Восточный разряд Казанского университета», стр. 436.

Захар Федорович Леонтьевский

1. Китайский лексикон, составленный Захаром Леонтьевским. Фразеологический китайско-маньжуро-русский словарь. По ключевой системе.— Русский текст — автограф. В лист. Около 2 тыс. стр.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 73.

Ключевой указатель — 27 стр. Между страницами вложены добавления, бумага — меньшего размера.

2. Выписки из дневника. 1820—1831.— В лист. Тетрадь I, л. 1—184; тетради IX—XI, л. 396—480.

Там же, ф. 42, оп. 2, № 9.

Дневниковые записи, маршруты путей, записи о ветрах, о «Российском училище» в Пекине. Небольшая статья «Обычаем установленный порядок в отношении весов серебра на ярмарке Хань» — л. 436—443 об.

3. Рецензия на статью И. Бичурина «О правильном произношении китайских звуков». 21 сентября 1848 г.— В лист. 10 л.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2888/1, л. 221—230.

4. Характеристика китайских министров.— Автограф. 1820-е годы. В лист. 50 стр.

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 8.

Характеристика китайских министров — современников Леонтьевского: Му Му-чжана, Цао Чжэн-юна, Ван Дина, Бо Юня, Шэнь Ци-сяня, Ци Ина, Ван Ин-чжи, Тан Цзинь-чжао, Цзин Чжена, Ду Не, И Цзина, Гу Цзю-шена, Лу Ин-пу, Чжун Чана, На Дань-чжу, Хэ Лин-ханя, Минь Шаня, Си Эня, Чан Лина, Сун Цзюня, Яо Цзю-туна.

5. Лосия го чжи. История Российского государства Карамзина. Перевод на китайский язык трех частей истории.— 9 тетрадей на китайской бумаге в желтых шелковых обложках.

ОР ГПБ, ф. Дорн, № 745; другой экземпляр хранится в ОР ЛО ИВАН, разр. 1, № 219.

Подарены Леонтьевским 9 июля 1835 г. Публичной библиотеке.

6. Ши-во-чжоу-хан. Описание дорог по Китаю, по коим следуют частные лица и купечество с товарами. Перевод с китайского студента З. Ф. Леонтьевского в 1831-м году. 11 тетрадей. В лист. 795 л. Бумага — китайская, двойная.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 65.

Предисловие свернуто, рукопись без конца. О маршрутах по Китаю. Иногда встречается китайский текст.

7. Ши во чжоу хан. Китайский маршрут, который с пользою могут [использовать] частные лица, дворяне и купцы. Переведен с китайского языка Захаров Леонтьевским.— В лист. 401 л. (802 стр.).

Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 2.

Предисловие сочинителя и издателя, датированное 1789 г., далее на нумерованных листах подробное оглавление с указанием количества верст между пунктами маршрута и страниц в рукописи.

8. Китайские газеты. Перевода гг. Леонтьевского и Крымского.— Печерк — писарский. В лист. 72 л. Без переплета.

АВПР, ф. 152, оп. 505, 1830—1831 гг., № 63.

За декабрь 1830 г. и 1831 г.— два перевода, за 1832 г.— один.

9. Латино-чжунгоский словарь.— В лист. 697 л.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 90.

Алексей Иванович Сосницкий

1. Народонаселение Китая. Описание различных вещей, относящихся к всеобщему употреблению китайского народа.— В лист. 24 стр.

ОР ГПБ, ф. 550, F—IV.584.

В конце рукописи: «Сведения получал от самих столичных жителей. 1828 г. января (?) дня».

2. Описание Храма земли, в Китае находящегося, и о жертвоприношении. 1828.— Автограф. В лист. 7 л.*

* № 1 и 2 описаны по кн.: А. А. Петров, Рукописи по Китаеведению..., стр. 147—148, где дано более подробное содержание рукописей.

ЦГА ТатАССР, ф. 16, № 28.

3. Разные заметки о Китае. 1826—1830 гг.— В лист. 88 л. (нет л. 64—69).

Б-ка КГУ, № 191.

Заметки, документы, переводы, письмо князя Шана к У Сань-гую, указ Цян-луна 1786 г. об освобождении арестованных за проповедь христианства, посылка войск против Джангера, заметки о китайских войсках и др.

4. Китайская хрестоматия*.

ЦГА ТатАССР, ф. 10, № 841.

Указы китайских императоров, очерки жизни и быта из различных китайских авторов. Текст на китайском и русском языках с комментариями.

Николай Иванович Вознесенский

1. Краткая хозяйственная статистика Китайского государства, сделанная по предпоручению его высокоблагородия господина подполковника обеих свит в Пекине пристава и разных орденов кавалера Михаила Васильевича Ладыженского. Мая 29-го дня 1831 года.— В лист. 18 л.

ОР ГПБ, 1950, 14/II.

Из «Дайцин хойдянь». Основные данные. Помета Каменского, председателя Совета миссии, о том, что Вознесенский из причетников переведен в студенты.

2. Замечания о Китае Николая Ивановича Вознесенского. 1829. Пекин.— В лист. 198 л.

ЦГА ТатАССР, ф. 10, № 832.

Дневники и заметки о Китае, копии официальных документов, относящихся к сношениям России и Китая, и др.

Дмитрий Семенович Честной (Аввакум)

1. Записки и заметки о Китае. Литера А. Ч. 1.— Автограф. 1830—1840 гг. В лист. 466 л. В папке, без переплета.

ОР ГБЛ, ф. 273, М 2888/1.

Дневниковые записи 1830—1831 гг. — л. 109—110 об.; копии донесений в Азиатский департамент об учебных занятиях членов миссии (Сычевского, Киселевского, Кирилова, Розова, Легашева), отзывы об их трудах, донесения о положении в Китае — л. 155—158 об., 161—179, 184—185 об., 255—278, 286—290, 291—306, 309—314, 315—322, 323—325, 356.

Переводы: китайский рассказ — л. 1—3; об изобретении компаса и одометра — л. 47; указы императоров — л. 149—151, 186—218. Заметки об истории монголов — л. 16—20, 49, 132—136, 152, 350—357, 387, 389—392 об., 462—463; история и описание Корей — л. 64—91; инструкция миссии — л. 377—385 об.; история Китая — л. 113—131 (из «Вэньсянь гункао»), 139—144, 145—147 (из Эр-я), 181—183, 255, 358, 443—453; статистические таблицы Китая — л. 408—412; отношение из Русского географического общества со статьей И. Бичурина «О правильном произношении китайских звуков» с отрицательной рецензией З. Ф. Леонтьевского (1848 г.) — л. 219—249; рус-

* Г. Ф. Шамов, О начальном этапе преподавания китайского и маньчжурского языков..., стр. 60.

ское кладбище в Пекине, текст надгробных надписей на памятниках — л. 464—466.

2. Записки и заметки о Китае и Тибете. Литера А. Ч. 2.— Автограф. 1830—1840 гг. В лист. 385 л. (около 750 стр.). В папке, без переплета.

Там же, М 2888/II.

Занятия тибетским языком. Переводы части Евангелия и книги Бытия на тибетский язык — л. 2—148; тексты на тибетском языке — л. 222—228, 232—240, 251—276; тибетская грамматика — л. 212—250; каталоги тибетских книг — л. 277—305; о китайской грамматике — л. 317—324; мелкие заметки по китайскому языку и истории — л. 358—385.

3. Описание и заметки о Китае. Литера А. Ч. 3.— Автограф. 1830—1840 гг. В лист. 289 л.

Там же, М 2888/III.

«Беседы о премудрой лошадке (Повесть о премудром коне, рассказанная Буддой Магимуни)» — л. 157—163; «Сказание о Будде» — л. 199—224; «Имена Будд» — л. 281—285; Италия, приезд Лимидида из Италии во времена Минской династии (перевод с китайского) — л. 286—289; тетрадь (в 1/4 листа) записи приходов и расходов за 1836 г. (жалованье учителям-китайцам, стоимость платья и др., в чохах и ланах).

4. Справочная книжца 1830 года.— Автограф. 64 стр.

ОР ГБЛ, ф. 178, № 7323.

Различные заметки. Выписки из книг Н. Я. Бичурина, Шмидта, китайской энциклопедии. Задачи на экзамене 1831 г. Библиографические заметки. Список купленных книг (84 названия) с указанием цены в ланах*.

Феофилакт Киселевский

1. Описания и заметки о Китае. Литера Б. Ч. 1. Разные мысли и замечания о. Феофилакта.— Автограф. 1831—1840 гг. В лист. 255 л. В папке, без переплета.

ОР ГБЛ, ф. 273, М 2892.

Китайские пословицы. Иероглифический текст, транскрипция и перевод — л. 1—4; занятия по китайскому языку — л. 5—6; грамматика китайского языка — л. 8—169; записи о западных городах Китая — л. 187—199; список учителей, нанимаемых для миссионеров (с указанием оплаты), — л. 203—204; план китайско-русского лексикона — л. 218—225 и др.

Григорий Михайлович Розов

1. История дома Цзинь, царствовавшего в Северной части Китая с 1114 по 1233-й год.— Автограф (?). В лист. 462 л. Переплет — папка.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. I, № 3.

На переплете та же надпись, что и на первом листе. После названия — помета: «Переведена с маньчжурского студентом миссии Григорием Розовым. Династия Цзинь, первоначальное имя Нюй-чжи»**.

* Кроме этих четырех рукописей П. Е. Скачков в тексте монографии указывает еще на две рукописи А. Честного. См. стр. 144 настоящего издания и прим. 10 к гл. IV.— *Прим. ред.*

** Кроме этой рукописи Скачков в тексте монографии указывает на две рукописи Г. М. Розова. См. стр. 145 настоящего издания.— *Прим. ред.*

Вениамин Морачевич

1. О жертвоприношении небу. У-ли-тун-као.— Автограф. 4 тетради. В лист. 45 л.
Архив ЛО ИВАН, ф. 42, оп. 2, № 4.
Перевод с китайского. Небольшие поправки.
2. Записка об европейских миссиях в Китае.— Автограф. В лист. 7 л. *.
Там же, № 6.

Осип Михайлович Ковалевский

1. Дневные записки о путешествии в Пекин через Монголию. Краткие заметки о Пекине и его населении.— 76 стр.
ОР ГПБ, поступление 1927 г., № 149.
Дневник с 9 октября по 11 декабря 1830 г.
2. Дневник занятий в 1832 году.— 413 стр. (26 тетрадей).
Научные результаты занятий в Китае и Монголии; пребывание в Пекине; покупка книг для Казанского университета; миссионерство в Китае; исторический очерк буддизма в Тибете; путевые заметки **.

Петр Иванович Кафаров (Палладий)

1. Переводы с китайского и тибетского позднейших философско-догматических буддийских трактатов.— 251 стр. разного размера.
ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 9.
1) Бо-лунь (Catacāstra) Арьядеви и Вачу— 38 стр. 2—3) Сокращение Абидарм (Abhidharmā vattare) и о материи (Pancavastuvi bhāsa) (?) — 46 стр.; 4) Обзор Махаяны (?) — 32 стр. 5) Критика Хинаяны (?) — 10 стр. 6) Руководство к медитации — 64 стр. 7) О созерцаниях — 37 стр. 8) О происхождении Чакравартинов — 24 стр.
2. Выписка из китайского географического сочинения Чжи-Лунь чжень цзян-чжи, составленного во время Монгольского владычества в Китае и изданного в Пекине. 1842 г.— Автограф. В лист. 3 л.
Там же, оп. 1, № XI.
О монастырях и кумирнях.
3. Учение Капилы, Иеродиакона Палладия Кафарова. 1844 г.— В лист. (более обычного). 120 стр.
АВПР, ф. 152, оп. 505, № 77.
Небольшой трактат, называемый «Цзиньци шилунь» (из состава китайского «Данчжура»). Предисловие (6 стр.) и перевод. Незначительные позднейшие поправки красными чернилами и карандашом свидетельствуют о подготовке статьи к печати.
4. Китайско-русский словарь: т. I (А—Л), 1159 стр., окончен 1882 г. августа 12; т. II (М—У), 870 стр., окончен 1883 г. августа 1; т. III (Ф—Ц),

* Опубл.: «Китайский благовестник», 1911, № 8, стр. 18—24.

** Подробно об этой рукописи см.: А. А. Петров, Рукописи по Китаеведению..., стр. 151.

1043 стр., окончен 1884 г. июля 16; т. IV (Ч—Я) — 864 стр., окончен 1885 г. августа 14*.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 48 (1—4).

5. Сказание о Чингис-хане.— В лист. 264 стр.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2881/3, л. 1—132**.

6. Примечания к рукописи. Примечания Сюй Суна, № 1—189**.— В лист. 46 стр.

Там же, л. 133—156.

7. [Сказание о Будде].— Без названия. Почерк — писарский. В лист. 26 стр.***.

Там же, л. 199—224.

8. Извлечения из китайской книги Шенвудзи. 8 июня 1848 г.— В лист. 39 л.****.

АВПР, ф. 152, оп. 550, № 81/527.

9. Письма к Е. П. Ковалевскому. 1) 1 июня 1850 г. 2) 10 марта 1852 г. 3) 7 июня 1854 г.

ОР ГПБ, Собрание автографов. Е. П. Ковалевский.

Первое письмо — о результатах переговоров Ковалевского (при участии Кафарова) о Кульджинском договоре (1851 г.). Второе письмо — поздравление с окончанием переговоров, характеристика современного положения в Китае. Третье письмо — о знакомом Ковалевскому маньчжуре Цзи Сы, немного о положении в Китае.

10. Записка неизвестного лица о связях Китая с Россией в древности. Пекин. 12/24 декабря 1875 г.— Автограф.

ЦГАДА, ф. 3095, № 450.

О первых русских грамотах китайскому императору.

11. Выписка Ф. Р. Остен-Сакена из записки архимандрита Палладия о религиях в Китае. 1859 г.— 7 л.

Там же, № 418.

Записка Кафарова обер-прокурору Синода.

12. Письмо к Н. И. Любимову. 7 июня 1854 г.

Там же.

О подарках, которые преподнес Ковалевский Цзи Сы, когда последний вернулся из ссылки в Маньчжурии.

Иван Ильич Захаров

1. Записка о Западном крае Китая, составленная по китайским источникам.— В лист. 28 л.

ОР ГПБ, F—IV.69/a.

* Опул.: Палладий, арх., П. С. Попов, Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом имп. дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым, Пекин, 1888, т. I, 636 стр.; т. II, 737 стр. (с портретом П. Кафарова).

** № 5 и 6 опул.: «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, 1886, стр. 1—250. Примечания использованы частично.

*** Опул. (под названием «Жизнеописание Будды»): «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. I, 1852, стр. 385—489.

**** Опул.: Пекин, 1907.

Географические данные; административное деление; колонизация; военные поселения; сельское хозяйство; таблицы.

2. Записка о Балкашнурском бассейне. Составлена по поручению пристава миссии Ковалевского. Январь 1850 г. 33 л.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1823 г., № 1, л. 28—60 об.

Об Илийской провинции, ее охранных войсках, о пограничных караулах, о добыче золота в Северо-Западном Китае.

3. Письма к Е. П. Ковалевскому. 15 августа 1852 г. и 9 августа 1857 г. из Кульджи.

ОР ГПБ, ф. 356, № 214, 25 л.

Первое письмо — об отношении с местными чиновниками, о получении участка земли для фактории. Второе письмо — о своих занятиях по сбору сведений о крае; о положении в крае; переводы с маньчжурского языка отношений Палаты внешних сношений к приставу Е. П. Ковалевскому (январь — апрель 1850 г.); о торговле, пограничных инцидентах и др.

Владимир Васильевич Горский

1. У Сань-гуй (биографический очерк).— В лист.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2891. 68 л.; ЦГА ТатАССР, оп. 10, № 837, 116 л.

История борьбы династии Мин с восстанием, возглавляемым Ли Цзычжом, и завоевание маньчжурами Китая.

2. Изложение систем философских и религиозных, как принадлежащих, так и не принадлежащих к буддизму, или Украшение суммеру учения Могушественного. Сочинение Пекинского хутухты Чжанцзя (Чжанчжа).— Перевод не закончен. В лист. 249 стр., 81 машинописная стр. этой же рукописи (стр. 167—248) + 244 стр. чернового экземпляра рукописи с исправлением.

Архив ЛО ИВАН, разр. I, оп. 1, № 25 (1).

Перевод не закончен.

3. Мадьямики, или система, отвергающая существование самостоятельной природы (начало перевода Таранатха).— Машинопись. 23 стр.

Там же, № 25 (2).

4. Отправка переводов с китайского и маньчжурского языков. 1842 и другие годы.— 233 стр.

Там же, № 25.

Указы военной палаты 1793, 1816 гг.— 90 стр.; история династии Мин — 89 стр.; оглавление Кайто фань лио — 9 стр.; география и история Маньчжурии — 37 стр.; выписки о шаманстве — 5 стр.

5. Изложение Сиддант. Перевод с тибетского, 1847.— В лист. 154 стр. Переплет — картон.

АВПР, ф. 152; оп. 505, № 86/3389.

Автор пекинский хутухта Чжан-чжи — современник Горского. Предисловие — история буддизма в Тибете, перевод и 45 примечаний — 107 стр. Рецензия К. Коссовича (не опубликована; там же, № 93, 15 л.) отмечает «неверности и отсталость понятий».

1. Выписки и переводы из достопримечательных указов Хуанди. Журнальная записка студента Сычевского с 1834 года по 5 июня 1841 года. Пекин.— В лист. 481 стр. Переплет — папка.

АВГР, ф. 152, оп. 505, № 71.

Оглавление — стр. 1—12. На стр. 2 Сычевский, поясняя содержание записей, подчеркивает, что он дает не только указы, но и «молвы и толки народные». Встречаются записи о восстаниях. В конце (стр. 447—481) статья Сычевского «Пекинский быт китайцев» (в форме письма к Аввакуму Честному).

2. Уложение китайской Палаты внешних сношений относительно городов Малой Бухарии. Перевод с маньчжурского. 1839. Пекин.— В лист. 112 л. Переплет — папка.

Там же, № 67.

Оглавление — стр. 2—14. Три части Уложения: «Китайская Бухария. Китайские чиновники и их обязанности»; «Статьи о приеме при Пекинском дворе Хасакских посланников»; «Некоторые постановления о сычуаньских фаньцзах». Уложение является дополнением к «Уложению Палаты внешних сношений», переведенному С. В. Липовцовым (СПб., 1828, т. 1—2).

3. Конспект, или обозрение постановлений китайской Палаты государственных чинов. Перевод с маньчжурского. Пекин 1839 г.— Почерк — писарский. В лист. 266 стр. Переплет — папка.

Там же, № 69.

Обо всех присутственных местах в Пекине и в провинции, о штате чиновников, правилах приема на службу.

4. Краткая географическая выписка о Китае. 1840 г.

Там же, № 70/575.

5. Историческая записка о китайской границе, составленная Сычевским. 1846 г.— 677 л.*.

ЦГАДА, ф. 181, № 874, т. 1—2.

Иннокентий Немиров

1. Беглое обозрение китайской империи Ду-Джао. Перевод с китайского.— В лист. 54 л.

Б-ка КГУ, рукопись 1518.

Краткое изложение истории Китая до династии Цин. Краткая хронологическая таблица династий.

Константин Андрианович Скачков

1. Папка, содержащая разного рода официальные документы, копии, черновики писем, переводы с английского языка и др. [Название архивное] — В лист. 299 л. (раздельная пагинация).

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2874.

* Опубл.: [Е. И. Сычевский], Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. Сообщает В. Н. Баснин, М., 1875, 292, III стр.

1) Указ, обнародованный 8-й луны 5 числа (7 сентября 1860 г.). О нападении англичан на Тяньцзинь — 5 л. 2) Копии донесений генерал-майора Игнатьева князю Горчакову от 14 и 27 октября 1860 г. Копия письма французского посла с приложением конвенции между Францией и Китаем, копии донесений о грабеже союзных войск, перевод на русский язык дополнительной конвенции между Англией и Китаем и указ императора — 19 л. 3) Печатные тексты договоров: Айгунского, Тяньцзиньского, указ к дополнительному договору — 12 л. 4) Указ с приложением договора с Китаем 1881 г. — 6 п. л. 5) Выписка из журнала Амурского комитета от 8 июля 1861 г. Ответы на вопросы генерал-майора Корсакова и Баллозека, как действовать в случае успеха тайпинов — 19 л. 6) Выписка о положении на фронтах борьбы с тайпинами, угроза Тяньцзиню — 13 л. 7) Конвенция о найме китайских эмигрантов Англией и Францией (на английском языке) — 13 л. 8) Копия донесений К. А. Скачкова в Азиатский департамент, апрель 1860 г. (об угрозе захвата Тяньцзиня тайпинами) — 2 л. 9) Журнал о положении дел в пограничном крае, слухах и событиях в сопредельных областях Китая за декабрь 1870 года. Копия. Подлинник подписал командующий войсками Семипалатинской области г.-м. Полторацкий — 3 л. 10) О съемках в Западной Монголии топографа Матусовского — 3 л. 11) Поездка в Улясутай из Урги. Подпись Падерина (число жителей; о состоянии торговли) — 21 л. 12) Наши сношения с Китаем. Перевод из «Evening Mail», октябрь 1863 г. Много данных о тайпинском восстании — 42 л. 13) Черновик донесения в Азиатский департамент от 8 декабря 1860 г. Слухи о смерти китайского императора; тайпинское восстание; о военных действиях тайпинов. Перевод — 7 л. 14) Переводы из «Evening Mail», 1863 г. О политике иностранных держав в Китае и Японии — 29 л. и л. 180—287. 16) Прокламации в Вучане — 2 стр. 17) Плаванье эскадры Сибирской флотилии к японским берегам летом 1859 г. и убийство в Канагаве мичмана Мофета — 12 л. 18) Пираты в Китайском море. Из «Evening Mail», 4—6 ноября 1863 г. — 3 л. 19) Черновики писем К. А. Скачкова, ноябрь 1872 г. — 12 л.

2. Мои статьи. [Надпись на папке — автограф.] — В лист. 287, 133 л. Там же, № 2875.

Папка содержит разнообразный материал, главным образом биографического характера: 1) Дневник с сентября 1851 г. до января 1853 г. Записи нерегулярны — л. 1—24*. 2) Европейцы в Китае — л. 43—46. 3) Моя беседа с Ли Хун-чжаном — л. 47—48. 4) Астрономические записи 1851—1853 гг. — л. 49—52. 5) Записи о быте — л. 53—95. 6) Китайская астрономия — л. 103—110. 7) За что осуждать китайцев — л. 114—115. 8) Домашние наставления философа Чжуси — л. 116—119 (перевод с китайского). 9) Станции на почтовой дороге Пекин — Кяхта, с указанием расстояний между станциями — л. 140—142. 10) Дневник 1862 г. (начат 17 декабря) — л. 143—146 (упомнаются фамилии Литке, Н. П. Игнатьева, Корсакова, Блудова, Е. П. Ковалевского, Струве, Е. Ф. Тимковского, Грота, Нагеля и др.; покупка книг у М. Д. Храповицкого). 11) Китайские лекарственные растения — л. 157—

* Оpubл.: К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания, М., 1958.

164. 12) Протокол заседания 7 мая 1876 г. о постройке церкви в Ханькоу. Речь К. А. Скачкова — л. 169—170. 13) Еще о первой железной дороге в Китае — л. 180—181*. 14) Листки из записной книжки. Морское путешествие в Китай — л. 182—200. 15) Письмо Льву Григорьевичу [Сенявину] от 24 апреля 1861 г. — л. 210—219 (письмо автобиографического характера)**. 16) О перевозке казенного риса и пр. — л. 231—235. 17) О прослушанной статье Гейнса о дунганах — л. 257—260 (опровергает мнение Гейнса). 18) Сочинения относительно Китая, изданные в России в XIX столетии. Сочинения отца Иакинфа Бичурина — л. 261—268 (краткий биографический очерк Бичурина и оценка его трудов). 19) Исторический очерк миссионерства в Китае — л. 13—33 (письмо к брату Александру). 20) Письмо Д. А. Пещурову от 26 августа 1867 г. — л. 34—40 (о продаже своих книг и рукописей). 21) Дневник в Петербурге — л. 43—91 (путешествие в Италию, возвращение; о Н. М. Пржевальском; смерть Е. Ф. Тимковского). 22) Мой парижский дневник. 1857. Начат в декабре. Копии писем из Парижа разным лицам, в частности В. П. Васильеву (л. 100—101); переговоры о покупке матриц китайских иероглифов — л. 92—126. 23) Дневник в Пекине. 1852 г. — л. 122—132. 24) Самостоятельность Китая — л. 136—141. 25) Разговор 15-летней барышни Ши Сян-юнь с 30-летней служанкою об основном начале китайской философии — л. 142—143 (перевод с китайского). 26) Альбом И. И. Чмутова, л. 146—147.

3. Чугучакское. 1857 г. [Надпись на обложке.] — 133 л.

Там же.

Содержание вложенных листов не соответствует заглавию на обложке. Перечень расходов по подворью Пекинской миссии: содержание воспитанников, церкви, училища, отчеты — л. 63—133. «Отчет о постройке церкви в Российском консульстве в Чугучаке. 1860—1862 гг.» — л. 1—62.

4. Мой дневник. Ч. 1, с июня 1851 г. по июль 1853 г. Карандаш. Ч. 2, с июля 1853 г. по март 1856 г. — В лист. 587 стр.***.

Там же, № 2876.

Записи о поездке в горы Сишань, о прочитанных книгах, о занятиях языком, переводами, о составлении лексикона. Быт, цветоводство, сельское хозяйство, обмен серебра, кустарное производство и т. д. Сяньшен о тайпинах. На полях — пометки о содержании записанного, что облегчает пользование материалом.

5. Мой политический журнал. С января 1854 г. по май 1856 г. — В лист. 368 стр.

Там же, № 2877.

Записи касаются главным образом экономического и политического положения Китая, хода тайпинского восстания, настроений в Пекине. На полях — пометки о содержании страниц****.

* Опубл.: «Московские ведомости», 1876 (подпись «Кунцзы»).

** См.: П. Е. Скачков, Константин Андрианович Скачков (1821—1883). Биографический очерк, — в кн.: К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания.

*** Часть материала использована в кн.: К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания.

**** Большая часть записей опубл. в кн.: К. А. Скачков, Пекин в дни тайпинского восстания.

6. Материалы Скачкова. [Надпись архивная] — В лист. 370 л. (700 стр.). Там же, № 2878.

Материалы по работе консулом в Чугучаке, Тяньцзинь и в Шанхае; переписка ханькоуских фабрикантов чая; русские чайные фабрики в Китае; торговля России с Китаем: 1) О контрабандистах и о положении нашей торговли в Чугучаке — л. 42—96. 2) Маршруты: Чугучак — Чудкары; Кульджа — Ош; Чугучак — Троицк — л. 112—137. 3) Дневник 1860 г. — л. 138—139. 4) Кладбище около Чугучака — л. 140—143. 5) Дневниковые записи 26 февраля — 1 марта 1861 г. — л. 144—147 (Чугучак; голод в Пекине; китайское войско; чиновничество; торговля). 6) Записка о нуждах русской торговли в Китае. 1875 г. — л. 151—160*. 7) Русские фабрики — л. 176—178. 8) Записки о чае торговле, расчеты — л. 179—182. 9) Количество рабочих на прессовке чая и их работа — л. 183—185; 10) Записка о русской торговле в Ханькоу — л. 187—191. 11) Резюме доклада, сделанного К. А. Скачковым в Московской купеческой управе, о торговле с Китаем — л. 192—193. 12) Правительственные распоряжения 1869 и 1871 г. на китайском языке — л. 194—208. 13) Банковые билеты на 500 взней — л. 218—219. 14) Переписка по консульским делам — л. 220—247. 15) Китайско-русский словарик названий пушнины (56 слов) — л. 248—249. 16) Описание Тяньцзиньского побоища 9(21) июня 1870 г. Переписка консула К. А. Скачкова с Министерством иностранных дел и с китайскими властями по поводу убийства трех русских во время антииностранный восстания. Донесения, копии докладов, протоколы показаний, письма даотая, переговоры с ним и т. д. — л. 250—374.

7. Материалы Скачкова. Отчеты о торговле в Китае. — Листы разных размеров. 500 л.

Там же, № 2879.

Переписка с купцами, отчеты о торговле, донесения купцов.

8. Обычаи в Китае. Начато январь 1854 г. — В лист. 323 стр.

Там же, № 2880.

На первом листе помета: «Эта тетрадь следует после 526 страницы моего дневника». Записи о китайских обычаях. На полях карандашом указаны темы записей: рождение, свадьбы, похороны, Новый год, музыканты, полиция, нищие, жизнь пекинского солдата, ассигнации, векселя, серебряный рынок, школа, народные чтецы, декламаторы и др.

9. Китайское сельское хозяйство. — В лист. Ч. 1, стр. 4—406; ч. 2, стр. 407—838; ч. 3, стр. 839—1538.

Там же, № 2881.

Подробное описание всех сельскохозяйственных работ: выращивание многих видов зерновых, огородных и других культур, обработка почвы, внесение удобрений, посев, полив, уход, работа в поле, урожайность. Порядок описания: название растения, его характеристика, особенности обработки почвы, посев, уход, урожайность, жатва, болезни растений. Зерновые — стр. 4—60, 755—847; бобовые — стр. 67, 147—190, 875—913 (стоимость посева и работ на 1 му майцзы — стр. 21); огурцы (виды, стоимость) — стр. 103—113; огородный севооборот — стр. 113—132; индиго — стр. 193, 195.

* Опубл.: [К. А. Скачков], Записка К. А. Скачкова о нуждах в деле русской торговли в Китае, М., 1875, 34 стр.

207—210, 407—408, 473, 754; цветоводство — стр. 308—324; посевы летних цветов — стр. 324—347; сельскохозяйственные орудия — стр. 475—492; список сельскохозяйственных орудий (48 названий) — стр. 493—494, 507—510, 517—518, 540—542; почвы — стр. 495; таблица, что нужно сеять на разных типах почв — стр. 499—504; плодовые деревья, почвы, посадки, прививки — стр. 627—753, 1054—1064; «Деревенский быт. Списание с натуры в Вэнь цюань сянь, местность называется Шиво» — стр. 1065—1289; записи по дням, поговорки и пословицы, обычаи, работы, моление о дожде, одежда, земли солдат (циженей) и собственные, продажа земли, документы, договор (примерный, без фамилий), заклад, продажа, наем домов, документ на продажу, подати, налоги, общество «Гуандаолухой», годовой расчет о прибыли и расходах в хозяйстве (50 му, в семействе из 7 человек), займы в деревнях, расходы по разведению неньюфаров, доход от них — стр. 1290—1324.

10. Мой сельскохозяйственный дневник, 1854 г.— В лист. 173 л.
Там же.

1) Записи о полевых работах на опытном поле в Янци, перевод «Шоуши тункао» (14 тетрадей), выдержки из других китайских книг о погоде, посадках растений и т. д.— л. 45—107, 137—144; 2) Выдержки о сельском хозяйстве из книг «Шаншу юйгун», «Ши сяо эр», «Гулян чжуан» и др.— л. 110—118, 145—150; 3) Крестьянство (аграрные отношения) — л. 119—131; 4) Машины для орошения полей — л. 161—164; 5) Шелководство — л. 167—173.

11. Китайская технология. Папка 1.— В лист. 386 стр.

Там же, № 2882.

1) Описание производства разных предметов (на полях имеются иероглифы, относящиеся к названию описываемого предмета, изредка рисунки): водочное производство — стр. 1—3; кирпичное производство — стр. 5—9; горшечное дело — стр. 10—12; Дуфу — стр. 13—17; индиго — стр. 19—22, 25—32; подделка чая — стр. 23; окраска холста — стр. 34—41; бумага — стр. 41—43; доски, бамбук, рогожи — стр. 44—50; фарфоровая посуда — стр. 50—54; различные предметы домашнего обихода — стр. 55—77, 145—182; способы сохранения овощей — стр. 78—94; красильное дело — стр. 94—100; коровы в Пекине — стр. 100—115; нюхательный табак в Пекине — стр. 115—124, 133—138; производство искусственных цветов — стр. 124—132, 139—144; строения — стр. 183—186, 296—317; пищевые продукты — стр. 202—205; рыба, ее ловля — стр. 227—236; качество, цвет, использование 51 вида краски — стр. 253—258; чай — стр. 258—262, 272—286, 348—351; каменный уголь — стр. 286—296; рецепты приготовления пищи — стр. 351—364; домашние животные — стр. 365—383. 2) О фарфоре: ч. 1, производство глины; ч. 2, история фарфоровых заводов; ч. 3, заводы при Минской династии; ч. 4, сосуды при Яо и Шуне. При Танской династии (из Жоу Чжоуяо). 1852 г. Всего 24 л. 3) «Китайское фарфоровое искусство». Август 1854 — 61 л. 4) «О дубовых шелкопрядах» (набросок статьи — ответ на статью Перни) — 25 стр.

12. Китайское шелководство. Папка 2. Ч. 1.— В лист. 169 л.

Там же, № 2883.

1) Переводы из «Шуцзянь пу», «Цаньчжи тьяою», «Цаньсан хэбянь», «Цилин яошу». О шелковичных червях и воспитании, посадка деревьев и т. д.— л. 5—56. 2) «Шелководство в Шаньдунской губернии» — л. 57—60.

3) Перевод из «Сянвань цышу» — л. 61—97. 4) Перевод из «Цзю хуан хуа-мин». Меры охранения народного благосостояния — л. 1—77. 5) «Записка о китайских шелковичных червях диких и домашних, разводимых К. Скачковым в 1856 г.» — 36 л. 6) «О диком ясеневом шелкопряде», декабрь 21, 1856 г. — 20 стр. 7) Переписка с Департаментом сельского хозяйства 1856 г. о покупке червей и коконов и разведении в саду миссии ясеневых шелковичных червей — 48 стр. 8) «Китайское шелководство». Черновик статьи — 72 стр. 9) «Китайское шелководство». Почерк — писарский (не окончено) — 63 стр. 10) «Деревья для шелковичных червей». Черновик — 81 стр. 11) «Новости в промышленном шелководстве. Чугучак. 13 марта 1862» — 25 стр. 12) Черновые записи наблюдений над червями — 6 стр. 13) Счет расходов по разведению шелковичных червей — 2 стр.

13. Материалы для изучения китайской астрономии и метеорологии. — В лист. Ч. 1, 107, 300 л.; ч. 2, 307 л.

Там же, № 2884.

Ч. 1. 1) Метеорологические поверья китайских моряков — л. 1—74; черновик — л. 75—100. 2) О строении кораблей — л. 101—107. 3) О китайском флоте, устройстве большого судна — л. 1—34 (новая пагинация). 4) Предсказания китайских моряков о погоде — л. 34—51. 5) Материалы для истории астрономии и астрологии в Китае (из «Ули Тункао»). Таблицы расположения звезд с названием их — л. 110—139. 6) Об исторических названиях звезд и другие астрономические сведения по разным китайским книгам — л. 140—172 об. 7) Описание астрономических инструментов из «Бодуань хой» — л. 173—176. 8) Шестидесятигодичный круг, употребляемый китайцами в хронологии, — л. 177—181. 9) Хронологическая таблица от династии Чжоу до Цяньлуна Цинской династии — л. 181—188. 10) Переводы из книг по истории астрономии, календарь, доклады Астрономическому приказу — л. 187—294. 11) «Юелин, т. е. замечательнейшие времена каждого месяца» — л. 295—308.

Ч. 2. 12) Список звезд с переводом и указанием их местонахождения в Галактике (с иероглифами) — л. 1—10. 13) Для записки «Понятия китайцев в астрономии. 1 февраля 1874 г.» — л. 21—60 (в конце — приписка о сообщении в Географическом обществе 1 февраля). 14) Названия наиболее известных китайских книг (иероглифический текст) — л. 60—68. 15) Переводы истории китайской астрономии — л. 69—102. 16) Обряд при шелководстве. Историческая справка — л. 102 об. — 106 об. 17) Обряд поклонения духу огня — л. 106 об. — 107 об. 18) Астрономия и календарь — л. 108—115. 19) Переводы из «Ули тункао» У-ди (из. 183—189) — л. 117—159. 20) Переводы из китайских книг по астрономии — л. 159—180. 21) Вычислительные данные, планы и разрезы дороги от Урги до Пекина — л. 182—243. 22) Магнитные и астрономические наблюдения в Пекине. Вычисления на бланках. Черновики — л. 244—307.

14. Китайская энциклопедия. [Надпись на папке — автограф.] — В лист. 505 л.

Там же, № 2885.

1) Переводы из «Цзижу хэдао шуйли цзуншу» — л. 1—11 (о хлопчатнике, орошение в провинции Чжили). 2) Переводы из «Лушуй кхэ-дань» — л. 12—23. 3) Указы императора Юн-чжэна (1746 г.). Доклады ему — л. 25—35 об.

4) Переводы биографии Ю Цзи из «Фуцзи шуйли цзилян» — л. 35—38. 5) Биография Цзо Гуан-доу и его докладов — л. 38—42 об. 6) Биографии Чжан Чжэнь-яня, Е Чуня, Юань Хуана, Чжу Юнь-цзина — л. 43—47 об. 7) Реки в уезде Вэньаньсянь — л. 48—50. 8) Переводы из «Ценун ялю» о сельскохозяйственных работах; стихи Юн-чжэна, Цянь-луна, Цзя-цина и Лоу-шоу на эту тему — л. 50 об.— 77. 9) Перевод из «Шуйдао гуаньцзянь» — л. 77—81 (описание некоторых рек). 9) Переводы о сельском хозяйстве, описание плодов, овощей, цветов, растений провинций Цзянси, Шаньдун, Хэнань — л. 89—142. 10) Переводы из Сэтун (биографии философов) — л. 142—318 об. 11) Даосизм — л. 319—324 об. 12) Буддизм — л. 325—337. 13) «Шисаньцзин» — л. 338—349. 14) «Шуцзин» — л. 349 об.— 365 об. (история, характеристика глав, толкования). 15) «Ицзин» — л. 365 об.— 374 (история создания и содержание). 16) «Чуньцю», «Или», «Лицзи», «Чжуси», «Дасюэ», «Луньюй», «Мэн-цзы», «Эр-я» — л. 374—402. 17) «Шицзи» (историческое обозрение) — л. 411—439. 18) Историческое обозрение чинов и званий — л. 440—448. 19) Небольшие переводы с китайского — л. 449—505 (историческое обозрение учреждений, о землевладельцах, о хлебных магазинах, пошлины, экзамены, музыка, монетная система, военные суда и др.). 20) «Шэунун», 25 августа 1854 г. (предисловие, биография, могилы, обряды поклонения, памятники; перевод с китайского) — л. 506—535.

15. Каталоги.— В лист. 379 стр.

Там же, № 2886, стр. 311—689.

1) Записки и заметки. Перечисление папок рукописей. Письмо Л. Г. Севявину 1861 г. Переписка о продаже библиотеки К. А. Скачкова А. Л. Родионову, пожертвование последней библиотеки в Румянцевский музей, награждение Родионова за пожертвование. 2) Каталог китайские и маньчжурских книг библиотеки К. А. Скачкова (на английском языке). 1233 книги. Географические атласы и карты. 116 названий, 27 альбомов. 3) Каталог моей библиотеки — 110 стр. 4) «Надписи на могильных памятниках маньчжурской династии государей правления Шунь-чжи и Кан-си» — 30 стр. 5) «Алфавит китайских и маньчжурских книг библиотеки К. А. Скачкова». 1435 названий книг и рукописей — 128 стр. 6) «Мои статьи в газетах и книгах». 13 статей. 7) «Мои дипломы ученых обществ». 12 дипломов, из них два заграничных. 8) Описание рукописных словарей Азиатского музея (китайско-русских, русско-маньчжурских, маньчжуро-русских и др.).

16. «Описание и заметки о Китае». — В лист. 466 л.*

Там же, № 2889.

1) «Общее обозрение Чжилийской губернии». Январь 1854 г. — л. 1—62. 2) Физическое описание Юнь-наньской губернии — л. 63—89. 3) Горы в Чжили. Реки. Население. Количество земли. Производство — л. 90—118, 179—198, 376—377. 4) Описание Чжили по уездам — л. 119—168, 388—418. 5) Об истоках Желтой реки по китайским источникам — л. 169—178. 6) Гидрография Тибета — л. 199—232. Перевод с китайского. 7) Тибет, описание — л. 233—248. 8) Река Усури — л. 249—252. 9) Обозрение Цинхая — л. 258—264. 10) Гидрографические данные о Хуанхэ — л. 273—343. 11) Орографическое описание Тибета. По китайским источникам — л. 344—367.

* Приписывается К. А. Скачкову условно (Храповицкий?).

12) Система главных рек, впадающих в Амур.— л. 368—375. 13) О семействах маньчжурских войск. Из «Хубу цзэли» — л. 419—438.

17. Перевод романа Чжоучао лего чжи.— В лист. 398 стр. Карандаш. Там же, № 2887.

Кроме перевода романа в папке также содержится: 3 бэня «Дунчжоу лего чжи» (14, 15 и 16), шесть китайских гадательных таблиц, «Маньчжурский букварь» С. Липовцова, 1839 г. (21 стр., литографировано), «Китайская грамматика Иакинфа» (без титульного листа, литографировано).

18. Альбомы и карты.

Там же, № 2897а.

Папка содержит небольшие заметки, выписки, планы, карты. Из них отметим: 1) Листы китайской тетради с параллельным маньчжурским и китайским текстом для упражнений. 1866 г.— 19 л. 2) Спряжение маньчжурских глаголов. Ученик албазинского училища Гавриил Дэву. 1852 г. авг. 27 в Пекине (русский и маньчжурский тексты) — 18 стр. 3) Планы Пекина, Аксу и других городов. 4) Карты астрономических наблюдений — 11 л. 5) Карты Китая, Индийского океана, Хоккайдо, Курильских островов и др.

Стефан Иванович Базилевский

1. Папка первая. [Без названия.]— В лист. Л. 1—282.

ОР ГБЛ, ф. 283, № 2890.

1) *Ichthyographia Pekinensis elaborata a membro pekinensis missionis doctore medicinae Stephano Basilevsky*. На латинском языке*. 2) Класс птиц по Кювье. Описание некоторых животных, использование их органов как медикаментозных — л. 26—46. 3) Птицы и рептилии. Животные — л. 47—89, 276—282, 437 (л. 51—52, 77—89 — на латинском языке, л. 42 об.— 46, 63—47 — карандаш, сильно стертый). 4) О бесчешуйчатых рыбах — л. 91—96 (из «Бэньцао ганму»). Перевод с небольшими поправками. 5) О птицах околородных — л. 97—102. Перевод с китайского. 6) Рыбы — л. 103—126, 274—275 (латинские названия, названия, принятые в Пекине, и народные; подробное описание). 7) Описание рыб, составленное по китайскому сочинению «Бэньцао ганму», — л. 127—137; 8) Минералы по «Бэньцао ганму» — л. 138—169. Перевод с китайского. Карандаш. 9) Продолжение о раковинах — л. 170—192. Перевод с китайского. Карандаш. 10) О металлах — л. 193—213 (л. 193 — карандаш стертый). Перевод с китайского. 11) Медицинская библиография по «Сыку цюаньшу». 1854 г. Пекин — л. 215—220 (предисловие сочинителя; перечисление 8 медицинских книг с аннотациями). 12) Климат губернии Гуанси — л. 221—230. Перевод с китайского. 13) Биографические заметки о древних медиках — л. 231—272 (подробные биографии Чжэнь Цюаня, Лю Ханя, Сун Сы-мяо, Бань Це, И Хэ, Тай Цан-гуна (Шунь Юй-и), Го Юя, Сюй Вэнь-бо, Сюй Юя, Ма Сы-мина, Яо Сэн-юаня, Ван Хуай-ина, Чжао Цзы-хуа, Сюй Си, Пань Ань-ши, Цянь И, Ван Кэ-мина, Чжу Лэ-ху (династия Цзинь), Лю Ван-су и более коротко — биографии 19 медиков. 14) Из книги «Янь-ко лу шу-лунь». Болезни глаз. Китайские названия болезней и их описание.

* Оубл.: «Записка Московского общества натуралистов», н/сер., 1855, т. X, стр. 215—263, 10 табл.

2. Папка вторая. [Без названия].— В лист. Л. 283—466.

15) Глазные и зубные болезни— л. 283—289. 16) Заметки о Китае— л. 290—301 (похороны; свадьбы; западный сад— Сиюань; католический храм Сыпайлоу; приезд императрицы; военный смотр; описание части Пекина и др.). 17) Операция удаления катаракты— л. 302 об. 18) Остеология. По «Сиюаньлу» (книга Ханьской династии)— л. 303—304. 19) Спланхиология— л. 304 об.— 313 (из книг «Чжэньцзю дачень» и «Дао-ин-цзин»). 20) Из книги «Сиюаньлу»— л. 314 (о судебной медицине). 21) Из «Хубу цзели»— л. 316—320, 336—345 (народонаселение в 50-й год Канси; о семейных старшинах; о побегах знаменитых; о поступлении ханьцзюней в простолодины). 22) О первых медицинских книгах— л. 334—350. 23) Переводы из китайских медицинских книг— л. 346—367, 394. 24) Терапия по «Бэньцао ганму»— л. 368—370. 25) Климат Пекина— л. 371—374. 26) Фармакология— л. 375—379 (перевод с китайского). 27) Распознавание по пульсу болезней пяти внутренностей— л. 390—393. 28) Акупунктура— л. 418—432. 29) Холера в Пекине в 1821 г., ее лечение— л. 432 об.— 433. 30) Болезни, господствующие в Пекине во все времена года,— л. 441—448.

Михаил Данилович Храповицкий

1. Сборник сочинений о Китае членов Российской миссии в Пекине на основании китайских источников и на переводах с китайского.— Размер листов разный. 538 л. В папке, без переплета.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2891.

1) Русские посольства в Китай— л. 1—4 (выписки из «Сибирской истории» Фишера, стр. 508). 2) История династии Цинь (по «Ган-му»)— л. 4—29 (50 стр.). Карандашные пометки К. А. Скачкова. 3) Обвинения против княжества Цинь— л. 30—34 (8 стр.). Перевод из «Го-Цинь-лунь» известного ханьского ученого Цзя И. 4) Материалы для истории уголовного законодательства в Китае. 35—164 (258 стр.). Почерк— очень мелкий. На л. 154 карандашом рукою К. А. Скачкова написано: «Введение к Юаньской династии». Часть страниц перечеркнута карандашом. 5) Историческое обозрение монетной системы— л. 170—262, 243—262 (184 стр.), л. 263—300 (74 стр.). Почерк— очень мелкий. Гл. I: управление литейным делом; расходы на рабочих и материал; рудокопные заводы; рудники в Сычуани и Гуйчжоу; наем судов для перевозки меди и свинца; стоимость перевозок и др. 6) Записки очевидца о губернии Хэйлуңцзян— л. 301—338 (67 стр.). Составлены чиновником Си Цинюм, бывшим долгое время на должности секретаря в г. Цицикаре (около 1800 г.). 7) Прибавление к запискам о губернии Хэйлуңцзян и мелкие заметки о Монголии.— В лист, л. 339—349 (20 стр.) (заметки о районе между Великой стеной и Хэйлуңцзяном). 8) События в Пекине в конце Минской династии— л. 350—367 (33 стр.)*. 9) Путевые заметки чиновника Сюй Кан-цзуна, ездившего послом от двора Сун к двору Гинь (в Маньчжурии) в 1124 году.— л. 369—386 (35 стр.). 10) Записки о народе Гинь— л. 381—386 об. (9 стр.). 11) Об обычаях татар. Из «Си-юй-

* Отпубл. с небольшими изменениями в ст.: «События в Пекине при падении Минской династии».— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. III, 1857, стр. 1—102.

со-тань» — л. 387—397 (21 стр.) («Кончено 17 февраля 1859 г.»). 12) Записки о народе Ляо — л. 398—409 об. (22 стр.) (первоначальное происхождение киданей). Поправки карандашом. 13) Записки о Цзинь — л. 410—428 об. (36 стр.). Татань. 14) Дневник ссыльного чиновника на Или. 4-й год правления Цзя-цин (1800 г.) — л. 429—449 (39 стр.). Часть — карандашом. 15) Несколько замечаний касательно давности и законности обладания маньчжурской династией левым берегом Амура — л. 450—453 (6 стр.). Указ 39-го года Канси из Географии Маньчжурии 43-го года Цянь-луна (на обороте 40-го л. 4-й тетради). 16) Амур. Описание гор. В лист, л. 531—538 (14 стр.). Видимо, продолжение описания губернии Хэйлунцзян, см. № 6 и 7.

2. Письмо к Е. П. Ковалевскому.

ОР ГПБ, ф. 356, № 363.

Письмо от 20 февраля 1853 г., Пекин (о тайпинском восстании). Без конца. Приложен перевод препроводительного к подарку письма И Цзи к Е. П. Ковалевскому.

Михаил Оводов

1. Пин-дин-ло-ча фан-люе.— В лист. 34 л.

ОР ГПБ, Собрание автографов, К-10, Иларий.

Перевод 31 указа Канси 1682—1690 гг. о подготовке похода на Албазин и заключении Нерчинского договора. Из «Шофан бэйчен» *.

2. О сношениях России с Китаем и о русской роте в китайских войсках. 1853 г. Перевод с китайского.

АВПР, ф. 347, I—5, 1853 г., оп. 4, № 1, п. 92.

Елисей Иванов (Евламний)

1. Извлечение из сочинения китайского философа Ле-цзы.— 9 л.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1851 г., № 1, п. 74, л. 46—54.

2. Воспоминание о бедствиях Нанкина. Март 1851 г.— 9 л.

Там же, л. 152—160.

Николай Иванович Нечаев

1. Постановление о чае в Китае. В лист. 72 стр.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1851 г., № 1, п. 74, л. 9—45 об.

Перевод с китайского нескольких узаконений. В начале — несколько исторических замечаний об учреждении таможен в Китае.

Петр Алексеевич Корниевский

1. Материалы по истории медицины в Китае.— В лист. 611 л.

ОР ГПБ, Собрание отдельных поступлений, № 62/35.

Палка 1. 1) Китайские медицинские книги, имеющиеся в библиотеке Пекинской духовной миссии (по каталогу 1859 г.) — 22 л. (20 книг).

2) Криптограммы и их разъяснение. Гадание. Исполняется «60-й год нижнего круга». «Китайцы ожидают великого государственного переворота и,

* Использованы при подготовке сборника документов «Русско-китайские отношения в XVII в.», т. II, М., 1972.— *Прим. ред.*

быть может, тайно ожидают начала царствования Тайпинской династии — 13 л. 3) Китайские медицинские книги, имеющиеся в библиотеке Азиатского департамента (по каталогу 1843 г.) — л. 27 (15 книг). 4) Книги д-ра Корниевского, оставленные в Пекине ученику Андрею, — л. 28 об. 5) Описание китайских рисунков (сделано для генерала Игнатьева в 1860 г.) — 29 л. 6) Китайские переводы из книги «Дун-и-бао-цзянь» — «Драгоценное зеркало восточной медицины» — 27 л. (краткие анатомические и физиологические понятия китайских медиков о внутренностях человеческого тела). 7) Краткий курс китайского акушерства — 62 л. (в конце — оглавление). 8) Медикотопографические заметки о Пекине — 32 л. (экономические данные, население, быт, благотворительные заведения, количество населения в 1845, 1848 гг. по роду занятий, смертность в 1845 г., число жителей и смертность в 1856 г., отдельно — в окрестных деревнях). 9) Поздравление китайского богдыхана с Новым годом, сентября 10-го (1860 г.) придворными чинами и посланниками подвластных ему народов. Рассказ очевидца, бывшего в числе военных музыкантов, — 5 л. 10) Полный курс китайского акушерства (перевод «Тайгань синьфа») — 113 л.

Папка 2 (раздельная пагинация). 11) Патология у китайцев — 51 л. (о китайских лекарствах; о чаотке — перевод из книг «Мин-и чжи-чжа» и «Шоу-ши баюань»). 12) Хирургические инструменты, употреблявшиеся древними китайскими медиками, — 3½ л. 13) Китайские медицинские пословицы — 48 л. (в предисловии говорится о том, почему автор заинтересовался медицинскими пословицами; иероглифический текст, перевод и пространное пояснение пословиц — всего 126 пословиц). 14) О китайских медиках — 28 л. (быт, работа, заработок, способы исследования больных, посещение больного, поднесение почетной доски, медики при княжеских и графских дворах). 15) Извлечение из «Voyage en Chine etc.» par Haussmann — 9½ л. 16) Извлечение из «Essai sur l'Histoire de l'in struction publique en Chine» par Biot. «Les ecoles de médecine sous les Tang de l'an 650 à l'an 907 т. d.» — 19½ л. (о полиции Пекина и т. д.). 17) Медицинский приказ в Китае. Из собрания законов и постановлений «Дацин хойдянь» — 27 л. 18) Медицинский приказ в Пекине в 1862 г. — 8 л. 19) «Си Юаньлу». Исследование насильственной смерти — 4 л. 20) О китайцах с медицинской точки зрения — 19 л. (рост, вес, пределы роста и веса 30 китайцев, сложение тела, цвет глаз, цвет волос и т. д.). 21) Народные китайские врачи. Иглоукальватель Ли Чэ-ли. 14 апреля 1861 г. Пекин — 14 л. (врачи, практикующие по кумирным, деревенские врачи, врачи зубные, глазные, средства, заменяющие кровопускание, отвлекающие и др.). 22) Формы китайских рецептов — 3 л. (приложен подлинный рецепт). 23) Гадание у китайцев и лечение посредством гадания — 8 л. 24) Что должен изучить китайский медик — 6 л. (руководство для изучения пульса, рецептура и др.). 25) Лечение перемежающейся лихорадки у китайцев — 6 л. (рецепты).

Александр Кульчицкий

1. Эр-ши-сы сяо, то есть краткие исторические рассказы числом 24 на тему о примерной почтительности к старшим в роде. Почерк — писарский. Подпись: «Иеромонах Александр». В лист. 8 л.

ОР ГБЛ, ф. 273, № 2874, л. 120—127.

2. Записки по религиозно-народным обрядам и суевериям.
 3. Книга чар и заклинаний.
 4. О китайском финише.
- Указание на рукописи № 2—4 см.: «Китайский благовестник», 1916, вып. 9—12, стр. 39.

Эмилий Васильевич Бретшнейдер

Архив ЛО ИВАН, ф. 8.

1*. «Geschichte der Mongolen».—Автограф. В $\frac{1}{2}$ листа. 451 стр. На немецком языке. Переплет — папка.

Оглавление с указанием страниц (стр. 449—451).

2. Timur or Tamerlan and his Successors.—Автограф. В $\frac{1}{2}$ листа. 481 стр. На английском языке. Переплет — папка.

Библиографические заметки, жизнь Тимура, Мирза Халил-султана, жен Тимура, его сыновей и внуков. Мирза Шах Рока. Биографические заметки о некоторых восточных монархах в XIV и XV столетиях.

3. Index zum Yüan-Shi.— В лист. 37 стр. На английском языке.

Содержание 210 цзюаней и 11 цзюаней из «Юаньши лэй-бянь».

4. Index Bën zao gang tu.—Автограф. 1858 г. В $\frac{1}{2}$ листа. 256 стр. На немецком языке. Тетрадь в переплете.

По трем основным частям книги.

5. Names of Chinese Hills in the Kuang yü ki («Гуанюйцзы»).—Автограф. В лист. 49 л. 900 карточек, наклеенных на газетной бумаге.

Английская транскрипция. Указаны название гор, цзюань и страница. По фонетическому алфавиту.

6. Chronologische Tafel der Chinesischen Dynastien.—Иероглифы — по черк китайца, остальной текст — автограф. В лист. 38 стр. На немецком языке. Переплет — папка.

Хронология по династиям с 2852 г. до н. э. В два столбца.

7. Index bibliographical Section of the Histories of Chines Dynasties & Wen hien tung kao.—Разный формат. 48 л.

Название не соответствует содержанию. Различные библиографические записи, выписки из книг, индекс «У байцзя сяошо». Письмо без числа и года на немецком языке с вопросами по поводу названий китайских книг и др.

8. Voyage de Hiouen thsang dans les contres occidentales et dans l'Jude le VII siecle entre 629 et 645.— В $\frac{1}{2}$ листа. 43 стр.

Выписка из перевода Жюльена.

9. Тетрадь с конспектами книг и указателями к ним.—Автограф. В $\frac{1}{2}$ листа. 103 стр. На французском языке.

1) Географические сведения о пограничных государствах из «Дамин и тунджи», изд. 1461 г.— стр. 1—28. 2) То же из «Дацин и тунджи», изд. 1744 и 1790 гг.— стр. 31—38. 3) «Синьцзян чжилию». Содержание книги — стр. 38—50. 4) Выписки из перевода Клапрота «Дацин и тунджи», изд. 1790 г.— стр. 1—39. 5) Заметка о положении Согдианы по сведениям китай-

* Здесь и далее порядковый номер означает номер в описи.

ских авторов средних веков. 6) Таблица широт и долгот Lieux Terrestres по Улугбеку — стр. 1—14.

10. Тетрадь с конспектами книг и указателями.— Автограф. В $\frac{1}{2}$ листа. 45 л.

1) Выписка на немецком языке из статьи В. П. Васильева «Сведения о Маньчжурах во времена династии Юань и Мин»* — л. 1—2. 2) Выписка из «Нюйчжи» времен Минской династии, г. 89. Реки, горы, продукты (на немецком языке) — л. 2 об.—6 об. 3) Выписка из статьи Н. Н. Howorth «The Northern Frontage of China» (на английском языке) — л. 7—16. 4) «The kin of golden Tatars»,—«Journal of Royal Asiatic Society», 1877 и 1881 гг. (на английском языке) — л. 17—20. 5) «Hia of Tangut» из того же журнала за 1883 г. (на английском языке) — л. 20 об.—23. 6) Выписка из сочинения Клапрота о Чан бо шане (на французском языке) — л. 23 об.—25. 7) Об округе Хами В. Успенского из «Известий Географического общества», 1873 г. (выписка) — л. 32 об.—38; часть об округе Хами из «Дацин и тунчжи», изд. 1744 г., которую не перевел Успенский (на немецком языке), — л. 26—32. 8) Из русского перевода Риттера «Землеведение Азии». Дополнения (выписка на немецком языке) — л. 39—45. 9) Заметка о миссионерской станции Сиванцзы Гюка (на немецком языке) — л. 45 об.

11. Тетрадь с конспектами прочитанных книг и статей.— В $\frac{1}{2}$ листа. 38 л. На немецком языке.

Конспекты статей на русском языке: Головкина, Хилковского, Путятина, Перри. К л. 38 приклеено письмо на немецком языке (подпись непонятна) от 21 мая 1893 г. Некоторые подробности о русских, участвовавших в заключении Тяньцзиньского трактата.

12. Тетрадь с выписками и конспектами по отношениям России с Китаем.— В $\frac{1}{2}$ листа. 68 стр. Переплет — папка.

Выписки из «Истории Сибири» И. Э. Фишера, «Росписи» И. Петлина, из «Sibirica» Радлова, путешествий Байкова, Избранда Идеса и др.

13. Administrative Eintheilung China's nach dem Tsio chi tsüan han.— В $\frac{1}{2}$ листа, 38 стр. Переплет — папка.

Новое и старое деление Китая. По Playfair. The Cities and Towns of China, 1879.

14. Тетрадь с выписками, касающимися Джунгарии.— В $\frac{1}{2}$ листа. 36 стр.

Выписки из работ Гобия, Дюгальда, Майя, Радлова, Амиота, Стаунтона. На французском, немецком и английском языках.

15. Различные статьи по истории Центральной Азии.— В $\frac{1}{2}$ листа (тетрадь). 78 л.

Выписки из «Истории Кашгарии» Беллью, из «Historia Sinensis Poroise», из трудов Абулгази о Кашгаре. На английском, французском и латинском языках.

16. Lorenz Lange's Reisen nach Peking China. 1715—1737 гг.— В $\frac{1}{2}$ листа. 69 стр. На немецком языке.

17. Chinese characters denoting Names of Plants.— Автограф. В $\frac{1}{2}$ листа (тетрадь). 597 стр.

* «Годичный акт С.-Петербургского ун-та за 1859 г.», стр. 83—157.

Использованы словари Канси, Эр-я, Шовэнь, Моррисона, Вильямса и др. Расположены по ключам.

18. Тетрадь с выписками из книг и указателями.— В $\frac{1}{2}$ листа. 84 л. На английском языке.

Выписка из переводов: Дугласа («Ся-сяо-чжэн»), Легга (кн. 4 «Лицзи»), Био («Ши сюнь цзюй»); Индекс к «Лицзи» и «Чжоули».

19. Описание Тибета из «Дацин и тунчжи» Клапрота.— В $\frac{1}{2}$ листа. 89 стр. На французском языке.

Конспект. Географические имена снабжены иероглифами.

20. Тетради с выписками о Пекинской миссии.— В $\frac{1}{2}$ листа, 21 стр. В лист, 19 стр. На немецком языке.

Из «Иркутских епархиальных ведомостей», 1863, № 15; «Истории Российской иерархии» Амвросия; «Русской истории» Соловьева; из путешествия Тимковского. Данные о постройке церкви для миссии и о штатах почерпнуты из архива миссии.

21. Тетради с конспектами и выписками [из] книг на европейских языках.— В $\frac{1}{2}$ листа. 61, 44 л.

Из Легга — характеристика классических книг. Названия растений в словаре Эр-я. Выписки из статей Ксавье, Сэмедо, Мендеса Пинто, Гобсона, Майя и др. (всего 11 статей).

22. Словарь по естествознанию.— В $\frac{1}{2}$ листа. 68 л.

Разделен на три части: вода, огонь, камни. Видимо, из «Бэньцао ганму».

23. Альбомы китайских рисунков.— 12 альбомов. 611 л. Рисунки костюмов, в том числе театральных, зарисовки бытовых сцен, игр, портреты ремесленников, кустарей и т. д.

24. Альбом китайских рисунков.— 152 л.

Цветы и плоды.

25. Альбом китайских рисунков.— 63 л.

Насекомые, птицы, животные.

Алексей Осипович Ивановский

Архив ЛО ИВАН, ф. 20.

1/53*. Дневники поездки в Китай. 10 записных книжек. 1890—1891 гг.

1) Маршруты по В. П. Васильеву, Ресину и Е. В. Путятину, маршрут А. О. Ивановского — 46 стр. 2) Описание пути от Благовещенска по Ресину. Словарные записи «сухуа» — 104 стр. 3) Маршрут по В. П. Васильеву — 28 стр. 4) Продолжение 2-ое Букуйского дневника — стр. 336—491. 5) Дневник. Кн. 1. 1890 г. Сахалин; 6) Дневник поездки в Мергенъ и обратно. 20 авг. — 6 сентября 1830 г. — 153 стр. 7) Дневник поездки в Пекин через Айгунь. Тетрадь 1 — стр. 1—191. 8) Продолжение. Тетрадь 2 — стр. 192—377. 9) Продолжение. Тетрадь 3 — стр. 378—534. 10) Дневник поездки из Пекина в Кяхту через Калган — 26 стр.

2/54. Различные документы и заметки, собранные А. О. Ивановским во время поездки в Китай, часть из которых относится к страницам его дневников. Папка 1-я.— 124 л.

Объявления на китайском языке, письма, указы.

3/55. Отчет о поездке в Маньчжурию и Китай — 6 л.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

- ЛО ААН, ф. 775.
- 1/95*. Краткое рассуждение при чтении истории (Китая).— В лист. 1 л. О «Тунцзян ганму». Не окончено.
- 2/96. Судьба конфуцианства до Ханьской династии.— В лист. 1 л. Без конца.
- 3/97. Вэйская история.— В лист. 3 л. Перевод с китайского. Не окончена.
- 4/98. Политическое разделение нынешних китайских владений.— В лист. 32 л. При Цинской династии. На территории Синьцзяна, Маньчжурии. Пекин (храмы — л. 27—32). Без конца.
- 5/99. Предметы потребления. (Нужда и роскошь).— В лист. 1 л. Программа статьи.
- 6/100. Названия государей и династий.— В лист. 5 л.
- 7/101. Названия фамилий (не китайских), встречающихся в истории Ляо, Цзинь, Юань, нынешней Дайцин.— В лист. 2 л. Войска монголов по «Сю зэнь сянь тункао», СХХI — л. 2.
- 8/104. Отношение Китая с Европой.— В лист. 7 л. Не окончена.
- 9/105. [Отдельные разрозненные листы по истории Китая.] — В лист. 176 л. Прибавление к «Истории Китая» — л. 7—39; К истории отношений России с Китаем — л. 39—40; Перевод ответной грамоты Байкову (?). Фрагменты из опубликованных статей — л. 41—45; Продолжение древней истории Китая — л. 46—176.
- 10/106. [Фрагменты статей по истории и географии Китая.] — Разный формат. 121 л. Перевод с маньчжурского языка доклада о постройке г. Айгунь и др.— л. 19—21.
- 11/107. Вопросы и заметки.— Разный формат. 4 л. Почему Конфуций считался великим учителем. Лао-цзы. О хуннах.
- 12/108. Перечень государственных учреждений Китая.— В лист. 92 л. Переписано А. О. Ивановским. Заметки рукою В. П. Васильева — о Цзюньцзичу и административном устройстве Китая — л. 1—8.
- 13/109. Китайское управление.— В лист. 1 л. Из доклада цензора. 1830—1840 гг. Перевод с китайского.
- 14/110. Иностранцы ли иностранцы в Китае.— В лист. 21 л. Древние памятники «иностранческого» языка в «Цефу ниньгуй», СМХСIV, л. 2 и др. Записи трех песен. Разбор слов.
- 15/111. Китайский суд.— В лист. 1 л.
- 16/112. Общие замечания на удельную систему.— В лист. 13 л. Происхождение посмертных имен удельных князей по династиям: Чжоу, Вэй, Сун, Чу, Цинь, Цзинь, Ци, Лу.
- 17/113. Религиозные здания.— В лист. 7 л.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде. Рукописи опубликованных книг и статей не указаны.

- Алтари, буддийские и даосские храмы, частные моельни.
18/114. Министерство уголовное.— В лист. 1 л.
Справки о министерстве.
19/115. Названия чинов.— В лист. 2 л.
Указатель к неизвестной работе.
20/120. История трактатов России с Китаем — В лист. 8 л.
Перевод трактата с маньчжурского языка. Разница с русским текстом.
21/128. О народонаселении в Китае. По поводу статьи Захарова.—
В ³/₄ листа. 45 л.
Дополняет статью И. И. Захарова. Колониальная политика держав на
окраинах Китая.
22/129. О движении китайского народонаселения.— В ³/₄ листа. 6 л.
Фрагмент. Без начала и конца.
23/130. Биография Ван Ань-ши.— В лист. 13 л.
Источник перевода не указан.
24/131. Свидание Трескина с амбанем.— В лист. 5 л.
В феврале 1810 г.
25/132. Письмо ургинского амбана кяхтинскому губернатору.— В лист.
3 л.
Перевод с маньчжурского.
26/134. По поводу отрывка из памятника с уйгурской надписью.—
В лист. 4 л.
Записка, читанная на заседании Историко-филологического отделения
Академии наук 12 декабря 1890 г.
27/137. Материалы к «Китайской надписи на Орхонском памятнике в
Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне»*.— Разный формат. 100 л.
28/139. Юаньский памятник, поставленный в часть Цуань-ши-дэ или
Цуань Лун-янья.— В лист. 2 л.
Описание надписи и перевод.
29/140. Записка с определением китайской надписи на медном круж-
ке.— В лист. 2 л.
30/141. О христианском памятнике в Сианьфу.— В лист. 7 л.
Черновик.
31/142. Заметка об уйгурском письме. Пекин.— В лист. 2 л.
Выписка из кн. «The History and Doctrin of Buddhism», London, 1829.
32/32. О значении Востока вообще и Китая в особенности.— В лист.
46 л.
Вступительная лекция, читанная 10 декабря 1850 г., Казань.
33/102. О связях и сношениях России с Китаем.— В лист. 6 л. (12 стр.).
Китай и его замкнутость. Не окончена.
34/103. О сношениях России с Китаем.— В лист. 8 л.
Перевод из «Го-чао Олосы мэн пиньцзи», иероглифы с их значениями.
Не окончена.
35/117. История китайской миссии.— В лист. 6 л.
36/121. О сношениях Китая с Россией.— В лист. 14 л.
Договорные отношения. Приводится перевод грамоты богдыхана к рус-
скому царю (на татарском языке), найденной Ч. Ч. Валихановым.

* Опубл.: «Труды Орхонской экспедиции», СПб., 1897.

- 37/123. Пограничные дела.— В лист. 20 л.
О грамоте, привезенной Сейткулом Аблиным.
- 38/126. Историческая записка о китайской границе. 1846.— В лист. 28 л.
Составлена Е. И. Сычевским. Выписки.
- 39/149. Библиографическая заметка о книге Био. 1840.— В лист. 2 л.
- 40/122. Взаимные посольства и переписка.— В лист. 33 л.
Начиная с посольства Ф. Байкова (1654 г.) до 1772 г.
- 41/124. Караванная торговля. 1674—1792 гг.— В лист. 10 л.
Таблицы.
- 42/125. [О торговле с Кульджей и Чугучаком. XIX в.]— В лист. 5 л.
- 43/150. Кульджа. Из путевых заметок.— В лист. 2 л.
Без конца.
- 44/69. Алфавитный реестр имен тех лиц, биографии которых помещены в Па-ци-гунджи в переводе Леонтьева. 9 июля 1843 г. Пекин.— 4 л.
К публикации перевода И. К. Россохина и А. Л. Леонтьева «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осми знаменах состоящего».
- 45/46. Шицзин. Перевод и примечания.— В лист. 296 л.*
Предисловие, примечания, фонетическое чтение, иероглифика. Перевод в стихах частей: Го-фэн, Сяо Я, Да Я.
- 46/47. Перевод песен из отдела Го-фэн.— В лист. 6 л.
Разбиты по темам: любовные, жалобные и т. д.
- 47/48. Материалы к переводам Шицзина.— В лист. 88 л.
- 48/49. Мэнцзы. Исследование и извлечения в переводах.— В лист. 59 л.
- 49/50. Чун-цю. Переводы в выдержках.— 8 л.
- 50/51. Синь-чжуань чан-ли-суй-чжи.— 9 л.
Перевод и иероглифический текст.
- 51/52. Биографические заметки по официальным китайским писателям.
Взято из «Гу-вэнь-юань-цзянь».— 100 л.
Краткие биографии по династиям.
- 52/53. И-Цзин. Исследование.— 12 л.
Китайцы об Ицзине. Образцы переводов.
- 53/54. Или. Обрядник.— 3 л.
Содержание книги.
- 54/55. Фразеология из книги Мэнцзы. Статья Лян Хой-вана. Цинь вэнь цимен. Джуун-юн. Избранные слова и фразы из Дасюэ. 1847 г.— 238 стр.
Переводы из указанных сочинений.
- 55/56—57. Материалы к истории китайской литературы.— 11, 207 л.
Фрагменты.
- 56/71. Сон в Красном тереме.— В лист. 2 л.
Перевод с китайского. Гл. 1. Предисловие. Без конца.
- 57/1. Дух буддийского сочинения под заглавием Хутухту Декгэду Алтан Гэрэльту Судур-ногодун Эркету Хаган. Казань. 1837 г.— 33 л.
Диссертация на степень кандидата.

* Частично опубл.: «Примечания на третий выпуск китайской хрестоматии профессора Васильева», СПб., 1882.

58/2. Об основаниях буддийской философии. Диссертация, писанная на степень магистра кандидата первого Отделения философского факультета. 1839 г.— В лист. 86 л

Краткие тезисы — л. 1. Беловой экземпляр — л. 1—44, черновой — л. 46—89.

59/3. Сумба Хутухту. Перевод. История буддизма в Тибете.— В лист. 61 л.

Хронологическая таблица, составленная Сумба Хутухтой. Другой экземпляр — «Извлечение из сочинения Сумба Хутухты». — Почерк — писарский. 58 л.

60/4. Юэ-цзан-чжи-цзинь. Каталог китайской трипитаки. (1654 г.). Перевод и краткий анализ каждого сочинения. Тетради 1—3, 5—20, 21—23, 24—26, 27—33, 35—36, 37—39, 40, 41.— 384 л. Машинопись. 297 стр.

61/5. Обзорение буддийской литературы: 1) Хьяяна, 2) Иогачара, 3) Мадьямика, 4) Виная, 5) Бавья. Пекин, 1840—1850 гг.— Тетради. 112 л.

62/6. Этюды по буддийской догматике.— В лист. 446 + 3 л. оглавления, составленного С. А. Козиным. Машинопись.

Подготовлены к публикации.

63/8. Си-юй-цзи. Описание западных стран. [Путешествие в Индию Сюань-цзана.] 1845 г.— 12 тетрадей. 334 л.

Перевод, примечания и рукописные карты.

64/9—10. Буддийский терминологический словарь.— Т. I, 615 л., 1848 г.; т. II, 471 л., 1849 г.

Т. I. На машинке. 358 стр. Подготовлен к печати.

65/11. Оглавление (к буддийскому терминологическому лексикону) и, фань, мин и цзы.— В лист. 2 л.

66/20. Обзорение буддийской письменности. 1842 г.— 20 тетрадей. 253 л.

Переводы (в порядке занятий в Пекине) с тибетского, монгольского, аннотации на тибетские книги.

67/22. Из собрания Васумитры о 18 сектах.— В лист. 6 л.

Перевод с тибетского. Послесловие — л. 5—6.

68/23. Отзыв о двух диссертациях «О судьбах буддизма в пределах Средней Азии и прочее».— В лист. 6 л.

Авторы диссертаций неизвестны. Излагаются различные взгляды. Автор отзыва считает необходимым удостоить обоих золотыми медалями.

69/24. Путешествие Сун Цзюня по Тибету.— В лист. 4 л.

70/25. Забайкальское ламство.— В лист. 5 л.

Путешествие в Тибет в 1725 г. Титулы и имена лам. Отзыв Шиллинга.

71/26. Ламайское духовенство.— В лист. 2 л.

Устав 1853 г. о ламском духовенстве. Перечисление дацанов.

72/27. Падма-Гатанг.— 3 л.

Тибетский заклинатель.

73/28. [О буддийском календаре].— 4 л.

По буддийским книгам.

74/29. Цзи Гуй. [Виная. Перевод.] — 157 л.

75/30. [Материалы для биографии Цзонкава].— 20 л.

- По монгольским и тибетским источникам.
76/31. [Заметки по буддизму].— 1890—1899 гг.— 382, 6 л.
Переводы буддийских терминов. Содержание винаев. Разрозненные черновики.
- 77/158. Перечень 67 рукописей и 3 печатных сочинений на монгольском языке — 3 л.
- 78/159. Список буддийских сочинений на санскритском языке — 3 л.
- 79/155. Каталог тибетских книг, находящихся в Пекине,— 6 л.
Только тибетский текст.
- 80/22. Материалы для лекций по литературе даосизма и буддизма — 2 тетради. 62 л.
- 81/25. [Материалы по истории и языку Китая.] — Разный формат. 11 тетрадей. 355 л.
- Записи разговорного маньчжурского языка, о китайских иероглифах. Краткое описание рек, переводы из «Шицзина», история Китая (28 стр.).
- 82/38. Les phonétique chinois disposés d'après le système graphique,— 6 стр.
- 83/39—40. Графическая система китайских иероглифов.— 15 + 6 л.
- 84/41. Начала, по которым построены знаки китайских слов,— 17 л.
- 85/42. О свойствах китайского языка.— 66 л.
Черновой и белой экземпляры.
- 86/43. Что такое китайский язык.— 2 л. (4 стр.).
Не окончена.
- 87/44. Несколько замечаний о китайском языке.— 8 л.
Трудности языка: каллиграфия, фонетика.
- 88/45. О китайской письменности.— 10 л.
Отличие письменного от разговорного, чтение, ударение, слоги.
- 89/63. Китайско-маньчжуро-русский словарь. Состав двора и управления.— В лист. 35 л.
Оглавление — л. 1. Словарь расположен по разделам.
- 90/72. Списки деревьев и растений.— В лист. 63 л.
Название — иероглифы (чтение по-японски). Краткое указание места произрастания в Китае, иногда краткое их описание. Пер. с японского (?).
- 91/58. Китайская грамматика.— 8 л.
- 92/59. Китайско-русский терминологический словарь.— 37 л.
- 93/60. Китайско-русский словарь синонимических терминов.— 12 л.
- 94/61. Тонический или звуковой китайско-русский терминологический словарь.— 55 л.
- 95/64. Алфавитный указатель английской транскрипции южных китайских наречий.— 41 л.
- 96/65. Материалы и варианты к китайско-русскому словарю.— 604 л.
- 97/67. Словарь китайской скорописи.— 508 карточек.
- 98/81, 83. Материалы к лекциям по грамматике маньчжурского языка.— 70, 20 л.
- 99/87. Заметки к памятникам квадратного письма.— 13 л.
- 100/88. Рабочие тетради по тибетскому языку.— 115 л.
- 101/89. Материалы к тибетской хрестоматии.— 335 л.

- 102/147. Список населенных местностей Восточного или бывшего китайского Туркестана.— В лист. 25 л.
- Краткое описание городов и населения по национальному составу; расстояния между населенными пунктами.
- 103/162. [Сборная папка.] — Разный формат. 75 л.
- Список китайских и монгольских книг с аннотациями — л. 6—18; общие библиографические заметки, выписки из журнала «Chinese Branch of Royal Asiatic Society», 1887 г.
- 104/78—79. [Географический и биографический словарь.] — 1713 стр.
- Китайско-маньчжурский энциклопедический справочник. Имена личные, географические названия. Разные почерки. Добавления В. П. Васильева. Расположен по русскому алфавиту. Около каждого слова — краткое пояснение и ссылка на китайские (редко русские) источники.
- 105/без №. Дневник 1840—1850 гг.— 9 тетрадей. Около 20 печ. л.
- Подготовлен для печати И. Колубовским. Ряд пропусков неразборчивых слов*.
- 106/34. Статья о реке Сицзян (Гуандун).— Черновик. Автограф. Разный формат. 17 л.
- 107/35. Переводы и выписки из «Записок географического общества» о Северном Китае и Маньчжурии географического характера.— Тетрадь. 80 л.
- 108/44. Выписки из «Сахалинского журнала» (XVE. 843 — библиотеки восточного факультета) о географии и народонаселении Маньчжурии.— 12 л.
- 109/19. Список присутственных мест и чинов Китая.— 22 л.
- Приложения. Китайский, маньчжурский и монгольский тексты.
- 110/20. Ученая академия Ханьлиньюань. Выписки о ее задачах и структуре.— 2 л.
- 111/46. Лекции по истории Китая.— 39 л.
- Из них 3 л. — автограф В. П. Васильева.
- 112/21. Шицзин (Да я, Сяо я, Сун).— Автограф. 149 л.
- Текст к транскрипции и перевод.
- 113/22. «Классические книги».— Автограф. 4 л.
- 114/25—33. Материалы по буддизму. 1883—1887 — 56 л. отдельной пагинации.
- Главным образом переводы частей сутр.
- 115/48. Лекции по даосской и буддийской литературе и материалы к ним.— 3 тетради. 64 л.
- 116/52. Предложения об изменении учебной программы на факультете восточных языков.— Отдельные листы. 6 л.
- 117/49, 51. Лекции по грамматике китайского языка.— 1 тетрадь. 14+69 л.
- 118/50. Лекции по китайской письменности.— 23 л.
- 119/1. Mandjurica. Материалы по солонскому и дахурскому языкам. Образцы наречий Дахурни. 1890, 1894.— 3 тетради. 76 л.
- 120/2. Материалы для русско-солонского и русско-дахурского словарей. 2555 карточек.

* Частично опубл.: «Русский вестник», 1857, т. IX, стр. 145—200; т. X, стр. 477—497; «Северная пчела», 1861, № 6.

- 121/3. Словарный материал по маньчжурскому языку.— 4 л
122/4. Байчаха ба бо. Словарный маньчжуро-русский материал.— 10 л.
123/16, 18. Маньчжурская хрестоматия. СПб. 1893 г.— 126, 68 л.
Здесь же материалы к хрестоматии.
124/17. Маньчжурские тексты, записанные [Радловым] по произношению.— 92 л.
125/9. Китайский тонический словарь.— 614 л. В переплете.
126/10. Цуньжигтан. Тонический словарь китайского языка.— Отдельные листы. 8 л.
127/11. Сянли цзинъи Цзя-ли. Словарный материал.— 1 тетрадь. 13 л.
128/12. Русско-китайский разговорник.— Отдельные листы. 38 л.
129/13. Словарный материал по тибетскому языку— 2 л.
130/37—38. Библиографические заметки.— Разный формат. 18 л.
Книги о Китае.
131/39. Список трудов А. О. Ивановского.— Автограф. 2 л.
132/40. Каталог книг по востоковедению библиотеки А. О. Ивановского.— Автограф. 2 тетради. 91 л.
133/41. Список китайских книг и монет, купленных в Айгуни,— 4 л.
134/42. Перечень китайских книг на китайском языке.
135. История буддизма в Тибете.— Разный формат. 48 л.
Архив ЛО ИВАН, ф. 20, оп. 1, № 62.
Здесь же черновик и корректурные листы статьи «Буддизм».
136. Анализ китайских иероглифов В. П. Васильева под редакцией А. О. Ивановского. 175 л.
Там же, № 61.
Почерк А. О. Ивановского, пометки его, В. П. Васильева и неизвестного лица.
137. Записка В. П. Васильева о японо-китайской войне и письмо его к Остен-Сакену. 1894 г. Письмо от 1 марта 1878 г. 20 л.
ЦГАДА, ф. 3095, № 470.
138. Записка В. П. Васильева о возвращении Кульджи Китаю. 1876 г.— 10 л.
Там же, № 461.
139. Письма к Ф. Р. Остен-Сакену от В. П. Васильева и ответ Ф. Р. Остен-Сакена. 1877—1878 гг.
Там же, № 1439.
Здесь и записка Остен-Сакена «Русская политика в Азии в течение последних 20 лет. 1856—1876».
140. О средствах к избежанию в будущем столкновений с Англией. 1876 г.
Там же, № 646 (записка В. П. Васильева).

Дмитрий Алексеевич Пещуров

1. Аналитический разбор книги «Цинь вэнь ци мэн».— В лист. 89 л.
Архив ЛО ИВАН, разр. 1, оп. 1, № 39.
Дар В. М. Алексеева. Маньчжурский текст в русской транскрипции; после каждой статьи — перевод и слова.

2. Китайский разговорный язык высшего сословия. 1868 г.— 23 л.
ОР ГБЛ, ф. 138, 261.

Записи И. Протасьева по лекциям профессора Д. А. Пещурова. Иероглифический текст и перевод. Часть текста зачеркнута.

Леонтий Николаевич Лебедев

1. История изучения европейцами трактата о Чжун и Юн, дословный, надлежаще доказательный перевод его и синтез излагаемых доктрин. Медальное сочинение.— В $\frac{1}{2}$ листа. 375 л.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15787.

Позже 1911 г. Использовано большое количество литературы. История переводов. Методы исследования. Перевод трактата и комментария Чжун и свои комментарии. Здесь же положительная рецензия В. М. Алексева.

Константин Петрявский

1. Министерство финансов Китайской империи. 1864—1865 гг.— 44 л.
ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 1537.

Зачетная письменная работа студента Петербургского университета.

Николай Вознесенский

1. История Восточного Туркестана в XVII в.— Тетрадь. 134 стр.
ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15667.

Зачетная письменная работа, за которую автор награжден серебряной медалью.

II. Рождественский

1. Ли цзи. Перевод и примечания. 1862 г.— 101 л.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3.

Диссертация.

А. П. Плахов

1. Луньюй. Перевод. 1888 г.— 61 л.

ГИАЛО, ф. 14, оп. 3, № 15655.

Позднее составление Луньюя. Повторения, варианты, противоречия.

Николай Николаевич Кротков

Архив ЛО ИВАН, ф. 32, оп. 1.

1/1 *. Словарь русско-китайский и материалы к нему.— 749 л.

В тетрадях и на отдельных листах.

2/2. Материалы для китайского словаря.— 120 л.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

- 3/3. Материалы для маньчжурской грамматики.— 163 л.
Черновики статей, выписки из книг, заметки.
- 4/4. Лексикографический материал по маньчжурскому языку.— 57 л.
- 5/6. Поездка осенью 1899 г. в Сибирский буддийский монастырь.— 27, 3 л.
Статья в двух вариантах и программа статьи. Рисунки и описание монастыря.
- 6/7. Список богов в храме.— 1 л.
На китайском языке. Название храма не указано.
- 7/8. Исторические, статистические и этнографические материалы об Илийском крае и населяющих его сибю.— 31, 16 л.
Здесь же «Записка о восстании [дунган] в Илийском крае». Почерк — разный.
- 8/9. Краткие заметки о современном состоянии шаманства у сибю, живущих в Илийской области и Тарбагатае*.— 23, 4 л.
- 9/10. Фонд маньчжурских книг, находящихся в Азиатском музее Российской академии наук. 1918 г.— 29 л.
Описание и перечень.
- 10/11—15. Материалы, относящиеся к консульской деятельности Н. Н. Кроткова.— 148 л. Раздельная пагинация.
«Черный Иртыш и его значение в торговле России с Китаем и Монголией» — № 11, 4 л.; «Материалы об открытии золотых приисков, железных рудников и каменноугольных копей в пров. Хэйлунцзян» — № 14, 43 л., на китайском и маньчжурском языках.
- 11/18. Карта Синьцзянской провинции. На китайском языке.— Рукопись. 1 л. 55 × 63 см.
- 12/21. Список книг библиотеки Дальне-Восточного отдела Общей Канцелярии Министерства финансов. О возможности передать их Центральному информационному бюро при исполкоме Союза коммун Северной области через сотрудника иностранного отдела этого бюро Н. Н. Кроткова. 1919 г.— 36 л. Машиннопись.
- 13/25. Рисунки Альберта Грюнведеля одежды уйгурской и кучинской знати, солдат, чиновников и др.— 4 л.
Карандаш и тушь.
- 14/26. Описание прямого пути от Монаса до г. Зайсана, пройденного в августе 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В. А. Строковским.— 25, 9 л. Машиннопись.
Его же описание поездки к городищу Мачёцзы.

Н. Осипов

1. Словарь китайских ругательных терминов на простонародном и литературном языке. Пекин. 20 июля 1915 г.— 31 л.
Архив ЛЮ ИВАН, разр. I, оп. 1, № 377.
Иероглифический текст, транскрипция, перевод.

* Оpubл.: ЗВОРАО, 1911—1912, т. 21, стр. 117—136.

Павел Феликсович Александров

1. Тайная история современного Китая. Перевод с японского 1910 г.— 275 л. Машинопись.

Архив ЛО ИВАН, ф. 91, оп. 1, № 12.

С поправками Н. В. Кюнера. С конца Минской династии до тайпинов включительно. Судебные процессы.

Форсель

1. Вей-Юань. Книжка записок священных войн Китая. Перевод с китайского.— В лист. 174 стр.

Архив ЛО ИВАН, ф. 100.

Записки об усмирении восстания во время правления Цзяцина (1796—1820). Записка о деревенской милиции в провинциях Сычуань, Хубэй и Шэньси.

Константин Павлинов

1. Словарь правительственных мест и лиц в Китайской империи. Составлен К. Павлиновым. Пекин. 1862/63 гг.—Тетрадь. 149 л. Переплет — папка. АВПР, ф. 152, оп. 505, № 96.

По отделам: гражданских чинов в Пекине и Мукдене; придворных чинов; гражданских чинов в провинции; военных чинов, чинов подведомственных Китаю народов. Китайский текст и перевод. Алфавитный указатель — л. 129—149.

2. О приезде данников Китая ко двору в Новый год и о подарках им от двора. Пекин. 1863 г.— В лист. 11 л.

Там же, № 98.

3. О Государственном совете в Китае. Пекин. 1861 г. Перевод с китайского.— 35 л.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1823 г., № 1, п. 74, л. 297—316, 421—435.

Система судоходных рек в Маньчжурии.

4. О воинском одеянии богдыхана.— В лист. 10 л. Два рисунка.

АВПР, ф. 152, оп. 505, 1863 г., № 99.

5. Описание императорских одежд в Китае. 1862 г. Пекин.— В $\frac{3}{4}$ листа. 22 л. С рис.

Там же, 1862 г., № 8, 97.

Н. Мраморнов, К. Павлинов, А. Попов

1. Извлечения из пекинской газеты, составленные при миссии нашей в Пекине.— В лист. 581 л.

АВПР, ф. 347, I—5, оп. 4, 1861—1863 гг., № 1—5.

Переводы указов и докладов по административной части — К. Павлинова, политической части (тайпины) — Н. Мраморнова, финансовому положению — А. Попова. Начиная с августа 1861 г. по декабрь 1862 г. «Указы и постановления китайского правительства, относящиеся к торговле с рус-

скими, перевод из полного собрания законов Китайской империи в хронологическом порядке с 1693 по 1800 год». Перевод К. Павлинова — л. 501—509 об.

Виктор Матвеевич Успенский

1. Биография Цзян Го-фаня — канцлера Китайской империи и генерал-губернатора провинций Чжэ-цзян, Цзян-си, Ань-хой и Цзян-су, составленная В. Успенским. Пекин, июль 1874 г.— В лист. 20 стр.
АВПР, ф. 152, оп. 505, № 106.
Перевод из китайской газеты.

Николай Андреевич Попов

- Архив ЛО ИВАН, ф. 109, оп. 1.
- 1/1 *. Обрядник шаманского жертвоприношения у маньчжуров — 67 л.
 - 2/2. Общий свод монгольских уголовных законов «Монго фаруны и бит-хэ ухэри томожонь». 1881 г.— 48 л.
Перевод с маньчжурского.
 - 3/3. Сводный перечень и содержание императорских указов периода 8—23 гг. Цзя-цин.— 39 л.
Перевод с маньчжурского.
 - 4/4. Выписки из разных китайских исторических сочинений о Бохое, Ичжоу, Жуньжоу и др.— 41 л.
С примечаниями по тексту, например «Борьба Киданей с Бохаем».
 - 5/5. Русско-маньчжурский словарь. 1880 г.— 239 л.
Маньчжурский текст в русской транскрипции.
 - 6/8. Названия государственных учреждений в Китае. — 10 л.
На китайском и маньчжурском языках.
 - 7/11. Мудрые наставления китайского императора Жинцзунсунгяня [Цзя-цина]. Перевод «Мудрых наставлений... им».— 12 л.
 - 8/15—17. Переводы императорских указов, докладов 21 императору.— 17 л.
О чиновниках и судебных делах.
 - 9/13. Отпуска писем Н. А. Попова Алексею Михайловичу Кумани. 1879—1881 гг.— 52 л.
Данные о дипломатической миссии в Пекине. Этнографический материал, описание памятников. Заметки о поездках в Калган, Монголию и др.

Иннокентий Степанович Андреевский

1. Записка о размерах и технологии изготовления кирпичного чая в Фу-чао в 1872—1874 гг.— В лист. 2 л.
ОР ГБЛ, ф. 286, картон 2, № 2.
2. Записка о тангутах.— В лист. 14 л.
Там же, картон 2, № 3.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

3. Дневник учено-торговой экспедиции 1874—1875 гг. — Разный формат, 8 тетрадей, 398 л.

Там же, картон 2, № 4—12.

4. Ци Хэ-чао. Путевой дневник. (Переезд из Пекина в Или).— В лист. 35 л. Копия.

Там же, картон 3, № 9.

5. Кочевья Чжасака Тушетухановского аймака.— В $1\frac{1}{2}$ листа. 10 л. (20 стр.).

ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 148.

Перевод из «Мэнгуюмуци». Поправки и вставки В. П. Васильева.

Александр Иванович Артемьев

1. Очерк знакомства России с Китаем.— 50 л.

ОР ГПБ, отчет за 1910 г., стр. 49.

2. Письма к нему.

Там же.

В. П. Васильева (№ 44), О. Ковалевского (№ 118), Л. Нагеля (№ 194), Ф. Р. Остен-Сакена (№ 207).

Дмитрий Александрович Клеменц

Архив ЛО ИВАН, ф. 28, оп. 1.

1/259*. Описание костюмов китайцев и монголов.— 2 л.

С зарисовками. Почерк не установлен.

2/44. Послание Далай-ламы к тибетскому народу.— 4 л.

Почерк не установлен.

3/64. О волусских гуннах и хунну.— 36 л. Статья.

4/71. О дикой лошади Пржевальского.— 31 л. Статья.

5/72. Географический очерк Маньчжурии.— Черновик. 136 л.

6/11. Карта Турфанской впадины.— 1 л.

7/121—137. Материалы Турфанской экспедиции.

8/126. Краткий перечень славнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане в разные эпохи существования этой страны. (По материалам экспедиции). 1898 г.— 61 л.

9/127. Исторические сведения о Турфанской земле.— 24 л.

10/128. Исторические сведения о г. Кучэ.— 8 л.

11/129. О постройках в Турфане и Идыкуш-шаре.— 6 л.

По материалам археологических раскопок.

12/130. Описание древних городов и пещер в Турфанской земле, сделанные Д. А. Клеменцем во время путешествия. 1898 г.— Тетрадь. Карандаш. 24 л.

13/131. Культурный оазис и остатки культуры в пустынях Азии— 76 л.

Публичная лекция в пользу окончивших Высшие женские курсы в Петербурге. Лекции, конспект, наброски.

14/139. Отрывок из сообщения о переходе через Гоби.— Черновик. 12 л.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

15/137. Материалы об учреждении Международной Ассоциации для изучения Средней Азии.— 9 л.

16/147. Характеристика деятельности А. М. Позднеева и проспект его «Монголия и монголы».— 2 л.

17/163. О порядках на маньчжурской ж. д.— 2 л.

18/221. Различные фотографии и зарисовки по Турфану.— 70 л.

19/268. Слова вновь назначенного китайского амбана в Лхассе г. Чжана, сказанные представителям Тибета. Перевод.— Почерк не установлен. 5 л.

20. Письма: Д. Д. Васеневу, В. В. Радлову, 1896 г.— 5 л.; Э. Э. Ухтомскому — 3 л.

Архив ЛО ИВАН, ф. 28, оп. 3, № 3, 15, 20.

21. Дело о Турфанской экспедиции Клеменца.— 6 л.

ЛО ААН, ф. 2, оп. 1, 1898 г., № 22.

Павел Андреевич Дмитриевский

Архив ЛО ИВАН, ф. 14, оп. 1*.

1/13**. Знакомство Европы с Азией.— Отдельные листы. 2 л.

2/16. Доклады чиновников. Перевод с китайского.— Отдельные листы. 31 л.

3/17. Собрание сведений о северных границах. Перевод с китайского.— 2 л.

4/18. Чунцы цюаньшу. Перевод с китайского.— 16 л.

5/20. Китайская история.— Отдельные листы. 4 л.

6/21. Нравы древних китайцев по Шицзину.— Отдельные листы. 7 л.

7/22—23. Материалы по истории Китая для сочинения «О степени достоверности китайской древней истории».— Отдельные листы. 26, 35 л.

8/24. Молитва Цзяму. Перевод с китайского.— 1 л.

9/25. Балюзек. Записка о возмущении Тайпиров — 2 л.

10/28. «Гофын — нравы царей». Тексты, переводы, комментарии. Перевод с китайского.— 23 л.

11/26. Тексты в транскрипции и перевод с китайского с комментариями китайских классических книг. Записки, выписки и переводы.— Разный формат. 63 л.

12/30. Заметки по грамматике маньчжурского языка.— 13 л.

13/32. Записки о китайской письменности. Перевод с французского (?).— 9 л.

14/34. Словарь китайских иероглифов, расположенных по алфавиту.— 39 л.

15/42. Материалы по созданию русской концессии в Ханькоу. 1896 г.— 47 л.

Копии писем посланнику А. П. Кассини, даотаю, телеграммы и пр.

16/43. Официальная переписка, копии писем, указы, трактаты, циркуляры.— 219 л.

* Материалы по Японии не приводятся.

** Вторая цифра означает номер дела в фонде.

Копии писем Дмитриевского. Документы по русско-китайским отношениям. Печатные тексты договоров и трактатов с Китаем. Переписка с китайским министерством иностранных дел и др.

17/44. Отчет Начальнику Азиатского департамента за 1885 г. С.-Петербург. 1886 г.—Черновик. 13 л.

18/45. Русско-китайские трактаты. На маньчжурском языке.—Тетрадь. 51 л.

19/46. Вопрос о зейских маньчжурах, оставленных по Айгунскому трактату на левой стороне Амура.—7 л.

20/47. Доклад Цзунлиямыня по поводу назначения посланников в иностранные государства. Перевод с китайского.—Автограф. 1877 г. Черновик. 4 л.

21/51—65. Личные материалы.

Дневники. Часть записей застенографировано (57 л., 1872, 1876 гг.). Диплом об окончании восточного факультета. Записки, списки книг, проспекты книжных магазинов и др. Фотографии А. В. Старчевского и Сюй Цзянь-иня.

22/66. Разные материалы на китайском языке.—157 л.

Банкеты по поводу пребывания наследника в Китае и Ли Хун-чжана (1896 г.); объявления и прокламации антихристианского содержания (3 л.— за 1890 г., 23 л.— за 1889, 1899 гг.); письма китайских чиновников.

23/67. Оттиски с каменных плит (эстампы).—Разный формат. 23 л.

24/69—75. Газетные вырезки и выписки из них. 1880—1895 гг.—318 л.,

11 папок вырезок.

Комментарии приложений к «Приамурским ведомостям», 1895, № 64—104 (160 л.). Китайские газеты и вырезки из «Шэньбао», «Хубао» («Синь-вэньбао») за 1880—1897 гг.—9 папок. Вырезки из английских, французских и японских газет—2 папки.

Письма П. А. Дмитриевского

Архив ЛО ИВАН, ф. 14, оп. 2.

1/3 *. А. М. Кумани, 6 писем, 1887—1890 гг.

2/10. А. Е. Влангали, 2 письма, 1889—1890 гг.

3/14. И. А. Зиновьеву, 2 письма, 1883—1884 гг.

4/15. А. П. Кассини, 2 письма, 1891—1896 гг.

Письма П. А. Дмитриевскому

5/48. В. А. Бодиско, 11 писем, 1881, 1882 гг.

6/52. Э. В. Бретшнейдера, 5 писем, 1881, 1883, 1886 гг.

7/59. Е. К. Бюцова, 16 писем, 1881—1884 гг.

8/61. А. Д. Васенева, 9 писем, 1887—1889 гг.

9/63. А. С. Ваховича, 21 письмо, 1889—1892, 1897—1898 гг.

10/64. К. Вебера, 17 писем, 1881—1884 гг.

11/68. А. Е. Влангали, 1 письмо, 1890 г.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

- 12/74. Н. И. Гомбоева, 18 писем, 1881—1889, 1892, 1896 гг.
 13/78. В. Ф. Троссе, 3 письма, 1896 г.
 14/107. И. И. Захарова, 4 письма, 1878, 1879, 1884 гг.
 15/117. П. Кафарова, 1 письмо, без даты.
 16/119. П. Г. Керберга, 27 писем, 1882—1887, 1890, 1892—1898 гг.
 17/123. Н. Ф. Колесова, 2 письма, 1895—1896 гг.
 18/127. А. Кояндера, 20 писем, 1880—1883 гг.
 19/143. Masgowan, 1 письмо, без даты.
 20/152. З. Матусовского, 2 письма, 1888—1889 гг.
 21/171. И. В. Падерина, 27 писем, 1881—1891 гг.
 22/176. А. М. Позднеева, 8 писем, 1886—1892 гг.
 23/178. Д. Покотилова, 1 письмо, 1895 г.
 24/182. Н. А. Попова, 49 писем, 1881—1898 гг.
 25/183. П. С. Попова, 29 писем, 1880—1897 гг.
 26/190. Д. В. Путяты, 1 письмо, 1887 г.
 27/195. Ю. А. Рединга, 21 письмо, 1879—1892 гг.
 28/218. А. В. Старчевского, 10 писем, 1880—1892 гг.
 29/223. Тидемана, 3 письма, 1896, 1898 гг.
 30/235. Ф. Городецкого, 2 письма, 1881, 1883 гг.
 31/261. Н. Шуйского, 1 письмо, 1884 г.

Павел Степанович Попов

Письма к нему

ОР ГБЛ, ф. 218, Собр. рукописей, картон 273, № 1—28.

1. Н. Адоратского, 1 письмо, 1889 г.
2. И. Басова, 2 письма, 1890 г.
3. Е. К. Бюцова, 3 письма, 1883—1895 гг.
4. В. П. Васильева, 12 писем, 1886—1896 гг.
5. Ф. Городецкого, 1 письмо.
6. Н. И. Гомбоева, 5 писем, 1886—1887 гг.
7. П. А. Дмитриевского, 3 письма, 1887—1889 гг.
8. А. М. Кумани, 5 писем, 1888—1890 гг.
9. Н. Ф. Ладыженского, 1 письмо, 1896 г.
10. Ф. Р. Остен-Сакена, 2 письма, 1889—1897 гг.
11. И. В. Падерина, 11 писем, 1882—1888 гг.
12. А. М. Позднеева, 1 письмо, 1889 г.
13. П. Я. Пясецкого, 1 письмо, 1889 г.
14. А. Д. Старцева, 27 писем, 1885—1897 гг.
15. П. Ф. Унтербергера, 1 письмо, 1889 г.
16. В. М. Успенского, 1 письмо, 1887 г.
17. Я. П. Шинмарева, 6 писем, 1889—1890 гг.
18. Н. М. Ядринцева, 1 письмо, 1883 г.

Почти все письма адресованы в Пекин во время службы П. С. Попова старшим драгоманом в посольстве. Авторы писем сообщали о новостях служебного характера, о делах на восточном факультете, благодарили за

присылку только что изданного словаря Палладия Кафарова, информировали о сборе средств на стипендию им. В. П. Васильева в связи с его юбилеем и др. Особенно интересны письма В. П. Васильева, которые приходятся на последние годы его жизни. В своих письмах В. П. Васильев проявляет неизменную заботу о русском Китаеведении, делится с П. С. Поповым мыслями об изданном словаре Кафарова, о своем юбилее, о семейных делах и т. д.

Письма А. Д. Старцева, который был резидентом в Тяньцзинь, наполнены информацией о последних политических новостях, попытках вооружить китайскую армию русским оружием, о его переговорах по корейским делам, об организации русско-китайского банка, об Э. Э. Ухтомском, Бадмаеве и др.

Письма А. М. Кумани касаются главным образом дипломатических новостей, рассказывают о переговорах с Кореей, о графе А. П. Кассини.

И. В. Падерин сообщает из Кульджи о переговорах по передаче Кульджи китайской администрации. Заменяя П. С. Попова в 1896 г. во время отпуска последнего, информирует его о политических новостях, о переговорах с Ли Хун-чжаном, о сборе денег на подарок В. П. Васильеву.

Я. П. Шишмарев, находившийся в эти годы в Петербурге, пишет об университетских делах, о В. П. Васильеве.

Письмо А. М. Позднеева насыщено фактами, характеризующими положение на восточном факультете, главным образом об А. О. Ивановском, о своих сомнениях в его научной значимости. Несколько строк и о В. П. Васильеве.

Интересным письмом Ядринцев (редактор «Восточного обозрения» к своему корреспонденту Мао Линю — псевдоним П. С. Попова) настаивает на необходимости разоблачать неправильные представления о китайской действительности.

Михаил Семенович Корсаков

Письма к нему

1. Влангали А. Е., 1863 г., 5 писем.— 15 л.; 1864 г., 11 писем.— 39 л.; 1865 г., 6 писем.— 20 л.; 1866 г., 8 писем.— 28 л.; 1868 г., 2 письма.— 4 л.; 1869 г., 2 письма.— 4 л.; 1870 г., 2 письма.— 4 л.

ОР ГБЛ, ф. 137, картон 78, № 1.

Письма главным образом из Пекина. О русско-китайских отношениях, о тайпинском восстании.

2. Баллюзек Л. Ф., 1861 г., 1 письмо.— 2 л.; 1862 г., 9 писем.— 18 л.; 1863 г., 3 письма.— 6 л.; 1864 г., 3 письма.— 7 л.

Там же, картон 70, № 14.

Министр-резидент в Китае. В 1862 г. подписал «Правила сухопутной торговли России с Китаем». О русско-китайских отношениях, о тайпинском восстании.

3. Гошкевича И. А., 1863 г., 1 письмо.— 2 л.; 1864 г., 3 письма.— 6 л.; 1865 г., 1 письмо.— 2 л.

Там же, картон 80, № 18.

Из г. Хакодате. Сведения о внутреннем положении Японии. Личные дела.

4. Шишмарева Я. П., 1863 г., 2 письма.— 4 л.; 1864 г., 2 письма.— 4 л.; 1865 г., 2 письма.— 4 л.; 1870 г., 9 писем.— 16 л.

Там же, ф. 137, картон 127, № 3—4.

Консул в Урге.

5. Боборыкина К. Н., 1850 г., 3 письма.— 7 л.; 1852 г., 2 письма.— 8 л.; 1853 г., 6 писем.— 13 л.; 1854 г., 4 письма.— 10 л.; 1861 г., 1 письмо.— 2 л.; 1862 г., 10 писем.— 36 л.; 1863 г., 11 писем.— 24 л.; 1864 г., 1 письмо.— 2 л.; 1865—1866 гг., 1 письмо.— 2 л.; 1869 г., 1 письмо.— 2 л.; без даты, 3 письма.— 6 л.

Там же.

О русско-китайских отношениях.

Сергей Федорович Ольденбург

Материалы Русско-туркестанской экспедиции. 1914—1915 гг.

ЛО ААН, ф. 208, оп. 1.

1/167—172*. Описание пещер.— Черновики. 6 тетрадей. 834 л.

2/173. Описание пещер Чанфодуна для выяснения хода работ экспедиции.— 44 л.

3/174—175. Описание пещер. Переписано на машинке с поправками академика Ф. И. Щербатского.— 991 л.

4/176. Роспись пещер и статуи Чанфодуна. Краткий обзор о композиции. Характеристики росписи пещер по эпохам. Список акварелей с орнаментов.— 202 л.

5/177. Краткое описание коллекций.— 33 л.

6/178. Иллюстративный материал.

Случайное фото. Здесь же хучжао — охранный лист, выданный китайским правительством С. Ф. Ольденбургу.

7/179—180. Дневники С. Ф. Ольденбурга.— 9 записных книжек. 277 л.

8/181. Путевой дневник Б. Ф. Ромберга.

9/182. Разрозненные части отчетов.— 2 л.

Незаконченные записки об экспедиции.

10/183. Путевой дневник участника экспедиции в Дуньхуан художника С. М. Дудина.— 47 л.

11/184. Фотографии участников экспедиции Д. А. Смирнова, С. М. Дудина, Б. Ф. Ромберга.— 2 снимка.

12/185. Библиографический материал.— В коробке. 2451 карточка.

13/186. Иконографический материал.— 49 л.

14/187. Уйгурские документы.— Рукописи старотурецкой письменности.

15/188. Записка о целях, планах и итогах экспедиции.— Переписка. 70 л.

16/189—192. Материалы по организационно-хозяйственным вопросам Бухгалтерские книги. Финансирование. Деловая переписка.

17/193. Экспедиционные дневники С. Ф. Ольденбурга и участников.— 15 книжек. 533 л.

* Здесь и далее вторая цифра означает номер дела в фонде.

18/195. Бытово-этнографические и лингвистические записи о каракалмыках.

19/196. Описание путешествий от Бухтармы до Мазара.

20/106. Дневник по Туркестанской экспедиции Н. Смирнова. Описание пути от Чугучака до Аньси-чжоу. С зарисовками — 35 л. На машинке.

Неизвестные авторы

1. История о Дайгань царстве, или о царствовании мунгал, как завоевали Китайское царство и прочие окрестные княжества и каким образом его утратили.— В лист. 6 тетрадей. 515 л.

ЦГАДА, ф. 181, № 421.

Перевод с издания 1646 г. Конца нет, кончается 1286 г.

2. Записки путешествия послов, в последние края света посланных (1714—1716) — путевые записки.— В лист. 236 стр.

ОР ГБЛ, № 9554.

Первая четверть XIX в. (бумага 1813 г.). Путешествие китайского посланника Тулишена к Аюке-хану. Краткие разговоры на маньчжурском и китайском языках с российским переводом. Список с перевода А. Леонтьева.

3. Известия о королевстве Тибетском, собранные большою частью от монголов, живущих в окружностях Селенгинска*.— В сборнике. В 1/2 листа. 21 л.

ОР ГПБ, XVII.301, л. 70—90.

Приблизительно половина XVIII в.

4. Картина мирских суетных удовольствий. 1804 г.— В лист. 89 л. Переплет — кожа.

Архив ЛО ИВАН, разр. 1, оп. 1, № 40.

В начале: «Изъяснение о кожаном мешке старого пустынного». В конце: несколько маньчжурских слов.

5. Китайско-русский словарь синонимических эпитетов. Ч. I и II.— 2 тетради. 149, 293 л.

Там же, ф. 20, оп. 1, № 5—6.

6. Материалы для китайско-русского словаря синонимических эпитетов — 768 карточек, 27 л.

Там же, № 7—8.

7. Краткое известие о власти, разуме и священослужении и жертвах: их же приносит небу Хинский император Камхи: почитание Кумфуцью и мертвых родителей изъяснено и утверждено указом его же в лето господне 1700. Приданы начальных людей первых во власти по царе такожде и во учении и из древнего Хинского писания свидетельства. Дело отчетв езуитов в Хинском начальном городе Пекине. Ради умножения святые евангельские проповеди нуждающихся.— В 1/2 листа. 91 л.

* Оpubл. П. Палласом: «Месяцеслов». 1782 (см. «Собрание сочинений из месяцесловов», ч. 5, 1970, стр. 119—145).

ОР ГБЛ, ф. 299, № 81.

«В Пекине писахомся в лето 1714». Написана славянским шрифтом. Заглавие, название параграфов и буквы в середине — красным цветом. На нечетных листах оттиснуто: «Семена Безбородко». Обращение к Канси иезуитов. Далее описание Пекина, о числе народа и дани, о царях, как проникли татары в Китай, о Канси, о верах, о мудрости и искусствах, о нравочении, о Хинейцах и т. д.

В ОР БАН хранится другой список этой рукописи (17.8.34) — 127 л. (л. 85—87 об. пустые).

8. О звездном небе, о глобусах и городских часах, сочинение Со Линою при Сунской династии, годы правления Цин-ли (1040—1048).

ОР ГБЛ, ф. 279, № 629.

Рукопись XVIII в.

9. О чаях и о торговле ими. 1820 г.— В лист. 22 л.

ОР ГПБ, Б-ка АНЛ, А. 26.

Записка о составе фуз (китайских торговых домов), торговавших в Кяхте. После некоторых абзацев приписки карандашом Н. Я. Бичурина: «ложно».

10. Описание войны против неверных в китайском государстве. Сочинение Муллы Беляля сына Муллы Юсуфа. Перевод с таранчинского наречия.— В лист. 25 л. (50 стр.).

Архив ЛО ИВАН, разр. 1, оп. 1, № 9.

11. Описание бывшего в Китае бунта *.— В лист. 27 л. (54 стр.). Бумага 1813 г. Почерк — писарский.

ОР ГБЛ, ф. 256, № 496.

12. Понятие о боге в священных книгах китайцев.— В 1/2 листа. 16 стр.

ОР ГБЛ, ф. 231, разр. III, № 28.

13. Сань-го-джи. История о трех государствах.— Почерк — писарский. В лист. 128 л.

Архив ЛО ИВАН, разр. 1, оп. 1, № 2.

Перевод из книги Цин Ши-гуна.

14. Сань хэ кой ло. Устные наставления.— Тетрадь. 32 л.

ЦГА ТатАССР, ф. 10, № 849.

Перевод поучений лам.

15. Святейшему государю правителя империи в системе Государственного правления. Усерднейший доклад.— 7 л. 1825 г.

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, № 4564а.

Подпись: «Правитель империи Кунфуцзы». Перевод с китайского.

16. Таблица хронологическая китайской монархии прежде Рождества Христова и тождества по циклам или периодам 60-тилетним.— В лист. 78 л. (147 стр.).

ЛО ААН, ф. 775, оп. 1, № 133.

Краткое перечисление событий в каждом царствовании. Конца нет.

* Опубл.: «Дух журналов», 1819, ч. 34, № 10, стр. 87—114.

17. Тетрадь четвертая. Толкование философа Чжу-си, Ли Лоу. Часть первая, содержащая 28 иероглифов.— В лист. 23 л. Почерк — писарский Архив ЛО ИВАН [номера фонда и дела не установлены. — *Прим. ред.*].

18. Указы Юн-Джена. 29 мая 1817 г. Перевод с китайского.— В лист. 229 стр. Переплет — кожа.

АВПР, ф. 152, оп. 505, № 41.

293 указа. Предположительно перевод Н. Я. Бичурина.

19. Этимология на китайском языке.— В $\frac{1}{2}$ листа. 48 л. Бумага — китайская.

ОР ГБЛ, М 3643.

Русская этимология с подстрочным переводом на китайском языке.

СОКРАЩЕНИЯ

- АВПР — Архив внешней политики России (Москва)
 Архив ЛО ИВАН — Архив Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР
 Архив ЛО ИИАН — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР
 Б-ка вост. фак. ЛГУ — Библиотека восточного факультета Ленинградского государственного университета
 Б-ка КГУ — Библиотека Казанского государственного университета
 ГДУ — Государственный дальневосточный университет
 ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества»
 ЗИРГО — «Записки имп. Русского географического общества по общей географии»
 ИИРГО — «Известия имп. Русского географического общества»
 ИИРАО — «Известия имп. Русского археологического общества»
 ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР
 ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук СССР (Ленинград)
 ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва)
 ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея (Москва)
 ОР ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
 ОР ЛО ИВАН — Отдел рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР
 ОРК ГПБ — Отдел редкой книги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (Москва)
 ОРО — Общество русских ориенталистов
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
 ЦГА ТатАССР — Центральный государственный архив Татарской АССР (Казань)
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. С., автор 340
- Аа ван дер Питер, датский публикатор 295
- Абдурахим, автор 404
- Абель Карл (Abel Carl), д-р 327
- Аблаи-тайши, ойратский тайджи, хошоут 19, 20, 22
- Абланкур, картограф 246
- Аблин Сейткул, тобольский бухарец 20, 21, 294, 296, 297, 442
- Абрамов Василий Кириллович, студент 10-й Рос. дух. мис. 129, 138, 360
- Абу-Каримов (Абдель-Каримов, Абдекаримов) Исмаил, преп. кит. яз. Казанск. и Петербургск. ун-тов 198, 204, 206, 216, 240, 382
- Аввакум — см. Честной Аввакум
- Авенариус Георгий Георгиевич, выпускник вост. ф-та Петербургск. ун-та 236, 384
- Авриль Филипп (Avril F.), иезуит, миссионер в Китае 26, 246, 293, 298
- Автономов Николай Павлович чл. Харбинского отделения ОРО 347
- Агафонов Алексей, переводчик Коллегии ин. дел 76—78, 85, 308, 359, 376, 401
- Адамс, Михаил Фридрих (Михаил Иванович), акад., зоолог 89
- Адоратский (Николай), иеромонах, историограф Рос. дух. мис. 84, 91, 93, 96, 113, 177, 293, 301—303, 305, 306, 308, 309, 311, 312, 316, 317, 319, 321, 454
- Адрианова-Перетц Варвара Павловна, чл-кор. АН СССР, историк древнерус. литературы 293
- Айвазовский Иван Константинович, художник 167
- Александр I, император 126, 128, 310, 386
- Александров Вадим Александрович, сов. историк 293
- Александров Д., автор 316
- Александров Павел Феликсович, востоковед 338, 449
- Алексеев Василий Михайлович, акад. китаевед 4, 135, 136, 218, 230, 235, 245, 260, 263, 264, 266—269, 271, 272, 277, 283, 284, 286—291, 321, 338, 340, 341, 344—349, 356, 357, 384, 446, 447
- Алексеев Михаил, приемный отец акад. В. М. Алексеева 266
- Алексеев Михаил Павлович, акад., литературовед 293, 298, 299, 306, 315, 316
- Алексей, старшина, рус. роты албазинцев 93
- Алексей Михайлович, царь 293, 297, 402
- Алтын-хан Бадма (Омбо) Эрденихунтайджи, второй из Алтын-ханов Сев.-Зап. Монголии (конец 20-х г. XVII в. — 1657 г.) 19, 294
- Алтын-хан Лубсан-хунтайджи, третий и последний из Алтын-ханов Сев.-Зап. Монголии (1657—1696) 294, 297
- Алтын-хан Шолой Убаши-хунтайджи, основатель феодальн. гос-ва в Сев.-Зап. Монголии (1567—конец 20-х г. XVII в.) 16—18, 22, 294
- Амвросий (в миру Андрей Антипович Орнатский), пензенский и саранский епископ 439
- Амвросий (Подобедов), казанский епископ (1785—1790), позднее новгородский и петербургск. митрополит 90, 310
- Амвросий см. Юматов Амвросий
- Амгерст, лорд, англ. посол в Цинской империи 93, 99
- Амио (Амиот), синолог 145, 402, 403, 438
- Амухулан, президент Лифаньюаня 402
- Андреев Александр Игнатьевич, сов. историк 26, 27, 50, 298, 299
- Андрей, ученик, албазинец 436
- Андреевич Владимир Калистратович, нач. штаба войск Забайкальской обл., ген.-майор, историк 299, 300

- Андриевский Инокентий Степанович, китаевед 236, 388, 450
 Андронов, выпускник Кяхтинской школы переводчиков 114, 316
 Аникеев А., десятник 22
 Анна Иоанновна, императрица 35, 36
 Антипов Михаил, ученик новгородской дух. семинарии 70, 71,
 Антоний см. Платковский Антоний
 Аньда, монг. князек 294
 Аполос (Апполос), архимандрит 91, 308
 Арабджур, родственник калмыцкого хана Аюки 34
 Аркадий, иеромонах 311, 360
 Арле Д., фр. востоковед 145
 Арсеньев Владимир Клавдиевич, путешественник и писатель 343
 Арсеньев Константин Иванович, географ, статистик 117
 Арсеньев Юрий Васильевич, историк 26, 297, 298
 Артемьев Александр Иванович, китаевед 200, 334, 388, 451
 Аршинский Данила Данилович, нерчинский воевода 23
 Асанов, ученик Кульджинской школы переводчиков 244
 Аскалиев Д. С., нежинский купец в Иркутске 415
 Асламов Степан, ученик Кяхтинской школы переводчиков 113
 Аурих Урсула (Aurich U.), автор 306
 Афанасьев Иосиф, причетник 358
 Афанасьев Степан Васильевич, офицер, выпускник Вост. ин-та, рос. консул в Цицикаре 257
 Аюка-хан Мончак (Мончаков), правитель Калмыцкого ханства 33—35, 51, 74, 304, 394, 457

 Бабингер Франц (Babinger Franz), нем. ученый 304
 Бабков Иван Федорович, генерал, нач. штаба войск Зап. Сибири 163, 219, 326, 327, 338
 Бадмаев Петр Александрович, врач-бурят 455
 Базилевич Константин Васильевич, сов. историк 26, 298, 299
 Базилевский Стефан Иванович, врач 13-й Рос. дух. мис., китаевед 155, 162, 166, 187, 326, 361, 388, 433
 Байер Готлиб Зигфрид (в нем. литературе — Теофил Зигфрид Байер), проф., историк и филолог 33, 36, 52, 54, 189, 304, 305, 388
 Байков Федор Исакович, рус. посол в Китае 14, 19—21, 25, 27, 246, 293, 296, 438, 440, 442
 Бакмейстер Иоганн Фолльрат (Иван Григорьевич), библиограф, библиотекарь АН 32, 133, 300, 308
 Бакунин Василий, секретарь, сопровождавший цинских послов 366
 Бакшеев Федор, переводчик Коллегии ин. дел 76—78, 82, 188, 359, 388, 398, 401
 Баллюзек Лев Федорович, полковник, резидент рос. дип. мис. в Пекине 427, 452, 455
 Банников Андрей Григорьевич, сов. биолог, географ 18, 21, 295, 296
 Бантай, участник цинского посольства в Россию 35
 Бантыш-Каменский Николай Николаевич, управляющий архивом Коллегии ин. дел 37, 294, 297—303, 305, 306, 308, 309
 Бань Це, древнекит. медик 433
 Бао Чжу, цинский посланник к джунгарскому князю Галдану 409
 Барадийн Бадзар Барадиевич, монголовец, преп. Петербургск. ун-та 265, 275
 Баранов Ипполит Гаврилович, преп. кит. яз. в рус. школах Харбина 257, 259, 280
 Барклай де Толли Михаил Богданович, полководец 386
 Барон Брамбеус см. Сенковский О. И.
 Барроу Джордж, англ. путешественник, агент Британского библейского об-ва 133, 247, 321, 376, 405
 Барсуков Николай Платонович, историк 315, 335
 Бартелеми С. X. (Barthelemy St. Hilaire), автор 336
 Бартольд Василий Владимирович, акад. 3, 4, 8, 9, 190, 192, 204, 212, 221, 245, 272, 274, 275, 283, 290, 292, 293, 305, 312, 313, 319, 329, 332, 334, 337, 338, 346
 Барышников Герасим, ученик Рос. дух. мис. 303
 Басин Петр Васильевич, проф. Академии художеств 167
 Баснин Василий Николаевич, иркутский купец, собиратель-коллекционер 310, 426
 Басов И. 454
 Бату, «князь» 409
 Бауэр Отто, автор 270
 Бахирев, казачий сын, переводчик кит. яз. 243
 Безбородко Александр Андреевич, гос. деятель, дипломат 397
 Безбородко Семен 458

- Безрядов Спиридон, переводчик монг. яз. 23, 29
- Белинский Виссарион Григорьевич 116, 121, 122, 317, 319, 322
- Белкин Давид Исаакович, сов. автор 315
- Белл Джон, англ. врач, путешественник, участник посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю 31, 246, 300
- Беллю, автор 438
- Белокуров Сергей Алексеевич, чл.-кор. АН 293, 297
- Белфур (Belfour), ориенталист 343
- Бельский Кирилл, причетник 359
- Бельченко Андрей Терентьевич, рос. консул в Инкоу 272, 278, 343
- Беляль, мулла 458
- Бенфей (Benfey), автор 336
- Бенцель Эрик 54
- Березин Илья Николаевич, проф. Петербургск. ун-та, востоковед 170, 208, 209, 327, 336, 383
- Березовский М. М., зоолог, путешественник 275, 346
- Бержерон Пьер фр. публикатор 295
- Берков Павел Наумович, чл.-кор. АН СССР, историк литературы 72, 307
- Бернер Карл, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 204, 206
- Бернштам Александр Натанович, сов. археолог 120, 316, 318, 319
- Бестужев Николай Александрович, декабрист, художник 109
- Би, «хан» 412
- Бинкенберг В. С., художник 276
- Бю Ж. Б., фр. синолог 162, 163, 247, 436, 439, 442
- ал-Бируни, хорезмский средневековый ученый 249
- Биршерт П. А. 347
- Бичурин (Пичуринский) Никита Яковлевич (в монашестве Иакинф, Иокиф, Гиацинт), нач. 9-й Рос. дух. мис., чл.-кор. АН 5, 9, 42, 46, 81, 84, 85, 90—123, 126, 130, 134, 135, 137, 139—145, 150, 152, 153, 155, 159, 170, 177, 182—184, 191, 194—196, 208—210, 213, 221, 230, 246, 247, 286, 287, 292, 310—321, 325, 331, 333, 335, 336, 356, 357, 360, 362, 378, 379, 388, 404, 408—414, 416, 420—422, 428, 433, 458, 459
- Блудов Дмитрий Николаевич, гос. деятель, президент АН 427
- Бо Юнь, цинский министр 420
- Боборыкин К. Н., корр. М. С. Корсакова 456
- Бобровников Лаврентий, иеромонах 358
- Бобровников Кузьма, причетник 368
- Богданов Ф., студент вост. ф-та Петербургского ун-та 272
- Боголепов Алексей, иеромонах 359
- Богородский Василий Трофимович, причетник, ученик 8-й Рос. дух. мис. 83, 309, 359, 388, 407, 408
- Богоявленский Н. В., консульский работник в Китае 236, 278, 343
- Богушевский Ю., автор 336
- Бодиско В. А., кор. П. А. Дмитриевского 453
- Боднарский 330
- Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович, чл.-кор. АН, филолог 265
- Боков Григорий, глава рус. торгового каравана 29
- Болезлавский (Boleslawski), ориенталист 343
- Болобан Андрей Павлович, чл. Харбинского отделения ОРО 281
- Большаков С. Ф., консульский переводчик в Ханькоу 245
- Борисов Илья Иванович, ученик Чжоу Гэ 56
- Бородин Иван Парфеньевич, акад., ботаник 323, 324
- Боянь, монг. полководец 15
- Брамбеус, барон см. Сенковский О. И.
- Бранд Адам, датчанин, участник посольства Избранта Идеса в Китай 29, 30, 246, 299
- Бранд Иоганн Фридрих (Федор Федорович), акад. 174, 416
- Брандт Яков Яковлевич, зав. русско-кит. школами в Китае 236, 343
- Братищев Василий Федорович, советник канцелярии, посланец в Пекин, рус. резидент в Персии (1745—1746) 306, 370, 394
- Браудо Александр Исаевич, библиограф 298
- Бретшнейдер Эмилий Васильевич, врач рос. посольства в Пекине, ботаник, путешественник, китаевед 171, 177, 179—181, 184, 187, 247, 293, 299, 328, 330, 331, 378, 388, 437, 453
- Брокгауз Фридрих Арнольд, основатель издательск. фирмы в Лейпциге 303, 407
- Броссе Марий Иванович, акад., востоковед 115, 118, 199, 317, 318, 326
- Бруни Федор Антонович, проф. Академии художеств 167
- Бруннерт И. С., китаевед 174, 328
- Брюс Яков Вилимович, гос. деятель, ученый 66
- Будберг Андрей Эбергард (Андрей

- Яковлевич), барон, министр ин. дел России (1806—1807) 310
- Бужинский, переводчик с латин. яз. 309
- Буксгевден А. О., барон, лейтенант рус. флота, автор работы по истории рус.-кит. отношений в сер. XIX в. 327
- Булич Сергей Константинович, проф., филолог 9, 52, 292, 302, 304, 396
- Бунге Александр Андреевич, поч. чл. АН, проф. Казанск. и Дерптск. ун-тов, ботаник 141, 148, 322, 323, 360
- Бурдуковский В. 342
- Буссе Иоганн Генрих (Иван Фомич), адъюнкт, впоследствии поч. чл. АН, историк 321
- Бутлеров, проф. Петербургск. ун-та 379
- Бухарт см. Пухарт Иван
- Буциева С. М., сов. автор 333
- Буцинский П. Н., автор 294
- Бушелл С. В., синолог 180, 247
- Быков Иван, ученик 2-й и 3-й Рос. дух. мис. 40, 61, 63, 64, 303, 306, 358, 366, 368, 388, 395
- Быков [Владимир Васильевич], художник 148
- Бэддли Дж. Ф. (J. F. Baddeley), англ. историк 21, 26, 297
- Бэрбулеску Корнелий, румын. ученый 26
- Бюрнуф Эжен, фр. буддолог 336
- Бюцов Евгений Карлович, рус. посол в Китае, Иране, Швеции, Греции и Японии 453, 454
- Бюшинг Антон Фридрих, нем. географ 52
- Вавила, иеромонах 359
- Вагин В. И., историк 310, 320, 330
- Валиханов Чокан Чингисович, казах. просветитель, историк, этнограф 441
- Валуев Федор, геодезист, участник посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю 31
- Вальская Блюма Абрамовна, сов. автор 325, 332
- Ван Ань-ши, кит. средневековый гос. деятель, реформатор, ученый 214, 265, 441
- Ван Бо, кит. писатель танской эпохи 267
- Ван Ин-чжи, цинский министр 420
- Ван Кэ-мин, древнекит. медик 433
- Ван Лин, цинский министр 420
- Ван Ман, кит. гос. деятель 418
- Ван Хуай-ин, древнекит. медик 433
- Ваньли (Тайбун), девиз правления (1573—1620) минского императора Чжу И-цзюня (храмовое имя Шэньцзун) 17, 294
- Варлаам, иеромонах 359
- Васенев А. Д. (Д. Д.), кор. П. А. Дмитриевского и адресат Д. А. Клеменца 452, 453
- Васильев Артемий, крещеный китаец 70, 71, 307
- Васильев Борис Александрович, сов. китаевед 209
- Васильев В. Н., ген.-майор, зав. азиатской частью главн. штаба 274
- Васильев Василий Павлович, акад., китаевед 5, 9, 12, 104, 130, 132, 137, 140, 143, 149—152, 163—165, 170, 172, 173, 178, 187, 189, 198, 200, 204—214, 216—232, 234—238, 241—245, 247, 249—251, 259, 260, 262, 267, 269, 271, 280, 286, 288—290, 292, 320, 321, 324, 329, 333, 334, 335—340, 342, 348, 360, 362, 379—384, 387, 388, 396, 428, 438—440, 442, 445, 446, 451, 454, 455
- Васильев Лука, томский сын боярский 18
- Васильев М., березовский пятидесятник 22
- Васильев Ф. Т., собиратель-коллекционер 25
- Васумитра, буддийский философ 443
- Вахович Александр-Августин Стефанович, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 236, 383, 453
- Вебер Георг, нем. историк 232, 340
- Вебер Карл Иванович (Юльевич?), китаевед 45, 303, 453
- Вебер Х. Ф., ганноверский резидент при рус. дворе 32
- Вейдемюллер К. Л., обозреватель органа легальных марксистов «Современный мир» 270
- Вэй-юань см. Вэй-юань
- Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович, акад., историк 248
- Венгеров Семен Афанасьевич, проф. Петербургск. ун-та, литературовед, библиограф 335
- Венелин Юрий Иванович (Юрий Хуца), литератор, историк, славяновед 107, 117
- Вениамин, иркутский епископ 370
- Вениамин см. Морачевич Вениамин
- Венюков Михаил Иванович, географ, путешественник 161, 387
- Венюков Никифор Данилович, подьячий Посольского приказа 23, 27, 246, 298
- Веревкин Иван Николаевич, преп. кит. яз. рус. школ в Харбине 257

- Верещагина З. А., автор 327
- Вершинин Емельян, тарский конный казак 18, 19, 296
- Веселовский Николай Иванович, чл.-кор. АН, востоковед 9, 52, 84, 185, 250, 265, 272—274, 283, 301, 302, 304, 305, 325, 332—334, 343
- Вильямс С. В. (Williams S. W.), синолог 321, 439
- Виннус Андрей Андреевич, думный дяк, переводчик, дипломат 37, 302
- Виноградов Николай Павлович, сов. китаевед 345
- Вирст (Würst), синолог 313, 414
- Витсен (Витзен) Николас Корнелисон, нидерландский ученый, гос. деятель 27, 246, 295, 299
- Вишневский Викентий Карлович, акад., востоковед 128
- Владимирцов Борис Яковлевич, акад., монголовед 4, 177, 272, 329
- Владиславич-Рагузинский (граф Ильирийский) Савва Лукич, гос. деятель, дипломат, рус. посол в Цинской империи 32, 35, 38—40, 298, 299, 301, 366, 397
- Владыкин Алексей Матвеевич, прапорщик, переводчик Якутского полка, директор рус. торгового каравана 40, 42, 61, 63, 65, 181, 303, 305, 306, 308, 358, 366, 368, 369, 388, 395
- Владыкин Антон Григорьевич, переводчик Коллегии ин. дел 79—83, 95, 111, 188, 308, 359, 376, 377, 386, 388, 398—401
- Владыкин Еремей, подпоручик, геодезист, директор рус. торгового каравана 50, 304, 369
- Владыкина (по второму мужу Зимайлова), вдова А. Г. Владыкина 386
- Влангали Александр Георгиевич (Егорович), рус. посланник в Пекине 453, 455
- Воейков Лука, ученик 1, 2 и 4-й Рос. дух. мис. 38, 40, 42, 302, 358, 365, 369
- Вознесенский Николай Иванович, причетник, затем студент 10-й Рос. дух. мис. и Петербургск. ун-та, китаевед 129, 130, 138, 360, 388, 406, 421, 447
- Войеховский Осип Павлович, врач 10-й Рос. дух. мис., зав. кафедрой кит. яз. в Казанск. ун-те 119, 129, 145, 146, 195—198, 200, 211, 223, 333, 334, 360, 372, 377, 380, 388, 419
- Волков Сергей, китаевед 84
- Волков Яков, ученик школы И. К. Россохина при АН 44—46, 388, 393, 395
- Волкова Майя Петровна, сов. маньчжуровед 292, 303
- Волконская (р. Белосельская-Белозерская) Зинаида Александровна, княгиня, хозяйка литературного салона 98
- Вольтер Франсуа Мари Аруз, фр. философ и писатель, поч. чл. Петербургск. АН 394, 396
- Воробьева-Десятовская Маргарита Иосифовна, сов. востоковед 292
- Воронцов Александр Романович, дипломат, гос. канцлер (1802—1804) 309
- Воронцов Михаил Илларионович, гос. деятель, «великий канцлер» (1758—1763) 69, 307
- Врублевский Иоиль, иеромонах 359
- Вэд Т. Ф. (Wade Th. Fr.), синолог 218, 247, 261, 262, 338, 344
- Вэй Чжан арендатор 160
- Вэй-юань (Вей-юань) кит. историк 213, 449
- Габеев Александр И., драгоман на КВЖД 244, 342
- Гавриил, новгородский митрополит 370
- Гагарин Матвей Петрович, сибирский ген.-губ. 365, 370
- Гагельстром В. В., китаевед 174, 328
- Гаевский П. И., директор Департ. народн. просвещения 203
- Галанин Иван Дмитриевич, библиограф 116
- Галдан (Галдань) Бошокту-хан, джунгарский князь 124, 130, 403, 409, 410
- Галич Александр Иванович, проф., историк, философ 404
- Гальперин Александр Львович, сов. востоковед 9, 292
- Гамель Иосиф Христианович, акад., д-р медицины 294
- Гантимур, эвенкийский князек 22, 23, 25
- Гао Инь-ци, преп. кит. яз. в Кульджинской школе переводчиков и Петербургск. ун-те 240
- Гари, англ. хирург, участник научн. экспедиции при посольстве Ю. А. Головкина 89, 302
- Гарвин Томас (Гарфин Т., Корфин Т.), англ. врач, хирург петербургск. больницы, участник поездки Л. Лага в Китай в 1715 г. 30, 302
- Гарфин Томас см. Гарвин Т.
- Гасс, петербургск. гравер 103
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих, нем. философ-идеалист 232

- Гедде, синолог 414
 Гейнс А. К., автор 228
 Гельм Густав, аптекарь при посольстве Ю. А. Головкина 89
 Георгиевский Сергей Михайлович, проф. Петербургск. ун-та, китаевед 231—234, 236, 288, 340, 341, 383, 384
 Герварт, учитель академической гимназии 45
 Гердер Иогани Готфрид, нем. философ, писатель, историк 193
 Гертрих Христиан (Hertrich Christian), синолог 300
 Герцен Александр Иванович 201
 Гиацинт (Hiacinth) см. Бичурин Н. Я.
 Гиппиус А. И., член Об-ва востоковедения 279
 Гиргас Владимир Федорович, проф., арабист 248
 Гирс Николай Карлович, поч. чл. АН, министр ин. дел России 243
 Гладкий Павел Макарович, чл. Харбинского отделения ОРО 281
 Глазунов Иван Иванович, участник (секретарь) посольств Л. В. Измайлова и С. Л. Владиславича-Рагузинского в Цинскую империю 31, 35
 Глаук, проф. АН 70
 Глац Карл Густав, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 272, 346
 Гнучева Вера Федоровна, сов. историк-архивист 310, 320, 340
 Го Шао-тан, кит. ученый 345
 Го Юя, древнекит. медик 433
 Гобиль Антуан, фр. иезуит, миссионер, чл. Петербургск. АН 51, 76, 246, 304, 307, 438
 Гобсон, синолог 439
 Гodefруа Людовик, переводчик с нем. на фр. и латин. яз. 295
 Годунов Петр Иванович, тобольский воевода 21, 22
 Голицын Александр Николаевич, министр дух. дел и народн. просвещения (1816—1824) 128, 311, 320
 Головин Петр Петрович, якутский воевода 22
 Головин Федор Алексеевич, окольный, полковой воевода, посол при заключении Нерчинского договора с Цинской империей 63, 396
 Головкин Юрий Александрович, граф, глава рус. посольства в Цинскую империю 82, 89—91, 310, 311, 371, 376, 402, 407, 436
 Головин Александр Васильевич, министр народн. просвещения (1861—1870), сын путешественника В. М. Головкина 211
 Голяховский П. Ф., директор кяхтинской таможни 415
 Гомбоев Н. И., студент Петербургск. ун-та 236, 454
 Гонза (Демьян Поморцев), японец, первый преп. япон. яз. в России 61
 Горбачева Зоя Ивановна, сов. историк-востоковед 13, 120, 212, 213, 300, 318, 319, 337, 339
 Городецкий Флавиан, кор. П. С. Полова и П. А. Дмитриевского 454
 Горский Владимир Васильевич, студент 12-й Рос. дух. мнс. 140, 149—153, 156, 157, 171, 324, 336, 360, 388, 425
 Горчаков Александр Михайлович, князь, министр ин. дел. (1856—1882) 427
 Горяинов С., студент Вост. ин-та 256
 Гошкевич Иосиф Антонович, переводчик Азиатского департ. МИД 149, 151, 154, 156, 164, 170, 218, 360, 377, 455
 Гребенщиков Александр Васильевич, проф. Вост. ин-та 254, 255, 256, 259, 280, 281, 284, 343, 344, 385
 Гребешков Иван, причетник 359
 Греков Борис Дмитриевич, акад., историк 293
 Гресс Петр де, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 204
 Греч Николай Иванович, чл.-кор. журналист, писатель 126, 314
 Гречанин Константин И., грек, участник посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю 23
 Грибовский Софроний, архимандрит, нач. 8-й Рос. дух. мнс. 83—85, 129, 130, 309, 359, 370
 Григорович, конференц-секретарь Академии художеств 154
 Григорцевич Станислав Силивестрович, сов. историк 344
 Григорьев Василий Васильевич, нач. Главн. управления по делам печати, чл.-кор. АН 9, 105, 117, 121, 248—250, 292, 318, 338
 Григорьев Григорий Моисеевич, сов. китаевед 336
 Григорьев П. Г., сов. ученый 319
 Гришина Анна Михайловна, сов. библиограф 6, 353, 354
 Грозье Ж. Б. (Jean-Baptiste Groslier), иезуит, синолог 93, 121, 182, 311
 Громов Евграф, студент 9-й Рос. дух. мнс. 91, 92, 360
 Гроссе В. Ф., рос. вице-консул в Чифу 278, 343

- Грот, неустановленное лицо, упоминаемое в дневнике К. А. Скачкова за 1862 г. 427
- Грубе Вильгельм, китаист 343
- Грюнведель Альберт, руководитель нем. археол. экспедиции в Зап. Китае, чл.-кор. Петербургск. АН 277, 278, 448
- Гу Цзю-шэн, цинский министр 420
- Гуй Жун, чиновник кит. посольства в России, преп. кит. яз. в Петербургск. ун-те 240, 241
- Гумилев Лев Николаевич, сов. историк, востоковед 319, 410
- Гун (И Синь), цинский сановник 169
- Гурий — см. Карпов Гурий
- Гюк (Нис) Эварист Режи, фр. миссионер в Китае (1839—1852), путешественник 162, 247
- Давыдова Марианна Борисовна, сов. историк-архивист 6
- Даджен Джон (J. Dudgeon), англ. историк, публикатор дневника Л. Ланга 300, 303
- Дамаскин, преп. дух. академии и семинарии в Троицко-Сергиевской лавре 308
- Дамес Степан, золотых и серебряных дел мастер 367
- Даниил, крещеный китаец 93
- Даниил см. Сивиллов Д.
- Даниленко Федор Федотович, чл. Харбинского отделения ОРО 280
- Данилов Алексей, причетник 359
- Даогуан, цинский император 331, 418
- Даллер Ольферт, голланд. врач и географ, собиратель описаний путешествий 24
- Дараната, историк буддизма в Индии 208
- Даревская Елена Марковна, сов. востоковед 245, 342
- Дашнович А. С., сов. автор 306
- Даши-хунтайджи, халхасский феодал 22
- Дегинь (Дегин), фр. синолог 100, 124, 313, 320, 334
- Делин, астроном, преп. Ришельевского лицея (возможно Дёллен Вассилий Карлович, чл.-кор. АН) 157
- Дельвиг Антон Антонович, поэт, журналист 108
- Делянов Иван Давыдович, министр народн. просвещения, поч. чл. АН 337
- Демезон Петр Иванович, чиновник Азиатского департ. МИД 202, 203
- Демидов Павел Николаевич, владелец сиб. чугуноплавильных заводов, учредитель ежегодных Демидовских премий в АН (с 1832 г.) 317
- Демидова Наталия Федоровна, сов. историк 6, 19, 21, 293, 295—297
- Денеска Александр, ученик школы переводчиков при Коллегии ин. дел 80
- Денике Б., нем. автор 347
- Денисов Леонид Николаевич, информатор П. Е. Скачкова 341
- Депей (Де Пей), кит. вельможа 307, 308
- Десин, участник цинского посольства в Россию 35
- Десница И. И., староста студ. кружка ориенталистов при вост. ф-те Петербургск. ун-та 272
- Джайльс, востоковед 136
- Джан-гэ-лао см. Чжан
- Джан Дэ-хой см. Чжан Дэ-хой
- Джангер, предводитель восстания в Синьцзяне 421
- Джеу-хин-цый, кит. ученый 393
- Джога см. Чжоу Гэ
- Джоу Гэ см. Чжоу Гэ
- Дзон-Кавоя (Цзонкава), тибетский реформист буддизма 249, 443
- Дзяцзинь см. Цзяцин, цинский император
- Ди, «хан» 412
- Дяба, тибетский князь 124, 130, 403, 409
- Дигаров З., автор 325
- Димитриев В. Д., сов. автор 310
- Дитрих В., студент Казанск. ун-та 380
- Дмитриев Константин Иванович, выпускник Вост. ин-та, служащий Рус.-Кит. банка в Шанхае 256
- Дмитриевский Павел Андреевич, китаевед 225, 228, 236, 340, 341, 388, 452—454
- Добель Петр Васильевич, рос. ген. консул на Филиппинских о-вах 318
- Добровидов Николай Николаевич, преп. частных курсов кит. яз. на Дальнем Востоке 253, 343
- Добровольский Лев Михайлович, сов. литературовед, библиограф, архивист 339
- Доброловский Илья Амвлихович (Иамвлихович), один из значительней китаеведения в г. Харбине 257, 280, 281, 343
- Долбежев Борис Васильевич, секретарь рос. консульства в Урумчи 276, 343, 378
- Дорн Борис Андреевич, акад., историк 248, 314, 398, 420

- Достоевский Милий Федорович, сов. востоковед, библиограф, искусствовед 6, 353, 354, 356
- Достоевский Федор Михайлович, пианист, племянник писателя Ф. М. Достоевского 353
- Дранчев Евграф, ученик школы переводчиков при Коллегии ин. дел 80, 81
- Ду Не, цинский министр 420
- Дуань, китаец, учитель Кульджинской школы переводчиков 244
- Дуглас, синолог 439
- Дудин Самуил Мартынович, художник-фотограф, участник научн. экспедиций в Зап. Китай 275—277, 346, 347, 456
- Думан Лазарь Исаевич, сов. китаевед 319
- Дьяконов Осип (Иосиф), священник 37, 42, 358
- Дэ, солдат, сюацй, учитель маньчж. яз. при 3-й Рос. дух. мис. 142
- Дэ Мин (псевд. рус. автора; может быть, Дёмин или Д. Мин) 122, 154, 319, 323, 325
- Дэву Гавриил, ученик-албазинец 433
- Дюгальд Жан Баптист, бельгиец, иезуитский миссионер в Китае 49, 51, 83, 182, 304, 311, 438
- Е Лун-ли, кит. историк 213
- Е Чунь, кит. чиновник 432
- Евсеев А. Н., иркутский губернатор 142
- Евстафьев Спиридон, грек, ювелир, участник посольства Н. Г. Спафария в Цинскую империю 23
- Екатерина II, императрица 67, 71—74, 78
- Елачич Франц (Франциск, Лука), хорват, лекарь при АН 48, 49, 303, 369
- Елизавета Петровна, императрица 62
- Ермолаев Вавила, ученик 5-й Рос. дух. мис. 65, 303
- Ефрон И. А., издатель 303, 407
- Жамцарано Цыбен Жамцаранович, монголовед 276, 347
- Жданов Андрей Александрович, деятель Коммунистической партии и сов. государства 321
- Жербийон Жан Франсуа, фр. иезуитский миссионер в Китае 29, 299
- Жеребятьев Андрей, подьячий из Тобольска, участник поездки И. Избранта в Цинскую империю 299
- Жилкин Е., сов. автор 334
- Жинцзунсунганья см. Цзяцин
- Жуковский Валентин Алексеевич, декан вост. ф-та Петербургск. ун-та, чл.-кор. АН 263, 274, 275
- Журавлев А. И., выпускник Кяхтинской школы переводчиков 114, 316
- Жюльен Станислав, фр. синолог, чл.-кор. Петербургск. АН 161—163, 170, 246, 247, 434
- Загоскин Николай Павлович, проф. Казанск. ун-та, историк права, 333
- Залеман Карл Германович, акад., востоковед 224, 229, 273, 274, 339
- Замотайло Ив., историк, публикатор 417
- Захаров Иван Ильич, рос. консул в Кульдже, маньчжуровед, китаевед 130, 140, 145, 149, 151, 154, 164, 171, 187, 214, 218—220, 225, 226, 234, 243, 248, 249, 287, 320, 322, 337—340, 348, 360, 377, 388, 424, 441, 454
- Зворыкин А. А., сов. ученый 323
- Згура Владимир Васильевич, сов. искусствовед 306
- Зеленин Дмитрий Константинович, чл.-кор. АН СССР, этнограф 346
- Зимайлов Лев, студент 9-й Рос. дух. мис. 91, 360, 415
- Зимайлова см. Владыкина
- Зимин Стефан, причетник 359
- Зиновьев И. А., адресат П. А. Дмитриевского 453
- Змиев (Змеев) Лев Федорович, историк медицины 324, 326, 334
- Знаменский Петр Васильевич, чл.-кор. АН, историк рус. церкви 310
- Зоммер Николай Иванович, студент Казанск. ун-та 199, 200, 334
- Зубарев Д., автор 26
- И. В. С., адресат Н. Я. Бичурина 315
- И Хэ, древнекит. медик 433
- И Цзи, кор. Е. П. Ковалевского 435
- И Цзин, цинский министр 420
- И—ч см. Ивашкевич Б. А.
- Иакинф см. Бичурин Н. Я.
- Иван Алексеевич, царь 27, 30
- Иванов Алексей Иванович, проф. Петербургск. ун-та, китаевед 45, 263—265, 267, 268, 271, 279, 282—284, 292, 293, 303, 345, 348, 385
- Иванов Антон, ученик новгородской дух. семинарии 70, 71
- Иванов Елисей (Евламий), иеромонах, чл. 13-й Рос. дух. мис. 155, 167, 168, 170, 328, 361, 388, 435
- Иванов Илья, причетник 5-й Рос. дух. мис. 359

- Иванов Михаил, причетник 3-й Рос. дух. мис. 358
- Иванов Петр, архивист 296
- Иванов Яков, причетник 3-й Рос. дух. мис. 358, 368
- Ивановский Алексей Осипович, проф. Петербургск. ун-та, китаевед 26, 231, 233—236, 259, 260, 262, 267, 290, 298, 341, 344, 384, 388, 439, 440, 446—455
- Ивановский Иосаф (Иосиф), неромонах, чл. 2, 3 и 4-й Рос. дух. мис. 39, 71, 358, 359
- Ивашкевич (И—ч) Борис Анатольевич, лесовод, преп. ГДУ 343
- Игнатъев Николай Павлович, гос. деятель, дипломат, директор Азиатского департ. МИД (1861—1864) 149, 168, 169, 171, 173, 324, 327, 373, 427, 436
- Игнатъев Михаил, геодезист, участник посольства Л. В. Измайлова в Цинскую империю 31, 365
- Игнатъев С. И., автор 283, 284, 348
- Игорев Лев Степанович, художник при 14-й Рос. дух. мис. 172, 175, 328, 361, 373, 377
- Игумнов Василий, пристав 5-й и 8-й Рос. дух. мис., один из переводчиков посольства Ю. А. Головкина 79, 83, 90, 182, 312, 359, 370, 376, 401
- Игумнов Николай М., кяхтинский купец 96, 109, 110
- Иессей, неромонах 359
- Избрант (Избран, Избранд) Идес Эверт (Елизар, Эбергард), голландец, рус. посол в Цинскую империю 29, 30, 246, 299, 438
- Измайлов Лев Васильевич, глава рус. посольства в Цинскую империю 31, 39, 299, 300
- Израиль, иеродиакон, чл. 10-й Рос. дух. мис. 359, 360, 415
- Иконников А., автор 306
- Иларий 435
- Иловайский Дмитрий Иванович, историк 340
- Ильяшенко Ф. Е., офицер, выпускник Вост. ин-та 257
- Иннокентий см. Кульчицкий Иннокентий
- Иннокентий см. Немиров Иннокентий
- Иностранцев Константин Александрович, историк, иранист 343
- Иовлев Петр, причетник 3-й Рос. дух. мис. 358
- Иосаф см. Ивановский Иосаф (Иосиф)
- Ирки-мулла, бухарец, переводчик 20
- Исаевич Д., автор 270
- Истопников Федор Степанович, глава рус. торгового каравана 32
- Иуст, неромонах, чл. 6-й Рос. дух. мис. 359
- Кабанов Петр Иванович, сов. историк 327
- Каверин (Зильбер) Вениамин Александрович, сов. писатель 321
- Казембек (Казем-Бек) Александр Касимович, чл.-кор. АН 121, 194, 202—204, 210, 215—217, 335
- Казылбашенин Иван, толмач 366
- Каменский Павел Иванович (архимандрит Петр), ученик 8-й и начальник 10-й Рос. дух. мис., чл.-кор. АН, китаевед 26, 46, 83, 85, 96—98, 103, 123—133, 135, 182, 183, 298, 308, 319—321, 333, 359, 360, 362, 371, 372, 376, 378, 379, 388, 400—408, 414—416, 421
- Каменский Петр, причетник 3-й Рос. дух. мис. 358
- Камхи см. Канси
- Кан-Сий см. Канси
- Кап Ю-вэй, кит. гос. деятель, реформатор 261, 342
- Канаев Андрей Михайлович, ученик 3-й и 4-й Рос. дух. мис. 56—58, 60, 62, 69, 305, 358, 365
- Кан-Хи см. Канси
- Канси (Камхи, Кан-Сий, Кан-Хи, Кансий), девиз правления цинского императора Сюань Е 23, 25, 29, 30, 36, 47, 49, 78, 131, 167, 194, 261, 267, 302, 322, 389, 390, 402, 409, 432, 434, 435, 439, 457, 458
- Кант Иммануил, нем. философ-идеалист, поч. чл. Петербургск. АН 146, 232
- Капила, философ, основатель древнейшей школы индийской философии — санкхьи нир-исвара 423
- Каподистрия Иоанн, греческ. гос. деятель; на рус. службе — второй статс-секретарь по ин. делам России (1815—1822) 405
- Карамзин Николай Михайлович 136, 187, 293, 420
- Карачев, ученик Кульджинской школы переводчиков 244
- Карганский Козьма, причетник 83, 359, 370
- Карпов Гурий (Григорий), нач. 14-й Рос. дух. мис. 149, 169, 171, 325, 360, 361, 373, 374, 388
- Карпов Сазонт (Созонт), причетник 76, 77, 359, 395

- Карский Евфимий Федорович, акад., славяновед 346
- Карстенс Христофор, аптекарь 29
- Кассини Артур Павлович, граф, рус. посланник в Пекине 452, 453, 455
- Касым-ахун, мулла, учитель уйгурск. яз. Кульджинской школы переводчиков 244
- Катапаев Г. Е. историк 294, 295
- Каттанеус Лазарь (Cattanéo Lazare), синолог 300
- Катифор А., аббат, историк 302
- Кафаров Михаил, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 204, 206
- Кафаров Н. Н., преп. дух. училища в Казани, племянник П. И. Кафарова 178
- Кафаров Петр Иванович (в монашестве Палладий), нач. 13-й Рос. дух. мис., Китаевед 5, 9, 119, 140, 149, 151, 152, 154—156, 158, 161, 162, 167, 169—171, 175—179, 186—188, 208, 237, 238, 247, 249, 286—288, 292, 293, 299, 324, 325, 327—331, 339, 341, 356, 360, 373—375, 388, 423, 424, 454, 455
- Каэн Гастон (Caen G.), фр. историк 299—301, 303
- Кер Георг Яков, акад., арабист, переводчик Коллегии ин. дел 189, 190, 332
- Керберг Павел Генрихович, консульский работник в Китае 236, 278, 454
- Керн Г., буддолог 336
- Кидель А., сов. автор 26
- Кингсмилл Ф. (Kingsmill F.), автор 330
- Кирилов Порфирий Евдокимович, врач при 11-й Рос. дух. мис. 119, 141, 143, 145—147, 187, 323, 360, 372, 377, 421
- Киселевский (Феофилакт), иеромонах 141—144, 360, 374, 388, 422
- Киянь-лун см. Цяньлун
- Клапрот Генрих Юлий (Юрий), нем. востоковед, путешественник 89, 90, 94, 100, 101, 103, 107, 117, 122, 135, 183, 184, 190, 246, 310, 312, 313, 331, 332, 410, 437—439
- Клеменц Дмитрий Александрович, рус. этнограф, путешественник 229, 274, 277, 347, 388, 451
- Клемм фон В. О., председатель Петербургск. центра ОРО, вице-директор I-го департ. МИД 280
- Клюсов Никандр (Никанор?), причетник I-й Рос. дух. мис. 37, 358
- Ключевский Василий Осипович, акад., историк 4
- Ко Фо-сы, китаец 148
- Ковалевский Егор Петрович, полковник, пристав 13-й Рос. дух. мис., директор Азиатского департ. МИД (1856—1861), поч. чл. АН 154, 155, 167, 182, 186, 187, 219, 325, 327, 332, 361, 373—375, 424, 425, 427, 435
- Ковалевский Осип Михайлович, акад., АН, проф. Казанск. ун-та, монголовед 116, 119, 121, 141, 192—194, 199, 205, 207, 317, 333, 334, 360, 388, 421, 451
- Кованько Алексей Иванович, маркшейдер, студент 11-й Рос. дух. мис. 141, 142, 148, 360
- Кожевников Андрей, сотник 185
- Козерицкий Г., автор 346
- Козин Сергей Андреевич, акад., востоковед 93, 120, 311, 318, 324, 335, 336, 443
- Козлов, ученик Кульджинской школы переводчиков 245
- Козлов Петр Кузьмич, путешественник 265
- Козмин Иван, ученик новгородской дух. семинарии 70
- Козьмин Николай Николаевич, проф. Иркутск. ун-та, историк, этнограф 294
- Коленовский Никифор, иеромонах 359
- Колесников Федор (Белка), причетник 358
- Колесов Н. А., купец в Кяхте 415
- Колесов Н. Ф., первый драгоман Рос. мис. в Пекине 236, 343, 454
- Коллэн-де-Планси В. (Collin V. de Plancy), фр. переводчик 179, 330
- Колоколов Всеволод Сергеевич, проф., сов. Китаевед 226, 307, 335, 345
- Колоколов Сергей Александрович, рос. консул в Мукдене 236, 343, 383, 387
- Колосов Иван, чиновник Моск. главн. архива МИД, Китаевед 77, 388, 400
- Колубовский Игорь Яковлевич, востоковед 445
- Колчак Александр Васильевич, гидрограф, адмирал рус. флота, глава контрревол. буржуазно-помещичьей военной диктатуры в Сибири (1918—1919) 3
- Колычев С. А., межевой комиссар, участник посольства С. Л. Владиславича-Рагузинского 40
- Комаров Владимир Леонтьевич, акад., ботаник 279, 348
- Ком Дж. А. ля (la Comte G. A.), фр. переводчик 336
- Кондаков В., переводчик консульства в Куанчэнцзы 245
- Коносович М., Китаевед 343

- Конрад Николай Иосифович, акад., японевед 268, 277, 307, 348
- Конфуций (Кумфуций, Кун Дзы, Кун-дзы, Кунфуцзы, Кунфудзый), древнекит. философ 44, 54, 88, 106, 128, 193, 198, 233, 289, 307, 341, 344, 393, 394, 408, 417, 440, 457, 458
- Копылов Алексей Николаевич, сов. историк 296
- Кордьё Г. (Cordier H.), фр. синолог 180, 250, 317, 330
- Корелин Семен, ученик школы И. К. Россохина при АН 44, 46, 393
- Коркин Яков, ученик 6-й Рус. дух. мис. 70—72, 77, 308, 359
- Корниевский Петр Алексеевич, врач при 14-й Рос. дух. мис. 172, 174, 175, 179, 187, 328, 361, 388, 435, 436
- Корнилович Александр Осипович, декабрист, писатель 140, 141, 322
- Коростин А. Ф., автор 104, 314
- Коростовец Иван Яковлевич, рос. чрезвыч. посланник и полномочный министр в Китае 274, 378
- Корсаков В. В., врач рос. посольства в Пекине 239, 240, 342
- Корсаков Михаил Семенович, ген.-губ. Вост. Сибири (1861—1871) 242, 388, 427, 455
- Корсалин Кондратий Ильич, художник при 12-й Рос. дух. мис. 149, 154, 325, 360
- Копш (Korsch), ориенталист 343
- Корш Валентин Федорович, журналист, историк литературы 223, 338
- Косвен Марк Осипович, сов. историк, этнограф 21, 304
- Коссович Казтан Андреевич, проф., санскритолог 425
- Костыгов Василий, переводчик с фр. яз. 300
- Костылев В., преп. вост. ф-та Петербургск. ун-та 265
- Котвич Владислав Людвигович, чл.-кор. АН СССР 45, 236, 259, 265—267, 274, 284, 303, 320, 384
- Кох [Э.], помощник библиотекаря Петербургск. ун-та 236
- Кохан Иван Николаевич, поручик, выпускник Вост. ин-та 344
- Кохановский Н. И., выпускник Вост. ин-та 256, 344
- Коханский Т. В. (Kochańskiiego T. W.), переводчик 331
- Кояндер А. 454
- Кравченко Николай Иванович, художник 240, 342
- Крачковский Игнатий Юлианович, акад., арабист 4, 190, 245, 283, 290, 305, 332, 348
- Кривцов Владимир Николаевич, сов. китаевед 319
- Крижаннич Юрий, писатель, публицист 24, 297
- Кристи Христофор Петрович, рос. вице-консул в Чифу 278, 343
- Кропачек Н. В., консульский работник в Китае 278
- Кропотов Иван Иванович, пограничный комиссар, курьер, гвардии поручик 71, 72, 307
- Кротков Николай Николаевич, рос. консул в Урумчи и Кульдже 236, 275, 343, 388, 447, 448
- Круг Филипп Иванович, акад., археолог, нумизмат 128
- Круглополов Карл, ученик 8-й Рос. дух. мис. 83, 309, 359
- Крузенштерн Иван (Адам) Федорович, кругосветный мореплаватель, адмирал, поч. чл. АН 99, 313, 414
- Крыжановский В., публикатор писем П. И. Кафарова 325
- Крылов Иван Андреевич, баснописец 101, 107, 413
- Крымский Кондрат Григорьевич, студент 10-й Рус. дух. мис., преп. Кяхтинской школы переводчиков 110, 113, 114, 129, 130, 169, 242, 316, 342, 360, 377, 379, 380, 420
- Ксавье, синолог 439
- Кудинов И. Ф., путешественник по Монголии и Китаю 340
- Кузнецов, студент [АН] 363
- Куликовский, проф. 174
- Кульчицкий (Александр), иеромонах, чл. 14-й Рос. дух. мис. 172, 361, 373, 388, 436
- Кульчицкий Иннокентий, иркутский епископ 96, 366
- Кумани Алексей Михайлович, адресат Н. А. Попова и П. А. Дмитриевского 450, 453—455
- Кумфуций см. Конфуций
- Кун Дзы см. Конфуций
- «Кунцзы» (псевд. неустановленного лица) 428
- Куплет Филипп (Couplet Philippe), миссионер в Китае 54, 305
- Купфер Адольф Теодор (Адольф Яковлевич), акад., минералог, физик 155, 157, 159, 161, 325
- Курагин Андрей, сопровождающий рус. торговый караван 63, 305
- Курляндцев, студент 11-й Рос. дух. мис. 141, 142, 144, 360
- Куроно, японец, преп. кит. каллиграфии Петербургск. ун-та 265

- Курц Борис Григорьевич, сов. историк 21, 24, 26, 31, 294, 296—301, 309
- Куэ Фан, преп. кит. разговорн. яз. Петербургск. ун-та 240, 259, 262
- Кычанов Евгений Иванович, сов. востоковед 292, 345
- Кьювье Жорж, фр. «естествоиспытатель» 433
- Кюнер Николай Васильевич, сов. историк, востоковед 120, 236, 255, 259, 281, 284, 319, 343, 344, 385, 449
- Кялун (Кян-лун) см. Цянлун
- Лабуляйэ Эд. (Laboulaye Ed.), фр. автор 336
- Лаврентий, иеромонах, чл. 1-й Рос. дух. мис. 36, 358, 367, 368
- Лавров И. П., секретарь консульства в Кашгаре 276
- Лавров Михаил Иванович, вице-консул в Чанчуне 280
- Лавровский Маркел, студент 9-й Рос. дух. мис. 91, 92, 360
- Ладзан, светский правитель Тибета, внук Гуши-хана 409
- Ладухин Иван Алексеевич, преп. кит. и маньчж. яз. в Казанск. и Петербургск. ун-тах 198, 204, 207, 335, 382
- Ладыженский Михаил Васильевич, подполковник, пристав 11-й Рос. дух. мис. 182, 185, 236, 331, 332, 360, 372, 421
- Ладыженский Н. Ф., ученик В. П. Васильева, кор. П. С. Попова 236, 454
- Ланг Лоренц, швед, секретарь посольства Л. В. Измайлова, рос. торговый агент в Пекине 30—34, 37—41, 43, 54, 58, 181, 182, 246, 299—302, 366, 367, 400
- Ландай Мерсы-зангин, цинский посол в Россию 366
- Ландезен Артур Юльевич, рос. вице-консул в Кобе 279
- Ландезен Вениамин-Гарольд Эдуардович, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 236, 343, 383
- Лао-цзы (Лаоцзы, Лаотсы), кит. философ 145, 146, 323, 417, 440
- Лаптев И. В., консульский работник в Китае 278, 343
- Лаптев Николай Вавилович, консульский работник в Китае 236, 271, 383
- Ларичев Виталий Епифанович, сов. историк 329
- Ле-цзы, кит. философ 168, 170, 435
- Лебедев Вениамин, учитель дунганской школы 244
- Лебедев Дмитрий Михайлович, сов. историк 18, 21, 26, 295, 296, 298
- Лебедев И. Р., ученик Кяхтинской школы переводчиков 113
- Лебедев Леонтий Николаевич, выпускник вост. ф-та Петербургск. ун-та, китаевед 272, 388, 447
- Лебратовский Герасим, пристав 3-й Рос. дух. мис., глава рус. торгового каравана 63, 305, 353, 368, 369
- Левэск (Ловеск, Лэвэск), фр. переводчик 75
- Легашев Антон Михайлович, художник при 11-й Рос. дух. мис. 141, 143, 147, 148, 323, 360, 421
- Легт Д., англ. синолог 223, 267, 439
- Лежайский Илларион, архимандрит, нач. 1-й Рос. дух. мис. 36, 358
- Лекок [А], руководитель ин. экспедиции в Зап. Китай 278
- Лелэнд Чарльз Г. (Lelend Charles G.), англ. автор 316
- Ленин Владимир Ильич 4, 6, 144, 164, 166, 270, 292, 297, 334, 345
- Ленци А. 236
- Ленцовский (Линцевский) Гервасий (Ервасий), архимандрит, нач. 4-й Рос. дух. мис. 63—65, 331, 359, 367—369
- Леонтьев (Леонтиев) Алексей Леонтьевич, переводчик Коллегии ин. дел 8, 43, 45, 51, 56—60, 62, 63, 65—78, 83, 85, 88, 91, 95, 105, 111, 133, 188, 246, 286, 301, 303, 305—308, 314, 321, 358, 364, 365, 375, 388, 396, 397, 403, 442, 457
- Леонтьев В. П. 13
- Леонтьевский Захар Федорович, переводчик Азиатского департа. МИД 103, 119, 129, 130, 132, 134—139, 187, 286, 319, 321, 322, 360, 372, 377, 387, 413, 416, 419—421
- Лерх Петр Иванович, археолог, востоковед 248
- Ли, учитель кит. и маньчж. яз. 134, 135
- Ли, учитель маньчж. и кит. яз. 135
- Ли Лоу, кит. ученый 458
- Ли Хун-чжан, кит. гос. деятель 266, 427, 453
- Ли Цзы-чэн (Ли Ци-чен, Лидзин-чин), один из руководителей антиманьчж. движения в Китае 124, 130, 402, 404, 425
- Ли циньван, родственник богдыхана 195
- Ли Чэ ли, народный кит. врач, иглоукальватель, 436
- Ливанов Федор Павлович, служилый человек «иноземского списка»,

- участник посольства Н. Г. Спафария 23
- Ливен Карл Андреевич, князь, поч. чл. АН 191
- Льмидау см. Риччи Маттио
- Линцевский Г. см. Ленцовский Гервасий
- Липовацо Сидепан см. Липовцов С. В.
- Липовцов (Липовацо) Степан (Сидепан) Васильевич, ученик 8-й Рос. дух. мис., чл.-кор. АН, переводчик, китаевед 82, 83, 85, 103, 105, 119, 123, 132, 133, 139, 141, 148, 150, 191, 247, 314, 321, 324, 359, 371, 376, 377, 388, 406, 407, 426, 433
- Липшиц Сергей Юльевич, сов. ботаник 320, 323, 326
- Литвинов Дмитрий Иванович, ботаник 324
- Литке Федор Петрович, кругосветный мореплаватель, адмирал 137, 427
- Лобачевский Николай Иванович, математик, проф. Казанск. ун-та 192, 333
- Ловеск см. Левэск
- Ломоносов Михаил Васильевич, акад. 56, 67, 68, 305, 306, 364
- Лоу-шоу, кит. поэт 432
- Лошкарев, тайный советник 371
- Лу Ин-пу, цинский министр 420
- Лу Хуа-чжу, кит. ученый 100
- Лубсан-тайджи см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
- Лубсан Цэрэн (Церин), преп. монг. и маньчж. яз. в Ургинской школе переводчиков 245
- Лубсан-Эринцин см. Алтын-хан Лубсан-тайджи
- Лука Прокопьевич (?), адресат П. И. Кафарова 329
- Львов Петр, томский воевода 296
- Льховский Антоний, иеромонах 358
- Лэвэск см. Левэск
- Лю Ван-су, древнекит. медик 433
- Лю Хань, древнекит. медик 433
- Лю Цзе-лянь, кит. мусульманин 329
- Люба В. Ф., консульский работник, инспектор Кульджинской школы переводчиков 236, 244, 278
- Любимов Александр Евграфович, приват-доцент вост. ф-та Петербургск. ун-та 267, 268, 284
- Любимов Николай Иванович, пристав 12-й Рос. дух. мис. 150, 155, 182, 186, 324, 332, 360, 373, 384, 424
- Люгемиль Андрей, ученик Петербургск. коммерческого училища 138, 387
- Людер (Lueder), синолог (или консул?) 343
- Люй Цзун-юнь, кит. писатель, критик 267
- Люцернов Антоний, иеромонах 172, 361
- Лян Хой-ван, кит. автор 442
- Лянгусов Спиридон, купец, глава первых трех рус. торговых караванов, отправленных в Цинскую империю 29
- Ляо Чжай (Пу Сун-лин), кит. писатель 268, 280
- М. Н. (M. N.), переводчик 331
- Ма, учитель маньчж. и кит. яз. 135
- Ма Сы-мин, древнекит. медик 433
- Ма Шао-юнь, кит. автор 100
- Магидович Иосиф Петрович, сов. историк 329
- Мадов Андрей, томский казак, спутник И. Петлина по поездке в Китай 17
- Майков Леонид Николаевич, акад. 299
- Майя Ж. Ф., фр. миссионер, синолог 50, 93, 311, 438, 439
- Магговэн Джон (Macgowan John), д-р, китаевед, корреспондент П. А. Дмитриевского 454
- Маккартней, британский посол в Китае 321
- Макогоненко Георгий Пантелеймонович, сов. литературовед 72, 73, 307
- Максимович Карл Иванович, акад., ботаник 180
- Малинин Петр, тобольский конный казак, переводчик 20
- Малов Сергей Ефимович, чл.-кор. АН СССР, тюрколог 276, 347
- Малчикан см. Манчи-хатун
- Малькевич Белла Азриелевна, сов. историк-архивист 120, 319, 414
- Малышев Иван, ученик 8-й Рос. дух. мис. 83, 359
- Мамедиаров 130
- Манчи-хатун (Малчикан, Манчикатут, Саннянь-цзы), монгольская княгиня 17, 294
- Мао Линь см. Попов П. С.
- Маргаритов Василий Петрович, инспектор училищ Приамурского края 254
- Маркваринг Рандольф, англичанин, сотрудник Л. Ланга по изучению торговли с Китаем 367
- Маркс Карл 324
- Марр Николай Яковлевич, акад., лингвист 283
- Марселон Лэгранд (Marcelon Legrand), владелец типографии в Париже 164

- Мартини Мартин, иезуит, картограф 24
 Маса, маньчжур 33, 301
 Маслов Осип см. Мясников Осип
 Масыха, чл. Гос. совета Цинской империи 213
 Матусовский Зиновий Лаврович, топограф, китаевед 244, 427
 Межов Владимир Измайлович, библиограф 299
 Мейер Эдуард, нем. историк, чл.-кор. Петербургск. АН 202
 Мекленбург Ф. А. (Mecklenburg F. A.), нем. автор 327
 Мелиоранский Платон Михайлович, проф., тюрколог 274
 Мелналксис Арнольд Иванович, сов. китаевед 326
 Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский), писатель 205, 335
 Менделеев Дмитрий Иванович, проф. Петербургск. ун-та, химик 270, 345
 Менцов Ф., китаевед 318
 Меньшиков Лев Николаевич, сов. китаевед 292
 Мерсы-зангин см. Ландай
 Мессершмидт Даниил Готлиб, естествоиспытатель, исследователь Сибири 300
 Миллер Герард Фридрих (Федор Иванович), акад., историк 17, 21, 25, 46, 49—52, 64, 68, 246, 296, 298, 304, 363, 364
 Милованов Игнатий Михайлович, нерчинский сын боярский, глава посольства в Китай 23, 25, 297
 Мильтон Джон, англ. поэт 295
 Минаев Иван Павлович, индолог, буддолог 222, 226, 236, 329, 336, 339
 Минь Шань, цинский министр 420
 Мирза Халил-султан см. Халил-Султан
 Мирза Шах Рока см. Шахрух
 Миротворцев Василий Васильевич, проф. Казанск. дух. академии 320
 Михаил см. Игнатъев Михаил
 Мисаил, архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря 415
 Михаил Дмитриевич (возможно, Сипаков М. Д.) 98
 Михаил Николаевич, вел. кн. 347
 Михаил Федорович, царь 296
 Михайлов П. Н. художник 323
 Михайловский И. И. 26
 Михайловский Н. М., преп. частных курсов кит. яз. на Дальнем Востоке 253, 343, 366
 Мо, «хан» 412
 Можаровский Аполлон, автор 319
 Молжи Тархан, посол Цецен-хана Очирту 22
 Моллер Надежда Степановна (р. Миллерова), автор мемуаров о Н. Я. Бичурине 315, 316, 318
 Молоков Дмитрий, глава рус. торгового каравана 301
 Молоков Иван, комиссар рус. торгового каравана 33, 301
 Молоствов В. П., попочитель Казанск. учебн. округа 201, 202
 Монастырев Николай Иванович, выпускник вост. ф-та Петербургск. ун-та, китаевед 236, 237, 341, 383
 Монкэ-хан 117
 Монтуччи Антонио, синолог 103, 104
 Морачевич Вениамин, архимандрит, чл. 10-й и нач. 11-й Рос. дух. мис. 129, 130, 141, 142, 145, 149, 196, 318, 323, 360, 374, 388, 403
 Морен, англ. издатель 124
 Моррисон, англ. миссионер, синолог 104, 121, 162, 319, 439
 Мофет, мичман эскадры Сибирской флотилии 427
 Мраморнов Николай, студент 14-й Рос. дух. мис., китаевед 172—174, 361, 373, 388, 449
 Му, родоначальник кит. рода Му 409
 Му Му-чжан, цинский министр 420
 Мур, фон (из Нюрнберга) 76, 246
 Муравьев-Амурский Николай Николаевич, ген.-губ. Вост. Сибири (1847—1861) 156, 169, 202, 203, 207, 342
 Мурзаев И. Д., сов. автор 310
 Муромский Ф. В., секретарь студенч. кружка ориенталистов при вост. ф-те Петербургск. ун-та 272
 Мусин-Пушкин Михаил Николаевич, поч. чл. АН 192, 203, 205
 Мухлинский Антон Осипович, проф., декан вост. ф-та Петербургск. ун-та 203, 215, 337
 Мэн Си-шоу, преп. кит. яз. в Петербургск. ун-те 240
 Мэн Сы-мин (Meng Ssu-ming), американский китаевед 303
 Мэн Хун 337
 Мэнцзы (Мэн-цзы), кит. философ 344, 418, 432, 442
 Мюллер Андрей 54
 Мянньин, сын цинского императора Цзяцина 312
 Мясников Владимир Степанович, сов. китаевед 6, 19, 34, 293—298
 Мясников (Маслов) Осип 34, 367
 На Дань-чжу, цинский министр 420
 Навроцкий Н., студент Казанск. ун-та 381

- Нагель Людвиг (Ларнон) Тимофеевич фон, иркутский губернатор 427, 451
- Надаров Виктор Иванович, капитан, выпускник Вост. ин-та, вице-консул в Янь-цзи-гане 256
- Надеждин Николай Иванович, проф., историк, этнограф, журналист, критик 107
- Наполеон I Бонапарт 92, 127
- Нартов Андрей Константинович, механик и изобретатель 47
- Невиль де ля (De la Neuville), фр. автор 26, 27, 298
- Неволин Константин Алексеевич, проф. Петербургск. ун-та, историк 107, 117, 318, 413
- Невский Николай Александрович, сов. тунгутовед 268, 345
- Неселов В. И., придворный архитектор 67
- Нектарий, иеромонах, чл. 9-й Рос. дух. мис. 92, 360
- Немиров Иннокентий, иеромонах, чл. 12-й Рос. дух. мис., китаевед 149, 360, 374, 388, 426
- Нессельроде Карл Васильевич (Вильгельмович), граф, министр ин. дел России (1816—1856), поч. чл. АН 126, 403
- Нестеров Дмитрий, пленный албазинский священник 36
- Нефедьев Николай Александрович, автор 105, 314
- Нефедьев Петр, ученик Кяхтинской школы переводчиков 113, 114
- Нечаев Николай Иванович, студент 13-й Рос. дух. мис., китаевед 155, 156, 361, 388, 435
- Никитенко Александр Васильевич, акад., цензор, литературный деятель 107, 203
- Никитин Афанасий, путешественник 15, 293
- Никитин Афанасий, ученик новгородской дух. семинарии 70
- Никитюв Гэндул Галсан, бурятский лама 205
- Никифор, иеромонах 359
- Никифоров Владимир Николаевич, сов. историк, китаевед 3, 4, 6, 292
- Николай, см. Адоратский Н.
- Николай I, император 108, 109, 132, 147, 148, 188, 203, 207, 335
- Нифантьев, поручик корпуса топографов 377
- Новиков Николай Иванович, просветитель, писатель и журналист 21, 30, 72, 73, 296, 307
- Новиков Николай Кириллович, выпускник Вост. ин-та, преп. киг. яз. в рус. школах Харбина 256, 257
- Новолетов М., автор 301
- Новоселов Василий, ученик 8-й Рос. дух. мис., переводчик 83, 131, 190, 359, 371, 406
- Норов Авраам Сергеевич, акад., языковед, министр народн. просвещения (1854—1863) 202, 203
- Нугманов М., сов. автор 334
- Оводов Михаил (Илларион), иеродиакон 155, 167, 170, 361, 388, 435
- Огиевский (Обресков) Софроний, иеромонах 359
- Огородников Евлампий Кириллович, студент Казанск. ун-та 200, 334
- Одоевский Владимир Федорович, князь, музыкальн. деятель, писатель 107, 315, 413
- Озеров Иван, ученик 5-й Рос. дух. мис. 65, 303
- Оленин Алексей Николаевич, археолог, историк, художник, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, поч. чл. АН 97—99, 101, 147, 312
- Ольденберг Герман, буддолог 336
- Ольденбург Сергей Федорович, акад., востоковед, буддолог 208, 209, 235, 245, 268, 273—278, 283, 289, 290, 336, 341, 345, 347—349, 385, 388, 456
- Омбо Эрдени см. Алтын-хан Бадма (Омбо) Эрдени
- Орлов А., протоиерей, маньчжуровед 226, 339
- Орлов Иван, причетник, китаевед 359, 388, 399, 400, 404
- Осипов К. И., студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 272
- Осипов Н., китаевед 388, 448
- Осколков Григорий Афанасьевич, глава рус. торгового каравана 36, 365
- Оссон (д'Оссон) К., востоковед 101
- Остен-Сакен Федор Романович, поч. чл. АН, востоковед 227, 237, 238, 248, 249, 324, 325, 339, 387, 424, 446, 451, 456
- Остерман Генрих-Иоганн (Андрей Иванович), граф, полит. деятель, вице-канцлер 303
- Островерхов А. Н., рос. ген. консул в Ханькоу 326
- Отано Кигаро (Кигоро), переводчик при Окружном управлении на о. Цусима 340
- Ошанин Илья Михайлович, сов. китаевед 336

- Па-Лао см. Каменский П. И.
 Павел I, император 73, 87
 Павлинов Константин, студент 14-й Рос. дух. мис. 172—174, 328, 361, 373, 374, 388, 449, 450
 Павлович Михаил Павлович (Вельтман М.), рус. марксист, знаток Востока 270, 345
 Павловская Л. К., сов. ученый 263
 Падерин И. В., рос. консул в Урге 228, 236, 243, 427, 455
 Палибин Иван Владимирович, сов. ботаник 180, 330
 Палладий (Palladius) см. Кафаров П. И.
 Паллас Петер Симон (Петр Симонович), акад., естествоиспытатель 52, 182, 305, 392, 396, 457
 Пальмовский Константин, причетник, чл. 9-й Рос. дух. мис. 91, 311, 360
 Панаев Иван Иванович, журналист и писатель 107
 Панкратов Борис Иванович, сов. маньчжуровед 259, 336
 Панкратьев Никита (Устюжанин), автор проекта о новом пути в Китай 365
 Панснер Лоренц (Лаврентий) Иванович, проф., минералог, участник научн. экспедиции при посольстве Ю. А. Головкина 89
 Пантелеев Д. П., библиограф 347
 Пань Ань-ши, древнекит. медик 433
 Паргачевский, владивостокский купец 253
 Паренин Доменико, иезуит, миссионер в Китае 33, 301
 Паркер Э., синолог 180
 Паршуков Андрей, выпускник Ургинской школы переводчиков 245
 Парышев Алексей, ученик 6-й Рос. дух. мис., переводчик Коллегии ин. дел 77—79, 359, 401, 403
 Патканов Керопэ Петрович, чл.-кор. АН 248
 Пашков Борис Климентьевич, сов. китаевед 285, 286, 308, 319, 339, 348
 Пежемский Степан, ученик Кяхтинской школы переводчиков 114
 Пекарский Эдуард Карлович, чл.-кор. и поч. чл. АН, якутовед 346
 Пекарский Петр Петрович, акад., историк, литературовед 36, 301, 304
 Пеликан, проф. 174
 Пеллю (Пеллио) Поль, фр. синолог, чл.-кор. Петербургск. АН 278, 290, 303
 Пентковский Владимир Иванович, выпускник кит. разряда Практической Вост. академии 348
 Первушин Семен, чиновник, пристав 9-й Рос. дух. мис. 91, 182, 360, 371
 Перейра Констан Пирес, португальский иезуит, миссионер в Китае 149, 373
 Перейра Томас, португальский иезуит, миссионер в Китае 29, 299
 Перни, фр. аббат 326
 Перовский Петр Николаевич, пристав 14-й Рос. дух. мис. 182, 328, 335, 361, 373
 Перри, автор 438
 Перфильев Иван Степанович, тарский сын боярский, посланец в Китай 21
 Перчас Самуэл, англ. публикатор 295
 Песоцкий Вениамин Дмитриевич, поручик, выпускник Вост. ин-та 257, 344
 Пестель Иван Борисович, ген.-губ. Вост. Сибири (1806—1819) 97, 98, 310, 403
 Петелин Илья Иванович, преп. кит. яз. в коммерческом училище КВЖД 257
 Петлин Иван Филиппович, томский казак, посланец в Китай 16—21, 27, 178, 246, 438
 Петр см. Каменский Павел Иванович
 Петр I Великий, император 27, 29, 30, 34, 37, 52, 54, 156, 188, 297, 299, 302
 Петр II, император 34
 Петров Аполлон Александрович, сов. китаевед 120, 152, 199, 223, 233, 319, 324, 334, 338, 340, 410—412, 420, 423
 Петров Аркадий Николаевич, преп. в Тяньцзинь, позднее — чиновник Мин-ва торговли и промышл. 256, 280, 284, 343, 348
 Петров Иван, казачий атаман 294
 Петров Николай Александрович, сов. китаевед 324, 339
 Петров П. Н., историк 323, 326
 Петров Семен, капитан, посланец в Китай 366
 Петров Федор — см. Чжоу Гэ
 Петровский Николай Федорович, рос. консул в Кашгаре, коллекционер 275, 346, 387
 Петровский Константин, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 447
 Пешуров Дмитрий Алексеевич, студент 14-й Рос. дух. мис., переводчик Азиатского департ. МИД, проф. Петербургск. ун-та 140, 172, 187, 217, 218, 223, 225, 226, 240, 255, 259—263, 267, 335, 338, 344, 361, 373, 382—384, 388, 428, 446

- Пиккиев И., сов. автор 321
 Пино Вергилия (Pinot V.) 306
 Пинто Мендес 439
 Писарев Иван, переводчик с итальян. и греч. яз. 302
 Писарев Степан, канцелярист, участник посольства С. Л. Владислави-ча-Рагузинского в Цинскую импе-рию 38
 Пифагор, греч. философ-идеалист, ма-тематик 146
 Пичуринский см. Бичурин Н. Я.
 ПIANO (де-Пiano) Карпини Иоанн, европ. путешественник 293
 Платковский Антоний, архимандрит, нач. 2-й Рос. дух. мис., участник посольства Л. В. Измайлова в Ци-нскую империю 31, 39—41, 61, 65, 97, 302, 358, 366, 367
 Платон, греч. философ 146
 Платонов, проф. Петербургск. меди-ко-хирургической академии 174
 Плахов А. П., книгавед 388, 447
 Плейфер (Playfair), синолог 438
 Плетнев Петр Александрович, акад., ректор Петербургск. ун-та 203
 Плеханов Георгий Валентинович, деятель рус. и междунаро-дн. социа-листич. движения 54, 305
 Плещеев А. Л., сибирский губерна-тор 34
 Плюшар А. А., рус. издатель 137, 308
 Погодин Михаил Петрович, акад., писатель, историк, журналист 100, 106, 107, 116—118, 120—122, 292, 295, 315, 317—319, 335, 412, 413
 Подобедов Амвросий см. Амвросий (Подобедов)
 Подставин Григорий Владимирович, проф. и ректор ГДУ 385
 Подушкин [Яков Аникеевич?], капи-тан-лейтенант 310
 Позднеев Александр Матвеевич, мон-головед-маньчжурист, проф. и пер-вый директор Вост. ин-та во Вла-дивостоке (1899—1904) 171, 225, 228, 234—236, 253—255, 259, 262—264, 273, 282, 283, 294, 301, 330, 340—342, 344, 345, 348, 387, 452, 454, 455
 Позднеев Дмитрий Матвеевич, истори-к, востоковед, второй директор Вост. ин-та во Владивостоке (1904—1906) 231, 236, 239, 254, 271, 282, 342, 343, 347, 385
 Поздняков Михаил, ученик Рос. дух. мис. 303
 Покотилов Дмитрий Дмитриевич, вы-пускник вост. ф-та Петербургск. ун-та 236, 239, 342, 343, 383, 454
 Покровский Федор Иванович, историк 18, 294—296
 Полевой Николай Алексеевич, чл.-кор. АН, журналист, писатель, историк 102, 103, 105—107, 121, 315
 Полевой С. А., выпускник Вост. ин-та 256
 Поликарп см. Тугаринов Поликарп
 Поликарпов Б. Г., казанский протоиере-рей 415
 Поликин Исайя, иеромонах, чл. Рос. дух. мис. 172, 173, 176, 328, 361, 373
 Поло Марко, венецианец, путешест-венник 15, 164, 178, 180, 329
 Полторацкий, ген.-майор 427
 Полянский Яков, ученик петербургск. дух. семинарии 70, 71,
 Поморцев Демьян см. Гонза
 Пономарев Михаил, ученик 2-й и 3-й Рос. дух. мис. 39—41, 61, 358
 Попов Алексей, ученик 7-й Рос. дух. мис. 79, 308, 359, 388, 400
 Попов Александр Васильевич, проф. Казанск. ун-та, монголовед 194, 204, 335, 380
 Попов Андрей, причетник, чл. 1-й Рос. дух. мис. 358
 Попов Афанасий Фералонтович, сту-дент 14-й Рос. дух. мис. 172, 173, 241, 328, 342, 361, 373, 449
 Попов Василий Степанович, собира-тель-коллекционер 302
 Попов Георгий Константинович, пе-реводчик рос. ген. консульства в Харбине 245
 Попов Михаил, переводчик с фр. яз. 31
 Попов Николай Андреевич, перевод-чик рос. посольства в Пекине 176, 236, 388, 450, 454
 Попов Павел Степанович (Мао Линь), чл.-кор. АН, рос. ген. кон-сул в Пекине, приват-доцент Петер-бургск. ун-та 205, 208, 228—230, 234, 236—239, 250, 255, 260—267, 269, 274, 284, 324, 340—345, 383, 384, 388, 424, 454, 455
 Порецкий Семен, подъячий 29
 Поршеников Иван, участник рус. торгового каравана 24
 Потанин Григорий Николаевич, гео-граф, путешественник, этнограф 26, 296
 Потоцкий (Potozki) Иоанн (Ян) Осипович, граф, польский писатель, руководитель научн. экспедиции при посольстве Ю. А. Головкина 89, 190, 310, 332, 378

- Потье Жан Пьер (Jean-Pierre-Guillaume Pauthier), фр. синолог 162—164, 247, 333
- Пржевальский Николай Михайлович, путешественник, поч. чл. АН 428, 451
- Прокопаев Л., автор 328
- Прокопович Феофан, церковный и обществ. деятель, писатель 56
- Пронищев Андрей Петрович, владелец рукописи И. К. Россохина 391
- Протасьев И. Н., студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 447
- Протопопов Иван, иеромонах 359
- Пу Сун-лин см. Ляо Чжай
- Пугачев Емельян Иванович, руководитель крест. восстания в России 66, 315
- Путинцев М., протонерей 342
- Путята Дмитрий Васильевич, полковник ген. штаба 279, 454
- Путята Н. В., питомец Муравьевского училища для колонновожатых в Москве 315
- Путятин Евфимий Васильевич, адмирал, дипломат, поч. чл. АН, министр народн. просвещения (с 1861 г.) 162, 168, 169, 171, 326, 327, 438, 439
- Пуфендорф Самуэль, нем. юрист и историк 84, 309
- Пухарт (Бухарт, Пухорт) Иван (Лаврентий), ученик 1-й и 2-й Рос. дух. мис. в Пекине, копиист АН 38, 40, 43, 44, 58, 189, 303, 358
- Пушки Александр Сергеевич 107, 108, 121, 148, 315, 316
- Пясецкий П. Я., врач, путешественник 316, 342, 454
- Рагозин Василий, выпускник Кульджинской школы переводчиков 244
- Рагузинский см. Владиславич-Рагузинский С. Л.
- Радищев Александр Николаевич 86, 309
- Радлов Василий Васильевич, акад. 224, 229, 273, 339, 438, 446, 452
- Радовский Моисей Израилевич, сов. историк 301, 304
- Разгильдеев, казак 185
- Разумовский Алексей Кириллович, попечитель Моск. ун-та (с 1807), министр народн. просвещения (1810—1818) 404
- Рамминг М., выпускник япон. разряда Практической Вост. академии 348
- Рашид-ад-Дин (Рашид Эддин), историк и полит. деятель государства ильханов 413
- Рединг Ю. А., рус. нештатный консул в Шанхае 454
- Редовский Иван Иванович, адъютант АН, ботаник, путешественник 89
- Рейхберг Георгий Евгеньевич, сов. историк 392
- Реман Иосиф, врач, участник научн. экспедиции при посольстве Ю. А. Головкина 89
- Ремюза Абель (Remusat Abel), фр. синолог, поч. чл. Петербургск. АН 101, 103, 115, 124, 196, 210, 247, 314, 320
- Ресин, капитан ген. штаба 439
- Решетников Л., член Харбинского отделения ОРО 280
- Риккер Карл Леопольдович, книгоиздатель 223, 338
- Ринальди Антонио, архитектор 67
- Рис Дэвис Т. У., буддолог 336
- Риттер Карл, нем. географ, поч. чл. Петербургск. АН 296, 438
- Риччи Маттио (Риччи Матъе, Ли Мадоу, Лимидау), иезуитский миссионер в Китае 422
- Родионов, иркутский купец 163
- Родионов Петр, причетник 359
- Родонов А. Л., владелец библиотеки К. А. Скачкова 32
- Родосский Алексей Степанович, библиограф, библиотекарь Петербургск. дух. академии 322
- Рождественский П. книгавед 388, 447
- Рожер-Корне Ф. (Roger-Cornaz F.) 306
- Розен Виктор Романович, акад., арабист, иранист 177, 229, 248—250, 260, 273, 343
- Розенберг Оттон Оттонович, буддолог-философ 335, 336
- Розов Григорий Михайлович, маньчжуровед 119, 141—145, 360, 388, 421, 422
- Романов В. П., сов. автор 319
- Романов Гавриил, глава рус. тогово-го каравана 24
- Ромберг Борис Федорович, этнограф 276, 277, 456
- Ромова Нина Игнатъевна, сов. писательница 319
- Рони де Л., фр. японист 249, 250
- Россохин (Разсохин, Рассохин) Илларион (Ларион) Калинович, переводчик АН, книгавед 8, 9, 13, 39—53, 60—64, 67, 68, 74, 76, 83, 88, 105, 111, 133, 188, 246, 301—306, 314, 321, 358, 362—364, 388—395, 442

- Россохин Петр, сын И. К. Россохина 364
- Ростовцев М. А., чл. Об-ва востоковедения 279
- Рубрук Гильом де, посол Людовика IX в Монголию 293
- Рудаков Аполлинарий Васильевич, проф. Вост. ин-та, китаевед 236, 253, 255, 257—259, 284, 343, 344, 383, 385
- Руднев Андрей Дмитриевич, монголовед 45, 265, 283, 303
- Рудов Леонид Николаевич, выпускник кит. разряда Практической Вост. академии, сов. китаевед 348
- Румянцев Николай Петрович, гос. канцлер, поч. чл. Российской академии 404
- Русанов Николай Сергеевич (псевд. Кудрин), публицист, ред. журнала «Русское богатство», после 1917 г. эмигрант 270
- Руссов Е. М. 26
- Ручковский 236
- Рушко С. М., студент Казанск. ун-та 197, 198, 334, 381
- Рычков Петр Иванович, чл.-кор. АН, географ, историк, экономист 105, 314
- Сабин, англ. ученый 161
- Саватеев Иван Прокофьевич, купец, глава рус. торгового каравана 29
- Савельев Леонтий (Левонтий), ученик школы И. К. Россохина при АН 44—46, 392, 393
- Савельев Павел Степанович, востоковед 190, 332
- Савин Яков, толмач 40
- Савицкий Л. С. 292
- Савич Алексей Николаевич 157
- Садовников К., переводчик при рос. консульстве в Гирине 245
- Сай Шан-га (Сай чун-га), цинский чиновник 406, 407
- Салертовский (Солертовский) Егор, ученик 7-й Рос. дух. мис. 79, 308, 359, 388, 400
- Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович, писатель-сатирик 78, 219
- Саньянь-цзы, см. Манчи-хатун
- Сахаров Иван, выпускник Ургинской школы переводчиков 245
- Сахаров Иван Петрович, библиограф, этнограф, палеограф 21
- Сахновский Ефим, ученик 4-й Рос. дух. мис. 63, 65, 66, 69, 359, 368
- Севастьянов Александр Федорович, акад., естествоиспытатель, переводчик 128
- Севергин Василий Михайлович, акад., химик, минералог 128
- Седельников Антоний, иеромонах 359
- Селиванов А. Ф., автор 324
- Семедо Альваро (Семедо Алварус, Semedo Alvaroz, Семедо А.), португальский миссионер, синолог 93, 300, 311, 439
- Семенников Л. Ф., помощник Л. Ланга 367
- Семенов Кирилл, причетник 359
- Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Петр Петрович, поч. чл. АН 296, 329
- Семичевский М. С., иркутский адресат Н. Я. Бичурина 415
- Сенковский (псевд. Барон Брамбеус, Тютюноглы) Осип Иванович, писатель, журналист, востоковед, чл.-кор. АН 9, 100, 101, 104—106, 115, 116, 121, 122, 133, 190, 191, 203, 314, 317, 319, 321, 333
- Сенявин Лев Гаврилович, директор Азиатского департ. МИД, товарищ министра ин. дел 202, 377, 428, 432
- Серафим, иеромонах, чл. 9-й Рос. дух. мис. 93, 311, 360
- Серафимов Б. С., студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 272
- Сергиевский 236
- Сергий, иеромонах 359
- Серебренников И. И., китаевед 343
- Си Цин, цинский чиновник 434
- Си Эн, цинский сановник 148, 420
- Сиверс (Зиверс) Иоганн (Иван Иванович), чл.-кор. АН, ботаник, аптекарь 405
- Сивиллов Дмитрий Петрович (в монашестве Даниил), архимандрит, китаевед 119, 129, 145, 150, 192—198, 211, 223, 311, 333, 334, 360, 372, 380, 381, 386, 388, 417—419
- Сивяков Петр Иванович, секретарь рос. консульства в Цицикаре 256
- Сидоров Алексей Алексеевич, чл.-кор. АН СССР, искусствовед 323
- Силин Е. П., сов. историк 309
- Симоновская Лариса Васильевна, сов. китаевед 319
- Син Джоу, цзянцзюнь провинции Фуцзянь 70
- Синявин Лев Григорьевич 374, 428
- Сипаков Михаил Дмитриевич, студент 9-й Рос. дух. мис., китаевед 81, 91, 93, 97, 98(?), 141, 182, 183, 312, 360, 388, 415, 417
- Скачков Александр, брат К. А. Скачкова 428
- Скачков Константин Андрианович, китаевед 5, 9, 119, 140, 143, 144,

- 155—167, 187, 216—219, 240, 247, 249, 250, 262, 308, 313, 318, 322, 325—327, 329, 330, 338, 343, 361, 388, 418, 426—429, 431, 432, 434
- Скачков Петр Емельянович, сов. китаевед 3—6, 120, 292, 293, 297, 305, 308, 313, 315, 317—319, 323—325, 327—329, 331, 333—335, 337, 341—345, 353—357, 422, 428
- Скачкова Марина Петровна, дочь П. Е. Скачкова 5
- Скобельский Петр, геодезист 401
- Сладковский Михаил Иосифович, чл.-кор. АН СССР 298, 320
- Словцов Василий Степанович, племянник П. А. Словцова 403
- Словцов Петр Андреевич, директор училищ Иркутской губ., историк 403, 404
- Случевский Константин Константинович, поэт, чл. Комитета по изучению Средней и Вост. Азии 274
- Слюнин Николай Васильевич, чл. Приамурск. отделения Об-ва востоковедения 280
- Смагин Григорий, причетник 358
- Смирнов Василий Дмитриевич, проф., востоковед 273
- Смирнов Г. Ю., автор 328
- Смирнов Д. А., горный инженер, топограф 276, 277, 347, 456
- Смирнов Н., участник Туркестанской экспедиции 457
- Смирнов С., автор 308
- Смолянский Алексей, причетник 359
- Сморжевский Феодосий, иеромонах 70, 76, 77, 85, 184, 185, 331, 359
- Смотрницкий Мелетий Герасимович, полоцкий архиепископ, ученый, обществ. деятель 42
- Смыкалов Георгий Феофанович, сов. китаевед 280, 282, 283, 337
- Снегирев Иван Михайлович, чл.-кор. АН, историк 308
- Со Линоу, сунский астроном 458
- Соболев А. Д., студент вост. ф-та Петербургск. ун-та 272
- Соймонов Федор Иванович, гидрограф, картограф, сибирский губернатор (1757—1763) 67
- Соколов А., автор 321
- Соколов И. И., автор 322
- Соколов Степан, ученик 5-й Рос. дух. мис. 65, 303
- Соколов, кяхтинский пограничный комиссар 401
- Соколовский Г. Н., автор 293, 298
- Соколовский П., автор 343
- Соколовский Семен, причетник 359
- Солдатов Василий Васильевич, чл. Харбинского отделения ОРО 281
- Солертовский Е. см. Салертовский
- Соловьев, курьер, посланный в Китай 35
- Соловьев В., сов. публикатор 26
- Соловьев Сергей Михайлович, акад. историк 293, 439
- Сомов, автор 314
- Сорокин Владислав Федорович, сов. китаевед 6
- Сосницкий Алексей Иванович (Исакович), китаевед 129, 130, 138, 192, 197, 198, 333, 334, 360, 380, 381, 388, 420
- Сосновский Ю. А., нач. экспедиции 236
- Софоклов Григорий Александрович, преп. в кит. школе в Ханькоу 257, 281
- Софроний см. Грибовский Софроний
- Софронов Михаил Викторович, сов. китаевед 345
- Спальвин Евгений Генрихович, проф. ГДУ, японовед 258
- Спасский Григорий Иванович, чл.-кор. АН, историк Сибири, археограф, издатель 18, 21, 25, 26, 76
- Спафарий (Милеску) Николай Гаврилович, рус. посол в Цинскую империю 17, 23—27, 39, 124, 246, 297—299, 320, 394, 402—404
- Сперанский Михаил Михайлович, сибирский ген.-губ. 127, 131, 190, 313, 320, 330, 406
- Спиваковский Е. И. 26
- Спицын Александр Васильевич, чл. Харбинского отделения ОРО 256, 257, 259, 281
- Спицын Сильверст, иеромонах 359
- Срезневский Измаил Иванович, акад., историк, археограф 265
- Стадниченко Алексей Иванович, сов. востоковед 319
- Стариков Владимир Сергеевич, сов. китаевед 304, 392
- Старцев А. Д., рус. резидент в Тяньцзине 454, 455
- Старчевский Альберт Викторович (Адальберт Викентьевич, Альберт Войтех), историк, славист, литератор, журналист 453, 454
- Стаунтон Дж.-Тома, синолог 438
- Сташков Михаил, семиреченский казак, переводчик кит. яз. 244, 342
- Стейн Аурел (Stein A.), венгр, руководитель англ. археол. экспедиции в Синьцзяне 278, 346
- Строковский В. А., врач при консульстве в Урумчи 448

- Стромилов В., чл. Харбинского отделения ОРО 280
- Стромилов Николай Николаевич, офицер, выпускник Вост. ин-та 257
- Струве Христиан Андреевич, переводчик с латин. яз. при посольстве Ю. А. Головкина 376
- Струве Бернгард Васильевич, чиновник особых поручений при Н. Н. Муравьеве-Амурском 427
- Струве Оттон (Отто) Васильевич, акад., астроном 155
- Су, «хан» 412
- Су Сюнь, кит. ученый 268
- Су Чжун (Суахун), лектор кит. яз. в Петербургск. ун-те 240, 241
- Сугорский И. Н., автор 340
- Сукачев Владимир Платонович, иркутский краевед, издатель 300, 302
- Сулакадзев Александр Иванович, титулярн. советник, быв. офицер-гвардеец, собиратель старинны и редкостей 295
- Сулковский П. 236
- Сумба-Канбо Ешэй-Балджор, хутухта, автор буддийских сочинений XVII в. 443
- Сун Сы-мяо, древнекит. медик 433
- Сун Цзюнь, цинский министр 420, 443
- Сун Чжун-тан, кит. министр и военачальник 331
- Сунь Ят-сен, кит. революционер-демократ 270
- Сухомлинов Михаил Иванович, акад., историк литературы 9, 52, 292, 304, 306
- Сэмедо см. Семедо Альваро
- Сыкун Ту, кит. поэт 269
- Сыма Гуан, кит. гос. деятель, поэт 231
- Сыма Цянь, древнекит. историк 250, 266
- Сырку Полихроний Агапиевич, филолог-славист 26
- Сыцзун (Тайбун), минский император 19, 294
- Сычевский Епифан Иванович, советник Троицко-Савского погранично-го правления 141, 143, 148, 360, 388, 421, 426, 442
- Сэ, цинский чиновник 142
- Сю Си, древнекит. медик 433
- Сюань, «хан» 412
- Сюань Цзан, кит. путешественник 209, 443
- Сюй Вэнь-бо, древнекит. медик 433
- Сюй Кан-цзун, сунский чиновник 434
- Сюй Сун, кит. ученый 424
- Сюй Цзянь-инь, преп. кит. яз. в Петербургск. ун-те 453
- Сюй Юй, древнекит. медик 433
- Сюзь-вынь, цинский чиновник 44, 48, 393
- Таберно Н. П., проф. 254, 343
- Таирова Н. В., сов. ученый 310
- Тай Цан-гун (Шунь Юй-и), древнекит. медик 433
- Тайбун см. Ваньли
- Тайдзу (Тай-дзу), минский император 132, 406
- Тайцзун (Тай-цзун), танский император 399, 403
- Таландер, нем. публикатор 295
- Таланов Александр Викторович, сов. писатель 319
- Таланцев Алексей Николаевич, преп. рус. яз. в кит. школе в Цицикаре 257
- Тамерлан см. Тимур
- Тан Цзинь-чжао, цинский министр 420
- Таранович Владимир Павлович, сов. библиограф 52, 303—305, 311, 318
- Таранатха (Таранат), тибетский историк 425
- Тарасова Анна Ивановна, сов. историк-архивист 6
- Татаринов Алексей Алексеевич, врач 149, 151, 153, 154, 169, 170, 187, 218, 324, 328, 360, 375, 377
- Тауберт Иоганн Каспар (Иван Иванович), историк, библиотекарь, адъюнкт АН 67—69, 306, 363
- Тевено Мелхиседек, фр. географ 21
- Темир Аксак см. Тимур
- Тидеман П. Г., консульский работник в Китае 278, 454
- Тизенгаузен Владимир Густавович, востоковед, нумизмат 273
- Тимковский Егор Федорович, чиновник Азиатского департ. МИД, пристав 10-й Рос. дух. мис. 76, 77, 94, 96—98, 127, 140, 182—185, 190, 311—313, 330, 331, 360, 372, 377, 410, 415, 427, 428, 439
- Тимм В. Ф., автор 327
- Тимур (Тамерлан, Темир-Аксак) 14, 15, 181, 437
- Титов А. А., историк 295, 296, 298
- Тихвинский Сергей Леонидович, чл.-кор. АН СССР, китаевед 238, 342
- Тихонов Дмитрий Иванович, сов. востоковед 13, 123, 312, 318, 319
- Тихонов П. Н., собиратель-коллекционер 299
- Тищенко Петр Семенович, чл. Харбинского отделения ОРО 281
- Толстов Сергей Павлович, чл.-кор. АН СССР, этнограф, историк 120

- Толстой Дмитрий Андреевич, поч. чл. и президент АН 214
- Толстой И., рецензент «Вестника Европы» 232, 233, 340
- Толстой Лев Николаевич 270, 340, 345
- Трапп Юлий Карлович, проф. АН 174
- Трескин Николай Иванович, иркутский губернатор (1805—1819) 92, 97, 127, 409, 414, 441
- Третьяков Федор (Федот), ученик 1-й Рос. дух. мис. 38, 40, 358
- Триго Николай (Trigaut Nicolas), синолог 300
- Троссе В. Ф. 454
- Трусов Илларион, нач. 3-й Рос. дух. мис. 61, 358, 367, 368
- Тубянский Михаил Израилевич, сов. востоковед 209, 336
- Тугаринов Поликарп, архимандрит, нач. 12-й Рос. дух. мис. 141, 142, 149—151, 205, 206, 360, 374, 375
- Тужилин Александр Васильевич, секретарь рос. консульства в Цицикаре 236, 272, 384
- Тулишэнь (Тулишен, Тулишин), цинский чиновник, посол к калмыцкому Аюка-хану 34, 36, 39, 51, 74, 301, 302, 404, 457
- Тун, учитель манчж. и кит. яз. 135
- Туньхузэ, «хан» 412
- Турчанинов Николай Степанович, бо-таник 323
- Тушету-хан Доржи Эрдени Ахай, халхасский правитель 29
- Тюменец Василий, тарский казачий атаман 16, 294
- У Ди (У-ди), кит. император 272, 393, 431
- У Нань-чжун, цинский чиновник 206
- У Сянь-гуй, командующий минской армией 152, 421, 425
- У Сы-цзин, цинский чиновник 409
- У Тин-фан, автор 270
- У Чан-юань, автор 312
- Уайль, синолог 223
- Уваров Лаврентий, иеромонах, чл. 2-й Рос. дух. мис. 39, 358
- Уваров Сергей Семенович, президент АН (1818—1855) и министр народн. просвещения (1833—1849), 128, 190, 194, 321, 333
- Уильямс, востоковед 136
- Уланцай, бурят, рос. подданный 85
- Улугбек Мухаммед Тарагай, узбекский астроном, внук Тимура 438
- Ульяницкий Л. Г., выпускник Вост. ин-та 272, 280
- Ульяницкий Владимир Антонович, историк 300
- Ундольский Вукол Михайлович, библиограф, собиратель-коллекционер 295
- Унтербергер П[авел Федорович], выпускник вост. ф-та Петербургск. ун-та 236, 454
- Унферцагт Георг Иоганн, художник-гравировальщик 31, 246, 300
- Уорнер, руководитель ин. экспедиции в Зап. Китае 278
- Успенский Александр Иванович, проф. Харьк. ун-та 306
- Успенский Виктор Матвеевич, рос. консул в Кульдже 236, 244, 388, 438, 450, 454
- Успенский Н. И., студент 13-й Рос. дух. мис. 155, 156, 361, 375
- Устрялов Николай Герасимович, акад., историк 117, 315
- Устюжанин, см. Панкратьев Никита
- Ухтомский Эспер Эсперович, князь, публицист, поэт, редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» (с 1896 г.) 274, 340, 452, 455
- Учюрта-гайши см. Цецен-хан
- Очирту Ушаков Дмитрий Николаевич, чл.-кор. АН СССР 4
- Ушинский Константин Дмитриевич, педагог 187
- Фаворов Иван, подьячий Посольско-го приказа 23, 27
- Фан дер Фельде см. Фельде Фан-дер
- Фань Вэнь-лань, кит. историк 168, 299, 327
- Федоренко Николай Трофимович, чл.-кор. АН СССР 319
- Федоров М. П., автор 347
- Фелицын Николай, сын протоиерея 415
- Фелицын П. А., протоиерей 416
- Фельде Фан-дер, автор 318
- Феникс Илья, брат Н. Я. Бичурина 310
- Фенов, ученик Гонзы 61
- Феншен [Сяньфэн] 406, 407
- Феофилакт см. Киселевский Феофилакт
- Филатов Иван, сын Л. Ланга 58
- Филимон, иеродиакон, чл. 1-й и 2-й Рос. дух. мис. 36, 42, 358
- Филимонов Иван, иеромонах, студент 2-й Рос. дух. мис. 39, 358, 388, 400
- Филиппов Александр Михайлович, сов. историк-востоковед 294, 296, 297
- Филонов Иван, ученик 7-й Рос. дух. мис. 79, 308, 359

- Фирсов Ерофей, комиссар рус. торгового каравана 33, 301, 368
 Фишер Вильгельм, нем. публикатор 295
 Фишер Иоганн Эбергард, акад., историк 45, 68, 105, 314, 434, 438
 Фишер Федор Богданович, чл.-кор. АН, ботаник 155, 166, 195
 Финшман Ольга Лазаревна, сов. китаевед 306
 Флоринский Василий Маркович, проф. Казанск. ун-та 298
 Флуг Константин Константинович, сов. китаевед 268, 316
 Фойгт Карл Карлович, проф. рус. словесности, писатель 192, 196, 333—335
 Фолу, участник цинского посольства в Россию 35
 Фомина Наталья Ивановна, сов. китаевед 6
 Фонвизин Денис Иванович, писатель-сатирик 73, 307
 Форсель, Карл Оскарович, штабс-капитан, китаевед 388, 449
 Фоуст К. М. (Foust C. M.), автор 320
 Фохт [Н. А.], губернский секретарь 374
 Френ Христиан Данилович, акад., арабист, иранист, тюрколог 101, 128, 185, 191, 199, 333
 Фритше Г. И., директор обсерватории в Пекине 325
 Фролов И. К., собиратель-коллекционер 18, 295
 Фулахэ, маньчжур, преп. школы рус. яз. при Дворцовой канцелярии в Пекине 42
 Фурман Стефан 304
 Фурсенко В., автор 26, 297
 Фус Егор Николаевич, астроном 141, 322, 360
 Фус Павел Николаевич, акад., не-прем. секретарь АН 152, 333, 334
 Фуча, учитель маньчж. яз. 134
 Хабаров Григорий, переводчик кит. яз. 244
 Халил-Султан, мурза, тимурид 437
 Хамба Цзай, бурятский лама 414
 Хань, «хан» 412
 Хань Фэй (Хань Фэй-цзы), древне-кит. философ 267
 Хань Юй, средневековый кит. поэт и писатель 267, 268
 Харитонович Тимофей, ученик школы переводчиков при Коллегии ин. дел 80
 Харлампович Константин Васильевич, приват-доцент Казанск. ун-та, преп. Казанск. дух. академии, историк церкви, чл.-кор. АН 310
 Хауссманн (Hauszman), синолог 436
 Хван М. Ф., сов. ученый 319, 410
 Хвостов Дмитрий Иванович, чл.-кор. АН, поэт 136, 322
 Хилковский [Н. А.], автор 438
 Хионин Алексей Павлович, драгоман рос. консульства в Кашгаре 259
 Хо-шэнь см. Хэшэнь
 Howorth Н. Н., автор 438
 Хомен, цинский генерал-прокурор 403
 Хорошев см. Любимов Н. И.
 Храповицкий Михаил Данилович, китаевед 155—157, 169—171, 188, 361, 375, 382, 388, 427, 432, 434
 Хуала-сун, «хан» 398
 Хуан, учитель маньчж. и кит. яз. 135
 Худобашев, востоковед 191
 Худяков П. Р., глава рус. торгов. каравана 28, 34
 Хун Иосиф, учитель кит. яз. 142
 Хун Лян-цзи (Хун Лян-дэй), кит. чиновник 406, 407
 Хэ Лин-хань, цинский министр 420
 Хэ Цю-тао, кит. историк 177, 329, 341
 Хэйл А. Р. (Hall A. R.), америк. ученый 316
 Хэшэнь (Хо-шэнь), цинский министр 399
 Цагарели Александр Антонович, проф. Петербургск. ун-та, востоковед 273
 Цао Чжэн-юн, цинский министр 420
 Цвет Николай, архимандрит, нач. 6-й Рос. дух. мис. 308, 359, 370, 401
 Цветков Петр (Павел), чл. 13-й Рос. дух. мис. 167, 327
 Цэван Раптань см. Цэван Рабдан
 Цейлер, проф. АН 70
 Церен-Дондук, наследник калмыцкого Аюка-хана 35
 Цецен-хан Очирту, хошоутский феодал 22
 Цзи Гуй 443
 Цзи Сы, маньчжур, знакомый Е. П. Ковалевского 424
 Цзин Чжэн (Чжен), цинский министр 420
 Цзо Гуан-доу, кит. чиновник 432
 Цзонкава см. Дзон-Кавоя
 Цзэн Го-фань, цинский сановник 373, 450
 Цзю Бин-чжин (Гю Бин чжин), кит. поэт 75
 Цзя И, кит. ученый 434
 Цзяцин (Жинцзунсунгяня), цинский

- император 312, 403, 406, 432, 435, 449, 450
- Ци Ин, цинский министр 420
- Ци Хэ-чао, кит. слановник 167, 451
- Цибиков Г. Ц. см. Цыбиков Г. Ц.
- Ци Ши-и (Цишай), «маньчжурский принц» 321, 407
- Цивильков Михаил, студент вост. ф-та Петербургск. ун-та, чиновник Азиатского департа. МИД 204, 206, 210, 336, 337, 382
- Цин ли, сунский император 458
- Цин Ши-гун, кит. историк 458
- Цинь Ши-хуанди (Цин-шихуанди), кит. император 231
- Цуань Ши-дэ (Цуань-шидэ или Цуань Лун-янь) кит. гос. деятель юаньской эпохи 441
- Цыбиков (Цибиков) Гомбоджаб (Гонбочжаб) Цэбкович, проф. вост. ин-та, тибетолог, монголовед 236, 254, 259, 343, 384, 385
- Цыбузгин В. И., учитель кит. яз. в дунганских школах 236, 343
- Цыдыпов, выпускник Ургинской школы переводчиков 245
- Цэван Рабдан (Цэван Раптань), джунгарский князь 124, 130, 403, 409
- Цюань Ши-энь, преп. кит. яз. в Петербургск. ун-те 268
- Цянь И, древнекит. медик 433
- Цяньлун (Киянь-лун, Кянлун, Кян-лун, Цян-лун, Цянь-лун), цинский император 87, 403, 406, 407, 409, 413 421, 431, 432, 435
- Чан Лин, цинский министр 420
- Чан Сан, кит. врач 196
- Чан Чунь, лаоский монах 177
- Чарторыйский Адам Ежи, князь, министр ин. дел. России (1805) 371
- Чеканов Никита Михайлович, студент Рос. дух. мис. 62, 305, 306, 358
- Чекмарев Степан, ученик школы И. К. Россохина при АН 44—46, 393,
- Чен, тибетский лама 94
- Червонецкий Т. Г., преп. вост. ф-та ГДУ, китаевед 348
- Черепанов С. И., казак 185, 316, 332
- Чернышевский Николай Гаврилович, революционер-демократ, писатель 201
- Честной Дмитрий Семенович (в монашестве Аввакум), архимандрит, нач. II-й Рос. дух. мис., китаевед 9, 118, 119, 131, 132, 137, 140—146, 155, 169, 170, 173, 318, 322, 323, 327, 328, 360, 372—374, 388, 421, 422, 426
- Чехович, воспитанник минской гимназии 328
- Чешев И., китаевед 343
- Чжан, кит. амбан в Лхассе 452
- Чжан, «хан» 412
- Чжан гэ-лао (Джан гэ-лао), кит. историк 195, 418
- Чжан Дэ-хуй (Джан Дэ-хой) 177
- Чжан Ин, преп. кит. яз. Петербургск. ун-та 268
- Чжан Му, кит. историк 341
- Чжанци (Чжан-чжи), пекинский хутухта 425
- Чжан Чжэнь-янь, кит. чиновник 432
- Чжан Юй-чуань, преп. кит. яз. в Практической Вост. академии 283
- Чжао, родоначальник кит. рода Чжао 408
- Чжао, учитель маньчж. и кит. яз. 135
- Чжао Хун, кит. автор 213, 337
- Чжао Цзы-хуа, древнекит. медик 433
- Чжи Сюй, кит. ученый 209
- Чжоу Гэ (Джоу Гэ, Джога Федор, Джоуга, Петров Федор), первый преп. кит. яз. в России 5, 55—61, 69, 111, 305, 362, 364, 365, 368
- Чжу Лэ-ху, кит. медик цзиньского периода 433
- Чжу Юнь-цзин, кит. чиновник 432
- Чжун Чан, цинский министр 432
- Чжуси (Чжу-си), кит. философ 408, 411, 427, 432, 458
- Чжэнь Цюань, древнекит. медик 433
- Чильдерс Р., буддолог 336
- Чингис-хан Темучин, монг. завоеватель 101, 118, 176, 177, 320, 396, 410, 413, 424
- Чистович Иларион Алексеевич, чл.-кор. АН 322, 325
- Чмутов Иван Иванович, художник 155, 166, 167, 325, 361, 428
- Чортхэ, лама, учитель тибет. яз. 142
- Чугуевский Леонид Иоакимович, сов. китаевед 6, 93, 120, 292, 312, 313, 319, 414
- Чун Бин, преп. кит. яз. в Ургинской школе переводчиков 245
- Чэлмерс (Chalmers), синолог 238, 343
- Чэн (Ченг), китаец, преп. кит. разговорн. яз. Петербургск. ун-та 240, 265
- Чэн, сюцай, солдат, учитель кит. яз. 142
- Чэн Мэй-цзи, кит. автор 100
- Чэн Хун-цзы, преп. кит. разговорн. яз. на курсах при Об-ве востоковедения 282, 348
- Шаванн Эдуард Эммануэль, фр. синолог 266, 267, 290

- Шамов Г. Ф., сов. ученый 333, 334, 419, 421
- Шан, кит. сановник 421
- Шан Юй-линь, преп. кит. разговорн. яз. на курсах при Об-ве востоковедения 282
- Шангин В. А., чл. студенч. кружка ориенталистов при Петербургск. ун-те 272
- Шао Хэн-сюнь, преп. кит. яз. Петербургск. ун-та 240
- Шаренберг Валериан Николаевич, штабс-капитан, выпускник Вост. ин-та 257
- Шармуа Франсуа Бернар, адъютант АН, преп. персид. яз. в Петербургск. ун-те 101, 191, 333
- Шастина Нина Павловна, сов. востоковед 101, 294, 296, 313, 318, 319
- Шафрановская Тамара Константиновна, сов. китаевед 6, 30, 299—301, 303
- Шафрановский Константин Илларионович, сов. библиограф 300, 301
- Шафрух 181, 437
- Шахрух (Шах Роха), мирза, сын Тимур 181, 437
- Шебалин Петр, переводчик 244
- Шебуев В. П., художник 167
- Шевелев Михаил Григорьевич, выпускник Кяхтинской школы переводчиков 113, 114, 316
- Шевырев Степан Петрович, акад., историк литературы, проф. Московск. ун-та, литературн. критик, поэт 107
- Шелехов Николай, ученик петербургск. коммерческого училища 138, 387
- Шеллинг Фридрих Вильгельм, нем. философ-идеалист 146
- Шельтер, лейпцигский гравер 103
- Шестопалов (Яблонцев) Иван, ученик 1-й Рос. дух. мис. 38, 40, 358, 365, 369
- Шеу Пин, преп. кит. яз. 42, 393
- Ши Сян-юнь, китаецка 428
- Шиллинг (фон Канштадт) Павел Львович, чл.-кор. АН, изобретатель и ученый 98, 102—104, 108—110, 117, 126, 127, 133, 136, 146, 247, 314, 321, 322, 443
- Шиловский С. М., адресат Н. Я. Бичурина 416
- Шимкович, топограф 171
- Ширинский-Шихматов Платон Александрович, акад., министр народн. просвещения 201
- Шифман Александр Иосифович, сов. ученый 340, 345
- Шифнер А. (Schiffner A.), автор 336
- Шихарев Иван, причетник 306, 358
- Шицзу (Шуньдзий, Шунь-Джий, Шунь-Джихан, Шунь-чжи), цинский император 78, 402, 432
- Шишков Александр Семенович, гос. деятель, писатель, поч. чл. АН 132, 321
- Шишковский Иоаким, нач. 7-й Рос. дух. мис. 308, 359
- Шишмарев Яков Парфентьевич, переводчик с маньчж. яз., консул в Урге 171, 236, 243, 244, 342, 378, 454—456
- Шкуркин Павел Васильевич, выпускник Вост. ин-та, китаевед 256, 280, 281
- Шлагинтвейт Роб. 387
- Шлещер Август Людвиг, акад. и поч. чл. АН, историк 67—69, 306
- Шлоссер Фридрих Кристоф, нем. историк 232, 340
- Шмаков Александр выпускник Кульджинской школы переводчиков 244
- Шмельнов П. В. 279
- Шмидт Александр Эдуардович, проф., арабист 273
- Шмидт И. А. Е. (Schmidt J. A. E.), переводчик 331
- Шмидт Исаак Яков (Яков Иванович), акад., монголовед 105, 118, 119, 191, 199, 422
- Шмидт Петр Петрович, проф. Вост. ин-та, китаевед 236, 253—255, 259, 264, 272, 284, 343, 344, 384—386
- Шокуров Михаил Л., кабинет-курьер, майор 61, 62, 305, 367, 368
- Шофман А. С., сов. ученый 334, 419
- Шпринцин Александр Григорьевич, сов. китаевед 13
- Штернберг Лев Яковлевич, чл.-кор. АН СССР, этнограф 274, 275
- Шторх Андрей Карлович, акад. 128
- Штумпф (Штумф) Килиан, иезуит, миссионер в Китае 31, 299
- Шуберт Фридрих Теодор (Федор Иванович), акад., астроном, математик 89
- Шувалов М., автор 332
- Шуйский Василий, царь 16
- Шуйский Н. А., китаевед 236, 454
- Шуллер Е. (Schuller E.), переводчик 329
- Шульгин Герасим, ученик 2-й Рос. дух. мис. 39—41, 358
- Шумахер Иоганн Даниил (Иван Данилович), советник канцелярии АН, библиотечарь 47, 60
- Шумин, преп. рус. яз. в школе при Лифаньюане 183

- Шунь Юй-и см. Тай Цан-гун
Шунь-чжи (Шуньджий, Шунь-Джий,
Шунь-Джихан) см. Шинцау
Шухарт Г., автор 316
Шушель, чиновник 373
Шэнь, учитель кит. яз. 158
Шэнь Ци-сянь, цинский министр 420
- Шегорин Федор, иркутский купец 83,
85—88, 109, 309, 370
Шепеткин Семейко, конный казак 18
Щербатской Федор Ипполитович,
акад., индолог, буддолог 265, 273—
275, 277, 283, 336, 456
Шукин, казачий сотник 91, 371
Шукин Н. С., литератор, историк 107,
327, 413
Щуцкий Юлиан Константинович, сов.
китаевед 307
Щученко К., чиновник Моск. архива
МИД 342
- Эйри Ж. Б. (Eugies J. B.), синолог
94, 117, 331
Эль-Бируни см. ал-Бируни
Энгельс Фридрих 324
Эрдман Федор (Франц) Иванович,
проф. Казанск. ун-та, востоковед
117, 412
Эрист Сергей Ростиславович, сов. ис-
кусствовед 323
Этинген Я., китаевед 343
- Ю Цзи, кит. чиновник 432
Юань Хуан, кит. чиновник 432
Юань Ши-кай, кит. полит. деятель
270, 281
Юматов Амвросий, архимандрит, нач.
5-й Рос. дух. мис. 65, 76, 359, 370
Юньдунь Дорджи (Юньдунь Дарц-
зи), ургинский князь 409, 414
Юнчжэн (Юнджен, Юн-Джен), цин-
ский император 42, 72—74, 78, 133,
307, 397, 402, 431, 432, 459
Юнь — см. Юнь Чин
Юнь Чин, переводчик, директор шко-
лы рус. яз. при Лифаньюане 84, 401
Юрьев Иван, грек, участник посоль-
ства Н. Г. Спафария 23
Юсуф, мулла 458
- Яблонская Алина, польский востоко-
вед 316
Ядринцев Николай Михайлович, си-
бирский писатель и обществ. дея-
тель 239, 454, 455
Яздовский Александр, студент вост.
ф-та Петербургск. ун-та 272
Якимов А. Е., сов. ученый 345
Якимов Степан, ученик 5-й Рос. дух.
мис. 65, 303
Якоби Иван Варфоломеевич, 1726—
1803. С 1783 г. иркут. и колыван-
ский ген.-губ. 78
Якоби Варфоломей Валентинович
1687—1769. С 1740 г. комен. Селен-
гинска 69, 71
Яковлев Александр Григорьевич, сов.
китаевед 6
Яковлева Пелагея Тихоновна, сов.
историк 296, 297
Якуб-бек, глава (хан) мусульман-
ского гос-ва Джеты-Шаар в Каш-
гарии 249, 273
Якубовский Александр Юрьевич, сов.
востоковед 101, 176, 213, 313, 314,
318, 329, 337
Якут Илларион, причетник 358
Якутов Петр, причетник, чл. 1-й Рос.
дух. мис. 37, 358
Ялычев Бурнаш, служилый человек
294
Ян Ван, кит. князь, впоследствии
минский император Чжу Ди 86
Ян-дзе-паньши жун, автор 391
Яновский Н., студент вост. ф-та Пе-
тербургск. ун-та 271
Янчевецкий Дмитрий Григорьевич,
студент вост. ф-та Петербургск. ун-
та 236, 271, 343, 384
Янчи, волостной старшина, китаец 243
Яо Сэн-юань, древнекит. медик 433
Яо Цзу-тун 420
Яроцкий А. В., автор 314
Ярышкин Петр, тобольский татар-
ский голова 20
Яфицкий Василий, причетник, чл. 9-й
Рос. дух. мис. 91, 360, 416
Яцимирский Александр Иванович,
проф. Петербургск. ун-та, историк
литературы, славяновед 26

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Академии

- Азиатская академия 189, 190, 310
- Академия наук 9, 32—34, 40, 43, 45—47, 49—54, 58, 60, 64, 67, 68, 88, 101, 105, 108, 116, 118, 126, 128, 132, 133, 141, 152, 163, 165, 199, 200, 206, 228, 229, 246—248, 271, 274, 286, 292, 295, 300, 301, 303—306, 310, 312—314, 319—321, 325, 333, 336, 338, 340, 345, 346, 356, 362—364, 366, 369, 376, 378, 386, 390, 403, 414, 416, 441
- Александро-Азиатская академия (проект) 190
- Военно-медицинская академия 166
- Восточная академия (проект) 332
- Высшая коммерческая академия 283
- Медико-хирургическая академия 131, 145, 153, 166, 174, 193, 195, 323, 371, 404
- Медицинская академия 128
- Московская славяно-греко-латинская академия 39, 49, 56, 57, 62, 69, 376
- Практическая восточная академия 281—284, 348, 354, 362, 385, 386
- Художественная академия 147, 148, 154, 155, 167, 175, 312, 323, 325, 326, 342
- См. также Архивы, Библиотеки, Институты, Музеи
- Академии духовные см. Учреждения российские духовные
- Археология (материальная культура)
 - Китай 75, 176, 179, 181, 185, 229, 273—278, 280, 284, 285, 347, 451
 - древности, памятники 129, 275—277, 295, 346, 432, 441, — медали 138
 - эпиграфика 143, 147, 229, 247, 272, 371, 373, 392, 441

- См. также Коллекции археологические, Общества рус. научные
- Архивы (архивные материалы) 12—14, 21, 25—27, 31, 32, 52, 71, 79, 102, 130, 138, 141, 177, 186, 296, 298—300, 305, 310, 314, 319, 325, 332, 337, 342, 356, 362, 381
- Азиатского музея 268, 319
- Академии наук СССР 44, 82, 209, 277, 304, 306, 310, 320, 340
- востоковедов Института народов Азии 324
- внешней политики России МИД 130, 308, 310, 316, 318, 324, 327, 364—369, 371—373, 375—382, 386, 387, 395, 397, 404—407, 418, 420, 423—426, 435, 449, 450, 459, 460
- Государственный архив Германии в Берлине 32
- Государственный архив Иркутской области 311
- Государственный исторический архив Ленинградской области 82, 311, 324, 336, 337, 346—348, 371, 379, 382—384, 386, 409, 416, 447, 460
- Государственный архив Красноярска 295, 341
- Государственный Разрядный архив 296
- Казанского университета 138, 152, 224
- Ленинградское отделение архива АН СССР 296, 303, 320, 326, 333, 334, 338, 340, 347, 362, 369, 384, 385, 388—394, 396, 406, 423, 440, 452, 456, 458, 460
- Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР 150, 181, 294, 307—309, 311—313, 315, 316, 318, 320—323, 329, 331, 344, 366, 371, 376, 394, 396, 398—403, 405—414, 416, 418—420, 422—425, 437, 439, 446—453, 457, 458, 460

- Ленинградское отделение Института истории АН СССР 397, 460
- Миссий Российских духовных 77, 84, 177, 184, 185
- русских китаеведов 120, 164, 246, 334
- Синода 302, 367—369
- Тобольский архив 67, 370
- Центральный государственный архив древних актов 18, 21, 299, 300, 332, 342, 364—370, 375, 379, 386, 387, 390, 394—397, 424, 426, 446, 457, 460
- Центральный государственный архив Татарской АССР (ЦГА Тат. АССР) 319, 334, 410—412, 418, 421, 425, 458, 460
- Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ) 186, 314, 322, 323, 325, 328, 332, 337, 344, 365—373, 375, 376, 378, 380—387, 456, 460

Библиографии, биобиблиографии 12, 93, 120, 122, 144, 166, 174, 199, 209, 236, 292, 293, 297, 299, 308, 315, 317—319, 323, 324, 327, 329, 333, 335, 337, 338, 340—345, 353—356, 433, 442, 445

— каталоги (реестры) 118, 133, 143, 144, 175, 190, 217, 224, 269, 304, 321, 331, 338, 339, 405, 432, 448

Библиотеки 102, 131, 265, 266, 345, 379

- Азиатского департамента 175, 185, 308, 386, 400, 402
- Азиатского музея АН 318
- Академии наук 32, 36, 42, 50, 295, 300, 317, 321, 363, 392—396, 405, 408—414, 458, 460
- Восточного института (Владивосток) 394
- Восточного факультета Ленинградского государственного университета 93, 133, 339, 382, 416, 418, 460
- Государственная библиотека им. В. И. Ленина 144, 164, 166, 295, 317, 322, 326, 328, 336, 340, 341, 394, 397, 398, 400, 412, 417, 418, 420—422, 424—426, 433, 434, 436, 447, 450, 454, 457—460
- Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина 78, 101, 124, 131, 185, 219, 246, 294—296, 299, 302, 310—312, 314, 317, 334, 366, 378, 386, 390, 391, 396, 398—403, 405, 408—414,

417, 420, 421, 423—425, 435, 451, 457, 460

- Императорская библиотека в Париже 162, 163, 304
 - Казанского государственного университета 319, 417, 419, 421, 426, 460
 - Московского главного архива МИД 395
 - Московского государственного университета 131, 386
 - Научная библиотека при Иркутском государственном университете 90, 321
 - Петербургской духовной академии 131
 - Португальской миссии в Китае 93, 149, 150, 324
 - Российских духовных миссий в Пекине 84, 85, 129, 150, 175, 311, 375, 402
- См. также Коллекции

Войны 270, 370, 413, 449

- вторжение капиталистических держав в Китай («опиумные войны», англо-китайская война) 149, 156, 163, 169, 404, 427
- завоевание маньчжурами Китая 396, 401, 425, 458
- завоевание монголами Китая 411, 457
- завоевание Цинами Джунгарии 46, 307, 314, 421
- завоевание Цинами Монголии 212, 213
- завоевание Цинами Тибета 88
- завоевание Цинами Туркестана 88
- завоевание Цинами Халхи 363, 389
- японо-китайская война 252, 339, 446

Восстания, революционное движение 7, 11, 78, 426, 458

- антииностранное 1870 г. 429
- антиханьское (против Ван Мана) 418
- антицинское 401, 449
- дунганские (мусульманские) 212, 213, 241, 273, 401, 448
- мяоцзы 78, 401
- на Тайване 135
- Южных провинций 135, 406, 407
- Ихэтуань (боксерское) 11, 238—240, 261, 269, 270, 327, 342
- Ли Цзы-чэна 124, 130, 402, 404, 425, 434

- Синьхайская революция 11, 270, 271
- Тайпины 7, 11, 156, 161, 162, 168, 169, 173, 308, 318, 322, 325—327, 375, 427, 428, 435, 436, 449, 452, 455
- Газеты (кит.) 174, 197, 207, 227, 238, 270, 271, 281, 282, 420, 449, 450, 453
 - Пекинская газета 261, 382
 - Хубао (Синьвэньбао) 453
 - Цзинбао 136, 173, 218
 - Шэньбао 173, 453
- География Китая 244, 253—255, 259, 263, 282, 284, 295, 296, 309, 322, 355, 390, 391, 394, 396, 397, 402, 403, 407—410, 414, 420, 424—426, 434, 435, 438, 440, 441, 445, 451, 452
 - атласы 49, 50, 52, 363, 389, 432
 - Великая стена 17, 18, 25, 148, 396, 434
 - города, их описания и планы 72, 79, 94, 99, 102, 104, 129, 213, 305, 312, 318, 376, 378, 389, 390, 410, 415, 422, 423, 433, 434
 - историческая география 49, 102, 104, 179, 267, 319, 341, 391, 410
 - железные дороги, КВЖД 229, 230, 244, 252, 278, 282, 342, 428, 452
 - карты и чертежи 17, 27, 29, 31, 39, 43, 47, 80, 96, 104, 105, 108, 116, 119, 129, 137, 163, 184, 185, 217, 219, 246, 304, 312—314, 317, 318, 338, 341, 342, 371, 376—378, 387, 392, 401, 411, 416, 432, 433, 448
 - климат 433, 434
 - народонаселение 21, 115, 118, 138, 159, 167, 171, 175, 214, 232, 317, 394, 445, 458
 - пути в Китай 27, 96, 99, 106, 155, 179, 182, 325, 365, 369, 392, 399, 400, 419, 427
 - морские 15, 24, 171, 293, 413, 428
 - поиски путей 15, 16, 22, 24, 293
 - пути посольств 17—21, 23, 25, 39, 171, 297, 304
 - торговые пути 21, 24, 29, 31, 33, 136, 171, 184, 305, 365, 387, 420
 - реки и каналы 95, 116, 312, 408, 432, 433, 435, 445, 449
 - флора и фауна 153, 161, 166, 180, 195, 432, 433, 439, 444, 451
- См. также Наследие русских китайцев, Наука в Китае, Некитайские народности в Китае, Соседи Китая
- Государство в Китае 85, 88, 128, 218, 328, 344, 345, 370, 393, 396, 406, 440, 457
 - административное устройство 49, 72, 115, 121, 174, 213, 425, 438, 440, 449
 - военные поселения 425, 432
 - войска регулярные и нерегулярные 343, 396, 413, 421, 425, 428, 434, 455
 - военное искусство (цзянь-би цин-е) 169
 - Восьмизнаменные 43, 47, 50, 67, 70, 74, 299, 306, 364, 390, 391, 394, 397, 406, 407, 433, 442
 - оружие 147, 169, 390, 408, 455
 - полиция (милиция) 429, 436, 449
 - русские в китайских войсках 14, 15, 93, 167, 170, 293, 299, 435
 - флот 408, 431, 432
 - деспотический абсолютизм, монархия 66, 67, 74, 78, 87, 162
 - законодательство 67, 74, 75, 96, 201, 268, 307, 322, 411, 435, 450
 - право, юриспруденция 128, 187
 - судопроизводство 92, 122, 440, 450
 - уголовное 67, 72, 119, 157, 341, 343, 434
 - политика 27, 30, 44, 47, 85, 87, 89, 163, 173, 188, 231, 254, 281, 285, 287, 428, 449
 - реформаторы 238, 261, 269, 281, 342, 345
 - титулы и чины 49, 63, 70, 75, 104, 121, 363, 389, 391, 396, 399, 432, 441, 445, 449
 - удельная система 214, 430, 440
 - учреждения 75, 432, 440, 449, 450
 - Астрономический приказ 431
 - Военная палата 425
 - Государственный совет (Цзюньцзинчу) 169, 213, 327, 368, 440, 449
 - Гоцзыцзянь (государственное училище) 41
 - Дворцовая канцелярия 41
 - Лифаньюань (Мунгальский приказ, Палата внешних сношений, Трибунал внешних сношений) 37, 41, 48, 61, 63, 65, 77, 81, 84, 92, 132—134, 142, 148, 154, 155, 169, 183, 219, 305, 314, 321, 366—368,

- 370, 376, 396, 402, 406, 407, 425, 426
- Медицинский приказ 174, 436
 - Министерство уголовное 441
 - Министерство финансов 447
 - Палата государственных чинов 148, 409, 426
 - Педагогический институт в Пекине 413
 - Пекинская дворцовая типография 102
 - Пекинский университет 401
 - присутственные места 426, 445
 - Ханьлиньюань 401, 445
 - Цзунлиямынь 453
 - феодальный гнет 233
 - фанансы 173, 449
 - экзаменационная система 422, 432
- См. также Войны Династии, Русско-китайские отношения, Социальные слои кит. общества, Экономика Китая
- Демидовские премии** 105, 115, 116, 120, 314, 317
- Династии** 87, 162, 396, 440
- Вей 440
 - Лу 440
 - Ляо 213, 214, 435, 440
 - Мин 10, 15, 17—19, 27, 49, 86, 123, 124, 130, 132, 157, 212, 217, 272, 294, 296, 341, 402, 406, 418, 422, 425, 430, 434, 438, 449
 - Сун 199, 268, 391, 434, 440, 458
 - Ся 409, 430
 - Тан 230, 267, 268, 272, 399, 403, 430
 - Хань 159, 161, 220, 249, 261, 272, — 409, 418, 434, 440
 - Цзинь 145, 213, 214, 216, 422, 433—435, 440
 - Ци 440
 - Цин (маньчжурское правительство) 7, 9, 10, 11, 14, 22, 27—31, 35, 37, 38, 47, 49, 51, 62, 63, 65, 67, 75, 76, 85—88, 92, 108, 124, 129, 130, 134, 149, 152, 156, 162, 163, 168, 169, 181, 182, 187, 188, 206, 212—215, 219, 226, 227, 268, 273, 284, 285, 287, 302, 341, 343, 347, 390, 391, 396, 401, 406, 426, 431, 432, 435, 440
 - Цинь 157, 231, 261, 434, 440
 - Чжоу 409, 431, 440
 - Чу 408, 440
 - Шан 409
 - Юань 14, 15, 49, 120, 174, 177, 212, 214, 341, 423, 434, 437, 438, 440, 441
- См. также Династийные истории
- Династийные истории** 132, 437
- Ляоши 96, 157
 - Минши 124, 132, 217, 406, 410, 425
 - Цзиньши 96, 145
 - Циншигао 132
 - Цянь Хань шу 102, 159
 - Юаньши 14, 15, 82, 83, 96, 101, 124, 130, 176, 181, 293, 320, 409, 437
 - Юаньши лэйбянь 437
 - Юаньчао миши 176
- См. также Источники по истории Китая
- Дипломатические документы** 67, 77, 99, 169, 294, 297—299, 301, 302, 306, 309, 327, 343, 387, 400, 453
- Боксерский протокол 278
 - грамоты и указы русского правительства 16, 18, 19, 23—25, 27, 29, 30, 33, 34, 72, 296, 297, 366, 373, 424
 - грамоты китайских императоров 17, 19, 23, 296, 440—442
 - договоры и трактаты 168, 172, 218, 244, 255, 261, 332, 338, 339, 397, 427, 441, 453
 - Айгунский 169, 327, 427, 453
 - Буринский 38
 - Кульджинский 187, 424
 - Кяхтинский 35, 38, 39, 62, 63, 65, 67, 72, 83, 127, 226
 - Международный акт, договор России с Китаем 8 февраля 1792 г. 83, 85
 - Нанкинский 149
 - Нерчинский 28, 39, 260, 296—298, 435
 - Пекинский 154, 156, 163, 169, 172, 201, 216, 242, 260, 327, 342
 - Петербургский 242, 252, 261, 266
 - Тяньцзиньский 37, 169, 201, 216, 242, 260, 327, 427, 438
 - переписка 219, 306, 310, 370, 406, 442
- См. также Русско-китайские отношения
- Зарубежные объединения ориенталистов**
- Азиатское общество в Париже 94, 101, 107, 126, 247, 313
 - Азиатское общество в Шанхае 249
 - Академия надписей в Париже 181

- Британское библейское общество 133, 247, 376
- Географическое общество в Париже 181
- Международная ассоциация для изучения Средней Азии 452
- Международная ассоциация для исследования археологии и лингвистики Центральной Азии и Дальнего Востока 273
- Международные географические конгрессы 219
- Международные конгрессы ориенталистов 165, 237, 248—250, 273, 292, 333, 341—343
- Общество северных антиквариев в Копенгагене 126
- Школа живых восточных языков в Париже 249, 384
- См. также Научные общества и учреждения России, связанные с Китаеведением
- Идеология Китая** 73, 74, 122, 188, 195, 204, 232, 233, 246, 286, 307, 308, 340, 341, 344
 - религии и культы 62, 91, 116, 118, 172, 176, 193, 201, 206, 209, 221, 223, 250, 287, 323, 336, 338, 394, 424, 425, 456, 458
 - монастыри и храмы 138, 275, 408, 413, 423, 434, 440, 441, 448
 - Дуньхуан 277, 456
- религиозно-философские системы 425
 - буддизм 101, 128, 131—132, 144, 151—153, 193, 205, 206, 208, 209, 220—226, 231, 235, 249, 265, 288, 336, 340, 387, 414, 417, 423, 425, 432, 441, 443—446, 448
 - трактаты 99, 144, 151, 206, 209, 220, 221, 422—425, 440, 443—445
 - Ганьжур
 - Ганьжур 114
 - Данчжур 151, 423
 - Фониюэнь ган дэин 193, 417
 - Хутухту Декгэду Алтан Гэрэльту Судурногодун Эркету Хаган 205, 442
 - Юэ цзан чжи цзин 443
 - школы 209, 423, 443
 - даосизм 128, 144, 145, 193, 220—223, 226, 233, 265, 288, 327, 336, 417, 432, 444, 445
 - дао 323
 - Даодэцзин 193, 195, 417
- конфуцианство (религия ученых) 44, 54, 88, 106, 128, 131, 172, 193, 207, 220, 221, 223, 225, 226, 231, 233, 265, 288, 317, 336, 344, 413, 417, 419, 427, 440, 488
 - инь — ян 73
 - каноны 266, 269
 - Дасюэ (Та-сио) 73, 104, 194, 247, 307, 314, 333, 408, 411, 432, 442
 - Или 432, 442
 - Ицзин (Книга перемен) 73, 246, 307, 432, 442
 - Лицзи 432, 439, 447
 - Луньюй 220, 225, 247, 261, 263, 271, 408, 432, 447
 - Саньцзыцзин (Троесло-вие) 41, 44, 46, 58, 81, 99, 102—104, 107, 155, 314, 393, 397, 398
 - Сышу (Четырехкни-жие) 44—46, 73, 74, 94—96, 145, 148, 194—197, 207, 231, 307, 395, 408, 417, 419
 - Чжоули 195, 418, 439
 - Чжуньюн 73, 74, 78, 104, 194, 247, 272, 307, 314, 408, 442, 447
 - Чуньцю 236, 237, 341, 432, 442
 - Шисаньцзин 96, 432
 - Шинцзин 195, 220, 225, 250, 418, 442, 444, 445, 452
 - Шунцзин 159, 195, 325, 409, 418, 432
 - сочинения Ле-цзы 168, 170, 435
 - сочинения Мэн-цзы 195, 261, 263, 344, 408, 418, 432, 442
 - сочинения Чжуси 432, 458
 - магометанство 329, 339, 417
 - литература 176, 177, 224, 329
 - Юйлань чжимен шилу 329, 339
- секты и тайные общества** 417, 430, 443
- христианство 131, 142, 177, 288, 293, 309, 324, 403, 417, 421, 441
- Евангелие 49, 133, 143, 422
- китайцы-христиане 149, 302, 305, 365

- Книга Бытия 142, 422
- Новый Завет 133, 247, 324, 376
- Тянь-чжуши-и 417
- философия 48, 66, 67, 72, 74, 75, 119, 128, 145, 193, 199, 220, 225, 231, 267, 287, 289, 334, 338, 340, 395, 428, 432
- См. также Искусство Китая, Этнография
- Иностранцы в Китае 15, 91, 93, 99, 149, 162, 164, 168, 169, 171, 180, 185, 193, 201, 227, 230, 239, 240, 255, 273, 277, 278, 302, 311, 315, 327—329, 331, 333, 348, 370, 410, 422, 452
- миссионеры католические, иезуиты 15, 29, 31—33, 54, 66, 76, 77, 82, 85, 93, 117, 118, 120, 135, 145, 149, 184, 185, 246, 293, 299, 302, 304, 305, 307, 323, 324, 366, 373, 394, 413, 417, 422, 423, 427, 438, 457, 458
- опиумная торговля 162, 195, 324
- См. также Библиотека португальской миссии в Китае, Войны
- Институты
 - Азиатский 192, 201, 202, 215, 335, 381
 - Антропологии и этнографии АН СССР 185
 - Востоковедения АН СССР 32, 319
 - Восточный (Владивосток) 211, 252—259, 264, 270, 280, 281, 284, 343, 344, 362, 385
 - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (ЛЮ ИВАН) 292, 303, 304, 312, 332, 333, 354, 355, 357, 460
 - Ленинградское отделение Института истории АН СССР 396
 - этнографии АН СССР 120, 123, 344
- См. также Академии, Научные общества и учреждения России
- Искусство Китая 66, 206, 280, 394
 - альбомы китайских рисунков 153, 163, 185, 436, 439
 - архитектура 147, 154, 169, 185, 306
 - буддийское 276, 277
 - изобразительное искусство 11, 66, 147, 152, 159, 266, 278, 456
 - краски 91, 96, 147
 - музыка и музыканты 147, 429, 432, 436
 - театр и артисты 67, 235, 281, 306, 439
 - художники 91, 147, 153, 185
- См. также Коллекции
- История Китая 7, 10, 12, 27, 38, 46, 47, 49—52, 67, 72, 82, 87, 94—97, 100, 106, 107, 117, 119, 120, 122, 123, 128, 130, 133, 134, 139, 143, 144, 148, 156, 171, 174, 179, 185, 195, 201, 204, 205, 207, 211—215, 218, 220, 225, 226, 229—234, 237, 244, 250, 255, 257, 259, 266, 267, 281, 282, 285, 299, 305, 327, 333—336, 341, 342, 363, 364, 369, 382, 393, 398, 401—403, 409, 410, 412, 418, 421, 422, 426, 440, 444, 445, 449, 452, 457
- знакомство с русской историей 136, 187, 188, 420
- официальная историография 105, 107
- хронология 63, 72, 78, 82, 222, 254, 263, 376, 390, 394, 396, 398, 402, 403, 408, 409, 426, 431, 443
- См. также Династии, Династийные истории, Источники по истории Китая
- Источники по истории Китая 15, 31, 85, 100, 105, 106, 121, 123, 138, 139, 152, 153, 161, 162, 171, 179—182, 197, 199, 206—208, 212, 213, 219, 221, 222, 271, 285, 400, 408, 421, 434
- Байцзясин 53
- Бамбуковые анналы 168
- Бацзи тунчжи 442
- Боудяньхой 431
- Ван боу кюань 75, 308
- Вэй Юань, Шэн у цзи 213, 424, 449
- Вэй цзан туши (Описание Тибета) 99, 100
- Вэньсянь тункао 143, 421, 437
- Ганглянь (Ган-дзянь) 390, 391
- Го Цинь лунь 434
- Гочао Олосымэн пиньцзи 441
- Гуаньхуа чжинань 262
- Гуан юй цзы 437
- Гувэнь юаньцзянь 231, 442
- Гуйи лэйчао 303
- Гулян чжуан 430
- Гуцзин мюань 159
- Гэ янь (Гэянь, т. е. умные речи) 74, 307
- Дайцин и тунчжи 52, 94, 95, 309, 312, 336, 392, 394, 410, 437—439
- Дайцин хойдянь 138, 411, 421, 436
- Дамин и тунчжи 437
- Даоинцзин 434
- Доклады чиновников 50, 104, 402, 406, 414, 431, 432, 452
- Дунь баоцзянь 436
- Душу цзювэнь пу 114
- Исюе саньгуань 194

- Итунджи 48
 - Кайго фанлио 425
 - Кайпи лишу туншу 159, 325
 - Каогу 159
 - Лушуй кэдань 431
 - Ляочжи 213
 - Минсинь баоцзянь 418
 - Минсянь цзи 81, 397, 398
 - Мингъи чжичжа 175, 436
 - Мынгу юмуцзи 230, 238, 271, 341, 451
 - Нун сан цзи яо 172
 - Нун чэнь цюаньшу 172
 - Нюйчжи 438
 - Нянсаньши 104
 - Официальные документы (указы, «поучения») 12, 42, 47, 50, 72—74, 78, 82, 99, 104, 133, 138, 143, 161, 197, 261, 265, 289, 307, 376, 395, 398, 399, 403, 406, 407, 409, 413, 421, 426, 427, 429, 431, 439, 450, 459
 - Паньши дзунлунь 44, 391
 - Пиндин лоча фанлюе 167, 435
 - Прокламации против иностранцев 162, 427, 453
 - Пэйвэнь юньфу 267
 - рукописи китайские 51, 177, 278, 305, 316, 380
 - Санхэ юйлу 414, 458
 - Синли цзингъи цзяли 231
 - Синьцзян чжиляо 105, 437
 - Синьчжуань чанли сюйчжи 442
 - Сисянцзи 220
 - Си юань лу 434, 436
 - Сиюй вэньцзянь лу 102, 105
 - Сиюй сотань 434—435
 - Сиюй тунвэнь чжи 102
 - Сиюй чацзин 159
 - Сиюй чжуань 102
 - Сю вэньсянь тункао 440
 - Сыку цюаньшу 167, 433
 - Сяньвань цзышу 431
 - Сясяо чжэн 439
 - Тайгань синьфа 175, 436
 - Тайцин гурунь и Ухери коли 73, 74, 246
 - Тайшан 126, 320, 403
 - Тунцзянь ганьму 94, 95, 101, 104, 123, 130, 185, 220, 312, 336, 402, 409—411, 440
 - Тхусу тхаумун сынг жа за вань 58
 - Тяньгань 49
 - Убайцзя сяшо 437
 - Ули тункао 145, 423, 431
 - У Нань-чжун, Записки о Нингуге 206
 - Ухэри кооли битхэ 220
 - Фуцзи шуйли цзилань 432
 - Хайхо гучжи 327
 - Хуаньюань шэньу циньчжэнлу 177
 - Хубу цээли 433, 434
 - Цаньсань хэбянь 430
 - Цаньчжи тяюа 430
 - Цзиньчжи 213
 - Цзочжуань 267
 - Цзычжи тунцзянь гялму 46, 50, 389, 394
 - Цзю хуан хуа мин 159, 431
 - Цилин яошу 430
 - Цинвучжан 58
 - Цянь цзы вэнь 44, 58, 393
 - Чжилунь чжэнь цзян чжи 423
 - Чжэньюань шиляо 312
 - Чудзы цюаньшу 452
 - Шаншу юйгун 430
 - Шибаши 261
 - Ши во чжоу хан 420
 - Шисюньцзюй 439
 - Ши сяо эр 430
 - Ши цзи 266, 432
 - Шинь бэньцоу 401
 - Шоуши баюань 175, 436
 - Шоуши тункао 148, 159, 185, 318, 430
 - Шофан бэйчэн 329, 435
 - Шуйдао гуаньцзянь 432
 - Шүцзянь пу 430
 - Шэнун 432
 - Шэнюй гуансюнь 261, 263
 - Энциклопедии 408, 411, 422, 431
 - Юелин 431
 - Юй-пъхи цзы-чжи тхунцзянь ган-му 410
 - Юньлэ дадянь 176
 - Янько лу шулунь 433
- См. также Династийные истории, Идеология Китая, Словари

- Казакки сибирские 16—18, 20, 22, 178, 182, 185, 243, 294—296
- Книгопечатание 104, 164, 326, 428
- ксилографирование 136
- литография кит. текстов 102—104, 114, 117, 183, 211, 224, 246, 247, 272, 283, 314
- типография кит. 165, 405
- шрифты восточные 104, 124, 133, 162, 164, 165, 247, 258, 326, 380
- Коллекции, собрания 66, 180, 247, 306
- археологические 275
- ботанические гербарии 146, 153, 166, 180, 195, 323
- геологические 148, 415
- книжные коллекции, библиотеки 32, 33, 48, 131, 217, 382, 416,
- астрономической литературы 149

- китайской литературы 217, 300, 415
 - русских востоковедов 79, 94, 96, 98, 119, 143, 157, 163, 164, 326, 379, 418
 - музейные 11, 48, 303
 - рисунков 185, 416
 - рукописей 113, 163, 217
 - рыб 166
- Культура и просвещение** 7, 10, 11, 27, 28, 43, 48, 49, 66, 74, 94, 106, 107, 115, 117, 122, 134, 140, 147, 175, 187, 193, 218, 220, 229, 231—234, 239, 255, 257, 259, 266, 271, 281, 284, 286—289, 317, 318, 335, 340, 344, 345, 413, 429
- См. также **Идеология Китая**
- Литература художественная** 128, 136, 137, 187, 199, 201, 206, 207, 212, 214, 215, 220, 222, 224, 225, 230, 235, 246, 248, 265—269, 280, 287, 332, 338, 339, 345, 346, 382, 442
- анекдоты 235, 261, 289, 321
 - афоризмы 74, 235, 400, 403
 - драма 176, 255, 281
 - нравоучения 261, 289, 414
 - поэзия 75, 95, 124, 136, 220, 235, 267—269, 289, 322, 345, 397, 398, 403, 405, 418, 432, 440, 442
 - проза 103, 143, 267, 268, 289, 421
 - Гэньян 261
 - Дэнь-Юнь-цюо 82, 399
 - Дунчжоу лего чжи 433
 - Ляо Чжай, Цзиньгу цигуань 280
 - Путешественник, повесть 136
 - Саньгочжи 185, 458
 - Сиюйцзи 177, 206, 443
 - Хунлоумын 217, 261, 442
 - Цзин, Пин, Мэй 217
 - Чжоучао легочжи 433
 - Шуймынцао 261
 - Эр-ши-сы-сяо 328, 436
 - риторика 95
 - фольклор 266
 - поверья и предания 148, 173, 426, 431
 - пословицы и поговорки 47, 159, 173, 174, 228, 397, 422, 430, 436
 - сказки 280
- См. также **Идеология Китая**
- Медицина в Китае** 48, 95, 130, 145, 153, 166, 170, 174, 175, 187, 435, 436
- акупунктура 167, 434, 436
 - акушерство 175
 - болеутоляющие средства 170, 436
 - врачи китайские 48, 153, 167, 174, 175, 196, 433, 436
 - глазные болезни и пр. 167, 412, 433, 434
 - жэньшэнь 48, 131
 - здравоохранение 153, 167
 - лекарства, лекарственные растения 23, 29, 131, 146, 160, 166, 323, 371, 401, 404, 405, 427, 436
 - медицинские сочинения 124, 131, 167, 174, 175, 371, 404, 405, 433—436
 - Бэньцао ганму 131, 166, 181, 433, 434, 437, 439
 - Ценун яолю 432
 - Чжэньцзю дацзин 434
 - оспа, прививка 94, 95, 129, 412
 - остеология 167, 434
 - патология 175, 435
 - пульс, учение о нем 124, 131, 403, 405, 434, 436
 - спланхиология 167, 434
 - судебная медицина 95, 167, 434
 - терапия 167, 434
 - фармакология, фармакогнозия, рецептура 167, 180, 400, 405, 434, 436
 - холера в Китае 195, 434
- См. также **Русско-китайские отношения, Словари**
- Миссии российские духовные в Пекине** 8, 10, 12, 29, 36, 42, 60, 62, 65, 70, 76, 77, 79, 82, 84, 85, 88, 91, 92, 95—98, 110, 123, 126—128, 135, 140, 141, 143—145, 147, 149, 151, 154—156, 166, 168, 172, 174, 181—183, 185, 187, 188, 191, 192, 195, 196, 199—201, 207, 217, 237, 242, 253, 287, 292, 301—303, 308, 309, 317, 318, 320—325, 327, 328, 331, 332, 334, 341, 358, 362, 365, 367—375, 377, 378, 381, 400—403, 421, 423, 424, 428, 434, 439
- 1-я 30, 34, 37, 41, 358
 - 2-я 39, 41, 302, 358
 - 3-я 61, 305, 358
 - 4-я 61, 63—65, 70, 76, 77, 305, 359
 - 5-я 46, 61, 65, 76, 77, 359
 - 6-я 71, 76, 77, 308, 359
 - 7-я 79, 359
 - 8-я 81, 83, 86, 182, 308, 359
 - 9-я 81, 90, 91, 182, 360, 409
 - 10-я 76, 96, 110, 127—132, 134, 135, 138, 140, 182, 193, 194, 196, 197, 319, 360, 372
 - 11-я 108, 140—143, 146—148, 182, 185, 196, 322, 360
 - 12-я 149—153, 155, 156, 172, 182, 186, 205, 218, 324, 360, 373
 - 13-я 151, 155, 156, 166, 168, 170, 182, 186, 325, 328, 361, 374, 375

- 14-я 156, 169, 171, 172, 182, 328, 361
- 15-я 151, 176
- материалы для истории миссий 137, 302, 305, 306, 308, 309, 317, 319—322, 331
- приставы миссий 83, 91, 96, 127, 141, 150, 155, 169, 181, 182, 185, 186, 324, 328, 332, 358—361, 370—375, 401, 425
- труды Российской духовной миссии в Пекине 130, 152, 167, 170, 172, 173, 176, 177, 188, 247, 324, 327, 424, 434
- церковь русская в Пекине 29, 31, 37, 38, 92, 172, 195, 302, 366, 404, 428, 439

Музей 147

- Азиатский 32, 118, 191, 217, 268, 269, 275, 292, 316, 332, 333, 336, 338, 345, 348, 356, 381, 412, 432
 - Антропологии и этнографии 346
 - Археологического общества 275
 - Государственная Третьяковская галерея 148, 167, 327
 - Государственный исторический музей 389, 460
 - Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 148
 - Китайский дворец в Ораниенбауме (ныне Ломоносов) 66, 306
 - Кунсткамера 36, 48, 304, 369
 - Кяхтинский 316
 - Румянцевский 163—164, 432
 - Русский музей в Ленинграде 154, 167
 - Эрмитаж 275—277
- См. также Коллекции

Наследие русских китаеведов 388

- дневники и журналы 12, 25—27, 30—32, 48, 63, 77, 131, 134, 138, 143, 151, 152, 156, 159—163, 171, 176, 183, 185, 206, 234, 239, 297, 298, 300—302, 320, 325, 327, 328, 330—332, 335, 341, 366, 367, 369—373, 396, 402—404, 413, 419, 421, 423, 427—429, 439, 445, 451, 453, 456
- письма 12, 97—99, 104, 106, 108, 109, 112—114, 116—118, 120, 152, 164, 165, 219, 225, 227, 238, 247, 312, 313, 315, 317—319, 322, 329, 333—335, 340, 341, 343, 366, 370, 371, 373—375, 387, 403, 404, 413—416, 424—429, 432, 435, 446, 450—456
- рукописи 8, 12, 13, 21, 39, 42—44, 47, 49, 52, 62, 63, 65, 68, 73,

- 78—80, 82, 85, 93, 94, 96, 108, 116, 119, 120, 124, 126, 130, 132, 133, 135, 138, 142—145, 147, 148, 150—153, 157, 163, 166, 168, 172, 174—176, 178, 180, 181, 187, 209, 212, 213, 219, 226, 230, 276, 292, 311, 312, 318, 319, 321, 326, 328, 331, 332, 334—336, 338, 340, 341, 343, 344, 363, 373, 378, 392, 410, 412, 416, 419, 423, 428, 432, 458

— труды

- по астрономии и метеорологии 11, 117, 128, 148, 156, 159, 161, 217, 249, 325, 326, 404, 427, 430, 431, 433
- по ботанике 11, 29, 48, 129, 146, 147, 160, 179, 180, 196, 246, 320, 323, 348, 374
- по географии 10—12, 15, 27, 31, 50, 72, 94, 95, 100, 123, 128, 139, 187, 201, 206, 212, 218, 226, 248, 255, 272, 273, 284, 334, 445
- по натуральной истории 23, 128, 129, 147, 280

См. также Коллекции

Наука в Китае

- астрономия и метеорология 42, 49, 392, 401, 410, 411, 427, 431, 458
- география 36, 48, 49, 72, 119, 164, 179, 197, 363, 406, 407, 409
- естественные науки 95, 131, 166, 179, 180
- изобретение компаса и одометра 143, 421
- летосчисление, календари 48, 104, 106, 431, 443
- математические науки 11, 128
- прикладные науки 11
- система мироздания, Небо и Земля 63, 94—95, 396

См. также История Китая, Медицина в Китае

Научные общества и учреждения России, связанные с китаеведением

- Археологическая комиссия 274
- Археологическое нумизматическое общество 138, 322
- Ботанический сад 155, 180, 181, 330
- Вольное общество любителей науки и искусств 126
- Вольное экономическое общество 119, 128, 164, 320
- Магнитно-метеорологическая обсерватория в Пекине 155, 157, 158, 161, 217
- Московское общество натуралис-

- тов (испытателей природы) 128—129, 195, 320, 433
- Общество востоковедения 278—280, 282, 347, 348, 362, 385, 386
 - Благовещенское отделение 279
 - Приамурское отделение 279
 - Общество любителей российской словесности 311
 - Общество русских врачей 174
 - Общество русских ориенталистов 280, 281, 283, 284, 347
 - Петербургское отделение 281
 - Харбинское отделение 281
 - Общество сельского хозяйства 161
 - Общество этнографии Востока и Америки 164
 - Одесское библиографическое общество 417
 - Пулковская обсерватория 155
 - Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии 273—278, 346, 347
 - Русское археологическое общество 164, 274, 322, 347, 460
 - Русское географическое общество 126, 137, 164, 176, 181, 186, 226, 229, 274, 283, 322, 329, 330, 335, 337, 339, 347, 348, 375, 411, 421, 438, 445, 460
 - Санкт-Петербургское минералогическое общество 128
 - Союз ориенталистов на Дальнем Востоке, проект 280
- См. также Зарубежные объединения ориенталистов
- Некитайские народности в Китае 341, 407, 426, 440, 449
- кидани 206, 213, 435, 450
 - маньчжуры 50, 67, 74, 96, 115, 134, 152, 196, 207, 286, 287, 306, 308, 394, 397, 450, 453
 - монголы 65, 94—96, 107, 117, 118, 143, 176, 206, 212, 313—315, 318, 337, 411, 413, 421, 440, 457
 - тангуты 265, 292, 438, 450
 - татары 434, 458
 - тибетцы 287, 292, 451
 - уйгуры 448
 - хуэй (дунгане, мусульмане, магаметане) 198, 212, 213, 229, 241, 428
 - хунну (гунны) 412, 413, 440, 451
 - чжурчжэни 206, 213
- См. также Соседи Китая
- Печать русская, публиковавшая материалы о Китае 11, 97, 232, 239, 248, 257, 261, 269, 271, 326, 385
- Азиатский вестник 133, 314, 321
 - Академические известия 73, 307
 - Библиотека для чтения 115, 137, 315, 317, 319, 322, 332
 - Бюллетень ассоциации 275
 - Вестник Азии 257, 270, 280, 281, 347
 - Вестник археологии и истории 297
 - Вестник Европы 238, 261, 326, 340—342, 344
 - Вестник знания 270, 345
 - Вестник Маньчжурии 257, 347
 - Вестник промышленности 328
 - Военно-медицинский журнал 323
 - Военный мир 344
 - Возрождение 345
 - Восточное обозрение 239, 339, 341, 342
 - Географические известия 293
 - Голос 326, 339
 - Горный журнал 323, 332
 - Гражданин 339, 340
 - Дальневосточное обозрение 270
 - Долина Янцзы 281
 - Друг здоровья 334
 - Дух журналов 459
 - Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах 51, 301, 304, 394
 - Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие 294, 296, 304
 - Живая старина 293
 - Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений 316
 - Журнал изящных искусств 323
 - Журнал министерства внутренних дел 326
 - Журнал министерства государственных имуществ 326
 - Журнал министерства народного просвещения 111, 301, 314—318, 320, 324—327, 332, 334—336, 338, 343, 345, 346, 412, 460
 - Журнал новой истории и географии 52
 - Журнал сельского хозяйства 325
 - Земледельческая газета 119
 - Известия братства православной церкви в Китае 331
 - Иллюстрированная газета 323
 - Исторические, генеалогические и географические примечания к Ведомостям 54
 - Исторический вестник 308
 - Казанские губернские ведомости 334
 - Казанский вестник 324, 338, 348

- Киевская старина 330
 - Китайский благовестник 172, 270, 322, 324, 325, 328, 331, 332, 423, 437
 - Кяхтинский листок 173, 328
 - Литературная газета 108, 314, 315
 - Лучи 316
 - Мануфактурные и горнозаводские известия 332
 - Молва 314
 - Морской сборник 325
 - Москвитянин 107, 116, 170, 315, 317, 318, 334
 - Московские ведомости 313, 330, 428
 - Московские епархиальные ведомости 324
 - Московский вестник 99, 107, 313
 - Московский телеграф 99, 103, 105—108, 183, 313—316, 331, 410
 - Наблюдатель 340
 - Наша заря 345
 - Наши дни 322
 - Нижегородские епархиальные ведомости 320
 - Новое время 339, 340, 343
 - Новости 341
 - Окраины России 270
 - Отечественные записки 119, 122, 170, 194, 205, 315, 317—319, 323—325, 327, 332, 335, 336
 - Правдолюбец 307
 - Правительственный вестник 343
 - Православный собеседник 317, 320
 - Приамурский вестник 343
 - Промышленность 326
 - Пустомеля 72, 73
 - Разведчик 344
 - Русская старина 146, 315, 318, 319, 322, 328
 - Русский архив 322, 325
 - Русский вестник 39, 224, 301, 317, 318, 321, 322, 325, 326, 335, 339, 340, 445
 - Русский инвалид 312, 317
 - Русский художественный листок 167, 325, 327
 - Русское богатство 270
 - Санкт-Петербургские ведомости 35, 173, 301, 314, 328, 338, 340, 344
 - Санкт-Петербургский вестник 74, 307
 - Сахалинский журнал 445
 - Северная пчела 99, 103, 137, 314, 316, 321, 323, 334, 339, 445
 - Северный архив 32, 300, 311, 313, 322, 331
 - Сельское хозяйство и лесоводство 326
 - Сибирский вестник 124, 133, 185, 295, 297, 298, 308, 309, 312, 320, 321, 330, 331, 409
 - Современная летопись Дальнего Востока 258
 - Современник 119, 317, 329, 332, 345
 - Среди коллекционеров 328
 - Старые годы 323
 - Странник 342
 - Сын отечества 99, 315, 317
 - Тверские епархиальные ведомости 322
 - Трутень 72
 - Художественная газета 147, 323, 327
 - Церковно-общественный вестник 324
 - Церковный вестник 322
 - Чтения в обществе истории и древностей российских 293—294
 - Шахматный листок 75
 - Экономический бюллетень 257
 - Юаньдунбао 257
 - Юаньдунбао 282
 - Ярославские губернские ведомости 321
- Русско-китайские отношения 77, 85, 113, 114, 147, 167, 179, 182, 186, 187, 193, 201, 212, 219, 226—229, 234, 237, 252, 255, 260, 261, 267, 270, 285, 293—302, 307, 309, 343, 364, 401, 421, 424, 427, 435, 440, 441, 446, 451, 455, 456
- военные 167, 396, 435
 - дипломатические 9—11, 14, 15, 19, 21, 23, 24, 27, 30, 38, 89, 216, 284, 287, 294, 407
 - китайские посольства в России 24, 33—36, 51, 54, 56, 240, 241, 268, 301, 304, 366, 386, 387, 394, 404
 - перебежчики и пленные 29, 30, 65, 72, 78, 91, 401
 - переговоры 25, 29, 30, 32, 36, 38, 63, 72, 114, 154, 169, 219, 396, 409, 455
 - посольства, поездки и миссии русские 14, 16—21, 23—27, 29, 31, 32, 38—40, 63, 82, 89—91, 124, 149, 168, 169, 239, 246, 294, 296—309, 303, 306, 310, 369—370, 376, 402—404, 407, 424, 434, 442, 450
 - российское посольство в Китае 174, 179, 217, 392, 400
 - этикет 17, 168, 174

- См. также Дипломатические документы
- культурные 147, 306, 436
 - русские врачи в Китае 29, 30, 36, 48, 89, 129, 140, 141, 145, 149, 153—155, 166, 172, 174, 176, 179, 185, 187, 188, 195—197, 239, 292, 302, 303, 323, 324, 328, 329, 331, 334, 360, 361, 369, 377, 378, 448
 - русские художники в Китае 91, 140, 141, 147, 149, 154, 155, 166, 167, 172, 175, 176, 187, 188, 240, 276, 325, 327, 342, 347, 360, 361
 - научные 89, 141, 148, 160, 301, 304, 324, 325, 365, 369, 374, 436
 - См. также Наследие русских китаеведов
 - политические 149, 150, 168, 169, 227, 404
 - торговые 17, 23, 38, 89, 113, 114, 150, 155, 165, 186, 216, 217, 298, 320, 326, 332, 404, 451
 - См. также Торговля китайская, Торговля русско-китайская
 - установление отношений 14, 15, 200, 237, 246, 295
 - экономические 149, 298, 429
- Словари, лексиконы 32, 33, 48, 71, 81, 82, 84, 93, 116, 117, 131, 133, 136, 142, 143, 150, 151, 158, 190, 193, 283, 287, 311, 312, 323, 324, 326, 341, 366, 368, 376, 386, 418, 419, 428, 432
- Байчаха бабо, словарный маньчжуро-русский материал 446
 - биографические 8, 322, 323, 333, 335, 340, 342, 356, 445
 - буддийский терминологический (Махавьютпатти, тибетско-санскритский) 206, 208, 209, 336, 387, 443
 - Вильямса 439
 - военно-энциклопедический 137
 - Ганпиен 33
 - географический 445
 - Джайльса 136
 - западноевропейские 142
 - Каменского 135, 376, 404—406, 414
 - Канси цзюдянь 93, 131, 135, 194, 267, 409, 493
 - Кафарова 237, 238, 287, 455
 - китайские 32, 40, 54, 93, 96, 126, 131, 142, 319, 405, 447, 452
 - китайский географический 137
 - китайских ругательных терминов 389, 448
 - китайско-латинские 54, 65, 95, 135, 188, 416
 - китайско-маньчжурские 376, 399, 445
 - китайско-маньчжуро-русские 40, 135, 136, 419, 444
 - китайско-монголо - маньчжуро - русско-латинские 124, 125
 - китайско-русские 93—95, 108, 112, 144, 150, 162, 172, 173, 176, 178, 184, 188, 198, 200, 208, 211, 226, 324, 334—336, 341, 416, 419, 422—424, 429, 432, 444, 457
 - китайско-французские 143, 323
 - китайской скорописи 444
 - латино-китайские 32, 133, 143, 193, 407, 418, 420
 - Леонтьева 95
 - Леонтьевского 135, 136, 419
 - маньчжурские 83, 96, 312, 399, 409, 417
 - маньчжуро-китайско-русские 133, 196, 197, 286, 407, 416
 - маньчжуро-китайско-русский словарь терминов часового производства 416
 - маньчжуро-монголо - китайский 413
 - маньчжуро - монголо - китайско - русско-латинский 103
 - маньчжуро-русские 78, 79, 95, 145, 150, 188, 211, 219, 220, 226, 286, 322, 336, 337, 339, 348, 377, 398, 399, 432
 - медицинско - русско - китайский 130, 131, 405
 - монголо-русский 315
 - Моррисона 439
 - по естествознанию 439
 - правительственных мест и лиц 173, 174
 - русский биографический 297
 - русский энциклопедический 209
 - русских светских писателей 308
 - русско-дахурский 445
 - русско-китайские 113, 131, 150, 226, 237, 323, 328, 341, 348, 376, 392, 405, 446, 447
 - русско-китайский торговый 172
 - русско-китайского наречия 109
 - русско-маньчжурские 150, 176, 399, 417, 432, 450
 - русско-маньчжуро-китайский 396
 - Русско-солонский 445
 - Сань хэ беньлянь 108, 131, 315, 406
 - Синли цзиньши цзяли 446
 - Та су гой 33
 - технических терминов 148
 - тибетский 144, 446

- тибетско-санскритский 247
- тонический китайско-русский 93, 416, 444, 446
- У фан юань ин 131, 405
- фразеологический 131, 405, 407, 419
- французско - китайско - маньчжурский 193, 419
- Хань-цзы-си-и 135
- Хань-цзы-си-и-бу 135
- Цефу нинь гуи 440
- Цинь вэнь цзянь 59, 60, 135, 136, 305, 413
- Цинь вэнь цзянь яо да цюань 135
- Цинь-хань-вэнь-хай 135
- Цинь-вэнь-бу-хуй 135
- Цинь-вэнь-хуй-ши 135
- Цуньчжиган 446
- Шовэнь 439
- энциклопедические 137, 308, 407, 445
- Эръя 143, 421, 432, 439
- См. также Учебные пособия
- Соседи Китая 133, 171, 212, 213, 226, 272, 294, 394, 403, 409, 410, 424, 426, 437, 449, 450, 457
- Аннам 167, 342
- Бухария 148, 404, 426
- Великая Татария 391, 404, 415
- Дальний Восток 121, 139, 230, 252, 254, 259, 268, 272, 279, 292, 316, 339
- Джунгария (Зенгория, Чжунгария) (1757) * 35, 46, 74, 88, 94, 99, 102, 120, 124, 130, 133, 142, 301, 314, 320, 321, 403, 404, 407
- Западная Азия 179
- Индия 115, 208, 221
- Корея 116, 143, 144, 176, 254—256, 328, 340, 421, 455
- Маньчжурия (1689) * 176, 206, 212—215, 228—230, 234, 242, 248, 252, 255, 260, 261, 279, 283, 335, 341—343, 382, 385, 410, 425, 434, 438—440, 445, 451
- Монголия (1636—1691) * 49, 99—102, 107, 115, 116, 144, 145, 171, 177, 182—184, 206, 213—215, 230, 271, 272, 276, 293—296, 299, 312, 313, 320, 324, 325, 328—331, 337, 340, 342, 347, 357, 376, 386, 402, 404, 405, 409, 410, 423, 427, 434, 437, 448, 450, 452
- ойраты (калмыки, торгоуты) 48, 49, 51, 74, 78, 79, 91, 99, 106, 107, 120, 301, 314, 321, 347, 366, 404, 407, 411, 457
- сибо 448
- Синьцзян (1759) * 154, 163, 167, 187, 219, 242, 273, 440, 448
- Согдиана 437
- солоны 78
- Средняя Азия 102, 105, 107, 115, 117, 120, 121, 123, 139, 212, 213, 227, 241, 250, 274, 315, 316, 319, 410, 443
- Тангутское государство 345
- Тибет (1792) * 34, 88, 94, 98—100, 104, 105, 107, 108, 115, 124, 130, 167, 183, 206, 230, 249, 255, 256, 275, 310, 312—314, 343, 344, 387, 403, 404, 409, 414, 422, 423, 425, 432, 439, 443, 446, 452, 457
- Туркестан 88, 102, 115, 116, 142, 183, 249, 271, 273, 275, 276, 312, 314, 321, 346, 445, 447, 451
- Халха (1691) * 49
- Хухунор 99, 104, 105, 108, 314, 414
- Центральная Азия 34, 99, 107, 121, 139, 179, 438
- Япония 254—256, 279, 283, 302, 344, 345
- См. также Некитайские народности в Китае
- Социальные слои китайского общества 123
 - банкиры 135
 - бедняки 195, 197
 - богдыхан, император 17—19, 24, 25, 29—31, 47, 49, 50, 77, 78, 83, 106, 173, 195, 298—300, 302, 307, 312, 363, 366, 377, 389, 390, 394, 436
 - господствующие классы, знать 67, 122, 142, 162, 169, 195, 407, 440
 - крестьянство, арендаторы 75, 93, 128, 146, 159, 160, 175, 187, 430
 - купцы, продавцы 28, 87, 109, 113, 144, 175, 217, 327, 370, 420
 - ламство 17, 34, 94, 224, 275, 412, 443
 - нищие 175, 429
 - рабочие 175, 429, 434
 - ремесленники, кустари 439
 - семейные старшины 434
 - солдаты 36, 93, 142, 175, 299, 429, 430, 434
 - чиновники (мандарины) 8, 14, 17, 23—25, 29, 32, 33, 36, 65, 86, 89, 113, 146, 148, 154, 155, 167, 169, 175, 182, 191, 206, 241, 300, 301, 305, 316, 390, 406, 407, 420, 425, 426, 429, 434, 450
- Стихийные бедствия
 - голод 90, 135, 429

* Дата захвата этих земель Цинской империей.

- землетрясения 42, 217, 392
- наводнения 42, 135
- пожары 78, 401
- тайфуны 409, 419
- эпидемии 370

Торговля китайская 19, 24, 85, 87, 92, 109, 206, 420

- базары, ярмарки 93, 419
- иностранные товары на китайском рынке 91, 149, 179
- лавки 91, 93, 109, 185
- правила ведения китайской торговли 86, 87, 156, 266, 401
- таможенные сборы, пошлины 173, 432, 435
- торговые объединения (фуцы, фызы) 86, 458
- цены 20, 144, 422

См. также Русско-китайские отношения, Социальные слои китайского общества, Торговля русско-китайская

Торговля русско-китайская 10, 11, 14, 16, 19, 21, 24, 27, 29—32, 38, 39, 83, 85—88, 108, 111, 112, 127, 149, 163—165, 181, 186, 187, 200, 201, 203, 217, 228—229, 241, 242, 261, 278, 296, 298, 301, 305, 309, 315, 320, 326, 347, 367, 370, 386, 401, 406, 407, 425, 427, 429, 442, 448, 449, 455

- караваны 24, 28—34, 38, 48, 62, 63, 65, 66, 82, 181, 184, 186, 187, 301, 303—306, 332, 366—369, 394, 442
- купечество русское 16, 21, 28, 29, 31, 33, 36, 38, 56, 83, 85—88, 96, 109—113, 136, 163, 164, 172, 173, 187, 217, 228, 241, 253, 256, 273, 309, 326, 365, 382, 406, 407, 415, 429
- посредники 16, 21, 164, 217, 294
- таможи и пошлины 31, 66, 72, 86, 109, 110, 113, 127, 149, 316, 407, 415
- товары 415
 - китайские 19, 30, 32, 33, 66, 86, 127
 - русские 25, 28, 32, 33, 90
 - чаоторговля 165, 326, 429, 458
- торговые обороты 20, 85, 127
- торговые фирмы русские, фактория 86, 164, 231, 236, 425

См. также Русско-китайские отношения, Торговля китайская

Учебные заведения с восточным языком 387

- гимназии 242

- Иркутская 131, 148, 202, 203, 382, 387, 403
- Казанская 197—199, 380, 381
- Таганрогская 203
- университеты 9, 10, 140, 141, 192, 288

— Казанский 103, 114, 152—153, 189, 192, 198, 200—202, 204—206, 222, 224, 240, 251, 323, 333, 334, 362, 380, 381, 419, 423

— восточный факультет 114, 192, 193, 195—201, 224, 225, 333, 334, 381, 383, 417

— Московский 123, 186, 231, 319, 386, 403

— Санкт-Петербургский, Петербургский, ЛГУ 103, 114, 134, 157, 190, 191, 202, 204, 211, 212, 214, 217, 219, 224—226, 237, 238, 240, 241, 251, 260, 282, 283, 289, 292, 321, 336—339, 344, 346, 347, 379, 381, 384, 415, 438

— восточный факультет 8, 114, 191, 192, 198, 200—204, 206, 207, 211, 212, 214—216, 231, 234—237, 239—242, 247, 248, 251—254, 259—268, 271, 272, 274, 280, 282—284, 288, 292, 332, 333, 337, 339, 343, 345, 346, 362, 381—383, 385, 455

Харьковский 203

— училища

— Кяхтинское торговое 380

— Кяхтинское китайского языка (школа) 96, 108—115, 242, 316, 356, 362, 379, 380

— Николаевское кавалерийское 282

— Петровское коммерческое 241, 354, 387

— Ршелевский лицей 157, 201, 203

— Санкт-Петербургское коммерческое 138

— Учебное заведение в Иркутске (проект) 185

— Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД 141, 201—203, 215, 216, 245, 248, 376, 378

— Училище восточных языков в Казани 380

— Училище китайского языка при Российской духов-

- ной миссии в Пекине (проект) 380
- школы 9, 88, 188, 257, 264, 284, 302, 343, 376, 385
 - Владивостокская 258
 - Владыкина 80, 81, 111
 - военно-гражданская 90
 - Годунова 22
 - Иркутская монгольского языка 39, 41
 - Коллегии иностранных дел 80, 189, 376
 - Кульджинская школа переводчиков 241—245, 362, 380
 - Кяхтинская китайская см. училища
 - Кяхтинская монгольская 96, 342
 - Леонтьева 69—71, 77, 91, 111
 - Россохина 43, 44, 46, 47, 64, 111, 363
 - русского языка при Лифаньюане 37, 42, 62, 63, 82, 84, 135, 145, 173, 183, 303, 305, 419
 - русско-китайская школа коммерческих знаний 281
 - русско-китайская школа при КВЖД 282
 - ургинская 242, 243, 245, 253, 342, 362, 380
 - Чжоу Гэ 55—57, 60, 111, 365
 - японского языка 90
- См. также Учебные пособия, Учителя
- Учебные пособия 42, 45, 58, 70, 80—83, 90, 93, 99, 103, 104, 112—114, 135, 143, 157, 173, 183, 189, 191, 194, 197, 211, 224—226, 255, 258, 261, 264, 269, 284, 288, 334, 348, 419
- буквари
 - китайский Дзе-луй 203
 - маньчжурский 47, 71, 81, 132, 321, 398, 433
 - вокабулы 33, 46, 48, 57, 58, 65, 70, 71, 80
 - грамматики 65, 119, 129, 143, 264, 282
 - западноевропейские китайского языка 114, 143
 - китайского языка 52, 54, 71, 96, 104, 108, 110—115, 143, 144, 150, 172, 193, 194, 196, 220, 225, 255, 265, 267, 316, 317, 328, 343, 344, 422, 433, 444, 445
 - маньчжурского языка 81, 83, 143, 145, 150, 196, 220, 226, 266, 339, 398, 419, 444, 448, 452
 - тибетского языка 143, 206, 322, 422
 - Хань-вэнь-ци-мэн 316
 - программы, планы 95, 96, 111, 113, 190, 207, 217, 220, 221, 225, 226, 235, 242, 258, 259, 261—264, 266—268, 338, 382, 383, 445
 - разговорники, разговорные тексты 42, 44, 46—48, 63, 70, 71, 77, 79, 81, 112, 113, 131, 241, 344, 393, 395, 396, 405
 - учебники, руководства 82, 284
 - китайского языка 44, 303
 - Маньхэ юйлу 196
 - маньчжурского языка 44, 81, 83, 255, 344, 398
 - Практическое руководство к изучению мандаринского наречия по системе Т. Ф. Вэда 218, 261, 262, 344
 - Хуаюй гуцзи дубэнь 283, 348
 - Цин вэнь цимын 196, 197, 218, 220, 419, 442, 446
 - Цин вэнь чжияо 419
 - хрестоматии 342
 - китайские 194, 197, 211, 220, 224—226, 241, 255, 333, 337, 339, 345, 418, 421
 - тибетские 206, 444
 - маньчжурские 220, 235, 338, 341, 446
- См. также Словари
- Учителя (сяньшэнь) 80—85, 94, 110, 135, 142, 158, 183, 244, 254, 259, 263, 267, 292, 305, 382, 393, 422, 428
- китайские 41, 42, 56, 59, 93, 134, 142, 148, 183, 206, 241, 244, 245, 262, 265, 322, 422
 - маньчжурские 41, 42, 82, 134, 183, 206, 244, 245, 262, 322
 - монгольские 134, 245
 - Русские в китайской школе 42
 - тибетские 94, 142
- Учреждения российские духовные
- Академии духовные 92, 380
 - Казанская 90, 94, 96, 119, 172, 312, 315, 378, 416
 - Киевская 76
 - Санкт-Петербургская 118, 143, 144, 151, 152, 155, 156, 172, 173, 218, 237, 308, 322, 325, 373, 404
 - Александро-Невская лавра 90, 97, 98, 101, 109, 120, 138, 145
 - Воскресенская церковь в Петербурге 309
 - Монастыри 62

- Валаамский 97—99, 312, 313
- Иркутский Вознесенский 39, 41, 90
- Казанский Иоанновский 90
- Спасский 303
- Тобольский 90
- Успенский при Российской духовной миссии в Пекине 413
- Петербургская духовная консистория 97
- Семинарии духовные
 - Александро-Невская 193
 - Вологодская 166, 236
 - Воронежская 144, 218
 - Иркутская 90, 131, 321, 403—405, 466
 - Казанская 90, 132, 151, 309, 310
 - Киевская 195
 - Курская 237
 - Московская 70
 - Новгородская 70, 144
 - Пензенская 193
 - Санкт-Петербургская 70, 175, 375, 404
 - Саратовская 172, 175
 - Тверская 143
 - Тобольская 77
 - Троице-Сергиевская 79, 308
 - Черниговская 174
- Синод 40, 56, 61, 62, 70, 71, 84, 95, 97, 141, 176, 178, 305, 309, 311, 366, 367, 370, 371, 424
- Учреждения российские разные 10, 253
 - Азиатский департамент 97, 98, 101, 108—112, 114, 116, 118, 119, 124, 127, 130—132, 136, 138, 140—144, 148—150, 154—156, 162, 165, 166, 170, 172—174, 184, 186, 188, 190, 196, 207, 217—219, 237, 241, 248, 285, 325, 328, 333, 335, 337, 362, 373—375, 377—379, 382, 386, 403, 406, 421, 427, 453
 - Азиатский комитет 110
 - Амурский комитет 427
 - Военное ведомство 258, 343
 - Генеральный штаб 141, 257, 258, 338
 - Главный магистрат 386
 - Государственная военная коллегия 60
 - Государственная Дума 257
 - Государственный совет 87, 191, 280
 - Департамент внешней торговли 110, 113
 - Департамент сельского хозяйства 160, 161, 431
 - Кабинет двора 47, 75
 - Кавказский комитет 202, 335
 - Книжная палата 43
 - Коллегия иностранных дел 32, 33, 35, 39—41, 43, 50, 51, 56—58, 60, 61, 64, 66, 67, 69—72, 76, 78—84, 91, 103, 126, 189, 190, 200, 285, 286, 298, 307, 311, 320, 321, 332, 362, 365, 366, 370, 375, 376, 400, 404
 - Комитет по устройству учебных заведений 190, 191
 - Коммерц-коллегия 300
 - Коммерческий банк 377
 - Министерства
 - внутренних дел 166, 200, 201, 216, 274
 - военное 274
 - государственных имуществ 201
 - императорского двора 274
 - иностранных дел 103, 109, 110, 126, 141, 173, 174, 179, 181, 202, 204, 215, 241—243, 245, 260, 274, 280, 330, 335, 337, 386
 - народного просвещения 102, 163, 202, 203, 214, 215, 253, 254, 262, 263, 274, 316, 335, 337, 343, 345, 372, 374, 379, 382
 - торговли и промышленности 278, 347
 - финансов 110, 201, 216, 253, 274, 279, 282, 347, 385
 - Морское ведомство 252, 253
 - Московская купеческая управа 429
 - Отделение собственной ЕИВ канцелярии
 - третье 207
 - четвертое 138
 - Посольский приказ 17, 21, 24, 25, 29
 - Российская экспортная палата 342
 - Российско-американская компания в Кантоне 138, 387, 406, 407
 - Русско-китайский банк 240, 252, 278, 282, 455
 - Санкт-Петербургское купеческое общество 241, 387
 - Сенат 37, 39, 50, 51, 56, 63, 64, 67, 68, 70, 183, 203, 219, 366—368, 370, 375, 406, 407
 - Сибирский приказ 296, 299, 366, 368, 386
 - Совет министров 211
 - Троицко-Савская пограничная канцелярия 371

Экономика Китая 7, 47, 66, 106, 123, 163, 188, 234, 257, 259, 271, 281, 285, 287, 355, 394, 414, 428, 430, 440
 — денежная система 104, 108, 147, 167, 235, 328, 390, 411, 428, 429, 434
 — заклады и займы 159, 430
 — колонизация и эмиграция 135, 272, 281, 425, 427, 441
 — меры и весы 49, 104, 328, 391, 396, 413, 414, 419
 — найм (домов) 159, 430
 — налоги, подати 42, 43, 47, 159, 173, 391, 392, 396, 397, 408, 430, 458
 — нищета 119
 — народнохозяйственная 128
 — ремесло и промышленность 48, 128, 206, 430
 — кустарная промышленность 48, 66, 91, 96, 161, 172, 185, 428, 430
 — литейное дело, рудники, разработки 157, 332, 367, 425, 430, 433, 434, 448
 — пиротехника 43, 47, 304, 392
 — соляное производство 327
 — технология 91, 159, 161, 172, 325, 430
 — «художества» 34, 87, 96, 128, 367, 386, 458
 — фарфор 15, 48, 63, 66, 172, 369, 430
 — часы 416
 — сельское хозяйство 118, 119, 128, 159, 160, 164, 187, 318, 326, 425, 428, 429, 432
 — домашние животные 430
 — землевладение 344, 430, 432
 — земледелие 66, 75, 87, 116, 118, 119, 128, 318, 323, 344, 429, 431
 — земледельческие орудия 15, 118, 159, 160, 318, 430
 — Садоводство и цветоводство 166, 412, 428, 430
 — сельскохозяйственные культуры 159, 160, 185, 429, 431
 — чаеводство 75, 116, 146, 308, 323, 328, 429, 430, 435, 450
 — шелководство 49, 66, 75, 119, 160, 172, 304, 308, 325, 326, 430, 431
 — статистика 106, 115, 116, 128, 138, 206, 209, 313, 317, 322, 398, 402, 409, 421
 См. также Государство в Китае, Русско-китайские отношения, Торговля китайская, Торговля русско-китайская

Этнография 31, 134, 160, 161, 171, 174, 187, 248, 254, 271, 272, 274, 280, 281, 284, 375, 450
 — альбомы и рисунки этнографические 147, 185
 — быт и нравы 11, 20, 27, 28, 43, 44, 48, 66, 115, 122, 146—148, 159, 173, 185, 187, 242, 279, 317, 323, 325, 327, 394, 401, 413, 421, 426—428, 430, 439, 452
 — игры 439
 — азартные 92
 шахматы китайские 75, 308
 — кухня китайская 165, 326, 401, 430
 — обычай и обряды 44, 62, 115, 118, 122, 146, 159, 161, 172, 196, 221, 233, 241, 317, 318, 327, 328, 367, 413, 429, 431, 432, 436, 437
 — буддийские 152, 172
 — гадания и заклинания 172, 175, 411, 430, 433, 435—437, 443, 452
 — жертвоприношения 145, 413, 420, 423, 457
 — земледельческие 409, 413
 — конфуцианские 44, 48, 116, 328, 393, 413
 — культ предков 233
 — похоронные 161, 429, 434
 — при рождении 429
 — свадебные 143, 161, 172, 429, 434
 — одежда китайская 93, 147, 161, 312, 313, 331, 413, 415, 430, 439, 451
 — одевание богдыхана 174, 449
 — праздники нового года 173, 429
 См. также Идеология Китая

Язык и письменность

— арабский 24, 190, 333
 — дахурский 235, 341, 445
 — калмыцкий 23, 189
 — китайский (гоюй) 8—10, 14, 20, 24, 27, 32, 36, 40—46, 48—50, 52, 54, 56, 58—60, 62—66, 69—71, 77, 80, 81, 83, 84, 86, 88, 90, 92—98, 100—103, 108—115, 118, 121—124, 126, 128—138, 140—145, 148, 150—153, 155—159, 165—167, 171—174, 176, 177, 179, 180, 183—185, 187—198, 200—204, 206—208, 210, 214, 215, 217—219, 221, 222, 231, 233, 234, 239—245, 247, 249—269, 282—286, 289, 292, 305, 309—311, 321, 323, 324, 333, 334, 338, 340—345, 348, 362—366, 368—372, 375—377, 380, 381, 383—

- 387, 391, 393, 395, 397, 398,
400—403, 405, 406, 409—412,
414, 416, 418—423, 425, 432—
435, 439—442, 444—446, 448—
450, 452, 453, 457—459
- иероглифы 45, 54, 64, 71, 80,
81, 93, 94, 103, 110, 117, 118,
122, 124, 136, 155, 165, 184,
194, 196, 208, 211, 220, 225,
230, 231, 261, 286, 303, 304,
314, 321, 334, 335, 337, 341,
392, 428, 444, 446, 447, 457
 - каллиграфия 197, 241, 265
 - наречия
 - лекинское 343
 - пиджин инглиш 316
 - разговорный язык выс-
шего сословия 447
 - русско-китайское 109, 316
южные 444
 - транскрипция 43, 45, 47, 50,
51, 137, 194, 303, 391, 422, 444
 - фонетика 45, 137, 193, 194,
224, 262, 266, 345, 391, 421
 - корейский 224, 250, 252, 254, 264
 - латинский 21, 24, 32, 36, 38, 40,
45, 54, 56, 57, 64, 65, 70, 92, 93,
105, 134, 188, 295, 368, 371, 376,
405
 - маньчжурский 8—10, 14, 20, 24,
27, 36, 40—49, 51, 54, 56—60,
62—66, 69—71, 74, 77—81, 83,
84, 88, 90, 92, 95—97, 101, 108,
114, 118, 123, 124, 126—136, 140—
144, 150—152, 155—157, 171, 183,
185, 187—192, 195—198, 200—
204, 206, 207, 210, 211, 214, 215,
218, 219, 222, 224, 234, 235, 242—
245, 247, 251, 252, 254, 255, 263,
264, 266, 285, 286, 292, 298, 305,
306, 308—310, 314, 320—322, 333,
338, 339, 342, 362—366, 368, 370,
371, 375—377, 381—385, 387,
389—391, 393—395, 397—406,
416, 419, 421, 422, 425, 426,
432, 433, 440, 441, 444—446,
448, 450, 452, 453, 457
 - монгольский 20—22, 29, 54, 71,
90, 92, 96, 108, 118, 129, 131,
133, 134, 143, 144, 151, 152, 189,
190, 205, 206, 214, 215, 222, 235,
241—245, 252, 254, 264, 275, 285,
286, 309, 376, 381, 387, 443—445
 - обучение восточным языкам 38,
44, 45, 57, 60, 64, 70, 79, 80, 82—
85, 93, 95, 96, 111, 126, 130, 141,
143, 150, 184, 188, 193, 196, 203,
242, 254, 265, 267, 333, 335, 343,
380, 386, 419, 421
 - персидский 80, 190, 282
 - санскрит 54, 128, 204, 206, 214,
235, 381
 - сибо 228
 - солонский 228, 235, 341, 445
 - тангутский 345
 - татарский 23, 80, 96, 204, 205,
441
 - тибетский (тангуцкий) 21, 22,
54, 103, 118, 128, 143, 144, 153,
187, 190, 191, 204, 206, 208, 222,
224, 235, 254, 265, 322, 324, 381,
422—423, 443, 444, 446
 - турецкий 24, 80, 190, 282, 456
 - узбекский 264
 - уйгурский 244, 249, 441, 456
 - японский 61, 90, 190, 199, 224,
252, 254, 257, 264, 282, 411, 444,
449, 453
- См. также Словари, Учебные посо-
бия

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
От автора	7
<i>Глава I.</i> Установление дипломатических и торговых отношений России с империей Цин и зарождение русского китаеведения	14
<i>Глава II.</i> Становление научного китаеведения в России	28
<i>Глава III.</i> «Бичуринский период» отечественной синологии	89
<i>Глава IV.</i> От миссии к университетам	140
<i>Глава V.</i> В. П. Васильев и формирование национальной китаеведческой школы	189
<i>Глава VI.</i> На рубеже веков	252
Заключение	285
Примечания	292
Приложения	351
Приложение 1. Анкета и письмо П. Е. Скачкова (публикация А. М. Гришиной)	353
Приложение 2. Список личного состава Российской духовной миссии в Пекине	358
Приложение 3. Использованные официальные архивные материалы	362
Приложение 4. Рукописное наследие русских китаеведов	388
Сокращения	460
Указатель имен	461
Предметный указатель	487

Петр Емельянович Скачков

*Очерки
истории
русского
китаеведения*

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

*Редакторы О. Л. Горбунова,
И. К. Шатуновская
Младший редактор Р. Г. Селиванова
Художник В. Н. Тихунов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор Э. С. Теплякова
Корректоры Л. И. Письман
и Р. Ш. Чемерис*

*Сдано в набор 28.X. 1975 г.
Подписано к печати 19.XI. 1976 г.
А-08200 Формат 60 × 90^{1/16} Бум. № 1.
Печ. л. 31,75 + 0,25 п. л. наклада
Уч.-изд. л. 33,8. Тираж 2900 экз.
Изд. № 1345. Зак. 561. Цена 4 р. 11 к.*

*Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова 12/1.
3-я типография издательства «Наука»
Москва, Б-143, Открытое шоссе, 28
Отпечатано во 2-й типографии издательства
«Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10. Заказ 1517*

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Вышли:

В. Г. Буров. Мировоззрение китайского мыслителя XVII века Ван Чуань-шаня. 12,5 л.

Н. П. Клименко. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. 22 л.

Китай: традиции и современность. Сборник статей. 22 л.

В. Ф. Феоктистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюань-цзы. Исследование и перевод. 17 л.

Карта Нерчинского уезда в конце XVII в. Из атласа С. У. Ремезова (1701 г.)